Н.Н.Коринный

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ

X – первая половина XIII века

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Н.Н.Коринный

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ

X – первая половина XIII века

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1992

ББК 63.3.(2)41
К66

Коринный Н. Н.

К66 Переяславская земля, X — первая половина XIII века, АН Украины. Ин-т истории Украины: Отв. ред. Ф. П. Шевченко.— Киев: Наук. думка, 1992.— 312 с.

ISBN 5-12-000663-9 (в пер.): 6 р., 3 000 экз.

В книге освещаются вопросы социально-экономического, политического и культурного развития Переяславской земли — одной из крупных феодальных областей Древней Руси. Значительное место отведено проблеме становления и развития государственной территории княжества, рассмотрению временных держаний переяславских князей, хозяйственной жизни, торгово-экономических связей, материальной и духовной культур. Подробно описаны борьба переяславцев с кочевниками, оборонительная система княжества, его города, демографические процессы. В книге содержатся таблица локализаций древнерусской географической номенклатуры Днепровского Левобережья, иллюстрации, карты.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов, работников музеев, краеведов.

К $\frac{0503020200\text{-}022}{M221(04)\text{-}92}$ Б3-13-6-91

ББК 63.3(2)41

Утверждено к печати ученым советом Института истории Украины АН Украины

Редакция литературы по истории и археологии

Редакторы *Н. С. Шафета, Л. В. Лазаренко*

Научное издание

КОРИННЫЙ Николай Николаевич

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ
X — первая половина XIII века

Оформление художника И. В. КОЗИЯ
Художественный редактор С. П. КВИТКА
Технические редакторы Г. М. КОВАЛЕВА, Т. С. БЕРЕЗЯК
Корректоры С. И. КРИМЕЦ, Л. В. МАЛЮТА, Л. Г. БУЗИАШВИЛИ

ИБ № 9923

Сдано в набор 03.06.91. Подп. в печ. 13.11.91. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл.-печ. л. 25,35. Усл.-кр. отт. 25,35. Уч.-изд. л. 27,25. Тираж 3000 экз. Заказ № 1—2024.

Издательство «Наукова думка», 252601 Киев 4, ул. Репина, 3

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057 Киев, ул. Довженко, 3 в Киевской книжной типографии научной книги. 252601, Киев-4, ул. Репина, 4. Зак. 2-148.

ISBN 5-12-000663-9

© Н. Н. Коринный, 1992

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных задач историков, разрабатывающих проблемы средневековой отечественной истории, является всестороннее изучение с позиций исторической правды основных закономерностей становления и развития в Восточной Европе государства Русь — крупнейшей полиэтничной державы средневековья [1]. Без знания этого отдаленного многовекового периода нашей истории нельзя понять общие тенденции в последующей социально-экономической, политической и культурной эволюции сложившихся в XII—XIV вв. на основе древнерусской исторической общности русского, украинского и белорусского народов, других братских народов нашей страны.

В послевоенное время историки, археологи, языковеды, этнографы, историки культуры пришли к выводу, что все процессы и явления древнерусской жизни можно проанализировать и глубоко изучить лишь по регионам — землям-княжениям [2]. Такое исследование дает возможность не только выявить и конкретизировать на качественно новом уровне специфические особенности развития отдельных территорий, но и проследить общие закономерности, характеризующие Древнерусское государство * в целом. Обобщение материалов региональных исследований сделает возможной объективную реконструкцию конкретно-исторического процесса развития древнерусского феодального общества IX — первой половины XIII в. в его локальном и историческом своеобразии.

Ныне, когда историками и археологами созданы труды, посвященные Киевской, Новгородской, Ростово-Суздальской, Рязанской, Полоцкой, Смоленской, Галицко-Волынской, Туровской, Вятичской и другим землям-княжениям [3], решение этой задачи фактически задерживается отсутствием исследования, посвященного Переяславской земле. Ее истории в прошлом касались некоторые ученые дореволюционного периода, чьи труды, хотя и не утратили значения, но во многом устарели. Советские же историки осветили лишь отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. Внимание ученых преимущественно привлекала политическая история Переяславского княжества. Вопросы происхождения, территориального, экономического, культурного и этнического развития края, места и роли его в системе древнерусских земель-княжений XI—XIII вв. еще не стали предметом специального исследования.

Такое положение сложилось вследствие укоренившейся в отечественной историографии негативной тенденции, согласно которой история Переяславского княжества рассматривалась как дополнение («привесок», «прищепка») к истории Киевской земли [4], а ее роль

---

* Следует отметить, что термины «Древнерусское государство», «Древияя Русь», «Киевское государство», «Киевская Русь» кабинетного происхождеиия. Источники содержат лишь термин «Русь».

ГЛАВА I

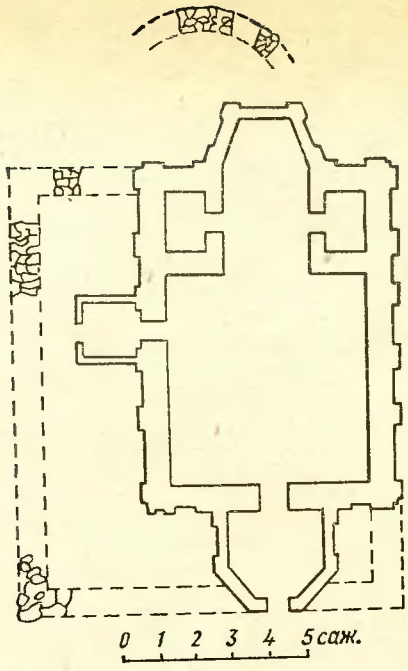
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Историография. История Переяславской земли издавна привлекала внимание исследователей. В трудах русских историков XVIII — начала XIX в. В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. С. Арцыбашева, Н. М. Карамзина и др. освещались события древнерусской жизни периода феодальной раздробленности, в том числе некоторые проблемы и Переяславской земли X—XIII вв.[1] Однако ученые не смогли научно обосновать причины выделения данной волости в отдельную административно-политическую единицу Древнерусского государства. Переяславские сюжеты в их трудах отражены фрагментарно и поверхностно согласно последовательности событий, изложенных в летописных сводах. Описаны главным образом политические взаимоотношения Рюриковичей, в центре которых находятся деяния князей и бояр; в ряде случаев определены на карте места исторических событий X—XIII вв. или сделаны попытки локализовать отдельные древнерусские топонимы.

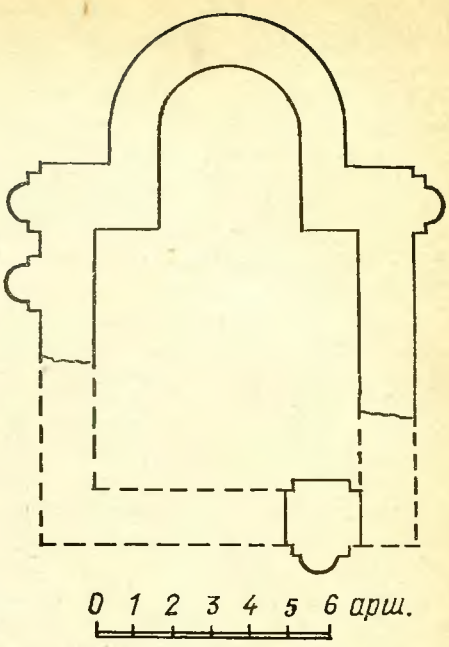
Рассматривая раздробленность вне связи с общим процессом социально-экономического развития Руси, историки конца XVIII — начала XIX в. не вскрыли объективные и субъективные причины ее дробления, а также закономерности общественного развития в тот период. «Хаос и анархия» господствовала на Руси в XI — XIV вв., констатировали они, как и то, что «битвы... удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума»[2]. Такое состояние изучения древнерусской проблематики в России конца XVIII — начала XIX в. было закономерным явлением, если учитывать уровень науки того времени, источниковую, методическую и методологическую оснащенность исследователей, сформировавшихся в эпоху Просветительства.

Вместе с тем следует отметить, что ученые конца XVIII — начала XIX в., положившие начало исследованиям истории Киевской Руси, заслужили признательность у своих последователей за то, что первыми собрали, систематизировали, сличили и частично опубликовали бесценные памятники древнерусского летописания, художественной и агиографической литературы, права. Глубоко осмыслить их содержание предстояло последующим поколениям историков, литературоведов и текстологов.

Несмотря на обилие памятников древности на Днепровском Левобережье (множества курганов, оборонительных сооружений, остатков разрушенных храмов и др.), наличие письменных известий о переяславских событиях в древнерусских и украинских (Густинских) летописях, на Украине, где в конце XVIII — начале XIX в. особенно остро ощущалась нехватка научных кадров, обращение историков, археологов, любителей местной старины к историческому прошлому Переяславщины также не носило систематического и целенаправленного характера. Это были преимуществен-



Чертеж раскопок Михайловского собора А. С. Анненкова. 1840 г.



План одноапсидного храма XII в. Раскопки П. А. Лашкарева. 1888 г.

но эпизодические исследования, проводимые отдельными энтузиастами на свои средства, результаты которых лишь в отдельных случаях были опубликованы.

Так, в 20-х годах XIX в. студент Харьковского университета А. И. Левшин (в будущем видный государственным деятель России), путешествуя по Переяславщине, по своей инициативе собрал и записал интересные предания о происхождении населенных пунктов уезда, в том числе Переяслава. Путевые заметки и наблюдения он опубликовал в известных «Письмах из Малороссии» [3].

В 1840 г. курско-орловский помещик А. С. Анненков, сосланный «по высочайшему повелению» в Киев за жестокое обращение с крепостными и занимавшийся здесь раскопками древних киевских сооружений, провел на собственные средства первые археологические исследования в Переяславе. Он раскопал значительную часть фундаментов Михайловского храма XI в. и составил обмерный чертеж открытой постройки (хранится в отделе рукописей ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины) [4]. Однако его инициатива по исследованию остатков выдающегося памятника древнерусской архитектуры не была поддержана местными властями. После этого в течение 100 лет археологические исследования города фактически не предпринимались. Исключение составляет случайно обнаруженная при строительстве современного Успенского храма небольшая однонефная часовенка, изученная в 1888 г. профессором Киевской духовной академии П. А. Лашкаревым [5].

Положение с изучением древнерусской проблематики, в частности истории Переяславского княжества, изменяется к лучшему в первой половине XIX в., с расширением на Украине сети высших учебных заведений, а именно открытием Харьковского (1805) и Киевского (1834) университетов, Ришельевского лицея в Одессе (1816), гимназии высших наук в Нежине (1820) и др., выдвинувших из своей среды плеяду выдающихся ученых-историков, археологов, славистов, языковедов (М. Т. Каченовского, М. А. Мак-

симовича, И. И. Срезневского, Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновича и др.), а также с увеличением публикации источников и исследовательских работ по истории Киевской Руси Археографической комиссией при Министерстве народного просвещения (создана в Петербурге в 1834 г.) и особенно Обществом истории и древностей российских при Московском университете (учреждено в 1804 г.), способствовавших разработке многих важных проблем древнерусской истории, истории украинского народа. Значительный импульс активизации научных исследований по южнорусской проблематике дали прежде всего публикации массовыми тиражами древнейших летописных сводов — Лаврентьевского и Ипатского (соответственно в 1846 и 1841 гг.).

Первые научные статьи по истории Переяславской земли в 50-х годах XIX в. опубликовал М. А. Максимович — видный украинский природовед, филолог, историк и археолог, первый ректор Киевского университета. Выпускник Московского университета, он поддерживал тесные научные контакты с М. П. Погодиным, О. М. Бодянским, другими историками, деятелями науки и культуры России, являлся членом многих научных обществ. Уроженец Золотоношского уезда Полтавской губернии, М. А. Максимович внимательнейшим образом изучал прошлое своего края: исследовал историю возникновения города на Трубеже, его оборонное зодчество, историю переяславской епархии, заселенность средневековой Переяславщины и т. д.[6]

В статьях М. А. Максимовича, как и в трудах других ученых того времени, допускались определенные ошибки, неточности (например, он считал, что русская митрополия до 1034 г. находилась в Переяславе и т. п.), но в целом разносторонняя исследовательская деятельность ученого пробудила у студенческой молодежи живой интерес к южнорусской истории. Концепции М. А. Максимовича поддержали и развили в дальнейшем выпускники Киевского университета В. Б. Антонович, М. С. Грушевский, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, В. Г. Ляскоронский и др.

С 50-х годов XIX в. начинается систематическое изучение истории Переяславской земли. Исследования той поры имели преимущественно историко-географический характер. Дело в том, что полнейшая неизученность древнерусской географической номенклатуры во многом сдерживала конкретно-исторические исследования общественно-политической жизни княжества. Неотложно требовалось осуществление научных локализаций населенных пунктов, рек и урочищ Переяславской земли.

Первая работа по локализации городов Переяславской волости древнерусского времени была осуществлена профессором (впоследствии ректором) Киевского университета К. А. Неволиным в 1844 г. В дальнейшем ее продолжил М. П. Погодин, которому в южнорусских этюдах удачно оппонировал М. А. Максимович. В исследовании историк опирался также на наблюдения Н. М. Карамзина, Н. С. Арцыбашева, практическую помощь председателя отдела этнографии Русского географического общества Н. И. Надеждина и К. А. Неволина. Для ретроспективного анализа историко-географических объектов М. П. Погодин широко привлекал, кроме письменных источников, картографические материалы — Специальной (западной части) и Подробной (так называемой Столистой) карт России[7].

В «Древней русской истории до монгольского ига» (т. 1) М. П. Погодин впервые изложил политическую историю Переяславского княжества[8]. Небольшой очерк являлся фактически пересказом переяславских сюжетов из древнерусской летописи. Тем не менее он продолжительное время служил единственным справочным материалом для исследователей Переяславской земли.

Из историко-географических произведений первой половины XIX в. заслуживают особого внимания для нашей работы исследования З. Д. Хо-

М. А. Максимович

Д. Я. Самоквасов

даковского, В. Б. Пассека, А. Ф. Шафонского, содержащие интересные материалы по топографии населенных пунктов, путям сообщения, границам Южной Руси, в том числе Переяславской земли, а также исторические атласы И. И. Ахматова и Н. И. Павлищева, в которых помещены первые картографические изображения Переяславского княжества [9].

Процесс накопления и осмысления исторической наукой фактов древнерусской общественной жизни, освоения разнообразных источников, географической номенклатуры дал свои результаты. Во второй половине XIX в. публикуются археологические и историко-географические труды, исследуются экономика, торговля, денежное обращение, общественный строй Руси, древнерусское право, история церкви, что положительным образом повлияло на качество работ по истории Переяславской земли, приобретавших постепенно комплексный характер.

Среди исследований по исторической географии Переяславской земли следует назвать произведения Н. П. Барсова. В 1865 г. он опубликовал «Географический словарь Русской земли (IX—XIV вв.)». Основной свой труд «Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторевой) летописи», вышедший первым изданием в 1873 г., переизданный в дополненном и исправленном виде в 1885 г., Н. П. Барсов посвятил историко-географическому описанию древнерусских земель-княжений, в том числе Переяславской земли, ее границ. Привлекая данные топонимики, он определил местоположение населенных пунктов, упоминаемых в летописи.

В рассматриваемый период изданы труды П. В. Голубовского, Д. И. Багалея, других ученых по истории Северской земли (к которой ошибочно причислялась и Переяславщина), а также кочевников Южной Руси, содержавшие отдельные очерки по истории Переяславской земли [10]. Однако им присуща эскизность, незавершенность и краеведческая направленность.

В 50—80-х годах XIX в., в последую-

Древнерусский могильник в урочище Ярмарковщина. Переяслав-Хмельницкий

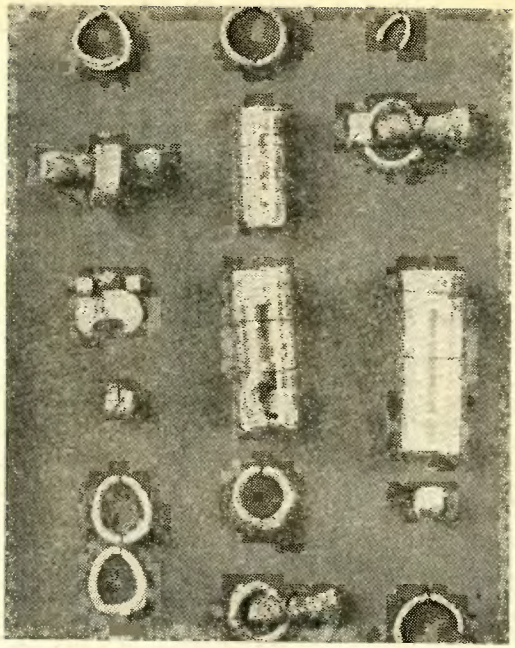
щий период в связи с интенсивной разработкой истории русской православной церкви предпринимались попытки изучения древнерусского прошлого переяславской епископии. Особо пристальный интерес у исследователей вызывали проблемы местонахождения резиденции русского митрополита после 988 г. и строительной деятельности переяславского митрополита Ефрема. Наибольшие авторитеты среди историков церкви того времени Филарет и Е. Е. Голубинский отстаивали в первом случае переяславский тезис. В 1885 г. их мнение, однако, было подвергнуто сомнению после публикации в «Киевской старине» материала П. Г. Лебединцева, приведшего неопровержимые доказательства того, что Киев с самого основания русской митрополии был местом пребывания высшего церковного иерарха [11].

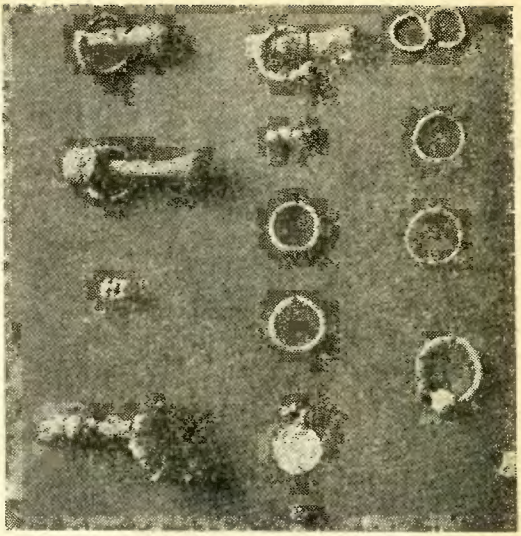
Со второй половины XIX в. началось систематическое археологическое изучение Днепровского Левобережья. Его вели известные исследователи Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Бранденбург, Т. В. Кибальчич, В. А. Городцов, Н. Е. Макаренко, В. Г. Ляскоронский и др.

Заслугой Д. Я. Самоквасова следует считать разработку принципов датировки и классификации славянских и древнерусских древностей. В частности он исследовал множество памятников в Посеймье, Полтавской и Харьковской губерниях. Ученый внес значительный вклад в изучение переяславских курганных могильников, сгруппированных, согласно его описанию, преимущественно в четырех пунктах: «1) в урочище Альтецком, у кладбищенской церкви, при выезде из Переяслава на пароходную пристань; 2) на выгоне у городского острога; 3) на выезде из Переяслава на Киев, где ярмарочная площадь у кладбищенской церкви; 4) в урочище Подворах при выезде из Переяслава в г. Пирятин». В каждой из названных групп сохранилось от 20 до 400 курганов. Исследовав в 1877 г. 55 курганных могильников, Д. Я. Самоквасов пришел к выводу, что по устройству и содержащимся в них предметам курганы сходны с захоронениями в окрестностях Чернигова [12]. В 1902 г. изучение переяславских курганных могильников продолжил Н. Е. Бранденбург, а с 1913 г. их исследовал В. М. Щербаковский [13].

В начале XX в. В. Г. Ляскоронский провел обследования древнерусских городищ в бассейнах левых притоков Днепра — Сулы, Псла, Ворсклы и Орели, составив при этом глазомерные планы многих из них [14].

Важный вклад в изучение древнерусских памятников Левобережья внес также Н. Е. Макаренко, открывший и впервые обследовавший памятники роменской культуры в окрестностях г. Ромны. Он вел раскопки главным образом в Полтавской и Харьковской губерниях, в частности исследовал Полтавское, Донецкое, Глинское и многие другие городища, а также Леплявский курганный могильник. Как разносторонний исследователь Н. Е. Макаренко успешно изучал также древнерусскую архитектуру, живопись. В частности большой заслугой ученого перед потомками является исследование фресок Остерской божницы — единственного сохранившегося (правда, лишь частично) памятника





Предметы из переяславского курганного могильника X—XIII вв.

Раскопки В. М. Щербаковского. 1914 г.

переяславской архитектурной школы в с. Старогородка Остерского уезда Черниговской губернии. Он профессионально описал, зарисовал и сфотографировал уникальные настенные росписи Михайловского храма летом 1906 г. Опубликованные Н. Е. Макаренко материалы об остерских фресках представляют большую научную ценность [15].

Таким образом в конце XIX — начале XX в. благодаря трудам археологов, искусствоведов в научный оборот введена группа новых источников, что дало возможность более полно освещать историю и культуру Переяславской земли.

В тот период издано ряд работ Филарета, Д. И. Багалия, Л. В. Падалки, посвященных исследованию некоторых проблем средневекового общества Переяславского княжества в границах современных им Полтавской и Харьковской губерний [16]. Несмотря на известную методологическую ограниченность и реферативность, указанные работы содержат значительный фактический материал, ценные наблюдения и стали важным подспорьем для данного исследования.

К наиболее крупным исследованиям истории Переяславской земли в историографии XIX в. относится монография В. Г. Ляскоронского «История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.» (1-е изд.— 1897, 2-е изд.— 1903), в которой обобщены результаты предшествовавших разработок и использованы известные на то время источники по теме. Книга В. Г. Ляскоронского стала заметным событием в научной жизни России конца XIX в. как первый свод всего написанного по истории Переяславской земли. Вместе с тем она не лишена недостатков, отмеченных еще в дореволюционной научной периодике [17]. Во-первых, историк не смог раскрыть причины политической раздробленности Руси. Во-вторых, он неоправданно широко раздвинул проблемные рамки исследования, вследствие чего данные о Переяславской земле распылились в массе посторонних подробностей. Применяемая им методика исследования часто поражает необоснованностью, а его суждения — крайней противоречивостью. Как следствие, многие важные вопросы темы остались нераскрытыми.

Н. Е. Макаренко

Определенным вкладом в историографию Переяславской земли следует признать краткий по объему, но достаточно емкий по содержанию очерк М. С. Грушевского во втором томе его десятитомной «Історії України-Руси», посвященный юго-восточной области Древней Руси. Изучив разнородные источники и труды своих предшественников по проблеме, ученый разносторонне исследовал Переяславскую волость: формирование территории, границ, внутреннюю и внешнюю политику местных князей, условия колонизации земли. Он определил место Переяслава в древнерусской истории как «прищепки» к старшим столам — киевскому и черниговскому [18]. М. С. Грушевский раскрыл также причины, обусловившие длительные и прочные связи Переяславской земли с Северо-Восточной Русью, кратко осветил памятники литературы и народного эпоса Переяславщины. Положительно оценивая вклад крупного украинского исследователя в разработку истории Переяславской земли и Древней Руси в целом, нельзя не отметить тенденциозность ученого в его воззрениях на этнокультурную принадлежность Руси. Как известно, он рассматривал Древнерусское государство как феномен одного украинско-русского (русинского) народа. Противопоставленная столь же надуманной и тенденциозной концепции великорусского происхождения Руси, разработанной Погодиным—Шахматовым, «теория Грушевского» не имеет под собой научной основы. Она в значительной степени отражает устремления украинского общества начала XX в. к национальной независимости, к созданию самостоятельного государства [19].

Таким образом, немногочисленные дореволюционные труды по истории Переяславской земли содержат немало успешных попыток решения конкретных вопросов. Вместе с тем в этих трудах сущность исследуемых событий раскрыта поверхностно, отсутствует анализ многих общественно-политических явлений древнерусской истории [20].

Благоприятные условия для более углубленного изучения истории Переяславской земли сложились с созданием в 1918 г. на Украине Академии наук, а также Украинского научного общества. В 1921 г. системе АН Украины формируется Археологическая комиссия, преобразованная в 1923 г. в Археологический комитет, а с июня 1924 г.— во Всеукраинский археологический комитет (ВУАК). Начиная с 1925 г. ВУАК приступил к широким исследованиям Днепровского Левобережья, к которым активно привлекалась краеведческая общественность. Научные экспедиции возглавляли известные ученые Д. И. Яворницкий, В. Г. Ляскоронский, Н. Е. Макаренко, а также М. Ренский, С. Магура и др. [21]

В 1924 г. М. С. Грушевский, возвратившийся из эмиграции, возглавил секцию истории Украины исторического отдела АН Украины и развернул бурную научно-исследовательскую и издательскую деятельность. Избранный вскоре после возвращения на Родину академиком АН Украины, он со-

средоточил внимание на завершении подготовки и издания многотомной «Історії української літератури» (т. 1—5 увидели свет в 1923—1927 гг.). В первом томе этого фундаментального труда автор уделил значительное внимание исследованию южнорусского летописания, эпоса, памятников переяславской литературной школы — «Поучения» Владимира Мономаха, «Сказания о Борисе и Глебе» и др.[22]

Сотрудники сектора глубоко изучали историю феодализма, в частности древнерусский период в истории Украины.

Одна из первых работ, вышедших в конце 20-х — начале 30-х годов и посвященных Переяславской земле, написана известным украинским историком-архивистом А. М. Андрияшевым [23]. Имея опыт подобных региональных исследований (в 1887 г. издал «Очерк истории Волынской земли до конца XIV в.»), следуя приемам изучения земельной проблематики русских и украинских историков, ученый осветил историю колонизации Переяславской земли вплоть до начала XVI в. Следует отметить при этом то, что автор, рассматривая историю Переяславской земли в значительном временном интервале, изложил оригинальные взгляды на размещение населения края, путем ретроспективного и сравнительно-исторического методов исследования уточнил местонахождения многих упоминаемых в древнерусских летописях населенных пунктов. Чрезвычайно важным с научной точки зрения является возврат ученого к мнению, высказанному исследователями XVIII—XIX вв. об уличском происхождении населения Переяславской земли.

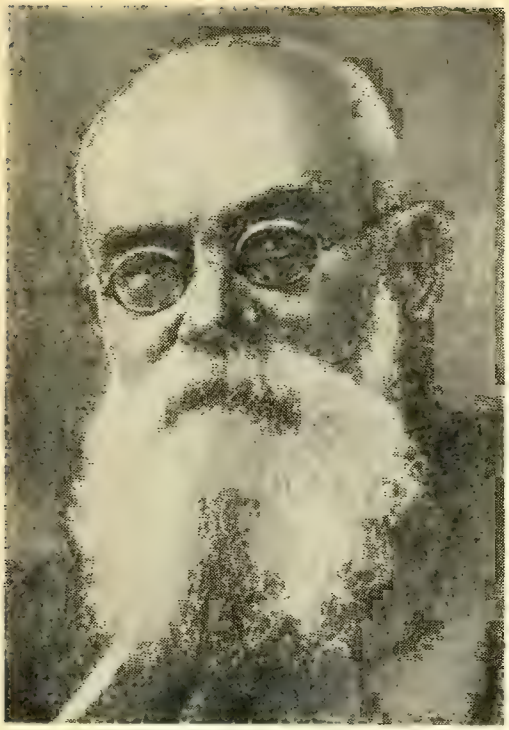
Разностороннюю исследовательскую работу на Украине в 20-х — начале 30-х годов проводил возвратившийся в 1919 г. из Петрограда Н. Е. Макаренко. Свои знания и опыт археолога и художника-искусствоведа он посвятил изучению, охране и пропаганде археологических и архитектурных памятников, памятников монументальной и станковой живописи Украины, в том числе и средневековой Переяславской

В. Г. Ляскоронский

земли. В частности он продолжил исследования и популяризацию Остерской «божницы» и ее уникальных росписей [24]. К сожалению, в середине 30-х годов ученый был незаконно выслан с Украины и репрессирован.

Важным вкладом в историографию Переяславской земли X—XIII вв. стала монография В. В. Мавродина («Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.)».— Л., 1940), в которой наряду с освещением истории Чернигово-Северской земли, дана общая научная реконструкция политической истории Переяславской земли X—XIII вв., а также рассмотрены некоторые вопросы социально-экономического развития края.

Научная разработка вопросов, связанных с феодальной раздробленностью на Руси, усилилась в нашей стране с 50-х годов текущего столетия, чему во многом содействовала дискуссия о периодизации истории нашей страны эпохи феодализма и выход ака-



М. С. Грушевский

демического издания «Очерков истории СССР» [25]. Историки Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, В. В. Мавродин разработали новую концепцию истории Древнерусского государства, в которой расчленение единой Киевской Руси в XII в. было поставлено в прямую связь с развитием феодальных отношений в восточнославянском обществе. Ученые выдвинули научный тезис о закономерности данного процесса, оценили его как исторически прогрессивный [26].

В 60—80-е годы опубликован ряд общеисторических исследований, содержащих материал о Переяславской земле X—XIII вв. Так, в труде А. Н. Насонова кратко освещена роль Переяславского княжества в древнерусской истории [27]. В одном из параграфов многотомного издания «Очерков истории СССР», посвященном политической истории Переяславского княжества, В. В. Мавродин фактически резюмировал материал, изложенный в «Очерках истории Левобережной Украины». Более полно осветил историю Переяславской земли П. П. Толочко в многотомной «Истории Украинской ССР» (т. 1). Наряду с изложением политической истории княжества, автор охарактеризовал его территорию и границы, основные населенные пункты.

Заслуживает внимания содержательная работа М. П. Кучеры, опубликованная в сборнике историко-географических очерков «Древнерусские княжества X—XIII вв.» (М., 1975), в которой введены в научный оборот новые археологические материалы и археологическая (хотя и неполная) карта Переяславского княжества. Привлекая данные археологии, ученый по-своему трактует локализации отдельных населенных пунктов. Очень кратко автор остановился на вопросах социального и этнического развития земли, сосредоточив внимание преимущественно на ее политической истории.

Продолжительное «табу», наложенное на исследования церковной истории Древней Руси, в том числе переяславской епархии, привело к тому, что наибольший вклад в разработку данной проблематики внесли известные зарубежные ученые-медиевисты Л. Мюллер и А. Поппэ. Эти же исследователи внесли значительную лепту в изучение памятников древнерусской литературы, относимых нами к переяславской литературной школе [28].

В одном из новейших трудов, посвященных начальным этапам истории православной церкви на Руси, Я. Н. Щапов всесторонне касается темы переяславской епископии. Обобщив достижения отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме, ученый излагает нетрадиционные взгляды на ключевые вопросы истории переяславской епископии, наводит список ее иерархов [29].

Определенным вкладом в изучение исследуемой проблемы следует считать выход в свет таких коллективных трудов украинских ученых, как «Археология Украинской ССР» (в 3 т.) [30] и «Історія міст і сіл Української РСР» [31] —

В. В. Мавродин

М. К. Каргер

крупнейшего историко-краеведческого исследования. В «Археологии Украинской ССР» (т. 3) рассматриваются в хронологической последовательности локальные группы археологических памятников и культур, которые отражают этнические и исторические процессы, происходившие в эпоху Древней Руси на территории современной Украины, в частности Днепровском Левобережье. Причем особого внимания в этом труде заслуживают археологические очерки Р. А. Юры и М. П. Кучеры о древнерусском периоде в истории городов Переяслава-Хмельницкого и Воиня [32].

В томах «Історії міст і сіл Української РСР», посвященных Полтавской, Черниговской, Сумской, Киевской, Черкасской, Харьковской, Ворошиловградской (ныне Луганской) и Днепропетровской областям, также содержатся интересные материалы, наблюдения по истории населенных пунктов Левобережья со времени их возникновения до наших дней, освещаются важнейшие исторические события эпохи Киевской Руси и феодальной раздробленности.

Немаловажную роль для изучения истории Переяславской земли на качественно новом уровне современной науки имеют археологические исследования территорий, входивших в пределы княжества (современные Киевская, Полтавская, Харьковская, Сумская, Черкасская, Днепропетровская, Курская, Белгородская и др. области). Учитывая скупость летописных известий, достаточно хорошо изученных и интерпретированных, а также сомнительную возможность новых открытий древнерусских письменных источников, деятельность археологов В. В. Седова, М. К. Каргера, Б. А. Рыбакова, С. А. Плетневой, И. И. Ляпушкина, Д. Т. Березовца, В. К. Гончарова, В. И. Довженка, Р. А. Юры, Е. А. Горюнова, И. П. Русановой, Г. Ф. Соловьевой, М. П. Кучеры, Б. А. Шрамко, О. В. Сухобокова, А. П. Моци, Ф. Б. Копылова, Ю. Ю. Моргунова, Е. А. Шинакова, Г. М. Бузян,

М. И. Сикорский

А. Г. Дьяченко, С. П. Юренко и других по исследованию отдельных городов, поселений, могильников, памятников архитектуры и оборонительных сооружений Переяславской, а также сопредельных с ней земель (В. П. Коваленко, Е. М. Веремейчик, А. В. Шекун, М. В. Цыбин, А. Д. Пряхин, С. А. Плетнева и др.) следует расценивать как необходимую и чрезвычайно важную.

Особенно высокой оценки заслуживают труды И. И. Ляпушкина, О. М. Приходнюка, О. В. Сухобокова, С. А. Плетневой, Е. А. Горюнова, А. П. Моци, Ю. Ю. Моргунова, в которых обобщен материал многолетних археологических исследований Днепровского Левобережья, а также работы В. И. Довженка, В. К. Гончарова, Р. Л. Юры, Б. Л. Шрамко, В. А. Богусевича, А. Г. Дьяченко, посвященные городам Воиню, Донцу, Остру [33].

Большое значение в историографии Переяславской земли имеют исследования истории ее стольного града Переяслава. Следует отметить, что планомерное археологическое изучение города над Трубежом началось сравнительно недавно. В 1945 г. разведочные раскопки на месте древней цитадели Переяслава, близлежащих курганного могильника и «Змиевых валов» впервые провела совместная экспедиция Институтов археологии АН СССР и АН Украины под руководством Б. А. Рыбакова. Однако итоги ее исследований оказались, к сожалению, более чем скромными [34].

В 1949—1956 гг. раскопки на переяславском детинце продолжила объединенная археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР и ИА АН Украины, возглавляемая М. К. Каргером *. Используя накопленный опыт многолетних археологических исследований древнего Киева, скрупулезно изучив историческую топографию города на Трубеже и летописные известия о нем, члены экспедиции ленинградцев уже в первый сезон достигли значительных результатов в исследовании памятников монументального зодчества Переяслава-Русского. Открытия М. К. Каргера превзошли все ожидания. Были выявлены почти все известные из летописи монументальные памятники XI в., в том числе Михайловский храм [35]. Начались их систематические раскопки и исследования.

В 1959—1963 гг. комплексная экспедиция Института археологии АН Украины, Академии строительства и архитектуры республики и Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея под руководством Р. А. Юры открыла остатки Епископского дворца, Епископских ворот, ряд других монументальных сооружений XI—XII вв. [36]

Огромную работу по выявлению, исследованию, сбережению и популяризации памятников истории и культуры Переяславской земли X—XIII вв. осуществляют научные сотрудники Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея под руководством М. И. Сикорского. Ими выявлены на

* В экспедиции принимали участие такие известные в будущем ученые, как П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников и др.

территории города и окрестностей памятники многих археологических культур, предшествовавших историко-культурному наследию X—XIII вв., обнаружены и исследованы стеклоделательная мастерская XI—XII вв., остатки других древнерусских объектов [37].

В 1974 г. сотрудниками музея были раскрыты фундаменты Михайловского собора с целью их консервации и экспонирования. В 1975 г. проводились исследования территорий застройки храма, не раскапывавшихся и не изучавшихся М. К. Каргером *. Полученные материалы позволили значительно уточнить типологические, конструктивные и художественные особенности древнего памятника [38].

Таким образом, археологические исследования города на Трубеже существенно дополняют лаконичные летописные известия о нем, его архитектурных памятниках и оборонительных сооружениях, позволяют более детально реконструировать первичный облик города XI—XII вв.

Большое значение в изучении социально-экономического и социально-политического развития Переяславской земли имеют труды Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, Я. Н. Щапова, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко, О. М. Рапова, И. Я. Фроянова, А. П. Новосельцева, В. А. Кучкина, М. Б. Свердлова и др. Их теоретические выводы, ценные наблюдения и хронологические уточнения помогают по-новому осветить многие стороны общественно-политической жизни княжества.

Весьма важна исследовательская работа, осуществляемая нумизматами В. В. Кропоткиным, Н. Ф. Котляром, В. М. Потиным, Т. В. Равдиной, А. В. Фоминым, искусствоведом В. П. Даркевичем, лингвистами О. Н. Трубачевым, В. Н. Топоровым, ономастами А. С. Стрижаком, С. Роспондом, В. П. Нерознаком для выявления направлений и закономерностей исторического развития юго-восточной области Руси, локализации ее географических названий и пр. Все это в комплексе позволяет ныне решать

М. П. Кучера

сложные вопросы истории Переяславской земли.

Источники. Исследователям истории Переяславского княжества чрезвычайно не повезло в отношении количества и качества дошедших до нашего времени письменных известий о юго-восточной области Руси. Дело в том, что древнейшие сведения о городе на Трубеже и его округе либо были вовсе уничтожены многочисленными завоевателями Среднего Поднепровья, либо в XII—XIV вв. в значительной степени были сфальсифицированы владимиро-суздальскими летописцами, стремившимися приуменьшить выдающуюся роль Переяслава-Южного в исторических судьбах населения Северо-Восточной Руси.

Основными источниками исторических сведений о Переяславской земле X — первой половины XIII в являются Повесть временных лет и Суздальская летопись по Лаврентьевско-

* Исследования и обмеры памятника проводились под наблюдением В. А. Харламова при консультации Ю. С. Асеева.

му списку[39]. Как известно, Переяславский свод не дошел до нашего времени, но его многочисленные фрагменты, содержащиеся в Суздальской летописи, красноречиво свидетельствуют о систематическом фиксировании различных событий, происходящих в княжестве, его столице и волостях с 1118 по 1187 г.[40] Благодаря скрупулезным источниковедческим разысканиям А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, А. Г. Кузьмина, М. Ю. Брайчевского постепенно реконструируется канва Переяславского летописного свода, легшего в основу северо-восточного летописания. Рассмотрение других летописей показывает, что основная часть сведений, часто совпадающих и дополняющих Лаврентьевскую летопись, содержится в Ипатьевской летописи.

Важные данные по истории Переяславского княжества имеются также в Новгородской первой, Никоновской, Воскресенской, Радзивилловской, Густинской летописях, Летописце Переяславля-Суздальского и др.[41]

Интересным, а в ряде случаев уникальным источником для раскрытия исследуемой проблемы надо признать «Историю Российскую» В. Н. Татищева[42], в основе которой, как показали Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, А. Г. Кузьмин и Е. М. Добрушкин, лежат древнерусские летописные своды, часть которых, к сожалению, до нас не дошла.

Ценнейшим источником сведений об общественном и политическом строе княжества является «Русская правда» — первый кодекс русского феодального права, последовательно отразивший отдельные этапы развития феодальных отношений в русском обществе X—XII вв.[43]

Наиболее ранние сведения о Переяславе, переяславском князе, купечестве содержат договоры киевских князей с Византийской империей, относящиеся к 907, 911 и 945 гг.[44] В этих договорах, носивших международный характер, наряду с упоминанием о «законе Русском», зафиксирован ряд норм о праве собственности и наследования, о «челяди», пленных, т. е. права феодализировавшегося древнерусского, и в частности переяславского, общества.

Важным источником по истории Переяславской волости, относящимся к периоду ее интенсивного феодального дробления, служит комплекс смоленских грамот XII в. (Устав Ростислава 1136 г., Подтвердительная грамота епископа Мануила 1136 г. и Грамота Ростислава 1150 г. (о передаче епископии холма))[45]. Эти документы раскрывают механизм сюзеренитета-вассалитета, существовавший во владениях переяславского князя до 1136 г., а также наглядно иллюстрируют ход объективного процесса политического обособления отдельных земель, происходившего на Руси в XII в. Необычайно важна для изучения соотношения юрисдикции светской и церковной власти в XII в. учредительная грамота смоленской епископии 1136 г. Анализ документа показывает, как в процессе развития общественного и государственного строя, укрепления церковной организации продолжали расширяться границы церковной юрисдикции, как изменилось к XII в. экономическое и политическое положение церкви, превращавшейся постепенно в крупного феодала.

Из других внелетописных письменных источников, откуда нами почерпнуты весьма важные сведения по истории Переяславской земли, можно назвать Киево-Печерский Патерик, Жития Бориса и Глеба, Слово о полку Игореве, Послание Климента Смолятича, Хождение игумена Даниила, Поучение Владимира Мономаха, Послание об опресноках митрополита Леонтия, Жития ростовских епископов Леонтия и Исаии и др.[46]

В монографии использовались сведения епископов Пруденция, Бруно Квертфуртского, императора Константина Багрянородного, Яна Длугоша, Мачея (Станислава) Стрыйковского и др.[47]

Весьма ценную группу источников представляют опубликованные и ар-

хивные (но не обобщенные) материалы археологических исследований Днепровского Левобережья экспедиций Института археологии АН СССР (Б. А. Рыбаков, И. И. Ляпушкин, Ю. Ю. Моргунов), Института археологии АН Украины (Ф. Б. Копылов, Д. Т. Березовец, М. П. Кучера, Б. А. Шрамко, О. В. Сухобоков) и Ленинградского отделения ИА АН СССР (М. К. Каргер, П. А. Раппопорт). Кроме сезонных (годовых) отчетов членов экспедиций, их дневников, полевых описей и чертежей, значительную информативность сохраняют фотодокументы: в частности по Переяславу — В. М. Щербаковского 1914 г., П. А. Раппопорта 1947—1959 гг.; по Остру — П. П. Покрышкина 1907 г. в фотоархиве ЛО ИА АН СССР; по Воинской Гребле — В. К. Гончарова 1956—1959 гг., «Змиевым валам» — М. П. Кучеры 1979—1988 гг. в фотоархиве ИА АН Украины. Много важных наблюдений по истории Переяславской земли содержит фонд 90 отдела рукописей ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины (В. Г. Ляскоронский).

Ценные сведения о средневековых поселениях Днепровского Левобережья автором почерпнуты из свода данных о городищах и селищах Среднего Поднепровья, подготовленного группой сотрудников Института археологии АН Украины в монографии «Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта)» (Киев, 1984). Здесь впервые в историографии картографируются древнерусские поселения Среднего Поднепровья. К сожалению, карта ограничена территорией нынешней Украины и не отражает объективно историко-демографической ситуации, складывавшейся в Переяславской земле в X—XIII вв. и в целом на юго-востоке Древней Руси.

Богатейшими историческими источниками по истории ремесла, истории культуры, внутренней и внешней торговле княжества, денежному обращению стали древнерусские денежные и вещевые клады, в связи с чем нами привлекались специальные исследования и картографические материалы по нумизматике и сфрагистике В. В. Кропоткина, И. Г. Спасского, М. П. Сотниковой, В. Л. Янина, В. П. Даркевича, В. М. Потина, Т. В. Равдиной, А. В. Фомина, по древнерусским кладам Г. Ф. Корзухиной [48].

Важными вспомогательными источниками для изучения динамики границ Переяславской земли, ее внутреннего устройства, экономических связей явились составленные автором карты Днепровского Левобережья X—XIII вв., а именно: природных условий, археологическая, а также политико-административная, карты временных держаний переяславских князей, торгово-экономических связей и др.

Учитывая то, что локализация на карте географических названий исследуемой политико-административной области Киевской Руси остается необходимой предварительной работой, в монографии сделан анализ местонахождения более 300 географических и археологических объектов Переяславской земли, суммированных в таблицах приложения (табл. № 1—4). Для ретроспективного анализа географической номенклатуры нами широко привлекались материалы XV—XIX вв.: Список городов и земель, принадлежавших Свидригайлу, Список городов дальних и ближних Московского летописного свода 1475 г. и Воскресенской летописи, Ярлык Менгли-Гирея 1506 г., а также Книга Большому Чертежу, картографические материалы Боплана, Рицци Заннони, А. Яблоновского, многочисленная дореволюционная и современная справочно-энциклопедическая литература [49].

Таким образом, ныне накоплено значительное количество летописных, археологических, этнографических, картографических, нумизматических, ономастических и других материалов, которые являются огромной источниковой базой для объективной реконструкции исторического процесса, протекавшего на территории средневековой Переяславской земли.

ГЛАВА II

ОБ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДОСНОВЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

Под термином «земля» (наряду с обозначением «волость», «княжение», «удел», «область», «город-государство» и т. д.) в исторической литературе обычно подразумевается политико-административная область Древнерусского государства, население которой в экономическом, правовом и военном отношениях подчинялось местному князю — представителю правящей на Руси династии Рюриковичей, в религиозном — епископу — ставленнику киевского митрополита-грека. Именем стольного (главного) города княжества, где сосредоточивались резиденции советского и духовного владык, называлась и вся область.

Начало систематического употребления древнерусскими летописцами термина «земля» в смысле «княжение» восходит к XI в., и это не случайно. Появление его в лексиконе книжников связано с социально-экономическим и политическим развитием раннефеодального восточнославянского общества того периода, в частности со становлением крупного землевладения, обусловившим в значительной степени изменения в административно-территориальном устройстве феодальных государств [1]. Образование феодальных областей («княжеств-земель»), формировавшихся внутри Древнерусского государства во второй половине XI — первой половине XII в., по определению А. Н. Насонова, означало не только оседание на местах отдельных княжеских линий, образование новых столов, но и формирование новых административных территорий вокруг отдельных центров, приобретавших устойчивую форму [2].

Формирование к середине XI в. историко-культурных предпосылок для политического и экономического обособления той или иной земли от «Русской земли» (в узком понимании этого термина) с центром в Киеве обусловливалось длительным преддревнерусским периодом самостоятельной жизни восточнославянских племенных княжений (в VI—VIII вв.). Насильственно объединенные под эгидой Рюриковичей, они не были аморфными, слабыми, неспособными к внутреннему социально-экономическому, политическому и культурному развитию, как это пытаются иногда представить отдельные исследователи [3]. Восточнославянские племенные княжения на заре средневековья представляли собой значительные территориально-политические общности, обеспечивавшие благоприятные социально-экономические и политические условия для развития и воспроизводства внутри их определенных этносов. Под этносом, согласно М. Ю. Бромлею, следует понимать прежде всего устойчивую межпоколенную совокупность людей, исторически сложившуюся на данной территории, обладающей не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего отличия от всех других подобных образований (самосознанием), зафиксированном в самоназвании (этно-

ниме) [4]. К этой дефиниции исследователя-этнографа следует добавить, на наш взгляд, и такой признак, как отличия между этносами в области верований и культов. Божества у каждого отдельного народа той далекой эпохи «были национальными богами, и их власть не переходила за пределы национальной области, которую они охраняли и за пределами которой безраздельно правили другие божества» [5].

Несмотря на геноцид, проводимый норманскими завоевателями на землях восточных славян, балтов и угро-финнов, уничтожение местных княжеских линий, жречества, работорговлю, насильственное введение христианства, население разноэтничных регионов Руси во главе со знатью в течение древнерусской истории боролось за независимость, за автономию в составе Древнерусского государства (уличи, древляне, северяне, вятичи, полоцкие кривичи и т. д.).

Рассмотрение этнической предыстории Переяславской земли (кануна сложения государственного образования Русь) дает возможность понять многие объективные причины обособления региона в отдельную землю-княжество, а также выявить закономерности социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших здесь в XI—XIII вв.

Необходимо отметить, что начальный период формирования территории Переяславской земли ввиду крайней скудости имеющихся источников почти скрыт от глаз исследователя. До сих пор не определена «племенная» культура, на основе которой сформировалась исследуемая феодальная область, возник ее «главный» город, хотя ученые приложили немало усилий для выяснения этих вопросов [6].

Как известно, большинство древнерусских земель-княжеств сформировались на основе старых «племенных» территорий VI—VIII вв. (Новгородская на основе словенской, Волынская — дулебской, Туровская — дреговичской, Черниговская — северянской, Киевская — древлянской и т. д.). В отношении же этнотерриториальной подосновы Переяславской земли среди ученых имеются существенные разногласия. Некоторые из них (Д. Я. Самоквасов, В. Г. Ляскоронский, М. С. Грушевский, В. В. Мавродин и др.[7]), опиравшиеся в своих выводах на ограниченный круг археологических материалов, считали, что Днепровское Левобережье преддревнерусского времени полностью принадлежало северянскому племенному союзу; другие (Б. А. Рыбаков, И. П. Русанова, М. П. Кучера [8]) склонялись к мнению, что формирование Переяславского княжества происходило в пределах расселения как северян, так и полян. По заключению В. В. Седова, лишь окрестности Переяслава принадлежали полянам, на остальной территории будущей феодальной области, характеризуемой солонцеватыми почвами, не было поселений вообще [9]. А. М. Андрияшев предполагал, что Переяслав и его сельская округа являлись владениями (землей) загадочных уличей, или «суличей». При этом он опирался на выводы ученых XVIII — начала XIX в. (Н. М. Карамзина и др.), мнения которых отражены в исторических атласах Н. И. Павлищева и И. Ахматова. Н. И. Павлищев, например, отводил уличам Днепровское Левобережье, а полянам — Правобережье, считая их разными этнополитическими образованиями [10].

Разнобой во мнениях специалистов относительно этнической предыстории Переяславской земли объясняется как неудовлетворительным состоянием источников, так и некритическим их использованием отдельными исследователями. Причем это касается интерпретации как письменных, лингвистических, так и археологических данных. Попытаемся на основании комплексного анализа разнородных материалов, их сопоставления и взаимопроверки разобраться в существе исследуемой проблемы.

Учитывая тот факт, что, по мнению большинства ученых, территориальное ядро Переяславской земли (как административной единицы Руси) формировалось в пределах предполагаемого

«поляно-уличского» ареала (юго-восточные северянские территории вошли в ее состав в зафиксированное летописцами историческое время), сосредоточим внимание на выяснении происхождения и местонахождения скрывающихся за этими двумя наименованиями («поляне», «уличи») этнотерриториальных общностей.

Следует отметить, что в истории этих этносов, несмотря на продолжительный период их изучения, много неясного. Не определена территория их обитания, весьма спорно решается вопрос об их этнической принадлежности. Сложнейшей остается проблема территориального соотношения между легендарными полянами и их соседями. Как свидетельствуют древнейшие подлинно славянские археологические материалы конца V — начала VI в. района современного Киева, город возник на древлянской земле [11]. На юг от Киева, сразу же за Стугной (древлянской рекой), если следовать за письменными источниками, жили уличи, контролировавшие также значительную территорию Днепровского Левобережья, прилегавшую к Славутичу с востока, и соседствовавшие с северянами [12]. Таким образом, на карте расселения восточнославянских племен для очерчения территории полян вообще нет места.

М. Ю. Брайчевский, изучая историю и историографию «полян», обратил внимание на тот факт, что исследователи, пытавшиеся определить их территорию, исходили из предпосылки, что исконным «племенным» центром полян являлся именно Киев. Однако, проанализировав текст введения к «Повести временных лет», он обнаружил, что до Кия (согласно версии летописца) полян в поселении, предшествовавшем Киеву, не было: «От них же (т. е. от Кия, Щека и Хорива.— Н. К.) есть поляне в Киеве...» [13]. Таким образом, из письменных источников следует, что город не являлся исконно полянским, на что указывают и археологические материалы [14], первобытные поселения полян находились на каких-то других территориях.

Автор «Синопсиса», в основу которого была положена широко распространенная «Хроника» Матвея Стрыйковского, утверждает, что Кий с братьями пришел на берега Лыбеди с юга — Дикого поля. Причем датирует это событие 431 г.[15]. Это свидетельство само по себе очень важно для нас с точки зрения сравнения его с данными источников о загадочных уличах, занимавших в преддревнерусский период истории Среднего Поднепровья территорию по Днепру на юг «оли до моря» [16]. Из исследования Б. А. Рыбакова об этом «племени» (его местонахождении, миграции, локализации г. Пересечена), как нам представляется, вытекает вывод о том, что уличи до своего вынужденного переселения в середине X в. в верховья Прута и Днестра по сути занимали одну и ту же территорию с летописными полянами. Сам исследователь объясняет столь северное расположение уличей в первой половине X в. (якобы находившихся ранее в районе Днепровской луки) их миграцией на новые места обитания под давлением кочевников. Точку зрения Б. А. Рыбакова разделяют ряд известных ученых, в частности В. В. Седов, размещающий обычно на своих картах по антскому периоду истории Поднепровья, росов/русов в Поросье, а уличей в Надпорожье [17].

В связи с вышеизложенным возникает ряд вопросов: в частности, каково происхождение этнонимов, как соотносятся они между собой, служили ли они обозначениями синхронных «племенных» группировок, или являлись звеньями в единой цепи генезиса славян Среднего Поднепровья с VI по X в.? Последнее предположение вполне допустимо, ибо источниковедами давно доказано, что в системе летописных этнонимов Нестором или кем-либо из его предшественников в XI в. объединены наименования, относившиеся к разным историческим периодам: например, дулебы (V—VII вв.) и волыняне (VIII—X вв.) [18]. «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне...»,— отмечал летописец [19].

К сожалению, наука до сих пор не

имеет четкого ответа ни на вопрос о времени появления исследуемых этнонимов, ни тем более о времени их исчезновения. Некоторые исследователи восточнославянского этногенеза (автохтонисты) пытались максимально удревнить этнонимы путем сближения с ними названий различных скифских, фракийских, германских и других племен. Так, полян сопоставляли с паралатами Геродота, борусками Птолемея, боранами Зосима и т. п.[20] Однако все эти построения не выдерживают никакой критики с точки зрения лингвистики.

Не называют полян в междуречье Днестра — Днепра не только древние, но и средневековые иностранные источники (Иордан, Прокопий из Кесарии, Псевдомаврикий). На обозначенной территории они помещают воинственный союз восточнославянских племен антов[21], оставивших, по-видимому, памятники пражско-пеньковской археологической культуры. Уместно отметить, что отечественные источники антов не упоминают, всячески выделяя и противопоставляя другим восточнославянским племенным княжениям полян. Сведения эти, однако, фиктивные, вымышленные, не внушают доверия. Не известны поляне и другим, более поздним зарубежным авторам IX—X вв. (анонимному Баварскому Географу, записи которого относятся к 40—70-м годам IX в., Константину Багрянородному), упоминавшим между тем о соседствовавших древлянах («древлянинах») и уличах («ультинах») Среднего Поднепровья[22].

Приведенные выше факты в свое время дали основание С. М. Середонину сделать вывод о том, что «нет никаких данных, указывающих на существование особого полянского племени»[23].

Известия Начальной летописи о полянах, древлянах и уличах внезапно обрываются после трагических событий 30—40-х годов X в., связанных с порабощением местного среднеднепровского населения норманнской дружиной Ингора (Игоря) Старого и его супруги Хельги * (Ольги). Характерно, что их походы были направлены главным образом против древлян и уличей, взаимоотношения же пришельцев с мифическими «полянами» летописцем не обозначены. На этом фоне совсем нереалистично звучит утверждение древнерусского летописца о том, что поляне со времени основания Киева и до 60-х годов XI в. являлись неизменными жителями города и окрестностей.

Анализ «Повести временных лет» дает возможность предположить, что в XI — начале XII в. сохранялось смутное предание о происхождении населения Киева и его окрестностей. Один из редакторов ПВЛ «этимологизирует» имя «поляне», объясняя его следующим образом: «полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху». По мнению Г. А. Хабургаева,— это явный образец «народной этимологии», ибо в вводной части летописи автор неоднократно сообщал, что жили поляне «по горамъ симъ» и что в этих краях «бяше... лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь»[24]. Несмотря на имеющиеся противоречия в самом тексте ПВЛ и между ПВЛ и «Хроникой» Стрыйковского, можно предположить версию южного или юго-восточного происхождения полян. Обитатели Поля — алано-болгарские племена вполне могли овладеть районом Киева и Переяслава, скажем в VII—VIII вв.

Благоприятная для них ситуация сложилась в Среднем Поднепровье в 30-х годах VIII в. во время арабо-хазарских войн. Преследуя отряды хазар, отступавших на север в земли славян, арабский полководец Марван ибн Мухаммед ибн абд ал-Малик достиг среднего течения Славянской реки (Нахр ас-сакалиба), где пленил около 20 000 семей славян[25]. Существует мнение, что поход Марвана был направлен в земли буртасов, т. е. на Среднюю Волгу. В отличие от А. З. Валиди Тогана, М. И. Артамонова, Т. Левицкого и других известных ис-

* Автор придерживается мнения, что имена древнерусских князей Олега, Игоря и Ольги славянизированы летописцами лишь в XI—XII вв.

следователей, отождествлявших Славянскую реку с Волгой, мы разделяем мнение тех востоковедов (Де Гуе, И. Маркварт, В. Ф. Минорский, А. П. Новосельцев), которые считают, что в сочинениях арабских авторов ал-Куфи, ал-Йа'куби, ал-Белазури речь идет о Танаисе (Доне) [26]. В VIII в. юго-восточная славянская колонизация достигла этой реки. Согласно данных археологии, именно в то время на славянских (пражско-пеньковских) поселениях Днепровского лесостепного Левобережья и Киевского Поднепровья (включая Киев и Переяслав) появилось и частично осело алано-болгарское население. Во время раскопок обнаружены однослойные памятники волынцевского типа (Битица, Вовки) и волынцевские горизонты на многослойных славянских поселениях (Обухов II, Хитцы, Волынцево и др.) [27]. Господство алано-болгар в Среднем Поднепровье длилось однако недолго. В конце VIII — начале IX в. жизнь на памятниках волынцевского типа замерла. Под натиском славянских дружин с запада алано-болгары вынуждены были отойти в Подонье.

Вероятность похода Марвана в 119 г. х. (737) с Северного Кавказа в район Среднего Поднепровья по проторенным арабскими купцами торговым путям очень большая. Как известно, в 1024 г. аналогичную военную экспедицию предпринял с Тмутаракани воинственный Мстислав Храбрый, едва не овладев Киевом с помощью хазарско-касогской дружины [28]. Тем не менее вряд ли древнерусский летописец или польский хронист могли отождествить алано-болгар или касогов с «полянами».

Изучение древнерусской топонимики, а также употребление слова *поляне* в древнерусском, и украинском, польском и русском языках свидетельствуют о правильности этимологии имени поляне (от *поле — степь*), выведенной летописцем. Оно употреблялось и употребляется главным образом в системе лексических противопоставлений типа *поле — горы; полянин (поляник, полянца) — горянин* или *полещуки (лесовики, древляне*, «обитатели лесов, дерев») — *поляне* («жители поля») для обозначения представителей двух контрастных географических зон [29]. «Придоша Печенѣзи на Руску землю первое... то слышавъ Святославъ... и приде Кыеву... и прогна Печенѣги в поли...» [30], т. е. в степь, на юг от Киева. Известное из древнерусских летописей «Перепетово поле» начиналось сразу же за Стугной и тянулось до Юрьева (Белой Церкви на Роси) [31].

Особенно созвучно обобщающее территориальное наименование *поляне* разноэтничному населению лесостепного Левобережья Днепра, проживавшему на огромной равнине на юг от рек Остер и Сейм. С одной стороны, оно противопоставлялось жителям более северных лесных районов Левобережья, с другой — жителям высокого правого берега Днепра, называемого левобережцами горами (ср.: «жили по горам сим»). Примеров применения термина *поле* по отношению к разным местностям Левобережья множество: «и посажа посадники свои Глѣбъ Гюргевичь, по Посѣмью за полемѣ...» [32]; «прислаша татарове от черкас челом к великому князю, чтобы велел им город поставити от Путивля в Поле» [33]; «приде крымский царь на Поле..., помышляя, как бы извоевати Украину и пригородки великого князя» [34]. На известных картах Д. Л. Рицци Заннони Дикие Поля обозначены между Сулой и Пслом, Пслом и Ворсклой и т. д.[35]

Таким образом, из вышеизложенного ясно, что производное от *поле* название жителей *поляне* не несет в себе какое-либо этническое содержание подобно этнонимам *дулебы, сербы* и пр. Оно является территориальным наименованием населения, проживавшего в определенных природных условиях Днепровского Левобережья и на юг от Киева *.

* Подтверждением нашей мысли является, например, тот факт, что население северных полесских районов современной Черниговщины называет своих соседей из южных районов «*полюхами*, а те их кличут *полещуками, литвинами*» (*Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу. Порівняльне до-

По мнению ряда исследователей, бинарная оппозиция поляне — древляне, возможно, имеет глубокую местную традицию и является калькой с готских наименований *Tairwiggos*, латинских *Tervingi* — обитатели лесов (так назывались вестготы, располагавшиеся западнее Днестра) и готских *Gruituggos*, латинских *Grutungi* — жители песков, проживавших на восток от Днестра [36]. В частности, И. Филевич делил готов в период их пребывания на территории современной Украины на *грейтунгов-степняков* и *тервингов-лесовиков* [37]. Проследить же преемственность этих наименований до появления древнерусских терминов *древляне* и *поляне* чрезвычайно сложно ввиду почти полного отсутствия известий о них в письменных источниках.

Следует отметить, что вероятность существования полян и их первых князей уже в начале XII в. волновала летописцев. Так, один из предполагаемых редакторов и авторов «Повести временных лет» — игумен выдубецкого Михайловского монастыря Сильвестр посвятил специальное разыскание о родоначальнике киевских полян — основателе их стольного града — Кие, но прояснить что-либо из жизни легендарного князя (годы жизни, время визита в Царьград и др.) ему так и не удалось [38].

В связи с этим весьма важно обратиться к археологии. Уже давно большинством археологов признана «неуловимость» территории, которая могла бы принадлежать полянам, и это настораживает. Анализ памятников материальной культуры VIII—X вв. свидетельствует, что этнографические особенности одежды той части населения юго-западной группировки славян, с которой отождествляются поляне (междуречье Тетерева — Роси), идентичны волынянским и древлянским [39]. Для всех трех племен этого времени характерна простота и скромность одежды, отсутствие нагрудных привесок, шейных гривн, многочисленных браслетов и распространение однотипных украшений — перстнеобразных височных колец и перстней общеславянского типа.

Наиболее ярко подчеркивают этническую близость летописных племен юго-западной группы своеобразные височные кольца, называемые перстнеобразными полуторооборотными, полностью отсутствующие на территории расселения северных и северо-восточных восточнославянских племен, в том числе в курганах вятичей и северян Днепровского Левобережья [40].

Однообразие этнографических особенностей юго-западной группировки восточнославянских племен, установленное археологами по курганным древностям X—XII вв., объясняется единством культуры (типа Лука Райковецкая) этой территории в VIII—IX вв., что свидетельствует о продолжительном вхождении волынян, древлян и искомых полян (или их наследников) в единый общественно-политический организм государственного типа, в значительной степени нивелировавшего их племенные особенности еще в преддревнерусский период их истории. В этой связи, очевидно, правы П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, В. Т. Пашуто, Г. А. Хабургаев и другие, придерживающиеся мнения, что летописные этнонимы «Повести временных лет» (XII в.) в своем большинстве не соответствуют племенному делению восточных славян первой половины тысячелетия и уже в VIII—IX вв. наиболее вероятно представляли собой территориальные наименования диалектно-этнографических групп славянских конфедераций [41], крупнейшими из которых в канун формирования Древнерусского государства были: северная (словене, чудь, меря), юго-западная (волыняне, древляне, бужане, уличи), юго-восточная (северяне, радимичи, вятичи), западная (кривичи) группировки славян.

В связи с этим необходим конкретно-исторический подход к определению территориальных пределов этих групп племен и их составных частей. Возведение одной или нескольких этнографических (обрядовых) особенностей

слідження народів УРСР і суміжних територій.— К., 1965.— С. 108 та ін.).

их населения (например, глиняной подмазки в погребальном обряде и т. п.[42]) в этнический признак нисколько не гарантирует правильную реконструкцию территории племени раннесредневекового времени и может лишь усугубить решение сложного вопроса. Необходим прежде всего комплексный подход к решению проблемы.

Как известно, некритичное, порой надуманное решение вопроса о происхождении летописных полян дало повод для различных, нередко самых фантастических интерпретаций их этнической принадлежности, весьма произвольного определения территории их обитания и т. п.

Так, согласно домыслам киевских и московских книжников XVII в., опиравшихся в своих построениях на литовскую, польскую и германскую историографию XV—XVII вв. (Я. Длугоша, З. Гербершгейна, М. Стрийковского и др.), поляне через форму «полемоняне» выводились от так называемого старейшины древнейших жителей Поднепровья — Полемона *. Еще в начале XVIII в. автор «Ядра российской истории» А. И. Манкиев от этого Полемона выводил самого Рюрика[43]. Подобные измышления XVII—XVIII вв. вызывают у нас сегодня лишь улыбку. Учитывая уровень исторической науки того времени, базировавшейся на прагматическом воззрении на историю, мы относимся к подобным сочинениям с определенной долей снисходительности. Совсем иному воспринимаются тенденциозные, не опиравшиеся на источниковую базу домыслы ученых прошлого и текущего веков. В частности, вызывает возражение гипотеза А. Ф. Орлова о происхождении названия *поляне* (поли) от р. Полы, впадающей в о. Ильмень (Новгородская земля). Ни один древнерусский источник не фиксирует этого этнонима на Севере, он явно создан фантазией исследователя[44].

Ошибочным нам представляется и предположение историка конца XIX — начала XX в. В. А. Пархоменко, помещавшего полян далеко в степях Приазовья, отделяя их судьбу от истории других восточно-славянских племенных княжений. По его мнению, имелось «достаточно оснований считать полян выходцами с хазарского царства...»[45]. Вопреки сведениям источников исследователь склонялся к тому, что киево-полянское княжество было создано Юго-Восточной (Приазовской) Русью в X в. в борьбе за Среднее Поднепровье с юго-западными восточнославянскими племенами древлян и уличей. Не описывая точных границ племени, В. А. Пархоменко тем не менее считал Переяслав полянским городом.

Резко выделяясь своеобразием построений, гипотеза В. А. Пархоменко не может быть принята в полном виде. Она в значительной степени противоречит достижениям современной исторической науки по данному вопросу. В частности, М. В. Левченко, опираясь на арабские источники, убедительно доказал, что никакого русского государственного образования в VIII—IX вв. в Приазовье не существовало, а отождествляемая с ним Таматарха (Тмутаракань) была хазарским владением[46]. Эту точку зрения М. В. Левченко ныне разделяет большинство исследователей.

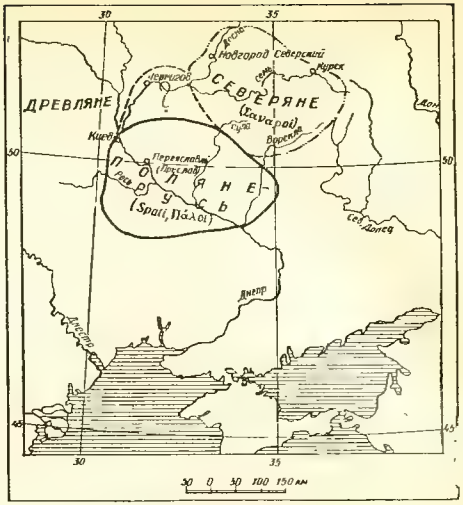
Еще более оригинальны определения происхождения полян Б. А. Рыбакова[47]. Связывая их с народом Παλοί, упоминаемым древнегреческим историком Диодором Сицилийским (около 90 до н. э.— 21 до н. э.), исследователь считает, что впервые (!) полянский племенной союз сложился в первые века н. э., в эпоху полей погребальных урн. Уже в то время якобы в него входили племена обоих берегов Днепра. Ядром политической (!) системы союза палов (или спалов), по мнению

---

* «Старейшина у них в то время бе именем Полемон. I во имя того старейшины прозвашася вси полемоняне», ...и от иих поляне и поляце». Имя «полянского» старейшины московские (или киевские) книжники могли заполучить также из античных или византийских источников. Известен боспорский царь Полемон, разоривший в конце I в. до н. э. Танаис (*Выписка* из Киевского летописца печатного средины XVII в. // ГПБ.— Отд. рукоп.— Ф. 4.— № 218.— Л. 90).

ученого, являлось племя Hros, впервые упоминающееся в хронике сирийского писателя второй половины VI в. Захарии Ритора. Спалы-поляне, выдержав упорную борьбу во II—III вв. с готами, в VI—VII вв. значительно укрепили свои позиции в Среднем Поднепровье. Они предприняли серию походов на Византию, в связи с чем территория Поднепровья в значительной степени обогатилась кладами византийских монет, предметов обихода и пр. На основании археологических материалов (пальчатых фибул, других «древностей русов») Б. А. Рыбаков ограничивает пределы полянского союза племен VI—VII вв. лесостепной областью южнее Киева в бассейне Роси и территорией близ Переяслава. Исследователь предполагает, что в раннесредневековый период важнейшим племенным центром полян являлся Переяслав, предшествовавший Киеву. Киев, расположенный на крайнем севере Полянской земли, обязан своим возвышением, по мнению ученого, успешной борьбе полян с древлянами и уличами. В IX—X вв. старое название «полян-исполинов», по Б. А. Рыбакову, выходит из употребления (?!), и они (поляне) стали называть себя Русью. Стройная, но слабо аргументированная с научной точки зрения концепция происхождения Поляно-Руси исследователя ныне не выдерживает критики.

Еще более неожиданы гипотезы относительно происхождения полян профессора Гарвардского университета (США) О. Прицака. По его мнению, племя полян вообще не имеет никакого отношения к славянам — это народ хазарского происхождения; с ними (хазарами), имевшими «обычаи свои, и закон отец своих», он связывает и основание Киева, и местные памятники материальной культуры [48]. Надо признать, что недостаточно аргументированные (ввиду отсутствия надежных материалов) построения О. Прицака, встречающие ныне возражения и критику в исторической науке, безусловно, нуждаются в основательной источниковедческой проработке [49]. Лишь глубо-



Приблизительные границы полян по историческим и археологическим данным (по Б. А. Рыбакову)

кий комплексный анализ источников может пролить свет на непростую проблему происхождения загадочных полян, их основных административно-политических центров, в том числе Переяслава. Тем не менее, научная гипотеза ныне иностранного члена АН Украины О. Прицака не лишена внутренней логики. Как нам представляется, дальнейшая разработка проблемы именно на этом направлении, несомненно, поможет решить некоторые вопросы исторического прошлого населения Днепровского Левобережья, в частности происхождения названия Переяслава. Дело в том, что народная легенда о возникновении названия города от имени деревни Переи (Славной) ведет к какой-то смутной хазарской традиции. *Perea* или *Pereja* — древнее название Левобережья Иордана в Палестине * (живописная Переяславщина аналогично находится на Левобережье Днепра). Таким образом вполне допустимо еврейско-хазарское влияние на выбор названия города, постепенно видоизменявшегося

* Карта Палестины времен Иисуса Христа (Толковая Библия или комментарий на все книги св. писания Ветхаго и Нового Завета. С иллюстрациями.— Петербург, 1913.— Т. 3.— 2-е изд. Ин-т перевода Библии.— Стокгольм, 1987).

и трансформировавшегося в современное название *. Наиболее благоприятным временем возникновения топонима в этом случае следует считать вторую половину VIII — начало IX в.

Многие археологи, антропологи, гематологи пытались решить проблему территории среднеднепровских полян с помощью ретроспективного метода, путем идентификации с ними различных археологических культур, обрядовых особенностей местного населения, краниологических особенностей погребенных и пр. Одни из них отождествляли с этнонимом *поляне* дружинные погребальные комплексы IX—X вв., принадлежавшие славяно-скандинавским колонистам из Новгородской земли известных из летописи под обобщающим именем *Русь*. Это относится прежде всего к Т. И. Алексеевой, по мнению которой, ближайшим антропологический тип полян на территории Древней Руси — это новгородские словене, а также средневолжские кривичи [50]. Другие ученые идентифицируют с этнонимом *поляне* (VI—VIII вв.) население, оставившее курганы X—XII вв. с захоронениями в ямах [51], хотя распространение этой разновидности погребального обряда вызвано прежде всего влиянием христианской идеологии [52].

Подобные ретроспективные решения, на наш взгляд, мало что дают для научного решения проблемы. В течение VI—XI вв. в Среднем Поднепровье неоднократно менялось общеполитическое и этнокультурное положение, появлялись и бесследно исчезали различные этносы, возникали и распадались государственные образования. В силу этого, как нам представляется, нельзя столь прямолинейно и бездоказательно искать преемственность от полян VI—VII вв. (существование которых не доказано) до Киевской Руси, ибо, как отмечалось в исторической литературе, эти «объекты имеют один к другому весьма малое отношение» [53].

Вышеизложенные материалы, убедительно свидетельствуя о том, что о *полянах* (варианты — *полех, поленах, Польской земле*) V—XI вв. в Среднем Поднепровье мы не располагаем достоверными сведениями, дают нам право подвергнуть текстологическому исследованию основной (и по сути единственный) источник наших знаний о *полянах* — введение к «Повести временных лет», источник крайне сложный, противоречивый, неоднократно подвергавшийся тенденциозному редактированию в XI—XV вв. со стороны лиц разной политической ориентации.

Как известно, уже давно отечественными историками (А. А. Шахматовым, Н. К. Никольским, А. Г. Кузьминым [54] и др.) подмечено в «Повести временных лет» и предшествовавших ей летописных сводах наличие двух тенденциозных концепций происхождения государственности (по А. Г. Кузьмину — Руси) в Среднем Поднепровье, соответствующим образом идеологически обоснованных: новгородско-словенорусская (проваряжская) и поляно-славянская (по всей вероятности, пропольская **). Если первая концепция опиралась в своей основе на Сказание о призвании варягов на Русь, то вторая имела своей основой Сказание о славянской грамоте западнославянского происхождения [55]. При том первая обосновывала происхождение «Русской земли», а вторая «Польской земли» в Среднем Поднепровье. О происхожде-

---

* Евр. *Perea*, как считают видные этимологи, происходит от д. гр. Περαιά — формы женского рода от Περαιος (в основе которого лежит индоевроп. корень * *per* — поперек) и обозначает «Земля, лежащая поперек» (*Klein E.* A comprehensive etymological dictionary of the English language.— Amsterdam; London; New York, 1967.— Vol. 2.— P. 1156).

** Полянославянская (пропольская.— *Н. К.*) версия происхождения Киевского государства, по заключению Н. К. Никольского, сохранилась в летописи в сокращенном виде и является только частью обширного сочинения, созданного, по всей видимости, в третьей четверти XI в. Согласно ей, в «Польской земле» в VI в.— 30-х годах IX в правили Киевичи. Наиболее полно эта концепция происхождения государственности в Среднем Поднепровье отразилась в польской средневековой историографии, где проводится точка зрения, что поляки и поляне — народы одного происхождения, а Киев, основанный одним из князей племени поляков, получил свое название от его имени (*Dlugosz.*— T. 1.— S. 136; *Stryjkowski.*— T. 1.— S. 136—137).

нии коренного населения Поднепровья летописи умалчивали.

Относя возникновение варяжской легенды к середине XI в. и связывая ее с Новгородом, А. А. Шахматов полагал, что ее внес в текст Повести временных лет составитель третьей редакции (он же создатель норманнской концепции происхождения Киевского государства) Мстислав Владимирович, либо кто-то из его окружения [56].

Рассказ о полянах («Польской земле») Н. К. Никольский убедительно связал с западнославянской литературой [57].

Исследуя концепции происхождения Руси в ПВЛ, А. Г. Кузьмин сомневался, к какому времени и памятнику отнести первоначальную постановку вопроса о начале Руси. На наш взгляд, совершенно очевидно, что этот вопрос в эпоху Ярослава Мудрого и его идеолога Илариона уже был поставлен. Причем поставлен был тенденциозно, на что ответом было появление в 70-х годах XI в. в киево-печерском летописании поляно-славянской концепции происхождения населения Среднего Поднепровья. Последняя при этом, как считает Н. К. Никольский, отнюдь не была более достоверной, отвечая политическим и идеологическим устремлениям великого киевского князя и его окружения [58]. Впоследствии, в конце второго десятилетия XII в., редактором-норманистом две версии были как бы примирены и соединены: возникла третья концепция происхождения Руси — поляно-русская. Почему *поляне* стали называться *русью*, автор вразумительно не объясняет. По-видимому, историографическая схема для него в то время была явно важнее исторической обоснованности и достоверности имевших место событий.

Кто же был творцом поляно-славянской концепции происхождения Киевского государства? На этот вопрос сегодня можно ответить более или менее утвердительно: как отмечалось в литературе, существует слишком много признаков, ведущих к одному и тому же автору, к одному и тому же произведению.

Как известно, продолжительное время историографическая традиция считала единственным автором Повести временных лет Нестора, киево-печерского монаха, уроженца (по утверждению В. Н. Татищева) Белоозера [59]. Однако, реконструируя историко-литературную судьбу введения к ПВЛ, А. А. Шахматов, М. К. Каргер, В. И. Мордасов, А. Г. Кузьмин и другие убедительно доказали, что автор данного свода заимствовал для своего введения (как и Повести в целом) многие сюжеты из записей конца X в., сводов 1037 и особенно 1073 г., в частности те, которые касались легендарных судеб среднеднепровских полян, создания тремя братьями Киева, дани хазарам, которую поляне якобы платили им мечами, и т. п.[60]

Автором и редактором свода 1073 г. не без оснований считается великий (по оценке Нестора) Никон. Характерным признаком его летописной деятельности являлись ссылки «на нынешний день», на различные древние памятники, устойчивость в отношении литературной формы («идеже ныне...», «идеже есть...»), что позволяет вычленить его текст из ПВЛ. Эта стилистическая особенность его редактирования прослеживается, по наблюдению М. К. Каргера и В. И. Мордасова, начиная с легенды о возникновении Киева («от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне») вплоть до 1073 г.[61]

Являясь иудео-христианином, Никон не был ортодоксальным византинистом и, как монах, не стремился к идеалам монашеского аскетизма, наоборот, всю свою жизнь принимал активнейшее участие в политической жизни Киевской Руси. Он глубоко и разносторонне знал ее историю, историю Причерноморья, славянского мира и Византии. Избранный в 1077 г. игуменом крупнейшего на Руси Киево-Печерского монастыря, он в течении одиннадцати лет возглавлял обитель. Этот факт несомненно свидетельствует о том, что настоятель принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. В Несторовом «Житии Феодосия» Никон изображался ближайшим спод-

вижником Феодосия: то как учитель грамоты и чтения, то за неустанной книжной работой — «сидящу и строащу книгы» [62]. Приближенный ко двору Изяслава, он склонил к иноческой жизни и затем постриг в своей «пещере» дворецкого киевского князя Ефрема (впоследствии епископа переяславского), за что попал в немилость великого князя и был сослан в далекую Тмутаракань — место изгоев и форпост Руси на Меотийском и Понтском морях, в недалеком прошлом торговый город Хазарии [63]. Населенный пестрым людом, город тем не менее поддерживал в течение всего XI в. тесные торгово-экономические и культурные связи с Киевом, Переяславом и Черниговом. Одно время там был наместником знаменитый варяг Ратибор, впоследствии воевода переяславский и киевский.

Находясь в Тмутаракани около пяти лет, Никон основал вблизи города монастырь, активно участвовал во внутриполитической жизни княжества, вел летописные записи, совершенствовал знания по христианской и всемирной истории. Есть все основания предполагать, что именно там, в далеком изгнании, Никон познакомился с местными хазарскими преданиями о том, как поляне платили дань хазарам мечами, как старцы хазарские увидели в этом недобрый знак: предвестие того, что Русь когда-нибудь будет собирать дань с хазар. Возможно, именно в Тмутаракани печерский изгой прочитал «Историю Тарона» Зеноба Глака, в которой помещалась знаменитая древняя армянская легенда об основании городов в стране Палуни Куаром, Мелтеем и Хореаном. Сюжет этой легенды вполне мог послужить отправной точкой автору свода 1073 г. для создания легенды об основании Киева и его первых поселенцах — *полянах* [64].

Получив прощение от Изяслава, в феврале 1067 г. Никон возвратился в Киев и поселился в Печерском монастыре, где в течение шести лет самоотверженно трудился над составлением летописного свода. Соединив местные устные предания — киевские, киево-печерские, северопричерноморские (в частности, хазарские), армянские (?), новгородские — с несистематическими записями событий конца X — первой половины XI в. придворных княжеских летописцев, Сказанием о первых русских христианах (по Д. С. Лихачеву), Сказанием о славянской грамоте (полученном, по всей видимости, из архива князя либо от его жены Гертруды), он создал первую систематическую историю восточных славян.

Именно он, по мнению Д. С. Лихачева, придал своему произведению форму летописи, расположив материал по годовым статьям и пр.[65] Это было политически заостренное произведение летописца-приднепровца антивизантийской, антихазарской, антиваряжской и в определенной степени антиновгородской направленности, составленное, однако, не без доли тенденциозности. Тенденциозность летописца становится понятна при анализе политической и идеологической обстановки на Руси в 60—70-х годах XI в. Она, как известно, была чрезвычайно сложной и противоречивой.

После смерти Ярослава Мудрого, разделения церквей в 1054 г. и особенно после установления в 1061 г. на Руси правления «триумвирата Ярославичей», резко усилилась идеологическая экспансия на Русь Византии, римской курии, западных и центральноевропейских государств с целью экономической и политической дестабилизации Руси, подчинения ее своим экономическим и идеологическим интересам. Иногда в этих целях использовались дипломатические и матримониальные связи, заключенные правящими дворами крупнейших европейских государств с «трие» Рюриковичей. Так, Изяслав, старший из Ярославичей, как зять польского князя, проводил откровенно пропольскую политику. Неоднократно он находил политическое убежище в Польше, опирался на военную поддержку польских князей в борьбе за киевский стол. К тому же он поддерживал тесные сношения с папской курией [66]. Естественно, что свою политико-идеологическую ориентацию киев-

ский князь вынужден был каким-то образом оправдывать или хотя бы объяснять. Славяно-полянская (польская) концепция происхождения киевского княжества, таким образом, не случайна в летописном своде Никона. Она была естественным противопоставлением новгородско-русской концепции происхождения Руси, незадолго перед этим введенной в оборот идеологами Ярослава Мудрого в так называемой Новгородской летописи 1036 г., Древнейшем летописном своде 1037 г. Новгородском 1-м летописном своде 1050 г. и Слове о законе и благодати.

В своем произведении Никон, опираясь на византийские, хазарские и «полянские» источники, доказывает читателю первичность полянской династии Киевичей, владевшей «Польскою землей» с VI в. перед Рюриковичами, ведшими свою княжескую линию в Киеве от Игоря Старого с X в. Свод Никона проникнут идеей превосходства полян над другими восточнославянскими племенами, в нем звучит нескрываемая гордость за древность Киева, первых князей местной полянской династии от Кия до Дира. Обосновывая «ляшское» происхождение славян Среднего Поднепровья, летописец утверждает, что и поляне, и радимичи, и вятичи от рода «ляшского», т. е. польского [67]. Учитывая пропольскую ориентацию Изяслава Ярославича, не трудно догадаться, чей социальный и политический заказ выполнял печерский летописец.

Вместе с тем, учитывая широкую информированность Никона, его окружение, вряд ли можно допустить, что концепция поляно-славянского происхождения населения Среднего Поднепровья является исключительным вымыслом или фальсификацией. Имея в распоряжении древнейшие источники по истории Восточной Европы (византийские, хазарские, херсонесские, славянские — фольклорные и историографические), он в целом верно фиксировал начало и направление расселения славянских племен в Среднем Поднепровье, других регионах континента — начиная с VI в. н. э. (что подтверждается ныне данными археологии). Однако вызывает сомнение правомерность употребления им этнонима *поляне* по отношению к части среднеднепровского населения. Дело в том, что письменные источники, как отечественные так и иностранные, о чем выше говорилось, не фиксируют в Восточной Европе до второй половины XI в. этнос с таким названием, хотя аналогичный этноним известен у славян Моравии, болгар и ляхов.

Анализ свода 1073 г. указывает на то, что этноним *поляне* мог быть заимствован Никоном для своей хроники из Сказания о славянской грамоте IX в. для подмены им другой лингвоэтнической группировки славян, зафиксированной иностранными письменными источниками между Днестром и Днепром в V—VII вв. В основной части Сказания, западнославянские истоки которой убедительно доказаны Н. К. Никольским, подчеркивалось: «Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне...» В данном случае речь идет о западных славянах, ибо чуть раньше летописец объяснил, что «от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне» [68]. Последующая фраза — «яже нынѣ зовомая Русь» является интерполяцией, причем поздней и явно неудачной. Эта приписка, наиболее вероятно, принадлежит позднейшему редактору «Повести временных лет». Комментарий летописца о переложении книг, славянских первоучителях Андронике и Павле [69] еще более утверждает нас в мысли, что речь идет здесь о заимствовании из западнославянского источника, а фрагменты о восточных славянах (в том числе Руси) притянуты к ним искусственно.

На определенную тенденцию в освещении проблем происхождения населения Киева и его окрестностей в Новгородском 1-м летописном своде 1050 г. и Начальном своде 1095 г. обратил внимание А. А. Шахматов. В Новгородском 1-м летописном своде читается: «В лѣто 6362. Начало земли Русскои. Живяху кождо съ родомъ своимъ

на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ. И быша три братия» (далее о Кие, Щеке и Хориве — Н. К.) [70]. В «Повести временных лет» начало фрагмента иное: «*Полем же живщемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне*, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья...» [71]. Выделенные слова в Новгородской летописи отсутствуют. Текст фрагмента из ПВЛ, по А. А. Шахматову, восходит к Начальному своду [72]. Согласно нашему предположению, он уже присутствовал в «Первом Киево-Печерском своде 1073 г.» Никона Великого. Таким образом, налицо тенденциозность княжеских летописцев, освещавших начало Поляно-Руси.

Любопытна и такая фраза одного из авторов введения: «...аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху...» [73]. Здесь речь вроде бы идет о расположенных рядом со степью днепровских полянах. Но странным кажется то, что летописец подчеркивает принадлежность полянам славянского языка. Он как бы намекает на другое, иноязычное название полян (подменяемое или этимологизированное им), но не называет его.

Учитывая изложенное выше, логично предположить, что составитель свода 1073 г. знал из византийских и хазарских источников и о существовании в V—VII вв. в Среднем Поднепровье антов, и об их наследниках на данной территории уличах, переселившихся значительной группировкой в середине X в. в верховья Буга и Днестра, и об оставшемся славянском населении в Поднепровье, не последовавшем на Запад. Естественно, что летописцу надо было каким-то образом обозначить в сочинении и предков уличей, и часть их, оставшуюся на своих местах вплоть до 60-х годов XI в.

С этой целью, как нам представляется, Никон мог ввести в летопись новый этноним *поляне*, обозначив им антов византийских источников V—VII вв., над этимологией которых до сих пор не утихают споры в научном мире и чьими полноправными «этнокультурными» наследниками, по археологическим материалам, признаются уличи VIII—X вв. Возможно, все было гораздо проще. Летописец воспользовался какой-то «польской» легендой о происхождении полян, сложившейся к третьей четверти XI в. в среде ляхов — переселенцев Поросья и Посулья. Согласно последним научным этимологиям, слово «лех» возводится к слову «ленд» — *lęd* — (пустошь, необработанное поле) [74]. Отсюда логично вытекает объяснение хрониста, почему «от тех ляхов прозвашася поляне», и становится понятным, почему не участвуют в политической борьбе за Среднее Поднепровье конца IX — середины X в. наряду с уличами, древлянами, хазарами и Русью искомые «поляне» (о чем смотри выше).

Для объективного решения вопроса о полянах важное значение имеет разгадка антской проблемы, в первую очередь выяснение происхождения и причин загадочного исчезновения славянского народа, научное разрешение этимологии этнонима.

Как предполагает современная наука, диалектно-племенная группировка славян-антов сформировалась на основе гото-иранского субстрата, в условиях сложного симбиоза, имевшего место в V—VI вв. в обширной контактной зоне, протянувшейся лесостепной полосой от Дуная до верховьев Северского Донца и Сейма между юго-западной группировкой восточных славян и степями протоболгар — тюрков-кочевников [75]. Есть все основания считать, что на Днепровском Левобережье (в Подесенье, Посеймье) в этногонических процессах того периода активное участие приняло также коренное балтское население (носитель колочинской культуры).

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский сообщал о широком расселении антов: юго-западным пределом их земель был Дунай, на юго-востоке они соседствовали с утигурами, жившими по побережью

Меотийского озера [76] (Азовского моря.— *М. К.*), на северо-западе — со славянами-дулебами, на северо-востоке — с балтами [77]. Эта территория как раз соответствует ареалу пражско-пеньковской культуры V—VII вв., с которой идентифицируются анты [78]. В исследуемом ареале Левобережной лесостепи археологи выделили древности V—VII вв., в основном предметы украшений, обнаруживаемые в виде кладов и условно названные А. А. Спицыным «древностями антов», ибо аналогичные клады того же времени известны на Правобережье, где византийские историки VI в. локализируют «антские поселения» [79]. В 50—60-е годы Б. А. Рыбаков без достаточных для того оснований назвал спицынские «древности антов» «древностями русов», удревнив таким образом присутствие исторических «русов» в Среднем Поднепровье почти на три столетия [80]. Основанием для подобных интерпретаций археологических памятников ученому послужило упоминание в географическом приложении к сочинению Захарии Ритора (555) сказочного народа *hrws* [81], рассматриваемого исследователем не иначе как в роли исторического предшественника и творца Киевской Руси [82]. Между тем сирийское *hros* переводится языковедами не только как *рос — рус*, но и как *хрос, ерос* и пр.[83] В частности И. Маркварт, который ввел известие сирийского источника в оборот, отождествлял народ *ерос* с германским племенем *герулов* [84]. Многие отечественные языковеды категорически возражают против идентификации загадочного этнонима сирийского источника с одним из славянских (антских) племен. Так, А. И. Попов считает, что hros Захарии Ритора к собственно Руси не имеет никакого отношения, а является отражением библейского *Рос* (вместо подлинно семитского *Рош*), введенного переводом семидесяти толковинов во всеобщее употребление у византийских духовных писателей. Еще более решительно выступала против попыток видеть в данном народе русов-славян Поднепровья Г. Ф. Корзухина. «Надо исключить из арсенала источников по истории славян сообщение Псевдо-Захарии»,— писала исследовательница. Сочинение, в котором упоминается народ *hros*, посвящено описанию народов Кавказа [85].

Исследователи неоднократно предпринимали попытки ответить на вопрос, какую часть славянства составляли анты. Ими высказаны различные догадки, однако большинство этих гипотез, на наш взгляд, далеки от истины. Очень многие из ученых, подходя к решению весьма сложного вопроса, пытаются выдать желаемое за действительное, не считаясь с историческими фактами. Так, А. Л. Погодин и Ю. В. Готье склонны были видеть в антах всех восточных славян середины I тысячелетия н. э.[86]; А. А. Шахматов предполагал, что анты — первый этап в истории русского племени [87]; Л. Нидерле, А. А. Спицын и М. С. Грушевский считали, что анты составляли только южную группу восточных славян [88], по мнению ведущего советского археолога В. В. Седова, анты — племенная группировка праславянского периода, принявшая (вместе с другими праславянскими группировками) участие в этногенезе будущих восточных, южных и западных славян [89]. С этими выводами или предположениями трудно согласиться.

Исследователи не обратили внимания на тот очевидный факт, что анты — новая этнополитическая общность славянства, в формировании которой огромную роль сыграли этногонические процессы, вызванные к жизни Великим переселением народов (в частности, «великим расселением славян» V—VIII вв.), социальными сдвигами эпохи классообразования и формирования в Восточной Европе раннефеодальных государств и народностей. Прокопий Кесарийский располагал сведениями, что славяне и анты в недалеком прошлом составляли один народ, обладавший единым языком и культурой. Вследствие этнополитических катаклизмов единство юго-западной группировки славян было нарушено, образовалось два ее ответвления:

материнское — склавины; дочернее — анты. Антская историческая общность синтезировалась из множества языковых и этнографических групп населения в огромной буферной зоне, образовавшейся в лесостепи между метрополией славян-земледельцев (дулебов) и тюрками-кочевниками. Постепенно консолидируясь в отдельную этнографическую общность, анты, по мере усиления в ней славянского компонента, выработали в языковом отношении свой особый диалект, что давало возможность их современникам византийцам отличать анта от склавина.

По мнению М. Ю. Брайчевского, антский союз племен в структурном плане объединял как бужан, уличей, тиверцев, белых хорватов, так и дублеров и в количественном отношении исчислялся несколькими миллионами человек [90]. Это было объединение племен, характерное для переходного периода от военной демократии к раннефеодальному государству, контролировавшее значительные лесостепные пространства территории от Карпат до Северского Донца. Политическая организация антов не была прочной, но зато (согласно сведениям византийских хронистов) демократичной. Анты имели свои языческие верования, близкие к эллинским (греческим). Верховным божеством признавали бога грозы Перуна. Они избирали своих военных предводителей — вождей, руководивших войском, и вели самостоятельную политическую деятельность, подобную той, которую проводили на данной территории в в III—V вв. росомоны (*конные мужи, конники* — гото-иранское) *, а затем их последователи — уличи. Их этнокультурная неопределенность, пестрота в какой-то степени объяснимы отсутствием политической стабильности на их территории, сильными, постоянно меняющимися влияниями извне. Источники свидетельствуют, например, что анты выступали союзниками и славян, и гуннов (болгар-утигуров), и византийцев [91]. Нестабильность политической ориентации антов объясняется этнической пестротой населения контактной зоны, продолжительными пребываниями на их территории кочевых орд протоболгар, авар, мадьяр, слабыми связями со славянской метрополией (Волынью, Подолией, Правобережьем Днепра).

Необходимо отметить для V—VIII вв., что на Днепровском Левобережье антской территории (по археологическим материалам) сильнее прослеживается влияние иранского и тюркского компонентов, в то время как на Правобережье — славянского. Это явление объясняется направлениями колонизационных потоков славян в тот период: в южном направлении они были гораздо интенсивнее, чем в юго-восточном [92]. На рубеже VII—VIII вв. ситуация на Левобережье резко изменилась: усилились северо-восточные миграционные потоки славян, вызванные, с одной стороны, оттоком (в условиях карательных экспедиций византийских императоров и болгарских ханов против славян) из Балкан и Подунавья южнославянского населения на Днепровское Левобережье и далее в Волго-Окское междуречье, в земли, ранее занимаемые ираноязычными савирами, аланами, а также балтами, угро-финнами **, с другой,— встречной

* Этимология названия народа *росомоны*, выведенная Б. А. Рыбаковым как *росы-мужи* (*Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— С. 84—85), по нашему мнению, нуждается в существенном уточнении. Она успешно решается на основе анализа гото-иранских лексических влияний II—V вв. Этноним действительно состоит из двух частей, однако первая из них имеет свое конкретное значение: гот. *ros* (сравн. исландское *hross* или нем.— *Roβ*) — *конь, лошадь* и осет. *тојпе — муж*, откуда *конник, конный муж* (*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965.— М., 1967.— С. 11).

** Это передвижение отразилось в исторических преданиях о расселении славян с Дуная, в топонимике, фольклоре и языке, материальной культуре восточных славян (Детальную аргументацию см.: *Стрижак О. С.* Сіверяни // Мовознавство.— 1973.— № 1.— С. 67—75; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА.— М., 1970.— № 163.— С. 126—131; *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей.— М., 1981.— С. 46—52).

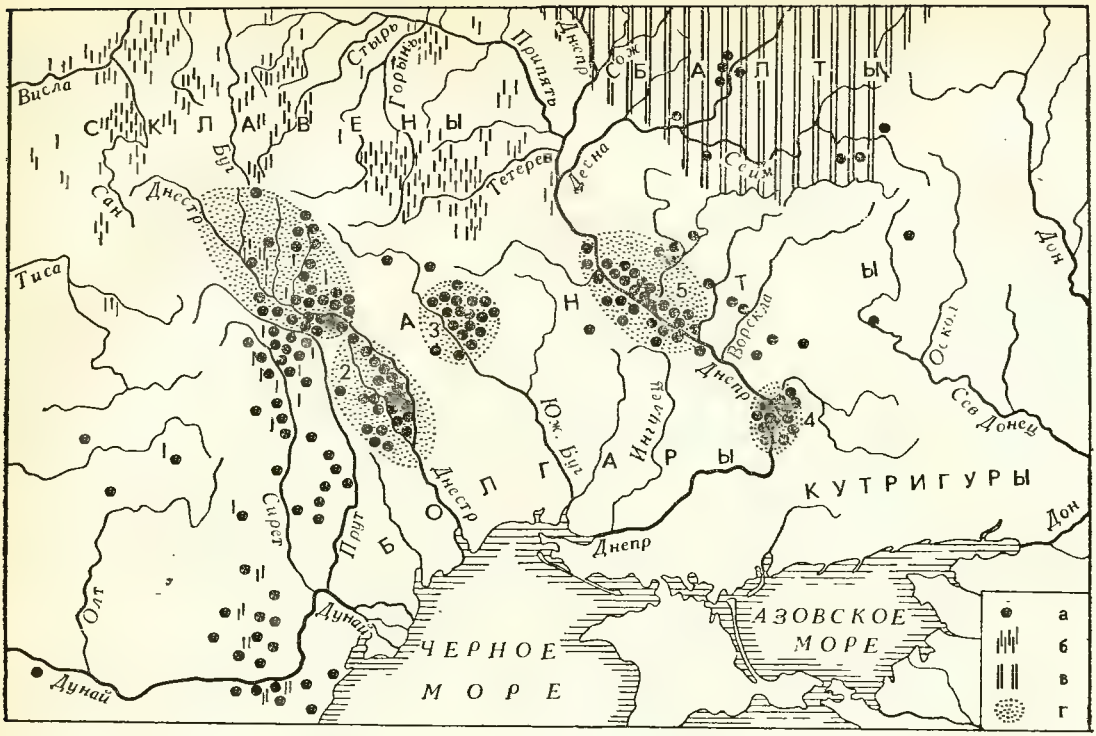
экспансией Хазарского каганата (650—660 гг.), противодействовавшего продвижению славян в Подонье. Именно в этот период на территории пражско-пеньковской культуры появляются памятники типа Пастерского — Канцеровки, оставленные отступающими на запад болгарами, а в более северных районах Подесенья и Посеймья гибнут поселения культуры Тушемля—Колочин (вторая половина VII — первая половина VIII в.). Вследствие этих передвижений на Днепровском лесостепном Левобережье происходит интенсивное размывание ираноязычного субстрата. Сармато-аланские племена ассимилируются славянами, вытесняются в бассейн Дона. При этом колонисты приобретают наименование «северо» по дославянскому названию местности.

Ввиду фрагментарности письменных известий о восточных славянах V—VII вв. представляется загадочной судьба антской группировки, контролировавшей непосредственно Средний Днепр. Для выяснения этой проблемы необходимо коснуться семантики этнонима анты. Как известно, значение этнонима трактуется в научной литературе весьма противоречиво. Одни исследователи объясняют происхождение этого славянского имени из индоиранского, другие — балтского, третьи — тюркского, четвертые — германского языков и т. д.[93]. Мы разделяем мнение авторитетного языковеда О. Н. Трубачева, считающего для этнического названия V—VII вв. *анты* наиболее приемлемым сближение с древнеиндийским *anta — конец, край* (ср. финск. *raja — граница, рубеж*; эст. *raja — граница, край*) — безукоризненное с фонетической и семантической сторон, поскольку анты действительно занимали юго-восточную окраину славянства, известную вскоре под названием «Украины» [94]. Восточнее их находились ираноязычные *савиры — северы*. Таким образом, этноним *анты*, по всей вероятности, переводился на славянский как «украинцы, жители пограничной области — окраины какой-либо земли» [95]. Дело в том, что, по заключению специалистов, этноним анты не был самоназванием юго-восточных славян, оно дано им извне соседними иранцами [96], вполне возможно летописной «северой» до ее славянизации.

Как известно, последний раз этнонимом анты упоминается у византийского автора Феофилакта Симокатты. В сочинении о событиях аваро-византийской войны 602 г. он сообщает, что аварский каган послал против антов — союзников Византии, своего полководца Апсиха с целью «истребить это племя» [97]. Удалось ли аварскому военачальнику выполнить указание кагана, неизвестно, ибо источники об этом умалчивают. Однако после того года ни один византийский документ не упоминает антов. Этот факт дал повод историкам для предположения об истреблении антов аварами. Между тем трудно поверить в вероятность происшедшего на огромной территории от Дуная до верховьев Дона. Имеющиеся археологические материалы решительно опровергают эту гипотезу: в культурных напластованиях большинства исследованных пеньковских (антских) поселений нет следов аварских погромов, т. е. большинство населения осталось на своих местах [98].

Тем не менее, исходя из общеполитической обстановки, сложившейся на юге Восточной Европы в середине и второй половине VIII в., можно предположить, что материнский союз юго-западной группировки славян под господством дулебов, о которых скупо упоминал арабский хронист середины X в. Масуди [99], под ударами авар распался. Все лесостепное Правобережье Днепра было включено в состав Аварского каганата, степные пространства Причерноморья удерживали за собой болгары [100].

Учитывая сведения Повести временных лет о зверствах авар над дулебами (волынянами) [101], естественно предположить, что и на антской Левобережной «Украине» также имели место широкомасштабные вторжения тюрков, разрушивших административно-военные центры славян и присоединивших в середине VIII в. Днепровское Лево-



Расселение антов в V—VII вв. (по В. В. Седову):

а — памятники антов V—VII вв.; б — области расселения славянской группировки культуры Прага—Корчак (склавены Иордана); в — ареал балтских племен; г — племенные регионы: 1 — территория хорватов по данным X—XII вв.; 2 — область расселения тиверцев; 3 — племя с неизвестным этнонимом; 4 — ареал уличей; 5 — основной регион русов

бережье к владениям Хазарского кагана. Вследствие военного подавления антских дружинных формирований как на Правобережье, так и на Левобережье, их имя постепенно забывается. Вместо него население контактной зоны (аланы, тюрки, славяне) вырабатывают себе другое название — угличи или уличи, возможно, по нахождению нового административно-политического либо военного центра (на р. Угол, что в Надпорожье). При этом оно сохраняет в самосознании и свое старое наименование — анты («украинцы»), переосмысленное на славянский лад и переданное в наследство славянам-колонистам.

В процессе дальнейшей борьбы славян юго-запада Восточной Европы (вместе с западными славянами и франками) против аварских каганов (особенно после падения господства последних в Северном Причерноморье в середине VIII в.) возрождается союз юго-западной группировки восточнославянских племен, обретая политическую независимость. Это способствовало экономическим и социальным преобразованиям их общества, формированию государства с центром в Киеве. Как и славянское «государство Само» VII в., Киевское княжество было результатом внутреннего общественно-экономического и культурного развития славян Днепровского Правобережья, консолидационных процессов, способствовавших укреплению и объединению в борьбе с иноземным игом их разрозненных племенных союзов (волынян, бужан, древлян и уличей) в единый государственный организм. К VIII в. относится возникновение нового киевского городища — свидетельство роста новой межплеменной столицы [102]. К 30-м годам IX в., видимо, восходит ценное известие Масуди о том, что «первый (то есть первый с Восто-

ка.— Н. К.) из славянских царей есть царь Дира», имевший «обширные города и многие обитаемые страны (земли.— Н. К.); мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами» [103]. По сведениям польского хрониста Длугоша, киевские князья Дир и Аскольд * являлись последними из династии Киевичей [104], правившей в Киеве с VI в. по 30-е годы IX в.

Правление Дира есть все основания отнести к 30-м годам IX в., до вторжения норманнов в Среднее Поднепровье и возникновения на основе Киевского славянского княжества государственного образования разбойничье-купеческой организации скандинавов, в значительной степени затормозивших социально-экономическое развитие юго-западных славян, возродивших на их землях режим военной демократии и отживавшего рабовладельческого строя [105].

В VIII — начале IX в., благодаря установившимся торгово-экономическим связям Киева с Хазарским каганатом и Арабским халифатом, в Среднее Поднепровье начали проникать восточные товары. О существовании торговых связей с Востоком свидетельствуют находки арабских дирхемов VIII — начала IX в. в составе кладов и отдельных монет на Днепровском Левобережье, Правобережье и в Поднестровье [106]. Особенно много арабских монет этого периода найдено на территории Киева, что подтверждает его роль как значительного политического, экономического и торгового центра юго-западных славян Восточной Европы [107].

Для рассмотрения этнотерриториальной подосновы Переяславской земли древнерусского времени большое значение имеет изучение возвратной волны расселения групп южнославянских племен на восток и северо-восток (по отношению к уличам-полянам). Согласно данным письменных источников, археологических и топонимических материалов это расселение происходило в конце VIII в. и было вызвано деятельностью первых протоболгарских ханов («царей»), вытеснявших с центральных областей формировавшейся на Балканах Болгарской державы на ее окраины славянские племена (северян, «союза семи родов», или племен, и др.). К передвижению значительных масс южных славян с Подунавья и Балкан на Днепровское Левобережье, в бассейн Верхней и Средней Оки в значительной степени вынуждали непрекращавшиеся десятилетиями славяно-византийские, аваро-болгарские, аваро-славянские, болгаро-византийские и прочие войны, истреблявшие население, разорявшие хозяйство славян-земледельцев. Пытаясь закрепиться то на востоке современной Румынии (в бассейне рек Прута и Серета, а также нижнем течении Дуная), то в Поднестровье, они вынуждены в конечном итоге продвинуться через Среднее Поднепровье на северо-восток в менее плодородные, зато более безопасные для жизни земли, заселенные спорадически балтским и угро-финским населением [108]. Территория расселения южнославянской группы племен включала земли летописных радимичей, вятичей, северян и частично смолян. В последующий период истории население именно этих «племен» составило южную часть формировавшейся русской народности.

Исследуя проблему вытеснения болгарами из района Шумена и Преслава северян и союзных им «семи славянских родов», украинский ономаст А. С. Стрижак предполагал, что именно болгарские «северы» принесли с собой на Днепровское Левобережье топоним Переяслав и северскую (то есть роменскую) культуру [109]. Однако предположение ученого относительно основателей города на Трубеже не подтверждено археологическими материалами: в районе Переяслава-Хмельницкого практически не прослеживается роменская (северянская) культура [110], хотя в последнее время выявлена ее предшественница на этой территории — волынцевская.

* По всей вероятности, это соправительство надумано. Аскольд, как предводитель варяжской дружины, правил в Киеве позже.

Для нашего исследования важно рассмотреть географические пределы расселения северянского племенного союза (в составе южно-славянской группировки) по отношению к уличам-полянам, тяготевшим к юго-западной группировке славян. Следует отметить, что, несмотря на разногласия в интерпретации археологических эквивалентов отдельных летописных племен, усилиями многих археологов, прежде всего Б. А. Рыбакова, И. И. Ляпушкина, И. П. Русановой, Г. Ф. Соловьевой, В. В. Седова, Е. А. Горюнова, О. В. Сухобокова, О. М. Приходнюка, Е. А. Шинакова, А. П. Моци и других, историко-культурные памятники (городища, селища, могильники), оставленные восточнославянскими союзами племен, ныне хорошо изучены и датированы, определены ареалы распространения их как на Правобережье, так и Левобережье (в частности, в междуречье Десны и Ворсклы).

Границы формировавшихся этносов в пределах Днепровского Левобережья размежевываются по археологическим материалам следующим образом: северная граница расселения уличей-полян по материалам VIII—X вв. проходила от Днепра на восток междуречьем Остра — Десны; восточная шла от верховьев Остра левобережьем Удая до его устья и далее в направлении Полтавы, где поворачивала на юго-запад к Днепру в междуречье Ворсклы — Орели [111]. Восточнее линии Ивангород — Лубны — Хорол — Полтава находились земли северян. От Полтавы северская граница шла на восток к изгибу Северского Донца, затем резко поворачивала на север в междуречье Уды и Донца, далее в направлении верховьев Сейма [112].

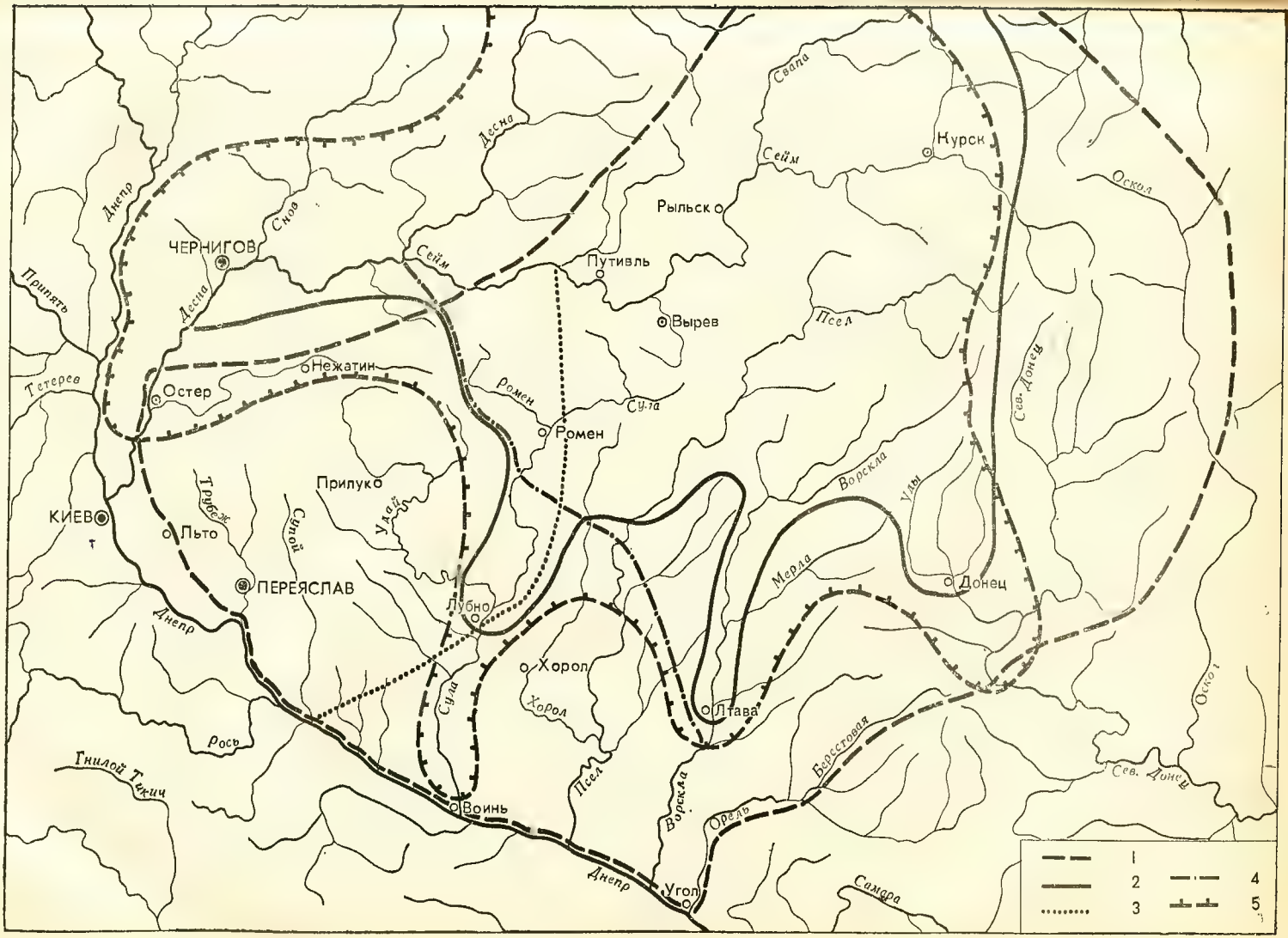
Необходимо учитывать тот факт, что первыми славянскими поселенцами на очерченной северской территории (южнее Десны) в VI—VIII вв. были колонисты с Правобережья *, т. е. население юго-западной группировки славян, несколько отличное, как выше подчеркивалось, по своему этнографическому облику от населения южной группировки. Об этом свидетельствуют памятники антского типа из южных районов Днепровского лесостепного Левобережья [113]. Севернее Десны (вплоть до конца VIII в.) простирались земли балтских племен, оставивших колочинские древности [114].

В конце VIII в. бурным расселением южнославянской группировки племен завершается «великое расселение славян» на территории Восточной Европы [115], ускоряется ее хозяйственное освоение: возникают города, прокладываются торговые пути, формируются новые раннефеодальные государственные образования, активно вступавшие в политическую борьбу за сферы влияния на континенте.

Следует отметить, что уличско-полянское Левобережье (100—150-километровая полоса междуречья Остра — Орели) не изобилует населенными пунктами VIII — начала IX в. в отличие от густонаселенной северской территории. Это свидетельствует, очевидно, как о постоянной опасности, грозившей уличам, на земли которых с древнейших времен постоянно вторгались кочевники, так и о недобрососедских отношениях уличей-полян и северян. Подтверждением последнего, в частности, является неприязненное отношение летописца к северянам (равно как и к радимичам, и вятичам), характеризовавшего их как ведущих «звѣриньский образ» жизни в лесах [116]. Возможно, именно разногласиями между двумя могущественными союзами славянских племен следует объяснить то, что одному из них в VIII—начале IX в. навязывает даннические отношения государство хазар, заставив платить их «по беле и веверице от дыма» [117].

Наличие на правом высоком берегу Днепра множества уличских (полянских) селищ, синхронных роменским (северянским), дает право предполагать, что «пустующие» плодороднейшие и богатые животным миром левобережные земли, примыкавшие к Днепру, эксплуатировались главным

* Население этой юго-западной группировки славян вместе с тюрками создали синкретическую пражско-пеньковскую культуру.



Расселение уличей-полян и северян на Днепровском Левобережье по археологическим данным VI—X вв.:

1 — юго-восточные рубежи Переяславской земли во второй половине XII в.; 2 — граница распространения северских памятников VIII—X вв. (роменская культура), по данным И. И. Ляпушкина; 3 — восточная граница расселения полян по И. П. Русановой; 4 — западная граница расселения северян, по Б. А. Рыбакову; 5 — граница роменской культуры, по данным О. В. Сухобокова

образом выходцами из Правобережья [118]. Очевидно, их, как и в более позднее время, привлекало сюда прежде всего отходничество — занятие промысловой охотой, рыболовством, бортничеством [119]. Кроме того, заливные луга Левобережья могли широко использоваться для пастбищ, сенокосов и пр.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно с большой долей вероятности предположить, что в канун формирования в Среднем Поднепровье государственного образования «Русская земля» Днепровское Левобережье входило в состав Киевского славянского княжества Дира, поддерживавшего экономические и политические контакты с Хазарским каганатом. Его население составляли преимущественно уличи — этнополитическая общность, сложившаяся на основе полиэтничного антского (полянского) этноса V—VIII вв. и защищавшая подступы к Киеву с юга и юго-востока. Вероятным административным центром этой общности мог быть Переяслав на Трубеже — один из 318 уличских городов, о которых имеются сведения в западных источниках.

Учитывая новейшие достижения археологов в изучении региона, а также авторитетное мнение языковедов о том, что термин *уличи* является тюркской передачей славянского *угличи* [120], можно предположить, что значительную часть населения Левобережья (наряду со славянами) составляли тюрки-конфедераты (болгары и др.*), несшие на определенных условиях военную службу киевскому царю или князю аналогично черным клобукам древнерусского времени.

Наименование в древнерусских источниках части среднеднепровского населения полянами, как нам представляется, является поздней интерполяцией в великокняжескую либо киево-печерскую летопись (свод 1073 г.), преследовавшей политическую тенденцию. В сложных условиях внутриполитической борьбы в Киевской Руси третьей четверти XI в., религиозного давления Рима и Константинополя, автор летописной «повести» формировал самосознание славянского населения Среднего Поднепровья, его национальную идею, стремился консолидировать его для борьбы с внешней агрессией.

---

* Изложенная научная гипотеза о полянo-уличах в значительной степени может быть углублена решением проблемы локализации «Леведии» — территории, на которой останавливались мадьяры на пути движения с Великой Венгрии в Паннонию. Венгры (мадьяры, турки, угры, гунны), находившиеся в 830—890-х годах, как предполагается, в Донецких степях и Нижнем Поднепровье (между Доном и п. пр. Днепра Ингулом) в непосредственном соприкосновении с уличами, а возможно, и господствовавшие одно время над ними, несомненно, влияли на этнический состав и этнографический облик юго-восточной группировки славян. Памятуя о том, что ряд исследователей археологов идентифицируют часть носителей салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. с венграми, языковедам, как нам представляется, важно проанализировать форму этнонима *уличи* (unlizi-(h)unlizi?), приводимую Географом Баварским (*Москаленко А. Н.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров.— М., 1972.— С. 192—194; *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. Тр. советско-болгаро-венгерской экспедиции.— М., 1984.— С. 20—25; *Шушарин В. П.* Венгерские племена до прихода в Среднее Подунавье // История Венгрии.— М., 1971.— С. 87—98; *Седов В. В.* Венгры в Восточной Европе // Археология СССР: в 20 т. Финно-угры и балты в эпоху средневековья.— М., 1987.— Т. 17.— С. 236 — 239; *Перени И.* Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами // Stydia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.— 1956.— 2.— S. 1—29; *Feher G.* Zur Geschichte der Steppenvölker von Russland im 9.— 10. Jh., 6: Die Ungarn in Levedien // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae— 1959.— 5.— S. 306—326; *Wincenty Swoboda.* Lebedia // Sl. SS.— T. 3.— S. 30—31).

ГЛАВА III

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦ

Ретроспективное историко-географическое исследование древнерусской истории Переяславской земли показывает, что начало складывания основной территории княжества относится ко времени образования территориального и политического ядра Древнерусского государства — «Русской земли», формировавшейся и утверждавшейся в Среднем Поднепровье во второй трети IX в. в ожесточенной борьбе «Руси» с местным населением и внешнеполитическим соперником — Хазарским каганатом [1].

Автор «Повести временных лет» на основе анализа греческого летописания в конце XI в. связывал возникновение политического образования «Русская земля» со временем царствования византийского императора Михаила III (842—867). Под 852 г. он сообщал: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ...» [2]. Однако эта дата отражала, как убедительно показал А. Н. Сахаров, уже факт дипломатического признания Древней Руси [3]. Наиболее ранние сведения о существовании в Среднем Поднепровье государства Рос содержат Бертинские анналы — ценнейший западноевропейский источник по истории Киевской Руси IX—XI вв.[4]. Епископ Пруденций зафиксировал в Бертинской хронике под 838—839 гг. чрезвычайно важный исторический факт прибытия в Константинополь к византийскому императору Феофилу (829—842) и в Ингельгейм — столицу Франкского государства к Людовику Благочестивому (814—841) первых официальных русских посольств [5] с целью установления связей и прорыва тем самым дипломатической изоляции Руси со стороны соседних славянских княжеств, а также Хазарского каганата, стремившегося восстановить контроль над Средним Поднепровьем. На независимое положение Руси от Хазарии в это время указывает тот факт, что вышеупомянутое посольство представляло интересы киевского князя, принявшего титул кагана [6]. Принятие верховным киевским правителем столь высокого титула было своеобразным вызовом Хазарии и свидетельствовало о возросшем могуществе Руси. Возможно, с этим моментом русско-хазарских отношений связана торговая блокада Руси со стороны Хазарии. Если проанализировать карты денежного обращения IX—X вв. в Восточной Европе, составленные В. Л. Яниным [7], то нельзя не заметить совпадение западной границы ареала второго периода распространения дирхема (833—900) с восточными рубежами «Русской земли» середины X в.[8] Причина почти векового исключения юго-западного региона восточного славянства из сферы распространения куфических монет может быть объяснена лишь одним: вхождением территории уличей-полян и западных северян в раннегосударст-

венное образование «Русская земля», противостоявшее Хазарскому каганату.

Вопросы о происхождении названия *Русь*, о начале Древнерусского государства не входят в задачу нашего исследования, тем не менее нельзя не отметить тот вполне очевидный историографический и историко-географический факт, что название *Русь* первоначально фиксируется в источниках конца VI—VIII вв. на севере Восточно-европейской равнины в зоне интенсивных контактов двух потоков колонистов (торговцев пушниной) — словен и скандинавов с местным угро-финским населением, как результат их языковых взаимовлияний. Об этом свидетельствуют не только имеющиеся письменные и археологические материалы, данные топонимики района Старой Руссы, но и достижения лингвистов, историков в этимологизации этнического и географического имени *Русь* [9]. Благодаря трудам Г. А. Хабургаева, А. И. Попова, Е. А. Мельниковой, Д. А. Авдусина, Г. С. Лебедева и других скандинавская этимология названия *Русь* (через финское *ruotsi*) перестает восприниматься нынче как проявление крайнего норманизма, предстает достаточно обоснованной с лингвистической стороны [10].

Имеет ли связь термин *русь* с южно-восточноевропейским термином *рос* или они возникли независимо друг от друга, как предполагал В. А. Брим [11], исследователям еще предстоит доказать на основании изучения этнокультурных взаимовлияний различных этносов Восточной Европы (главным образом гото-ирано-греческих), имевших место в первой половине I тысячелетия новой эры.

Вместе с тем, по мнению большинства из них, на ранних этапах формирования ас-Славийи с центром в городе Салау (славянское — Слава) — предшественницы Новгородской земли (согласно восточным источникам IX—X вв.) *русь* была обозначением скандинавских «*находников*», затем местного раннефеодального *рыцарства* — дружин, купечества, боярско-княжеской администрации, выделившейся из полиэтничной общественной среды и постепенно распространившей свою власть на соседние территории [12]. Из Славии термин проник на Верхнюю Волгу, где в районе Ростова формировался второй центр Руси — Арса (Арта). В конце 30-х годов IX в. одна из группировок русов овладела Киевом (Куябой восточных источников), превратив его из основного политико-административного центра юго-западной конфедерации восточных славян и крупного торгового центра на трансконтинентальном пути Восток — Запад в свой опорный пункт на новой торговой артерии «из варяг в греки».

Из нетрадиционных точек зрения на размещение главной группы русов восточных источников IX в. (ас-Славийи) важно рассмотреть в нашем исследовании мнение Б. А. Рыбакова, отождествлявшего Славу с Переяславом-Русским [13]. В пользу точки зрения исследователя — сходство названия города на Трубеже с тем, что упоминается в некоторых сочинениях аль Балхи, аль Истахри и др. (наличие общего корня, объяснение летописцем происхождения города от «перея славу»), а также выдающаяся роль его как третьего центра «Русской земли» в начальный период древнерусской истории. К сожалению, отсутствие в районе Переяслава-Хмельницкого каких-либо признаков древнерусского поселения IX—X вв. (до строительства крепости Владимиром Святославичем) сводит на нет гипотезу ученого. Большинство исследователей почти единодушно отождествляют г. Славу с предшественником либо Ладоги либо Новгорода — главных центров ильменских словен. По их мнению, Новгород вполне мог носить такое название в предревнерусский период своей истории [14].

Анализ известий письменных источников 30-х годов IX — середины X в. о событиях в Среднем Поднепровье в сопоставлении с имеющимися археологическими материалами свидетельствует о том, что в течение весьма продолжительного времени протогосударственная (если ее можно так именовать)

территория Днепровской Руси с центром в Киеве не выходила за пределы так называемого «Киевского треугольника» (междуречья Ирпеня — Стугны — Днепра) на Правобережье и неширокой (до 25 км) залесненной полосы левого берега Днепра, представляя собой подобие позднейшей Запорожской Сечи, куда стекались «находники» со всех концов Восточной Европы.

Северными и южными вратами Южной Руси, по мнению исследователей, являлись первоначально Вышгород и Витичев, расположенные на месте стратегически важных бродов. Сохранившиеся древнерусские городища этих населенных пунктов содержат культурные слои IX—X вв., что свидетельствует об их функционировании в тот период. Примечательно и то, что оба городища находятся в пределах видимости из Киева * и должны были, по всей вероятности, предупреждать нападение врагов на военно-политический и торговый центр Руси.

В пользу такого мнения свидетельствует выявленная на Витичевском холме сигнальная башня и само наименование города, происходящее, как считают некоторые исследователи, от древненорвежского — *viti (vete)*, означающего «*штабель дров для световой сигнализации*» [15]. Восточные территориальные пределы Руси Начальной летописи обозначают, по всей вероятности, гидроним *Остер* (герм. *oster* — *восточный*), а также верховья небольших притоков Трубежа — Альты (герм. *alte* — старая), вблизи которой расположено с. Старое, нанесенное на картах XVII в.[16], имеющее древнерусское городище X—XIII вв., и р. Карани. Как будет показано в дальнейшем, русские князья неоднократно вынуждены были отступать на Левобережье за этот рубеж, теснимые то хазарами, то печенегами, то северянами, то половцами.

Северо-западными соседями обосновавшихся в Киеве русов оказались древляне, северо-восточными — северяне, южными — уличи-поляне. Причины появления северных русов в Киеве в конце первой трети IX в. во многом неясны. Летописная же версия рассказа о вокняжении «рюриковых бояр» в беспризорном полянском Киеве явно неправдоподобна.

Как нам представляется, на основе изучения всего комплекса имеющихся источников, основной причиной появления в Киеве вооруженных дружин с берегов Варяжского моря явились столкнувшиеся в Среднем Поднепровье экономические и политические интересы Руси и Хазарского каганата. К началу IX в. хазары полностью взяли под свой контроль торговлю Руси и новгородских словен, осуществлявшуюся как по Итилю (Волге), так и по Днепру, подчинив своей власти северян, вятичей, радимичей, а также уличей [17].

Со второй трети IX в. заметно стремление русских каганов изменить неблагоприятную для них экономическую ситуацию, сложившуюся в Восточной Европе. Первой активизировала внешнеполитическую деятельность Южная Русь, о чем сообщает в «Повести временных лет» под 862 г. (явно ошибочно в смысле датировки события) киево-печерский летописец: «многи варяги съвокуписта», Аскольд и Дир «начаста владѣти польскою землею» [18]. Несколько иначе повествуется о начале борьбы этих князей за Среднее Поднепровье в реконструированном А. А. Шахматовым Начальном своде 1093 г. Аскольд и Дир, пишется там, «къняжаща Кыевѣ и владѣюща Полями и бѣша ратни съ древляны и съ уличи» [19]. Надо полагать, с учетом вышеупомянутых данных о денежном обращении в IX в., что к 40-м годам этого столетия хазары были вытеснены со Среднего Поднепровья и Русь получила желанный, хотя и небезопасный, выход в Понтское море по древнему водному Днепровскому пути «в греки».

Установив «ряд» со знатью соседних племенных княжений и включив ее в вассальную иерархию формировавшегося государства на условиях уплаты

---

* Вышгород на расстоянии — 25, Витичев — 35—40 км.

даней и военной службы киевскому князю, Южная Русь уже в период княжения Аскольда превратилась в политически господствующее, консолидирующее ядро славянских племен, составивших, по образному выражению Б. А. Рыбакова, «суперсоюз» государственного типа [20]. Основными рычагами, с помощью которых Русь осуществляла «сближение» восточнославянских племен вокруг Киева, были прежде всего полюдье — наиболее архаичная форма установления подданства и эксплуатации зависимых народов через несистематическое взимание с них натуральных податей (со временем реорганизовано в регулярные дани), другие государственные повинности: строительство городов, дорог, оборонительных линий, речных и морских судов, организация военно-сторожевых, волоковых и паромных служб. Важное консолидирующее значение имели также постепенное распространение княжеского суда, военные походы киевских князей, сплачивавшие их пестрые в этническом отношении дружины, дипломатическая активность Руси, защищавшей общие интересы всех племенных княжений возникшего «суперсоюза». Направление официальных посольств в Константинополь и Ингельгейм, принятие киевским князем титула кагана, крещение Южной Руси при Аскольде (867) [21] свидетельствовали о том, что дальнейшее развитие южнорусского союза шло по пути превращения его в раннефеодальное государство.

К сожалению, предметно судить о характере взаимоотношений Руси со знатью племен-конфедератов в тот период чрезвычайно трудно ввиду отсутствия надежных источников. Судя по событиям конца IX — первой половины X в. в Среднем Поднепровье, можно предположить, что они были весьма напряженными если не враждебными.

В конце 80-х годов нашего столетия источниковедческие разыскания известного украинского историка и археолога М. Ю. Брайчевского дали надежду на то, что будет пролит свет хотя бы на характер взаимоотношений в IX в. трех основных центров «Русской земли»: Киева, Чернигова и Переяслава, чьи представители участвовали в подписании русско-византийских договоров начала X в. Анализируя тексты соглашений 907 и 911 гг. Руси с Византией, исследователь пришел к выводу, что они относятся к совершенно другой эпохе, а именно времени правления в Киеве князя Аскольда. Новые датировки договоров — 860 и 874 гг., т. е. годы до объединения Южной и Северной Руси в единое государство, достаточно аргументированы ученым [22]. Как известно, в упомянутых договорах-харатьях содержатся первые упоминания о Переяславе, где сидел подвластный киевскому царю «велиций князь», которому греки обязывались платить «уклады» (контрибуцию).

В пользу выводов М. Ю. Брайчевского говорят следующие факты: во-первых, упоминания о подписанных договорах 860 и 874 гг. в византийских источниках и отсутствие таковых о соглашениях 907 и 911 гг.; во-вторых, отсутствие в списке городов, получивших «уклады» — Новгорода, Пскова, Смоленска, т. е. городов Северной Руси, расположенных за пределами христианской «внутренней Руси»; в третьих, путаница с количеством правителей Византии, подписывавших договоры, другие хронологические и прочие неопределенности [23].

Надо признать, однако, что выводы, к которым пришел украинский исследователь Начальной летописи, встретили в среде московских и особенно ленинградских историков резкие возражения и неприятие. По их мнению, построения М. Ю. Брайчевского представляют собой «плод ничем не сдерживаемой фантазии» [24]. Ученый обвиняется в довольно свободном обращении с источниками, игнорировании достижений современного источниковедения, использовании сведений «ненадежных источников» и т. д. В частности, как считает Я. С. Лурье, это касается сведений IX в. о походах Аскольда и Дира на Византию: содержащие-

ся в Никоновской летописи XVI в., они отсутствуют в более раннем летописании. Текстологическое изучение Никоновской летописи и установление ее главных источников (Б. М. Клосс) показали, что известия об Аскольде и Дире «носят отчетливо легендарный характер», «представляют собой явные интерполяции летописца XVI в., связанного с митрополитом Даниилом» [25]. Б. М. Клоссом установлено также, что сведения о походе Аскольда и Дира, имеющиеся в ПВЛ, почерпнуты киевским летописцем из греческой хроники Продолжателя Амартола [26]. Однако в греческом тексте слов об Аскольде и Дире, имеющихся в русском тексте, нет. Они внесены в текст ПВЛ рукой древнерусского компилятора. Не ясно, откуда почерпнул летописец хронологическое определение похода (866). Его также нет у Продолжателя Амартола [27].

Как видим, аргументация и «за» и «против» новой датировки русско-византийских договоров начала X в. весьма серьезна, поэтому вряд ли сегодня найдется исследователь, который без оглядки на источники однозначно принял бы смелую версию М. Ю. Брайчевского. Предстоит тщательное изучение и проверка гипотезы ученого на основе привлечения всего комплекса материалов, имеющихся в распоряжении как историков-византинистов, так и историков-русистов.

Тем не менее, как нам представляется, построенная на анализе одного-двух источников критика концепции М. Ю. Брайчевского не достаточно убедительна. Не совсем ясна общая позиция оппонентов, которые не только отрицают «Аскольдово крещение», «Летопись Аскольда», походы киевских князей на Царьград 860, 867 и 874 гг., но и само существование Аскольда и Дира. Давно доказано, что это реальные исторические персонажи, о которых имеются сведения и в восточных, и в скандинавских источниках, о местонахождении их могил помнили киевские старожилы еще в XI в. Вероятно, кому-то было выгодно в свое время вычеркнуть эти лица «нерюрикова рода» из истории, а кому-то и сегодня выгодно не воскрешать их, преподнося «цивилизаторскую» миссию похода на юг легендарному новгородскому (?) князю Олегу. Однако, кто доказал, что именно из Новгорода, а не из Ладоги, Константинополя, Тмутаракани или Болгара прибыл в Киев так называемый «регент» при малолетнем Игоре, как и до него «придоста» сюда Аскольд и Дир — с легкой руки летописца — «новгородские бояре». Не слишком ли много новгородских мужей «от рода варяжьска» искали в Киеве «мать городов русских»? Да, в Хронике Продолжателя Амартола нет слов об Аскольде и Дире, но нет их и об Игоре. Свидетельствует ли это о том, что составитель ПВЛ пользовался лишь теми источниками, о которых известно ныне Я. С. Лурье и Б. М. Клоссу? Безусловно нет. Составитель ПВЛ руководствовался и другими источниками. Эти источники предстоит выявить и путем анализа поздних летописных сводов, что делают ленинградские исследователи, и путем реконструкции древнейших летописных записей, с учетом данных византийских, арабских, хазарских и славянских известий, данных вспомогательных исторических дисциплин, что делает М. Ю. Брайчевский.

Таким образом, вопрос о Переяславе IX в., предполагаемом центре уличско-полянской земли, остается открытым. Во многом его могли бы прояснить серьезные археологические исследования города на Трубеже, однако, кроме всестороннего изучения памятников архитектуры XI—XII вв., в Переяславе-Хмельницком в этом направлении сделано пока чрезвычайно мало. По нашему глубокому убеждению, древнейшее ядро Переяслава еще не обнаружено. Оно находится, по всей видимости, в восточной части города — ремесленном посаде возле Кузнечных ворот.

В пользу версии о существовании Переяслава в IX в. могут служить и такие соображения. Как известно, после крещения Южной Руси в 874 г. патриархом Игнатием направляется в

Киев архиепископ Михаил, болгарин по национальности. После языческого переворота 882 г. остро стал вопрос о местонахождении архиепископской кафедры. Именно в 80—90-е годы IX в. мог быть основан в качестве резиденции южнорусского владыки город на Трубеже, получивший по аналогии с болгарской церковной столицей (с 893 г. находилась в Преславе) свое наименование, несколько видоизмененное в позднейший период. Не случайно, по-видимому, в византийской письменной традиции эти города в X—XIII вв. назывались идентично — Преслав. М. Ю. Брайчевский предполагает, что с конца IX в. и по 1039 г. включительно русская митрополия находилась в Переяславе, что вполне допустимо, хотя имеющихся данных для убедительного обоснования такой гипотезы в распоряжении исследователя явно недостаточно *. Поэтому и наше предположение относительно основания Переяслава на Трубеже в IX в. остается на уровне гипотезы и не более.

Чрезвычайно сложно судить по имеющимся письменным источникам о том, насколько развились и углубились консолидационные процессы среди племенных княжений юга Восточной Европы вокруг Киева за период тридцатилетнего правления здесь легендарного Аскольда. Тем не менее, учитывая то, что южнорусское государственное образование возникло в Среднем Поднепровье в результате насильственного объединения славянских племен, можно предположить, что за этот непродолжительный отрезок времени вряд ли сгладились имевшиеся противоречия между Русью и ею эксплуатируемыми соседями.

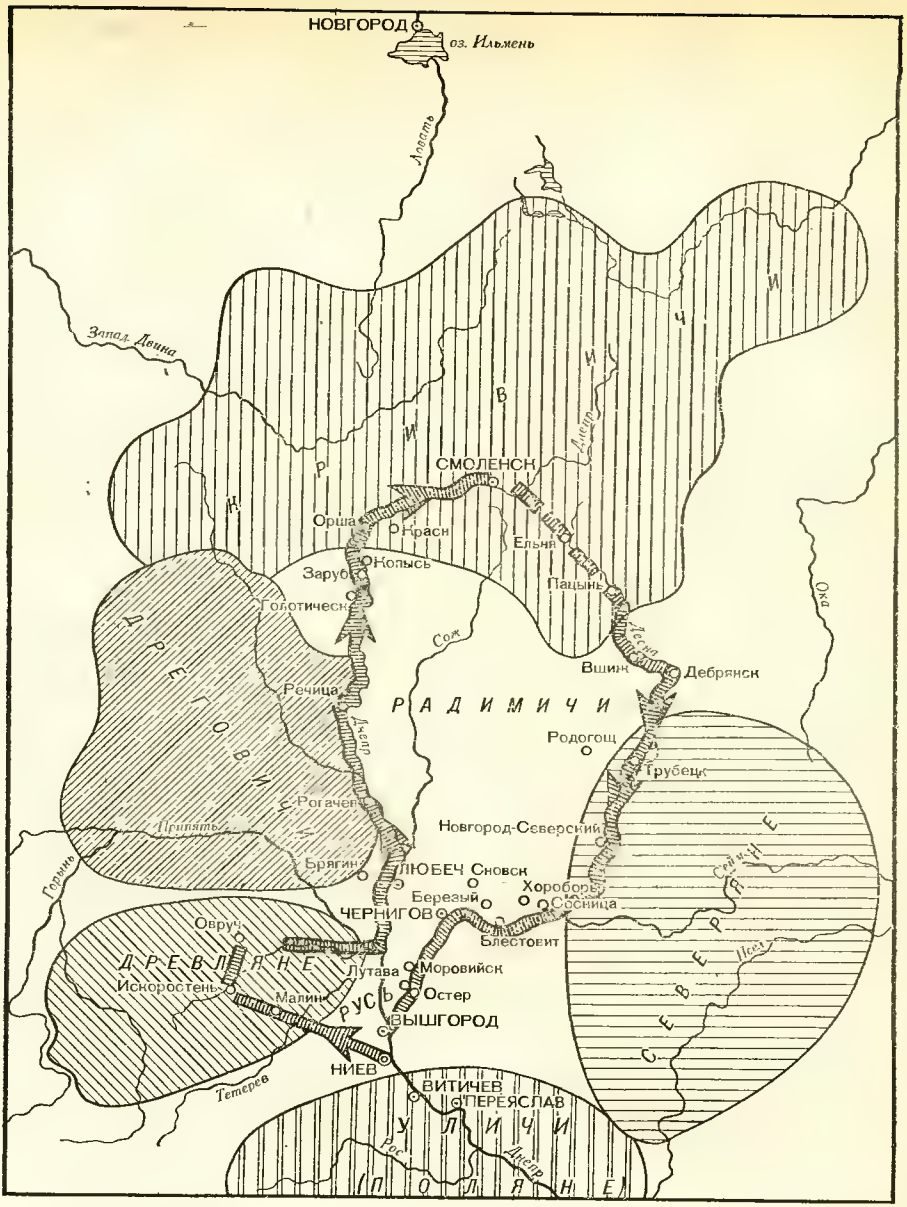
Сотрудничая с военно-служилой знатью Руси, славянская администрация племенных княжений исправно выплачивала ей подымную дань деньгами и мехами. При этом она нисколько не спешила уступить свое место под солнцем пришельцам. Более того, при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах пыталась выйти из обременительного для нее союза. Стремясь сохранить автономию, и уличи, и древляне, и северяне, вероятно, нередко опирались на внешнеполитическую помощь. В особенности это касается воинственных уличей, чьи южные границы простирались от Роси до Северского Донца. Соседствуя по Правобережью с болгарами, владения которых доходили до Нижнего Днепра, а по Левобережью — с венграми, уличи при необходимости могли заручиться их поддержкой.

Реконструированный Б. А. Рыбаковым маршрут полюдья киевских князей второй половины IX — первой половины X в.[28], по нашему мнению, объективно отражает общественно-политическую ситуацию на Днепровском Левобережье времен Аскольда: уличи не были включены Киевом в систему сбора регулярных даней с окрестных племен вплоть до 40-х годов X в. Это не исключает, конечно, возможностей несистематического взимания с них натуральных податей «наездами», подобно тому как это делал Игорь по отношению к древлянам.

Активный внешнеполитический курс, проводимый Аскольдом на юге (войны с Византией, болгарами, уграми) поглощал ограниченные материальные и людские ресурсы Южной Руси, порождал центробежные силы в племенных объединениях, ослаблял военное могущество конфедерации, предопределив тем самым ее падение в соперничестве с другим «суперсоюзом» — Северной (Новгородской) Русью, черпавшей неограниченные воинские ресурсы за морем — в Скандинавии.

Смена правителей в Южной Руси в 882 г. привела к отделению от Киева и древлян, и северян, и уличей. Анализ летописных известий о событиях первой половины 80-х годов IX в. в Среднем Поднепровье свидетельствует о том, что новому варяжскому предводителю Хельгу (Олегу) пришлось начи-

* Привлечение для этой цели ученым трактата переяславского митрополита Леонтия «Об опресноках» — источника XI в. представляется неубедительным (*Брайчевський М. Ю.* Утвердження християнства на Русі.— К., 1988.— С. 165).



Реконструкция маршрута полюдья киевских князей первой половины X в. (по Б. А. Рыбакову с поправками Н. Н. Коринного)

нать собирание славянских земель вокруг Киева вновь: в 883 г. он «примучил деревляны», 884 — северян и в 885 — радимичей [29]. «И бѣ обладая Олегъ поляны, и древляны, и сѣверяны, и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать» [30]. В этом итоговом предложении летописной статьи 885 г. обращает на себя внимание появление среди данников Руси полян, не воевавших с Олегом, и отнесение среднеднепровских уличей к союзникам не древлян, а далеких тиверцев, что не отвечает исторической действительности, явно указывает на подложность этих известий. Особенно удивляет

преподносимая летописцем покорность «мудрых и смысленных» полян безропотно плативших дань (мечами!) хазарам, услужливо принимавших на княжеский стол одного за другим каганов-чужеземцев.

Странным кажется нам и тот факт, что в походе Олега на Константинополь (907) участвовали все известные летописцу восточно-европейские племена (в том числе и «покорные поляне» и тиверцы), кроме воинственных уличей, чьи земли располагались на юг от Киева [31]. Это еще раз подчеркивает тенденциозность и надуманность полянской концепции происхождения населения Киева и его окрестностей.

Проводивший, как и его предшественник на киевском столе Аскольд, агрессивную внешнюю политику Олег потерпел несколько поражений в борьбе с Хазарией и Византией и бесславно закончил свой земной путь завоевателя в Персии, где пал сам «и весь стан его» [32]. Об этом сообщается в письме неизвестного еврея начала X в. Сокрушительное поражение рати киевского князя от мусульман * дало возможность Хазарии восстановить свои владения от Итиля до Днепра. Северной Руси в очередной раз пришлось воевать за Среднее Поднепровье, за южные торговые пути, ведущие на Восток и в Византию.

Таким образом, Олег не преуспел в своей государственной деятельности на киевском столе. Ему не удалось привлечь на сторону Руси ни вятичей, ни северян, ни тем более уличей. Непрочными были его позиции и в древлянской земле. На Днепровском Левобережье, согласно археологическим данным, Олегу удалось включить в пределы «Русской земли» лишь территорию западных, черниговских северян, при том судя по вооруженности крупных дружинных центров Левобережья, эта акция была осуществлена отнюдь не мирным путем [33]. На остальных землях «северы» остались прочными позиции Хазарского каганата, несмотря на проявленную киевским князем по отношению к ним дипломатию с «легкой данью» («побѣди сѣверяны, и възложи на нъ дань легъку, и не дастъ имъ козармъ дани платити») [34].

В 30—40-е годы X в. борьба за Среднее Поднепровье резко ожесточилась, достигла своей кульминации. Местное древляно-уличско-северянское население оказывало упорное сопротивление северорусским дружинам, стремившимся подчинить его власти нового новгородского князя Игоря. Однако силы были слишком неравны. В 940 г. воеводе Игоря Свенельду удается сломить сопротивление уличей, «примучить их» и «възложить на ня дань» [35]. Не желая подчиняться Руси, княжеско-боярская знать и дружинники уличского войска, как можно предполагать, в значительной своей массе переселились в междуречье Буга — Днестра, на Покутье (укр. *кут — угол*), влившись в состав местного населения, создавшего со временем на этих землях могущественное Галицкое княжество, а также пополнили ряды свободных воинов-бродников, концентрировавшихся на Нижнем Днепре, в Тмутаракани и Подунавье [36].

В княжение Игоря, проводившего, как и его предшественники, безрассудную внешнюю и внутреннюю политику, положение Руси на юге нисколько не улучшилось. Более того, наметились центробежные тенденции, грозившие самому существованию формировавшегося государства. Неучастие северян вместе с древлянами, радимичами и другими племенами в походе киевского князя на Константинополь в 944 г. свидетельствовало о довольно сложных, натянутых отношениях, установившихся между Русью и соседними княжениями [37]. События, последовавшие вслед за этим (известное восстание древлян и убийство Игоря), заставили его вдову Ольгу ужесточить политику центральной княжеской администрации по отношению к местной племен-

---

* Было уничтожено свыше тридцати тысяч русов-норманн (*Коковцев П. Н.* Еврейско-хазарская переписка в X веке.— Л., 1932, с. 118—120; *Гумилев Л. Н.* Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Русская литература.— 1974.— № 3.— С. 164—173).

ной знати. В ряде земель, как, например, древлянской, где было уничтожено свыше 5 тыс. «лучших мужей», эта политика носила откровенно репрессивный характер [38].

Дело в том, что вплоть до середины X в., согласно информации, имеющейся в договорах Олега и Игоря с греками, племенные княжения, входившие в «суперсоюз» Руси, сохраняли за собой определенную автономию: имели свою администрацию, свои языческие верования и культы, права внешних сношений, войны и мира, их внутренняя национальная (племенная) структура не перекраивалась Киевом и т. д. Все это в значительной степени задевало политические и экономические интересы киевских правителей, стремившихся к единовластию, к обладанию большими материальными и людскими ресурсами, чем те, которыми располагали государи соседних государств.

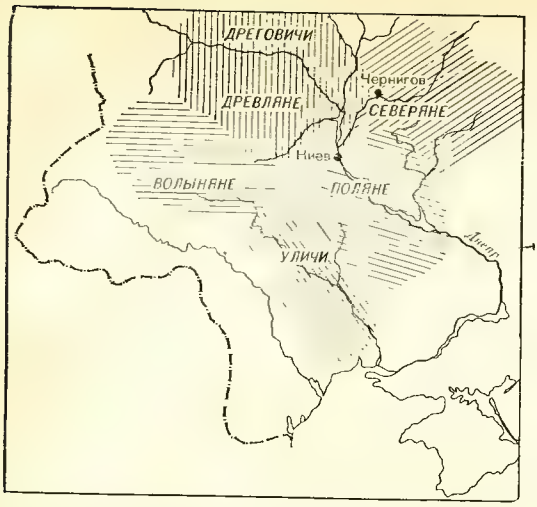
Учитывая горький опыт своих предшественников на киевском столе — Олега и Игоря, регентша при малолетнем Святославе Ольга значительно больше внимания уделяла вопросам государственного строительства. Во-первых, она провела ряд важных реформ, направленных на укрепление внутриполитического единства страны, быстрейшее «окняжение» подвластных земель: упорядочила сбор даней и систему многочисленных повинностей, содействовала проникновению на Русь новой феодальной идеологии — христианства, подрывавшего устои первобытных верований на местах, объединявшего феодализировавшуюся знать на основе корпоративных интересов вокруг великого киевского князя [39].

Можно предположить, что именно княгиня Ольга, установившая «погосты и веси» по всей территории Руси, положила начало административной реформе, согласно которой было осуществлено деление государственной территории на волости с учетом экономических интересов прежде всего правящей верхушки формировавшейся империи Рюриковичей. Центрами их стали в большинстве случаев крупнейшие города, в недалеком прошлом центры племенных княжений, в которых разместилась великокняжеская администрация (наместник, судовые органы, военная дружина и др.).

В результате проводимой реформы племенная знать включалась в феодальную систему сюзеренитета-вассалитета, при этом в иерархической пирамиде государства больше не находилось места для национальных (племенных) «светлых» и «велицих» князей, которых отныне заменяют исключительно ставленники киевского князя — «администраторы»-наместники (вроде Претича) из числа его ближайших соратников или родственников. Племенные земли, за небольшим исключением (вятичи), утрачивали былую автономию, их территории видоизменялись, перераспределялись между непрерывно увеличивавшимся числом держателей вотчин (земель-княжений).

Вскоре после этого со страниц летописи последовательно одно за другим исчезали названия племенных княжений, что, очевидно, отражало объективный процесс вытеснения этнотерриториальных названий названиями, происходившими от имен административных центров. Однако это отнюдь не означает, что исчезали сами этносы или этнографические группы. И тем и другим предстоял длительный период сосуществования, сближения и даже частичного слияния в составе древнерусской исторической общности, постепенно трансформировавшейся в древнерусскую народность.

Поляне последний раз упоминаются в летописи под 944 г. как участники похода Игоря на Византию. Однако следует помнить о гипотезе А. А. Шахматова, считавшего рассказ об этом победоносном походе киевского князя придуманным летописцем на основе сведений, содержащихся в Житии Василия Нового о походе русов 941 г. для того, чтобы объяснить появление в следующем, 945 г. весьма выгодного русско-византийского договора [40]. Если гипотеза известного источниковеда верна, то выходит, что этноним *поля-*



Размещение восточнославянских союзов племен в середине X в. (по Нестору)

не исчез из летописных источников одновременно с термином *уличи* и вполне очевидно обозначал одну и ту же диалектно-этнографическую группировку славянства Среднего Поднепровья.

Так имя Руси утверждается в Среднем Поднепровье, потеснив собой древлян, северян и уличей-полян. Вскоре теряют свои племенные имена радимичи, дреговичи и др. Вятичи и восточные северяне оказывают намерниям Киева включить их земли в политическую систему Руси упорное сопротивление; на протяжении длительного времени их этническая территория так и не была подчинена государственной власти полностью.

Последующий период борьбы за Днепровское Левобережье, в частности за отдаленные северские земли, связан с военно-дипломатическими действиями киевского князя Святослава Игоревича (945-972). Его походы на восток и одержанные в 965 г. победы над хазарами значительно ослабили силы последних [41]. Как свидетельствуют археологические материалы, основные центры властвования хазар над северянами в середине 60-х годов X в. гибнут в пожарах, укрепления их не восстанавливаются в течение длительного времени [42]. Укрепив (судя по концентрации дружинных центров) [43] северо-восточный черниговский сектор «Русской земли», Святослав подготовил почву для государственного освоения * восточных и юго-восточных земель северян. Однако ему не суждено было осуществить свои планы. В 972 г. в неравной битве с печенегами у днепровских порогов князь погиб.

Наследник Святослава — Владимир продолжил наступательную восточную политику отца. Он не только окончательно сломил сопротивление Хазарского каганата [44], но и значительно отодвинул рубежи Руси на юго-восток. Разгром Хазарской державы тем не менее не принес затишья на юго-восточные земли Руси. Из-за Волги в Причерноморские степи и на Днепровское Левобережье хлынули новые волны завоевателей — на сей раз печенегов.

В конце X в. Владимир вынужден предпринять энергичные меры для укрепления юго-восточного пограничья «Русской земли», значительно расширившей свои пределы к тому времени за счет поглощения территорий своих соседей, в частности уличей-полян. Под 988 г. в летописи зафиксировано строительство великим киевским князем крепостей, производившееся главным образом по Левобережью: «И рече Володимерь: «Се не добро, еже малъ городъ около Киева». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучьшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ» [45].

Сооружением городов, осуществлявшемся преимущественно на Переяславщине, в Посулье, Верхнем Псле и Посеймье, киевский князь преследовал несколько целей. Во-первых, он заселял опустевшее Днепровское Левобережье, укрепляя этим наиболее тревожные юго-восточные рубежи Руси,

* Под этим выражением обычно подразумевается включение населения в налоговую и судовую системы княжеской власти, а с конца X в. и христианизацию.

надежно защищая подступы к стольному Киеву. Во-вторых, этой акцией он способствовал внутренней консолидации государства, ликвидации сепаратизма местной, главным образом северянской, знати.

Широкомасштабное строительство городов и крепостей Владимиром знаменовало собой наступление качественно нового этапа в развитии феодальной эксплуатации окраин Руси, для которого характерен рост подвластной сферы, активное и непосредственное участие в процессе порабощения народов государства, церкви и боярства, использование правящей верхушкой в своих целях народной колонизации.

В приведенном выше летописном отрывке обращает на себя внимание тот факт, что колонизация Переяславской земли велась в основном за счет северо-восточных племен, хотя известны случаи выведения в «Русскую землю» из других земель в более поздний период и ляхов, и полочан, и торков, и печенегов. Археологические материалы свидетельствуют о том, что этот процесс миграции на Днепровское Левобережье продолжался не менее 100 лет [46]. Это во многом объясняет установившиеся весьма длительные и прочные связи юго-восточной области Руси с Ростово-Суздальской и Смоленской землями кривичей. Кроме того, летописец четко фиксирует последовательность массовой застройки городками-крепостями относительно пустынного междуречья Удая-Днепра. Оно велось от Нижней Десны до Нижней Сулы, т. е. с севера на юг.

Наиболее южной рекой, на которой Владимир строил государственные крепости, являлась Сула. Тем не менее не Посулье, как следовало бы ожидать из летописной статьи 988 г., становилось крайним устойчивым рубежом Руси в период княжения Владимира Святославича. Археолог Ю. Ю. Моргунов, исследуя города Посульской оборонительной линии, выявил четыре этапа в ее застройке [47]. По его заключению, к концу X в. относится строительство лишь 13 из 50 известных на Посулье древнерусских крепостей. Это означает, что Владимир лишь положил начало созданию оборонительной линии по Суле и в то время она не выполняла свою непосредственную функцию. Построенные киевским князем города представляли собой скорее всего сторожевые форпосты на дальних подступах к «Русской земле».

Согласно свидетельству католического миссионера и дипломата Бруно Квертфуртского, останавливавшегося при дворе великого киевского князя на пути к печенегам, граница Руси со степняками в 1008 г. проходила на расстоянии всего двух дней пути на юг от Киева. По его описанию, она представляла собой прочную засеку, протянувшуюся на огромном расстоянии [48].

По мнению В. Г. Ляскоронского, находка В. М. Щербаковским в одном из захоронений переяславского могильника «монеты Бруно Мерцбургского», дает основание предположить, что в письме епископа императору Генриху речь идет о засеке на Левобережье, а именно о Большом переяславском вале, неоднократно упоминающемся в древнерусских летописях [49]. Он расположен как раз на расстоянии двухдневного перехода от Киева (100—120 км) в междуречье Трубежа — Супоя.

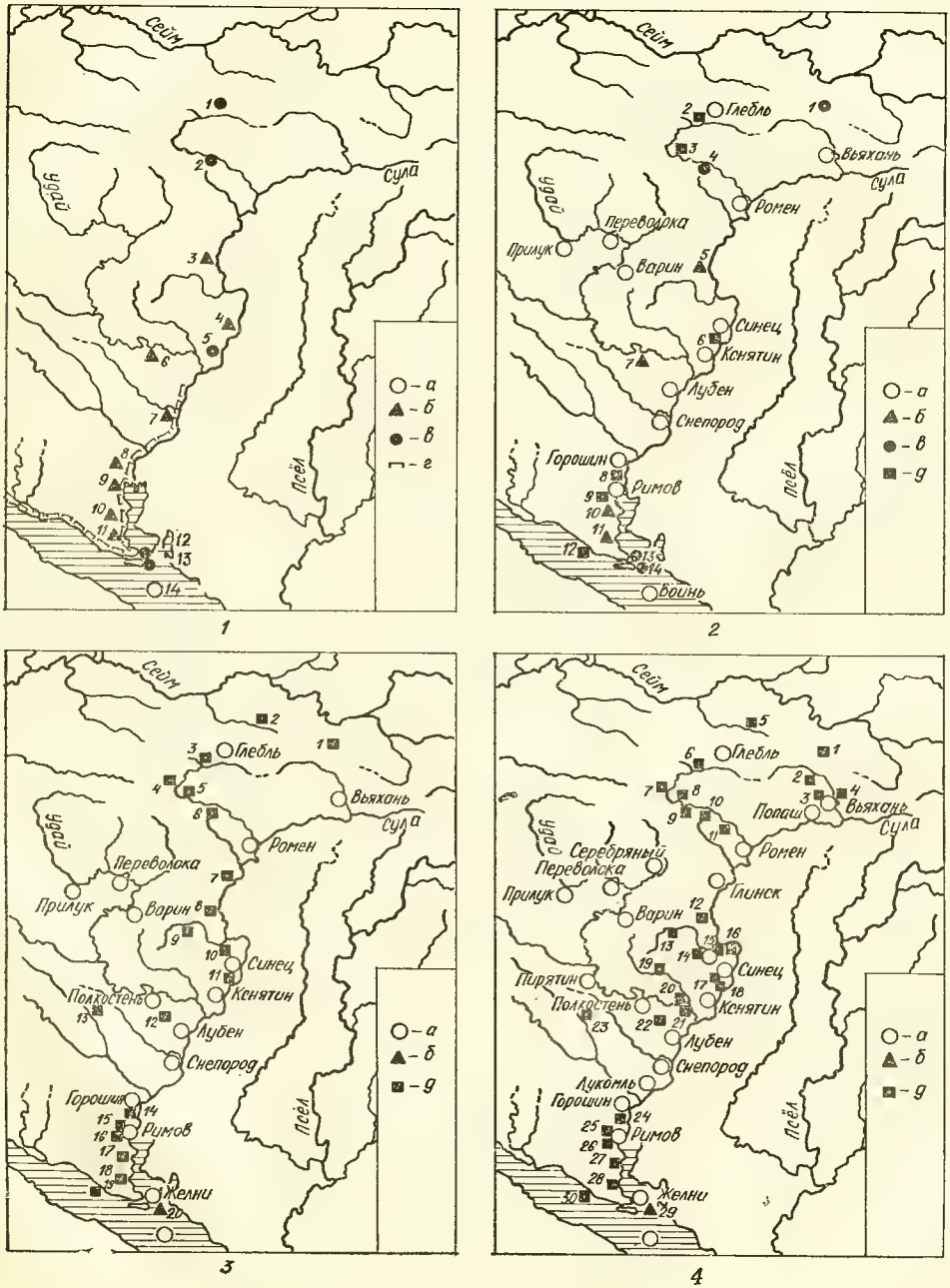
Согласно предположениям В. Б. Антоновича, Н. Н. Молчановского и Э. Ковальчик, известие Бруно относится к правобережному Трипольскому

---

* Найденная В. М. Щербаковским монета Оттона и Адельгейды, довольно часто встречающаяся в древнерусских погребениях, датируется 990—995 гг. Как известно, Бруно из Квертфурта (Бонифаций) именно в эти годы служил капелланом у короля Оттона III. Однако принадлежность монеты Бруно маловероятна. Это обстоятельство в какой-то степени порождает недоверие к аргументации В. Г. Ляскоронского. Тем не менее нахождение основных кочевий печенегов на Левобережье Днепра делает гипотезу ученого вполне допустимой (*Щербаківський В.* Ліплявський могильник // Niederluv sb.: Obzor praehistoricky.— Praha, 1925. Roc. 4 c. 348; *Modrzewska Halina* Bruno z Querfurtu // Sl. SS.— Wroclaw etc.: Ossolineum, 1961.— T. 1.— Cz. 1.— S. 166; *Равдина Т. В.* Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог.— М., 1988.— С. 98).

валу [50]. Мнение это, однако, нельзя принять ввиду того, что упомянутый вал находился достаточно близко от Киева — всего лишь в 40 км.

Раздвигая с помощью оружия и дипломатии внешние пределы Руси, Святослав и Владимир продолжали совершенствовать учрежденное при Ольге внутреннее административно-территориальное устройство государства. К концу X в. вместо «племенной» социально-политической структуры Древней Руси периода ее становления (до середины X в.) все четче выступало



деление «окняженных» территорий государства на волости (земли-княжения) во главе с крупными феодальными центрами-городами, где учреждалась публичная власть в виде княжеской династии, аппарат княжеского административно-судебного управления и т. д. Святослав первым начал замену наместников волостей не Рюрикова рода представителями великокняжеской династии [51]. Как и насильственное устранение племенных князей при Ольге, «посажение» сыновей великого киевского князя в центрах племенных княжений, крупных городах Руси имело своей целью централизацию и концентрацию власти *. С конца X в. замена «волостителей» представителями великокняжеского дома становится нормой. Так, автор Начальной летописи под 988 г. сообщает о разделе Владимиром Святославичем феодальных земель Древней Руси между своими сыновьями: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу в Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [52].

Отсутствие упоминаний в данной летописной статье о близлежащих к Киеву Чернигове и Переяславе свидетельствует либо о том, что эти города входили в великокняжеский домен, либо о том, что позиции в них Рюриковичей были шаткими, непрочными. События последующих лет на Днепровском Левобережье показывают, что наше второе предположение имеет под собой определенное основание.

Проводившему активную внешнюю и внутреннюю политику Владимиру все труднее становилось контролировать события, происходившие на огромных территориях Чернигово-Переяславского Левобережья, особенно в условиях обострившихся отношений с печенегами. С начала XI в. он все чаще обращался к своему любимому сыну Борису присматривать за беспокойной Переяславщиной, что тот и делал.

Учитывая внимание к Днепровскому Левобережью Бориса Владимировича в начале XI в., а также особое расположение и любовь к нему отца [53], можно предположить, что вскоре после реконструкции переяславской цитадели (заложена в 992 г.) [54] город на Трубеже с прилегающей к нему округой, вместе с Ростовской волостью, достался именно ему.

Опека формировавшихся Переяславской и Ростово-Суздальской земель Борисом Владимировичем в начале XI в. (после 1010 г.) свидетельствует о постепенной трансформации этих областей в административно-политические единицы Древнерусского государства, создание на местах аппарата управления, непосредственно зависевшего от киевской великокняжеской администрации.

Как и его предшественники, Владимир Святославич стремился распрост-

Распространение дервнерусских памятников в Посулье, по Ю. Ю. Моргунову (X — конец XII в.):

а — летописные города; б — открытые поселения (селища); в — отдельные находки; г — «Змиевые» валы; д — городища.

1. Памятники рубежа X—XI вв.: 1 — Шевченково; 2 — Липовое; 3 — Свиридовка; 4 — Сенча; 5 — Снитин; 6 — Повстин; 7 — Мацковцы; 8 — Чутовка; 9 — В. Буримка; 10 — Лящевка; 11 — Кизивер; 12 — Жовнино; 13 — Паляновщина.

2. Памятники конца XI — рубежа XI—XII вв.: 1 — Николаевка; 2 — В. Самбор; 3 — Красный Колядин; 4 — Липовое; 5 — Свиридовка; 6 — Сенча (Самсонов Остров); 7 — Повстин; 8 — Чутовка; 9 — В. Буримка (Городок); 10 — Лящевка; 11 — Кизивер; 12 — Миклашевский; 13 — Жовнино; 14 — Паляновщина.

3. Памятники начала — первой половины XII в. 1 — Николаевка; 2 — Кросна; 3 — В. Самбор; 4 — Гайворон; 5 — Красный Колядин; 6 — Липовое; 7 — Глинск; 8 — Свиридовка; 9 — Бербеницы; 10 — Лазирки (Лохвица); 11 — Сенча (Самсонов Остров); 12 — Клепачи; 13 — Гребенка; 14 — Чутовка; 15 — В. Буримка (Мисто); 16 — В. Буримка (Городок); 17 — Лящевка; 18 — Кизивер; 19 — Миклашевский; 20 — Паляновщина.

4. Памятники середины — конца XII в.: 1 — Николаевка; 2 — Курбаково; 3 — Боярское; 4 — Бабаково; 5 — Кросна; 6 — В. Самбор; 7 — Гайворон; 8 — Красный Колядин; 9 — Грицевка; 10 — Липовое; 11 — Медвежье; 12 — Свиридовка; 13 — Бербеницы; 14 — Безсалы; 15 — Лазирки (Лохвица); 16 — Гаевщина; 17 — Сенча (Никольская Горка); 18 — Сенча (Самсонов Остров); 19 — Чернухи; 20 — Городище; 21 — Хитцы; 22 — Клепачи; 23 — Гребенка; 24 — Чутовка; 25 — В. Буримка (Мисто); 26 — В. Буримка (Городок); 27 — Лящевка; 28 — Кизивер; 29 — Паляновщина; 30 — Миклашевский.

* При этом мы целиком разделяем мнение, высказанное А. В. Назаренко о том, что это было не столько личное побуждение Владимира, сколько вынужденный его шаг. предпринятый с целью удовлетворения требований взрослых сыновей наделить их волостями (*Назаренко А. В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью.— С. 154).

ранить свою власть (суд и дани) на отдаленные восточные и юго-восточные земли «северы». В конце X — начале XI в. появились дружинные центры «Руси» южнее Переяслава (Лепляво), на Сейме (Курск), Псле (Гочево), Ворскле (Ницаха) и др. Однако киевскому князю не удалось полностью подчинить северян государственной власти. Используя разногласия, грозившие вылиться в военный конфликт между великим князем и его сыном Ярославом в 1015 г., население северских городов, заручившись поддержкой печенегов, подняло восстание. Трудно выяснить его подлинные причины и характер. Вероятно, как и в случае с Игорем в древлянской земле, толчком к восстанию послужила деятельность княжеских посадников и собирателей дани, все больше оттеснявших местную северскую знать от управления землей, дележа доходов и пр.

«...Блаженный же Борис ... умирив грады вся» [55],— повествуется в «Житии» этого любимого сына Владимира Святославича. Однако ненадолго. В межкняжеской борьбе за Киев, развернувшейся после смерти Владимира, северская знать, используя удобный момент, снова пыталась добиться независимости от Киева. Для этого она вступила в военный союз с политическим противником Ярослава Владимировича тмутараканским князем Мстиславом. В битве у Лиственя (1024), где «бысть сѣча силна и страшна» [56], многочисленная северская рать совместно с хазарско-касогской дружиной Мстислава нанесли ощутимое поражение войску Ярослава и его варяжским наемникам, обратив их в бегство. Вследствие этой победы Мстислав Тмутараканский добился от Ярослава раздела «Русской земли» по Днепру [57]. Последний вынужден был уступить брату всю черниго-переяславскую территорию. Можно предположить, что 12 лет правления Мстислава в Чернигове наверняка были годами дальнейшего усиления позиций северской знати на Левобережье.

Крупной внешнеполитической акцией, осуществленной Мстиславом совместно с Ярославом в 1032 г., явился их поход в Лядскую (Польскую.— *Н. К.*) землю. Он примечателен тем, что князья-дуумвиры не только отвоевали червенские грады, но пленили и вывели в «Русскую землю» «многы ляхы» [58]. Разделив их поровну, «Ярославъ посади своя по Ръси, и суть до сего дне» (Никоновский свод, 1073 г.), а Мстислав,— то ли в Посулье, то ли в Посеймье (летописец об этом почему-то умалчивает). Судя по сгусткам «польской» топонимии в Посулье и Курском Посеймье, надо полагать, что черниговский князь разместил пленников именно в городах по Суле и Семи (Сейму.— Н. К.) [59]. После смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав снова стал самодержцем в «Русской земле». К годам монархии Ярослава (1036—1054) следует отнести мероприятия киевской великокняжеской администрации, направленные на ослабление сепаратизма северской феодальной знати, в частности демографическую политику (начатую еще Владимиром) с целью расчленения северских земель на две части по линии Переяслав — Курск (Посулье — Посеймье). Вследствие этого окраинные северские земли по Ворскле, Северскому Донцу, поддерживавшие тесные контакты с кочевниками, были отсечены от основной территории, находившейся севернее Сейма и среднего течения Десны *. Перевод боярской семьи из киевского города Василева в Курск, засвидетельствованный в «Житии» Феодосия Печерского [60], говорит в пользу того, что управление Курским Посеймьем (восточной северской территорией) осуществлялось или контролировалось с 1036 по 1054 г. (вероятно, через Переяслав) непосредственно великим князем из Киева. Обнародованное в 70-х годах XI в. Никоном Печерским [61] «завещание» Ярослава вскрывает подлинные цели политики киевских князей по отношению к северянам. Перед переяс-

* Не исключено, что оборонительная система Посулье — Посеймье на Левобережье создана уже при черниговском князе Мстиславе.

лавским и черниговским князьями ставилась задача удержания в повиновении раздвоенных северских земель. Так была создана политическая предпосылка для выделения Переяславской земли из состава «Русской».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что окончательное политическое и территориальное оформление Переяславской земли приходится лишь на конец правления Ярослава Мудрого и установления новой политической формы правления в «Русской земле» — триумвирата.

Сыновья Ярослава четко разделили сферы влияния каждого из княжений, определили размеры волостей и их пределы. К сожалению, ни составители «завещания» Ярослава [62], ни позднее местные летописцы Переяслава-Русского не рассказывают подробно о пределах пограничного Переяславского княжества, а также его многочисленных волостей и вассальных земель. Их приблизительные рубежи устанавливаются главным образом по данным конца XI—XII вв., когда во время споров за волость употребляется аргумент отчинности, провозглашенный на Любечском съезде князей [63].

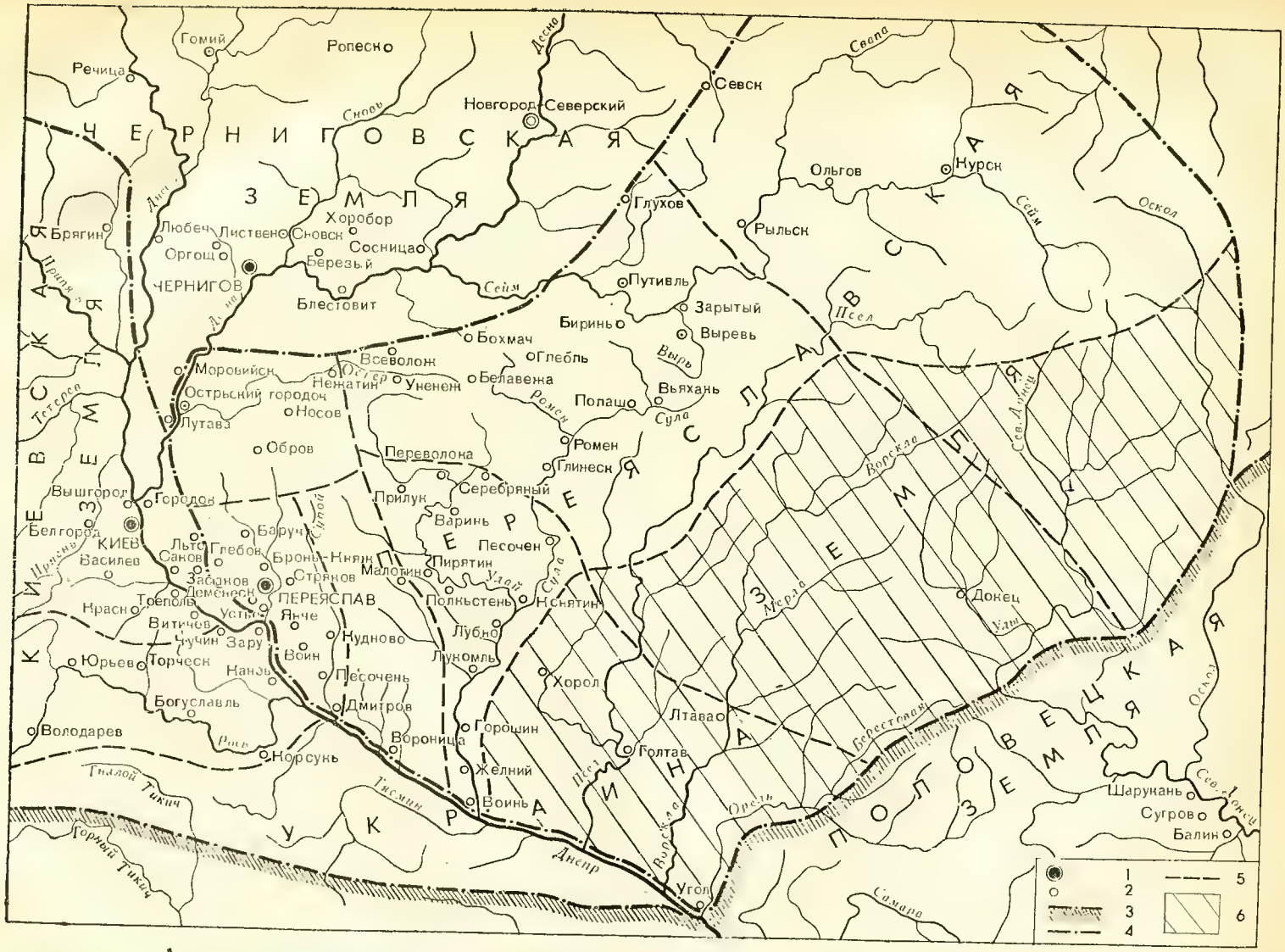
На основании анализа сведений древнерусских летописей и привлекаемых частично археологических данных рубежи наиболее устойчивой поляноуличской части территориальных владений переяславского князя очерчиваются таким образом. Западная ее граница проходила от Десны на юг вдоль левобережных киевских владений, которые неширокой, сплошь покрытой лесами полосой земли (до 25 км) протянулась до устья Трубежа. Естественным рубежом на значительном расстоянии были, по-видимому, верховья р. Альты и течение р. Карани. Обе названные речки — правые притоки Трубежа.

Пограничное положение р. Альты определено на основании анализа событий 1068 г., когда на ее берегах Изяслав, Святослав и Всеволод потерпели поражение от половцев [64]. Кроме того, в верховьях реки известен киевский городок Льто, где любил проводить время киевский князь Владимир Мономах. Здесь же он и умер в 1125 г.: «на Лтѣ у милое церкве юже созда... и боляре несоша и Киеву и положен бе в святой Софии у отца своего» [65]. Порубежное значение имела также р. Карань, что видно из бурных событий 1139 г., описанных в Лаврентьевской летописи. Тогда киевский князь Всеволод Ольгович, желая посадить своего брата курского князя Святослава на переяславский стол, развязал военный конфликт. Переяславский же князь Андрей Владимирович нанес коалиции Ольговичей поражение у стен своей столицы и «гониша по них,— писал летописец,— до Коранѣ, а далѣ не пусти... дружины своея и заутра миръ створиша» *. Ниже Переяслава граница поворачивала несколько на юго-восток и тянулась вдоль берега Днепра к Суле.

Северную границу, отделявшую Переяславскую землю от Черниговской, исследователи обычно проводят по нижнему течению Остра [66]. Однако изучение природных условий региона, а также литовско-русских и польско-русских рубежей более позднего времени в этом районе позволяет предположить, что естественно-географическим и политическим рубежом между двумя княжествами была на всем своем протяжении р. Смолинка (более северный, чем Остер, левый приток Десны), берега которой во многих местах представляли собой покрытые лесом труднопроходимые болота [67]. Расположенный вдоль левого берега реки «Древний ров засыпанный», нанесенный на карту XVIII в. Рицци Заннони, возможно и отражает черниго-переяславское пограничье X—XIII вв.

Восточнее верховьев р. Смолинки местопрохождение границы основной территории Переяславской земли установить крайне сложно. Как известно,

* Не исключено, что в данном летописном рассказе упомянут одноименный с гидронимом населенный пункт, раскинувшийся по обоим берегам р. Карани. Селище Карань расположено как раз на пути следования из Переяслава к Зарубскому броду, в направлении которого, наиболее вероятно, отступали Ольговичи (*ПСРЛ*.— Т. 1.— Стб. 307—308).



Административно-территориальное устройство Переяславской земли в XI — первой половине XII в.:

1 — центры земель—княжений Древней Руси; 2 — летописные грады; 3 — границы Древнерусского государства; 4 — границы Переяславской земли во второй половине XI — первой половине XII в.; 5 — границы волостей; 6 — буферные территории между Русью и Половецкой землей.

Задесенье, как и Посеймье, продолжительное время являлось спорной территорией, которой с переменным успехом обладали то переяславский, то черниговский князья. Рубеж в этом месте обычно проводят в зависимости от локализации двух соседствующих городов Нежатина и Уненежа. Если первый из них относился с большой долей вероятности к Переяславской, затем Остерской волостям, то второй находился в зоне политического противоборства двух княжеств.

Местоположение и принадлежность Уненежа к спорным городам черниговско-переяславского порубежья определяются на основании анализа событий 1147 г., когда Изяслав и Ростислав Мстиславичи пытались у Всеволожа перехватить отступавших к Чернигову из Верхнего Посулья Изяслава Давидовича, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича. Узнав о падении Всеволожа, жители Уненежа, Бохмача и Белавежи «побѣгоша Чернигову» [68]. Речь идет о близлежащих городах, находившихся не далее однодневного перехода от Всеволожа. Поскольку местоположение Бохмача, Беловежи и Всеволожа не вызывает сомнения, исходя из наличия в данном регионе древнерусских городищ, Уненеж можно локализовать только на месте городища в нынешнем с. Ивангород Ичнянского района Черниговской области. Отождествление Уненежа с нынешним Нежином, к чему склоняются А. Н. Насонов и другие исследователи [69], нельзя принять по таким соображениям. Во-первых, Нежин находится на значительном удалении от упоминавшихся городов, причем по маршруту движения Изяслава и его брата, или чуть западнее. Во-вторых, сомнительно кажущееся сходство между обоими названиями (Уненеж и Нежин). *Уненеж* происходит от антропонима *Уненег* [70], а *Нежин* от мужского собственного имени *Нежата*, сокращенная и ласкательная форма которого *Нега* при соединении с суффиксом принадлежности (*-ин*) дает *Нежин* [71]. Не прослеживаются и промежуточные звенья в преемственности *Уненеж—Нежин*.

Нежатин упоминается в летописи под 1135 и 1147 гг. как город Переяславской волости [72], находившийся в одном приблизительно районе с Остерским городком. Из высказанных предположений следует считать правдоподобным отождествление *Нежатина* с нынешним *Нежином* [73]. Кроме того, очень важным для отождествления летописного *Нежатина* и современного *Нежина* является нахождение последнего в составе Остерского повета Киевской земли в литовский период его истории (XIV—XV вв.), а также наличие там древнерусского городища XI—XIII вв.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно предположить, что северный рубеж территориального ядра Переяславской земли на восток от Нежатина шел далее по р. Остер и, не доходя Уненежа, поворачивал на юг, вдоль левого берега притока Сулы Удая. Города, расположенные вдоль этой реки, неоднократно упоминаются в источниках как пограничные крепости территориального ядра Переяславского княжества. Так, Владимир Мономах описывал в «Поучении», как однажды, едучи к «Прилуку городу, срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь», а у «Варина вежѣ взяхом» [74]. У восточных пределов Переяславской земли князья неоднократно заключали мир с половецкими ханами. Так было, например, в 1139 г., когда Андрей Владимирович вместе с киевским князем «ходиста» на мир к Малотину (с. Малютинцы на р. Оржице, Пирятинского района, Полтавской области) [75]. В том же году Ольговичи «приведоша Половець множьство ... взяша Прилукъ» [76], а Глеб Юрьевич после неудачной попытки овладеть Переяславом (1154), отступая с половцами «прочь», «взя Пирятинъ» [77]. Подобным образом поступил в 1185 г. Кончак, уничтожив крепость Римов [78]. Можно привести ряд других фактов в пользу пограничного положения поудайских городов. Относительно же принадлежности к Переяславу территории междуречья Удая — среднего течения Сулы и Ромна, трудно что-либо

сказать определенно из-за фрагментарности летописных известий. Убедительных свидетельств в пользу ее переяславской принадлежности нет. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют, что здесь проживало смешанное население с преобладанием северского субстрата [79]. Очевидно, как и Посеймье, Верхнее Посулье и города по Ромену лишь временно входили в состав Переяславского княжества и со второй половины XII в. больше тяготели к Черниговской земле. Среднее же течение Сулы от Песочена (локализуется на месте с. Песочки, Лохвицкого района, Полтавской области) до устья Удая принадлежало, очевидно, Переяславскому княжеству. Посульский Песочен упоминается в летописи под 1092 г вместе с Прилуком и Переволокой [80], принадлежность которых к Переяславской волости несомненна. Косвенным подтверждением нашего предположения о местонахождении древнего поляно-северского рубежа в Среднем Посулье может служить указание каневской люстрации 1552 г. об очертании границ киевских уходов. «Земля Чобановская,— указывалось в документе,— на рубежи Путивльском, под Княжою горою, на реце Сулицы» [81]. Согласно Словарю гидронимов Украины Сулица — приток Лохвицы, впадающей в Сулу вблизи Песочена.

От Песочена граница территориального ядра Переяславского княжества поворачивала на юг и тянулась вдоль правого берега Сулы до Днепра. Созданная Владимиром Святославичем посульская линия крепостей к началу второй половины XI в. по-прежнему оставалась крайним или внешним рубежом государственной территории «Русской земли», в том числе Переяславского княжества. Особо следует выделить отрезок оборонительной линии от Лубен до устья Сулы, перекрывавший 100-километровый степной коридор от Орели до верховьев Супоя. На всем протяжении этот высотный участок правого берега реки укреплялся валами, одно- и двухъярусными эскарпами, связывающими в неразрывную цепь городища, расположенные друг от друга на одинаковом расстоянии (8—10 км) [82].

Очерченная территория вследствие природно-географических условий расчленялась как бы на три зоны: первая из них собственно Переяславщина, местность от Супоя — на запад до киевских владений, куда входил и стольный град княжества (отсюда встречающееся в летописях наименование жителей этой местности «переяславцы») [83]; вторая зона находилась между Супоем и Удаем (притоком Сулы) и представляла собой степное плато куда часто проникали из-за Сулы половцы. Она отделяла Переяславщину от третьей зоны — правобережных районов бассейна Сулы, известных в летописях под собирательным названием Посулье (отсюда «посульцы») [84].

За Сулой простирались земли летописной «Украины» — буферного территориального образования между Русью и Половецкой землей, заселенного выходцами из Руси и степняками.

Исследователи не единодушны во мнениях о причинах выделения и превращения Переяславской земли в самостоятельное политическое образование. В. Г. Ляскоронский, например, указывал на три причины, выдвинувшие Переяславль с округой в разряд крупнейших центров «Русской земли», а именно: торговля, стратегическое положение, церковная политика патриархата [85]. В. О. Ключевский первопричиной выделения Переяславской земли считал доходность области, близкой к южным торговым рынкам [86], а М. С. Грушевский и В. В. Мавродин — политические мотивы: борьбу ведущих феодальных центров Среднего Поднепровья — Переяслава и Чернигова, а также Киева и Чернигова за гегемонию в «Русской земле» [87]. Многие исследователи причину обособления данной области Руси видели в различии этнического состава Переяславщины и Посулья с Чернигово-Северской и Киевской землями [88]. Переяславцы у Н. М. Карамзина и А. М. Андрияшева, например, выступают либо как потомки неких «суличей» — самостоятельно-

го племени, чье наименование связывается им с названием р. Сулы, либо ответвлением могущественного союза уличей и т. д.[89]

При критическом рассмотрении все эти причины оказываются не основополагающими, они лишь объясняют отдельные частные аспекты роста в X—XI вв. политического значения юго-восточного региона Руси и его главного центра — Переяслава. Близость к днепровской артерии, отсутствие киевской опеки в торговле (Переяслав находился южнее Киева по Днепру на расстоянии 100 км) действительно способствовали превращению города на Трубеже в важный торговый центр. Само передовое положение Переяслава у границ «Русской земли» содействовало его торговым контактам с кочевниками, развитию экономики, особенно кузнечных ремесел, специализировавшихся на изготовлении защитных доспехов и оружия, привлечению великокняжеской властью населения из других областей Руси для охраны юго-восточного пограничья и т. д. Естественно и то, что киевская знать, особенно в условиях борьбы киевских князей с Ольговичами, стремилась всячески ослабить могучего соперника — черниговское боярство, но это нисколько не говорит о том, что она поддерживала переяславское в его стремлении получить самостоятельность. Этническое же отличие населения Переяславской и Черниговской земель, прослеживаемое особенно четко в VI—VIII вв., нельзя считать единственным фактором, вызвавшим выделение Переяславского княжества, как и учреждение в городе на Трубеже епископии, которая была, по мнению М. Н. Тихомирова (с которым трудно не согласиться), скорее следствием, чем основанием его экономического и политического значения[90].

Причины образования княжества лежат гораздо глубже и обусловлены комплексом факторов, важнейшими среди которых следует считать: во-первых, политические тенденции киевских Рюриковичей, стремившихся удержать под контролем клонившуюся к закату раннефеодальную Русь, которая подобно другим империям аналогичного происхождения распадалась на уделы[91]; во-вторых, развитие феодальных отношений внутри данной области Руси и формирование административно-политического аппарата управления, способного эффективно защищать территориально-корпоративные интересы местных феодалов; в-третьих, внешнеполитический фактор: обеспечение безопасности Киева и Чернигова, необходимость активного противодействия систематическим вторжениям кочевников в пределы «Русской земли» с юго-востока; в-четвертых, тяготение к Переяславу большой, прилегающей к нему округи, население которой сплачивалось в единый социально-политический организм под влиянием внешней опасности.

Анализируя почти 200-летнее политическое и территориальное развитие Переяславской земли до выделения ее в самостоятельное княжество, можно сделать следующие выводы. Во времена князей Аскольда, Олега и Игоря Переяславско-Уличская земля сохраняла свою автономию в составе древнерусской конфедерации, ядром которой являлась так называемая «Русская земля». С конца княжения Игоря и в период правления Ольги, Святослава, Ярополка близлежащая часть Переяславской земли к Киеву вошла в состав великокняжеского домена. Остальная территория, потерявшая вследствии выселения уличского населения свою политическую структуру, стала легкой добычей печенегов После того как Владимир Святославич ценою больших усилий укрепил оборонный потенциал юго-восточного региона «Русской земли», Переяславская земля приобретает более-менее четкие территориальные границы. Можно предположить, что после реконструкции Переяславской крепости в конце X в. или в самом начале XI в. Переяславская земля преобразуется в самостоятельное наместничество, за которым присматривал старший сын Владимира Борис. В конце X — начале XI в. наметились тесные связи Переяславщины с

северо-восточными землями. Включение в 1024—1036 гг. юго-восточной области Руси в состав левобережного государства Мстислава Храброго подготовило почву для политического обособления Переяслава от Киева. В княжение Мстислава или вскоре после объединения «Русской земли» при Ярославе устанавливается стратегическая ось Переяслав — Курск, имевшая сугубо оборонительное значение. В 1054 г. Переяславская земля с тяготевшими к ней волостями на северо- и юго-востоке передана в держание Всеволоду Ярославичу, т. е. получила статус княжения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Согласно «Повести временных лет», «Новгородской первой летописи младшего извода», «Поучения детям» Владимира Мономаха известно, что любимый сын Ярослава Мудрого Всеволод получил по завещанию отца в удел огромные земельные владения: в «Русской земле» — Переяславскую область; за ее пределами — Верхнее Поволжье, Ростовскую и Белоозерскую земли, а также, видимо, Курское Посеймье [92]. В 1060 г. после раздела Смоленской земли между племянниками он получил право на их опеку [93]. Необходимо учесть, что к Переяславу — одному из наиболее значительных военно-политических центров на юге Руси тяготели также обширные территории поляно-северских окраин, население которых часто искало защиты от степняков у переяславского князя.

Как видно из перечня доставшихся Всеволоду Ярославичу областей, его земельные владения не были компактны, а представляли собой два расположенные на значительном удалении территориальных массива. Управлял ими переяславский князь через областных наместников — выходцев из княжеского и боярского сословия. Об одном из них, племяннике Всеволода, Ростиславе Владимировиче вспоминает В. Н. Татищев [94].

О характере отношений до 1072 г. Всеволода Ярославича и киевского князя в историографии нет единого мнения. Одни исследователи, исходя из текста завещания Ярослава Мудрого, утверждают, что «ряд» великого киевского князя не изменил на Руси установленного порядка держаний: верховным собственником русских земель и сюзереном остальных Ярославичей по-прежнему оставался киевский князь Изяслав, владения же его братьев были не чем иным, как условными держаниями [95]. Другие ученые, опираясь на «Сказание о Борисе и Глебе», результаты анализа взаимоотношений старших Ярославичей, отстаивают наличие в 1054—72 гг. в «Русской земле» политической формы правления в виде триумвирата Ярославичей [96].

Учитывая тенденциозность многих статей Начальной летописи, неоднократно изменявшихся и редактировавшихся, нам кажется, что и в данном случае нельзя полностью доверяться «Повести временных лет». Сравнительный анализ соответствующей статьи труда Нестора и статьи 1054 г. Новгородской первой летописи младшего извода показывает, что первоначально запись о завещании в «Повести» действительно подверглась редакторской правке — в ней устранено свидетельство о принадлежности Ярославичам северных и северо-восточных земель Руси [97]. В связи с этим допустимы и другие преднамеренные исправления текста. В «Сказании» же, автор которого менее других заинтересован в искажении действительного хода тогдашних событий, указывается, что Ярослав оставил после себя наследниками не одного, а троих сыновей [98]. Как доказывал В. А. Ключевский, это вполне допустимый факт. Три наследника — известная норма родовых отношений, согласно которой в сложном роду, состоящем из дядей и племянников, первое властное поколение состоит только из трех старших братьев, а все остальные, младшие братья, отодвигаются во второе подвластное поколение, приравниваясь к племянникам [99]. Исходя из изложенного выше, отдаем предпочтение мнению о существовании на Руси после 1054 г. политической формы правления в виде «триумвирата Яро-

славичей». Создание триумвирата, как считал А. Н. Насонов, было попыткой Рюриковичей сохранить в условиях феодального дробления целостность «Русской земли» — политически господствующего ядра Древнерусского государства [100].

Следуя завещанию отца «не преступати предела братня», Всеволод Ярославич вначале не вмешивался во внутренние дела старших братьев, самостоятельно управлял своим уделом: «иде на Торкы к Воиню», «творил мир» с половецким ханом Болушем, неудачно воевал с ханом Искалом [101]. Вместе с тем он в согласии с братьями участвовал в пересмотре ряда законодательных норм «Русской Правды», разделе смоленских владений между племянниками, походе на Всеслава Полоцкого и т. д. [102]

В условиях обострения внутриполитической обстановки в «Русской земле» в связи с поражением Ярославичей от половцев и киевским восстанием 1068 г. Всеволод, как следует из «Поучения» Мономаха, вынужден был искать убежище в далеком Курске, а сын его Владимир — в Ростове [103]. Когда страсти, бушевавшие в Киеве, улеглись, а половцы ушли восвояси, Всеволод снова вернулся в Переяслав.

Между тем, вокняжившийся 15 сентября 1068 г. в Киеве Всеслав Брячиславич, пытается закрепиться на «золотом столе», перераспределяет доставшиеся ему земельные владения Изяслава в пользу младших Ярославичей: Святославу достается Новгородская, а Всеволоду — Волынская земли [104]. Политический компромисс полоцкого князя с Ярославичами дал ему возможность продержаться в Киеве около семи месяцев. Однако большего Всеславу не удалось достичь. В мае 1069 г. Изяслав с помощью войск польского князя Болеслава Смелого изгоняет его с «отчего стола» [105]. Утвердившись в Киеве, старший из Ярославичей пытается восстановить свою власть над землями, которыми владел до 15 сентября 1068 г., но наталкивается на резкое противодействие братьев, завладевших частью его удела при Всеславе Полоцком [106]. Источники свидетельствуют, что Всеволод Ярославич удерживает за собой Волынскую землю в течение мая 1069 — апреля 1073 г. Здесь успешно правил его старший сын Владимир [107].

Неприязнь, а затем откровенная вражда черниговского и переяславского князей к ориентировавшемуся на Польшу старшему брату Изяславу вскоре привела к новому политическому кризису на Руси. Поводом к новому конфликту между Ярославичами послужили тайные дипломатические сношения киевского и полоцкого князей, расцененные младшими Ярославичами, как «заговор» против них. В конце марта — начале апреля 1073 г. братья изгоняют Изяслава из Руси [108]. На киевский стол садится Святослав Ярославич, который сразу же перераспределяет с Всеволодом имеющиеся у них уделы: младшему Ярославичу достаются Черниговская и Туровская волости; Волынская земля и северо-восточные владения переяславского князя — Белоозеро, Поволжье отходят к «причастию» киевского князя [109].

Весьма загадочна судьба переяславского стола в период киевского княжения («старейшинства») Святослава Ярославича. Согласно сведениям, содержащимся в «Поучении» Владимира Мономаха, Переяслав и Туров в апреле 1073 г. достаются именно ему [110]. Вместе с тем В. Н. Татищев утверждает, что Святослав предоставляет близлежащий Переяслав своему сыну Глебу, княжившему в Новгороде [111]. Откуда почерпнуты эти сведения историком, не известно, ибо древнейшие летописные источники их не содержат. Более правдоподобными нам представляются все же известия, имеющиеся в «Дневнике» деяний Мономаха.

После неожиданной для Всеволода смерти Святослава (умер от операции на шее — «резанья желве»), случившейся 27 декабря 1076 г., перед младшим из Ярославичей открываются радужные перспективы овладеть киевским столом, чем он и воспользовался Уже 1 января 1077 г. состоялась цере-

мония провозглашения его киевским князем [112]. Однако первое киевское княжение Всеволода длилось недолго. Прослышав о смерти Святослава, Изяслав с польскими войсками двинулся на Киев. 15 июля 1077 г. он в третий раз садится на киевский стол. Всеволод вынужден был по ряду со старшим братом занять черниговский стол, опекая одновременно и переяславский. Последний мог быть закреплен в то время и за его малолетним сыном Ростиславом. Владимир Всеволодович получает от Изяслава Смоленскую волость [113]. Вследствие происшедшего перераспределения земель, Изяслав и Всеволод берут под свой контроль практически все волости Руси (за исключением Полоцка и Тмутаракани). При этом Ярославичи лишают отчин многих своих племянников: Бориса Вячеславича *, Романа и Олега (последний выведен был Изяславом из Волынской земли) Святославичей и других. В частности, при загадочных обстоятельствах погибает в Новгородской земле в 1078 г. третий Святославич — Глеб.

Кровно обиженные родными дядьями, племянники находят пристанище в Тмутаракани, где решают с оружием в руках добывать себе «причастие» в «Русской земле». Летом 1078 г., заручившись поддержкой половцев, Борис и Олег двинули свое войско на Русь. 25 августа на Сожице они нанесли сокрушительное поражение дружине Всеволода Ярославича и захватили Чернигов. Всеволод вынужден был отступить в Переяслав, куда на помощь ему спешил со своей дружиной старший сын Владимир. Объединившись с Изяславом и его сыном Ярополком, они пошли на Чернигов. 3 октября 1078 г. в кровавой битве на Нежатиной Ниве близ Чернигова Всеволод взял реванш у своих обидчиков. При этом в ожесточенной сече погибли Борис Вячеславич и Изяслав Ярославич. Олег с горсткой оставшейся дружины вынужден бежать в Тмутаракань [114].

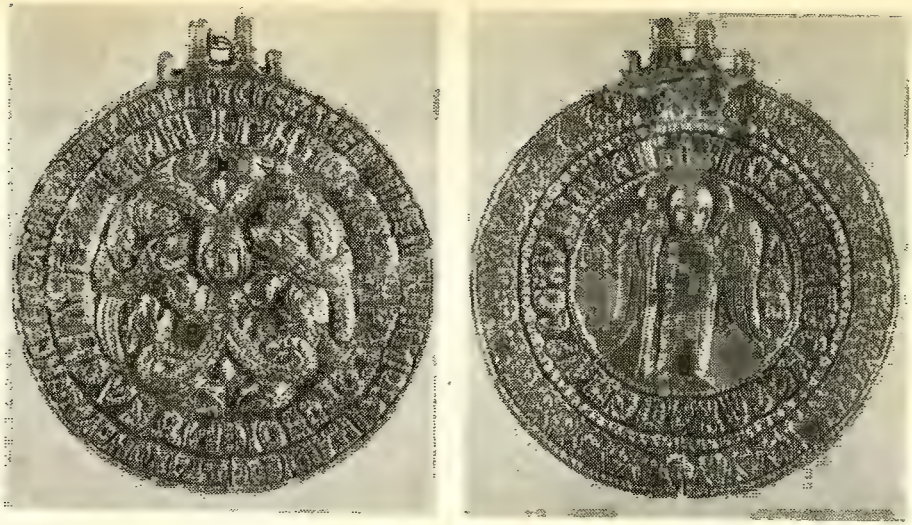
После смерти старшего брата Всеволод вторично садится на киевский стол, сохраняя за собой Переяславскую волость. Это видно из того, что, когда в 1079 г. половцы, подстрекаемые Романом Святославичем, подошли к Воиню, Всеволод Ярославич выступил против них, «ста у Переяславля, и створи миръ с половци» [115]. В следующем году для усмирения заратившихся на Русь ** переяславских торков он посылает из Чернигова своего старшего сына [116]. По всей видимости, Переяславское княжество осталось в непосредственном управлении киевского князя вплоть до 1093 г., т. е. до смерти Всеволода, так как о переяславских князьях источники того периода не сообщают. Юный Ростислав, очевидно, постоянно находился возле дряхлевшего отца. Возможно, в 1081 г. в Переяслав был назначен посадником верный Всеволодовичам Ратибор, изгнанный Давидом Игоревичем и Владимиром Ростиславичем из Тмутаракани [117].

С вокняжением в Киеве в 1093 г. Святополка Изяславича Ростислав Всеволодович занял принадлежавший ему переяславский стол. Постигшая его в том же году смерть и водворение Святославичей в своей Черниговской отчине обусловили переход на переяславский стол другого Всеволодовича — старшего Владимира [118].

Владимир Мономах — наиболее крупная фигура из всех княживших в Переяславе — оставил глубокий след (после Владимира Святославича) в древнерусской истории. Он являлся первенцем Всеволода Ярославича и дочери византийского императора Константина Мономаха Анастасии (откуда и прозвище «Мономах») [119]. Родился Владимир и был крещен в конце декабря 1053 — начале января 1054 г.[120] В крещении был назван Василием [121]. Печати Мономаха свидетельствуют о том, что его патроном был Василий Великий (Кесарийский) [122], память которого отмечалась до 1084 г. 1 января [123]. Можно думать, что родители, Всеволод и Анастасия, побеспокоились о том, чтобы их сын

* Сын смоленского князя Вячеслава Ярославича.

** Имеется в виду господствующая верхушка государства.



«Змеевик» Владимира Мономаха. XII в.

был образованным и разносторонне подготовленным человеком своего времени. Обладая незаурядной силой воли и характера, Владимир, выросший в беспокойном Переяславе, где отец его вел «войны без пристани» с половцами, много и упорно закалял себя «на ловѣхъ, день и ночь, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя..., не щадя головы своея» [124]. В 13 лет он активно включается в государственную деятельность «триумвиров», выполняя их сложные и ответственные поручения. По поручению отца Владимир контролировал деятельность наместников в Ростове и Смоленске, неоднократно «дея пути» к Ростову и Смоленску, подвергая себя риску и опасностям встречи с половцами, враждебно настроенными против Руси вятичами [125]. Девятнадцатилетним юношей в апреле 1069 г. Владимир Мономах был послан «ис Переяславля...— на Сутейску мира творить с ляхы» [126]. Осенью 1075 г. Святослав Ярославич направил его вместе с сыном Олегом в помощь ляхам против немцев «за Глоговы до Чешьскаго лѣса» [127] и т. д.

На переяславский стол Владимир Мономах пришел после пребывания в Ростове, Владимире, Турове, Смоленске и 15-летнего княжения в Чернигове, возмужавший и умудренный опытом, вполне сформировавшимся государственным деятелем «Русской земли», имевшим незаурядный талант полководца и дипломата. Формально зависимый от первопрестольного Святополка Изяславича, он находил возможности активно влиять на выработку киевским князем внешнего и внутреннего политического курса Руси. Организованные ими съезды князей в Любече (1097), Городце (1097), Витачеве (1100), на Золотьчи (1101) и Долобске (1103) содействовали в известной мере сплочению Древнерусского государства, прекращению межкняжеских усобиц. Общерусские походы в степь, инициатором которых также был переяславский князь (1103, 1111), временно приостановили опустошительные набеги половцев на многострадальные земли Южной Руси.

В княжение Владимира Мономаха значительно окрепли внутриполитические связи Переяслава с другими городами и землями Киевской Руси, а также его международные контакты. Этому во многом содействовали широкие дипломатические связи переяславских князей с правящими домами ведущих европейских стран. Как известно, матерью Владимира была византийская принцесса, сам он был женат на дочери английского короля Гаральда II — Гите. Сестра Евпраксия являлась женой немецкого императора Ген-

риха IV. Одну дочь Владимир выдал замуж за венгерского короля Коломана, другую — за Леона — родственника греческого императора Диогена. Сын Юрий был в браке с дочерью половецкого хана Аепы Осеневича [128].

Владимир Мономах заботился о расширении и упорядочении владений. В конце XI в. он укрепляет северные рубежи Переяславского княжества: строит Остерскую крепость, «устраивает» свои северо-восточные уделы. Используя политический аргумент — право «отчины», провозглашенное Любечским княжеским съездом, переяславский князь властной рукой подчиняет своей юрисдикции Смоленск, где в 1101 г. закладывает каменный Успенский собор. К концу XI в. семья Мономаха сосредоточивает в своих руках большинство волостей Руси: Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую, претендуя на ведущую роль в «Русской земле». Фактически уже в 1097 г. Владимир мог узурпировать великокняжескую власть, обвинив Святополка в причастности к ослеплению Василька. Но вмешательство митрополита Николы не позволило ему этого сделать [129].

Глубоко проанализировав сведения литературного памятника Древней Руси «Хождение игумена Даниила», а также летописные списки князей — участников наиболее важных совместных предприятий 90-х годов XI в. (княжеских съездов, походов), В. Л. Янин обратил внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: во всех списках начиная с 1097 г. Владимир Переяславский стоит на втором месте, сразу же после киевского князя, а черниговские князья только на третьем. Это значит, что к моменту Любечского съезда Переяслав был признан более почетным уделом, вторым после Киева, в системе княжеской иерархии. Подтверждением этому являются и события 1113 г., когда происходило перераспределение основных столов. Владимир Мономах, вопреки собственной доктрине (права «отчины»), садится на киевский стол в обход черниговских Святославичей [130].

Свободное Переяславское княжение занял Святослав Владимирович, княживший до этого в Смоленске. В том же году Владимир Мономах назначил в Переяслав другого сына — Ярополка. Святослав, очевидно, не мог выполнять свои обязанности по болезни и в следующем 1114 г. умер. В 1116 г. Ярополк участвовал в походе Владимира Мономаха против Глеба Минского. Переяславский князь пленил часть жителей Друцкой и Лукомльской волостей, вывел их в свои домениальные владения, поселив в специально построенных для них в нижнем течении Сулы городах Желни и Лукомль. Недолго владел Ярополк Переяславской областью. В 1118 г. Владимир Мономах переводит на княжение в Переяслав из Смоленска младшего сына Глеба [131]. Можно предполагать, что Ярополк с 1118 до 1125 г. находился возле отца в Киеве. По Лаврентьевской летописи, он получил вторично Переяслав с вокняжением в Киеве старшего брата Мстислава, т. е. в 1125 г. В 1132 г. со смертью Мстислава Владимировича Ярополк занял его место. Следуя завещанию покойного брата, он перевел в Переяслав из Новгорода Мстиславова сына Всеволода, что вызвало противодействие со стороны имевших больше прав на этот удел Юрия и Андрея Владимировичей. «Се Ярополкъ, брат наю, и по смерти своеи хощеть дати Киевъ Всеволоду, братану своему»,— рассуждали они,— «и выгониста (Всеволода.— *М. К.*) ис Переяславля» [132]. Просидев в Переяславе всего полдня — «с заутрея до обеда», Всеволод вынужден был уступить свое место Юрию Долгорукому. Узнав о своеволии Юрия, киевский князь Ярополк заставил его покинуть Переяслав. Последний был отдан Изяславу Мстиславичу, брату изгнанного Всеволода. Однако неугомонный Юрий изгнал из Переяслава и второго племянника. Видя, что страсти вокруг переяславского стола разгораются, Ярополк, во избежание претензий к нему относительно несоблюдения старшинства при распределении столов, посылает в город на Трубеже своего брата Вячеслава.

Однако Вячеслав Владимирович недолго пробыл в Переяславе. По неизвестным причинам он добровольно уходит в 1134 г. в свой Туров, изгнав из последнего Изяслава Мстиславича [133]. В конце 1134 г. или самом начале 1135 г. Юрий Долгорукий «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю» [134]. Киевский князь пошел на выгодную сделку с младшим братом, но это вызвало недовольство черниговских Ольговичей. Чтобы как-то восстановить мир и согласие в «Русской земле», Ярополк принимает компромиссное решение: он выделяет из состава переяславских владений «причастие» Юрию в виде Остерской волости, Переяслав же отдает младшему брату Андрею [135].

Раздел Переяславской земли при Ярополке и последовавший перед этим выход из политической системы Южной Руси феодалов Смоленской и Ростово-Суздальских волостей в значительной степени ослабили и Киев, и Переяслав.

На этом заканчивается наиболее яркий период в политической истории Переяславского княжества. Потеряв огромные территории с их людскими ресурсами, богатыми данями, оно теряет и свое былое могущество. Его рубежи все более становятся уязвимыми для конницы кочевников, а князья на переяславском столе меняются, словно в калейдоскопе. Уже вскоре это приводит к плачевным последствиям. С княжеством происходит закономерная в таких случаях метаморфоза: из княжества-сюзерена оно превращается в вассально зависимое наместничество ростово-суздальских и черниговских князей.

Андрей Владимирович (1135—1142) — один из последних князей, проводивших независимую политику переяславского стола. Однако ему не удалось восстановить территориальные владения, которыми располагал его отец. Более того, в условиях постоянной экспансии черниговских Ольговичей переяславскому князю становится все сложнее удерживать северские территории (Курское Посеймье, верховья Псла, Ворсклы и Северского Донца). Претендуя на первенствующую роль в русских делах, особенно после того, как их представитель утвердился в Киеве в качестве великого князя, черниговские Ольговичи пытаются захватить и Переяслав. Так, в 1139 г. Всеволод Ольгович, став киевским князем, потребовал от Андрея уступить Переяслав и уйти княжить в Курск («иди Курску»), на что тот, «сдумавъ с дружиною своею», ответил: «отец мои в Курскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли и (я.— *М. К.*) хочю на своей отчине смерть прияти» [136]. Нанеся сокрушительное поражение под Переяславом полкам брата Всеволода — Святослава Ольговича, Андрей заставил великого киевского князя заключить с ним мирное соглашение.

В 1142 г. Андрей Владимирович умер, и великий киевский князь Всеволод Ольгович отдает Переяслав в держание его брату Вячеславу Владимировичу. Это назначение вызвало недовольство Игоря Ольговича, незамедлительно выступившего к Переяславу. Лишь помощь киевской рати и дружины племянника Изяслава Мстиславича спасли Вячеслава. Трусливый по своей природе, он «в то же лѣто... смолвися съ Всеволодомъ, да Изяславу Переяславль», а сам ушел в безопасный Туров [137].

Изяслав пробыл в Переяславе до кончины великого киевского князя Всеволода Ольговича (1139—1146). По словам летописца, восшедший на великокняжеский стол Игорь Ольгович «не угоденъ бысть Кияномъ ... и послашася к Переяславлю к Изяславу ... рекуче: поиди княже к намъ хощемъ тебе». Вслед за киевским пришли к переяславскому князю «слы» от черных клобуков и всего Поросья, «рекоша ему ты наш князь, а Ольговичь не хочемъ». Изяслав, собрав переяславцев, «скупишася с Клобуци и Поршане», подошел к Киеву. В битве близ Ольговой Могилы он разгромил войска Игоря и Святослава Ольговичей. 13 августа 1146 г. киевляне провозгласили его великим князем [138].

В Переяславе был посажен сын Изяслава — Мстислав. Уже на следующий год ему пришлось отстаивать переяславский стол от притязаний курского князя Глеба Юрьевича. Последний потерпел неудачу [139].

Ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, используя остерский плацдарм, в 1149 г. начал длительную борьбу за господство на киевском юге и за первенство среди всех русских князей. В центре событий снова стратегически важный Переяслав — преддверие Киева.

В союзе с половцами и при поддержке Святослава Ольговича Юрий нанес поражение Изяславу у Переяслава. Пробыв в городе на Трубеже всего три дня, Долгорукий выступил на Киев и овладел им. Переяслав достался в держание старшему сыну Юрия Ростиславу. В течение 1150—1151 гг. Киев неоднократно переходил из рук в руки.

В конечном счете Изяслав взял верх над Долгоруким. Закрепившись в Киеве, он советует своему сыну Мстиславу заручиться поддержкой Черных клобуков и овладеть Переяславом со стороны Канева. Но помощь, оказанная переяславскому князю из Остра Юрием Долгоруким, сорвала замыслы Мстислава и позволила Ростиславу удержаться в городе на Трубеже. После смерти в апреле 1151 г. Ростислава Юрьевича переяславский стол достался его брату Глебу. Вскоре Юрий перевел сына в Остерский Городец, а сам садится в Переяславе. Но Изяслав не дает ему закрепиться здесь (в который раз!), вынуждает напористого соперника удалиться в Суздаль. В Переяславе садится его сын Мстислав. Через три года, когда в Киеве прочно обосновался Юрий Долгорукий, Мстислав Изяславич уходит на Волынь. Наместником великого киевского князя в Переяславе становится Глеб Юрьевич. Княжеский стол Глеб занимал до 1169 г. В том же году, по воле Андрея Боголюбского, он становится киевским князем, а Переяслав передает своему малолетнему сыну Владимиру [140].

В 1174 г. Владимир Глебович потерял Переяслав, который занял «стрый» Михалко Юрьевич. Последнему достался Переяслав в придачу к Торческу по ряду с Рюриком Ростиславичем. Можно предположить, что Михалко, удерживая за собой Поросье, переносит свою резиденцию в город на Трубеж, ибо после неудачной попытки в 1174 г. овладеть Владимиром на Клязьме он возвращается в Переяслав, а не в Торческ [141]. У В. Н. Татищева под 1177 г. Владимир Глебович вновь проходит как князь переяславский [142]. По-видимому, он занял Переяслав после ухода Михалка Юрьевича в Северо-Восточную Русь, где тот стал в 1175 г. великим владимиро-суздальским князем. Владимир держал Переяславское княжение до своей смерти (последовавшей после продолжительной болезни 18 апреля 1187 г.) и снискал к себе любовь и уважение у населения обоих берегов Среднего Днепра. Летописец так характеризовал Владимира Глебовича, описывая трогательное прощание с ним: «И плакашася по немь вси Переяславци, бѣ бо любя дружину, и злата не сбирашеть, имѣния не щадяшеть, но даяше дружинѣ, бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рати и мужьствомъ крѣпкомъ показаюся, и всякими добродѣтелми наполненъ, о нем же Украина много постона» [143].

В дальнейшем владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич в Переяславе ставит поочередно племянника Ярослава Мстиславича (1188—1199) и своих сыновей Константина (1200) и Ярослава (1201—1206), княжившего затем в Переяславле-Залесском * [144]. Переход власти в Киеве в 1206 г. к Ольговичам повлек за собой перемену и на переяславском столе. Но черниговским князьям не удалось закрепиться здесь. Не просидев и года, сын Всеволода Чермного Михаил вынуж-

---

* Летописец Переяславля-Суздальского сообщал, что Ярослав княжил в Переяславе-Русском семь лет (*Летописец* Переяславля-Суздальского.— М., 1851.— С. 108; *ПСРЛ*.— Т. 1.— Стб. 415, 416, 427—428).

ден был уступить свое место в Переяславе сыну нового киевского князя Рюрика Ростиславича — Владимиру.

После смерти Всеволода Юрьевича его сын Юрий посылал княжить в Переяслав-Южный брата Владимира, который женился на Глебовне Черниговской. В том же 1215 г. Владимир Всеволодович, после поражения в одной из битв с кочевниками, попал в половецкий плен, откуда возвратился лишь в 1217 г.[145] и ушел в Суздаль. С 1215 по 1227 гг. летописи умалчивают о князьях Переяслава-Русского. Судя по тому, как зорко следили за левобережными землями Мстислав и Олег Святославичи, можно полагать, что город на Трубеже в тот период находился в руках черниговских князей.

В 1227 г. Юрий Всеволодович назначил князем в Переяслав-Южный своего племянника Всеволода Константиновича. Появление на переяславском столе после длительного перерыва суздальских князей было результатом каких-то компромиссов последних с черниговскими князьями. На это указывает последовавшая вскоре женитьба Всеволода на дочери Олега Святославича[146]. Но беспокойный юг был очевидно, не для Всеволода. В 1128 г. по желанию великого князя суздальского его заменяет Святослав Всеволодович. Неизвестно, сколько княжил Святослав в Переяславе-Южном. В 1234 г. он находился уже на севере[147].

На этом крайне фрагментарные сведения о князьях Переяслава-Южного, о городе на Трубеже обрываются и судить о внутриполитической истории княжества крайне трудно. Вероятно, в канун нашествия орд Батыя Переяслав с прилегающей к нему округой управлялся местным вечем и епископом Симеоном, возглавившим, по летописным сведениям, и оборону города.

Весною 1239 г. кочевники начали наступление на Южную Русь. Первым на их пути оказался Переяслав. «И взят град Переяславль копьемь,— писал летописец,— изби все и церковь архангела Михаила скруша и сосуды церковныя бесчисленные златыа и драгаго каменья взятъ, и епископа преподобного Семеона убиша»[148]. В пламени пожаров погибли многие другие населенные пункты Переяславской земли.

История Переяславской земли в период ордынского ига изучена крайне слабо. Малочисленность источников не дает возможности исследовать этот ее наименее разработанный период истории. Тем не менее не вызывает сомнения то, что в течение 40-х годов вся Переяславская земля оказалась захвачена и покорена Батыевыми ордами. Переяслав, после разрушения его цитадели и уничтожения защитников города, надолго потерял самостоятельность и, вероятно, зависел непосредственно от монголо-татарских феодалов *. Так, направляясь в 1245 г. в Орду, галицкий князь Даниил Романович был встречен в Переяславе татарами[149]. По-видимому, это были представители стационарной монгольской администрации, постоянно пребывавшей в городе. Проанализировав сведения древнерусских письменных источников, сообщения Карпини, а также данные реконструированной ландшафтно-растительной карты Днепровского Левобережья, В. Л. Егоров пришел к выводу, что Переяславская земля в 40-х годах XIII в. была включена в своеобразную буферную русско-золотоордынскую зону, расположенную между Киевским и Черниговским вассальными княжествами, с одной стороны, и улусом Куремсы — с другой[150], что небезинтересно для нашего исследования. Сравнение этой огромной зоны с той, которая существовала в период русско-половецкого противостояния на Днепровском Левобережье в XI — начале XIII в. указывает на значительную подвижку ее северного рубежа — с Посулья на линию Остер — Курск. Южная граница буферной зоны по Ворскле по существу осталась неизменной. В дальнейшем наблюдалось усиление зависимости Переяславской земли от столицы Золотой Орды Сарай-

* В письменных источниках того времени не упоминаются здесь русские князья или посадники.

Берке*. Об этом свидетельствует факт учреждения в 1269 г. объединенной сарайско-переяславской епархии во главе с епископом Феогностом, поставленным киевским митрополитом Кириллом [151]. По золотоордынской административной системе Переяславское Левобережье в дальнейшем входило не в Киевскую или Черниговскую, а Сарайскую тьму, упоминаемую в ярлыке Менгли-Гирея [152]. Сарайская тьма включала в свои пределы междуречье Волги — Днепра, т. е. бывшие половецкие кочевья. К ним была присоединена и Переяславская «Украина». Для населения Днепровского Левобережья началось более чем столетнее иго ордынских ханов.

Анализ внутриполитической эволюции юго-восточной области Древней Руси показывает, что в его истории можно вычленить два контрастных периода. Для первого из них (1054—1136) характерно то обстоятельство, что Переяслав сохранял за собой положение одного из самых престижных городов Руси после Киева и Чернигова. Являясь аванпостом Киева в борьбе с кочевниками, Переяславское княжество в конце XI — начале XII в. стало своеобразной и необходимой ступенью для претендентов на великокняжеский стол. Его князья удерживали в своих руках, кроме Переяславской земли, огромные волости в других частях Руси, получая из них несметные богатства и людские (военные) ресурсы. Они активно влияли на политику Древнерусского государства, участвуя в феодальных княжеских съездах, где обсуждались вопросы внутреннего развития страны, отражения внешней опасности и др.

Второй период Переяславской земли (1136—1233), совпадавший хронологически со временем феодальной раздробленности Руси, характеризовался постепенным упадком политического могущества княжества, терявшего одну за другой свои волости. Переяславский стол все чаще занимали ставленники владимиро-суздальских и черниговских князей. В канун ордынского нашествия Переяслав фактически потерял и княжеский стол, превратившись в рядовую крепость на окраине Руси.

ВРЕМЕННЫЕ ДЕРЖАНИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКИХ КНЯЗЕЙ

Среди черт, отличающих государство от старой родовой организации (наряду с учреждением публичной власти, взносов граждан — налогов), в работах историков неоднократно отмечалась наиболее важная — разделение подданых территориально [153]. Территориальное размежевание населения имело место и в раннефеодальном Древнерусском государстве. Правда, вначале, как следует из источников, оно осуществлялось преимущественно по этнотерриториальному принципу («и бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи...») [154]. Государственно-политическая структура «империи Рюриковичей», как уже выше отмечалось, складывалась на основе инкорпорированных (присоединенных) к «Русской земле» лоскутьев-территорий восточнославянских, балтийских, угро-финских и других племенных княжений. На первых порах, до реформ Ольги и Владимира и особенности «Ряда Ярослава», стихийно сформировавшаяся этнополитическая структура Руси подспудно, под влиянием вековых традиций сохранялась, представляя собой пеструю в этнографическом и языковом отношении мозаичную картину. С возникновением же уделов Ярославичей, она начала активно видоизменяться, пересматриваться, подвергаться перекройке в зависимости от менявшейся внутриродовой конъюнктуры, внешнеполитических обстоятельств, миграционных и ассимиляционных процессов.

Это весьма сложное явление древнерусской социально-экономической и в равной мере государственно-политической жизни, начиная с М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева, внимательнейшим образом

* На месте нынешнего с. Царев Ленинского района Волгоградской области.

исследуется в отечественной историографии. Вместе с тем оно предельно скрупулезно изучается зарубежными (германскими, польскими) историками, ввиду наличия аналогичных надстроечных процессов в польском и франкском средневековых обществах [155]. В последнее время в работах А. В. Назаренко и А. П. Толочко, как нам представляется, вопрос о характере «надстроечных» междукняжеских отношений XI—XII вв. на Руси и механизмах, их регулирующих, исчерпывающе объяснен. Теоретическое осмысление процессов на основе синхростадиальных общественно-экономических структур раннефеодальной Европы дало возможность исследователям выяснить причины так называемого «хаоса», царившего на Руси в XI—XV вв., выявить закономерности в, казалось бы, не поддающихся объяснению явлениях ее внутриполитической жизни (бесконечных территориальных перераспределениях, «круговерти» княжеских переходов со стола на стол и пр.). В частности, выявлено, что главной пружиной, приводившей в движение механизм челноковых перемещений Рюриковичей с одной волости в другую, был феномен «родового сюзеренитета» (термин употреблен в понимании его А. В. Назаренко), известный в науке и как corpus fratrum — т. е. непременное соучастие всех братьев в управлении Русью по смерти отца, что выражалось в равномерных территориальных разделах между ними, создании княжеств-уделов при сохранении государственного единства [156]. Являясь порождением дофеодальных отношений, «родовой сюзеренитет» зиждился на нормах наследственного семейного права: после смерти кого-либо из членов рода его удел возвращался в общее владение.

Политический строй власти, основанный на «родовом сюзеренитете», определяется А. П. Толочко как система «старейшинства» и это вполне справедливо, ибо отвечает духу и терминологии того времени [157]. Этим термином обозначался принцип наследования отцовской власти и власть старшего из братьев над младшими. В силу действия этого принципа по смерти одного из братьев его удел доставался не его потомству, а оставшимся в живых братьям.

Важнейшим правовым документом, установившим такие отношения в Руси, признан «Ряд Ярослава» 1054 г., поставленный А. Е. Пресняковым и А. В. Назаренко в один ряд с аналогичными документами других европейских стран («Законом о сеньорате» 1055 г. Бржетислава I в Чехии, «Тестаментом» Болеслава Кривоустого 1138 г. в Польше, установлениями франкских императоров и т. д.) [158]. Согласно «Завещанию» великого киевского князя на Руси устанавливалась новая форма политического управления государством — триумвират — экономическая, военно-административная и идеологическая (церковная) диктатура трех старших Ярославичей. Просуществовала она сравнительно недолго, однако имела значительное влияние на последующее социально-политическое развитие Руси.

По мере увеличения княжеских линий, княжеских столов система «старейшинства» начала серьезно пробуксовывать, не находя верного правового решения основных вопросов междукняжеских отношений — наследования власти, господства и подчинения между отцами и детьми, дядьями и племянниками и т. п.

А. П. Толочко, исследуя эволюцию форм княжеской власти в Киевском государстве IX—XIII вв., показал, что эпоха «родового сюзеренитета» с классическим «старейшинством» отмирает с началом бенефициальной формы землевладения — возникновением индивидуального княжеского землевладения феодального типа [159]. Действительно, к концу XI — началу XII в. постепенно исчерпываются и базисные, и юридические основания родового владения землей (источники впервые фиксируют раздачу волостей в держание, многочисленные дарения земель монастырям, пр.).

В начале 90-х годов XI в. новое поколение Рюриковичей, в первую оче-

редь Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович, стремятся укрепить и упорядочить систему государственного управления и наследования княжеской власти. В 1097 г. по их настоянию на общерусском Любечском съезде князей утверждается новая форма политического управления Русью, в основе которой стал принцип отчины: единая дотоле отчина потомков Ярослава Мудрого разделялась на три отчины трех старших княжеских ветвей: Изяславичей, Святославичей и Всеволодовичей [160].

Являясь закономерным этапом развития принципата-старейшинства, «отчинное старейшинство» преследовало цель политической децентрализации государства, «изъятия» великокняжеского удела из общеродового владения, придания ему статуса отчины. Однако результаты новой структуры княжеской власти, а также территориальных размежеваний отчин, в силу невыполнения установлений Любечского съезда, не дали возможности ни уравновесить экономические и политические потенциалы киевского, черниговского и переяславского уделов, ни закрепить право на обладание киевским столом одной из трех княжеских ветвей. С середины 30-х годов XII в., развившиеся снизу феодальные вотчины взрывают существовавшие княжества-уделы: экономический партикуляризм местных феодалов привел их к политическому дроблению. Выход из политической системы Киевского княжества-удела Новгородской, Волынской и Туровской из Черниговского — Новгород-Северской, Рязанской и Муромской, а из Переяславского — Смоленской, Ростово-Суздальской и Остерской земель фактически знаменовали наступление феодальной раздробленности на Руси, приведшей в относительное соответствие базис и надстройку.

В данном параграфе сделана попытка рассмотреть волости, входившие во второй половине XI — первой половине XII в. в политическую систему Переяславского княжества-удела, а также то, как различные группировки Рюриковичей, исходя из двух стереотипов представлений о государственном устройстве (образца 1054 и 1097 гг.), в борьбе за гегемонию на Руси систематически перераспределяли отчины Изяславичей, Святославичей, Всеволодовичей.

Необходимость исследования политико-административного, военного и церковного устройства Переяславского княжества X—XIII вв. предполагает четкое теоретическое представление о государственной территории как определенной исторической категории. Советская историческая наука выработала дефиницию данного понятия для антагонистического государства. Согласно определению В. А. Кучкина, государственная территория периода средних веков представляла собой «собственность организованного в государство эксплуататорского класса, который с помощью своих органов власти и управления устанавливает на данной территории административное деление, подчиняет население общим публично-правовым нормам, принуждает его к содержанию государственного аппарата, различным повинностям и военной службе» [161]. Руководствуясь этим определением государственной территории, рассмотрим внутренние территориальные части Переяславского удела.

Анализ письменных и археологических источников по истории исследуемой территории свидетельствует о том, что в Переяславском княжестве, с момента его выделения в самостоятельную политическую единицу, существовала соответствующая административная система, обусловленная социально-экономическим развитием тогдашнего древнерусского раннефеодального общества и юридически закрепленная «Рядом Ярослава». Суть ее состояла в следующем: весь удел разделялся на более мелкие вассально зависимые земли-княжения (наместничества), в которых правили в большинстве случаев сыновья переяславского князя. Под «землей» (в узком понимании этого термина) обычно подразумевается округа, тянущаяся к своему центру — городу — средоточию административной

власти, располагавшей княжеским столом *. Выраставшие из родо-племенных территорий зе́мли, по мере вызревания в них феодальных отношений, выделялись из уделов в отдельные суверенные волости-княжества (города-земли, города-государства, по терминологии А. Ю. Дворниченко и И. Я. Фроянова) [162]. Каждая вассальная область в составе удела делилась в свою очередь на городовые волости, управляемые княжеским посадником из боярского сословия. Первичной административной ячейкой государственной территории Переяславской земли являлась сельская (соседская, поземельная) община — территориальная общность людей, объединенных между собой остатками коллективной собственности на землю.

Гражданскому административно-политическому устройству соответствовала военная организация княжества. Каждая княжеская волость, как правило, соответствовала военной тысяче, формирующей полк; городовая волость была средоточием сотни; село выставляло, очевидно, не более десяти воев.

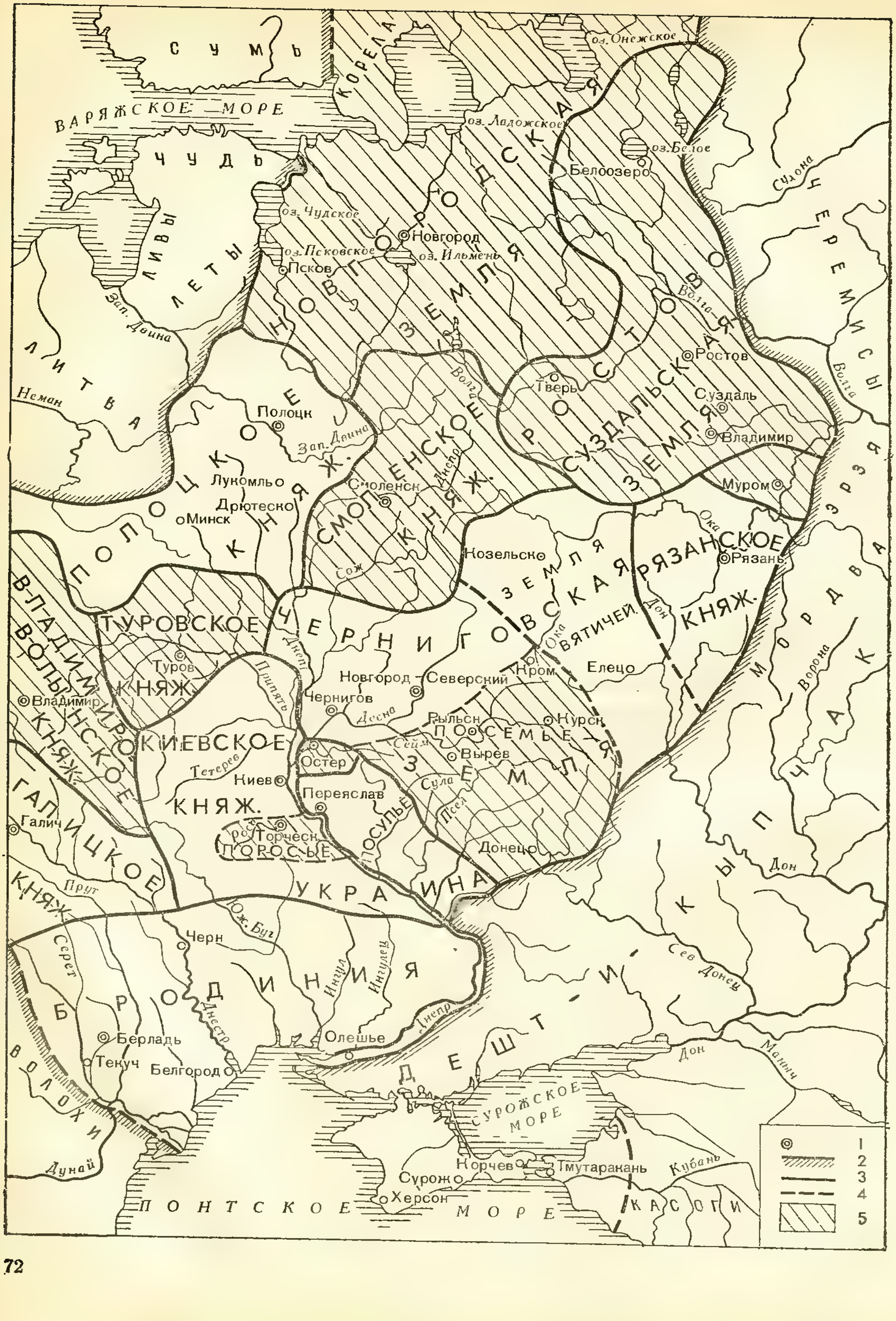
Ввиду отсутствия достаточного количества летописных и археологических данных для территориального анализа мелких административно-политических единиц остановимся лишь на крупных княжеских волостях Переяславской земли (в широком понимании этого слова). Рассмотрение территориального состава Переяславского удела-княжества целесообразно начать с ближайшей к стольному городу Остерской волости.

Остерская волость. Появление укрепленной Остерской волости на севере Переяславского княжества, по всей видимости, вызвано политической конфронтацией между Переяславом и Черниговом, возникшей в конце 90-х годов XI в. Вспомним 1096 г.: в усобице с Олегом гибнет сын Мономаха Изяслав; в дальнейшем черниговский князь отказывается идти вместе со Святополком и Владимиром на половцев, положить ряд «о Русьстей земли» и т. д. Решения Любечского съезда (1097) в правовом отношении значительно ограничили территориальные претензии Святославичей: они получили в прибавку к первоначальной отцовской волости лишь Посеймье, в то время как Мономах прибрал к своим рукам Ростов, Смоленск и Новгород.

Недоверие к Олегу и его братьям заставило Мономаха укрепить северное пограничье Переяславского княжества. Ключом его становится Остерский Городец, крепость которого строится в 1098 г. Расположенный на пересечении стратегически важных путей киево-чернигово-переяславского пограничья, он держит в своих руках нити событий, происходивших в трех основных центрах «Русской земли». Обладание городом давало определенные выгоды претендентам на великокняжеский стол. Вот почему вскоре город с прилегающими к нему землями выделяется в отдельную волость и из-за него начинаются серьезные княжеские распри. Владельческую преемственность Остра можно представить так: до 30-х годов XII в. им обладали Мономаховичи, княжившие в Переяславе. Но с 1136 г., как правильно отмечал Н. И. Карамзин, Остерская волость была выделена из состава переяславских владений и отдана суздальскому князю Юрию Долгорукому [163], потерявшему тогда же Переяслав.

В 1141 г. великий князь Всеволод Ольгович, недовольный укреплением позиций Юрия Долгорукого в Новгороде, «зая Городець Въстрьскыи» и передал его своему брату Игореви [164]. В 1147 г. новый киевский князь Изяслав Мстиславич посадил в Городце своего брата Владимира. Сын Юрия Долгорукого Глеб в 1148 г. изгнал Владимира из Городца, но и сам в нем не засиделся. Вскоре Изяслав отправляет его в Чернигов, а Городец отдает своему племяннику Ростиславу Юрьевичу [165]. Тот иде «в Городець, а по городам посажа посадникы своя» [166]. Но через год и его постигла участь

* В нашем исследовании термин «земля» употребляется и в более широком смысле слова — как конгломерат территориальных держаний князя-отца, князя-сюзерена.


СУМЬ
КОРЕЛА
ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ
оз. Онежское
оз. Ладожское
оз. Белое
Белоозеро
ЧУДЬ
ЛИВЫ
ЛЕТЫ
ЛИТВА
оз. Чудское
оз. Псковское
Псков
Новгород
оз. Ильмень
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
Сухона
ЧЕРЕМИСЫ
Волга
Зап. Двина
Неман
Ростов
Тверь
Суздаль
Владимир
Муром
Полоцк
ПОЛОЦКОЕ КНЯЖ.
Лукомль
Друтеско
Минск
Смоленск
СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖ.
Днепр
Сож
ЭРЗЯ
Козельск
ЗЕМЛЯ ВЯТИЧЕЙ
Ока
РЯЗАНСКОЕ КНЯЖ.
Рязань
Дон
МОРДВА
ТУРОВСКОЕ КНЯЖ.
Туров
ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
Новгород-Северский
Кром
Елец
ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖ.
Владимир
Припять
Чернигов
Десна
Рыльск
Курск
ПОСЕМЬЕ
Сейм
Вырев
КИЕВСКОЕ КНЯЖ.
Тетерев
Остер
Киев
Переяслав
Сула
Псел
ПОСУЛЬЕ
Рось
Торческ
ПОРОСЬЕ
Галич
ГАЛИЦКОЕ КНЯЖ.
Донец
УКРАИНА
Прут
Ворона
КЫПЧАК
Черн
Юж. Буг
Серет
БРОДИНИЯ
Ингул
Ингулец
Днестр
Днепр
Берладь
Текуч
Белгород
Олешье
ДЕШТ-И-КЫПЧАК
Сев. Донец
Дон
Маныч
ВОЛОХИ
Дунай
СУРОЖСКОЕ МОРЕ
Корчев
Тмутаракань
Кубань
Сурож
Херсон
ПОНТСКОЕ МОРЕ
КАСОГИ
1
2
3
4
5

брата. Заподозрив Ростислава в заговоре против себя, Изяслав лишает его Остерской волости. Разъяренный тем, что ни ему, ни его детям «нету причастья в земли Русстеи», Юрий Долгорукий, «совокупив дружину» и заручившись поддержкой Ольговичей и половцев, идет в 1149 г. на Изяслава. Дважды Юрий овладевал Киевом и дважды вынужден был бежать из него в Остерский Городец. Третья попытка овладеть Киевом закончилась поражением войск Юрия Долгорукого, осадой его в Остре, а затем миром между воюющими сторонами при условии, что сам Долгорукий удалится в Суздаль, а в Городце останется его сын Глеб [167].

Изяслав возвратился в Киев, но в связи с новыми раздорами в следующем 1152 г. взял приступом и сжег Городец Остерский: «и ту сдумавше разведоша Городокъ Гюргевъ, и пожго и (и божницу) же святого Михаила, верхъ бяше нарубленъ деревом и то сгорѣ» [168]. В 1155 г. после смерти Изяслава Юрий вновь овладевает Киевом и Переяславом и, как следует из общеполитической обстановки, Остром [169]. До конца своей жизни (1157) он так и не успел восстановить руины Остерской крепости. В конце 60-х годов XII в. Остерскую волость, очевидно, держал Михаил Юрьевич, проживавший, однако, согласно В. Н. Татищеву, в Переяславе-Русском, у своего брата Глеба. После распределения столов в 1169 г. Остерский Городок с прилегающей к нему округой достается другому Юрьевичу — Всеволоду [170]. Всеволод Юрьевич княжил в Остре до 1175 г. [171] Став князем ростовским, он, по-видимому, удерживал за собой Городок. В 1195 г., будучи суздальским князем, Всеволод Большое Гнездо восстановил Остерский замок: «Посла...тивуна своего Гюрю с людьми в Русь и созда град на Городци на Въстри, обнови свою отчину» [172]. В последующий период истории Городец не играл уже

Карта Остерского повета XIV—XV вв. (по П. Г. Клепатскому)

Временные держания переяславских князей во второй половине XI — первой половине XII в.: 1 — центры земель-княжений Древней Руси; 2 — границы Руси нв середину XII в.; 3 — границы земель-княжений; 4 — приблизительные границы земель; 5 — временные держания переяславских князей.

той важной роли в общественно-политической жизни Руси, о чем свидетельствует молчание о нем всех источников.

Фрагментарность летописных известий об Остре, недостаточная археологическая изученность региона затрудняют определение территориального состава Остерской волости. Можно предположить, что в ее пределы входил летописный Носов (современный г. Носовка), в направлении которого отступал Глеб Юрьевич, преследуемый Мстиславом Изяславичем, после неудачной попытки в 1148 г. овладеть переяславским столом [173]. Из Носова Глеб Юрьевич направился затем в Остерский Городец. Уместно отметить, что и в литовский период истории Левобережья Носов оставался в составе Остерского повета [174], что свидетельствует об устойчивости прежнего административного деления края. На левом берегу Остра, восточнее Городца (в 10 км), имеется древнерусское городище (Кошаны) [175] — неизвестный по летописным источникам населенный пункт этой же волости. Если допустить, что границы Остерского повета, очерченные П. Г. Клепатским, совпадают с рубежами волости домонгольского времени (что вполне возможно), то в состав ее следует зачислить лето-

писный Нежатин (Нежин) — крайний восточный форпост волости, а также исторически неидентифицированные городища Светильное и Крехаев [176].

Курское Посеймье. Особое место в составе переяславских владений второй половины XI — первой половины XII в. занимало Курское Посеймье. Как уже выше отмечалось, его государственное освоение началось Владимиром Святославичем в конце X в. В княжение Ярослава Мудрого этот важный в стратегическом отношении район Северской земли был объектом пристального внимания и заботы великокняжеской власти: сюда переселялись из разных районов Руси «лучшие мужи», активно вводилось христианство. Как следствие проводимой киевскими князьями политики, образовавшаяся к середине XI в. курско-переяславская «ось» разделила единый этнический массив северян, подготовила государственное освоение его внутренних районов и дальнейшее наступление Руси на юго-восток.

История владельческой принадлежности Курска детально рассмотрена А. К. Зайцевым. Напомним лишь, что по «завещанию» Ярослава город на р. Тускари входил в состав Переяславской земли. Затем в конце XI в. (вероятно, по решению Любечского 1097 г. съезда князей) Посеймье, в том числе Курск, переданы в держание Олегу Святославичу. Однако в 1127 г. черниговские князья теряют контроль над Курским Посеймьем, и вплоть до 1136 г. оно находилось в сфере влияния Переяслава. В дальнейшей борьбе за Курск верх вновь взяли Ольговичи, и до конца 1136 г. город с прилегавшей округой входил в состав Черниговской земли. В последующее 20-летие смена властителей на курском столе участилась. Переяславские князья неоднократно сажали в тот период своих посадников в Курском Посеймье, однако закрепить его за собой им не удалось. По подсчетам А. К. Зайцева, за 100 лет после смерти Ярослава Курск принадлежал Переяславскому княжеству более 60 лет, а около 40 лет Посеймье находилось под контролем черниговского князя [177]. С конца 50-х годов XII в. Курск окончательно подчинен Черниговской земле.

Границы Курского Посеймья по летописным и археологическим данным очерчиваются следующим образом: от излучины Сейма западнее Рыльска рубеж тянулся в направлении верховьев Клевени и далее — водоразделом бассейнов Десны и Сейма вдоль магистрали Глухов — Севск — Болдыжь — Кром к верховьям Оки. Исходя из событий 1147 г., г. Кром находился на северной границе Курской волости. В 1147 г. из Мценска Святослав Ольгович и Глеб Юрьевич «поиде къ граду (Крому.— Н. К.) на Изяславича [178] (Мстислава.— Н. К.)», который тогда владел Курском. От верховьев р. Оки рубеж шел на восток, к правому притоку Дона — Сосне, опускаясь в верховья Оскола, где известно древнерусское городище XI—XIII вв. Холок — одна из крайних восточных сторожевых крепостей Посеймья. Южная граница рассматриваемой области проходила водоразделом Сейма — Северского Донца к верховьям Псла и далее — к среднему течению Сейма (западнее Рыльска). Из древнерусских сторожевых пунктов, прикрывавших подступы к Курску с юга, можно назвать известный дружинный центр X—XIII вв. на месте с. Гочево Курской области. Кроме указанных населенных пунктов Курского Посеймья здесь упомянут еще Ольгов (ныне Льгов Курской области).

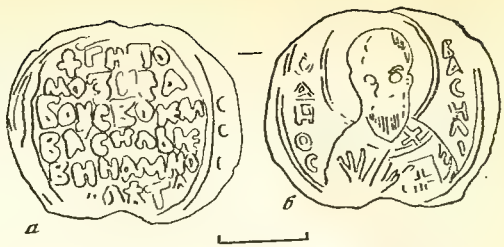
Выревская волость. Анализ летописных источников позволяет вычленить в Южном Посеймье еще одну значительную волость — Выревскую, названную Б. А. Рыбаковым «воротами Русской земли» [179]. Образное сравнение сделано не случайно, ибо рассматриваемый район, в сравнении с Посульем и Курским Посеймьем (как свидетельствуют данные археологии), осваивался государственной властью на 100 лет позже и продолжительное время служил местом проникновения кочевников во внутренние области Руси. Выделение Выревской волости в

самостоятельную политико-административную единицу, по-видимому, связано с деятельностью Владимира Мономаха, пришедшего с черниговского стола на переяславский и хорошо знавшего уязвимое место на стыке рубежей Переяславского и Курского княжеств. Будучи переяславским, а затем великим князем, он неоднократно спешил сюда отражать нападение половцев. Косвенным подтверждением внимания Владимира Всеволодовича к этому беспокойному району могут служить данные археологии. К концу XI в. относится массовое строительство им в Среднем Посеймье, Верхнем Посулье и Задесенье округлых городищ [180]. На месте летописного г. Вьяхань к тому же найдена Ю. Ю. Моргуновым актовая печать Мономаха, датированная исследователем 1094—1113 гг.[181]

Занимая важное место в системе обороны русских земель от нападений с юго-востока, эта волость в начальный период своего существования, вероятно, включала все Среднее Посеймье с городами Зарытым, Бириным, Путивлем, Ворголом, Глуховом, а также Задесенье и Верхнее Посулье, где известны города Бела Вежа, Всеволож, Бохмач, Глебль, Попаш, Вьяхань, Ромен, Глинеск и др. Как свидетельствуют сообщения Лаврентьевской летописи, этот район находился под пристальным наблюдением переяславского князя Ярополка. Так, в 1127 г. посадники переяславского князя, сидевшие «по всей Семи» [182], не пропустили у Выря к Всеволоду Ольговичу 6 тыс. половцев Селука и Таша. Направленные последними (в обход Выря) половецкие послы также были задержаны на р. Локне (левый приток р. Выри) и приведены к князю Ярополку в Переяслав.

В 1147 г. Изяслав Мстиславич прогоняет из городов Верхнего Посулья и Задесенья черниговских посадников, незадолго перед этим посаженных соседним князем [183].

С 30-х годов XII в. черниговские и новгород-северские князья постепенно овладевают Средним Посеймьем, а затем и Задесеньем. Их форпостом на



Актовая печать Владимира Мономаха из г. Вьяханя

Семи становится Путивль. Вырь и тяготевшие к нему города до середины XII в. придерживались киево-переяславской ориентации. В 1147 г. жители Выря отказались подчиняться Глебу Юрьевичу, захватившему Курск, заявив ему: «Князь у нас Изяславъ» [184]. Со второй половины XII в. Вырь, как и Путивль, больше «тянет» к Новгороду-Северскому. Но, потеряв поддержку великокняжеского Киева, расположенный на проторенной степняками дороге к Посеймью, город быстро пришел в упадок. В начале 60-х годов XII в. не находилось желающих среди князей занимать его стол и, как отмечал летописец, «голодомъ мерети» у Выри [185]. Земли волости отошли к Путивльскому княжеству.

Переяславская «Украина». Юго-восточнее территориального ядра Переяславского княжества в бассейнах рек Псел, Ворскла, Северский Донец, а также на правобережье Оскола и Орели раскинулась так называемая «Земля незнаемая» (слова автора «Слова о полку Игореве») — древняя окраинная территория уличей-полян, северян и алано-яссов. Расположенная в лесостепной полосе Днепровского Левобережья эта своеобразная контактная зона представляла собой землю, где веками уживались носители двух основных хозяйственных укладов древности и средневековья — земледельцы и скотоводы, где встречались, смешивались и плавились огромные людские потоки с Востока и Запада: балты и иранцы, фракийцы и иранцы, готы и иранцы, славяне и иранцы, славяне и тюрки, формируя своеобразный антропологический, этнографический,

культурный и языковый облик будущего украинского народа.

Активное государственное освоение и неразрывно связанная с ним массовая славянская колонизация этой огромной самоуправляемой буферной территории между Русью и Половецкой землей началось сравнительно поздно, лишь с конца XI в., что обычно связывается с энергичной внешнеполитической деятельностью Владимира Мономаха и его сына Ярополка, совершивших ряд походов в здешние «ничейные» пределы и против половцев. Археологически это выразилось в массовом появлении на юго-восточных территориях Руси округлых древнерусских городищ XII—XIII вв. и постепенном исчезновении курганного обряда погребений. Наиболее южные сторожевые крепости Руси Лтава, «Замок» на Мерле возникли еще позже — в конце XII в. Как предполагают археологи, они возводились в период княжений переяславского князя Владимира Глебовича и новгород-северского князя Игоря Святославича.

Расположенные на границе лесостепи и степи, в непосредственной близости от кочевников, окраинные территории Переяславской земли, очевидно, как и в XIV—XVII вв., пользовались определенными льготами для привлечения населения из более северных обжитых районов Руси [186], служили местом оседания на землю «своих поганых» — печенегов, торков, берендеев и даже половцев. Источники не отмечают на этой огромной территории каких-либо княжений, что свидетельствует об относительной зависимости ее от княжеской власти. Государственное управление этой «Украиной» осуществлялось, по всей видимости, исключительно через посадников из числа «лучших мужей», которые несли здесь сторожевую службу. Крупнейшими торгово-экономическими центрами региона являлись гг. Донецк, Лтава и др.

Границы исследуемых окраин Руси определить крайне сложно. Несмотря на то что их изучение началось еще в начале прошлого века В. В. Пассеком [187], и ныне среди историков Переяславской земли имеются расхождения в определении юго-восточных пределов края. Главная причина этого — недостаточная археологическая изученность данной территории, особенно междуречий Ворсклы и Орели с притоком Берестовой, а также Северского Донца и Оскола. Еще В. А. Городцов считал, что решение проблемы юго-восточных границ Руси возможно лишь на основе широкого использования археологических данных [188]. Сегодня, благодаря работам С. А. Плетневой, Б. А. Шрамко, А. Г. Дьяченко, А. Д. Пряхина, М. В. Цыбина и других, удалось несколько уточнить и охарактеризовать южное, юго-восточное и восточное пограничье Переяславской земли в бассейнах рек Орель, Берестовая, Северский Донец и Оскол.

На основе нового прочтения и анализа письменных источников, а также местоположения выявленных в последние годы древнерусских поселений — городищ и селищ — свидетелей присутствия постоянной оседлости в крае, рубежи Переяславской «Украины» второй половины XI — первой половины XII в. представляются следующим образом. На западе она граничила с Посульем. Юго-западной границей от Сулы до устья Орели служил левый берег Днепра. От места, «нарѣцаемого Єрель, его же Русь зоветь Уголъ» [189], граница тянулась на восток вдоль правого берега Орели и ее притока Берестовой в направлении изгиба Северского Донца, где у с. Гайдары близ современного г. Змиева (ранее г. Готвальда, обнаружено крайнее на юго-востоке «Оукраины» Руси древнерусское городище [190].

Важным подспорьем в определении южных пределов буферных территорий, тяготевших к Переяславскому княжеству, являются историко-географические исследования Половецкой земли С. А. Плетневой. По наблюдениям исследовательницы, к середине XII в. завершается процесс освоения половцами южнорусских степей, определяются северные рубежи собственно Половецкой земли. Их четко отра-

жает карта распространения половецких статуй развитых типов, встречающихся преимущественно на юг от Орели [191].

В летописных источниках р. Орель (Угол) неоднократно упоминается в качестве рубежа переяславских владений. Все известные степные походы дружин переяславских и других князей направлялись или на Орель, или за Орель [192]. Даже само бытование двойного русско-половецкого наименования реки (Угол — Орель) свидетельствует о нахождении ее именно в устойчивой черте противоборства Руси с Половецкой степью. Порубежное значение р. Орели и ее притока Берестовой убедительно подтверждают картографические материалы о распространении каменных половецких статуй, ареал которых ограничен с севера междуречьем Сулы и Орели [193], а также карта древнерусских поселений Днепровского Левобережья XII — начала XIII в.

О принадлежности территорий севернее р. Берестовой к древнерусским владениям свидетельствуют такие летописные факты: в 1174 г. Игорь Святославич «ѣха в поле за Воръсколъ и стрѣте Половьцѣ иже ту ловять языка» (т. е. «ловят языка» в пределах русских владений, охраняемых северским князем). В 1184 г. он же еще южнее «за Мѣрломь... срѣтеся с Половци» Обовлы Костуковича, приехавших «воевать к Роуси» [194].

Восточным рубежом этих окраинных земель, как уже отмечалось, служили смешанные леса верховьев Северского Донца, Ворсклы и Псла, простиравшиеся, по всей видимости, до Оскола. Именно Оскол чаще всего упоминается в летописях в качестве восточного предела древнерусских владений. Так, в 1170 г. русские князья, разбив у Черного леса половцев, «инии мнози гониша... за Въсколь бьюче» [195]. В 1185 г. Игорь Святославич у Оскола «жда два дни брата своего Всеволода» [196], прежде чем углубиться в половецкие пределы. В 1191 г. предприняли поход за Оскол Ольговичи. Относительная обжитость, освоенность этого восточного региона подтверждается наличием в верховьях Псла и Северского Донца древнерусских городищ у с. Гочево, Хорошево, Гайдары, а также Донецкого городища на месте древнерусского г. Донца, упоминаемого в летописной повести 1185 г.[197]

Крайними укреплениями древнерусских поселений на востоке следует считать городища на р. Корень у с. Крапивного (Шебекинский район Белгородской области) и на р. Оскол у с. Холок (Новооскольский район той же области) [198]. Наличие у этих поселений мощных укреплений [199] свидетельствует о том, что крепости были расположены в опасной пограничной зоне и часто подвергались нападениям. Оба городища были, вероятно, пограничными крепостями сначала Переяславского, затем Курского княжеств. Территории, контролируемые ими, примыкали вплотную к землям Рязанской «украины», занимавшей пространства от Дона и Воронежа до Великой Вороны, населенной преимущественно бродниками — переселенцами (либо беженцами) из земли вятичей [200].

Исследования экспедицией Воронежского университета древнерусских памятников в нижнем течении р. Воронеж (Шиловское поселение) и на Дону (Семилукское городище) позволили существенно уточнить местопрохождение границы Руси северо-восточнее городища Холок. А. Д. Пряхин и М. В. Цыбин установили, что от городища Холок на р. Оскол граница проходила южнее Тихой Сосны — устья р. Воронеж и далее на северо-восток [201]. Залесненность левого берега Тихой Сосны создавала естественную преграду на пути кочевников в северо-восточные русские земли. Неслучайно севернее Тихой Сосны и выше по Дону половецкие изваяния не выявлены.

Фрагментарность летописных известий о юго-восточной территории Переяславской земли второй половины XI — первой половины XIII в. свидетельствует о недостаточной освоенности этой земли княжеской властью.

Карта Путивльского повета XIV—XV вв. (по П. Г. Клепатскому)

Преемственность владения восточной северской окраиной можно представить так: до 60-х годов XII в., как и большая часть Посеймья, она входила в состав Переяславской земли. С упадком политического значения Киева во второй половине XII в. слабеет и его главный удел — Переяславское княжество. Все северские территории восточнее линии Хорол — Полтава отходят к Черниговской земле, ее северским уделам. Об этом свидетельствует энергичная деятельность Игоря Святославича по охране указанных территорий в 70—80-е годы [202]. С упадком Новгорода-Северского в начале XII в. часть их, очевидно, осталась за Курским и часть за Путивльским княжествами. В XIII—XIV вв. путивльские князья объединили вокруг своего стола почти все северские земли от Сейма до верховьев Самары и нижнего течения р. Оскола. В составе Путивльского повета они вошли как административно-территориальная единица в Литовское государство [203]. Вплоть до XIV в. жителей г. Путивля связывают с этой территорией традиционные экономические интересы — уходничество [204].

За Переяславским княжеством во второй половине XII — начале XIII в. остался лишь степной коридор междуречья Сулы — Орели, прилегавшего к Днепру. Здесь известны такие населенные пункты, как Хорол, Голтав, Угол, а также два небольших укрепленных городка на переправах в низовье Ворсклы вблизи современных сел Решетники и Кишенки. Вдоль этой широкой и ровной днепровской заплавы пролегали торговые пути на юг, ими проникали половцы в глубинные районы Переяславской земли, этими же дорогами чаще всего отправлялись в походы дружины русских князей, возглавляемые великим киевским князем [205].

Ростово-Суздальская волость. Следующая, наиболее крупная волость,

доставшаяся во владение переяславскому князю Всеволоду в 1054 г.,— это Ростово-Суздальская земля с Белоозером и Поволжьем [206]. В связи с проведенным В. А. Кучкиным детальным историко-географическим исследованием этой территории [207] проследим лишь последовательность княжеских владений ею в рассматриваемый период.

Как известно, политическая зависимость северо-востока от южнорусских князей устанавливалась с объединением восточнославянских земель вокруг Киева (882). Ее суть состояла в праве киевских князей на получение даней и осуществление правового положения населения волости, подчинении церкви киевской митрополии и переяславской епископии, а также воинской повинности в пользу великого князя. Владимир Святославич окончательно закрепил за Киевом и Переяславом северо-восточные земли, откуда регулярно поступали дани, «нарубались» «лучшие мужья» для военных гарнизонов южных и юго-восточных порубежных оборонительных линий. Уместно отметить здесь, что опекал в тот период и Переяславскую, и Ростово-Суздальскую области любимый сын Владимира Борис. Можно считать, что и в дальнейшем эти традиции и взаимозависимость юга и северо-востока поддерживались Ярославом Мудрым вплоть до раздела «Русской земли» в 1054 г. Острая необходимость военной помощи юго-восточной части «Русской земли» (в условиях половецкой опасности) объясняет для многих непонятную «чересполосицу» территориальных владений, доставшихся Всеволоду [208].

С 1054 по 1073 г. северо-восточные земли безраздельно принадлежали переяславскому князю. Святослав Ярославич, овладев киевским столом, уступил Всеволоду Чернигов и Туров за Владимир-Волынский, Белоозеро и Поволжье — северные земли Ростовской области, составившие единое целое с его новгородскими владениями. После смерти Святослава Белоозеро и Поволжье, очевидно, вновь отошли Всеволоду, точнее — в непосредственное подчинение его сына, в то время черниговского князя Владимира Мономаха. С переходом Владимира на переяславский стол Ростов, Суздаль и Белоозеро остались в составе его владений, а также его сыновей. С 1093 по 1097 г. в Ростове сидел сын Мономаха Мстислав. Его преемник — юный Вячеслав. Ростовский стол он занимал по 1113 г., когда с вокняжением в Киеве Владимира Мономаха произошло перераспределение волостей [209]. Вячеслав, получив смоленский стол, ушел из Ростова, а его место занял Юрий (Долгорукий). Последний перенес свою резиденцию в Суздаль (отчего волость стала называться — Суздальской) [210]. Первые десятилетия княжения Юрия в Ростово-Суздальской земле не внесли каких-то изменений в ее политический статус. Она продолжала быть зависимой от Киева и Переяслава. Мнение В. А. Кучкина о том, что со смертью Владимира Мономаха (1125) эта зависимость сразу оборвалась и что Юрий Владимирович стал суверенным князем [211], не бесспорно. На наш взгляд, к разрыву с югом Юрий стал стремиться лишь после того, как потерял последнюю надежду на «причастие в земли Русстеи», то есть во второй половине 30-х годов XII в.* Возвратившись в 1136 г. из Переяслава-Русского, этот князь под давлением местной феодальной знати политически противопоставил Ростово-Суздальскую землю соседним княжествам, приостановил выплату «залесской» дани югу и начал продолжительные войны с торговыми конкурентами княжества — Волжской Болгарией и Новгородом. Одновременно в конце 30-х — 40-е годы XII в. форми-

* В 1133—1136 гг. Юрий Долгорукий пытался закрепиться в Переяславе-Русском путем обмена на последний части своей волости: «Испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю...» (*ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 295—297). После того как Ярополк забрал у Юрия Переяслав (1136) для своего брата Андрея, Долгорукому предоставлен Остерский стол. По-видимому, он получил опять и свои северо-восточные волости (*Там же.*— Стб. 297).

ровались государственные рубежи Ростово-Суздальской земли. До того времени, в условиях зависимости ее от Южной Руси, восстановление четких границ территории проблематично.

Смоленская волость. Отношение Смоленска к Переяславу-Русскому остается до сих пор не выясненным в древнерусской истории, хотя факт постоянной причастности Всеволодовичей, а затем Мономаховичей к Смоленску вплоть до второй половины 30-х годов XII в. не остался незамеченным в литературе [212].

Весь секрет «смоленско-переяславской загадки» кроется в том, что после смерти Ярослава Мудрого, как правильно подметил А. Н. Насонов, только три старших Ярославича правили «Русской землей» [213]. Остальные (в том числе младшие Ярославичи) выполняли роль наместников одного из триумвиров. Судя по тому, что сразу же после выделения Смоленского княжества (1054), оно, как и Ростово-Суздальское, вошло в состав переяславской епархии на правах наместничества епископской кафедры [214], и Вячеслав Ярославич, княживший в Смоленске в 1054—1057 гг., и Игорь Ярославич (1057—1060), очевидно, находились в вассальной зависимости от старшего брата Всеволода — верховного властителя княжества. Несомненно, что смоленская знать этому противилась. Но последовавшие за смертью Игоря раздел Смоленской земли между племянниками Всеволода — Борисом Вячиславичем, Давидом и Всеволодом Игоревичами и несколько походов Владимира Мономаха в ее пределы в 60—70-х годах XI в. заставили местную знать временно повиноваться и исправно платить югу дань в 300 гривен золота [215]. После перераспределения столов в июле 1077 г. Смоленск с округою достался Мономаху. Здесь он княжил около года. Переходя в 1078 г. в Чернигов, оставил за собой Смоленск, ибо на нападение и грабеж смоленских земель Всеславом Полоцким он ответил незамедлительным карательным походом с «черниговци» в пределы Полотчины [216].

Со смертью Всеволода (1093) и последующим переходом Владимира Всеволодовича на переяславский стол (1094) Смоленск достается его сыну Изяславу. В 1095 г. Давид Святославич, княживший в Новгороде Великом и изгнанный новгородцами, пытается закрепиться в Смоленске. Это вызвало противодействие киевского и переяславского князей, которые идут на обидчика походом: «иде Святополк и Володимерь на Давыда к Смоленьску и даша Давыду Новгород» [217]. Однако новгородцы не захотели принять Давида. Тогда Владимир Мономах уступает Смоленск Давиду за Муромскую землю последнего, куда садит на княжение сына Изяслава [218].

Не доверяя в дальнейшем чрезмерно прыткому Святославичу, Мономах на Любечском съезде закрепляет Смоленск за собой. В 1101 г. он совместно с переяславским епископом Симоном, на которого косвенно указывает грамота Ростислава Мстиславича 1150 г., строит в городе кривичей церковь Успения, содействуя церковному влиянию юга на севере [219].

Мнение В. Л. Янина о том, что перед Долобским съездом князей (1103) Смоленск перешел от Мономаха к Мстиславу, «Игореву внуку», не подтверждается источниками. Такой вывод, как правильно указал В. А. Кучкин, основан на чисто теоретическом расчете, базирующемся на признании существования на Руси так называемого «лествичного восхождения князей» [220].

Факты, заимствованные В. Н. Татищевым из не дошедших до нашего времени смоленских летописей и изложенные им в «Истории Российской» [221], неопровержимо свидетельствуют о том, что Смоленск и в тот период находился в зависимости от переяславского князя. Так, под 1103 г. В. Н. Татищев сообщал, что в походе против половцев принял участие третий сын Мономаха Ярополк «со смольняны». Под 1107 г. упоминалось уже два Мономаховича — Ярополк и Вячеслав «из Смоленска» [222]. 7 мая 1107 г. в Смоленске умерла первая жена Мономаха Гита

Гарольдовна [223]. В 1111 г. Владимир Мономах перенес в смоленский собор чудотворную икону Богоматери Одигитрии [224]. При перераспределении столов в 1113 г. в Переяславе садится Святослав Владимирович, ранее княживший в Смоленске, а на его место назначены Вячеслав и Глеб. В 1118 г., сообщал В. Н. Татищев, Мономах «взял из Смоленска сына своего Глеба в Переяславль». Через три года (1121) Владимир Мономах был со всеми детьми в Смоленске «для рассмотрения несогласий и усмирения полоцких князей и некоторых других распорядков» [225]. Л. В. Алексеев объясняет визит Мономаха в Смоленск вокняжением кого-то в этом городе [226]. Не исключено, однако (судя по последующим смоленским событиям), что его миссия была менее приятна и состояла в том, чтобы умиротворить смоленскую знать, которую, как и ростово-суздальскую, тяготила юрисдикция южных князей и церковников: она требовала суверенных прав, политических и церковных.

Положение Смоленской земли изменилось после вокняжения в Киеве Мстислава Владимировича, а в Смоленске — энергичного его сына Ростислава, с самого начала своего правления (1125) проводившего независимый политический курс. И все же предпринятая в правление Мстислава попытка выделить Смоленское княжество из-под церковной юрисдикции Переяслава (и сделать его самостоятельным и в церковном отношении) не увенчалась успехом, на что указывает первая статья «Устава Ростислава». Этому энергично воспрепятствовал переяславский епископ Маркелл. Смерть последнего в 1134 г. и постоянная политическая нестабильность в Переяславе ускорили решение Ростислава учредить собственную епископию. Благоприятные для него соотношения политических сил на Руси в 1136 г., совпадение интересов с интересами местной церкви, в частности интересами епископского наместника, позволили учредить смоленскую кафедру, а значит, политически и церковно обособиться от Южной Руси [227].

Уместно отметить, что через год примеру Ростислава последовал Юрий Долгорукий, выделив ростово-суздальскую епископию из переяславской.

Волынская волость. Владимир-Волынский с тянувшей к нему земельной округой входил в состав Переяславского удела Всеволода Ярославича сравнительно непродолжительное время — всего около шести лет. Он достался переяславскому князю, как установлено исследованиями последних лет, по ряду с Всеславом Брячиславичем, возведенным на киевский стол восставшими киевлянами 15 сентября 1068 г.[228] Всеволод перевел сюда на княжение со Смоленска своего сына Владимира. Об этом Мономах рассказывал в своем «Поучении» детям: «и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь Скордятичемъ, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои (Святослав и Всеволод Ярославичи.— *Н. К.*) посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни (т. е. после Пасхи.— *Н. К.*) ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творитъ с Ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять» [229].

Как установлено В. А. Кучкиным, соглашение с Изяславом у Сутейска — города на русско-польском пограничьи было заключено посольством во главе с Владимиром Всеволодовичем * во второй половине апреля 1069 г.[230] Возвратив себе с помощью Болеслава II киевский стол, Изяслав сохранил за племянником владимирский. Мономах удерживал его за собой вплоть до апреля 1073 г.

Туровская волость. В апреле 1073 г., после очередного изгнания Изяслава Ярославича за границу и вокняжения в Киеве черниговского князя Святослава Ярославича, происходит новое перераспределение волостей как в «Русской земле» так и на периферии.

* Основным требованием посольства к Изяславу было «не водить ляхов къ Кыеву».

Святослав сразу же прибирает к своим рукам стратегически важную для него Волынь, уступая при этом Всеволоду Туровскую землю [231]. Волынская земля необходима ему была, по всей видимости, для того, чтобы следить за маневрами своего политического противника Изяслава и его польских союзников. Туровская волость достается Владимиру Мономаху, получившему к тому же в свое владение и третий по значению город «Русской земли» — Переяслав: «Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьского лѣса *, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское **. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову»,— повествует об этом периоде своей деятельности Владимир в «Поучении» [232].

Вплоть до середины 1077 г.— времени очередного возвращения Изяслава в Киев — старший Всеволодович владеет этими двумя волостями. Новый ряд Ярославичей, составленный в июне — июле 1077 г., лишает Владимира Мономаха и переяславского, и туровского столов. Ему предоставляется сравнительно отдаленная от Киева Смоленская волость [233].

Муромская волость. В середине 90-х годов XI в., когда вопрос о справедливом разделе земель-княжений между Изяславичами, Святославичами и Всеволодовичами вновь стал на повестке дня, особенно активную борьбу за причастие в Руси разворачивают изгои — дети черниговского князя Святослава Олег и Давид. Первый из них с помощью половцев летом 1094 г. возвратил себе Чернигов. Второй, изгнанный новгородцами, через год садится в Смоленске, ранее волости Мономаховичей [234]. Киевский князь Святополк Изяславич теряет на какое-то время контроль за развитием событий на местах, вследствие чего в различных регионах государства происходят самовольные захваты земель, возникают одна за другой конфликтные ситуации между представителями разных княжеских линий, приводившие нередко к трагическим последствиям.

Именно в то «смутное время», когда почти повсеместно стихийно шла перекройка политической карты Руси, Муромская земля попадает на непродолжительное время в состав родовых владений Мономаховичей. В обмен на Смоленский удел, который в 1095 г. получает Давид Святославич, Владимир Переяславский приобретает две волости — Новгородскую и Муромскую. В последней из них садится на княжение его сын курский князь Изяслав Владимирович: «И прияша и муромци, и посадника я (т. е. пленил.— *Н. К.*) Олгова (Олега Черниговского.— *Н. К.*)» [235].

Вокняжение Мстислава в Новгороде и в особенности Изяслава в исконно черниговской волости — Муроме вызвало резкий протест черниговского князя, развязавшего настоящую войну против сыновей Владимира Мономаха. В разгоревшийся конфликт кроме Чернигова и Переяслава были втянуты почти все северные и северо-восточные земли Древней Руси.

Олег, усилив свою дружину смолянами, двинулся на Муром. «И посла Олегъ слы своѣ к Изяславу, глаголя: «Иди в волость отца своего Ростову, а то (Муром.— *Н. К.*) есть волость отца моего» [236]. Надеясь на множество воев, собранных в Суздале, Ростове, на Белоозере, Изяслав отказался подчиниться своему дяде. «И бысть брань люта. И убиша (Олег.— *Н. К.*) Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяца сентября въ 6 день» [237]. Нанеся поражение войскам Изяслава, Олег разорил Ростов, Суздаль. «И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дани поча брати» [238]. На этом он не

---

* Поход «Ляхомъ в помочь на Чехы» состоялся летом-осенью 1075 г. Участники похода — владимирский князь Олег Святославич и туровский князь Владимир Мономах.

** Речь идет о Мстиславе Владимировиче (Великом), родившемся около середины февраля 1076 г. Патрональный святой старшего сына Мономаха — Федор Тирон. Крещен после возвращения Владимира из «Чехов». Крестным отцом Мстислава был Олег Святославич (*Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха...— С. 24—25).

успокоился, «помышляше и Новъгородъ переяти» [239]. Однако планам Олега не суждено было сбыться, слишком грозен был у него соперник в лице новгородского князя Мстислава Владимировича.

Без особого труда Мстислав с помощью отца, приславшего половецкую конницу, выдворил черниговского князя из Ростова и Суздаля, а затем выгнал его из Мурома и Рязани: «И посла къ Олгови, глаголя: «Не бѣгай никамо же, но пошлися к братьи своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли... Олег же обѣщася тако створити. Мстиславъ же възвратився вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град...» [240]. Эти-то события послужили первопричиной созыва в 1097 г. княжеского съезда в Любече «на устроенье мира», который закрепил Муромскую волость за Святославичами [241].

Новгородская волость. Появление в политической системе Переяславского княжества Новгородской земли — результат сложного противоречивого социально-политического развития древнерусского общества конца XI — начала XII в. Законодательно не оформленная система наследования княжеских столов, существовавшая в тот период, позволяла отдельным Рюриковичам с позиций силы нарушать завещанную им дедами и отцами схему лествичного восхождения князей со стола на стол в соответствии с родовой иерархией и престижностью уделов. С конца XI в. в междуусобную борьбу князей все активнее включалось местное боярство. Нередко его голос становился решающим при выборе правителя земли.

Как уже отмечалось, в 1093 г., после очередного перераспределения волостей Святополком Изяславичем, Новгородская земля досталась муромскому князю Давиду Святославичу. Княживший до него в Новгороде в 1088—1093 гг. Мстислав Владимирович вынужден был уйти в Ростов — владение его отца и деда. Не прошло и двух лет как новгородцы изгнали Давида со своего города. Согласно сведениям, которыми располагал В. Н. Татищев при подготовке «Истории Российской», они направили послов в Переяслав к Владимиру Мономаху с просьбой дать им на княжение своего сына из Ростова. Согласовав со Святополком необходимость перераспределения столов, Владимир едет в Новгород. В Новгороде переяславский князь берет у местной знати клятву (роту) «иного князя не призывать, но содержать (его сына.— *Н. К.*) в чести до кончины», оставляет Мстислава [242]. При этом Владимир женил его на дочери посадника Крестине. «И седе в Новегороде 20 лет» Мстислав, сообщает Новгородская первая летопись младшего извода [243].

Надо полагать, что по дороге обратно Владимир Мономах посетил Смоленск, где уложил ряд с Давидом Святославичем на владение его Муромскою волостью. Возвратившись в Переяслав, он посылает к сыну Изяславу (в Курск) ехать в Муром на княжение Давидово, что тот и сделал [244].

Потеря исконно киевской волости — Новгорода ни в коей мере не устраивала Изяславичей: киевский стол был лишен огромных прибылей от даней, измерявшихся 300 золотыми гривнами ежегодно (в переводе на серебро — 3 000 гривен серебра) [245]. Поэтому на Любечском съезде князей Святополк добивается возвращения Киеву Новгородской земли. Съезд поддержал его требования, но...

Владимир Мономах, сосредоточив в своих руках Переяслав, Ростов, Смоленск, Белоозеро, Посеймье и всю Левобережную «Украину», не спешил с возвратом Новгорода, о чем киевский князь неоднократно напоминал ему. Главнейшей причиной медлительности переяславского князя в выполнении решений Любечского съезда князей являлись несметные богатства, получаемые им с северной волости. Наконец в 1102 г. под давлением Изяславичей, Ольговичей, общественного мнения он вынужден был объявить новгородцам о том, что их волость по закону старейшинства принадлежит

Святополку («яко старейшему») и что киевский князь посадит у них своего сына, а Мстиславу следует переходить во Владимир-Волынский [246].

«Не хощем ни Святополка, ни сына его»,— ответили ему новгородцы [247]. Тем не менее они послали Мстислава в сопровождении знатных людей в Киев к Святополку. Обиженные тем, что старший Изяславич в 1088 г. бросил на произвол судьбы их город и ушел во Владимир *, новгородские мужи были неприязненно настроены против киевского князя. Выслушав его просьбу принять на княжение сына, они не без злорадства ответили ему: «аще ли двѣ головѣ имѣеть твои сын, то посли и» [248]. Ни уговоры, ни увещевания, ни угрозы Святополка не возымели действия на послов, и он вынужден был смириться с потерей столь желанной для него волости.

Мстислав возвратился на княжение в Новгород. Он правил здесь до 1117 г. До 1113 г. его волость, как следует из источников, политически и экономически зависела от Переяслава.

Сложнее разобраться с церковным подчинением Новгорода в тот период. Из поздней Никоновской летописи известно, что в 1096 г. в Новгород «митрополитом Ефремом Киевским и всея Руси» поставляется епископом некий Никита, занимающий местную кафедру до 1108 г.[249] Загадочный митрополит Ефрем Киевский, «бывший епископ переяславский, муж ученый и великий рачитель о церкви» [250] (согласно В. Н. Татищеву), являлся сподвижником Владимира Мономаха, длительное время возглавлял крупнейшую на Руси переяславскую епископскую кафедру. Исходя из этих обстоятельств, можно думать, что он содействовал усилению позиций рода Мономаха во внутриполитической борьбе за верховную власть на Руси, и Новгород идеологически был подчинен именно переяславскому князю. В пользу нашего предположения может служить и такое наблюдение. Мстислав, княживший в Новгороде, одновременно опекал Ростов, Суздаль, Белоозеро, Смоленск, где сидели его младшие братья. Из Синодального списка Новгородской первой летописи известно, что новгородский владыка Никита, носивший духовный сан архиепископа [251], обладал аналогичными правами верховного надзора за другими епископами (по всей вероятности ростово-суздальским, смоленским и др).) Таким образом, вполне очевидно церковное подчинение Новгорода Переяславу в конце XI — начале XII в.

Поросье. Этнокультурная близость населения Среднего Поднепровья, наблюдаемая в VI—VIII вв. (канун образования «Русской земли»), в 30-х годах IX в. нарушается вторжением сюда норманнов. Вынужденное выселение на запад в 40-х годах следующего столетия значительной части уличей-полян несколько ослабляет здесь славянский этнический компонент. В Поросье и на Переяславщину инфильтрируют (особенно активно со второй половины XI в.) порывавшие со Степью, кочевым образом жизни печенеги, торки. Они нанимаются к киевскому и переяславскому князю на сторожевую службу, служить в составе княжеской конницы и т. д. Выделенные для их поселения приграничные земли были небезопасны, однако привлекали чрезвычайным удобством для жизни — плодородными землями, великолепными пастбищами, умеренным климатом. Уже к началу XII в. и на Правобережье, и на Левобережье Среднего Днепра формируются целые торческие районы со своими городами-зимовниками, волостными центрами, подобными Торческу в Поросье. По мере увеличения этого воинственного населения в Поросье, Посулье оно все активнее влияет на внутреннюю и внешнюю политику киевского и переяславского князей. Об этом свидетельствует тот факт, что переяславские торки нередко восставали против киевской администрации («Руси» в социальном понимании этого термина) или, недовольные местными (переяс-

* Этот переход на юг, очевидно, был вызван стратегическими соображениями князя, стремившегося не упустить в отдаленном от Киева Новгороде великокняжеский стол.

лавскими) князьями, уходили на Правобережье к своим соплеменникам [252]. Консолидация быстро славянизировавшегося населения Переяславщины, Посулья и Поросья усиливалась политическими и экономическими связями двух древнерусских волостей, соединявшихся между собой многочисленными бродами и переправами через Днепр.

Поросье более продолжительный отрезок времени политически тяготело к Киеву, и это естественно, однако в условиях феодальной раздробленности Руси, непрекращающихся княжеских усобиц оно неоднократно подпадало под покровительство переяславского князя. Впервые такой прецедент имел место в 1146 г., когда недовольные вокняжением в Киеве Игоря Ольговича Черные клобуки и жители Поросья прислали к переяславскому князю Изяславу Мстиславичу своих послов со словами «ты наш князь, а Олговичь не хочемъ» [253].

В 1174 г. Торческая волость и Переяслав по ряду с Рюриком Ростиславичем достается Михалке Юрьевичу. Где находилась резиденция Михалки в тот период, неизвестно. Судя по тому, что князь после неудачной попытки овладеть Владимиром-Залесским возвращается в Переяслав, его стол, очевидно, находился в городе на Трубеже [254]. Удерживает обе волости Михалко в своих руках до 1175 г., когда он становится владимиро-суздальским князем.

Исследование вопроса о временных держаниях переяславских князей наглядно показывает, что вплоть до середины 30-х годов XII в. территориальные владения переяславских князей представляли собой пестрый конгломерат крупных феодальных вотчин (или сеньорий, согласно С. В. Юшкову), управляемых княжескими наместниками, находившимися с центральной княжеской властью в отношениях сюзеренитета-вассалитета. Исключение составляла разве что летописная «Украина», буферное территориальное образование между Южной Русью и Половецкой землей, где в силу многих причин феодальные отношения развивались крайне медленно, а зависимость от переяславского князя была минимальной.

Исследование политического развития и административно-территориального устройства Переяславской земли X — первой половины XIII в. дает основание сделать следующие выводы.

Политическое и территориальное ядро Переяславской земли сложилось на Левобережье Среднего Днепра в пределах юго-восточной части «Русской земли», укрепленной в X — первой половине XI в. против экспансии кочевников.

После раздела Руси ее самодержцем Ярославом Мудрым (1054) на три огромных удела, на территории Переяславского, или Переяславско-Ростовского (согласно М. П. Погодину), княжества формируется сложная административно-земельная структура; происходит деление всей земли на зависимые от переяславского князя волости: собственно Переяславскую, Остерскую, Выревскую, Курскую, Ростово-Суздальскую, Смоленскую, состоявшие в свою очередь из более мелких административно-территориальных единиц.

Переяславский удел в рассматриваемый период не представлял внутренней целостности. Состав его феодальных волостей постоянно изменялся. Более продолжительное время зависела от переяславского стола Ростово-Суздальская земля, менее — Смоленская, Вырьская и Курское Посеймье. Совсем непродолжительное время под контролем переяславского князя находились Владимиро-Волынская, Туровская, Новгородская и Муромская земли, а также Поросье. В свою очередь территории самих волостей также претерпели изменения, на что влияли как субъективные, так и объективные факторы. По договоренности между князьями-сюзеренами отдельные части переяславских волостей входили временно в состав других административно-территориальных единиц Древнерусского государства. Так было, например, с Поволжьем и Бело-

озером. За Остер же, Курское Посемье, Вырь велись постоянные феодальные усобицы между Черниговым и Переяславом, вследствие чего эти волости очень часто выходили из состава территориальных владений переяславского князя.

Продолжительная феодальная эксплуатация Переяславом-Южным северо-восточных земель Руси приносила местному князю немалые доходы — ежегодно порядка 1000 золотых гривен. В переводе на серебро это составит 10 000 гривен серебра. Как можно предполагать, львиная доля княжеской казны уходила на финансирование мероприятий по охране юго-восточных границ Руси: строительство городов-крепостей, организацию сторожевой службы, военных походов в степь. Например, поход новгородцев на Псков в 1137 г. обошелся им в 1500 гривен серебра [255]. Тратились немалые деньги и на обеспечение безопасности торговых экспедиций переяславского купечества в Византию, Таврику. Около 1000 гривен серебра отчислялось на нужды переяславской епископии. Тем не менее значительная часть доходов князя оседала в руках южнорусских феодалов, содействуя их непомерному обогащению. Переяславская знать скупала дорогие импортные товары — одежду, оружие, украшения, посуду, вела большое гражданское и культовое строительство, чему справедливо завидовала северо-восточная знать, стремившаяся выйти из политической системы Переяславского княжества.

Феодальная раздробленность как новая форма государственно-политической организации Руси, сменившая раннефеодальную киевскую монархию, в значительной степени отразилась на положении Переяславского княжества-удела. Государственно-политический сепаратизм светских и духовных феодалов вассальных земель привел его к дроблению на ряд самостоятельных княжеств-полугосударств, проводивших отныне независимую внутреннюю и внешнюю политику.

Со второй половины XII в. Переяслав-Русский попал в орбиту центростремительных тенденций Владимиро-Суздальского княжества. Она выражалась в тесных династических, торгово-экономических и культурных контактах. Однако нашествие орд Батыя надолго прервало наметившиеся было между ними связи.

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Государство помимо территориального признака, как известно, предполагает наличие классового деления общества и учреждения публичной власти — машины «для поддержания господства одного класса над другим» [1]. Согласно определению В. И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [2].

В рассматриваемый период истории социально-политические функции господствующего класса Переяславской земли в значительной степени обусловливались многоукладностью ее экономики *, отмиранием первобытнообщинных и рабовладельческих пережитков, становлением феодальных отношений, вступлением древнерусского феодализма в зрелую стадию, характеризовавшуюся сложением всех его социально-политических, экономических, юридических и идеологических институтов, а именно: государственного аппарата, сословной иерархии, феодального права, землевладения, средневекового города, а также феодальной идеологии [3]. В своем большинстве указанные институты имели в XI—XIII вв. несовершенный характер, но в комплексе их появление свидетельствовало о качественном переходе древнерусского общества на новую ступень своего развития.

Центральной фигурой в иерархической структуре господствовавшего класса феодального общества Переяславской земли являлся князь, с которым связано происхождение всех местных государственных учреждений:

---

* Я. Н. Щапов выделил в экономике Древней Руси XI — первой половины XII в. семь типов социально-экономических укладов: 1) мелкое натуральное сельское производство доклассового типа; 2) сельское производство, эксплуатируемое государством (князем) в форме даней; 3) сельское производство, эксплуатируемое отдельным феодалом (монастырем, кафедрой) в той же форме даней; 4) сельскохозяйственное производство сидящего на земле холопа (серва, средневекового раба), эксплуатируемое отдельным феодалом; 5) мелкое общинное ремесленное производство доклассового типа; 6) ремесленное производство средневекового рабовладельческого (вотчинного) типа; 7) городское «свободное» ремесленное производство (*Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.— М., 1970, с. 85—119). Спецификой экономического развития Переяславской земли, особенно ее «Украины» являлось то, что здесь существовало и сельское свободное производство, притягивавшее сюда беженцев как из Руси, так из Половетчины.

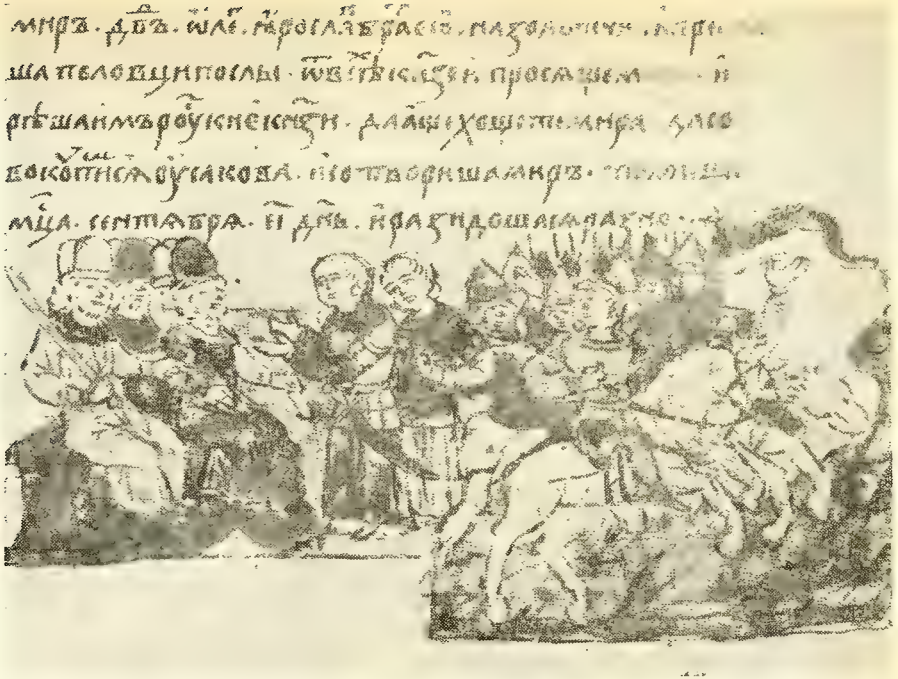
дружины, войска, княжьего суда, епископии, порубов-тюрем и т. д. В его руках сосредоточивалась верховная власть над территорией княжества. Распределяя между своими сыновьями, другими представителями знати волости и города своей земли, жалуя им «комплекс политических прав, присущих верховному собственнику и связанных с ним доходов» [4], переяславский князь тем самым содействовал упрочению сословно-классовой структуры местного феодального общества (укреплению господствующего класса, усилению эксплуатации непосредственных производителей, развитию вассалитета).

Основная социально-политическая функция переяславского князя — обеспечение суверенитета собственных владений, своей «отчины». Переяславское княжение неоднократно становилось «яблоком раздора» среди Рюриковичей, претендовавших на киевский стол, жертвой бесчисленных набегов кочевников. В своей деятельности по обеспечению территориальной неприкосновенности вверенной ему феодальным классом вотчины переяславский князь опирался на военную организацию княжества. Военное устройство Переяславской земли было максимально приспособлено к условиям общественной жизни в пограничном княжестве. Здесь существовала, как и в других областях Руси, универсальная для того времени десятичная система организации войска (десятки, сотни, тысячи). Военный аппарат управления в лице тысяцких, сотских и десятских являлся опорой князя в обеспечении функционирования большого числа замков, сторожевых крепостей, оперативного сбора народного ополчения, координации действий с кочевниками, поселенными в качестве федератов в окрестностях Переяслава и на пограничье, и др. Являясь предводителем боевой дружины, князь возглавлял и переяславское ополчение, обеспечивая его опытными воеводами, а при необходимости и соответствующей экипировкой — оружием, лошадьми, транспортом — лодиями, повозками и пр.

Существенной задачей княжеской власти считалась военно-дипломатическая деятельность, также направленная на защиту безопасности и интересов переяславского общества, прежде всего его феодальных слоев. Переяславские князья представляли интересы своей земли на общерусских и местных княжеских снемах-съездах в Киеве, Любече, Уветичах, на р. Золотьче и Долобском озере, других местах, где решались вопросы законодательства, распределения ленов, войны и мира с Половецкой землей, охраны торговых путей [5]. Часто князьям Переяслава-Русского приходилось самим прибегать к средствам дипломатии, улаживая всевозможные конфликты с половецкими ханами на двусторонних снемах. Известны такие снемы с участием Всеволода Ярославича, Владимира Всеволодовича, Глеба Юрьевича и др.[6] Владимир Мономах гордился, что «сотворил миров» с половецкими князьями «без одного 20» [7]. Этим он сохранил огромные материальные и людские ресурсы своего княжества. Под 1160 г. в Никоновской летописи упоминается посол великого князя переяславского Глеба Юрьевича к византийскому цесарю Мануилу [8].

Важной стороной многообразной государственной деятельности переяславских князей было «устроение» земли: укрепление государственных рубежей, основание новых городов, крепостей, волостных центров, погостов, прокладывания торговых путей и т. п. Так, результатом «устроения» северо-восточных уделов в годы княжения Мономаха стало основание города Владимира на Клязьме, укрепление Суздаля и строительство здесь первого на северо-востоке каменного храма — Успенского собора [9].

Князья охраняли по мере возможности внутренний мир, в их обязанности входило регулярно «люди оправливати», т. е. судить. Княжий суд воздействовал на судебно-административную деятельность крестьянских общин, на долю которых приходилась львиная часть судебных разбирательств [10]: он контролировал их деятельность, вы-



Подписание мира между русскими и половецкими князьями на съезде у Сакова в 1110 г. Миниатюра Радзивилловской летописи

ступая как бы в роли «верховного суда». Примером может служить «дикая вира»: за мертвое тело, найденное на общинной земле, платит община [11].

Как известно, на XI—XII вв. приходится интенсивная законодательная деятельность князей: созданы Правда Ярославичей, Уставы Владимира Мономаха, церковные княжеские уставы. К их уложению привлекались как переяславские князья, так и боярство [12].

Функционируя вначале лишь в крупных городских центрах, княжеский суд постепенно вмешивался в жизнь более мелких городов и даже сельских общин. Это объясняется тем, что судьями в XII—XIII вв. выступали и княжеские наместники, и бояре-посадники, и тиуны — люди из младшей дружины князя. Княжеской юрисдикции подлежали уголовные дела, определенная категория дел, касающихся крестьян, разрешение поземельных споров между феодалами, а также между феодалами и крестьянской общиной. За отправление суда князю шли пошлина и вира.

Важной сферой деятельности переяславских князей было их участие в идеологической жизни Древнерусского государства. Являясь, наряду с боярством, порождением феодального общественного строя, они стремились всячески обосновать право собственности феодалов на землю, и их «право» наделять этой землей крестьян, осуществлять так называемую патронат-защиту «сирот-крестьян». В условиях экономического подъема Руси и одновременного политического обособления ее составных частей усиливалась идеологическая пропаганда равенства и единения князей перед внешнеполитической опасностью. Так, Владимир Мономах ставил себе в заслугу, что он «и худого смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти» [13], а автор предисловия к Начальному своду осуждал «несытьство» феодалов, ратовал за «легкую дань» и «уроки без всякого насилия» [14]. Все это были идеологические приемы, направленные прежде всего на укрепление феодального строя, «доброволь-

ную» организацию зависимости большинства населения и его эксплуатацию под видом «защиты» его феодалами [15].

Пытаясь предотвратить дробление раннефеодального Древнерусского государства, усиление антагонизма между противоборствующими за власть группировками Рюриковичей, тот же Владимир Мономах добился на Любечском съезде князей в 1097 г. утверждения нового внутриполитического положения на Руси — «кождо да держить отчину свою» [16], являвшегося частью более общей программы: «отселѣ имемся въ едино сердце и блюдем Рускыѣ земли» [17]. Владимир и его сыновья настойчиво проводили в жизнь оба этих принципа («невмешательства» и «братства»), выступая организаторами княжеских съездов, совместных антиполовецких походов, покровителями летописания, культов Бориса и Глеба, Владимира, а также художественного творчества, пропагандировавшего идеи единения Русской земли [18].

Забота Владимира Мономаха о «церковном наряде и службе» [19] свидетельствует о том, что княжеская власть в Переяславе, как и других стольных городах Руси, во имя общих классовых интересов тесно сотрудничала с духовной властью церкви. Яркими документами правового оформления этого сотрудничества являлись церковные уставы князей Владимира и Ярослава, которыми руководствовались как светские, так и духовные феодалы [20]. Они устанавливали степень участия церкви в осуществлении государственных функций управления и суда, ее место в системе феодальной собственности на землю и феодальной эксплуатации, ее права в расходовании государственных средств. Переяславский князь выделял источники содержания церкви: десятину от княжеских доходов и имений.

Помимо военно-дипломатических и идеологических функций, суда и законодательства в руках переяславского князя сходились «нити волостной администрации». В Переяславской земле в ту пору установилась своя система феодальной и «чиновничьей» иерархии. Это выражалось в подчинении князю стольного града волостных наместников, опиравшихся в деятельности на городских посадников. Наместники князя в Ростове, Смоленске, Курске, Выри, Остре помогали своему сюзерену воями, участием в походах, дипломатической деятельности, «устроении» земли. В свою очередь при необходимости, переяславский князь оказывал им эффективную помощь. Отношения княжеского сюзеренитета-вассалитета в Переяславской земле, как и в целом на Руси, в рассматриваемый период истории носили неразвитый характер, ибо замыкались в кругу семейных отношений: сюзереном выступал князь-отец, а вассалами — в большинстве случаев княжичи [21]. Так, в период княжения Владимира Мономаха в Переяславе его сыновья правили в Новгороде, Смоленске и Ростове. Реже в роли наместников выступали лица не Рюрикова рода, как, например, знатные бояре — Ратибор, Георгий. Их назначение на столь ответственные должности, очевидно, было связано с временным регенством при неполнолетних княжичах.

Сыновья переяславских князей были полноправными правителями-вотчинниками в своих волостях. Они имели дружины, воев, пользовались правом иммунитета, т. е. сами судили население своих владений, собирали с него дани и другие поборы, осуществляли административно-политическое руководство краем.

В управлении огромной территорией князь Переяслава опирался, кроме своих сыновей, на боевую дружину, бояр — ближайших соратников, окружавших его с юных лет до глубокой старости, в мире и на войне, разделявших с князем радости удач и горести падений. «И сѣдѣхъ в Переяславли,— рассказывает Мономах,— 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода» [22]. Князь «думает» с дружиной об «устроении» земли, ратях, об уложениях новых законов «Русской

Правды». Этот обычай, как явствует из «Поучения» Владимира Всеволодовича, являлся чуть ли не повседневным занятием князя [23].

В силу конкретно-исторических условий политического развития Переяславского княжества его боярство не проявляло оппозиции к княжеской власти, как это имело место в то время в Киеве, Новгороде, позднее — в Галиче. Такое положение здесь сложилось вследствие того, что постоянная опасность половецких вторжений и организация княжеских походов для их отражения, а также пристальная опека переяславского князя со стороны великих киевских князей лишали местное боярство возможности претендовать на самостоятельную политическую роль.

Из переяславских бояр состояло ближайшее окружение князя — его дружина. В составлении «Правды Ярославичей» вместе с князем Всеволодом принимал участие переяславский боярин Никифор. На съезде 1116 г. в Берестовом, принявшем «Устав Владимира Всеволодовича» — общерусский кодекс норм феодального права, Переяслав представлял тысяцкий Станислав [25]. С 1094 по 1113 г.— год перехода Владимира Мономаха на киевский стол — переяславским тысяцким был продолжительное время знатный боярин Ратибор, служивший Всеволодовичам с 1078 г.* В 1095 г. он осуществил смелую операцию по уничтожению в Переяславе половецких князей Итлара и Китана. Неоднократно как авторитетный представитель переяславского князя Ратибор выполнял дипломатические поручения по урегулированию отношений между враждующими княжескими группировками. В 1100 г. Ратибор вместе с другим переяславским боярином Орогастом принимал участие в примирении Давида Игоревича с Володарем и Васильком [26]. О незаурядной личности этого приближенного Мономаха говорит факт наличия у него собственной свинцовой буллы с погрудным изображением на одной стороне св. Климента — папы римского и надписью «От Ратибора» на обороте **. Не имеющая аналогий печать Ратибора, по мнению В. Л. Янина, удостоверяла институт наместничества, отличный от двух других политических институтов, пользовавшихся правом буллы,— княжеской и высшей церковной власти [27].

Представителями княжеской власти в городах были посадники. Возглавляя местное управление, ведавшее судом, сбором даней и различных пошлин, посадник имел в своем распоряжении административный персонал, военные отряды для местной обороны и подавления антифеодальных восстаний. Под 1128 г. в летописи упоминаются посадники переяславского князя Ярополка Владимировича («Ярополчи посадници»), перехватившие близ Выря половецких послов, шедших к черниговскому князю. Вознаграждавшиеся за службу путем кормлений, посадники нередко увеличивали поборы с местного населения, доводя его до разорения. Так было, по всей вероятности, в 1136 г. на Посулье, о чем не умолчал даже княжеский летописец: «...Бысть пагуба Посульцем, ово от Половець, ово же от своих посадникъ» [28].

В своей деятельности посадники опирались на старост, назначавшихся или избиравшихся на сходах сельской общины, как и в более позднее время. Сельская соседская община, состоявшая из больших и малых крестьянских семей (вервь), являлась первичной административной ячейкой древнерусского феодального общества и одновременно представляла собой сельскую политическую организацию, защищавшую свои основы от разрушения, препятствуя социальному расслоению внутри нее, отражая попытки вторгаться во внутренние дела княжеской и церковной властей, а также феодальной вотчины. В XI—XIII вв. община постепенно начала разрушать-

---

* В том году Всеволод назначил его посадником (наместником) в Тмутаракань (*ПСРЛ*.— Т. 1.— Стб. 204).

** Ныне известно семь таких печатей (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— Т. 1.— С. 60).

Печати Ратибора

ся [29]. Причины разложения ее крылись в действии как внешних факторов, так и объективных внутренних. Феодальная форма собственности на землю, являвшаяся определенным результатом развития собственности на землю, была более прогрессивной сравнительно с коллективной общинно-патриархальной формой собственности и обеспечивала простор для развития производительных сил, проявления индивидуальной хозяйственной инициативы как феодалом, так и непосредственным производителем — крестьянином. С появлением феодальной собственности «распределение собственности делается в нем все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче и собственность все более концентрируется в немногих руках» [30], т. е. формируются классы.

В недрах общины выделялись крупные земельные собственники и неимущие — рядовичи, закупы, изгои, которые в поисках необходимых средств существования обращались к феодалу, превращаясь постепенно в феодально зависимое население. Кроме экономических факторов источником увеличения численности подданных, а также обогащения феодалов, служили захватнические войны, походы в степи, внеэкономическое принуждение. Так, Ярополк Владимирович переселил пленных дрючан в Переяславскую землю — в города Желний и Лукомль на р. Суле. Не раз дружина переяславского князя возвращалась с богатой добычей, отнятой у степняков: «Взяша... скоты и овцѣ и конѣ и вельблуды и вежѣ с добытком и с челядью...» [31]. Пленники-челядины, посаженные на землю, превращались в государственных смердов, несших определенные повинности (военные, даннические) по отношению к князю, крупному боярству, монастырям [32]. Все это обусловило углубление классового расслоения и усложнение социальной структуры феодального общества Переяславской земли. Появление у столицы княжества загородного «Красного двора», «Зверинца», монастырей, ряда княжеских и боярских сел (Куднова, Мажева, Янчего и т. д.) — яркое тому свидетельство.

Крупные феодальные вотчины создавались путем самовольного захвата общинных земель княжескими дружинниками и местными землевладельцами («огнищанами»), ставшими в си-

Град Переяслав. Рисунок с лубочной картины XVIII в.

лу своего экономического могущества над общиной вследствие княжеских пожалований земель светским вельможам, монастырям, епископам, в силу действия наследственного права, а также путем хозяйственного освоения феодалами новых земель с привлечением для работы на льготных условиях крестьян и т. д.

Многие возвышались на службе у князя и бояр. Так, по словам летописца, Владимир Святославич сделал «большим мужем» и пожаловал земли юноше-Кожемяке, победившем в поединке печенежского богатыря на Трубеже. Выделению феодальной прослойки способствовало, кроме всего, и то обстоятельство, что часть доходов от поборов с населения края, очевидно, не поступала в пользу великого киевского князя, а шла на потребности обороны земли [33]. Попадавшие в руки местной администрации средства не всегда использовались по назначению, служили обогащению отдельных лиц.

О значительной социальной дифференциации населения Переяславской земли X — первой половины XIII в. свидетельствуют многочисленные клады, укрытые в минуту опасности и оставшиеся в земле вследствие гибели их владельцев [34]. Среди них встречаются особо ценные, как, например, клад, обнаруженный в с. Денисы на Переяславщине. Имущественное неравенство жителей Левобережья прослеживается также при рассмотрении инвентаря погребений Переяславского, Леплявского, Гочевского и других могильников, где беспредметные захоронения чередуются с богатыми погребениями [35]. Выделяются убогостью своих захоронений сельские периферийные могильники, исследуемые в верховьях Супоя,— Нечипоровка (два) и Сумковая Долина [36].

Особенно заметны социальные контрасты в Переяславе. В 1965 г. сотрудниками Переяслав-Хмельницкого музея раскопано и исследовано на посаде типичное жилище простолюдина XII—XIII вв. Небольшие размеры этой полуземлянки с убогой утварью в сравнении с роскошными хоромами князей, дворцами и усыпальницами епископов и бояр наглядно показывают социальные контрасты и имущественное неравенство населения города [37].

Реконструкция жилища простолюдина, открытого археологами на переяславском посаде

Внутренний интерьер жилища

Следует отметить, что в разных частях Переяславской земли процесс феодализации происходил неравномерно. Если на западе он носил в определенной степени интенсивный характер, то на юго-востоке, в местах соприкосновения государственной территории непосредственно с кочевнической степью, ни о какой значительной феодализации не могло быть и речи.

Немногочисленное окраинное население здесь составляли «лучшие мужья» (прототип позднейших однодворцев XVII—XVIII вв.), которые за определенное вознаграждение несли опасную сторожевую службу на государственной границе *. Распространение на Переяславской «Украине» специфической группы свободных воинов-земледельцев, военных поселенцев, предшествовало появлению здесь позднейшего казачества **.

Основную массу населения Переяславской земли составляли «люди» — свободные общинники-земледельцы. Со второй половины XI в. их положение значительно ухудшилось. Вследствие экономического закабаления крестьяне-общинники постепенно попадали в феодальную зависимость. Разорявшиеся в силу опустошительных набегов половцев, непрекращавшихся феодальных усобиц, неурожайных лет (вследствие засухи или нашествия саранчи) крестьяне становились закупами, рядовичами, включались в господскую челядь. Анализируя это явление древнерусской средневековой жизни, В. И. Ленин писал: «...Отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»), увековечивая рутинную технику» [38].

Выражением антифеодального протеста низов, судя по статьям «Русской Правды», служили бегство от своих господ, поджоги, массовые хищения имущества, самовольные нарушения границ земельных владений, убийства ненавистных феодалов [39]. Наиболее концентрированным выражением социального протеста были народные вооруженные восстания, которые время от времени потрясали Русь на протя-

---

* Автор «Слова о полку Игореве» называет их еще кметями (зажиточные крестьяне, превращающиеся или превратившиеся в феодалов). У западных славян: кмет — служилый однодворец (*Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— С. 146, 154).

** У половцев «казак» означало «страж» (*Голубовский П.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар.— С. 211; *Эварницкий Д. И.* История запорожских козаков.— Спб., 1895.— Т. 2.— С. 6—11).

жении всей ее домонгольской истории. Происходили они и во владениях переяславского князя. В 1071 г. вспыхнуло восстание в северной Ростовской волости [40]. Оно было направлено против местной феодальной знати, главным образом «лучших жен». Поводом к восстанию смердов, руководимых волхвами, был голод. Из Ростовской волости многочисленный отряд восставших продвигался по Волге и Шексне. Воспользовавшись отсутствием мужского населения, находившегося в военном походе, повстанцы забирали всевозможные припасы (жито, мед, рыбу) из домов богачей, избивали их жен. Восстание докатилось до Белоозера (на то время входило в черниговские владения), где Ян Вышатич «дань емлющю». С большим трудом княжескому даньщику удалось подавить восстание.

О подобном восстании, руководимом волхвом, упоминается в летописи под 1091 г.[41] Оно также произошло в Ростовской волости. Выступления волхвов-жрецов старой языческой религии во главе крестьянских движений вполне объяснимы: они еще раз подчеркивают тот факт, что феодализация и христианизация в древнерусском обществе шли рука об руку.

Характеризуя классовую борьбу этого периода, Ф. Энгельс подчеркивал: «...Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» [42].

Следует отметить, что при различных формах феодальной зависимости гнет населения в Переяславском княжестве, особенно в юго-восточных волостях, не был сильным. Фактически нам не известны в XI — первой половине XIII в. какие-либо антифеодальные восстания [43], хотя факт «пагубы посульцем» имел место. Возможно, что отдушиной, не дававшей здесь выплеснуться народному гневу через край, была близость вольной степи, и крестьяне предпочитали открытым выступлениям бегство от своих господ на «Украину», в низовья Днепра к уличам-бродникам или к «поганым».

Отрывочность письменных источников, относящихся к истории Переяславской земли XI — первой половины XIII в., не дает возможности более глубоко и всесторонне изучить организацию власти и общественные отношения в княжестве. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с момента выделения юго-восточного сектора «Русской земли» в самостоятельную административно-политическую область в 50-х годах XI в. и в последующий период истории она представляла собой развивающуюся феодальную вотчину одного из представителей правящей великокняжеской династии, управляемую княжескими наместниками, посадниками, тиунами, сельскими и ратайными старостами. Исходя из «Русской Правды» и летописных данных, вотчину обслуживали различные категории феодальнозависимого люда: холопы (рабы), смерды, рядовичи и др. Основную массу населения княжества составляли относительно свободные «люди» — общинники, платившие дань — полюдье. Их положение по мере развития феодальных отношений ухудшалось.

Развитие феодальных отношений в Переяславской земле проявлялось в росте крупной земельной собственности и владельческого иммунитета. На верхних ступенях социальной лестницы феодальные отношения строились на основе сюзеренитета-вассалитета, который носил неустойчивый характер. Отношения же между «верхами» и «низами» феодального общества носили антагонистический характер господства и подчинения, отражением чего (несмотря на все идеологические ухищрения княжеской власти) была не утихающая в течение всей древнерусской истории классовая борьба.

СОВЕТ. ВЕЧЕ

К верховным органам государственной власти и управления, обсуждавшим и решавшим коренные вопросы социально-политической жизни Переяславской земли, относились совет

знати при князе и вече. Согласно летописям, эти два взаимосвязанные друг с другом института, с которыми приходилось считаться, а иногда и подчиняться княжеской власти, обладали значительными политическими правами.

Феодальный совет при переяславском князе являлся обычным однопалатным сословным органом, выросшим из существовавшего в прошлом совета знати земли. В его состав входили знатные бояре (тысяцкий, воевода), представители духовной знати (епископ, игумены), вассалы либо наместники князя, в военное время — руководители союзников и пр. Члены княжеского совета («думцы») не имели постоянного места для проведения своих собраний. Они собирались и в княжеском тереме, и в шатре, и сидя на конях.

О составе совета, действовавшего при переяславском князе, можно косвенно судить из рассказа летописи о приглашении в 1096 г. Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем Олега Святославича в Киев на совет «пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець наших, и пред людми градьскими...» [44]. Как отмечалось в предыдущем параграфе, князь в своих действиях часто опирался на совет, дружину. Ведению совета переяславской знати подлежали вопросы законодательства, административного управления, внешней политики и др.

Сложнее решается в исторической науке вопрос о вече. Дореволюционные и советские руссисты, исследовавшие классовую природу веча и его место среди органов государственной власти и управления в период феодальной раздробленности [45], не выработали пока четкого единого определения понятия «вече».

По мнению В. Т. Пашуто, термин «вече», обозначая совещание вообще, употреблялся применительно к разнородным явлениям. Ученый считал, что вече представляет собой «один из наиболее архаичных институтов народовластия», использованный собственниками земли и поставленный на «службу государству в форме своеобразной демократии» [46].

Несколько иных воззрений на вече придерживается И. Я. Фроянов. «Вече,— пишет он,— это народное собрание, являвшееся составной частью социально-политического механизма древнерусского общества», причем «знать не обладала необходимыми средствами для подчинения» его своей воле [47].

П. П. Толочко склоняется к точке зрения, что руководящая роль и преимущественное представительство в вече всегда принадлежали верхам древнерусского феодального общества, а не представителям народа [48].

Нам представляется наиболее приемлемым определение веча Л. В. Черепниным как высшего органа городского управления в эпоху раннего феодализма, собрания горожан разного социального статуса, исполнительным органом которого являлся совет [49]. Поскольку руководство советом, как правило, захватывала знать, это и сдерживало проявления городской демократии в форме деятельности веча. При необходимости же поддержки народа в своей борьбе с князем совет опирался на вече.

Попытаемся на примерах истории Переяславской земли проследить, как жители ее городов влияли на ход политических событий на местах и в целом на Руси.

Своеобразный совет князя Владимира Мономаха с дружиной Ратибора состоялся в 1095 г. Речь шла о «погублении Итларевой чади». Владимир отказывался совершать эту акцию, мотивируя тем, что «ротѣ * с ними ходивъ». Тогда дружина ему отвечала: «Да они всегда к тебѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани». И послуша ихъ Володимеръ...» [50]

Затем в 1134 г. переяславские бояре, очевидно, оказали сильное давление на робкого и нерешительного князя Вячеслава, вынудив его оставить переяславский стол [51].

---

* То есть давал им клятву.

Военный совет Владимира Мономаха с дружиной. 1095 г.

В 1147 г. «переяславци» пригласили Глеба Юрьевича к себе на княжение. «Хотят те переяславци»,— передавал посол горожан Жиславич Глебу. Учитывая то, что переяславская дружина выступила на стороне своего князя Мстислава, его смещения, по всей видимости, требовали низы и часть боярства [52].

Оказавшись в 1201 г. совсем без князя, переяславские феодалы попросили Всеволода (Большое Гнездо) назначить им правителя, что тот и сделал: «После сына своего Ярослава в Переяславль». «Переяславци же поимше князя своего Ярослава от святого Спаса поидоша с радостью великою хваляще Бога... давшего им князя его же желаша» [53].

Следует отметить, что переяславское вече, равно как и совет, не могли удержать князя, приглашаемого вечем или советом старшего города Киева. Очевидно, решение о призвании на стол, принятое на вече (совете) знатью столицы Руси, считалось престижным для феодалов удельных городов. Так, в 1113 г. «совет створиша кияне» [54], пригласили из Переяслава на великокняжеский стол Владимира Мономаха. В 1146 г. «не угоден бысть кыяном Игорь... и послашася к Переяславлю к Изяславу...» [55]. В обоих случаях переяславские князья дали согласие. Эти факты подтверждают известное свидетельство владимирского хрониста: «на что же старейши (грады.— М. К.) сдумають, на томь же пригороди стануть» [56].

Решение различных вопросов жизни края с помощью веча (совета) прослеживается по летописным материалам не только в Переяславе — главном центре княжества, но и зависимых от него волостях — Ростове, Смоленске, Курске, Выре и др. В 1147 г. Мстислав Изяславич, узнав о движении в По-

семье Глеба Юрьевича, «повéде» об этом курянам (жителям Курска), но те отказались сражаться против «Володимиревого племени», «пояша у Гюргевича» посадника. Не подчинились черниговским князьям выревцы, «рекоша имъ князь у нас Изяславъ» [57]. Можно думать, что, прежде чем дать конкретный ответ, и куряне, и выревцы советовались на вече, как им поступить.

Безусловно, немногочисленные и скупые летописные факты о существовании совета и веча в городах Переяславской земли не дают подлинного представления об этих институтах государственной власти, но и на основе приведенных примеров можно констатировать, что география и компетенция этих представительных органов местных феодалов (с ограниченным участием социальных низов) была довольно обширна. Их средоточием выступали в большинстве случаев основные волостные города княжества. Вече ведало вопросами войны и мира, княжеским столом, смещало неугодную администрацию. При отсутствии князя и в пору междукняжия его функции брал на себя совет.

ЦЕРКОВЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КНЯЖЕСТВА

Наряду со светской государственной властью в Переяславском княжестве существовала особая церковная власть епископа и его клира, покоившаяся на земельной собственности местных феодалов. Время открытия епископской кафедры в Переяславе не зафиксировано в источниках. Косвенное указание на появление церковной организации в городе относится к 1008 г., когда митрополит Иоанн строил здесь первый каменный храм Воздвижения Честного Креста [58].

Ряд свидетельств, а именно: заглавие недатированного послания об опресноках (на греческом языке *) Леонтия, митрополита Переяслава-Русского [59], отождествляемого с известным митрополитом Руси Леоном, занимавшим кафедру, согласно сообщения Никоновской летописи, в 991—1008 гг.[60]; летописная статья 1037 г. о закладке Ярославом Мудрым кафедрального митрополичьего собора в Киеве [61]; статья 1089/1090 гг. о переяславской митрополии с указаниями, что здесь «живяху множае... митрополити Кіевстіи и всея Руси» [62] или «бѣ бо преже в Переяславли митрополья» [63], укоренили в литературе этого сложного вопроса мнение о выдающейся роли города на Трубеже в становлении церковной организации на Руси к исходу X в. и первой трети XI в.— т. е. пребывания здесь в течение полувека русской митрополии [64]. Отсюда делался вывод об открытии епископской кафедры в Переяславе на месте кафедры митрополичьей после 1037 г.[65]

Справедливость бытовавших в течение многих столетий построений относительно переяславской митрополии 988—1037 гг., как выше отмечалось, оспаривалась еще в прошлом веке [66], но лишь в последнее время аргументированно доказана их несостоятельность. Благодаря глубоким источниковедческим изысканиям многих историков, удалось выявить важные факты, дающие возможность пересмотра не только проблемы первоначального пребывания русской митрополии, но и решения «загадки» переяславской [67].

Анализ известий епископа Титмара Мерзебургского и киевского иеромонаха Илариона [68] свидетельствует, во-первых, что местопребыванием митрополита и кафедрального собора не только до 1037 г., но и до 1017 г. был великокняжеский Киев [69]. Во-вторых, находящиеся в Лаврентьевской летописи (под 1089 г.), равно как и в Никоновской, пояснительные продолжения следует признать позднейшими интерполяциями, выходящими за пределы трех редакций «Повести временных лет». Как показал А. Поппэ, пояснительная вставка, дописанная не ранее 1119 г., имела в виду не вообще

* Τοῦ θεοφιλεστάτου Λέοντος μητροπολίτου τῆς ε'ν 'Ρωσίᾳ Πρεσθλάβας περὶ τοῦ ὅτι οὐ δει τελετσθαι ἰα ἄζυμα.

когда-то в прошлом существовавшую переяславскую митрополию, как предполагали Филарет, Макарий, М. А. Максимович, Е. Е. Голубинский и др., а митрополию, современную освящению кафедрального собора св. Михаила и его митрополиту Ефрему [70]. В-третьих, появление переяславской митрополии, как и черниговской, являлось результатом отношений, сложившихся между Ярославичами после 1054 г. [71] Этот вывод напрашивается после изучения упоминавшегося выше «Послания об опресноках Леона митрополита Переяслава-Русского».

Анализ содержания полемического сочинения митрополита Леонтия, направленного против свершения латинянами таинства евхаристии на опресноках, показывает, что оно заметно зависимо от трудов византийских полемистов XI—XII вв. Льва Охридского, Петра Антиохийского и Никиты Стифата, писавших об опресноках после 1053 г.[72] Отсюда следует, что послание не является документом конца X либо первой половины XI в., а следовательно, не может служить свидетельством существования в то время переяславской митрополии, на что делают упор В. Мошин и др.[73]

Достоверные сведения первоисточников, в частности «Жития Феодосия Печерского» Нестора [74], подтверждают существование в 80—90-х годах XI в. титулярной переяславской митрополии и позволяют (с учетом взаимоотношений Ярославичей, а также византийской патриархии с папством) [75] относить ее начало к 60-м годам XI в. По-видимому, она была учреждена вместе с черниговской в самом начале 70-х годов. Именно в то время складывалась наиболее благоприятная внутриполитическая ситуация для церковной реформы. Как известно, после кончины Ярослава Мудрого старшие Ярославичи теряют вскоре и младших братьев: Вячеслава в 1057 г. и Игоря — в 1060 г.[76], державших поочередно Смоленский удел. Столкнувшиеся экономические и политические интересы Изяслава, Святослава и Всеволода из-за Смоленска [77], по всей видимости, заставили их выработать определенные взаимоотношения трех волостных администраций Киева, Чернигова и Переяслава, политическая форма которых получила в литературе условно название «триумвирата» [78]. «Трие» Ярославичей начинали совместно действовать: составляли «Правду» для управления княжескими имениями, распоряжались положением отдельных княжений, предпринимали походы на торков, пытались подчинить княжество Полоцкое и др.[79]

Очевидно, в 1060 или 1061 г. братья добились от константинопольского патриарха уравнения сил трех центров «Русской земли» и в области церковной организации. Можно предполагать, что заинтересованный в непосредственных отношениях (через митрополию) с «триумвирами» византийский император в тот период и назначил титулярных * митрополитов в Чернигов и Переяслав. Известно, что именно в начале 60-х годов XI в. в Киев назначается принадлежавший к высшему совету патриарха митрополит Георгий, носивший высокое звание синкелла (т. е. второе «я» патриарха) и пользовавшийся особым доверием у императора [80]. Не с целью ли контроля за черниговским и переяславским иерархом прибыл он?

Не располагая доказательствами существования митрополии в Переяславе до 1072 г., на основе вышеизложенного гипотетически можно предположить существование на кафедре Переяслава в 60-х годах XI в. епископа Леонтия с титулом митрополита. Относительно того, как случилось, что южнорусское летописание не сохранило имени незаурядной личности переяславского иерарха, можно высказать следующее. Как известно, так случилось, что летопись, которая велась при кафедральном Михайловском соборе в Переяславе-Русском, легла позднее в основу северо-восточного летописания [81], и все факты истории, изложенные в ней в невыгодном для

* То есть епископ возводился в сан митрополита пожизненно или на определенный срок.

северо-восточных князей свете, были пересмотрены: видоизменены, сокращены и даже упущены.

Андрей Боголюбский, Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) и другие, упорно боровшиеся за гегемонию Владимировой державы в раздробленной на враждовавшие княжества Русской земле, потратили немало усилий для создания политического и церковного приоритета северо-восточного региона Руси. Создание политического мифа об основании Владимира на Клязьме Владимиром Святославичем, а не Мономахом; культ Владимирской иконы Богоматери; учреждение без санкции киевского митрополита владимирского праздника Покрова Богородицы и другие церковно-политические мероприятия были направлены, как верно отмечал Н. Н. Воронин, на обоснование законности притязаний северо-востока на гегемонию в Руси, на создание автокефальной епископии [82]. Были преданы забвению узы, связывающие длительный период времени Переяслав-Южный и Ростово-Суздальский край. Поэтому исчезли из летописи переяславский митрополит Леонтий и епископ Исаия, которым подчинялось Ростово-Суздальское епархиальное наместничество, а наряду с реальным епископом Ефремом переяславским, много сделавшим для введения и утверждения христианства на северо-востоке, появился в «Послании» Симона Владимирского к черноризцу печерскому Поликарпу «Ефрем суздальский» [83].

Тенденциозность церковно-литературного творчества владимирских витий и политиков XII — начала XIII в. вполне очевидна, и это дает нам право на гипотезу. Суть ее состоит в том, что искомого переяславского митрополита Леонтия следует видеть в одноименном епископе ростовском, погибшем от рук «одержимых идолослужением» язычников [84]. Временем его поставления на переяславскую кафедру были, очевидно, годы между 1054 и 1061. Очень важен для нас тот факт, что, согласно жития Леонтия, он «Константиноврада роженье и воспитание...» [85] и мог быть осведомленным относительно начатой патриархом Михаилом Керулларием в 1053 г. полемики с латинянами вокруг опресноков, которую поддержал известным посланием. Возглавив переяславскую епархию, Леонтий развернул бурную деятельность на северо-востоке княжества, проповедуя христианский культ и разоблачая «сонмище идолослужителей». Здесь в Ростовской земле он «странствие земное мученическою кончиною совершил» [86]. Не трудно догадаться, когда это произошло. В 1071 г. в Ростово-Суздальской земле вспыхнуло восстание смердов под руководством волхвов [87]. Одной из жертв, павших «за веру», и был, очевидно, епископ Леонтий. В 1164 г. в Ростове, при основании соборной церкви, были найдены его мощи. Находка дала повод для составления (при жизни Андрея Боголюбского) основной части жития Леонтия, включенной в состав Ростовской летописи [88]. Житие должно было служить доказательством древности ростовской кафедры, для чего были присочинены имена епископов Федора и Лариона, якобы проводивших проповедническую деятельность среди финских племен задолго до Леонтия [89]. Все это необходимо было Боголюбскому для обоснования своего права на устроение собственной митрополии. О переяславском же периоде в церковной жизни Ростова, Суздаля и Владимира умалчивалось.

Достоверные сведения о церковной организации Переяслава восходят лишь к 1072 г. Летописец, описывая торжество 20 мая 1072 г. в Вышгороде по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба, после перечисления князей и митрополитов упоминает среди многих духовных лиц епископа Петра переяславского и Николу — игумена переяславского [90]. Это известие М. Д. Приселков воспринял как свидетельство недавнего учреждения новой епископской кафедры в Переяславе [91]. Однако переяславские синодики указывают на то, что первым епископом был не Петр, а Николай [92]. Не исключено, что последний не кто иной, как вышеупомя-

нутый игумен, временно выполнявший епископские обязанности после гибели Леонтия до поставления на кафедру Петра. Но это лишь предположение. Скупость сведений источников о первых переяславских епископах не позволяет что-либо добавить к изложенному.

Кто был преемником переяславского епископа Петра — тоже неизвестно. Наиболее вероятно, что им с середины 70-х годов становится знаменитый Ефрем. О нем известно, что до начала церковной карьеры он длительное время служил дворецким у киевского князя Изяслава Ярославича. Разочаровавшись в придворной службе, решил посвятить себя иноческой жизни. В 1061 г. с благословения Антония постригся в монахи Киево-Печерской обители Никоном Великим и ушел в Константинополь, где в течение ряда лет пребывал, как можно полагать, иноком в одном из древнейших византийских монастырей — Студийском. В 1062 г., по просьбе Феодосия, он списал и переслал в Киев с монахом Михаилом устав этого монастыря для введения его в Печерской обители [93]. Не позднее 3 октября 1078 г., по мнению А. В. Поппэ, Ефрем возвратился на Русь «мужем ученым и великим рачителем о церкви» и был поставлен на епископскую кафедру в Переяслав в качестве титулярного митрополита [94]. Столь высокого титула Ефрем удостоен, можно полагать, не только за личные качества, но и в связи с тем, что он возглавил одну из крупнейших епархий Руси, включавшую в себя несколько наместничеств *.

По прибытии в Переяслав, Ефрем развернул энергичную деятельность по строительству оборонительных каменных стен вокруг города, подвергавшегося частым нападениям половцев, возведению многочисленных храмов и пр.[95] В поздних летописях утверждается, что он был инициатором строительства первых на Руси странноприимных домов, общественных бань, больниц, где посетителям оказывалась безвозмездная врачебная помощь [96]. Согласно сведениям, имеющимся в Густинской летописи и «Истории Российской» В. Н. Татищева, после кончины Иоанна III (1090) Ефрем поставляется в Константинополе на киевскую митрополию, которой управлял до своей смерти (1096) [97]. Совмещал ли Ефрем руководство митрополичьей кафедрой и управление переяславским епископством в тот период, как предполагал Д. Юзефович [98], трудно утверждать. Возможно, что так оно и было, ибо 14 августа 1091 г. Ефрем возглавлял торжественное перенесение раки с мощами Феодосия в Печерский собор Успения Богородицы [99]. В 90-е годы XI в. при нем и Владимире Мономахе возведен Успенский храм в Суздале [100]. О незаурядности личности Ефрема свидетельствуют другие факты. В частности, ему небезосновательно приписывается авторство ряда произведений агиографической литературы [101]. Согласно В. Н. Татищеву, он оказывал определенное влияние на становление исторических взглядов Нестора-летописца [102].

Следующим владыкой Переяславской земли был Симеон, упоминаемый в приписке 1150 г. к Учредительной грамоте князя Ростислава смоленской епископии: он строил вместе с Владимиром Мономахом в 1101 г. в Смоленске церковь Успения Богородицы [103].

12 ноября 1105 г. переяславским епископом, шестым по счету, был поставлен Лазарь. В 1115 г. он принимал участие в перенесении мощей св. Бориса и Глеба. 7 сентября 1117 г. Лазарь умер в Переяславе [104]. Его место занял бывший игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр — создатель второй редакции «Повести временных лет». Согласно В. Н. Татищеву, он был назначен в Переяслав 1 января 1119 г.[105] В летописи имеется лишь сообщение о смерти епископа Сильвестра в Переяславе 12 апреля 1123 г., в четверг. Восьмым епископом

---

* Одно из них — Ростовское — с 1077 до 1089 г. возглавлял бывший игумен Дмитровского монастыря в Киеве Исаия (*Православный* Собеседник.— 1858.— Т. 1.— С. 436—438; *Приселков М. Д.* Очерки...— С. 308—310).

переяславским по синодикам был Иоанн, а десятым — Марко (Маркел), о кончине которого 3 января 1134 г. упоминал летописец [106].

Последующим главой переяславской иерархии синодики называют Макария, правившего, очевидно, во второй половине 30-х годов XII в. Его сменил на кафедре в 1141 г. Евфимий. В 1146 г. в «святом Михаиле» у него взял молитву князь Изяслав Мстиславич при выступлении походом из Переяслава на Киев. В 1147 г. Евфимий принимал участие в избрании (собором южнорусских епископов) Климента Смолятича, зарубского книжника, митрополитом Руси. Последнее упоминание об этом владыке имеется под 1149 г.[107]

Тринадцатым по счету согласно М. А. Максимовичу и Д. Юзефовичу, являлся Василий, якобы хиротонисан * на паству в 1157 г.[108], однако в синодиках о нем нет никаких упоминаний. Вообще вторая половина XII в. не изобилует сведениями о церковной жизни Переяслава, переживавшего, как и Киев, период политической депрессии, вызванной обострением борьбы княжеских группировок за власть, усилением центробежных тенденций в экономическом развитии Руси.

Последующего переяславского епископа — Феодора упоминает под 1168 г. вместе с митрополитом киевским Константином II и черниговским епископом Антонием Никоновская летопись [109].

Пятнадцатым владыкой Переяслава был Павел, упоминаемый и синодиками, и летописью под 1198 г. Исходя из того, что его «посла благовѣрныи и христолюбивы князь Всеволодъ Гюрьгевич... на епископьство в Русьскыи Переяславль» [110], он, очевидно, выполнял обязанности наместника у северо-восточных русских иерархов.

Шестнадцатый известный епископ Переяслава-Южного — Симеон. Он погиб во время штурма города татарами в 1239 г.[111] Последним, семнадцатым епископом Переяслава и Сарая уже в период ордынского владычества на Руси был поставлен (митрополитом Кириллом) Феогнаст, святительствовавший с 1269 г.[112] В 1276—1279 гг. он, выполняя важное дипломатическое поручение митрополита киевского Кирилла и ордынского хана Менгутемира, посетил Царьград, где встречался с патриархом и императором Михаилом Палеологом [113]. После него фактически прекратилось иерархическое управление в переяславской епархии (Приложение, табл. 6). Приведенный список иерархов далеко не полный. Ввиду отсутствия данных установить с полной исторической достоверностью преемственную последовательность правления переяславских епископов не представляется возможным.

Изучение территориальных пределов переяславской епископии показывает, что юрисдикции епископа подчинялись земли, находившиеся в зависимости от верховной власти переяславского князя [141].

Огромная епархия, разделявшаяся, по всей видимости, на наместничества собственно переяславское, ростово-суздальское, смоленское и курское, управлялось значительным количеством церковных чиновников. Верховным владыкой переяславской епархии являлся епископ, подчинявшийся непосредственно киевскому митрополиту. В меньшей степени зависели от киевского иерарха епископы, носившие титулярное звание митрополитов (Леонтий, Ефрем), ибо им разрешалось обращаться непосредственно к константинопольскому патриарху. Назначались епископы на переяславскую кафедру митрополитом всея Руси и великим киевским князем. Кадры для епископии готовили Киево-Печерский, Выдубицкий, Дмитровский и другие, в том числе и переяславские, монастыри. Согласно свидетельству владимирского епископа Симона, только из Печерского монастыря вышло около 50 епископов [115].

При кафедральном храме в Переяславе действовал особый клирос — коллегия епархальных чиновников, со-

* От хиротония, рукоположение — обряд возведения в священнический сан (епископа и др.) в христианстве.

ставлявших административно-судебный собор при епископе. Кроме кафедрального клироса имелись еще епископские наместники. Области, управляемые ими, совпадали с областями, подвластными княжеским наместникам. При епископских наместниках также имелись соборы клирошан *. Наместники (ростово-суздальские, смоленские и другие) наделялись, очевидно, обширной властью. Они не только руководили церковной жизнью своей области, но и производили суд, следили за сбором церковной десятины. Наконец, им подчинялись низшие волостные церковные чиновники — десятинники (сборщики княжеской десятины в пользу епископов с населения епархии) [116]. Области десятинников совпадали, по-видимому, с территориями, на которые распространялась власть княжеских посадников, т. е. небольших городовых волостей. Десятинники, кроме своих прямых обязанностей, осуществляли надзор за духовенством.

Надо признать, что юрисдикция церковной и государственной власти строго разграничивалась. Взаимоотношение двух властей строго регламентировалось княжескими церковными уставами и грамотами о десятинах, судах, церковных людях. Епископы в своей деятельности по управлению и суду в епархии, как и другие духовные феодалы, руководствовались кормчими книгами, или номоканонами — византийскими тематическими сборниками, включавшими постановления церковных соборов, сочинения христианских идеологов, законодательные акты византийских императоров, юридические своды и справочники, памятники ближневосточного права и «апокрифические», «апостольские» правила, монастырские уставы и епитимийные правила, а также толкование слов, символов, календарные и хронологические сочинения [117].

Главным в деятельности переяславского епископа и его клира, как и всей церковной организации Руси, было идеологическое обоснование господства феодалов над широкими народными массами, освящение отношений господства и подчинения. С этим связаны проповедовавшиеся духовенством идеи «сирот и вдовъ». Терминами «защищать малых от сильных» переполнена вся духовная литература Древней Руси [118]. Служа средством идейного воздействия на массы, церковь являлась главным проповедником идеи патроната. При этом она, как подчеркивал С. В. Юшков, «в особенности стала развивать патронат над так называемой personae miserabilis, различного рода выкинутыми из жизненной колеи элементами» [119], что возвышало ее в глазах угнетенных, заставляло верить в «истинность» ее проповеди. Церковники внушали трудящимся города, крестьянам, рабам, нищим, что если они будут безропотно терпеть все невзгоды, то попадут после смерти в небесный рай, получат все блага. Тех же, кто не будет следовать заповедям, твердили они, ожидают страшные муки в аду.

За умелое затушевывание социальных противоречий светские феодалы щедро наделяли церковь землями с населявшими их крестьянами, делились с ней частью доходов. Так, переяславский епископ Ефрем в конце XI в. имел свои грады: «иже суть и со уѣзды и съ волостьми и съ селы...» [120].

В отличие от многих светских феодалов церковь резко осуждала княжеские междоусобицы, ратовала за единство княжеского рода и всей Русской земли. Как отмечал П. П. Толочко, церковные иерархии «рассматривали Русь как единое целое и посредством церковных проповедей и призывов к князьям содействовали утверждению в народе идеи национального единства» [121]. Разумеется, при этом преследовались прежде всего классовые и корпоративные интересы самой церкви. Опасаясь, что в условиях политической нестабильности государства не будут обеспечены экономические (земельные, финансовые) и правовые ин-

* В дарственной грамоте князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии 1136 г. указано, что князь дает средства содержания епископу с клиросом его (*Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы.— С. 141).

тересы духовенства, за сохранение и поддержание единства Руси особенно активно выступали высшие слои церкви — митрополиты и епископы. Ярким примером тому может служить факт последовательного противодействия епископа Маркела выделению Смоленска из переяславской епископии. Одно желание двигало этим иерархом — не допустить весьма ощутимого сокращения епархиальных доходов, исчисляемых, вероятно, не одной сотней гривен серебра.

Проповедуя идею единства Руси через единство княжеского рода, церковь, как показал Д. С. Лихачев, рано выработала культовую форму пропаганды идеи братства Рюриковичей, выразившейся в почитании князей Бориса и Глеба [122]. Сущность культа можно проследить на примере «Житий» Бориса и Глеба. Их главная идейная направленность — это необходимость строгого соблюдения отношений вассалитета-сюзеренитета, и прежде всего «покорения» старшему брату [123]. Духовная власть стремилась всячески благоприятствовать укреплению внутриполитического единства Руси. Приведем несколько примеров участия церковных иерархов в политических событиях. Когда в 1097 г. переяславский князь Владимир Мономах решил лишить стола великого князя Святополка за соучастие его в ослеплении Василька Теребовльского, то лишь вмешательство митрополита Николы позволило избежать кровопролития. В 1149 г. переяславский епископ Евфимий выступал посредником или мировым, пытаясь предотвратить столкновение киевского и суздальского князей. Но как он не упрашивал Изяслава Мстиславовича помириться со своим «стрыем» Юрием Владимировичем ради «земли своей», ничего не помогло [124]. Княжеская гордыня возымела верх над рассудком, в результате чего погибли многие десятки неповинных людей, а Изяслав лишился киевского стола.

Важным участком деятельности переяславского духовенства следует считать его последовательную борьбу с влиянием язычества, за насаждение среди населения новой феодальной идеологии — христианства. Как свидетельствуют археологические материалы, основная масса населения Переяславской земли и в XI в. оставалась языческой. Особенно упорно держалась старая религия «на окраинах Рустеи земли», постоянно пополнявшихся языческим элементом в лице оседавших на землю кочевников. Именно в этих районах, как писал митрополит Иоанн II черноризцу Якову, нередко наблюдались в XI в. случаи «волхованья» и «чародеянья», поклонения священным камням и деревьям, «бесом и болотом, и кладезем» [125].

Заинтересованность церковников в быстром введении христианства среди населения Переяславской земли была прямая: согласно статьям 4 и 5 Устава Владимира Святославича, церковная юрисдикция и десятина от даней распространялись лишь на христианизированную территорию: «по всем градомъ... и по погостомъ, и по свободам, где христьяне суть» [126]. Достичь желаемого переяславскому епископу и его клиру удалось лишь к середине XII в., когда и на далеких поляно-северских окраинах Руси, граничивших с Половецкой землей, утверждается христианская вера, исчезает курганный и повсеместно распространяется христианский обряд погребения [127].

Кроме идеологической переяславский епископ и его клир вторгались в другие сферы государственной деятельности. Они участвовали в княжеских съездах и совещаниях, выполняли дипломатические миссии, осуществляли семейное и брачное право, выступали в ряде случаев посредниками между населением, князьями и боярством. Переяславское духовенство — непременный участник военных действий против кочевников. Так, в переяславском полку князя Владимира Мономаха были «попы своя», которые перед битвами с «погаными», надо полагать, воодушевляли «словесами» воев на подвиги «за землю Русьскую», «за христьяны на поганыя плеки». Во

Народные (языческие) игрища. Миниатюра Радзивилловской летописи

время похода 1111 г. на половцев Мономах «приставi попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари коньдакы хреста честнаго и канунъ святой богородици» [128].

С ведома церковных властей возводились храмы, основывались монастыри — своеобразные центры духовной культуры древнерусского феодального общества. В ряде случаев они выполняли важнейшие функции светской власти. Так, в 1239 г., во время осады Переяслава ордами Батыя, одним из организаторов обороны города был епископ Симеон [129].

Таким образом, роль церкви в идеологической и политической деятельности княжества возрастала. В конце XI — начале XII в. в ее руках сосредоточивались богатые источники доходов, огромные земельные владения — волости, грады, села, пожни, озера и пр.

Церковная власть епископа и его клира играла все возрастающую роль в общественно-политической жизни Переяславского княжества. Управление епархией, сфера идеологии, суд, дипломатическая и культурно-просветительская деятельность — вот главные направления участия служителей культа в жизни общества. Анализ структуры церковного управления переяславской епископии показывает, что ее административное устройство в принципе соответствовало светской власти, а система управления напоминала систему княжеской власти.

Среди тенденций, наиболее четко прослеживаемых в истории переяславской святительской кафедры XI—XIII вв., можно выделить две: во-первых, полная зависимость переяславских епископов от киевской митрополии; во-вторых, постоянная борьба за упрочение новой религии в связи с непрекращавшимся сопротивлением народных масс наступлению феодалов на их жизненные права.

Этапные моменты истории переяславской епископии хронологически совпадают с историей княжества. Так, выделение в 1054 г. Переяславской земли из состава «Русской» стало первопричиной учреждения соответствующей епископии. Процесс дробления последней, наблюдаемый в 30-х годах XII в., отражал экономические и политические тенденции в развитии фео-

дальной Руси того времени. Захват Батыем Переяславской земли и включение ее в состав Золотой Орды привело в дальнейшем к объединению переяславской и сарайской епископий.

На примере переяславской епископии отчетливо видно также и то, что церковь, начавшая в X в. с «потребления» скромной великокняжеской десятины, в XI—XIII вв., проповедуя незыблемость и справедливость основ феодального общества, сама выступала уже как неотъемлемая и полномочная его часть.

Подытоживая рассмотренные вопросы социально-политического развития Переяславской земли в X — первой половине XIII в., следует отметить, что на очерченной территории в обозначенных хронологических рамках протекали те же базисные и надстроечные процессы, которые имели место и в других древнерусских землях. В результате развития земельных отношений на Руси в Переяславском княжестве складывались институты государственной (княжеской) власти, защищавшие интересы господствующего класса местных феодалов, и соответствовавшая сословная иерархия, возглавляемая князем. Переяславский князь, опираясь на дружину, родовитое боярство, военную организацию, разветвленную сеть чиновничьего аппарата, идеологическую поддержку епископа и его клира, руководил внутренней и внешней политической жизнью княжества.

Влиятельной силой в Переяславском княжестве было крупное боярство, из числа которого назначались на высшие должности княжеского управления тысяцкие, воеводы, посадники, «слы» и пр. Следует отметить, что боярство Переяславской земли в своем большинстве (за исключением знати торков-конфедератов) не проявляло каких-либо оппозиционных тенденций к княжеской власти, влияя на нее главным образом через вече.

В теснейшей связи с княжеской властью и местной феодальной верхушкой находилось духовенство. Переяславская земля в этом случае — яркое подтверждение высказанного К. Марксом положения о государстве и церкви в Византии и на Руси, функции которых «были так тесно переплетены, что невозможно изложить историю первого, не излагая истории второй» [130].

Церковная деятельность переяславского епископа и его клира в полной мере соответствовала чаяниям князей, бояр, «лучших мужей», других эксплуататоров. Они щедро платили «религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая» [131].

Иерархическая организация господствующего класса Переяславского княжества, как и всей Руси, являлась целенаправленной системой, обеспечивавшей воспроизводство и обогащение феодалов посредством эксплуатации широких слоев непосредственных производителей.

ГЛАВА V

БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛОВЕЦКОЙ АГРЕССИИ

Противодействие губительным нападениям кочевнических орд на Русскую землю с юго-востока в течение почти двух столетий было основной внешнеполитической задачей Переяславского княжества. Она обусловливалась той первостепенной ролью, которую играл Переяслав-Русский в оборонительной системе древнерусской столицы, возглавив со второй половины XI в. ее наиболее тревожный юго-восточный сектор.

Историко-географическое исследование рубежей Переяславского княжества показывает, что, как и Киевское, оно выходило южной границей в степь. Забота об обороне степного пограничья, взаимовыручке, отношениях со степняками тесным образом связывала два соседних княжеских стола. Переяславский князь вынужден был считаться с тем, что киевский князь по древней традиции и в условиях происшедшего раздела «Русской земли» как глава государства осуществлял право внешнеполитических отношений с Византией и кочевниками. Половцы, как правило, признавали киевского князя ответственным руководителем внешней политики «Русской земли» и в большинстве случаев именно с ним заключали договоры об отношениях Руси и Половецкой земли. Вместе с тем в новых условиях внутриполитических отношений, установившихся после 1054г., киевский князь руководил обороною только своих, киевских границ, а в делах общего фронта против кочевников, как будет показано дальше, «(и в смысле обороны, и в смысле наступления)» вынужден был «искать связи и единства действий... прежде всего у князя Переяслава-Русского, княжество которого составляло главный оплот против степи по Левобережью» [1].

Как известно, территориальной базой и источником постоянной военной опасности для Переяславской земли были широкие Приазовские степи, раскинувшиеся от Волги до Днепра. Сюда во второй половине XI в., вытесняя торков-узов, вторглись половцы (*кумани* — в византийских, *кипчаки* — мусульманских источниках) *. Общая площадь степной территории, занятой половцами, местонахождение главных центров их кочевий установлены историко-географическими исследованиями К. В. Кудряшова и С. А. Плетневой [2]. На Левобережье, у

---

* О разных названиях половцев см.: *Расовский Д. А.* Половцы // SK.— Praga, 1935.— Т. 7.— S. 252—258. Происхождение племенного названия *половцы*, на наш взгляд, следует выводить от славянского слова *половый (бледно-желтый)*, а отсюда — *желтолицый* (а не *белокурый*, как считал Д. А. Расовский) (*СУМ.*— Т. 7.— С. 87). По мнению Е. Ч. Скржинской, слово *половцы* родилось на Правобережье Днепра. Для «киян» это были обитатели *той («оной»), чужой* стороны Днепра (*об он пол — половцы*). В словаре М. Фасмера зафиксировано понятие *«онополец, онополовец» — живущий по ту сторону реки*, производное от церковнославянского *«об он пол»* (*Скржинская Е. Ч.* Опыт исторического исследования этникона // ВВ.— 1986.— Т. 46.— С. 255—276; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.— М., 1971.— Т. 3.— С. 142).

Днепровской Луки, находились становища «приднепровских» половцев, в бассейне р. Сутени (Молочной) — «приморских». Восточнее них, по обоим берегам Северского Донца, где находились города Шарукань (Осенев, Чешуев), Сугров и Балин, размещалась крупнейшая орда «донских» половцев. Кроме перечисленных центров половецких кочевий исследователи выделяют еще «лукоморский», «предкавказский», «поволжский», «таврийский». Небольшие орды «диких» половцев (половцев-изгоев), кочевали вдоль русского порубежья, неся сторожевую службу.

Таким образом, половецкие кочевья заняли все южные степи. С приходом половцев пограничное со степью Переяславское княжество стало жертвой бесчисленных набегов кочевников. Половецкие ханы стремились к расширению своих пастбищ, они грабили пограничные районы, сжигали села и города, угоняли в рабство мирное население «оукраин» Руси. Война и грабеж стали их постоянным промыслом.

Главными направлениями нападений кочевников на земледельческое население Днепровского Левобережья были древние северо-западные пути, по которым осуществлялись торговые связи Переяслава с Кавказом, Хазарией и Средней Азией. Первый из них пролегал вдоль левого берега Днепра («лугом») по пустынным солончакам к Зарубскому, Витачевскому и Трипольскому бродам, ведущим на правый берег Днепра. Второй путь проходил несколько восточнее: из Придонецких степей междуречьем Орели—Северского Донца и Кагамлыка—Тагамлыка к Лтаве и дальше через Голтав, Хорол, Лукомль к Переяславу. Эти два пути являлись кратчайшими на Переяславщину [3].

Еще один путь, наиболее часто используемый кочевниками для вторжений в пределы владений переяславского, черниговского, новгород-северского и курского князей, пролегал через среднее течение Мерла (притока Ворсклы), верховья Ворсклы и Псла к Вырю. Как известно, древнерусская крепость Вырь, расположенная на бойком степном перепутье, перекрывала пути проникновения кочевников к Путивлю, Чернигову, Новгороду-Северскому, Курску, в северо-восточные районы Переяславской земли, в частности, междуречье Удая—Сулы. Чрезвычайно трудно было определить направление основного удара половецкой конницы, проникавшей этим путем вглубь древнерусской территории. Поэтому путь с древнейших времен перекрывался земледельческим населением засеками, рвами, находился под бдительным наблюдением «сторожи». В XIII—XVII вв. им часто вторгались в русские земли татары. В «Росписи (путивльских) сторожей» этот путь упоминается в обратном порядке: «От Путивля станицам перевезтись Семь в Дороголиве на усть Выра, да ехати Выром вверх, да перелезти Выр у Русотина на усть Руды, да ко Пслу, а Псел перелезти у Липенского городища да в проходы, да на верх Боровли, да Боровлею на них да через колодезь рядом да к Ворсклу; а Ворскла перелезти у Буен Борку в Лосицах...» [4]

Как отмечалось, для борьбы с кочевниками уже в великокняжеский период древнерусской истории разрабатывалась соответствующая тактика и стратегия обороны «Русской земли». Она заключалась, во-первых, в стремлении к мирному решению всех спорных вопросов на совместных «снемах» правителей Руси и Половецкой земли; в строительстве порубежных валов (или рвов), обозначавших границу той или иной стороны; возведении засек, строительстве пограничных городов-крепостей, заселявшихся «лучшими мужьями» — выходцами из разных земель Руси. На пограничную или сторожевую службу приглашались порвавшие со степью «свои поганые» — торки, берендеи и другие тюркские племена. Когда отношения со степью обострялись, русские князья нередко держали оборонные отряды у Канева, Воиня (на Суле) и на других южных подступах к «Русской земле».

Наиболее действенной и результативной оказалась тактика борьбы с

половцами, разработанная Владимиром Мономахом. Она заключалась в активной дипломатической деятельности князя и одновременно в энергичных наступательных действиях русских дружин на Половецкую землю, организации рейдов вглубь территории кочевников с целью уничтожения наиболее враждебных Руси ханств.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КНЯЖЕСТВА

Продолжительная и успешная борьба Переяславского княжества с ордами половецких ханов была бы невозможна без хорошо отлаженной оборонительной системы, под которой подразумевалась общая схема обороны и расположения крепостей, валов и эскарпов, обеспечивавших относительную безопасность юго-восточной области Руси и ее стольного града. Остатки рвов и валов, которыми обозначались границы Южной Руси, в том числе Переяславской земли, а также оборонительных сооружений — городищ, зачастую органично входивших в их систему, сохранились до сих пор на Днепровском Левобережье, безмолвно свидетельствуя о титанических усилиях народа защитить неприкосновенность родной земли. В этой связи нельзя не затронуть проблему так называемых «Змиевых валов», являющихся (в силу их недостаточной исследованности) интереснейшей загадкой древней, средневековой и новой (но забытой) истории нашей Родины. Их исследования в концентрическом удалении от Переяслава, возможно, раскроют в будущем, как росла и развивалась территория этой феодальной области, как укреплялась и оборонялась усилиями раннефеодального государства и народа.

Вот уже более 150 лет, привлекая пристальное внимание научной общественности и краеведов-любителей, проблема «Змиевых валов» Среднего Поднепровья так и не нашла своего разрешения в главном — определении хронологических стадий в развитии этих грандиозных сооружений, простершихся от воронежских лесов до Дуная [5]. Одни исследователи датируют эти сооружения исключительно скифским временем, другие — антским, третьи — древнерусским, четвертые считают их памятниками многих поколений земледельческого лесостепного населения, пытавшегося оградить себя от вторжений степных кочевников [6]. Эта неопределенность отразилась и в советских энциклопедических изданиях. Так, в БСЭ отмечено, что время сооружения «Змиевых валов» не установлено: «Некоторые исследователи считают, что они возведены земледельческими племенами в I тысячелетии до н. э. для защиты от скифов. Существует также предположение, что «Змиевые валы» сооружали в X—XI вв. в Киевском государстве при князе Владимире Святославиче и его преемниках для обороны от печенегов и половцев» [7]. Краевед А. С. Бугай на основе радиоуглеродного анализа древесины из валов утверждает в УСЭ, что система укреплений создана с II по VII вв. н. э.[8]

Такое положение в исторической науке сложилось вследствие многих причин. Во-первых, из-за того, что валы как следует не изучались археологическим способом. Исследователи в своих построениях большей частью исходили из анализа очень кратких упоминаний о валах в немногочисленных письменных источниках, где прямых указаний на время их строительства не имелось [9]. Не опирающиеся на точные датирующие археологические материалы гипотезы ученых о времени строительства деревянно-земляных сооружений повисали в сфере предположений. Во-вторых, ошибкой многих исследователей можно считать то, что они рассматривали валы как подобие Великой китайской стены, т. е. исключительно как памятники древнего оборонного зодчества, и не проанализировали их с точки зрения элементарного функционального назначения: обозначать рубеж этнической и государственной территории. Этому в определенной степени содействовало утвер-

дившееся в отечественной историографии положение В. Н. Татищева о какой-то аморфности и неопределенности границ Древней Руси, в том числе ее составной Переяславской земли, якобы постоянно изменявшихся соответственно ходу борьбы с кочевниками. Даже в 40—50-х годах, несмотря на достижения в разрешении проблемы археологии, лингвистики, исторической географии, многие исследователи считали, что поиски таковых напрасны [10].

Вместе с тем прямые указания письменных источников («Письмо Бруно Кверфуртского», «Завещание» Ярослава Мудрого, решения Любечского съезда князей) заставляют верить в наличие четких как внутренних рубежей владений русских князей, так и внешних государственных границ. Так, в письме архиепископа Квертфуртского указывается, что князь Владимир провожал его «до последних пределов своего государства» [11], а Ярослав Мудрый перед своей кончиной завещал сыновьям «не преступати предела братня» [12]. В слово «пределы» явно укладывается содержание «рубеж», «межа», «граница», что подтверждает и Словарь русского литературного языка, где указано, что «предел — край, конечный пункт какой-либо области, земли, государства или местности, территория, заключенная в каких-либо границах» [13]. Что собой представлял этот «предел», указано в том же послании Бруно. Это протянувшаяся на очень большом пространстве засека [14].

Начало исследования длинных валов в пределах бывшего Переяславского княжества относится к середине прошлого века. Толчком к их изучению послужил один из вопросов программы I Археологического съезда (1869). Касался он валов близ Переяслава и имел следующее содержание: «Сохранились ли остатки древнего вала, уже бывшего при Владимире Святом южнее Киева на границе земли печенегов, и в каком виде?». Письменный ответ съезду дал видный украинский историк и этнограф М. А. Максимович. Он подробно описал положение на местности Большого и Малого переяславских валов, высказав пожелание относительно их топографической съемки [15]. В 1884 г. В. Б. Антонович описал и подготовил схематическую карту переяславских валов [16]. К концу XIX — началу XX в. относится деятельность по изучению загадочных сооружений знатока истории Переяславской земли того времени В. Г. Ляскоронского. К сожалению, пройдя пешком «вдоль и поперек» Левобережную Украину, историк не закончил составление сводной карты «Змиевых валов» вдоль Днепра, Сулы, Псла, Ворсклы и Орели [17]. Лишь в трудах XIV Археологического съезда им приведена схематическая карта этих грандиозных сооружений в районе Переяслава [18]. Следует заметить, что В. Г. Ляскоронский, в отличие от В. Б. Антоновича, датировавшего переяславские валы древнерусским временем, относил их сооружение к скифскому периоду истории Левобережья. На наш взгляд, именно эти два исследователя содействовали распространению в научной литературе термина «Змиевы валы» по отношению к валам, имеющимся на территории Украины, хотя в народе они чаще всего называются просто «вал», «валок», «ров», «канава», «фоса», «межа», реже — «кордон» (укр.), «граница» и т. п.[19] Исключением являются валы Прутско-Днестровского междуречья, давно и устойчиво называемые населением Траяновыми [20].

Значительный вклад в изучение топографии валов Левобережья внес историк и статистик Л. В. Падалка. Опираясь на труды предшественников, собственные наблюдения и исследования, он с помощью Полтавского губернского статистического комитета путем анкеты собрал данные и создал для своего времени наиболее полный вариант карты валов Полтавщины [21]. В последующие 60 лет в направлении изучения валов Левобережья чичего не было сделано. Кроме известной работы Е. Ковальчик, вышедшей в Польше, написанной в конце 60-х годов исключительно по письменным мате-

риалам [22], можно назвать лишь обобщающую статью И. М. Самойловского «Переяславские Змиевые валы», опубликованную в «Украинском историческом журнале» в 1971 г.[23] Касался проблемы «Змиевых валов» Левобережья историк М. Ю. Брайчевский, высказавший мнение о том, что эти сооружения — порождения классового общества и созданы в своем большинстве во время Великого переселения народов. Он один из немногих, кто указывал на возможность функционирования киевской системы валов в ранний период Древнерусского государства [24].

В 1976 г. началось археологическое изучение древних сооружений экспедицией «Змиевые валы» Института археологии АН Украины, возглавляемой М. П. Кучерой, в составе которой принимал участие и автор данного исследования. Члены экспедиции составили топографическую карту валов Среднего Поднепровья, изучили их типологию (сооружения отличаются размерами, конструктивными особенностями, расположением на местности), разработали способы их датировки [25]. Полученные датирующие материалы дали возможность в ряде случаев реконструировать последовательность сооружения валов на Днепровском Левобережье, определить их функциональное назначение.

Итоги изучения «Змиевых валов» за последние 15 лет подведены в монографии М. П. Кучеры «Змиевы валы Среднего Поднепровья» (Киев, 1987). Исследователь на основе различных данных пришел к выводу, что валы относятся к древнерусской эпохе и являются остатками больших оборонительных линий, строившихся феодально зависимым населением Киевской Руси. По его мнению, область распространения «Змиевых валов» ограничивалась только Средним Поднепровьем. Южнее Сулы и Роси «Змиевых валов» никогда не было (?) [26]. Последнее утверждение ученого, однако, недостаточно аргументированно. Имеется ряд убедительных свидетельств источников о существовании «Змиевых валов» на Левобережье южнее отмеченного рубежа.

В пределах исторической территории Переяславской земли X—XIII вв. ныне выявлены такие порубежные линии: в северянской ее части — Перекопский вал (от — *перекоп, межа*), разделивший степной коридор между верховьями рек Коломак и Мжа; линии валов вдоль среднего течения Ворсклы, Псла, Голтвы в уличско-полянской части — Поорельский (или «Половецкий»?) вал; Шишацкий вал междуречья Псла и Ворсклы; Посульская линия валов и эскарпов от устья Сулы до Лубен; Большой и Малый переяславские валы; Ташанский вал; Поднепровский вал; Канава вдоль левого берега Смолинки (известна еще как «ров засыпанный»); фрагменты валов в междуречье Сулы — Удая и др.

Одним из древнейших валов, судя по обнаруженному в нем кладу римских монет I—III вв. н. э., являлся Перекопский вал, насыпанный земледельческим (по всей видимости балтским) населением в лесостепном пограничье на торной дороге кочевников в Посеймье [27] еще в сарматское время. В древнерусский период, как можно полагать, вал продолжал выполнять роль границы (межи) между владениями северских князей и половецких ханов. Не исключено, что славянское наименование пограничного рубежа межой перешло и на соседнюю пограничную реку М[е]жу.

Системы валов вдоль рек Ворсклы, Псла, Голтвы, за исключением скифских городищ возле сел Бельское, Куземин, Опошня, Боголюбовское, Сосенка и Каменка, до сих пор не исследованы. Обследовавший Поворсклинье и Попселье, В. Г. Ляскоронский отметил лишь наличие вдоль правых берегов (а на отдельных участках и левых) указанных рек валов и эскарпов, аналогичных посульским [28]. Вполне возможно, что среди них исследователями будут вычленены сооружения древнерусского времени. Так, самый длинный, по мнению Л. В. Падалки, из уцелевших «Змиевых валов» на всем Левобережном Поднепровье Ши-

шацкий вал, протянувшийся от р. Ворсклы севернее Полтавы (в северо-западном направлении) до пгт Шишак Полтавской области (находится на левом берегу Псла), вполне мог преграждать путь проникновению кочевников в междуречье названных рек, густо населенных в их среднем и верхнем течении в роменское (VIII—IX вв.) и древнерусское время (IX—XIII вв.)

Очень важно для выяснения крайних южных рубежей Переяславской земли рассмотреть Поорельскую пограничную линию валов, выявленную В. Г. Ляскоронским. О существовании таковой свидетельствуют данные древнерусской летописи. Так, под 1223 г. в Лаврентьевской летописи имеется сообщение о наличии в южных пределах Днепровского Левобережья Руси земляного ограждения в виде вала, которое не посмели перейти татары: «... Проидоша бо ти Таурмению и всю страну Куманьску и придоша близь Руси, идеже зовется валъ Половечьскый» [29]. Местоположение последнего определить крайне сложно. Зная лишь приблизительные рубежи Половецкой земли по летописным сообщениям («... вся Половецьская земля, что же их межи Волгою и Днѣпромъ») [30] и получив в определенной мере их археологическое подтверждение (ареал распространения половецких статуй, по данным С. А. Плетневой, начинается южнее Орели), можно предположить, что названный вал располагался у крайнего северо-западного рубежа Половецкой (Куманской) земли, каким служила р. Орель и, очевидно, ее пр. Берестовая и Орчик.

В делах Правительствующего Сената по военной коллегии, ведавшего в 1731—1733 гг. строительством Украинской оборонительной линии по Орели, обнаружены некоторые данные, свидетельствующие о существовании вдоль правого берега рек Орель, Берестовая, Орчик каких-то более древних, возможно древнерусских, линий. В одном из докладов в Сенат о строительстве укреплений кроме всего прочего указывалось, например, что на одном из участков «снято старой линии» на 4 версты 399 м [31]. Что собой представляла эта «старая линия», в какое время (древнерусское, литовское, казацкое или более позднее?) она возведена — не указано. Впрочем, описание этой «старой линии» В. Г. Ляскоронским дает основание полагать, что рубеж по Орели мог быть возведен и в древнерусское время. Его могло насыпать как славянское население «Украины», так и «свои поганые».

Обследуя в начале нашего века Поорелье, В. Г. Ляскоронский отмечал, что для сооружения Украинской линии строители использовали более древние укрепления: округлые городища, ров и вал, тянувшийся от устья Орели до нынешнего Красноград [32]. Во многих местах ученый зафиксировал существование двух параллельных линий: древней и новой, т. е. Украинской. В первом случае вал неуклонно придерживался края высот поорельского правого берега, пролегая не только по горе, но и по склонам гор и даже по долинам, они пересекали нагорные высоты, между тем как второй вал проходил исключительно по нагорной части берега, придерживаясь в основном главенствующих над окрестностью высот *. В. Г. Ляскоронский указал на существование в цепи древних валов также городищ округлых, перестроенных по новым требованиям фортификационного искусства в бастионы (в 30-е годы XVIII в.). Как и все ранее встречавшиеся подобные сооружения по Трубежу, Суле, Пслу и Ворскле, исследователь датировал их скифским временем. Вместе с тем есть все основания датировать эти пограничные сооружения древнерусским временем, а именно XII—XIII вв. К сожалению, на сегодня рассмотренные выше памятники оборонного искусства Левобережья, кроме Поднепровского вала, не стали объектом пристального и систематического археологического изучения.

* Разведочной поездкой в Поорелье археологическая экспедиция ИА АН Украины под руководством М. П. Кучеры не выявила «Змиевых валов».

Топографическое положение наиболее северного вала, существовавшего в пределах Переяславской земли древнерусского времени, следующее: он пролегал на расстоянии 75 км от изгиба Десны у Моровска к Нежину параллельно течению р. Смолинки, разграничивая владения черниговского и переяславского князей. С выделением Остерской волости в отдельное древнерусское княжество ров, по-видимому, обозначал его северный рубеж. Остался он таковым и в Литовском княжестве, обозначая предел одноименного повета. В дальнейшем здесь сооружена засечная черта [33]. После объединения Левобережной Украины с Россией ров вдоль Смолинки был засыпан. Осталось лишь его изображение на карте Рицци Заннони [34].

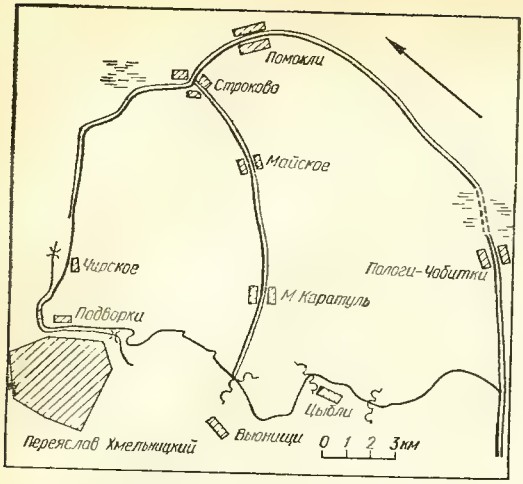
Интерес у исследователей вызывает система переяславских валов, обстоятельства возникновения которой не до конца выяснены. Первый — Большой (названный так М. А. Максимовичем по грандиозности насыпи) переяславский вал проходил в 12 км южнее Переяслава-Хмельницкого. Он тянулся от днепровской поймы, где, по всей вероятности, смыкался с Поднепровским валом, мимо с. Вьюнище, через села Малая Каратуль, Строкова, постепенно поворачивая на запад и доходил до с. Гайшин [35]. Второй — Малый переяславский вал (по М. О. Максимовичу) проходил на расстоянии 12—15 км от первого и в 15—20 км от Переяслава. Он начинался у с. Городище, тянулся через села Вергуны, Чобитькы, Помокли к с. Строкова, где, соединившись с линией первого вала, доходил до р. Трубеж *. Характерно, что возле обоих валов на противоположной Переяславу стороне находится глубокий ров, свидетельствующий о защитном устройстве сооружений от нападений со стороны степи. Малый вал представлял собой не самостоятельную линию вала, а дополнительную к Большому и, вероятно, сооружен позже для расширения огражденной земельной площади Большим валом. Следует отметить, что от Малого вала в северной части его дуги отходил к Супою еще один вал — Ташанский. Характерно, что ров этого вала находился с северной стороны, как бы защищая пространство между Супоем и Малым валом. Очевидно, названная река служила первой линией многоэшелонированной обороны столицы Переяславского княжества. Преодолеть быстро и незаметно Супой, Малый и Большой валы с их глубокими рвами, а затем еще и Трубеж было нелегко. Внезапность нападений кочевников с юга на Переяслав практически исключалась.

Первое летописное упоминание переяславских валов относится к 1095 г., когда половецкие ханы Итларь и Китан подошли к Переяславу, желая заключить мирный договор с князем Владимиром Мономахом. Китан «ста межи валома с вои» [36]. В 1149 г. во время борьбы с Изяславом Юрий Долгорукий перед генеральным сражением выбрал тоже место у Переяслава «межи валома» [37]. Очевидно, эта территория была удобна для обороны и летописное упоминание валов не случайно.

Относительно времени и мотивов насыпки переяславских валов у исследователей нет единого мнения. Так, М. А. Максимович, опираясь на летописное сообщение 998 г. о строительстве киевским князем Владимиром городов по Трубежу, предполагал, что и двойные валы южнее Переяслава построены в конце X в.[38] Л. В. Падалка (записавший народное поверье о том, что Большой переяславский вал ограждал «княжеское подворье»), склонялся к мысли о строительстве его во второй половине XI в.[39] Причем исследователь считал, что при сооружении вала главную роль сыграл не мотив обороны города, а прежде всего хозяйственные нужды князей, содержавших огромные табуны лошадей для своих дружин. Необходимость ограды княжеских пастбищ и обусловила возведение этих сооружений.

---

* Согласно расчетам М. П. Кучеры, длина внешнего вала составляла 51 км, внутреннего — около 16, поперечного отрезка к р. Супой — 7,5, а в целом — 74 км (*Кучера М. П.* Змиевы валы... — С. 59).



План переяславских валов (по Б. А. Шрамко)

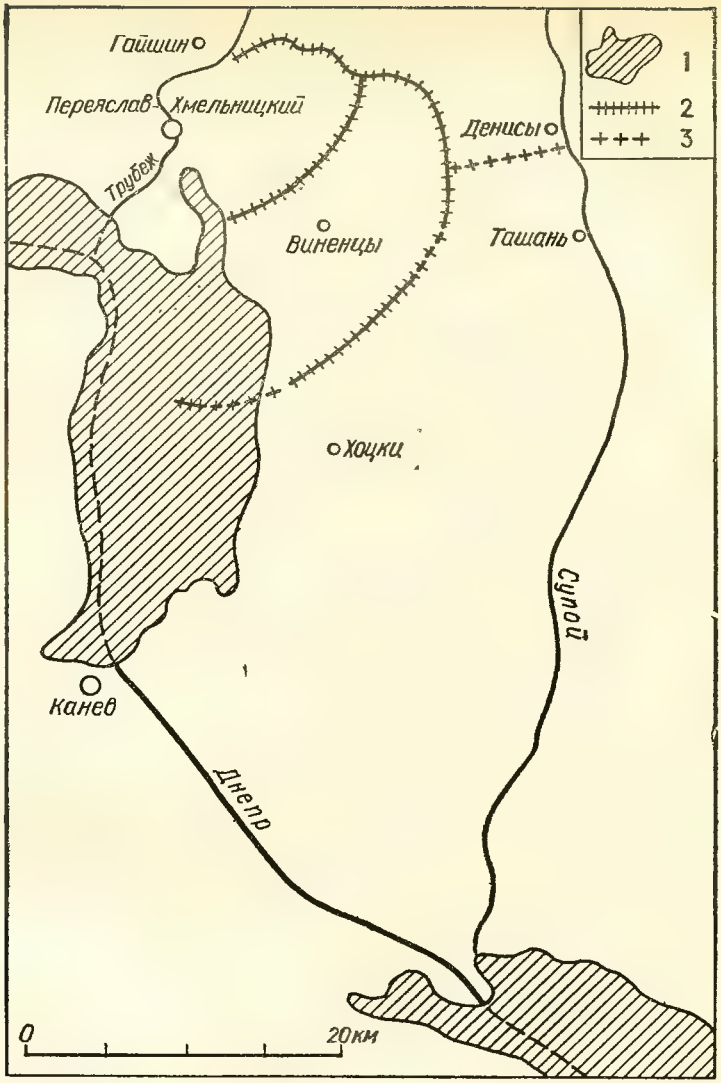
Б. А. Рыбаков, обследовавший переяславские валы в 1945 г., увидел в этих грандиозных насыпях скифское городище — подобие Бельского над Ворсклой [40]. Гипотезу ученого подтвердил Б. А. Шрамко. В 1966 г. он провел большие разведывательные работы на территории, ограниченной переяславскими валами, и составил их глазомерный план, наиболее точный среди известных планов [41]. По его мнению, эти валы — остатки крупного городища раннескифского периода [42]. М. П. Кучера считает допустимой возможность использования валов городища для защиты Переяслава в древнерусское время [43]. Не исключено, однако, что внешний вал использовался для военных нужд и в более позднее время, о чем свидетельствует наличие в его «дуге» прямолинейных отрезков, не характерных ни для скифских, ни для «Змиевых валов» средневековья *.

Оба переяславских вала, как уже отмечалось, соединялись с грандиозным Поднепровским валом, протянувшимся на 150 км вдоль песчаной надпойменной террасы левого берега Днепра. Он как бы окаймлял с запада территориальное ядро княжества, служил предупреждением жителям Правобережья и кочевникам о начале владений переяславского князя. Поднепровский вал начинался против устья Стугны (у нынешнего с. Кийлова Переяслав-Хмельницкого района) и продолжался непрерывно за Сулу, обрываясь у нынешнего г. Градижска Глобинского района на Полтавщине [44]. Обращает на себя внимание то, что более поздний рубеж, установленный между владениями киевского и переяславского князей в этом районе (по Карани), не совпадал с Поднепровским валом.

Появление на Левобережье огромного Поднепровского вала в определенной степени загадочно. Факт прохождения его через раннеславянское поселение V—VII вв., установленный экспедицией «Змиевы валы» в 1979 г. [45], свидетельствует о том, что вал сооружен позднее указанного времени. Подкупает взаимосвязь Поднепровского вала с Посульским и Постугнянским, что натолкнуло исследователей на мысль о сознательном и одновременном их планировании и строительстве в древнерусское время. Исследования «Змиевых валов» у с. Лепляво Каневского района Черкасской области (Поднепровский вал) и хутора Хлебча Васильковского района Киевской области (Постугнянский вал) археологической экспедицией Института археологии АН Украины как будто подтвердили эти предположения. На отдельных участках этих валов выявлены общие технические приемы строительства с применением так называемой решетчато-перекладной конструкции, характерной для западнославянского оборонного строительства IX—XIII вв. ** Наличие однотипной конструкции в обоих валах позволяет говорить о том, что они одновременны и, очевидно, сооружены или реконструированы на отдельных участках

* Переяслав и подступны к нему усиленно укреплялись в 1709 г. по распоряжению Петра I. Причиной были донесения разведки о том, что шведы «марш свой правят к Переяславлю» (*ЦГАДА.*— Малороссийские дела 1709 г., № 18, л. 67—68 об.; *Письма* и бумаги Петра Великого.— М., 1950.— Т. 9, вып. 1.— С. 29; вып. 2.— С. 588, 929—933).

** Кроме того, у подошвы Постугнянского вала найден железный топор X—XI вв. (*Кучера М. П., Юра Р. О.* Новые данные о «Змиевых валах» Среднего Поднепровья.— С. 90—91).



Сводный план переяславских валов (по М. П. Кучере):

1 — Каневское и Кременчугское водохранилища; 2—3 — «Змиевые валы»

при Владимире Святославиче, когда южная граница Киевской Руси проходила в Среднем Поднепровье по Стугне, Днепру и Суле. Все было бы хорошо, если бы выявленные технические приемы строительства валов не применялись на столь продолжительном отрезке времени или прослеживались бы на всем протяжении насыпей. К сожалению, в большинстве валов деревянные конструкции отсутствуют.

После VII в. общеполитическая ситуация в Среднем Поднепровье складывалась неоднократно так, что Левобережье и Правобережье оказывались в сферах влияния разных государственных образований, вследствие чего рубеж мог проходить по Днепру. Так могло случиться в условиях политического противостояния Хазарского каганата и южнорусского государственного образования 30-х годов IX — 80-х годов IX в. Поднепровский вал мог быть насыпан впервые при Владимире в конце X в. и 1026 г., когда Яро-

слав и Мстислав «разделиста по Днепру «Русскую землю». Наконец, он мог обозначить западный рубеж Переяславского княжества и после раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава. Обращает на себя внимание и тот факт, что Ирпенско-Постугнянско-Днепровская линия валов, переходящая у Градижска (польское наименование) опять на Правобережье, как в капле воды отражает польско-русский рубеж 1768—1774 гг., обозначившийся на местности также рвом и валом [46]. Вполне очевидно неоднократное использование Поднепровского рва и вала в качестве межгосударственного рубежа.

С Поднепровской линией в свою очередь тесно связана система укреплений вдоль Сулы. С конца X в. именно эта река становится устойчивым юго-восточным рубежом Руси. В течение всей древнерусской истории Посульская оборонительная линия несла основную тяжесть по отражению нападений половцев с юга и юго-востока. Расположенные вдоль правого высотного берега 30 городищ контролировали броды и переправы, не давая возможности кочевникам незаметно проникать в «Русскую землю» из степи. С особой тщательностью укреплялась переяславскими князьями Нижняя Сула — отрезок берега от устья реки до Лубен, перекрывавший 100-километровый степной коридор, протянувшийся от Орели до верховьев Сулы. Даже в начале XII в. тут строились новые крепости Желни, Лукомль и др. Правый берег на этом участке усиливался валами, одно- и двухъярусными эскарпами, связывавшими городища в неразрывную цепь. Приложенные титанические усилия по обороне южных подступов к столице княжества дали свои результаты. Половецкие ханы все реже пытались прорваться к Переяславу напрямик. Они вынуждены были использовать для своих целей окружные пути через Верхнее Посулье и поудайские переправы.

К началу XII в. Сулу, на наш взгляд, нельзя уже рассматривать (как и Постугнянскую линию на Правобережье) крайним или внешним рубежом государства. Ее функции переходят к более южным рекам Киевской Руси — Пслу, Ворскле, Орели, где возникают древнерусские сторожевые заставы, поселения изгоев-бродников, «своих поганых» и пр.

Обратимся теперь к истории строительства валов и городищ на Днепровском Левобережье. На сооружение валов в X — начале XI в. указывают многочисленные памятники народного эпоса, корни которого уходят в так называемое «богатырское» время Киевской Руси, а также старинные предания и сказки. Так, в народных сказках о Никите Кожемяке, записанных в середине XIX в. П. А. Кулишем на Украине и А. Н. Афанасьевым в России, рассказывается, как змий с богатырем землю между собой делили, межу «трехсотпудовой сохой» пропахивали «от Киева до моря Кавстрийского» [47]. Образ сказочного Кожемяки очень близко напоминает Кожемяку летописного и былинного, который помог князю Владимиру одолеть печенегов на Трубеже. Нельзя не вспомнить в этой связи змееборческих легенд о Козьме и Демьяне * — «цикле фольклорных тем, связанных с Киевом, Переяславом и ... княжеской Киевской Русью» [48], в которых повествуется о том, как два кузнеца запрягли Змея и пропахали вдоль Днепра гигантские борозды, называемые «Змиевыми валами».

Следует отметить, что козьмо-демьянские легенды о кузнецах-змееборцах возникли одновременно с былинами «Добрыня и Змей», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и другими, т. е. в эпоху Киевской Руси конца X—XI в., когда восточные славяне вели наиболее упорную борьбу с кочевни-

* В украинских легендах о кузнецах-змееборцах божественные кузнецы действуют очень часто под именами христианских святых Козьмы и Демьяна или не менее популярных — Бориса и Глеба (*Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 540). Мы не разделяем мнение исследователя о том, что эти легенды относятся к первобытной эпохе.

ками Приазовских степей. Поэтому в змееборческих легендах следует видеть реальные события древнерусской эпохи, несколько преувеличенные и видоизмененные.

Из летописного известия, почерпнутого из народного эпоса, корни которого восходят к VII в., широко известен факт, как обры запрягали в повозки дулебских жен. Вполне возможно, что в отместку за систематическое опустошение Южной Руси, грабежи, пленных половцев запрягали в плуг и пахали ими землю, чтобы они знали, какой ценой достается земледельцу хлеб насущный. Так поступали, в частности, с пленными поляками волохи в XV в. «Побравши многих в неволю, в плуг запрягали, орали ними и жолуды засевали» [49]. Не исключено использование рабского труда подневольных кочевников в строительстве засечных линий на южнорусских границах, отсюда — прецедент для возникновения легенды.

Указания древнерусских летописей на строительство городов Владимиром и отсутствие данных о сооружении линий между ними, очевидно, можно объяснить только лаконичностью летописных сообщений. О строительстве грандиозных укреплений Переяслава и Киева в летописи сообщено следующее: «Заложи городъ на бродѣ томь, и нарече и Переяславль» [50], «заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата» [51]. Между тем даже приблизительные расчеты, проведенные П. А. Раппопортом, показывают, что «город Ярослава» — 3,5-километровые грандиозные крепостные стены «строил» не князь по мановению волшебной палочки, а свыше 4 тыс. человек, согнанных со всех земель в столицу *. О них, «черни» — челяди, колодниках, феодально-зависимых крестьянах, а также ремесленниках, талантливых зодчих и фортификаторах, подлинных творцах созданного, княжеский летописец умалчивал.

В последующий период истории великие князья, по всей вероятности, продолжали закреплять отвоеванные у степняков территории созданием вдоль южнорусских рек новых порубежных линий, раздвигая постепенно территориальные пределы своих владений. Не случайно под 1032 г. «Повесть временных лет» отмечает постройку городов по Роси [52], т. е. на еще более южном, чем Стугна, внешнем рубеже государства. О том, что и Поросская линия вскоре осталась позади (внутри государственной территории), свидетельствует то, что в XII в. киевские князья уже беспечно ходят «на ловы» до устья Тясмени [53].

В тот период, безусловно, продолжало укрепляться и Днепровское Левобережье, во многих отношениях более уязвимое, чем Правобережье. Так, летопись под 1116 г. сообщает о строительстве сыном Владимира Мономаха Ярополком Владимировичем на самом опасном участке Посульской оборонительной линии очередной крепости г. Желни (в низовьях Сулы) [54] и заселении ее пленными дручанами (очевидно, жителями г. Дрютеска Полоцкого княжества). По нашему мнению, не позже киевского княжения Владимира Мономаха и его сына Мстислава, загнавшего, как сообщается в летописи, половцев за Железные врата, Яик и Волгу [55], создавались древнерусские форпосты на Хороле, Псле, Голтве и Ворскле. В последующий период истории они обеспечили выход Руси на Орель и Северский Донец, создание пограничной линии с Половецкой землей — Половецкого вала.

В самом названии линии «Половецкий вал» заложена народная память о том, против какого врага служила она защитой **. Нахождение в юго-восточном пограничье Переяславской земли многочисленных топонимов типа Змиев курган, Змиева балка,

---

* В расчеты вошла только насыпка вала — 630 тыс. м³ земли. Кроме вала в состав укреплений входили не учтенные наземные деревянные стены, а также многочисленные ворота, в том числе такие большие каменные сооружения, как Золотые.

** Аналогично этому в XVII в. Белгородская засечная черта называлась местными жителями «Татарской» (Археологическая летопись // Киевская старина.— 1900.— Ноябрь.—С. 125).

г. Змиева и Половецкого вала проливает свет на этимологию названия исследуемых сооружений [56]. Наименование, например, пограничного Змиева явно говорит о том, что он был половецким становищем, получившим свое название от проживавшего в окраинных пределах Древнерусского государства славянского населения. Официальный летописный термин «половецкий» отвечает, судя по всему, народному «змиев» *. Это видно из того, что летописец только во гневе и злобе применяет его по отношению к половцам, половецким ханам, называя их «змиевыми головами» [57]. Объяснение наименования славянами степняков «змиями», очевидно, следует искать, как верно отметила Е. Ковальчик, в тотемном символе тюрков: змее-драконе [58]. Его они изображали на своих боевых стягах, им «присягались на роте», т. е. давали клятву. Особенно созвучно это наименование половцам-кипчакам, которые еще на Алтае в VII в. жили в долине Чжелян — «Змея» [59]. Исходя из этого, можно предположить, что уже в древнерусское время летописный Половецкий вал вполне мог именоваться в народе «Змиевым».

Как отмечалось выше, среди ученых есть много противников датировки валов Среднего Подпепровья периодом раннего средневековья. Отрицая строительство валов в великокняжеское и более позднее время, некоторые исследователи в своих построениях ссылаются на «большой объем работы», якобы непосильной Древнерусскому государству, на то, что к XI—XII вв. изменилась стратегия и тактика и пр.[60] Все это не вполне аргументированно.

Деятельность Владимира Святославича по укреплению государственных рубежей совпадает по времени с осуществлением аналогичных мероприятий, проводимых его современниками — германскими императорами [61], правителями Венгрии — страны, которая, по заключению Д. А. Расовского, является классическим государством подобного рода укреплений [62]. При этом следует отметить, что в Венгрии даже внутри страны между иноэтническими племенами проводились линии в виде засек — *дуерй (дьепу)* [63].

Анализ орудий труда, которыми пользовались строители Украинской линии [64], показывает, что все названные инструменты применялись и в древнерусский период истории. Поэтому расхождения в сумме времени, затраченном на строительство 1 км вала, при одинаковой организации труда, в X—XI вв. и начале XVIII в., должны быть невелики. В 1731 г. 30 тыс. казаков и крестьян [65] за семь месяцев построили 120 верст Украинской линии [66]. Примерно столько же рабочих (26 тыс.) по подсчетам Е. Ковальчик необходимо было для строительства в течение года (150 рабочих дней) первого Трипольского вала [67] длиной около 120 км (нормы выработки для X—XI вв. разработаны П. А. Раппопортом на основе «Урочного положения для строительных работ» середины XIX в.) [68]. Отсюда можно сделать вывод, что построить 400 км валов [69] и эскарпов вдоль Остра, Стугны, Днепра и Сулы в период высшего расцвета и могущества Древнерусского государства не составляло особой трудности, тем более что значительная часть валов, судя по всему, только реконструировалась.

Относительно утверждений об изменении стратегии и тактики к XI в., высказанных рядом исследователей [70], следует отметить, что они тоже необоснованны. Менялись на юге кочевые народы, но их разбойничьи методы внезапных опустошительных нападений были идентичными. Поэтому в Литовском и Русском государствах сооружают «засечные черты» в XIV и XV, XVI и XVII вв.[71] Стоял этот вопрос на повестке дня и в начале XVIII в., когда укреплялось украинское пограничье между Северским Донцом и Днепром [72]. И только во вто-

---

* С. А. Плетнева справедливо рассматривает фольклорный образ змея как олицетворение степняков-кочевников, конных воинов, сжигавших деревни и города (*Змей* в русской сказке // Древние славяне и их соседи.— М., 1970.— С. 129—131).

рой половине XVIII в., когда Крымское татарское ханство — последний «осколок» Золотой Орды фактически перестало угрожать Русскому государству, правительство отказалось от устройства традиционных линий. В проекте 1764 г., поданном на «высочайшее» рассмотрение — «как границу учинить» от устья Самары до устья р. Луганчик, императрице Екатерине II предлагалось: «Такую линию, какова была прежняя (т. е. Украинская) земляным валом деланная, ненадобно делать»[73]. «Быть по сему» — такова резолюция императрицы.

На основании вышеизложенного по вопросу происхождения и функционального назначения «Змиевых валов» в пределах Переяславской земли можно прийти к таким выводам:

Рассмотренные сооружения — «Змиевые валы» Днепровского Левобережья являются порубежными линиями, проложенными между этническими и государственными образованиями в различные периоды, в том числе и в период сложения и развития государственной территории Древней Руси.

Определение времени сооружения городищ, валов и эскарпов в концентрическом удалении от Переяслава раскроет в будущем, как росла и развивалась территория данной феодальной области. При этом мы не отрицаем возможности неоднократного использования естественно-географических условий одной и той же местности для сооружения или возобновления земляных ограждений в разные периоды истории, как, например, на Орели, вдоль Днепра, Смолинки, Стугны, в междуречьях рек Коломак и Мжа, Ворскла и Псел, что требует от исследователя тщательного их изучения и датировки на основе комплекса источников.

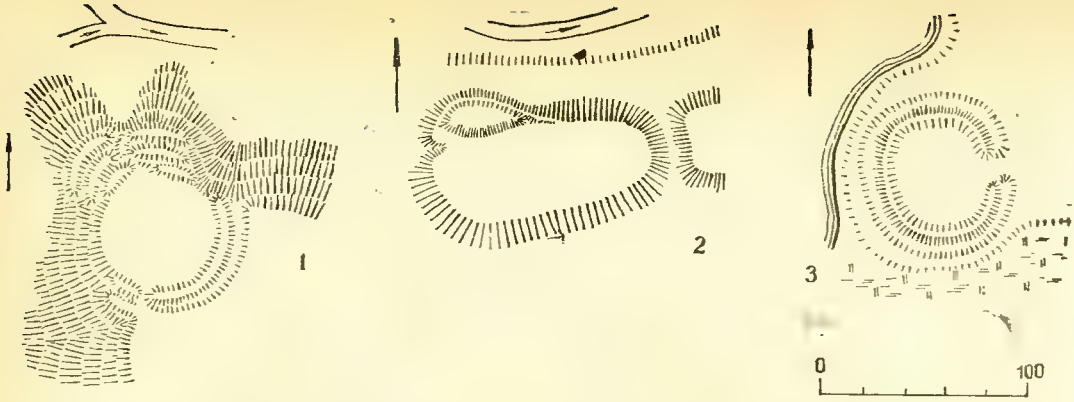
«Змиевые валы» и эскарпы вдоль высоких берегов рек Левобережья, особенно Сулы, Псла, Ворсклы, следует рассматривать в неразрывном единстве с городищами, игравшими первостепенную роль в обороне государственных территорий.

Вполне возможно, что в целях защиты некоторых территорий от нападения извне при их сооружении играл, кроме всего прочего, определенную роль мотив хозяйственный (скотоводческий). Например, Большой переяславский вал мог действительно ограждать по сохранившейся народной традиции «княжеское подворье» — левобережье Трубежа, прилегавшее к городу[74]. Подтверждением этому, например, служит факт угона отсюда ханом Боняком коней (очевидно, княжеских), описанный в летописи[75]. Мы не поддерживаем положение, высказанное Л. В. Падалкой о преобладающей роли хозяйственного (скотоводческого) мотива при сооружении валов[76] на всей территории Левобережья.

Система ограждения территориальных пределов в средневековье не составляла особенностей Киевской Руси. Она широко применялась в Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, других странах.

Объяснение названия валов «змиевыми» следует искать в тотемном символе тюрков «змие-драконе».

Более эффективным, чем возведение на значительном расстоянии засек, для обороны рубежей Переяславского княжества было строительство в ее пограничных районах рядом с крупными населенными пунктами городов-крепостей. Во время вражеских нападений в такого рода укреплениях могло прятаться население не только этого поселения, но и близлежащих сел. Анализ летописных сведений показывает, что половцы редко применяли осаду («облежание») и штурм подобных крепостей, предпочитая им «изъезд» — молниеносный конный набег вглубь русской территории с целью ограбления сел, захвата пленных и скота. Строительство на путях проникновения кочевников к жизненно важным центрам Переяславщины (на бродах, у переправ, рядом с засекой) городков-крепостей в значительной степени затрудняли набеги половцев, делали их или вовсе невозможными, или по крайней мере не внезапными. По мнению специалиста в области древнерусского



Планы древнерусских городищ:
1 — Лохвица (Высокие Лазирки); 2 — Ганвщина; 3 — Сенча (Самсонов остров)

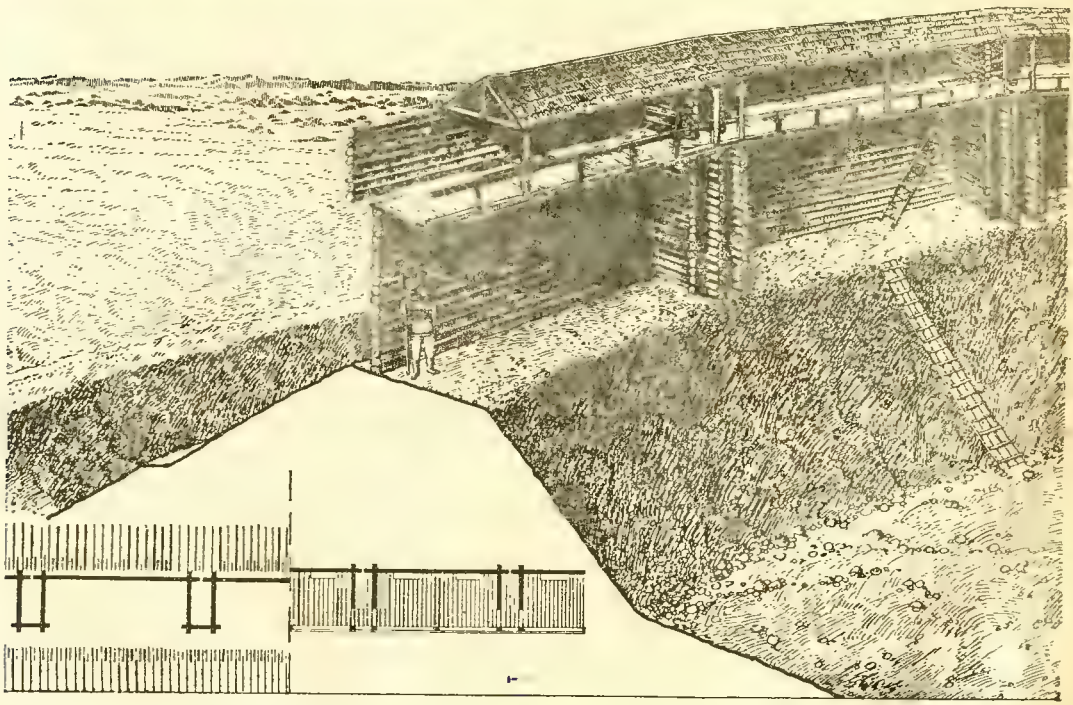
оборонительного зодчества П. А. Раппопорта, «строительство укрепленных поселений близ границы со степью было наиболее действенным методом борьбы с вторжением кочевников» [77].

Именно поэтому переяславские князья, как киевские, черниговские, новгород-северские и галицко-волынские, придавали этому строительству такое большое значение. Анализ летописных известий, материалов археологических исследований, позволяет выделить в процессе создания системы обороны Днепровского Левобережья три хронологических периода, в течение которых строилось большинство укрепленных поселений: конец X — начало XI в. (при Владимире Святославиче); конец XI — первая половина XII в. (при Владимире Мономахе и его сыне Ярополке); а также в последней четверти XII в. (при Владимире Глебовиче), что в принципе совпадает с хронологическими стадиями возведения засечных черт («Змиевых валов») в Древнерусском государстве, выявленными исследованиями М. П. Кучеры.

Наиболее значительное количество древнерусских городищ на Днепровском Левобережье, по подсчетам Ю. Ю. Моргунова, возникло во второй период формирования оборонительной системы Переяславского княжества, а именно 48 из 69 известных, что составляет 67,5 % общего числа [78] По наблюдениям исследователя, эта группа населенных пунктов выделяется на фоне других высокой степенью стандартизации укреплений, постройкой их по заранее намеченному плану с заданным комплексом оборонительных требований и определенной социальной нагрузкой. Это были городища главным образом круглой и полукруглой в плане формы, имевшие значительные тактические преимущества перед другими подобными укреплениями. Их значительно легче было планировать, возводить и главное оборонять. Они не требовали обязательной привязки к рельефу окружающей местности, что было прогрессивным достижением древнерусских фортификаторов. Округлые городища княжеские городники успешно возводили на ровных плато, на всхолмлениях среди болот, пологих склонах берегов рек, у переправ и на возвышенностях. Как отмечалось, в пограничных районах Переяславской земли эти города населялись специальными русскими отрядами, «нарубавшимися» из «лучших мужей» северорусских земель и насильно переселявшимися на юг. Известны случаи поселения в них и «своих поганых» — берендеев, торков и др.

Привлечение на службу к переяславскому князю союзных Руси кочевников и заселение ими тревожного пограничья с Половецкой землей, являлось следующим важным мероприятием по защите Переяславской земли. Торки и берендеи, вытесняемые из Приазовских и Донецких степей половцами, во второй половине XI в. кон-

Вид города Переяславской земли XI—XII вв. (по П. А. Раппопорту)



Реконструкция оборонительной стены древнерусского города (по П. А. Раппопорту)

центрировались на Левобережье главным образом в междуречье Сулы — Орели («Украине»), постепенно инфильтрируя на Правобережье в Поросье и более северные районы Переяславского, Киевского и Черниговского княжеств, где создавались из их поселений своеобразные заслоны, препятствующие половецким набегам.

О поселении торков в Переяславском княжестве есть ряд свидетельств древнерусских летописей. Так, под 1080 г. сообщается о восстании против правящей верхушки Руси «переяславских торков» [79], недовольных, очевидно, какими-то ограничениями их «автономии» в составе Переяславского княжества. Под 1095 г. имеется известие об использовании Владимиром Мономахом торков для уничтожения дружины Китана [80]. В 1096 г., по рассказу переяславского князя, к нему пришла из степей новая группа торков из рода Читиевичей [81]. Из исследований А. Н. Стороженко, В. Г. Ляскоронского и Д. А. Расовского вытекает, что торки расселялись в пределах Переяславской земли, главным образом в самых уязвимых местах ее пограничья — в низовьях Сулы, Супоя, Трубежа и в верховьях Ромна, Остра и Удая. Сегодня известия письменных источников подтверждены рядом археологических открытий. Близ г. Лохвицы и с. Бербеницы на Полтавщине выявлены и исследованы древнерусские городища XII в., населенные в свое время торками, несшими пограничную службу на одном из узловых участков Посулья [82].

Содержалось определенное число торческой конницы в районе, непосредственно примыкавшем к Переяславу. У внутреннего (Большого) вала, опоясывавшего пространство на юг от столицы княжества, до сих пор существует две деревни: Малая и Великая Каратуль (*кара — черный, туль — шапка* — Черный клобук?), вероятно, память о черноклобукских поселениях древнерусского времени [83]. О торческих поселенцах близ Переяслава свидетельствует также упоминание пограничной с киевскими владениями деревни Карань (западнее Переяслава) [84].

Необходимо подчеркнуть, что оборона Переяславской земли в конце X—XI в. строилась главным образом на укрепленной местности, засеках, расположенных в основном на юге и отчасти юго-востоке (в Поудайе), т. е. как раз на тех направлениях, откуда чаще всего можно было ожидать кочевников. С конца XI в. угроза нападений кочевников с указанных направлений еще более возросла, поэтому укрепление Посулья и Поудайя продолжается. Однако наряду с южным и юго-восточным направлениями в конце XI — первой половине XII в. укреплялась оборона северных и северо-восточных рубежей Переяславской земли. Так, в конце XI — начале XII в. на бродах через Остер строились города Остер и, по всей вероятности, Нежатин, возникли торческие поселения у Баруча и Бронь княжа [85]. Усиление северных и северо-восточных рубежей было связано с негативными тенденциями в социально-экономическом и общественно-политическом развитии Древней Руси, наметившимися после смерти Ярослава Мудрого, углублявшимися обособлением отдельных земель, усилением феодальных распрей между Рюриковичами, в частности между черниговскими и киевскими, ростово-суздальскими и киевскими князьями и т. д. «Раздоры феодалов,— характеризовал феодальные усобицы Ф. Энгельс,— приводили к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране» [86]. В связи с развитием феодальной раздробленности на смену обороне общерусских границ складывается оборона границ каждого феодального княжества в отдельности.

В оборонительной системе Переяславской земли к началу XII в. сформировались три четко выраженных оборонительных сектора: северный — по Остру, восточный — по Удаю и южный — по Суле. Кроме укрепленной линии по Суле созданы сторожевые посты на Псле, Ворскле, Орели.

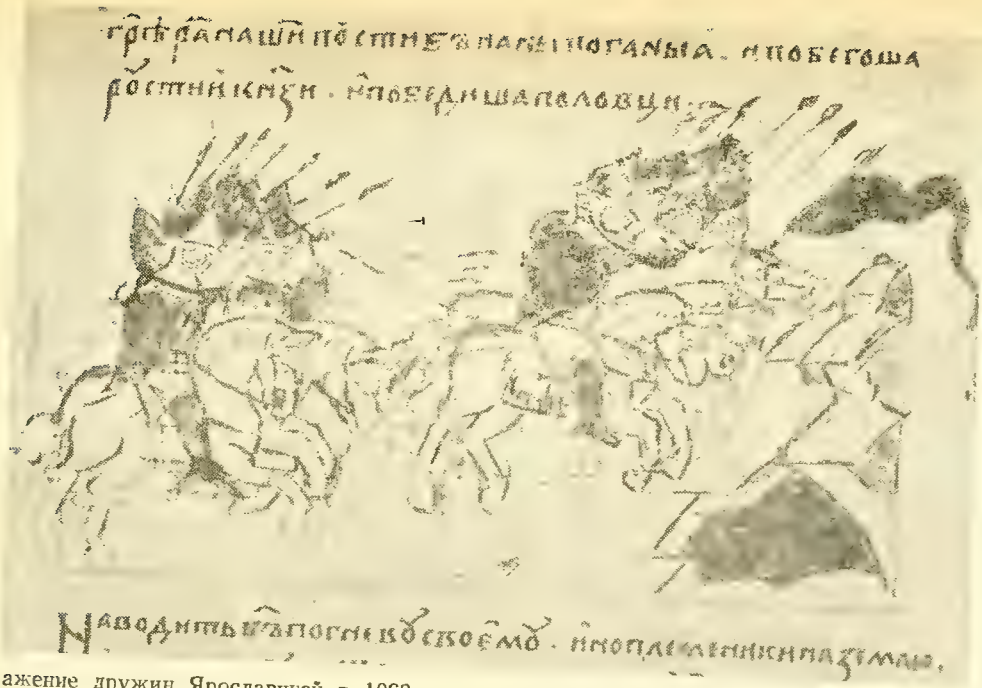
С выделением Остерской волости в отдельное феодальное княжество в 30-е годы XII в. оборона северных границ Переяславского княжества, по-видимому, перестала существовать как более или менее организованная система. Вместе с тем забота переяславских князей о южной и юго-восточной границе вплоть до нашествия орд Батыя оставалась актуальнейшей задачей.

ВОЙНЫ С ПОЛОВЦАМИ

Начало установления политических отношений Переяславского княжества с Половецкой землей восходит к 1054 г. «В семь же лете приходи Болушь с Половьци и створи Всеволодъ миръ с ними и возвратишася (Половци) вспять, отнюду же пришли»[87]. Однако длился мир недолго. В 1061 г., в отмщение за поход русских князей на торков вниз по Днепру (1060), половцы совершили опустошительный набег на Переяславщину[88]. Так начался первый, наиболее драматичный период борьбы Переяславского и других южнорусских княжеств с половецкой угрозой. Он продолжался более 30 лет и характеризовался значительным перевесом половцев. Бездарность в военном отношении Всеволода Ярославича и его братьев, начавшиеся между ними усобицы, не давали возможности собрать воедино силы Руси для отпора половецким ханам, усиливавшим натиск на ее юго-восточные рубежи. Только разногласиями и несогласованностью Ярославичей можно объяснить их тяжелое поражение в 1068 г. на Альте[89]. Фактически вся юго-восточная область Руси осталась незащищенной, открытой для набегов и грабежей половецких отрядов. Южнорусский летописец с болью и тревогой писал о бедственном положении жителей Переяславщины в тот период: «оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ Половчинъ, ударить и стрѣлою, а лошадь его възметь, а в село его ѣхавъ, иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье»[90]. В 70—80-х годах XI в., когда переяславским столом условно владел юный Ростислав, им не предпринимались какие-либо энергичные действия против половцев. Первый же его бой с кочевниками стал для него и последним: он погиб в волнах Стугны в 1093 г. Между тем набеги половцев участились и к началу 90-х годов достигли наибольшей силы. Они привели к запустению пограничных районов княжества, в частности Нижней Сулы, а также к разорению более северных районов, включая окрестности Переяслава. Об этом красноречиво свидетельствуют летописи: «створи бо ся плачь великъ у земле нашей, опустѣша села наша, и городѣ наши»[91]. Картину страшного разгрома южнорусских поселений Днепровского Левобережья в конце XI в. дополняют археологические источники. Они свидетельствуют о том, что летописные города Воинь, Снепород, городище у хутора Миклашевского и другие поселения были сожжены или заброшены на рубеже XI—XII вв. и затем восстановлены лишь в первой половине XII в.[92]

Аналогичное положение в тот период наблюдалось и на Правобережье. В 1093 г. половцы сожгли основной опорный пункт торков в Поросье — Торческ[93], а в 1095 г. вынудили жителей Юрьева (Белой Церкви) бросить свой город и уйти на север, за Стугну[94]. Обстановка в Южной Руси была катастрофической.

Между тем происшедшая в 1093—1094 гг. смена правителей в Киевской и Переяславской землях и приход к власти в Киеве — Святополка Изяславича, в Переяславе — Владимира Мономаха, способствовали улучшению положения. Эти два талантливых в политическом и военном отношениях деятеля Руси изменили тактику ведения борьбы с кочевниками. На каждый набег половецких ханов Русь отвечала незамедлительным ударом по их степным вежам и городам. Особенно энергичным и беспощадным в борьбе с половцами был переяславский князь, чью землю наиболее часто терзали кипчаки. Показательной в этом



Поражение дружин Ярославичей в 1068 г. на Альте. Миниатюра Радзивилловской летописи

отношении является операция, проведенная им в 1095 г. по уничтожению орд Итларя и Китана [95].

Пришедшие к Владимиру «на мир» половцы расположились табором близ Переяслава. Китан стал с войском между валами, а Итларь с «лучшею» дружиною прибыл в стольный град на Трубеже для переговоров. Переяславский князь отдал Китану заложником своего сына Святослава.

Заручившись поддержкой киевской дружины во главе со Славятой, Мономах и тысяцкий Ратибор на военном совете решили истребить Итлареву чадь за то, что «губять землю Русскую и кровь христьяньску проливають беспрестани». В ночь перед переговорами Владимир послал Славяту с дружиной и торками «межи вала». Выкрав «первое Святослава», они уничтожили и Китана, и его дружину. Наутро ночевавшему на сеновале у Ратибора Итларю и его чади, не подозревавшим о том, что им уготовлено судьбой, было предложено изведать баньку и позавтракать у Ратибора. Итларь с дружиной согласились помыться, но когда они залезли «на издьбу», воины Ратибора закрыли их там и всех до одного перестреляли из лука.

На этом Владимир не остановился. Объединившись со Святополком, они тогда же летом совершили успешный поход «на вежѣ», и «полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, приведоста и в землю свою...» [96]. Начинаются продолжительные кровопролитные русско-половецкие войны, длившиеся около 20 лет. Уже в 1096 г., в отместку за Итларя и Китана, половцы трижды опустошали Переяславскую и Киевскую земли. При этом их ханы Боняк и Куря совершали набеги вплоть до Киева и Переяслава [97].

Владимир Мономах, осознавая то, что силами двух удельных княжеств тяжело противостоять большим политическим объединениям половцев, призывал всех Рюриковичей сплотиться вокруг киевского князя. Вопросы консолидации сил для отпора половцам по его инициативе обсуждались на нескольких княжеских съездах (1097, 1101 и 1103 г.) [98]. Под предводительством переяславского и киевского кня-

Истребление Итларя и его чади Ратнбором

зей русские рати предприняли серию победоносных походов в степь. Наиболее значительные из них состоялись в 1103, 1106, 1109, 1111, 1116 и 1120 гг.[99] Очевидной целью этих походов являлся разгром больших объединений кипчаков, консолидировавшихся в районе Нижнего Днепра и Подонья (Северского Донца и Нижнего Дона).

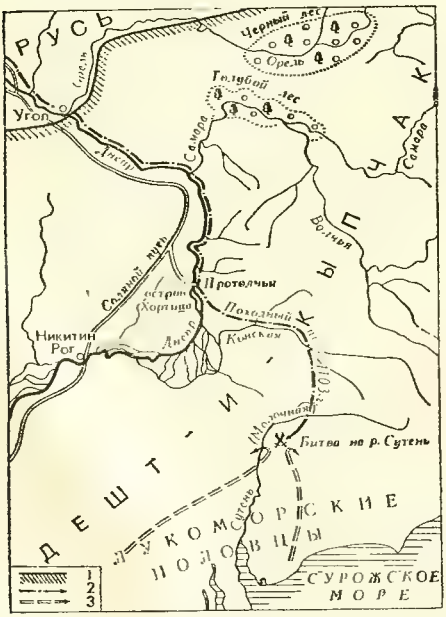
Особенно широкий резонанс и позитивные последствия для социально-политического развития Переяславской земли и Руси в целом имели походы 1103 и 1111 гг. Первый из них был совершен на нижнеднепровских половцев, второй — на донецких.

Поход 1103 г. состоялся весной 16 апреля по решению I Долобского съезда князей. Кроме переяславского и киевского князей в нем принимали участие Давид Святославич, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Володимирович и др. Поход был неожиданным, стремительным и блестящим по своим последствиям. «Поидоша на конихъ и в лодьяхъ», объединенное русское войско быстро продвинулось к порогам и «сташа въ протолчехъ и в Хортичемъ островѣ»[100]. Передохнув здесь и собравшись с силами, дружины русских князей быстро продвинулись к центру половецких кочевий — «на Сутинь». Наспех собранное ханом Оурусобой половецкое войско потерпело полное поражение от русской рати. «...И скруши главы змиевыя» Русь,— писал летописец,— и «взяша бо тогда скоты и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша Печенѣгы и Торкы с вежами и придоша в Русь с полономъ великимъ, и с славою, и с побѣдою великою...»[101] Одних лишь половецких ханов было уничтожено 20. Множество других попали в плен. Наиболее злостных из них (ханов — клятвопреступников) Владимир Мономах тут же казнил «за кровь християньску».

Второй поход состоялся также ранней весной (26 февраля — 28 марта 1111 г.) по решению II Долобского съезда князей. Русские дружины, со-

Поход объединенных русских дружин на половцев к днепровским порогам 1103 г. Миниатюра Радзивилловской летописи

вершив 22-дневный переход (свыше 500 км) через «многи реки» (Супой, Сулу, Хорол, Псел, Голтву, Ворсклу) в условиях весенней распутицы, проникли далеко вглубь Донецких степей, овладели половецкими городами Осе-



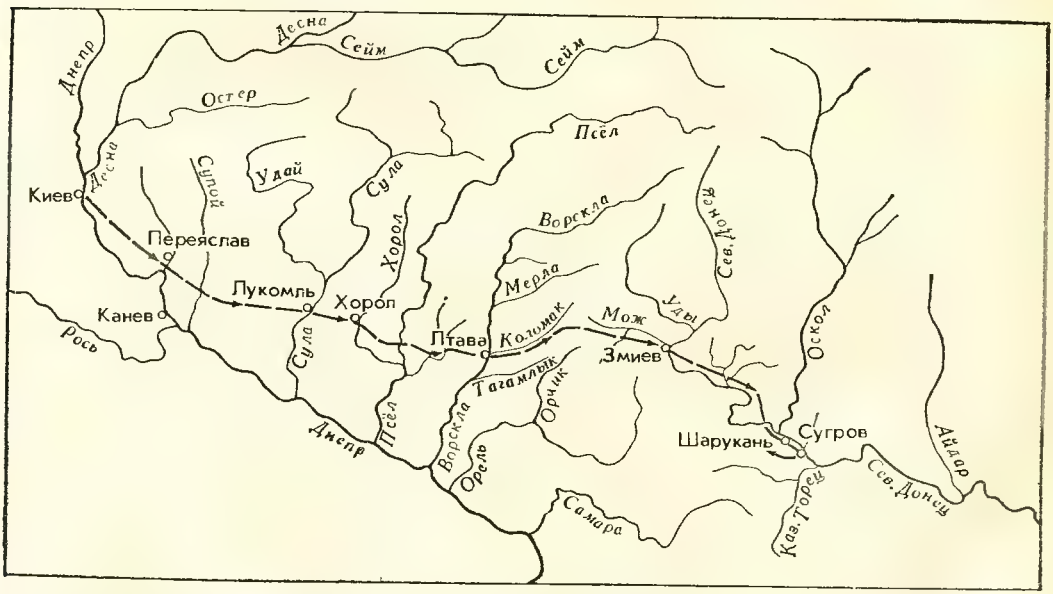
Поход русских дружин на р. Сутень в 1103 г.:
1 — южная граница Руси; 2 — походный путь русских дружин; 3 — половецкая конница

невым, Шаруканем, Сугровом, нанесли кочевникам сокрушительные удары на потоке Дегея, р. Сальнице и с богатой добычей возвратились домой: «Взяша полона много, и скоты, и кони, и овцѣ, и колодников много изоимаша рукама...» [102]. Важную роль в успешном проведении похода сыграл переяславский князь и его полк, о чем упоминает летописец: «Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы...» [103]; «...и падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ...» [104].

Традиции активных военно-политических действий против половецких князей продолжил сын Владимира Мономаха Ярополк, князь переяславский с 1113 г. Он не только укрепил новыми городами Нижнюю Сулу, перекрыв проникновение кочевников к Переяславу непосредственно с юга, но и совершил в 1116 г. успешный поход с сыном черниговского князя Всеволодом Давидовичем в Подонье, где взял три половецких города — Сугров, Шарукан, Балин [105].

Победа русских дружин, возглавляемых Владимиром Переяславским над половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи

Русский поход в Половецкую степь 1111 г. (по К. В. Кудряшову)



Наступательные действия переяславских, киевских и черниговских князей заставили половцев временно воздержаться от набегов на южнорусские земли: с 1116 и до 70-х годов XII в. их самостоятельные походы на Русь чрезвычайно робки и редки. Эта кратковременная передышка дала возможность Южной Руси отстроить опустевшие было города и построить новые,

Поход Игоря Святославича на половцев. 1185 г.

увеличить колонизационный поток населения на Переяславскую и Киевскую «Украины». В тот период наблюдалось качественное укрупнение южнорусских городов, свидетельствовавшее о росте в них ремесленного производства и торгово-экономических связей, возле детинцев формировались обширные посады; в ряде городов возникали предградья, укрепленные гавани.

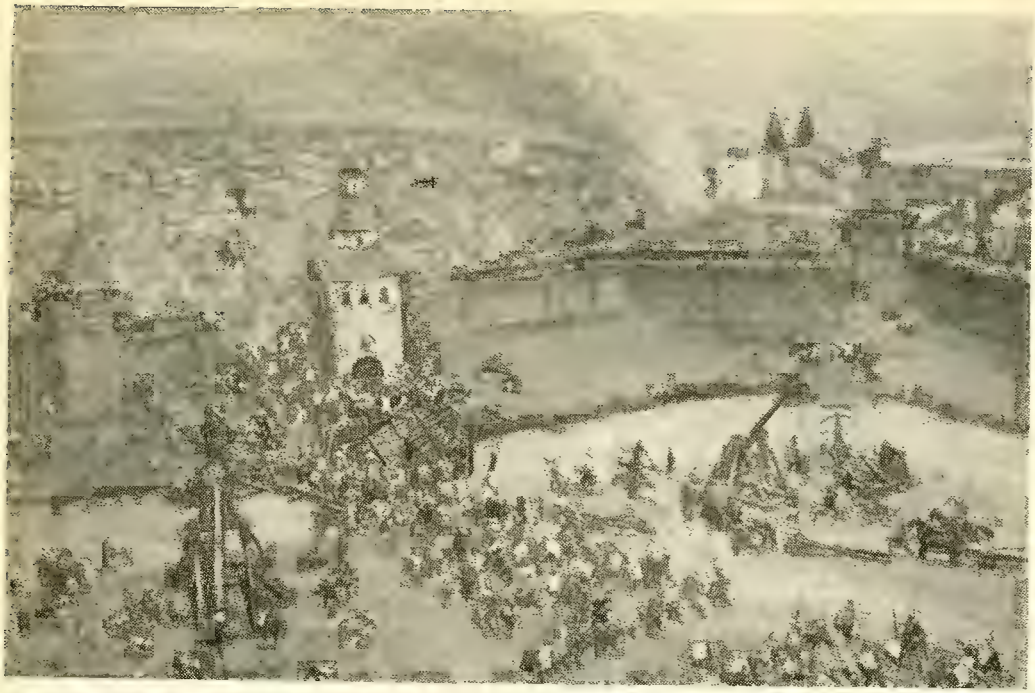
Ослабление половецких набегов на Переяславскую землю в 20—70-х годах XII в. отнюдь не означало полной беспечности местного населения. Отказавшись от прямых военных вторжений, половецкие ханы все чаще принимали участие в междоусобных войнах русских князей, получая от «союзной» стороны право на грабеж сел «несоюзной» стороны. Особенно этим злоупотребляли черниговские и ростово-суздальские князья. По подсчетам П. В. Голубовского, летописцы упоминают о 34 случаях участия половецких орд в княжеских усобицах [106]. В каждом втором случае половцы не миновали Переяславской земли.

Как известно, в 70-х годах XII в. половецкий хан Кончак снова начал совершать нападения на юго-восточные земли Руси, в частности Переяславщину. Свыше 20 лет длилась эта кровопролитная война с кочевниками-половцами, пока их натиск был сломлен. Переяславская земля в тот период оставалась лицом к лицу с жестоким врагом. Вновь, как и 100 лет

Бой дружины князя Владимира Глебовича с половцами под стенами Переяслава в 1185 г. Миниатюра Радзивилловской летописи

«...И бились с ними зря на Переяславль...»

перед тем, ее районы вдоль южного рубежа были разграблены и опустошены. Особенно страдало от половцев население «Украины», которую с 70-х



Штурм Переяслава войсками Куремсы в 1239 г. Диорама художника А. В. Казанского. Исторический музей Переяслав-Хмельницкого государственного историко-культурного заповедника

годов XII в. взяли под свою защиту переяславский и новгород-северский князья.

Вопрос объединения сил и организации совместных походов в степь для отпора половцам становится в центре внешней политики южнорусских князей. Усилиями переяславского и киевского князей такие походы были предприняты в 1170, 1173, 1179, 1183, 1185, 1187, 1190, 1193, 1199 гг.[107] Особенно крупные поражения кочевникам были нанесены в 1184 г. на Орели и в 1185 г.— на Хороле, где мужеством отличился переяславский полк Владимира Глебовича.

Чрезвычайной напряженностью отличались русско-половецкие войны 1185 г., происходившие на Днепровском Левобережье. Их апогеем был штурм Кончаком посульских укреплений и осада Переяслава. Толчком к столь массированному наступлению кочевников, как известно, был крайне неудачный поход на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича, совершенный им весной 1185 г. сепаратно от киевского князя — его сюзерена — и соседнего, переяславского князя Владимира Глебовича с целью «собе хвалы добыти»[108]. Поражение Игоря открыло «полю врата» в «Русскую землю», чем и воспользовался половецкий хан.

Прорвавшись через Посульскую оборонительную линию, Кончак быстро продвинулся вперед и осадил Переяслав.

Однако взять мощные укрепления города штурмом («на щит») ему не удалось. Владимир Глебович умело и храбро защищал город. Его полк неоднократно совершал дерзкие вылазки против врагов, ожидая подмоги от киевского князя Святослава[109]. Кончак, прослышав о движении к Переяславу войск киевского князя, отступил к Нижнему Удаю, где напал на ветхую крепость Римов и пленил ее жителей[110].

В 1187—1199 гг. половцам был нанесен ряд серьезных поражений, однако окончательно разгромить их не уда-

лось. Эпизодически набеги кыпчаков продолжались до самого нашествия монголо-татарских феодалов. По подсчетам П. В. Голубовского, в 1061—1210 гг. половцы совершили 46 больших походов на Русь: на Переяславское княжество — 19 походов, Поросье — 12, Северскую область — 7, Киевскую и Рязанскую земли — 4 похода [111]. Таким образом, вполне очевидна важная роль переяславской твердыни для судеб «Русской земли» и ее столицы Киева.

С 20-х годов XIII в. беспокойные соседи Переяславской земли — кыпчаки резко меняют отношение к Руси, ища в ней своего союзника и защитника. Причиной тому было появление на восточных границах Дешт-и-кыпчак полчищ Батыя. Половцы оказывали длительное и упорное сопротивление завоевателям, но силы были не равны. В течение 1223—1238 гг. Половецкая степь была покорена войсками хана Батыя [112].

В 1238 г. Переяславская земля, покоренная ордами кочевников, прекратила свое существование как самостоятельная административно-политическая единица Древней Руси. И Половецкая, и Переяславская земли надолго были включены в состав Золотой Орды, составив вместе один из ее крупнейших улусов — Сарайскую тьму. В истории Переяславской и всей Южной Руси начался период борьбы за независимость против монголо-татарских феодалов.

ГЛАВА VI

ПРИРОДА. НАСЕЛЕНИЕ. ГОРОДА

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КРАЯ

Становление и развитие Переяславской земли — составной части государственной территории Древней Руси — происходило в IX — первой половине XIII в. в пределах юго-западной части Русской равнины, представляющей собой низменность Левобережья Днепра, постепенно переходящую в Среднерусскую возвышенность.

В физико-географическом отношении территория заключала в своих границах нынешние Левобережно-Днепровскую и Среднерусскую провинции Лесостепной и Донецко-Днепровскую провинцию Степной зон СССР, в административно-территориальном — охватывала земли современных Полтавской, северо-западную часть Харьковской, западных районов Белгородской, южных Сумской и Черниговской областей. В ее границы входило также Левобережье Киевской и Черкасской областей [1].

Рельеф вышеуказанной территории, ее речная сеть, климатические и ландшафтно-географические условия: лес на севере, лесостепь на северо-востоке и степь на западе, юге и юго-востоке, по мнению ученых, сложилась в основном в течение мезолита (около 8 тыс. лет назад) [2].

Климатолог и природовед И. Е. Буйнинский на основе анализа известий античных авторов, летописцев и путешественников средневековья, данных археологических и палеонтологических и других исследований пришел к выводу, что климат Днепровского Левобережья на протяжении последних 2 тыс. лет не претерпел каких-либо существенных изменений [3].

Важным географическим фактором, определявшим особенности Переяславской земли, являлась ее сравнительно густая для зоны лесостепи речная сеть. По подсчетам А. С. Стрижака, исторический гидронимикон лишь территории Полтавщины насчитывает не менее 750 названий [4]. Медленные и неширокие реки Левобережья вследствие равнинности местности образуют значительные по своим площадям заливные долины со множеством стариц *, озер, непроходимых болот [5]. Их русла крайне извилисты [6]. Направление речных долин, как правило, с востока на запад, что обусловлено терасовым понижением всей левобережной равнины с северо-востока на юго-запад. Правые берега отличаются крутизной, левые низкие, постепенно поднимающиеся от поймы и образующие две-три террасы вдоль течения реки. С приближением к Днепру и понижением местности речные долины становятся ниже. Оба берега сравниваются по высоте и, наконец, сливаются с широкой поймой реки.

Подавляющее большинство рек принадлежит и Днепровской водной системе, являясь левыми притоками главной артерии древнерусских земель — Днепра. Это — Трубеж, Супой, Сула с

* Старица — пойменное озеро.

притоком Удай, Псел с Хоролом, Ворскла, Орель (Угол) и др. Кроме рек Днепровского бассейна через переяславские земли, в их восточной северянской части, нес свои воды приток Дона — Северский Донец с Осколом.

Реки края в прошлом, по мнению ученых, были значительно полноводней, чем в настоящее время, и играли заметную роль в международном сообщении. Соединяя в единую систему три крупных водных магистрали — Днепр, Дон и Волгу, которые впадали соответственно в Черное, Азовское и Каспийское моря, они открывали для населения своих берегов пути в Южную Европу, на Кавказ, в Азию [7]. О коммуникационных функциях рек Левобережья свидетельствуют находки на их дне и вдоль берегов в торфовищах и болотах остатков речных судов, античных и восточных монет, других памятников материальной культуры разных времен и народов [8].

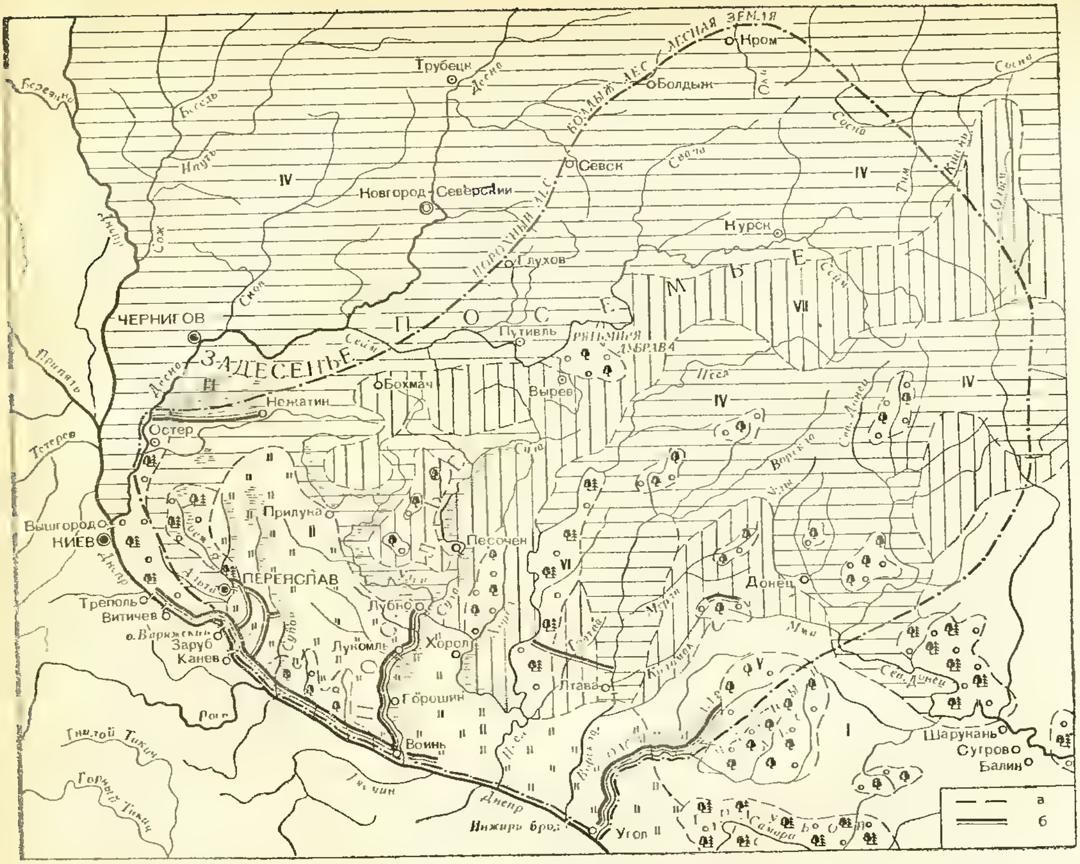
Распахивание земель, осушение болот и колоссальная вырубка лесов ныне [9] привели к смене водного баланса, значительному омелению рек и высыханию отдельных из них. Поэтому сегодняшний уровень вод в реках и озерах Полтавщины, Харьковщины, Сумщины и других областей Левобережья Украины не отражает полностью их средневековые навигационные возможности. Строительство на Днепре каскада гидроэлектростанций, в частности Днепродзержинской, Кременчугской, Каневской, и образование в связи с этим водохранилищ до неузнаваемости изменили пойму этой реки, устья ее левых притоков: под водой оказались множество древнерусских городищ, селищ, могильников, десятки километров таинственных «Змиевых валов». Прошедшие века внесли и другие коррективы в ландшафт Левобережья. Деятельностью человека, например, изменены русла некоторых рек. Это относится прежде всего к р. Орели, впадающей в Днепр на 70 км южнее от своего древнего устья [10]. Все это необходимо учитывать при реконструкции средневекового ландшафта, географии населенных мест и порубежных оборонительных линий Переяславской земли

В средние века обширные пространства территории Левобережья занимали низинные болота с гипновой и гипново-травяной растительностью, характерной для долин рек полосы широколиственных лесов и лесостепи. Они распространены в долинах Хорола, Сулы, Удая, Супоя, Трубежа, Недры, Остра, Оржицы и в пойме Днепра. Некоторым болотам по две и более тысячи лет. Средняя глубина болот около 1 м, в отдельных местах (на Удае, Оржице) она достигает свыше 5 м [11]. Труднопроходимые болота были серьезным естественным препятствием для степняков, служили укрытием для земледельческого славянского населения в годину испытаний. Во многих местах из болотных руд добывалось кричное железо — сырье для металлообрабатывающих ремесел.

Главным богатством населения Переяславской земли были плодородные почвы ее полей. На основной территории — это мощные малогумусные черноземы, сформировавшиеся на легкосуглинистых лессовых породах. В северных и северо-восточных районах — темно-серые и серые лесные почвы. Боровые террасы долин рек Псла, Сулы, а также Днепра покрыты дерново-слабоподзолистыми песчаными почвами [12].

В геоботаническом отношении пространства Переяславской земли характеризовались на юге и западе луговыми степями и остепненными лугами, на востоке — преобладанием больших лесных массивов, чередующихся с лугостепными участками [13].

В лесной местности исследуемой земли со значительным содержанием чернозема росли разнообразные породы деревьев — дуб, берест, ясень, липа, береза, клен, граб; на песчаных почвах преобладали сосна, ель. Лесные массивы верховьев Удая, Сулы, Псла, Ворсклы, а также Северского Донца и его притока Оскола служили как бы естественным рубежом Переяславского княжества, прикрывая густонаселенные районы с востока (карта).



Карта природных условий Переяславской земли X—XIII вв.:

а — границы Переяславской земли во второй половине XI — первой половине XII в.; б — земляные (так называемые «Змиевые») валы и эскарпы; I — разнотравно-типчаково-ковыльные степи; II — луговые степи и остепненные луга изобилующие солончаковыми фитоценозами; III — травяные и гипново-травяные болота; IV — широколиственные леса; V — дубовые мезофитные леса; VI — широколиственно-сосновые леса; VII — луговые степи и остепненные леса.

Прерываясь широкими просторами степных полей, вдоль балок, по речным долинам леса тянулись также далеко на запад и юг. Они засвидетельствованы летописцами в половецких владениях на Самаре (Голубой лес) и Орели (Черный лес) [14]. Особой залесненностью отличались берега Ворсклы от Лтавы и к ее верховьям. Остатки тех дремучих лесов существовали еще в XVII в.[15], о них напоминают и сейчас в этих местах многочисленные дубравы [16].

Современные исследователи, обозначая южную границу древней лесостепи Левобережья, обычно проводят ее от устья Орели по верховьям Орчика, Берестовой, в направлении г. Балаклеи, где она поворачивает у Северского Донца на северо-восток и идет к верховьям Большого Бурлука. Однако анализ картографических материалов почв, растительности Левобережья указывает на существование в древнерусское время огромного степного коридора около 100 км шириной, простиравшегося вдоль Днепра от Орели до Трубежа. Причина малой залесненности [17] этой территории, по-видимому, отчасти объясняется значительной засоленностью почв этой полосы [18]. Существование этого вытянутого степного плато, слегка расширяющегося к северу, в какой-то мере помогает вскрыть причины нападений кочевников на Переяславские земли в большинстве случаев именно с юга или юго-востока, а также объяснить слож-

ную систему юго-восточных порубежных оборонительных линий княжества [19].

Леса, как и болота, служили местом укрытия славянскому населению от степняков, которые чувствовали себя хозяевами поля, но остерегались лесов. Кроме того, они были поставщиками топлива, давали дешевый строительный материал и материал для хозяйственных орудий, служили местом для охоты, бортничества и других промыслов.

Остальная территория Переяславской земли представляла собой бескрайние степные просторы, покрытые густым ковром разнотравья, достигавшего роста человека [20]. Сочетание ежегодно отмирающих трав с благоприятным климатом, наличие богатой фауны животных-землероев создали условия, при которых за многие века на Левобережье Днепра образовались значительные напластования плодородных черноземов. Именно благодаря им этот регион Поднепровья очень рано превратился в один из основных земледельческих районов Восточной Европы [21], плотно заселенный в древнерусский период [22].

Строение поверхности, характер рек, почвы, флора и фауна Переяславской земли широко отражены в топонимике — этой своеобразной летописи и архиве края. Так, особенности растительного мира подчеркивают гидронимы Березовка, Берестовая, Дубина, Ольшанка, Ореховка, Сосновка, Лозовая, Камышенка; животного — Бобрик, Веприк, Волчья, Зайчик, Лосиновка, Медведок, Лисичка, Журавка, Вьюница, Лещивка; рельефные и почвенные — Байрачная, Балка, Долина, Речище, Грунь, Песчаная и др.[23] Это свидетельство того, что в процессе многовековой трудовой деятельности славянское население в названиях местностей, урочищ, поселений, рек как в зеркале объективно отразило окружавшую его природно-географическую среду, сложные этнические и демографические процессы, происходившие на этой территории, противоборство с кочевнической степью и др.

Значительное количество так называемых видэтнонимических топо- и гидронимов указывают на народы, которые прямо или опосредованно имели контакты с территорией края с домонгольских времен, отражают рубежи противоборства оседлого земледельческого славянского населения с кочевниками, которые сменяли один другого в своем движении на запад. Так, древнейший на исследуемой территории иранский гидронимикон выразительно прослеживается на всем Левобережье, достигая в отдельных случаях Посеймья и соприкасаясь здесь с восточнобалтским [24]. Иранская гидронимия — как позднего сарматоаланского, так и более раннего аланоясского происхождения. Из исторических источников известно, что аланы находились на Днепровском Левобережье в течение одиннадцати веков н. э. и лишь затем были ассимилированы тюрками и славянами.

Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, проведенный В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым, подтвердил мнение о значительном распространении на восток (вплоть до Оки и Верхней Волги) восточно-балтской гидронимики [25]. В частности, балтскими являются большинство названий рек бассейна Сейма (Семи), что свидетельствует о довольно поздней колонизации этого региона славянами (не ранее VIII в. н. э.). Существование различных этносов в Подесенье — Посеймье и междуречье Сейма — Ворсклы в какой-то степени проливают свет на причины формирования на данных территориях в IX—XI вв. самостоятельных политических структур северянского и уличского племенных княжений, а затем Черниговской и Переяславской земель.

Анализ ономастики Днепровского Левобережья свидетельствует также о значительном тюркском компоненте в ее составе. Тюркские гидро- и топонимы выступают сплошными массивами в Приазовье, на Донбассе, в бассейне Орели и Северского Донца, особенно на Полтавщине и Переяславщине (в узком понимании этого термина) [26]. Их

оставили гунны и черные болгары, хазары и печенеги, торки-узы и половцы, татары.

Таким образом, многочисленные иранские и тюркские гидронимы указывают, что территориальной базой экспансии народов на Переяславщину были, с одной стороны, районы восточные, азиатские или юго-восточные, прикавказские (Артополот, Каратулька, Козарка, Орель, Касоговка, Супой, Голтва и др.) [27], с другой — архаичные славянские гидронимы Левобережья (Черторой, Трубеж) имеют признаки зоны, куда направлялось движение из Правобережья [28].

Реконструкция своеобразных природных условий Переяславской земли X—XIII вв. дает нам возможность представить условия жизнедеятельности и борьбы местного древнерусского населения в определенный хронологический отрезок его истории, на конкретной территории, помогает более объективно определить границы княжества, а также социально-экономические и политические возможности его развития.

ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Наименее исследованными в изучаемой проблеме являются вопросы о населении: его происхождении, плотности, географическом распределении по территории княжества, этническом составе.

Традиционный взгляд на Среднее Поднепровье как исконный центр восточнославянской цивилизации, утвердившийся в советской исторической науке под влиянием трудов Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова, ныне нельзя считать научным, объективным [29]. Достижения современного источниковедения, археологии, антропологии, языковедения, нумизматики, ономастики дают ключ к новому пониманию как путей и временных параметров славянской колонизации Восточной Европы, так и весьма сложного, длительного процесса формирования полиэтничного государства Русь.

Становятся очевидными особые пути славянского заселения угро-финского Северо-Запада из Южной Балтики и территории современной Украины — из Волыни, Юго-Восточной Польши и Словакии, следствием чего явились две системы государственности, соответственно с центром в Киеве и Новгороде [30].

Взгляд на пути становления славянских государств в Восточной Европе не будет полон и реалистичен без учета возвратной волны выселения южных славян из Подунавья через Среднее Поднепровье на северо-восток [31], где ими со временем основывается новый центр государственности. Становится неотложной необходимость исследования этой сложной проблемы, как и связанных с ней вопросов неустойчивости и подвижности этнических границ в Восточной Европе в преддревнерусский период истории, проникаемости угро-финских, балтских и славянских территорий, факта продолжительного сосуществования множества этносов в составе Древнерусского государства.

Процесс славянской колонизации Юга Восточной Европы имел своеобразием то, что ему противодействовали две значительные силы — с одной стороны, коренное балтское население, оттеснявшееся из лесостепи на север, с другой — оседавшие на землю кочевники, которых приходилось отодвигать на юго-восток. Расселение в конце VIII в. группировки южных славян, занявшей земли вятичей, радимичей и северян, значительно усилило славянский этнический компонент в Восточной Европе, облегчило задачи, которые решал и Киев, и Новгород в лице своей знати. Тем не менее до завоевательного похода новгородского князя Олега на юг и создания единого государства Русь с центром в Киеве борьба юго-восточных славян со своими соперниками — хазарами, уграми, печенегами проходила с переменным успехом. Объединение двух восточнославянских государств ускорило не только ассимиляцию балтских и угрофинских племен внутри Руси, но и

ускорило колонизацию юго-восточных земель, населенных алано-яссами, печенегами, торками и половцами.

Как отмечалось, с конца IX в. началось государственное освоение Переяславской земли Киевской Русью, закончившееся в основном в середине XI в. Это выражалось в строительстве древнерусских крепостей, феодальных замков, нивелировке погребального инвентаря, появлении чисто христианской обрядности, элементов общерусской культуры на поселениях (керамики, изделий ремесла, украшений и пр.)[32].

Деятельность в конце X—XI вв. великокняжеской власти по обеспечению безопасности юго-восточной части «Русской земли», выразившаяся в строительстве Переяславской крепости, оборонительной системы в междуречье Трубежа — Супоя, Посульской оборонительной линии, переселенческой политике, содействовала быстрому увеличению количества населенных пунктов в Переяславском Поднепровье, возрастанию плотности населения.

Миграция населения Переяславской земли в X — первой половине XIII в. имела ряд особенностей. Одновременно с расширением осваиваемых земель в районах старого заселения (Переяславщина, Посулье) часть населения перемещалась в новые районы, главным образом на юг и юго-восток, где возникли города Хорол, Голтав, Лтава, Донец, Угол и др. Миграция была обусловлена, во-первых, экстенсивными методами ведения сельского хозяйства, что требовало постоянного расширения территорий; во-вторых, людей манили плодороднейшие земли лесостепи юга, в-третьих, на окраинах государственной территории был значительно слабее феодальный гнет.

Древнерусские неукрепленные поселения XII—XIII вв. обнаружены по обеим берегам Днепра вплоть до Олешья[33]. Их населяли свободолюбивые и воинственные бродники — предшественники украинского казачества[34]. Они поддерживали связи с Переяславским и Киевским княжествами. Все эти свидетельствуют, что Днепр в течение всей древнерусской истории контролировался славянами.

С наступлением феодальной раздробленности переяславский князь теряет право «нарубать» для своих крепостей «лучших мужей» из северо-восточных земель, вследствие чего с начала XII в. резко прекращается приток на юг дружинников из числа летописной «Руси», воев из словен, вятичей, радимичей, кривичей, дреговичей, чуди. Это повлекло за собой значительные изменения в составе городского населения Южной Руси: увеличивается количество представителей местного населения, а также активно инфильтрирующих в славянскую среду выходцев из степи — печенегов, берендеев, торков, половцев. На примере Гочево Е. А. Шинаков показал, что количество этнографических комплексов, обладающих местной спецификой, увеличилось здесь к началу XII в., по сравнению с первой половиной XI в., с 38 % до 52 %[35]. В дальнейшем эти тенденции усилились. Можно предположить, что в условиях политической нестабильности, переживаемой Переяславским княжеством со второй трети XII в., часть ранее переселенных на Юг «лучших мужей» под давлением местного и тюркского населения, активно оседавшего на землю, возвратилась к себе на родину. С этой волной возвратного выселения можно связывать появление на северо-востоке Руси значительного количества южнорусских топо- и гидронимов, дружинного эпоса, в котором повествуется о событиях, имевших место в Южной Руси.

Прилив кочевнического населения в пределы Переяславского и Киевского княжеств в рассматриваемый период можно объяснить как усилением экономических и культурных контактов между Южной Русью и Половецкой землей, так и политической и церковной конфронтацией между южнорусскими и северо-восточными феодалами. Чтобы выстоять в развернувшейся затяжной междоусобной войне, князья Южной Руси вынуждены были пойти на военный союз со знатью южнорус-

ских кочевников. Ханы последних создали в Поросье и районе Переяслава политические объединения так называемых Черных клобуков, в значительной степени усиливших оборонный потенциал Киевского и Переяславского княжеств. Как было показано выше, Черные клобуки активно влияли на внутриполитическую жизнь южнорусских земель.

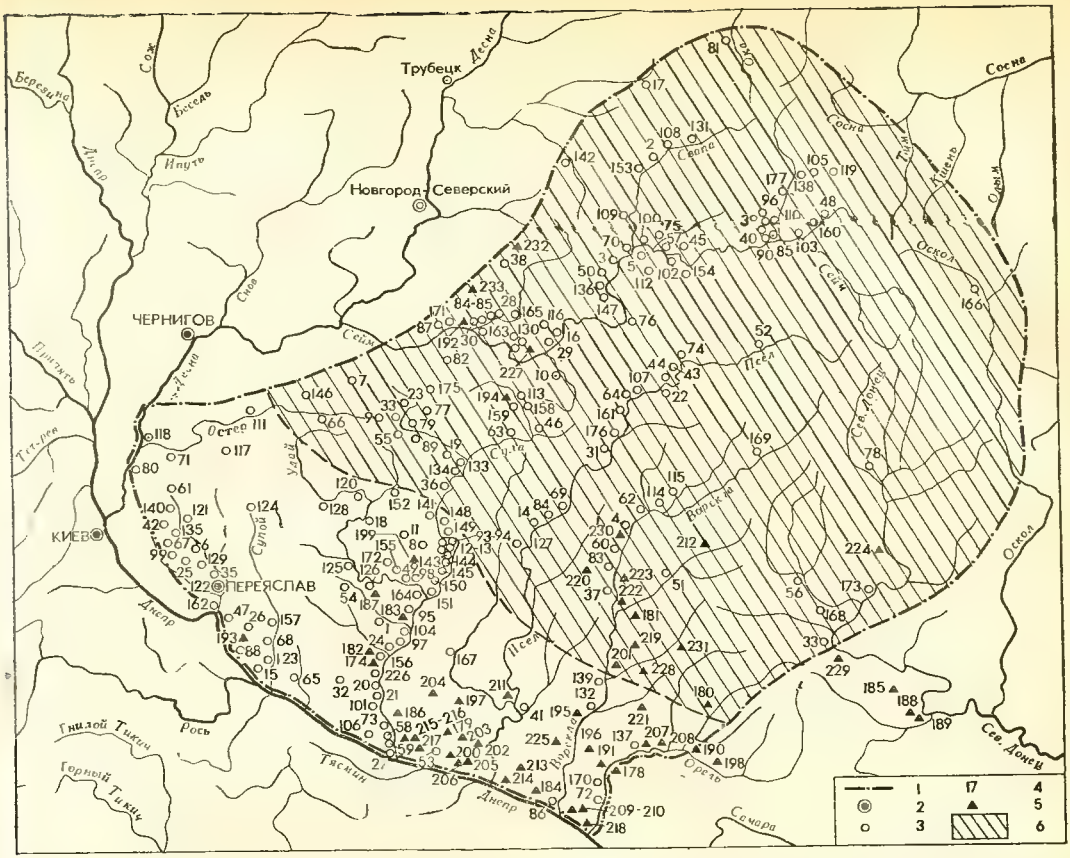
О весомости кочевников в составе древнерусского населения Переяславского княжества косвенно свидетельствует проведенный анализ географической номенклатуры Днепровского Левобережья: на его юго-восточных территориях она преимущественно тюркского происхождения (приложение, табл. 1). В связи с указанными демографическими процессами исследуемая область Руси к началу XII в. стала одним из районов высокой плотности населения. Об этом свидетельствуют письменные источники, карты и своды археологических памятников Днепровского Левобережья X—XIII вв. Вместе с тем внутри Переяславского княжества размещение населения как по количеству, так и по плотности было различным. Это было связано с географическим положением той или иной территории: рельефом, климатическими условиями, наличием рек, почвами, растительностью, фауной. Одним из первостепенных факторов, влиявших на размещение населения, следует считать хозяйственную занятость и обеспечение его безопасности.

В историко-географической и демографической литературе давно известны попытки установить взаимную связь занятия населения с его плотностью [36], разработаны различные схемы [37], предназначенные для раскрытия вопросов динамики и географии населения тех времен, когда демографической статистики не существовало. Осознавая определенную условность и несовершенство этих методов исчисления населения, автор все же воспользовался одним из них (так называемым методом или схемой Б. Ц. Урланиса) для определения заселенности Переяславской земли. Историко-демографическая схема Б. Ц. Урланиса наиболее критически обоснована и, в отличие от других, ограничена ступенями земледельческого хозяйства (системами земледелия), что весьма важно для определения заселенности территорий в период феодализма. В своем построении исследователь исходит из предпосылки о существовании определенной зависимости между количеством земли, приходившейся на одного человека, и характером (интенсивностью) использования земельных ресурсов.

С учетом разнообразия природных, экономических и исторических условий Переяславской земли попытаемся определить заселенность ее основной территории к началу XII в. (период наивысшего могущества княжества) по таким регионам: Переяславщина с Остерской волостью, Посулье, междуречье Супоя и Удая; степное плато междуречья Сулы — Орели.

По нашим подсчетам, в пределах Переяславщины (с Остерской волостью), занимавшей площадь 8200 км², при переходной к трехполью системе земледелия [38], в XII в. проживало около 123 тыс. человек; на Посулье при площади 7800 км² — 117 тыс. человек. На степных плато междуречья Супоя — Удая и Сулы — Орели с их песчаными почвами и системой подсобного земледелия проживало соответственно 6 и 17 тыс. человек [39]. Общая численность населения основной территории Переяславской земли составляла, таким образом, приблизительно 263 тыс. человек. Это не так много, если учесть, что в зависимых в то время от Переяслава северских землях и Ростово-Суздальской волости проживало, по нашим подсчетам, соответственно 294 и 750 тыс. человек [40].

Наибольшая плотность населения основной территории приходится на обжитый и относительно безопасный район на запад от Супоя, самая низкая — на территории, через которую пролегали пути постоянных вторжений половцев в Переяславскую землю. Эти



Археологическая карта Переяславской земли X—XIII вв.:

1 — границы Переяславской земли во второй половине XI — первой половине XII в.; 2 — центры земель—княжений Древней Руси; 3 — укрепленные населенные пункты; 4 — цифровый указатель к локализации названий древнерусских городищ и селищ Переяславской земли X—XIII вв. (см.: Приложение. Табл. № 2); 5 — неукрепленные населенные пункты (селища); 6 — северская территория, временно входившая в состав Переяславской земли.

окраинные территории находились в сравнительно слабой зависимости от княжеской власти и служили местом для оседавшего на землю разноязычного кочевого населения степи, занимавшегося еще скотоводством, но все более приобщавшегося к земледелию. Обязанности проживавшего здесь славянского населения ограничивались, по всей видимости, сторожевой службой, оказанием помощи русским князьям во время их частых походов против половцев, а также обеспечением безопасности передвижения купеческих караванов.

Определенным показателем степени заселенности и освоения территории Переяславской земли может служить развитие городской жизни, поскольку, как справедливо отмечал М. Н. Тихомиров, города возникают и «теснятся друг к другу там, где имеется более плотное сельское население» [41]. Это положение находит прямое подтверждение на примере заселенности только что рассмотренных регионов. Ныне в пределах территориального ядра Переяславщины (вместе с Остерской волостью) выявлено 26 древнерусских городищ, в Посулье — 42, в то время как в междуречьях Супоя — Удая — 2, Сулы — Орели — 9.

Достоверность полученных по схеме Б. Ц. Урланиса данных о заселении основной территории Переяславской земли можно проверить посредством их сопоставления с численностью населения, проживавшего и укрывавшего-

ся в городищах. Как известно, размеры городка-крепости зависели прежде всего от количества окрестного населения, укрывавшегося в нем в годину опасности, и, безусловно, от способности укрывавшихся защитить укрепления. Возрастание количества населения вело к расширению и укреплению посада старого или к созданию (часто поблизости) нового городка. Если предположить, что каждый погонный метр окружности (периметр) городища в часы военной опасности охранял (на заборолах) один воин, на которого приходилось по 5 человек мирного населения (стариков, женщин и детей), то, зная средний размер древнерусского городища (R=30 м), по формуле $2\pi R \cdot 6$ можно вычислить количество укрывавшихся за его стенами. Она составляла максимум 1130 человек, а умноженное на 76 городов население края (условно назовем его городским) будет равняться 85 880 человек. Разницу в 177 тыс. человек (по отношению к 263 тыс., полученным по схеме Б. Ц. Урланиса), безусловно, покрывало многочисленное население неукрепленных населенных пунктов земли — селищ.

Количество селищ в Переяславской земле, к сожалению, еще не учтено. При определении цифрового показателя сельских поселений автор исходил из данных, полученных при обследовании отдельных районов Черниговской области. Е. И. Веримейчик подсчитала, что в Черниговском и Репкинском районах указанной области (при несплошном обследовании территории) на одно древнерусское городище приходилось в среднем не менее 6 селищ. Исходя из этой уменьшенной пропорции, с учетом более южного расположения области, можно предположить, что в Переяславской земле существовало более 450 селищ (76×6) [42].

Следует отметить одну особенность населения Переяславской земли: его полиэтничность. Безусловно, преобладающее большинство населения страны составляли потомки уличей-полян, но в силу их близких контактов со степью на территории княжества оседали также кочевавшие ранее авары, хазары, печенеги, торки, турпеи, берендеи, коуи, половцы. Об этом свидетельствует множество летописных, археологических и лингвистических фактов. Так, согласно сообщению 1125 г. Лаврентьевской летописи, Баруч и Бронь княжь были заселены торками [43]. Под 1150 г. упоминаются переяславские турпеи [44]. О многих народах и этнических группах свидетельствуют собственные географические названия, сохранившиеся повсеместно на Левобережье до наших дней (села Козары, Печенеги, Торское и др.) [45]. Кроме выходцев из степи на территории княжества проживало множество выходцев из других древнерусских земель. О переселении Владимиром Святославичем и другими князьями в пределы переяславских окраин «лучших мужей» от кривичей и словен, чюди и вятичей, полочан уже отмечалось. Сегодня эти факты подтверждены материалами многих погребальных памятников (Лепляво, Гочево, Ницаха и др.). Характерно, что наименьший процент в составе населения Переяславской земли составляли выходцы из Скандинавии [46].

В столице княжества проживали также греки (главным образом, лица духовного звания — епископы, священники, монахи) представители других народностей. Так, близ Переяслава найдена надгробная плита с еврейской надписью древнерусского времени [47]. На восточных окраинах Переяславской земли проживали северяне и остатки алано-болгарского населения [48]. Вообще в восточной части Днепровского Левобережья, судя по этнографическим материалам, полученным при исследовании курганных могильников X—XI вв., иноэтничные комплексы составляли не более 15 % всех этноопределенных погребений, что свидетельствует о явном преобладании в данном регионе местного северского населения. Исследуя этнические процессы периода Киевской Руси в междуречье Десны — Ворсклы, Е. А. Шинаков наглядно показал, что в тече-

ние XI в. (до введения повсеместной христианской обрядности) немногочисленные этнические группы населения, переселенные на юго-восток из разных районов Руси, сохраняли свою самобытность, этнографические особенности в одежде, украшениях и пр.[49] Однако под влиянием дальнейших условий жизни в разноэтнических центрах, при подавляющем преобладании местного северского населения, они постепенно теряли свои этнические признаки. В связи с этим в городах Переяславской земли наблюдаются следующие тенденции этнокультурного развития: с одной стороны, шел процесс формирования элементов общерусской культуры, с другой — все явственнее ощущалось влияние местной культуры.

Общность исторических судеб всех народов и этнических групп в пределах Переяславского княжества и на его окраинах содействовала их постепенной этнической интеграции, развитию этнодифференцированных черт данной локальной территории, т. е. особого этнографического облика населения, местных обычаев и др.

Вначале (до второй трети XII в.) эти процессы протекали еле заметно, нивелируясь общерусскими тенденциями — формированием Древнерусского государства и древнерусской народности. С усилением феодального дробления Руси и оживлением древних племенных традиций локального этнического самосознания отдельных племенных княжений создались условия для возникновения, наряду с новгородской, полоцкой, владимиро-суздальской, галицко-волынской, самостоятельной киево-переяславской (южнорусской) этнотерриториальной и политической общности, представители которой пропагандировали обычаи «своих отец»[50]. Особо, на фоне других, выделялся «полянский патриотизм» Никона Великого, четко прослеживаемый в «Начальном своде»[51]. В дальнейшем обособленность Переяславского и Киевского феодальных «полугосударств», прочно связанных экономическими, политическими, этническими и династическими узами, способствовало образованию на их территории особого юго-восточного (так называемого полтавско-киевского) диалекта украинского языка, составившего основу языка украинской народности, а позднее и украинской нации[52]

Консолидация населения Переяславской земли происходила в XII—XIII вв. в условиях поступательного экономического развития ее городов, непрекращающейся борьбы с натиском кочевников, постепенного формирования территориальных общностей «переяславцев», «посульцев», вероятно, «украинцев» — жителей междуречья Сулы — Орели. Это они («Украина»), как отмечал летописец, тужили по безвременно ушедшему из жизни переяславскому князю Владимиру Глебовичу.

Следует отметить, что на переяславских окраинах происходили особенно сложные этнокультурные процессы взаимовлияния и взаимопоглощения. Синтез славяно-тюркских элементов культуры наблюдался в языке, этнографическом облике населения, способах захоронения усопших. Так, А. А. Моруженко и В. А. Косиков, обследовавшие курганные группы у с. Городное Краснокутского района Харьковской области, отметили смешанные славяно-кочевнические признаки погребений XI—XIII вв.[53], что обусловлено, по мнению специалистов, славяно-половецкой метисацией[54].

Аналогичные демографические и этнокультурные процессы, отмеченные в Переяславской земле, происходили в Киевской и Галицко-Волынской землях, на территории которых с начала XII в. складывались предпосылки для формирования украинской народности[55]. В напряженной борьбе с половецкой опасностью, агрессией польских и венгерских феодалов происходило сплочение населения южнорусских земель в единую народность. Устойчивости исторически складывающейся южнорусской общности людей способствовали также традиции поземельных отношений в пределах данных земель-княжений, усиление значения их городов как местных ре-

месленных центров, поддерживавших между собой тесные торгово-экономические связи.

Во второй половине XII — начале XIII в. происходило соответствующее сплочение бродниче́ского населения междуречья Днепра — Прута. Их военно-политическая консолидация просматривается в наличии собственного войска, участвовавшего в Калкской битве (1223), принятии в 1227 г. от папы римского отдельного католического епископа [56].

Чрезвычайно сложные и противоречивые демографические и этнические процессы, происходившие на территории Переяславской земли и ее окраин, были резко нарушены нашествием полчищ Батыя в 1237—1241 гг. Нашествие привело к продолжительному отрыву Переяславской земли от остальной Руси.

ГЛАВНЕЙШИЕ ГОРОДА ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

Значительную роль в жизни феодального общества исследуемой области играли города, являвшиеся военным оплотом княжества, центрами управления его административно-территориальных единиц. В городах концентрировалась феодализировавшаяся знать, нуждавшиеся в надежных укрытиях в связи со спецификой профессий ремесленники и торговцы. Города становились идеологическими и культурными центрами, где строились первые христианские храмы, организовывались школы для детей «нарочитой чади» [57].

Исследованиями советских историков доказано, что появление древнерусских городов было теснейшим образом связано с процессом классообразования и становления государства у восточных славян. Яркой иллюстрацией к этому важному выводу является развитие городской жизни Переяславской земли.

Появление на Днепровском Левобережье густой сети военно-феодальных крепостей — опорных пунктов государственной власти связано с деятельностью Владимира Святославича. По данным археологических исследований, в конце X — начале XI в. в пределах исследуемой территории созданы восемь укрепленных поселений, что составляло 10,5 % всех городских центров Переяславской земли домонгольского времени (приложение, табл. 2). Новый подъем городского строительства в Переяславском Поднепровье наблюдался лишь через 100 лет — в период княжения в городе на Трубеже Владимира Мономаха (1094—1113). Конец XI — первая треть XII в. в развитии городов Переяславской земли характеризовался массовыми сооружениями укрепленных поселений — феодальных замков, остатки которых сохранились поныне в виде малых округлых городищ. Зафиксированные археологами округлые городища Переяславщины составляют 45—50 % всех укрепленных поселений. В последующий период наблюдалось постепенное уменьшение количественного роста укрепленных поселений (появилось лишь 23 новых города), наметился переход количественных показателей в качественные. Это выразилось в определенном расширении всех городских центров, формировании под их стенами посадских поселений; появлении крупных городов (площадью свыше 2,5 га) с укрепленным окольным градом (Остер, Воинь, Донец, г-ще Свиридовка) и городов-гигантов (свыше 100 га) со сложной планировкой (Переяславль).

Тенденции в развитии городов Переяславской земли, отмеченные на основе данных археологии, подтверждаются письменными источниками. Анализ летописных сообщений показывает, что особенно быстрый рост «летописных городов» совпадает с усилением развития феодальных отношений, которым отмечен конец XI — первая треть XII в. Так, если в конце X — первой половине XI в. в пределах Переяславской волости летописи фиксируют один город (Переяслав), то во второй половине XI — начале XII в.— 20 (Варинь, Воинь, Воин, Вороница, Голтав, Острьский городок, Горошин,

Таблица 1

Период	Летописный город		Укрепленное поселение	
	количество	%	количество	%
Конец IX — первая половина XI в.	1	3	8	10,5
Вторая половина XI — 30-е годы XII в.	20	65	46	59
40-е годы XII — первая половина XIII в.	10	32	24	30,5
Всего	31	100	78	100

Таблица 2

Период	Летописный город		Укрепленное поселение	
	количество	%	количество	%
Конец IX — первая половина XI в.	1	11	16	16,0
Вторая половина XI — 30-е годы XII в.	1	11	24	24,0
40-е годы XII — первая половина XIII в.	7	88	60	60,0
Всего	9	100	100	100

Кснятин, Любен, Лукомль, Переволока, Песочен на Суле, Прилук, Римов, Устье, Баруч, Бронь княжь, Желни, Полкостень, Хорол). С начала феодальной раздробленности до нашествия орд Батыя упоминается еще 10 «летописных городов» (Глебов, Деменеск, Дмитров, Малотин, Милитин, Нежатин, Носов, Песочень, Пирятин, Серебряный).

Таким образом, комплексное использование письменных и археологических источников дает следующую картину формирования городской сети в «полянской» части Переяславской земли: (табл. 1)

Отмечался рост количества древнерусских городских центров и в северских землях, продолжительное время зависевших от переяславского стола: (табл. 2)

Как видно из таблицы 2, основное количество древнерусских «укрепленных поселений» возникло здесь в период феодальной раздробленности Руси, т. е. после выхода северских земель из политической системы Переяславского княжества. Изучение типологии древнерусских городищ XII—XIII вв. Посеймья показывает, что здесь в отмеченное время сооружались главным образом феодальные замки и сторожевые крепости, контролировавшие пути проникновения кочевников в глубинные районы Руси.

Характерной особенностью градообразования в Переяславской земле было то, что в ее уличско-полянской (западной) части города являлись чаще всего новосозданными центрами, в северской (восточной) они возникали преимущественно на месте роменских протогородов [58].

Безусловно, за немногим исключением, большинство перечисленных «городов», в древнерусском смысле этого слова, не были подлинными городскими центрами в современном его понимании («постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта») [59]. «Летописные города» или «укрепленные поселения» Переяславской земли X—XIII вв. представляли населенные пункты различных социальных типов: центры рядовых княжеских волостей — Остер, Вырь. Курск; военно-сторожевые крепости — Лепляво, Гочево, Ницаха, большинство городов Посулья; феодальные усадьбы-замки — Кснятин, Глебов, Дмитров, Малотин, Нежатин; общинные убежища (типа городища у с. Городище Переяслав-Хмельницкого района), где укрывалось в тревожную годину окрестное население, предпочитавшее селиться «вне града» [60]; кочевнические города-зимовники (Баруч, Бронь княжь, вероятно, Хорол, Голтав, Лтава и др.), жители которых все более приобщались к земледелию. Основой экономики укрепленных поселений

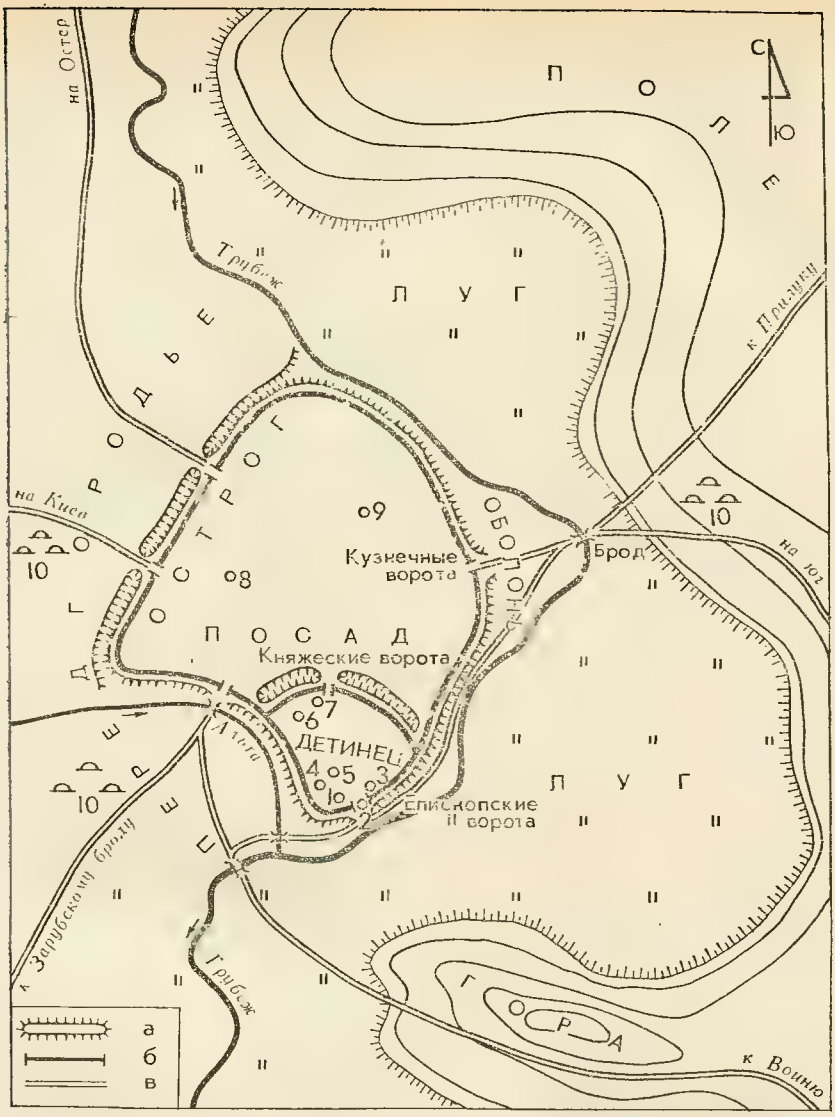
Переяславской земли оставалось преимущественно сельское хозяйство и промыслы, хотя ближе к XII—XIII вв. все более заметен прогресс в развитии ремесел и торговли. Об этом свидетельствуют многочисленные находки на городских торгово-ремесленных посадах мастерских ремесленников, орудий труда, запасов сырья, импортных изделий и кладов монет [61]. Поступательное развитие значительной части городов Переяславской земли, вероятно, привело бы к превращению в подлинные центры ремесла и торговли, однако их эволюция в этом направлении была вероломно прервана ордами кочевников.

Древний Переяслав. Рассмотрим теперь историческую топографию и локализации основных «летописных» центров Переяславской земли. М. Н. Тихомиров в работе «Древнерусские города» писал о том, что в Переяславском княжестве «известен только один большой город. Это столица княжества — Переяслав» [62]. И это отвечает действительности. Превосходства над другими населенными пунктами Переяслав достиг прежде всего за счет экономики и торговых связей, а также влияния субъективных факторов — пребывания в городе княжеской и епископской резиденций. Важную роль в быстром подъеме и расцвете города сыграло его географическое положение на территории густонаселенного Среднего Поднепровья, вблизи торговой магистрали — Днепра.

Определить время зарождения и конкретные пути генезиса Переяслава как феодального центра крайне сложно. Имеющиеся источники крайне противоречиво освещают древнейшую историю города. До сих пор археологическими исследованиями на территории современного Переяслава-Хмельницкого не выявлены поселения протогородского типа V—IX вв. (как в Киеве и Чернигове), которые предшествовали становлению собственно феодального города. Не выявлена и та древняя племенная культура, в среде которой вырос этот населенный пункт. Данные археологических раскопок показывают, что Переяслав возник не ранее конца X в., причем сразу как зрелый древнерусский феодальный город с присущей ему территориально-планировочной и социальной структурой.

Первое же упоминание города на Трубеже в письменных источниках относится к 907 г. Оно содержится в летописном пересказе договора Руси с греками и свидетельствует о том, что Переяслав к началу X в. был третьим после Киева и Чернигова городом южнорусской конфедерации, где «седяху велиций князь» [63], получавший «уклады от грек». Как уже выше отмечалось, тенденциозность Несторовой (?) датировки этого договора вполне очевидна. Она обоснованно подвергается сомнению М. Ю. Брайчевским и другими исследователями. Договор Олега с греками вставлен в летопись в начале XII в. с целью заполнения одной из хронологических лакун и желанием показать значимость внешнеполитических мероприятий первых князей из династии Рюриковичей, приуменьшения государственной деятельности Дира и Аскольда. В пересказе договора, как нам представляется, сознательно упущено указание на то, политическим центром какого племенного княжения являлся Переяслав в тот период.

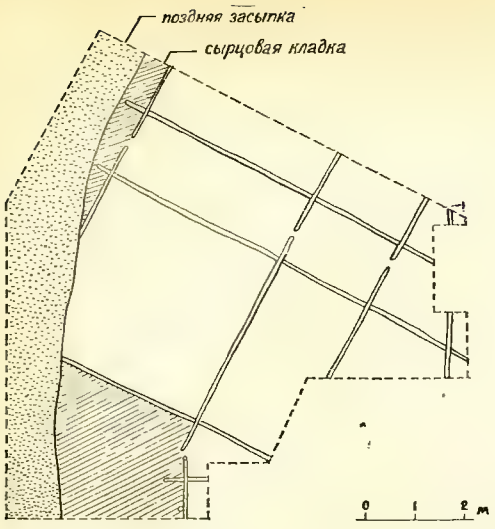
Несколько выше (992) в летописи повествуется легендарный рассказ о строительстве города Владимиром Святославичем [64]. Это сообщение внесло много путаницы в вопрос определения времени основания города. Некритический подход некоторых исследователей к этому летописному известию привел их к отрицанию существования города ранее конца X в. Безусловно, прав Д. С. Лихачев в том, что летописец в данном случае не преследовал цель определения времени основания Переяслава. «Следуя своему обычному стремлению объяснить происхождение названий, Нестор,— писал он,— воспользовался этим сказанием, чтобы истолковать самое слово «Переяслав» [65]. В народной легенде, дошедшей до нас в нескольких вариантах [66], очевидно, отражены реальные



План-реконструкция Переяслава-Южного середины XII в.:

а — земляные укрепления детинца и окольного града; б — деревянные укрепления; в — пути сообщения; 1 — церковь Михаила, 1089 г.; 2 — надвратная церковь Феодора, 1089 г.; 3 — церковь Андрея, 1089 г.; 4 — банное строенье (?), 1089 г.; 5—6 — малые церквушки XI—XII вв.; 7 — церковь Богородицы (Успенская) на княжем дворе, 1098 г.; 8 — Спасский храм—усыпальница XI в.; 9 — церковь (Воскресенская — ?) XII в.; 10 — курганные группы.

события из истории города, например, строительство на новом месте Переяславской цитадели. Известно, что аналогичное произошло со Смоленском. Окончательное решение вопроса о времени возникновения Переяслава во многом зависит от результатов дальнейших археологических исследований города. Может быть, первоначальное место Переяслава, как предполагал М. Н. Тихомиров, следует искать вблизи устья реки Трубеж, где, по сведениям М. А. Максимовича, в начале XIX в. найдены остатки здания из кирпича, характерного для киевских построек X—XI вв.[67] Тогда становится понятным и предание об основании Переяслава как города, поставленного на новом месте. Одной из причин, вынудивших Владимира перенести цита-



План древних конструкций вала детинца Переяслава. X—XI вв. (по П. А. Раппопорту)

дель несколько восточнее, могли быть весенние разливы Днепра.

Не исключено, что город на Трубеже возник и получил свое название от местности (Перея?) еще в преддревнерусский (хазарский) период истории Днепровского Левобережья (VIII—IX вв.).

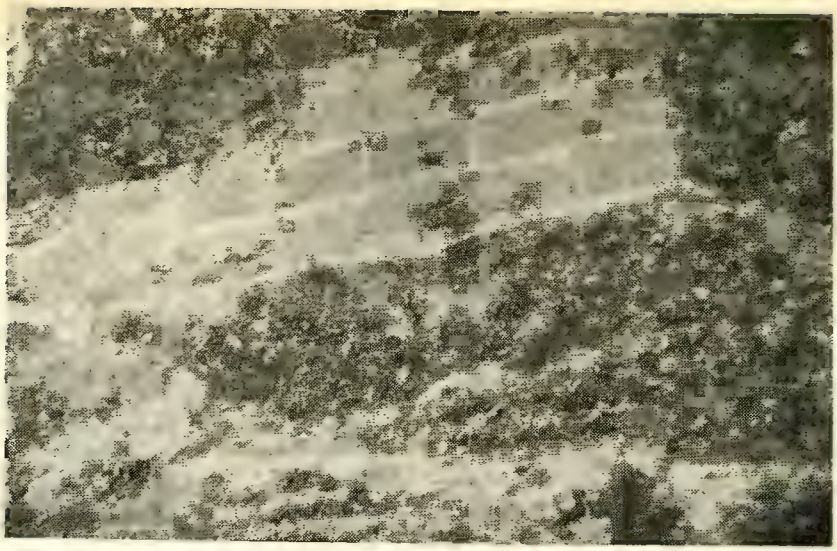
Переяслав был одним из значительнейших городов Киевской Руси, топография которого установлена в настоящее время довольно полно. Он занимал мыс между р. Трубеж и впадающей в нее р. Альтой и состоял из трех частей: кремля — площадью около 12 га, посада — приблизительно 80 га и предградья, примыкавшего с напольной стороны к стенам города.

Укрепления детинца отличались монументальностью и неприступностью. Как показали раскопки, валы детинца имели сложную конструкцию. Это были огромные дубовые срубы длиной около 3,7 м, расположенные по три-четыре поперек вала и забитые землей [68]. Снаружи к срубам вала примыкала конструкция из сырцовых кирпичей. Сверху над мощными валами возвышались деревянные стены с заборолами и башнями. «Украсил город Переяславский зданиями и церковными и прочимы зданиями» в конце XI в. митрополит Ефрем. Он же «град бе заложи камен»,— сообщает летопись [69]. Это интересное указание на строительство каменного города привлекало внимание многих исследователей. М. К. Каргер, исследовавший детинец Переяслава, считал, что Ефрем окружил крепостными каменными стенами с воротными башнями только митрополичий двор, находившийся внутри земляных валов детинца [70]. Это предположение разделял и М. Н. Тихомиров [71]. В последнее время А. Н. Кирпичников высказал мысль, что поиски загадочной крепостной стены внутри земляных валов древнего Переяславского детинца, так же как и интерпретации «камена города» в качестве ограды владычного замка, не имеют убедительных оснований. По его мнению, стены Ефремова «города» располагались не внутри детинца, а на гребне его земляных валов [72]. Надо признать, однако, гипотетичность его построений. Только дальнейшие тщательные археологические исследования могут научно разрешить этот вопрос.

Заслуживает внимания мысль М. Н. Тихомирова о существовании на Переяславском детинце двух дворов-замков, княжеского и епископского [73]. Место первого указывает каменная церковь Успения Богородицы, заложенная в 1098 г. Владимиром Мономахом. В диаметрально противоположном углу детинца находилась епископская резиденция. Ее обозначают церкви Михаила, Андрея, банное строение и др. На обособленность княжеской и церковной властей в едином общественно-политическом центре указывает также наличие двух отдельных ворот: Епископских — со стороны брода через Трубеж и Княжеских — со стороны поля.

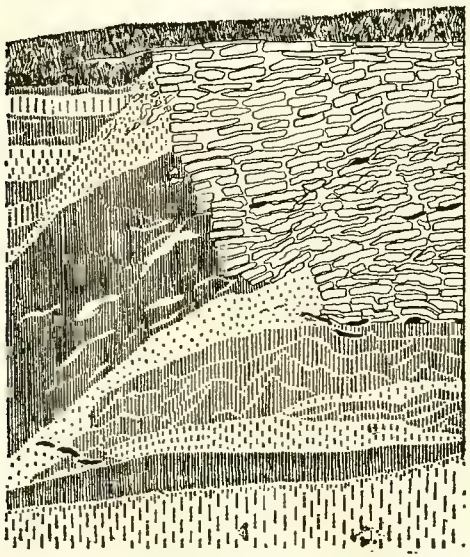
За детинцем начинался городской посад. Судя по тому, что в 1136 г. войска Ольговичей, осаждавшие Переяслав, бились непосредственно перед Епископскими и Княжескими воротами *, а предградье и острог с принад-

* «Того же лѣта приде Всеволод съ всею братьею к Переяславлю и стояша подъ горо-



Сырповая кладка в валу «окольного города» у Альтицкого моста

лежавшими ему Кузнечными воротами* упоминаются в 1149—1151 гг.[74], надо думать, что вторая линия защитных сооружений возникла не ранее 1140 г. Основу укреплений посада также составлял массивный земляной вал с острогом длиной около 3,5 км. Ров этого вала заполнялся водой из Трубежа и Альты и являлся серьезным препятствием для нападений кочевников. Однако и после создания посадского острога детинец Переяслава в течение всей домонгольской истории оставался его главным укреплением.



Разрез сырцовой кладки

Оформившийся к середине XII в. в рамках оборонительной системы города посад становится самой крупной частью Переяслава, его основным торгово-ремесленным районом. Одни из трех ворот города так и назывались Кузнечными, указывая на средоточие в их районе кузнецов. В районе Воскресенской церкви, видимо, размещался древнейший городской торг.

Являясь одним из крупнейших и развивавшихся военно-административных, религиозных и экономических центров Руси, где велось значительное строительство, развивались ремесла и торговля, средневековая древнерусская культура, Переяслав увеличивал приток в свои пределы постоянных жителей. Попытаемся определить количество населения стольного города в пору его расцвета (XII в.). Исходя из средней плотности населения, про-

---

домъ три дни и бишася у епископскихъ воротъ и въ княжихъ воротъ...» (*ПСРЛ*.— Т. 2.— Стб. 297).

* «Изяслав же ... перешедь полкы своими, не въсходя иа гору, и ста на лузи, противу Кузнечимъ воротомъ» (*ПСРЛ*.— Т. 2.— Стб. 381).

живавшего в древнерусских городах до XVII в. (125 человек на 1 га) [75], можно предположить, что на 92 га детинца и посада проживало около 11,5 тыс. человек. Полученная цифра близка к реальности. Известно, что в 30-х годах XVII в. в Переяславе — тогда крупнейшем городе Украины, почти в тех же размерах оборонительных сооружений древнерусского времени, было около 6000 домов [76]. Если допустить, что на один двор приходилось в среднем 5 жильцов, то численность населения Переяслава достигала 30 тыс. человек.

В окрестностях города были сосредоточены загородная княжеская резиденция «Красный двор», охотничий заповедник («Звринец»), монастыри св. Саввы и Рождества Богородицы, св. Иоанна и св. Бориса и Глеба на Альте, боярские села Стряково, Мажево, Янчино (приложение, табл. 1). В 8 км от Переяслава находилось «Устье», игравшее роль днепровской пристани города и его укрепленной заставы у Зарубского брода [77].

Учитывая важное стратегическое значение Переяслава на подступах к столице Руси — Киеву, город на Трубеже очень рано укрепляется и защищается от нападения кочевников со стороны степи. После сооружения (или реконструкции) Большого вала при Владимире (до 1008 г.), не позднее княжения Владимира Мономаха (до 1113 г.), в междуречье Супоя — Трубежа, как полагаем, возводится еще один мощный оборонительный пояс — так называемый «Малый переяславский вал», преодолеть который было необычайно трудно. Комплекс переяславских валов в сочетании с защитными природными условиями местности и городскими крепостями представлял собой в начале XII в. хорошо продуманную систему обороны столицы Переяславского княжества.

Периферийные центры Переяславской земли. Подступы к стольному граду с севера прикрывали Баруч и Бронь княжь, населенные главным образом торками. Исходя из летописного сообщения 1125 г., «половцы присунушаяся вборзе ... к Барочю и ко Бронь князю, хотящю полонита торкы...» [78], указанные городки находились вблизи Переяслава, где главным образом концентрировалась торческая конница, и отождествляются с современным селом Пристромы и городом Барышевкой, имеющими древнерусские городища.

Вверх по Трубежу локализовались такие летописные города, как Обров и Носов (приложение, табл. 1). На р. Альте, служившей естественным рубежом между Киевским и Переяславским княжествами, находился киевский г. Лто (современный Борисполь) [79], знаменитый своей божницей, созданной при Владимире Мономахе на месте гибели князя Бориса.

В северо-западной части Переяславской земли на р. Остер, неподалеку от впадения его в Десну, на пересечении важных стратегических и торговых путей, находился Остерский Городок — второй по величине и значению центр княжества. Основанный Владимиром Мономахом в конце XI в.[80], этот небольшой городок с Михайловской божницей к середине XII в. превратился в одну из самых сильных крепостей Среднего Поднепровья, не уступавшей по мощности и стратегическому значению таким городам, как Белгород, Вышгород, Васильков, Треполь и являвшийся в течение ряда лет главной опорной базой Юрия Долгорукого в его борьбе за «причастие» в «Русской земле», за Киев и Переяслав. Археологическое изучение остатков Остерской крепости показывает, что она имела три мощных оборонительных линии, включавших значительную территорию возвышенности в пойме Остра (около 30 га). Из общей площади детинец (главный сектор обороны) занимал около 0,75 га, второй сектор — 4,2 га и третий — около 25 га. О грандиозности остерских деревянно-земляных укреплений свидетельствуют данные современных разрезов вала и рва второй линии обороны. Их обмеры следующие: ширина вала у основания — около 25 м; ширина верхней площадки —

10,5 м; высота — до 4 м; ширина рва — около 16 м [81].

Кроме перечисленных населенных пунктов в западной части Переяславского княжества, несомненно, существовали и другие. Это видно из таких общих фраз летописца: «Половци воеваша около Переяславля по селам» или «половци около Переяславля пожгоша бо села вся» [82]. О наличии в этом регионе древнерусских поселений, не зафиксированных летописью, свидетельствуют также материалы археологических исследований. Только разведками М. П. Кучеры в последнее время обнаружено 15 городищ западнее Супоя [83]. В нижнем течении р. Супой известны такие города, как Песочень и Дмитров. Несколько западнее этих населенных пунктов на месте современной Бубновской слободки Н. И. Надеждин, М. А. Максимович, А. Е. Махновец локализуют Дубенец [84]. Однако, как нам представляется из анализа летописного сообщения об этом собственном имени под 1154 г., прав их оппонент М. Ф. Пономаренко: «Дубенец» — гидроним (см. Приложение, табл. 1, с. 239, 246).

Большинство городов Посулья сосредоточено в бассейне верхнего течения Сулы и ее притока Удая. По Удаю расположены Прилук, Переволока, Пирятин, Полкостень, Римов, на Тростянце — г. Серебряный. Западнее г. Пирятина в верховьях Оржицы, вероятно, находился Малотин.

Особенно густо усеян городками-крепостями правый берег р. Сулы. Начиная их обзор с верховьев реки, следует упомянуть в первую очередь город Ромен. Чуть южнее локализуется летописный Глинеск. Далее вдоль течения реки расположены города Синец, Кснятин, Лубен, Снепород, Лукомль. В нижнем течении известны крепости Горошин, Желни, Воинь (Приложение, табл. 1).

Среди посульских крепостей особо выделялся Воинь, основанный, очевидно, в 80-х годах X в. великим киевским князем Владимиром Святославичем. Археологические исследования города, проводившиеся в 1956—1959 гг., дали возможность восстановить его внешний вид. Воинь расположен был на небольшом возвышении в пойме Сулы площадью около 28 га и делился на две части: детинец (5 га) и посад (23 га). Укрепления детинца представляли собой мощную деревянно-земляную крепостную стену, в основе которой открыты три ряда дубовых срубов, конструктивно связанных с городнями. Характерно, что внутри клети оставались пустыми и использовались под хозяйственные и жилые помещения. В Воине имелась также просторная укрепленная гавань, где, очевидно, останавливались торговые караваны, двигавшиеся по Днепру. Судя по многочисленным археологическим находкам, город являлся также значительным торгово-ремесленным центром [85].

О других крепостях бассейна Сулы дают представление археологические раскопки Миклашевского и Кизиверского городищ [86]. Небольшие по своим размерам, округлые по форме (диаметр 50—60 м) городки обнесены двойным и тройным валом. Конструктивной основой вала детинца в этих городках были те же дубовые срубы, расположенные в три и два ряда, причем внутренние, как и в Воине, оставались пустыми и использовались для военно-хозяйственных нужд. Построенные по законам средневековой инженерной фортификации, они наиболее отвечали стратегии обороны того времени [87]. Следует отметить, что, по мнению специалистов, округлые укрепленные поселения XI—XII вв. представляли собой не только высшую ступень в развитии русской фортификации, начало которой положено еще в конце X в. Помимо развития военно-инженерной техники, появление округлых крепостей связано с процессом феодализации страны. Новый тип крепостей почти целиком соответствовал определенному социальному типу укрепленных поселений — феодальным замкам [88], в которых хозяйничали княжеские посадники.

К одним из основных центров Переяславской земли, расположенных в междуречье Сулы — Орели, относятся

такие города, как Хорол, Голтав, Лтава — современная Полтава, а также Угол (Ерель) близ устья одноименной реки. Эти крепости возведены у важных в стратегическом отношении бродов и переправ в XII в., в период начала нового подъема колонизационного движения на юг. Они контролировали пути проникновения кочевнической конницы на Посулье. Судя по тюркским наименованиям вышеназванных городов (Приложение, табл. 1), их население, очевидно, было смешанным и состояло как из славянского населения, так и союзных Руси «своих поганых».

Типичным полиэтничным городом Северской «Украины» Руси являлся Донец, находящийся на правом берегу р. Уды. Расположенный в пограничном с Половецкой землей районе, он выделялся внушительностью укреплений и неприступностью их. Построенный на высоком мысу берега, образованного долиной реки и балкой, город был отделен от посада глубоким рвом и валом. Северо-восточные и юго-западные склоны стрелки мыса были эскарпированы.

Д. Я. Самоквасов считал Донецкое городище неславянским, а принадлежавшим кочевникам, оседавшим на землю [89]. А. С. Федоровский в связи с обнаружением на городище и славянских, и половецких предметов культуры XI—XII вв., считал город «летописным Донцом», куда бежал из половецкого плена в 1185 г. новгород-северский князь Игорь Святославич [90]. Выводы А. С. Федоровского подтвердили археологи Б. А. Шрамко и А. Г. Дьяченко, много лет исследовавшие Донецкое городище. В керамическом материале населенного пункта они выявили как лепную северянскую керамику, так и гончарную, салтовскую и древнерусскую, что позволило датировать памятник VIII—XIII вв. Судя по количеству и качеству обнаруженной на городище ремесленной продукции, Донец являлся крупнейшим экономическим центром этого региона, поддерживавшим тесные контакты как с русскими городами, так и зарубежными странами [91].

Суммируя наши наблюдения относительно природно-географической среды и заселенности территории Переяславского княжества, можно констатировать следующее. Наибольшая плотность населения области приходилась на обжитые и относительно безопасные районы на запад от р. Сулы, прикрытые оборонительными линиями: более низкая — на степные территории междуречья Супоя — Удая, а также земли раскинувшиеся вдоль Днепра, по которым пролегали пути военных вторжений половцев в глубинные районы Переяславской земли.

Характерной особенностью населения края являлось его полиэтничность. Кроме потомков уличей-полян, территорию княжества заселяли северяне, торки, берендеи, печенеги, половцы и др. Со второй половины XII в. в условиях ослабевающих экономических и политических связей Южной Руси с Северо-Восточной Русью, притупляются общерусские консолидационные процессы. На Переяславском Левобережье складываются объективные условия для формирования элементов южнорусской (украинской) народности. Однако этот процесс, протекавший крайне медленно, был надолго задержан вторжением орд Батыя.

Важным показателем степени заселенности и освоенности государственной властью территории Переяславской земли служат ее 76 городов. Их количественный рост совпадал с усилением развития феодальных отношений, которыми отмечены XI—XII вв. «Летописные города» Переяславской земли X—XIII вв. являлись населенными пунктами различных социальных типов: центрами рядовых княжеских волостей, военно-сторожевыми крепостями, феодальными усадьбами-замками, общинными убежищами и кочевническими городами-зимовниками.

Крупнейшими городами княжества, имевшими сложную территориально-планировочную и социально-политическую структуру, являлись Переяслав, Остер, Воинь.

ГЛАВА VII

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ПРОМЫСЛЫ

Основой хозяйствования населения Переяславской земли, как и всей Южной Руси, с древнейших времен являлось пашенное земледелие, значительно увеличившее к XI в. свои площади за счет освоения новых земель, внедрения более эффективных методов использования земли, в частности трехполья [1].

Соединение земледелия со скотоводством, сельскими промыслами (рыболовством, охотой, бортничеством, лесным собирательством), а также домашним ремеслом обусловливало натуральный характер местного феодально-вотчинного и крестьянского хозяйств, в которых производительный цикл работ повторялся ежегодно «в прежних размерах» и «на прежнем основании» [2].

Земледельческий характер хозяйства населения Переяславской земли ярко отражает археологический материал, полученный при раскопках поселений X—XIII вв. Левобережья: находки орудий труда и их остатков, зерен высеваемых культур, различных хранилищ для сбережения сельскохозяйственных продуктов и пр. Так, при исследовании г. Воиня выявлены осколок наральника и чересло от плуга, пять фрагментов серпов южнорусского типа и два фрагмента кос-горбуш; на Донецком городище — пять фрагментов серпов; близ городища Кошаны Остерского района Черниговской области — фрагменты серпов и косы; возле с. Лепляво Каневского района в Черкасской области — наральник, пять осколков косы и т. д. Почти в каждом населенном пункте найдены жернова [3].

О развитии земледелия в Переяславской земле свидетельствуют находки зерен различных злаковых и бобовых культур. Наиболее разнообразный ассортимент дали исследования Донецкого городища, где выявлены остатки ржи, мягкой и твердой пшеницы, ячменя, овса, проса, пяти мелких сортов гречихи, льна, мака и пр.[4] Чрезвычайно интересны в этом отношении находки на городище близ села Воинская Гребля. Найденное здесь зерно пшеницы, проса, ржи, ячменя, гороха хранилось в мешках, плетенных из лозы корзинах, деревянных бочонках [5], хотя, как известно, чаще всего зерно обнаруживали в специально вырытых хозяйственных ямах. Множество ям выявлено на древнерусском поселении у с. Комаровки Переяслав-Хмельницкого района Киевской области [6], свыше 200 зафиксировано на Донецком городище [7]. При археологических раскопках в Воине найдены остатки муки, а также испеченная из нее буханка хлеба, на выпуклой стороне которой вытеснен крестик [8]. Уже один перечень орудий труда, выращиваемых злаков и обилие ям для хранения зерна свидетельствуют о высоком уровне развития пашенного земледелия в Переяславской земле.

О земледелии как основном занятии населения края повествуют письменные источники. Так, в 1103 г. на сове-

щании князей относительно весеннего похода на половцев дружинники решительно заявили, что «не веремя веснѣ воевати, хочемь погубити смерды и ролью имъ»[9]. Неоднократно летописцы указывали, что половцы и черниговские князья, воюя близ Переяслава, уничтожали посевы или выбивали лошадьми неснятые хлеба. Имеются сообщения об истреблении посевов саранчой или гибели вследствие стихийных бедствий *.

Наряду с полеводством в хозяйстве населения Переяславской земли важное место занимало огородничество. Огороды возле Переяслава упоминает Лаврентьевская летопись[10]. Как считают многие исследователи, «зелие» — репа, капуста, лук, огурцы, свекла, морковь и другие огородные культуры выращивались в то время и их продукция занимала видное место в питании населения[11]. Очевидно, было распространено и садоводство. На некоторых древнерусских городищах обнаружены косточки слив и вишен[12].

При основном занятии населения земледелием большого развития достигло скотоводство. Обладая прекрасными пастбищами, Переяславская земля имела благоприятные условия для разведения скота, который весьма часто она получала от степняков путем торговли и вследствие военных походов. Скотоводство обеспечивало население продуктами питания, а также сырьем для одежды и обуви — овчинами, кожей, шерстью. Остеологический материал из населенных пунктов Переяславской земли позволяет сделать интересные наблюдения, основывающиеся на статистических подсчетах. Состав костей домашних животных на территории княжеств был тем же, что и в других древнерусских землях: лошадь, бык, корова, овца, коза, свинья, собака, кошка и др.[13]

Преобладающее место среди домашних животных занимал крупный рогатый скот. Он использовался с различными целями — не только для производства мяса и молока, но и как рабочий скот. Не случайно среди видового состава животных в районе древнерусского города Воинь[14] первое место по количеству выявленных особей занимает бык домашний (497 особей) — основная тягловая сила в плужном земледелии, второе — домашняя свинья (279); затем овцы и козы (227), лошадь (111) и собака (141 особей). Остатки скелетов лошадей позволяют утверждать о наличии в Переяславской земле двух разных видов лошадей: типа скакуна и тяжеловоза[15]. Использовались лошади, очевидно, преимущественно в оборонных и хозяйственных целях, так как обнаружено всего три кости со следами кухонной обработки.

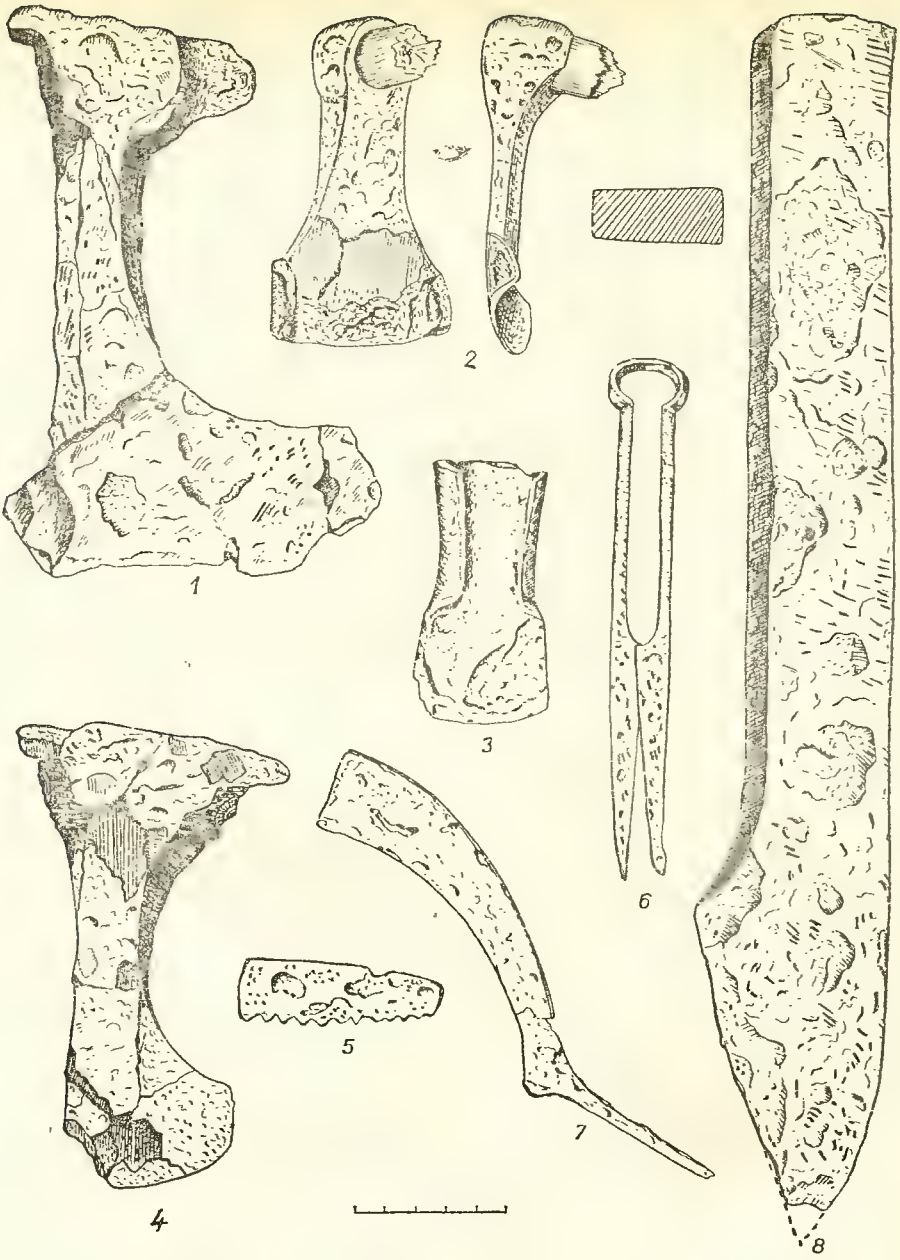
Использование лошадей для военных нужд неоднократно подтверждается летописными данными. В 1060 г. переяславский князь вместе с союзниками ходил на торков «на конихъ и в лодьяхъ»[16], в 1096 г. конное войско Святополка и Владимира Мономаха разбило половцев близ Переяслава[17]. Лошади переяславского князя, за которыми ухаживал штат пастухов под руководством старшего «конюшего» **, выпасались на переяславских степных угодьях огромными табунами. Один из них в мае 1107 г. «зая ... у Переяславлѣ» половецкий хан Боняк[18].

И в Воине, и на Донецком городище обращает на себя внимание наличие большого количества костных остатков собак. Специалисты отмечают существование в то время нескольких пород собак — крупных, типа овчарки, ис-

---

* В 1142 г. Игорь Ольгович «пришедъ ста по Стрѣкви и много пакости створиша, села пожгоша и жита попасоша...» (*ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 310). В 1154 г. «много зла створиша Половци около Переяславля» (*Там же.*— Стб. 345). Летом 1128 г. «бысть вода велика, потопи люди, и жита, и хоромы унесе» (*Там же.*— Стб. 299). В 1095 г. летописью отмечено нашествие на Южную Русь саранчи: «И покрыша землю... идяху к полунощным странам, ядуща траву и проса» (*Там же.*— Стб. 229; Т. 2.— Стб. 217). Подобные бедствия отмечены Ипатьевской летописью в 1104 и 1195 гг. (*Там же.*— Т. 2.— Стб. 255, 688).

** Судя по ст. 23 Краткой редакции «Русской Правды», назначавшей за покушение «на старшего конюха при стаде» 80 гривен, эта должность ценилась чрезвычайно высоко (*ПР.*— С. 398).



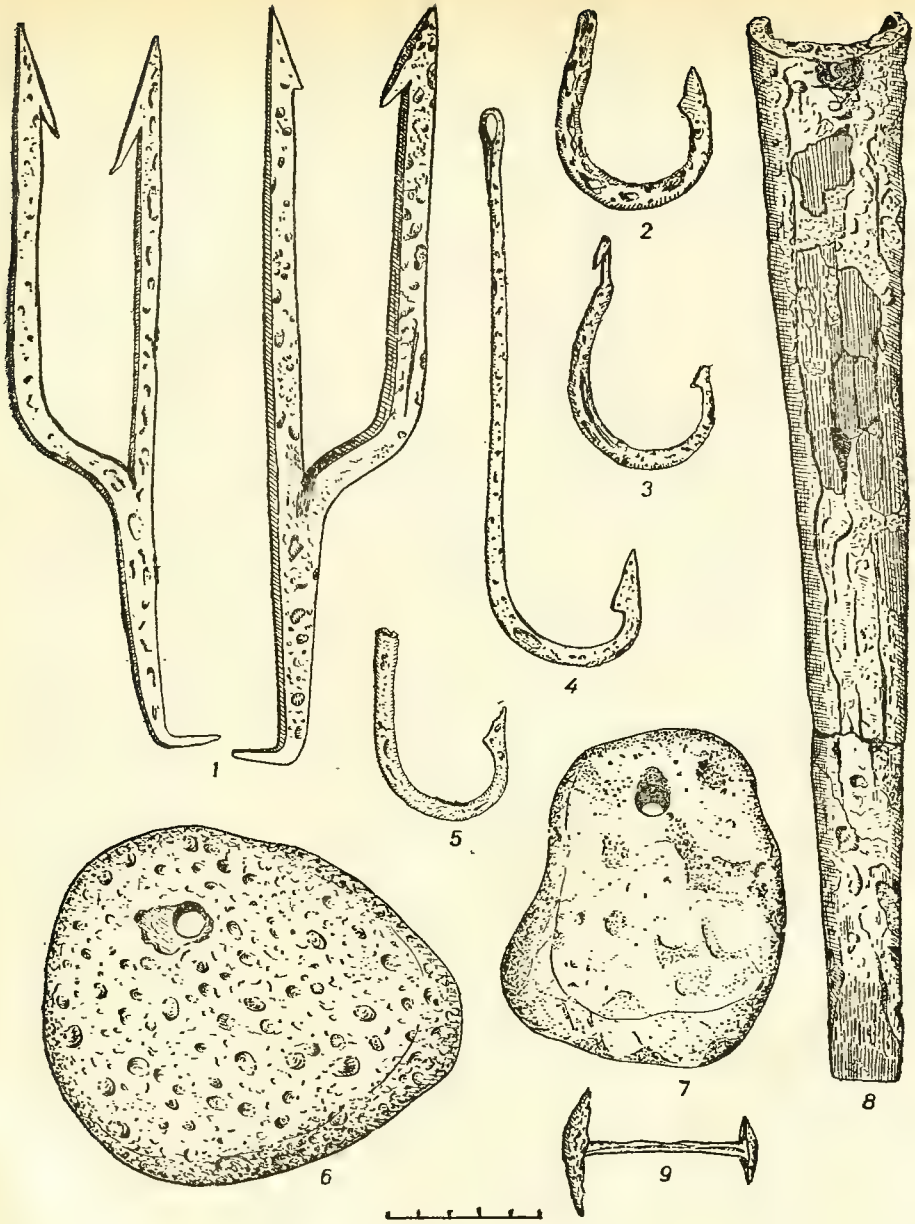
Железные орудия производства из Воинской Гребли:

1, 4 — топоры; 2, 3 — тесла; 5 — фрагменты пилки—ножовки; 6 — пружинные ножницы; 7 — фрагмент серпа; 8 — плужный нож

пользуемых для пастушей, сторожевой и охотничьей службы, а также меньших, специально охотничьих — типа лайки [19].

На основании остеологических материалов и статей 36—37 «Русской Правды» можно с уверенностью утверждать о держании населением Переяславской земли в домашнем хозяйстве кур, гусей, уток, журавлей, лебедей, голубей, охотничьих ястребов и соколов[20].

Важным дополнением к земледелию и скотоводству служили различные



Орудия рыболовства:
1 — остроги; 2—5 — крючки, 6, 7 — камеиные грузила; 8 — пешня; 9 — заклепка от лодки

промыслы, прежде всего рыбная ловля и охота. Стоит только взглянуть на карту населенных мест Переяславского княжества, чтобы убедиться в том, что преобладающее большинство его городов и селищ расположены на берегах рек. Это давало возможность жителям круглогодично заниматься ловом рыбы и иметь ее в сравнительном достатке. Надо отметить, что Днепр и его левобережные притоки, а также многочисленные пойменные озера изобиловали рыбой, раками. Еще в XVI и XVII вв. иноземцы с восхищением описывали рыбные богатства Среднего

Поднепровья. Боплан, отметив рыбность рек Псла и Ворсклы, назвал наиболее обильной рыбой Орель: «Я сам видел, как на устье этой реки, забросивши невод, в один раз вытащили более 1000 штук рыбы, из которой самые мелкие достигали около фута в длину» [21].

О постоянных занятиях рыбным промыслом населения Переяславской земли свидетельствуют рыболовецкие орудия, костные остатки рыб на раскопах всех городищ и поселений, исследуемых археологами. К индивидуальным орудиям для лова рыбы, найденным, например, в Воине, принадлежат каменные грузила от рыболовецких сетей, плишня, острога, рыболовные крючки, свинцовые грузильца от удилища [22]. В г. Донце обнаружены железные крючки, зубья остроги и глиняные грузила для сетей [23], на городище близ хутора Миклашевского — рыболовные крючки [24]. Значительные размеры рыболовных крючков (длина наименьшего 6 см, наибольшего — 18 см, диаметр стержня — 5—6 мм), найденных в Воине, свидетельствуют о том, что они рассчитаны на промысловый лов крупной рыбы. Это подтверждается также огромным количеством рыбьей чешуи, найденной на полу нескольких землянок. Анализ остеологических остатков позволил установить видовой состав вылавливаемой рыбы. По количеству костей первое место занимал сом, затем осетровые рыбы (ныне очень редко встречающиеся в этой местности), щука, сазан, линь и др.[25] На Донецком городище определены остатки щуки, красноперки, синца, линя, сазана и многих других, причем, как и в Воине, встречаются остатки очень крупных экземпляров этих рыб [26].

Важной отраслью хозяйства населения Переяславской земли, носившей промысловый характер, была охота. Охотились на мясную, пушную и пернатую дичь. На основе остеологического материала, собранного при археологических раскопках, мы располагаем точными данными относительно того, какие животные были объектом охоты в XI—XIII вв. на Левобережье Среднего Днепра. Среди них: тур, зубр европейский, лось, благородный олень, косуля, сайгак, дикая свинья, бурый медведь, волк, лисица, лесная кошка, заяц и др.[27] Изучение птичьих костей, найденных при раскопках Донецкого и Воинского городищ, показало, что там имеются кости глухарей, тетеревов, дроф, а также много костей водоплавающих птиц — серой утки, кряквы, утки-широконоски, утки-шилохвоста, чернети морской, пеликана и пр.[28]

Орудиями охоты (они же служили одновременно оружием) были лук, стрелы, сулицы. Но использовали и специальные охотничьи наконечники стрел, изготовленные из кости,— это листообразные черенковые стрелы и пулеобразные конические, так называемые томары, обнаруженные в Воине. Исследователи считают их орудиями, применявшимися при охоте на пушного зверя [29].

Анализируя количественное соотношение костных остатков млекопитающих и птиц в районе Воиня, специалисты отмечают значительное преобладание домашних животных над дикой фауной, что свидетельствует о высоком развитии скотоводства и угасании промысловой охоты, отодвигавшейся постепенно на северо-восток [30].

В Переяславской земле, подобно другим землям, изобилующим лесными массивами, население издавна занималось бортничеством. В X—XIII вв. этот промысел, по всей видимости, носил еще архаические черты, т. е. собирали мед диких пчел. Нельзя согласиться с мнением В. Г. Ляскоронского о преобладании в то время пасечного пчеловодства, ибо ни одна статья «Русской Правды» не упоминает ульев, пасек и пасечников [31]. Только документы конца XVI в. свидетельствуют о распространении специальной отрасли — пчеловодства. Причем пасеки разрешалось держать свободно только «людям государским», все остальные, занимавшиеся пчеловодством, платили дань медовую или денежную. О занятии населения Переяславской земли бортниче-

ством в древнерусское время свидетельствуют находки дереволазных шипов [32].

К числу значительных и повсеместных занятий населения Левобережья Среднего Днепра относится лесное собирательство. Собирали грибы, различные ягоды, плоды диких деревьев, съедобные корни и пр. На Донецком городище, например, отмечены находки скорлупы лесного ореха (лещины).

На обширных лесных, болотных и речных угодьях Переяславской земли водилось множество диких птиц. Еще в XVI в., по словам М. Литвина, мальчишки весною наполняли целые лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей, а потом — их птенцами... птичники [33]. Судя по наличию в Пространной редакции «Русской Правды» статей «о перевесах», население Левобережья, возможно, занималось ловом птиц.

Очень важным промыслом считалась добыча соли. В Переяславское княжество соль доставлялась преимущественно из соляных озер Таврики, но не исключено, что в часы обострения половецко-русских отношений, ее завозили из Прикарпатья. Традиция ходить в Таврику «под соль», а на Дон «под рыбу» дожила в г. Ромны до конца XVIII в.[34]

Рассмотренные на основе письменных и главным образом материальных памятников отрасли сельского хозяйства Переяславской земли свидетельствуют о ведущей роли среди них земледелия и скотоводства. Ярким доказательством этого является преобладание среди находок на поселениях X—XIII вв. предметов, в частности орудий труда, принадлежавших к указанным направлениям хозяйства. Поскольку на протяжении всего периода феодализма в Восточной Европе господствовали натуральные формы ведения хозяйства, нельзя недооценивать в жизнедеятельности населения Переяславской земли и такие отрасли, как охота, рыболовство, бортничество, собирательство и др.

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ

Большое место в хозяйственной деятельности населения Переяславской земли занимало ремесленное производство, роль которого в экономике княжества освещена до сих пор недостаточно. Не имея в своем распоряжении соответствующих источников, В. Г. Ляскоронский, исследуя проблему, строил выводы в основном на древнерусских письменных памятниках, содержащих очень скудные сведения о хозяйственной жизни общества [35]. Используемое же им незначительное количество материальных памятников в силу известных причин рассматривалось не конкретно-исторически. В последние десятилетия вследствие стационарных и разведочных археологических раскопок ряда средневековых городов и поселений Левобережья (Переяслава, Воиня, Остра, Донца, Комаровки, Лохвицы, Снятина и др.), где открыты мастерские ремесленников, орудия труда, оборудование, сырье, полуфабрикаты, готовая продукция, появилась возможность объективно осветить развитие ремесел в Переяславской земле X—XIII вв.

Анализ полученных археологических материалов показывает, что основными отраслями экономики княжества, как и в целом Руси, были железоделательное производство и металлообрабатывающие ремесла, следы которых обнаружены на большинстве памятников рассматриваемого времени. Развитию ведущих отраслей экономики княжества способствовало наличие в огромном количестве на всей территории сырья для производства железа в виде болотных руд, все возрастающая потребность сельского хозяйства в металлических орудиях, а также благоприятствование княжеской власти этим ремеслам *, дающим для нужд государства, кроме всего прочего, необхо-

* Здесь мы исходим из «Русской Правды», где жизнь ремесленника определялась в два раза дороже, чем княжеского слуги, смерда или боярского приказчика (*ПР.*— Т. 1.— Ст. 14—15.— С. 408).

димое количество оружия и военного снаряжения.

Производство железа осуществлялось старинным сыродутным способом из болотной руды, поскольку по своим технологическим качествам она была наиболее подходящим сырьем для примитивной металлургии того времени [36]. На раннеславянских поселениях Левобережья наряду с обломками крич встречались глиняные сопла — детали железоплавильных горнов. Обломки такого сопла найдены, например, на городище у Коробовых Хуторов на Северском Донце [37].

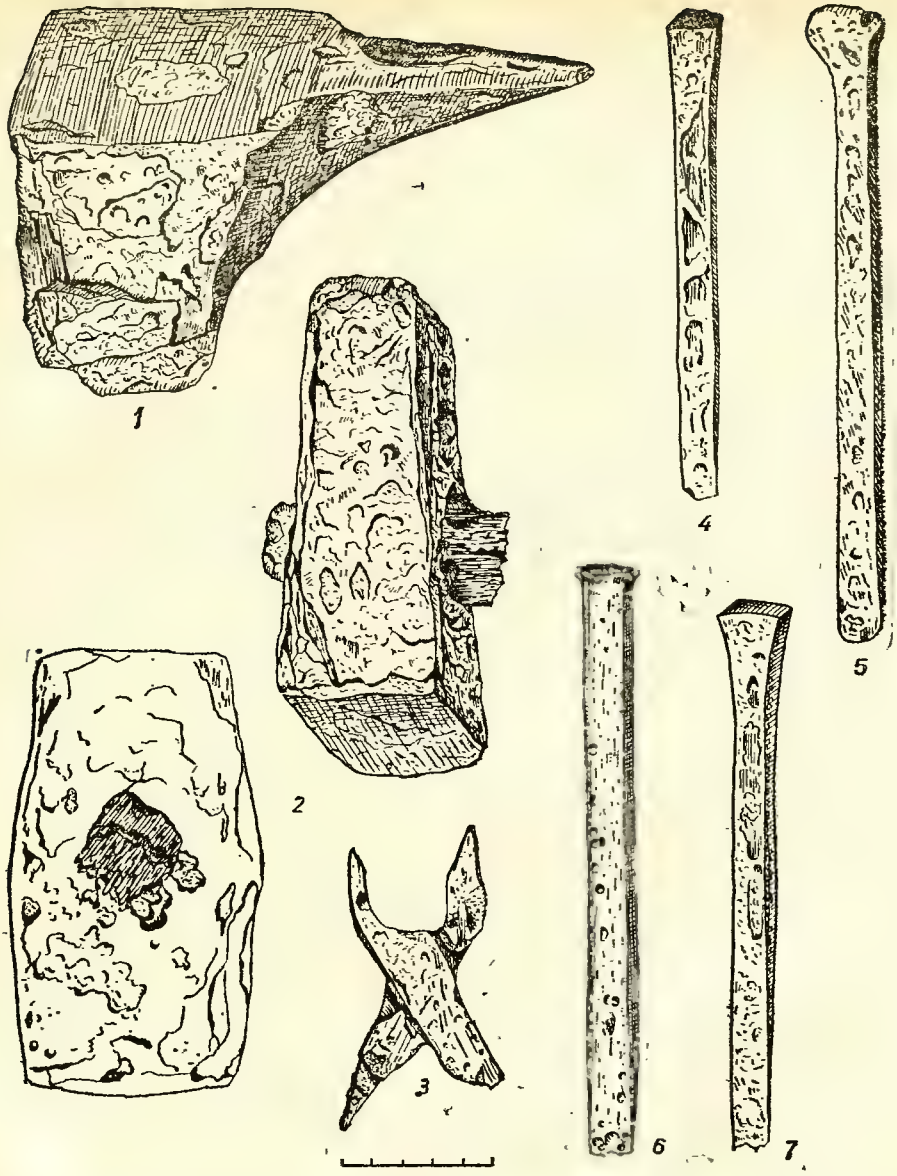
Следы железоделательного производства в пределах Переяславской земли выявлены близ древнерусского городища на хуторе Миклашевском (возле озера с характерным наименованием — Коваливка), где обнаружены три полусферические ямы производственного назначения — очевидно, остатки домниц, со значительными остатками угля, кусков пережженных глыб и железных шлаков [38]. К сожалению, этот комплекс не исследовался археологически полностью. Большая концентрация крич, кусков железной руды и шлаков на селище возле Донецкого городища, убедительно свидетельствует о существовании поблизости металлургического производства.

Прогресс в Переяславском княжестве X—XIII вв. наблюдался в кузнечном ремесле — сложном и необычайно трудоемком производстве. Археологические исследования последних лет позволили определить орудия труда кузнецов и слесарей, а также ассортимент изготовляемой ими продукции. В Воине, например, найдены небольшая наковальня, а также массивный молоткувалда, обломки кузнечных шарнирных клещей и четыре пробойника. Еще более разнообразные орудия труда обнаружены на Донецком городище: наковальня, различные сверла, молотки и пр.

Как известно, древнерусское ремесло очень рано разграничилось на городское и сельское. В то время как сельские кузнецы изготавливали более простые изделия — сошники, мотыги, оковки лопат, обручи ведер и т. п. сравнительно невысокого качества, конкуренция городского ремесла привела к освоению в Южной Руси сложных процессов термической обработки железа с целью получения высококачественной стали для изготовления добротных орудий труда, инструментов, оружия, предметов быта [39]. Так, металлографический анализ предметов, найденных на Донецком городище, от которых требовалась высокая поверхностная твердость (зубила, кресала, ножи, стамески, серпы, наконечники бронебойных стрел и др.), показывает, что они были изготовлены из кричного железа и подвергнуты поверхностной цементации. Многие ножи, сверла, некоторые долота и другие вещи изготовлены путем применения кузнечной сварки стальных и железных полос с последующей обработкой — закалкой и отпуском [40].

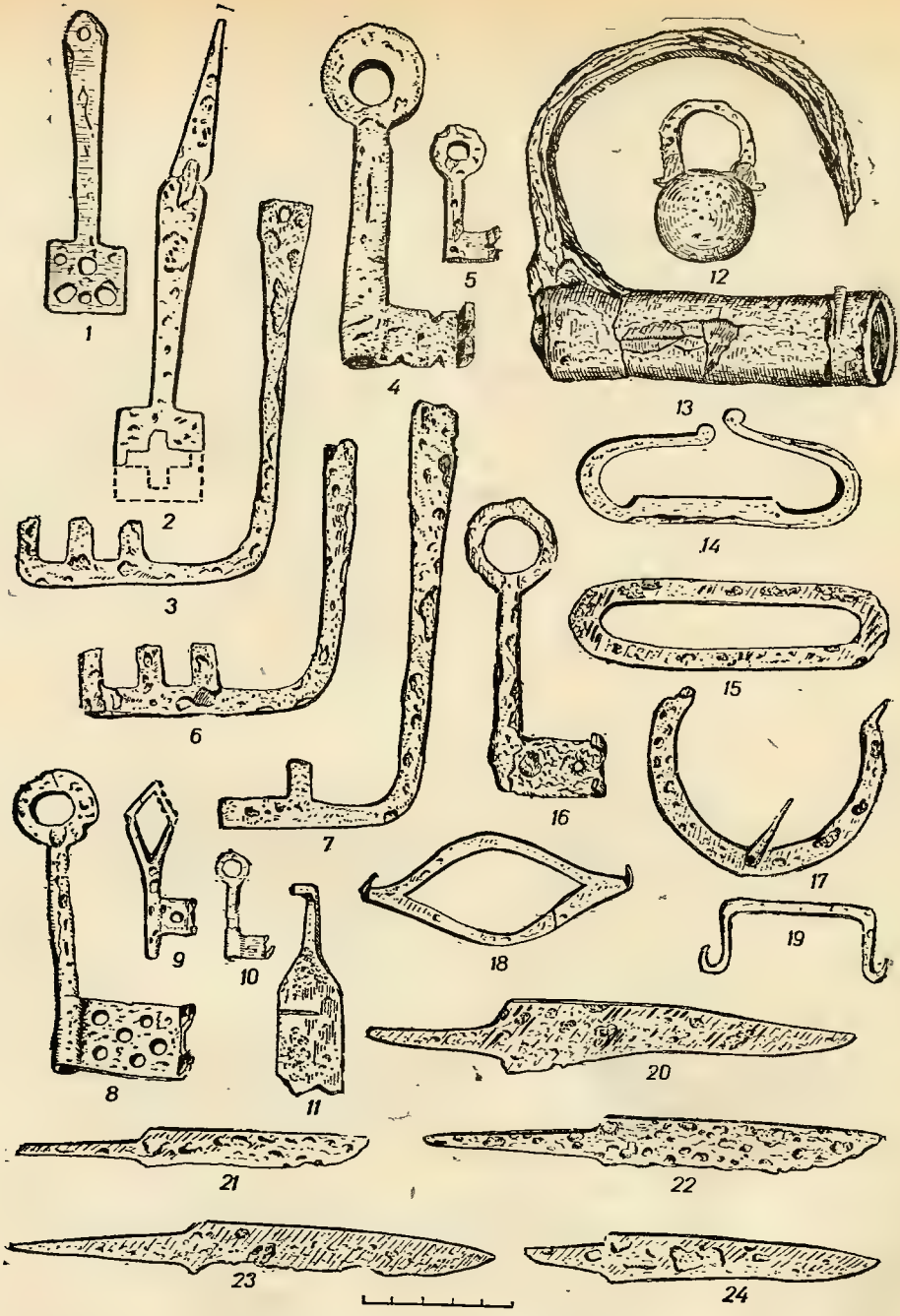
О высоком уровне кузнечного ремесленного производства в Переяславской земле свидетельствует повсеместное распространение металлических изделий как хозяйственного, так и бытового назначения. Причем обращает на себя внимание разнообразие ассортимента железных орудий труда и других предметов X—XIII вв., изготовлявшихся в основном местными кузнецами: гвозди, ножи, ножницы, летки от дверей, топоры. Среди них мы встречаем весьма сложные изделия в виде замков, различные по своей форме и конструкции [41]. Кроме уже упоминавшихся Воиня и Донца находки известны на городищах по Суле: у с. Сенча, хуторов Кизивер и Миклашевский, близ устья Трубежа (на месте летописного г. Устья) и др.[42]

Безусловно, главной кузницей княжества была его столица, где существовал, очевидно, кузнечный квартал, к сожалению, археологически не обнаруженный. Это предположение исходит из той роли, которую играл город в обороне юго-восточных пределов Древней Руси, и факта существования уже в XI в. в его неприступных валах на-



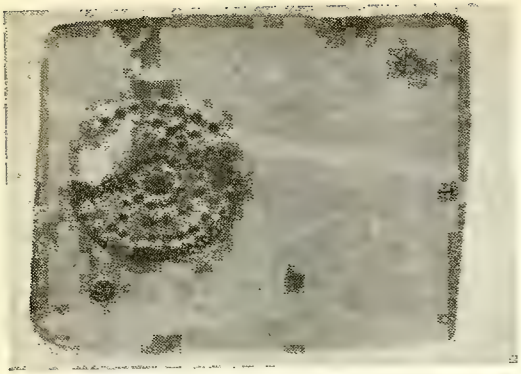
Орудия труда ремесленника-кузнеца из Воинской Гребли:
1 — наковаленка; 2 — молот-кувалда; 3 — фрагмент кузнечных клещей; 4—7 — долота.

ряду с Епископскими и Княжескими вратами, отдельных Кузнечных ворот [43], что не встречается в других древнерусских городах. Археологическая неисследованность переяславского посада лишает возможности материально подтвердить высказанную гипотезу. И все же, несмотря на то что ремесленный центр Переяслава до сих пор не обнаружен, огромное количество памятников железообработки, найденных в разных частях древнего города, говорит сама за себя. Здесь: гвозди, топоры, ножи, кирки, оковки лопат, удила, стремена, серпы, косы, замки, ключи от них и многое другое [44]. В столице княжества, городах Донце, Воине, Нежатине найдены также мастерски из-



Изделия из железа (Воинская Гребля):

1—10, 16 — ключи; 11 — фрагмент пружины от дверного замка; 12 — замочек; 13 — замок от конских пут; 14, 15 — кресала; 17 — подковка от сапога; 18 — дереволазный шип; 19 — ручка от сундучка; 20—24 — ножи.



Литейная формочка из камня. Переяслав-Хмельницкий

готовленные образцы древнерусского вооружения X—XIII вв.: наконечники копий, стрел, боевые секиры, кистени, мечи, железные панцыри, кольчуги [45].

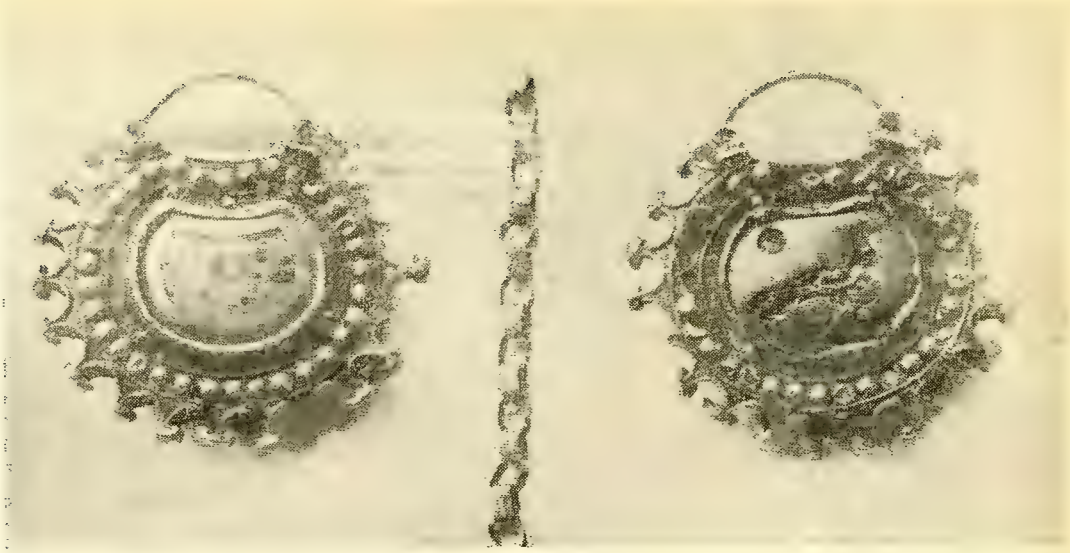
Городские ремесленники в Переяславском княжестве достигли определенных успехов не только в обработке железа, но также цветных и благородных металлов. Владея разнообразными техническими приемами изготовления предметов, они не уступали в мастерстве ремесленникам из других земель. Об этом свидетельствуют многочисленные находки различных приспособлений, как, например, глиняных плавильных тиглей, каменных литейных формочек, наковаленок, зубилец, щипчиков для ювелирных работ и пр. Только на селище возле Донецкого городища найдено более 10 литейных форм, вырезанных из мела, сделанных из глины. Все они предназначались для отливки лунниц, крестиков и других украшений [46]. Найденные на территории детинца и городского посада многочисленные серебряные и бронзовые женские украшения по тонкости и тщательности работы приравниваются к лучшим образцам древнерусского искусства, обнаруженным в других городах Киевской Руси.

Мастерство переяславских ювелиров характеризуют клады золотых и серебряных украшений XI—XIII вв., случайно найденные в дореволюционное время в Переяславе и на его окраинах [47]. Среди предметов кладов выделяются искусно сделанные золотые и серебряные серьги, серебряный колт с ажурной каймой, на вставных щитках которого выделяются геометрические гравированные с чернью узоры.

О широком распространении косторезного ремесла свидетельствуют повсеместные находки заготовок, готовых, неоконченных или бракованных изделий, а также отходов производства — обрезков рога и кости. В Воине, например, найдено около 100 заготовок, в том числе несколько целых рогов благородных оленей. Скромнее (всего 4 заготовки) прослеживается это ремесло в Переяславе [48]. Особенно преуспели в обработке кости и рога жители г. Донца. При исследовании его посада обнаружено несколько косторезных мастерских, где найдены оленьи и лосиные рога, со следами разнообразных приемов их обработки: распиливания, обстругивания, шлифовки, вытачивания на токарном станке. Множество найденных костяных и роговых изделий: ручки от ножей, гребни, пуговицы, игральные кости, пряжки нередко украшены красивым резным орнаментом. Примером высокого мастерства донецких косторезов могут служить найденные обломки костяной накладки от колчана, вырезанной из тонкой пластинки и оформленной в виде стилизованного изображения головы лошади с развевающейся гривой. Не исключено, что этот сюжет прикладного искусства возник под определенным влиянием вкусов южнорусских кочевников [49].

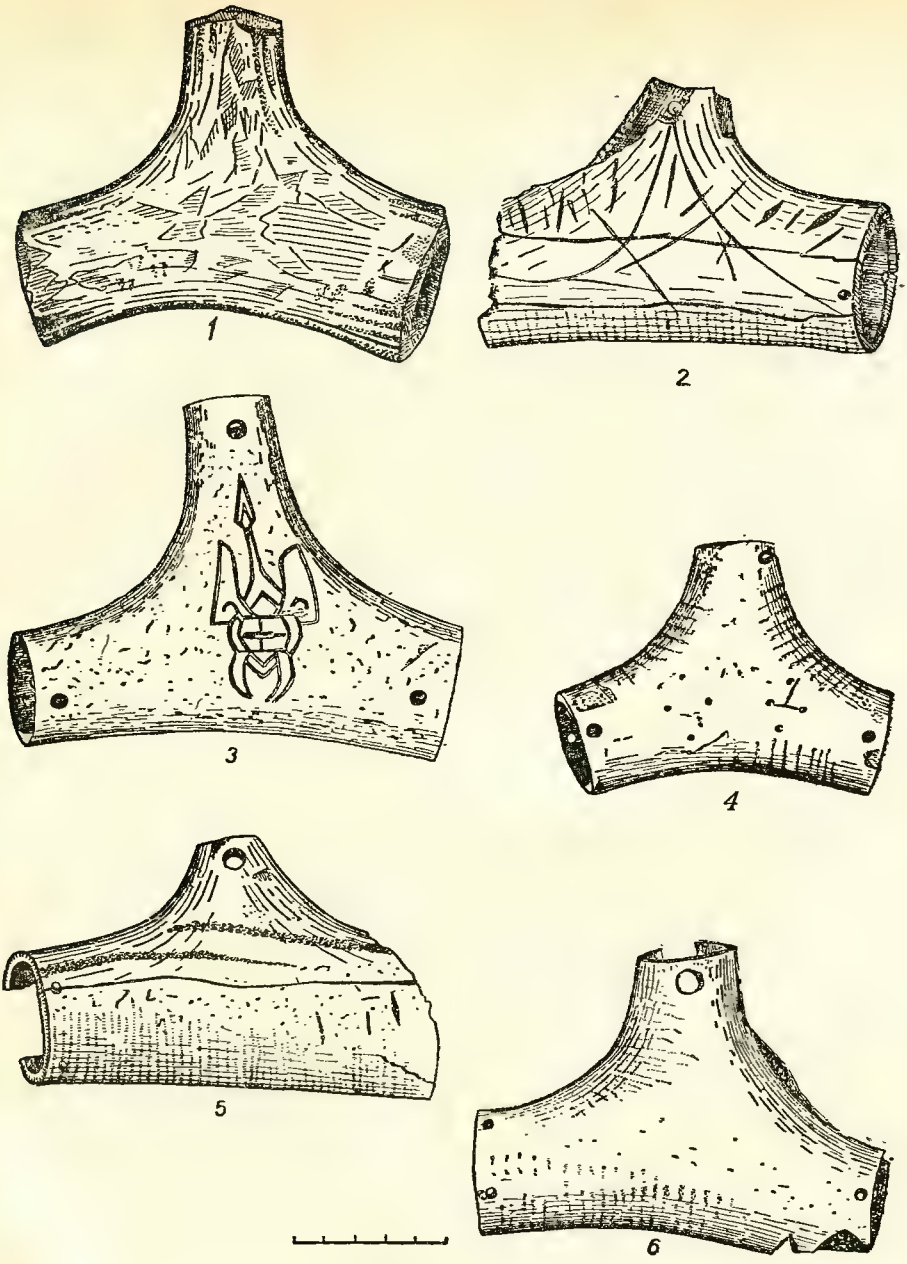
Как и в других древнерусских землях X—XIII вв., в Переяславском княжестве было развито гончарное ремесло. Обнаруженная на всех городищах керамика, как правило, сделанная на гончарном круге, отличалась высоким качеством глины и прекрасным обжигом в специальных горнах.

В этой связи особый интерес представляет донецкий керамический производственный комплекс, открытый в 1929 г. А. С. Федоровским и детально исследованный в дальнейшем



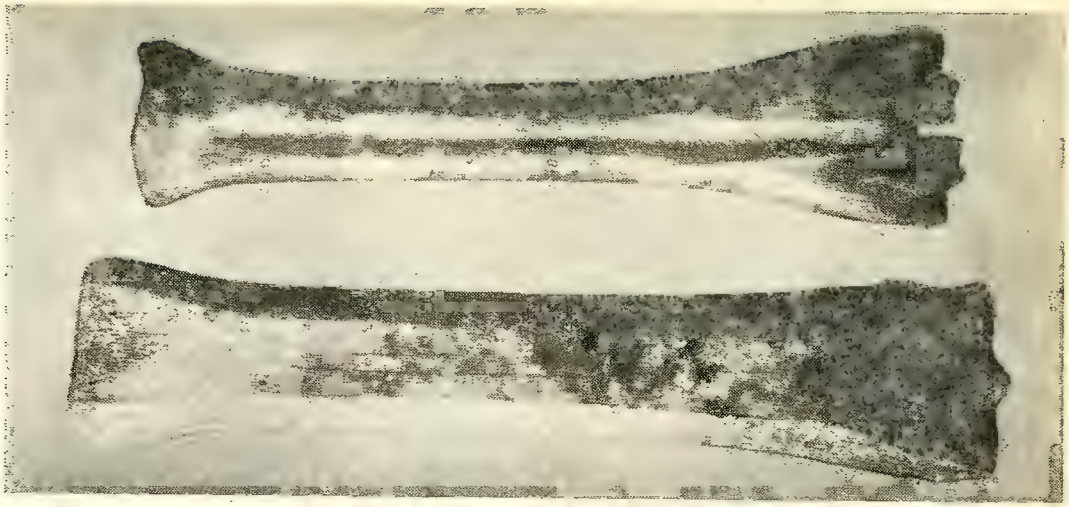
Колты из Переяславского клада 1885 г.

Заготовки из рога оленя

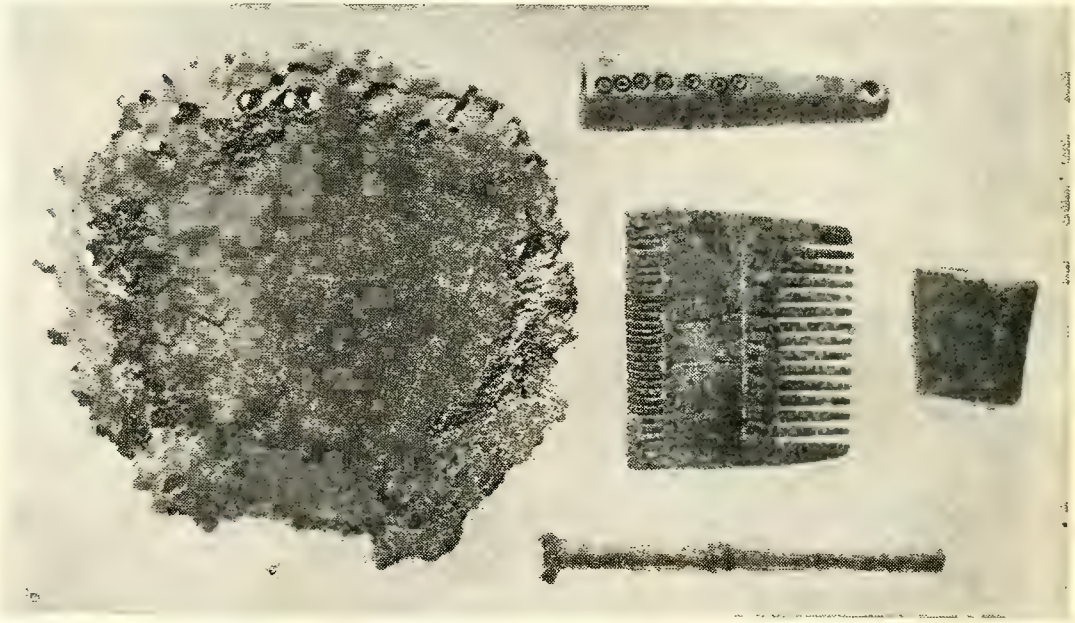


Костяные походные солонки

А. Г. Дьяченко[50]. Уникальность этого комплекса в том, что он состоял из пяти обжигательных гончарных горнов для массового выпуска бытовой посуды. Согласно описанию А. Г. Дьяченка, четыре горна представляют собой круглые в плане глинобитные печи, состоящие из двух частей: нижней — топки и верхней — камеры для обжига посуды. Специфической чертой этого типа горнов является наличие посередине топочной камеры так называемого «козла» — глиняной подпорной стенки, на которую опирался под обжига-



Лощила из кости



Изделия из кости

Керамические изделия переяславских гончаров

тельной камеры *. Под печи имел восемь продухов диаметром около 15 см, через которые поступал горячий воздух. В пятом горне нагретый воздух проходил через кольцевой канал, заложенный в самом поду обжигательной камеры.

Анализ ассортимента посуды, изготавливаемой донецкими гончарами, показывает, что 97 % керамики составляли глиняные горшки. Посуда Донца преимущественно украшенная линейным, волнистым или штампованным орнаментами. Кроме кухонных горшков изготовлялись также кувшины, корчаги для хранения жидкостей, миски, сковородки, крышки. Найдены керамические рыболовные грузила, различные детские игрушки: фигурки людей, погремушки и пр.[51] На донышках и боковых стенках многих сосудов встречаются клейма, причем повторя-

---

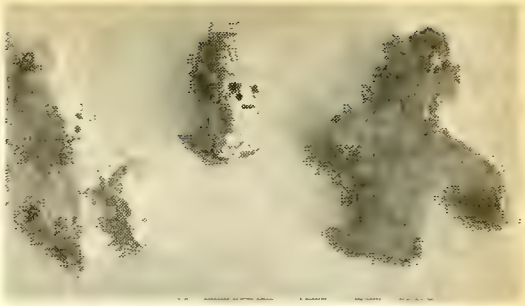
* Как доказано Б. А. Рыбаковым, двухъярусные горны описанного типа генетически связаны с римскими обжигательными печами. Широко применялись в гончарных мастерских черняховцев (*Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— М., 1948.— С. 348; *Бидзиля В. И., Воляник В. К., Гошко Т. Ю.* Черняховская гончариая мастерская из с. Завадовки // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев, 1981.— С. 113—130).

ющиеся неоднократно, что свидетельствует о работе ремесленника на заказ и на рынок. Наиболее многочисленную группу составляют клейма, в основе которых лежит круг. Встречаются во множестве изображения других геометрических фигур (крест, треугольник, квадрат, сегнерово колесо и др.).

Существенный интерес представляют клейма, воспроизводящие знак Рюриковичей в виде двузубца или триденса. Они имеются в коллекции днищ сосудов из г. Донца. По мнению специалистов, наличие этих знаков свидетельствует о связях части ремесленников с хозяйством князя либо его наместника, что обязывало их метить посуду не своей тамгой, а княжеским знаком Рюриковичей [52].

О постоянном совершенствовании гончарного ремесла свидетельствует появление в Южной Руси в конце XI в. под влиянием Византии, стран Ближнего Востока собственного поливного дела. Белоглинная и сероглинная поливная посуда обнаружена в Переяславе, Воине, других населенных пунктах княжества. В Воине найдены также интересные образцы поливных писанок [53].

Одним из древнейших производств в Переяславской земле следует считать ремесло древоделов (огородников, мостников, столяров, токарей, бочаров, резчиков по дереву и пр.). К сожалению, характер культурного слоя древнерусских городищ Левобережья Среднего Поднепровья не способствовал сохранению изделий из дерева. Однако целиком найденные остатки деревянных срубов в оборонительных валах, фрагменты кухонной посуды, бочонков, ведер и орудий труда (топоров, ножовок, тесел, долот, сверл) свидетельствуют, что эта отрасль являлась одной из ведущих [54]. Очевидно, как и в других землях, древоделы возводили и ремонтировали деревянные укрепления городов, строили храмы, великолепные княжеские и боярские резные терема, делали для купцов вместительные и прочные повозки, сани и быстроходные лодии, наводили через реки сложные по своей конструкции мосты *. В ненастье, осенью и зимой они мастерили различную мебель, точили на токарных станках миски, чашки, вырезали ложки и прочую утварь.

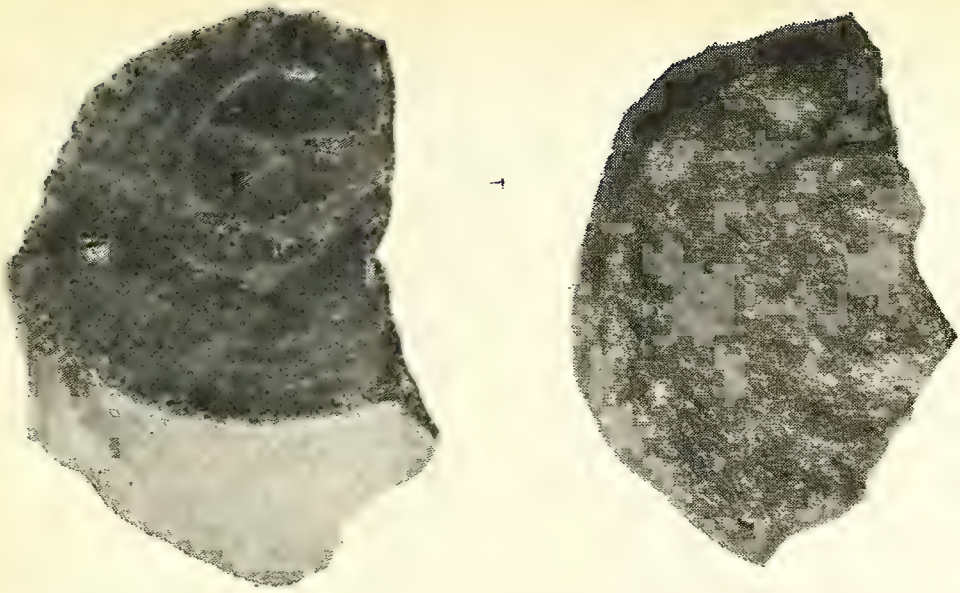


Фигурки людей из глины

С введением христианства и ознакомлением русских мастеров с передовой на то время византийской строительной культурой, древоделы постепенно овладевали приемами византийского каменного искусства. На основе традиций народной деревянной архитектуры они создавали великолепные памятники каменного зодчества. Появились профессии каменщиков (каменотесов, кирпичников, кровельщиков, живописцев).

Обнаруженная и исследованная М. И. Сикорским стеклоделательная мастерская в Переяславе открыла новую страницу в истории еще одного вида переяславского ремесла. Как известно, в науке продолжительное время господствовала точка зрения об импортном происхождении большинства стеклянных изделий, выявленных в древнерусских городах и селах. Однако последующие археологические исследования городов Древней Руси дали в распоряжение науки материалы, резко изменившие взгляд на отечественное стеклоделие. Археологами открыты мастерские по стеклоделию в Киеве, Новгороде, Полоцке, Костроме, Колодяжине, Райковецком городище, Переяславе и других древнерусских городах.

* Вполне вероятно, что переяславские мастеровые принимали участие в строительстве деревянного моста через Днепр у Киева в княжение Владимира Мономаха (*ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 290).



Образцы клейм на керамике

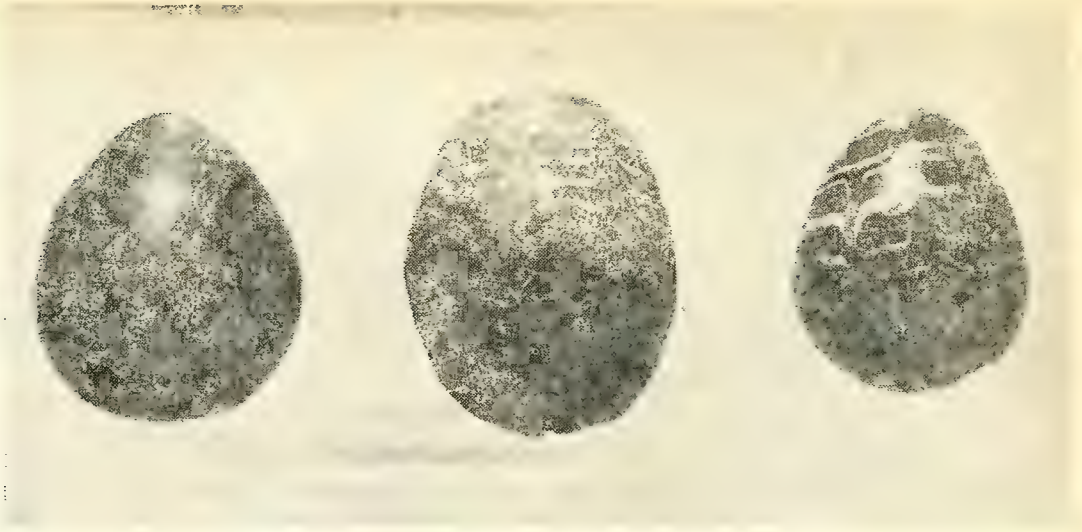
Переяславский производственный комплекс по выпуску разнообразных стеклянных изделий являлся уникальным, о чем свидетельствует уже одно его местоположение — в пределах епископского двора, за каменной стеной. Такое расположение мастерской можно объяснить двояко: во-первых, необходимость высоких температур делала это ремесло небезопасным для деревянных, нередко покрытых соломой посадских построек; во-вторых, организация дорогостоящего (свинец, поташ, красители, песок) и сложного производства простому ремесленнику была непосильной. Не исключено, что мастерскую опекал сам епископ, получавший немалые доходы от реализации ее продукции.

Производственный комплекс состоял из нескольких объектов — собственно мастерской, складского помещения, подсобных сооружений — ям с поташем, с дубовым углем, ям для производственных отходов, площадки для песка и пр. Среди руин мастерской обнаружено множество осколков крупного оконного стекла толщиной 1 мм, диаметром 16,8 и 22,5 см — основного, на наш взгляд, изделия производственного комплекса, а также около сотни круглых заготовок смальты диаметром 10—12 см желтого, зеленого и вишневого цвета, использовавшейся для украшения храмов. Выявлены кусочки красителя вишневого цвета [55].

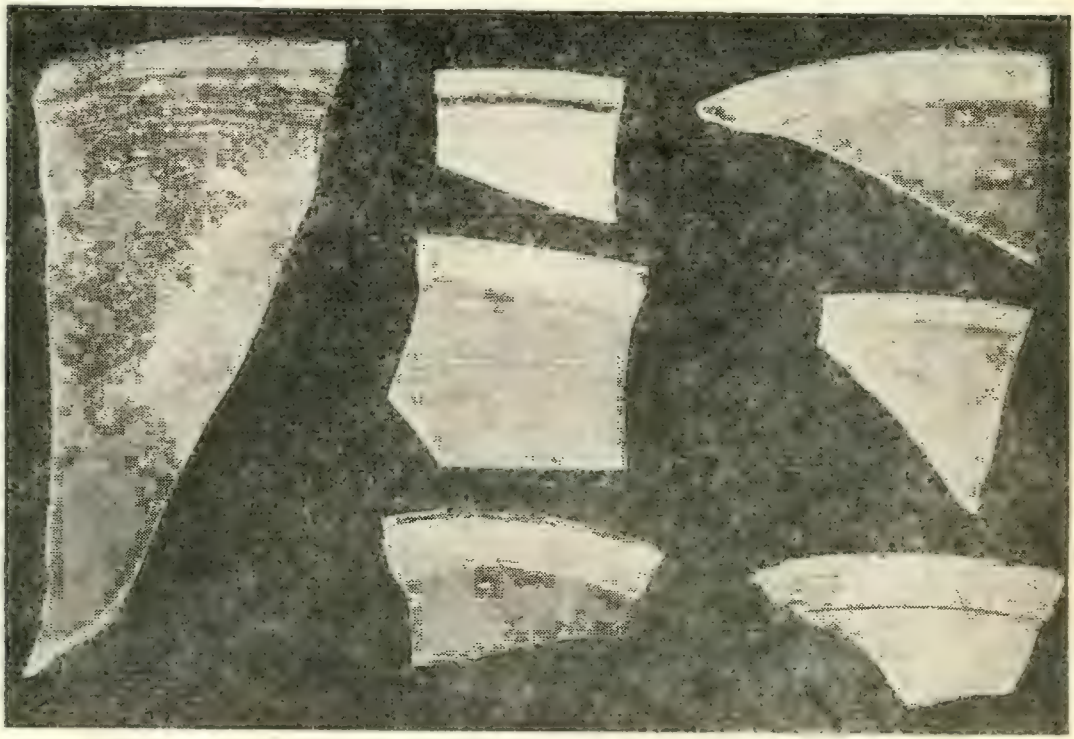
Стеклоделательная мастерская, по заключению специалистов, функционировала бесперебойно продолжительное время и, очевидно, удовлетворяла своей продукцией потребности не только переяславского строительства, но и других городов княжества. Не исключено, что здесь производили также различную посуду, стеклянные браслеты, перстни, ожерелья, находимые повсеместно на древнерусских городищах и селищах Левобережья.

Летописный рассказ о переяславском богатыре Кожемяке, победившем печенега [56], свидетельствует о выделении в X в. новой специализации в домашнем производстве переяславцев — ремесла кожевников и сапожников. Как в городах, так и в селах ими изготовлялись различные кожаные изделия: обувь, шапки, пояса, конская сбруя, седла, колчаны, щиты, переплеты книг, пергамент и др.

Важным видом городского и особенно сельского домашнего ремесла в Переяславской земле было изготовле-



Поливные писанки из Воинской Гребли



Фрагменты оконного стекла из Переяслава

Фрагменты стеклянных плоских браслетов

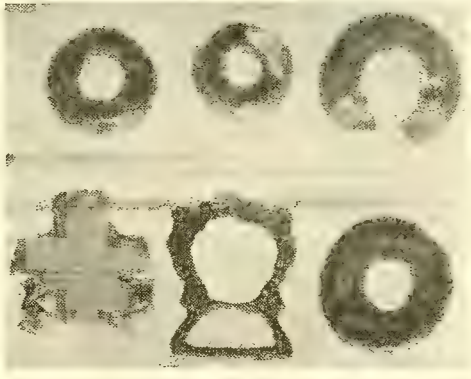
Фрагменты стеклянных витых браслетов

ние из конопляной, льняной и шерстяной пряжи различных тканей, фрагменты которых находят археологи на поселениях и в курганных могильниках. Так, О. Федоровскому в слоях золы при исследовании Донецкого городища удалось обнаружить куски веревки, ткани, также остатки ткацкой основы, что сохранились на гребне-берде ткацкого станка [57].

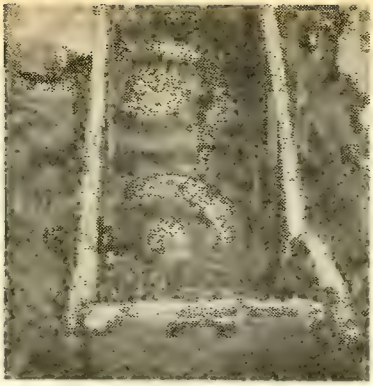
Обработка конопли, льна, известная в Восточной Европе задолго до Киевской Руси, была широко распространена во всех русских землях. Об использовании на Переяславщине в качестве сырья для ткацкого дела овечей шерсти свидетельствуют находки специальных пружинных ножниц, которыми стригли животных. В Воине их обнаружено восемь пар [58]. Прядение пряжи осуществлялось с помощью ручного веретена. Для облегчения усилий руки по его вращению на веретено надевалось пряслице. Эти маленькие кружки-маховички, утяжелявшие веретено, большею частью изготовлены из красного овручского шифера. Их находят, по словам Б. А. Рыбакова, повсеместно «от Одера до Средней Волги, от Ладоги до Роси и Ворсклы» [59]. Ткани производились на ткацком веретене горизонтального типа, дожившем в русском селе до XIX в. Остатки подобного станка обнаружены на городище у с. Воинская Гребля. Здесь же найдены 265 шиферных пряслиц [60].

В городах и селищах Переяславской земли кроме выше рассмотренных видов ремесел были развиты многие другие, в частности обработка камня, о чем свидетельствуют архитектурные декорации переяславских храмов, каменные гробницы князей, повсеместные находки жерновов, каменных бус, пряслиц, крестиков, иконок, литейных форм. Материалом для них служили шифер, жировик, плотные сорта известняка и ряд драгоценных и полудрагоценных камней вроде сердолика, хрусталя, янтаря, аметиста, сапфира [61].

Проведенный обзор показывает всевозрастающее значение в экономике княжества X—XIII вв. постоянно развивавшегося и совершенствовавшегося ремесленного производства, способст-



Фрагменты шиферных и керамических пряслиц



Каменная епископская гробница в храме св. Михаила, XI в. Западный притвор

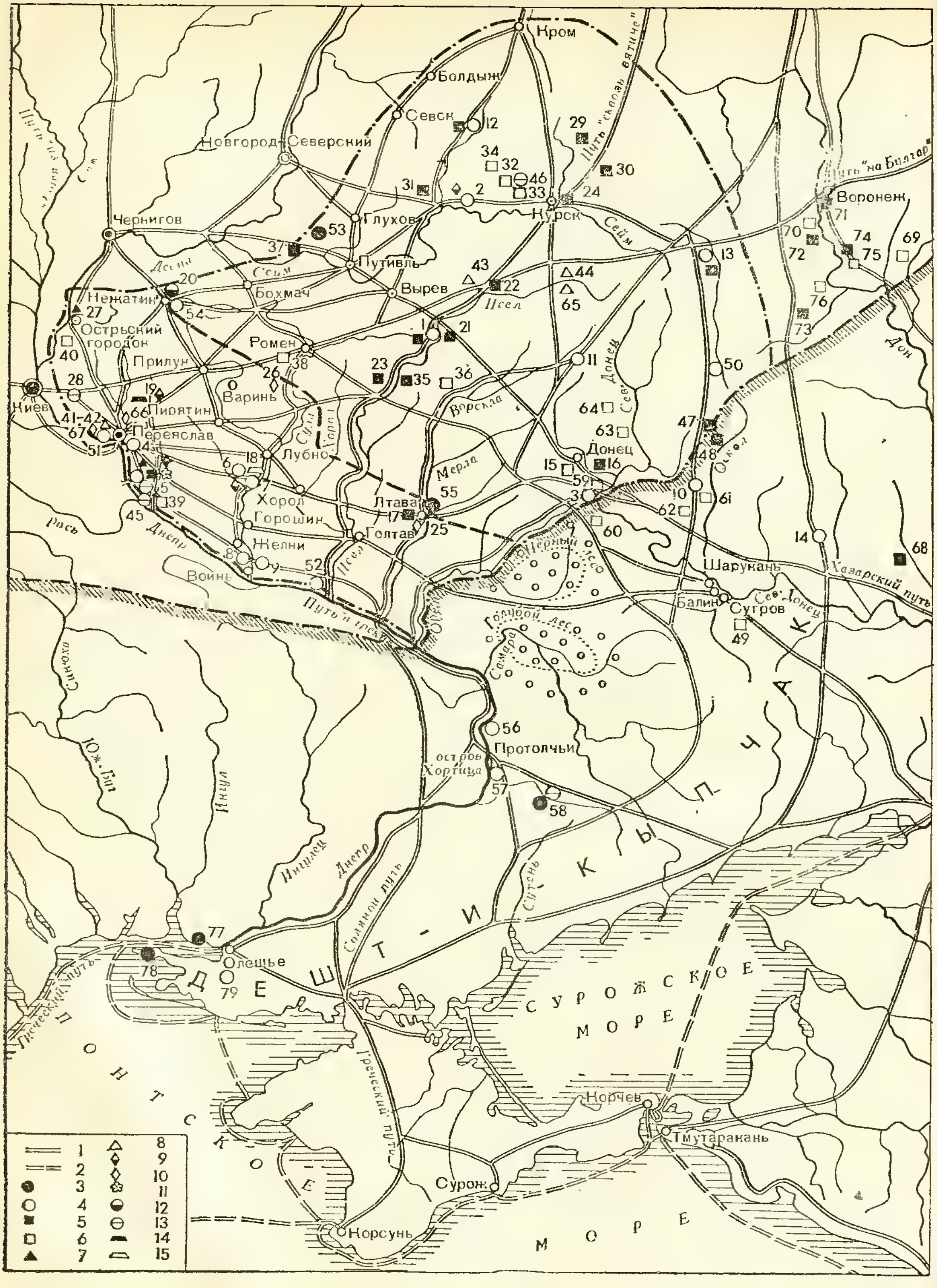
вовавшего разложению патриархально-родовых, первобытнообщинных и рабовладельческих отношений. Появление гончарного круга, токарного станка и ткацкого верстака, совершенных стальных инструментов усложняло производственные процессы, благодаря чему можно было в большом количестве производить более совершенные и стандартные изделия. Усложнение техники производства в свою очередь ускоряло процесс отделения ремесла, его обособления. Специализация обособленных производителей вела к разграничению потребительской и меновой стоимости, возникновению товарного производства и частной собственности. Разделение труда содействовало возрастанию числа городов Переяславской земли: от одного— в X в. до 13 — в XI в. и 36 — в XII в. Города, населенные прежде всего товаропроизводителями, способствовали развитию и углублению экономических связей княжества.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: ПУТИ СООБЩЕНИЯ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ТОРГОВЛЯ

Пути сообщения. Развитость сети дорог, состав и интенсивность денежного обращения, а также импорта и экспорта характеризуют уровень развития производительных сил, сельского хозяйства, промыслов, ремесла и хозяйственных связей Переяславского Левобережья на фоне экономики других земель Киевской Руси и зарубежных стран.

Как известно, выгодное положение на трансконтинентальных торговых коммуникациях рано обусловило проникновение в Среднее Поднепровье, в частности на его Левобережье, значительного количества античных товаров, римских монет и латенских вещей, затем византийских, западноевропейских, других стран средневековой Евразии.

Интенсивность экономической жизни этого региона во многом определялась естественно географической средой — чрезвычайно благоприятной, стимулирующей хозяйственную деятельность проживавшего здесь населения и располагавшей к экономическим контактам с другими народами. Немаловажным фактором, способствовавшим стечению международных торговых магистралей в Среднее Поднепровье в X—XIII в., следует считать также внешнеполитические обстоятельства того времени. Кочевники, наводнившие степи Северного Причерноморья и Подунавья, заставили перенести основные пути купеческих караванов, двигавшихся с востока и юго-востока на запад и в обратном направлении, значительно севернее (по сравнению с ранним средневековьем) — в пределы лесостепи Переяславской и Киевской земель, где находились удобные и безопасные переправы, перевозы и броды через Днепр, охраняемые городами-крепостями. Это упоминаемые в летописи Вышгородская, Киевская и Выдубецкая переправы, Трипольский, Витачевский, Зарубский и Каневский броды, а с 1115 г. грандиозный для того времени деревянный мост через Днепр у Киева, сооруженный Владимиром Мономахом [62]. В пределах Среднего Днепра торговые пути, протянувшиеся между Западной Европой и странами Азии, пересекались с не менее важными магистралями «из варяг», соединявшими по Днепру и Волге страны Северной Европы с Византией и Арабским Востоком [63]. Все это благоприятно отразилось на экономике Киевского государства, древнерусских княжеств,


Кром
Болдыж
Севск
Новгород-Северский
Чернигов
Глухов
Путивль
Курск
Воронеж
Нежатин
Остръский городок
Бохмач
Вырев
Ромен
Прилун
Варинь
Киев
Пирятин
Переяслав
Лубно
Хорол
Горошин
Желни
Голтав
Лтава
Воинь
Донец
Шарукань
Балин
Сугров
Протолчьи
остров Хортица
Олешье
Корсунь
Сурож
Корчев
Тмутаракань
Десна
Сейм
Псел
Ворскла
Мерла
Сула
Хорол
Сев. Донец
Оскол
Дон
Рось
Днепр
Синюха
Юж. Буг
Ингул
Ингулец
Самара
Сутень
Черный лес
Голубой лес
Путь "сквозь вятиче"
Путь "на Булгар"
Хазарский путь
Путь "в греки"
Соляной путь
Греческий путь
ДЕШТ-И-КЫПЧАК
ПОНТСКОЕ МОРЕ
СУРОЖСКОЕ МОРЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

развитии их внешней и внутренней торговли, ремесел, городской жизни.

Основными путями сообщения в пределах Переяславской земли, а также на юг и юго-восток от нее были сухопутные дороги, приспособленные для колесного и вьючного транспорта, описанного Виллемом де Рубруком, побывавшим на крымской ярмарке в Сальдайе [64]. Вели они также в отдаленные волости северных подданных земель. В народном былинном эпосе славятся киевские богатыри, проложившие «прямоезжие» дороги на север через леса, полные опасностей и разбоя [65]. Ими не раз приходилось пользоваться переяславскому князю Владимиру Мономаху, его детям и внукам, путешествуя «сквозь Вятиче» в Ростовский удел [66]. Упоминаются в былинах «дорожки окольные» и «дороги широкие», расписаны, куда какая тянулась: в Чернигов, Киев или «ко синю морю» [67]. На функционирование «великих гостиниц» с их мытницами указывалось в «Русской Правде» [68].

Немаловажное значение для внешней и внутренней торговли княжества имели речные пути. Основными торговыми артериями Переяславской земли являлись известные из летописей Греческий, Соляной и Залозный [69], а также Хазарский пути, соединяющие Среднее Поднепровье с Византией, Кавказом и Средней Азией. Первое по своему значению место среди названных магистралей удерживал старинный речно-сухопутно-морской путь «от грек». Описанный еще Геродотом, этот путь сложился во времена скифов и первых греческих колоний в Причерноморье [70]. Очевидно, в то далекое время он получил и свое название. Путь «из Грек по Днепру» и в «Греки» в древнерусское время детально описан Константином Багрянородным в его трактате «Об управлении государством», а также одним из авторов «Повести временных лет» [71].

Города Переяславской земли посредством левых притоков Днепра — Трубежа, Сулы, Псла, Ворсклы были теснейшим образом связаны с этой важной торговой магистралью. Можно предположить (ввиду отсутствия письменных известий), что главными пунктами формирования торговых караванов переяславских купцов были г. Устье на Трубеже (в 9 км от Переяслава) и г. Воинь на Суле, имевшие удобные гавани. Двигаясь к Царьграду, вереницы их торговых лодий в X в. имели на своем пути несколько этапных стоянок для отдыха: на островах Хортице (о. Св. Георгия) и Березани, в устье Днестра [72] и др. Со второй половины XI в. в низовье Днепра известен порт Олешье, подвластный великому киевскому князю [73]. Здесь купцы запасались пресной водой, производили ремонт и оснастку лодий перед выходом в Черное море. Греческий водный путь функционировал на протяжении всей древнерусской истории вплоть до разграбления Царьграда латинянами в 1204 г.

По свидетельству Константина Багрянородного, существовал также сухопутный вариант Греческого пути [74]. Он пролегал от Херсонеса через Перекоп к Крарийской переправе на Днепре (ниже о. Хортицы), после чего, очевидно, шел правым берегом к днепровской Переволочной при устье Ворсклы, где разделялся на два пути: один вел высоким правым берегом к Киеву, второй Левобережьем к Переяславу. Учитывая небезопасность и сложность как первого, так и второго путей, некоторые исследователи предполагают, на основании косвенных данных, существование в древнерусское время еще одного варианта транзитного способа доставки византийских товаров в Среднее Поднепровье: в обход Половецкого «поля», через Болгарию, дунайские города, долины Прута и Серета, погра-

Карта путей сообщения и топография находок денежных знаков в пределах Переяславской земли. IX—XIII вв.:

1 — грунтовые пути сообщения; 2 — морские пути сообщения; 3 — клады византийских монет; 4 — единичные находки византийских монет; 5 — клады куфических монет; 6 — единичные находки куфических монет; 7 — клады западноевропейских монет; 8 — единичные находки западноевропейских монет; 9 — вещевые клады с монетами; 10 — вещевые клады; 11 — единичные находки иранских монет; 12 — клады древнерусских монет; 13 — единичные находки древнерусских монет; 14 — клады киевских гривен; 15 — единичные находки киевских гривен (См.: Приложение. Табл. № 3)

Диорама гавани города Воиня X—XIII вв. Автор А. В. Казанский

ничные районы Галицкого и Киевского княжеств [75].

Второй жизненно важной торговой магистралью для Переяславской земли был Соляной путь, который вел на юг к сурожским и понтским лиманам, соляным озерам Таврики. Скрупулезное изучение К. В. Кудряшовым маршрутов солевозных путей XVII в. и более позднего времени дало возможность ученому, на наш взгляд, правильно реконструировать эту сухопутную торговую артерию Поднепровья [76]. Он тянулся из Переяслава к устью Ворсклы, где переходил на правый берег и шел до известной в XVII в. переправы Никитин Рог (ныне — Никополь). У Никитина Рога путь снова переходил на левый берег Днепра и шел вдоль реки примерно до современной Каховки, где поворачивал на юг, простирался степью через Черную долину до Перекопа. Здесь путь раздваивался на ветки: в направлении богатых солью озер Сурожского (Азовского) побережья Таврики и вглубь самого полуострова. Вполне вероятно, что уже в древнерусское время существовал водный путь доставки соли из черноморских лиманов по Днепру, интенсивно используемый наряду с другими в XIII — XVII вв. [77] О применении судов для перевозки соли имеются указания у Виллема де Рубрука [78].

Южные пути доставки соли в Переяславскую землю были не единственными. Во времена обострения отношений между русскими князьями и половцами основная нагрузка по обеспечению Поднепровья солью ложилась на Западный соляной путь: Галич — Теребовль — Котельница — Киев [79]. Об этом свидетельствует факт, приведенный в Патерике Киево-Печерского монастыря: когда во время междоусобицы конца XI в. Святополк «не пустиша гостей из Галича, ни людей из Перемышля, и не бысть соли во всей Русской земле» [80].

Учитывая расположение населенных пунктов Переяславской земли, можно предположить, что в X—XIII вв. ее юго-восточные и восточные северские земли имели свой путь доставки соли, более удобный и независимый от двух предыдущих. Это известный из Книги Большому Чертежу Муравский путь [81], главным назначением которого было доставлять морскую соль и рыбу в отдаленные восточные и северо-восточные районы Руси. От соляных озер Таврики путь вел вдоль побережья Сурожского моря на северо-восток по водоразделу Днепра и Северского Донца в Курское Посеймье, затем через вятичские леса в Ростово-Суздальскую землю [82]. В XIV — XVII вв. этот путь считался «способнейшим, прямейшим, гладким и ровным путем из Руси к татарам». Украинские казаки называли его еще «одвічним, безкраїм» [83]. Ответвлениями его следует считать Изюмскую и Кальмиусскую дороги,

которые, вполне вероятно, функционировали и в древнерусское время. Отделяясь у верховьев Орели от Муравского пути, первая из них шла к Донцу, через который была переправа ниже нынешнего г. Изюма, затем междуречьем Оскола и Донца достигала верховьев Сейма, где снова соединялась с Муравским. Второй путь пролегал несколько восточнее Изюмского. Отделяясь у Молочных Вод от Муравского, он пресекал реки Кальмиус и Северский Донец, поворачивал на север и вдоль левого берега Оскола тянулся до г. Ливень, где опять сливался с Муравским [84]. Наличие этих важных путей на окраине Переяславской земли предполагают множество археологических и нумизматических памятников X—XIII вв., выявленных по их маршрутам, наличие древнерусских поселений и городищ, вблизи с. Крапивного Шебекинского района и с. Холок Новооскольского района Белгородской области [85], реконструкции маршрутов походов северских князей [86].

Третий, упоминаемый в летописи путь, носил своеобразное название Залозный. Относительно его общего направления исследователи высказывали разные предположения, часто прямо противоположные. Например, П. П. Мельгунов считал этот путь юго-западным и западным, получившим свое название от лоз, которыми поросли берега Дуная, В. Г. Фоменко — южным [87]. В то же время большинство ученых придерживалось мнения, наиболее четко и аргументированно изложенного К. В. Кудряшовым: этот путь пролегал по Левобережью Днепра в юго-восточном направлении на Тмутаракань и Кавказ [88]. Свое название, считает исследователь, путь получил от известных зарослей верболоза (упоминаемых еще Геродотом) в районе Днепровской Луки [89]. Находившиеся восточнее нее, они обозначены на современных картах лишь сгустком топонимов и гидронимов типа: Лозоватка, Лозовая, Вербовая и др.[90] Именно сюда, за эти «Лозы» (по отношению к Греческому и Соляному) направлялся из Киева и Переяслава Залозный путь. Совпадая почти до Ворсклы с сухопутными вариантами первых, он продолжался и далее параллельно Днепру, пролегая через броды у теперешних Кобеляк (на Ворскле), Царичанки (на Орели) Новомосковска (на Самаре), затем направлялся левобережьем Самары вниз к побережью Сурожского моря. Ответвлением его, по всей вероятности, был путь, тянувшийся через броды у Новых Санжар (на Ворскле), Нехвороща (на Орели), левобережьем Орели, затем междуречьем Самары и Северского Донца мимо половецких городов Балина, Шаруканя и Сугрова на юго-восток к устью Дона. За Доном одна его ветвь уводила купцов на Восток в Закавказье, вторая — к Тмутаракани [91]. Интересно отметить, что на большем своем протяжении реконструированные пути совпали с путями половецких вторжений в пределы Переяславской земли, а также со встречными походными путями русских князей в степь и на орельское пограничье [92].

Не отрицая возможности функционирования в X—XIII вв. сухопутных путей, реконструированных П. П. Мельгуновым, К. В. Кудряшовым, В. Г. Фоменко и отождествленных ими с «Залозным», считаем, что вышеупоминаемый в древнерусских летописях путь не являлся сухопутным. Исходя из летописного сообщения о том, что русские князья часто ожидали вблизи Канева, пока «взиде Гречник и Залозник» [93], ясно, что речь здесь идет о речной коммуникации и «гостях», поднимавшихся на веслах вверх против течения Днепра. Возникает вопрос: кто же такие «залозники»? Залозниками были, очевидно, киевские купцы, специализировавшиеся на торговле солью, рыбой, товарами, скупаемыми в греческих городах и у половцев. Свое название они, как и путь их следования, могли получить от изначального пункта формирования торгового каравана у озера Залозного, удобной гавани вблизи устья Десны, расположенного напротив Киева [94].

Еще одним важным путем, непрерывно функционировавшим в средневековье и связывавшим вначале Древне-

русское государство, а затем Киевское, Черниговское, Переяславское и Новгород-Северское княжества с далекими странами Азии, являлся Хазарский путь. Известный арабским купцам еще в раннеславянское время, своего расцвета путь достиг в VIII—X вв. (период господства хазар над юго-восточными районами северских земель, вошедших в состав Переяславской земли только в XI в.). Согласно находкам куфических и византийских монет, других предметов импорта, расположению роменских (северских) городищ, путь от столицы Хазарии Итиля в пределы Днепровского Левобережья шел на Саркел (Белую Вежу), затем левым берегом Северского Донца до г. Донца и через верховья Ворсклы, Псла к Вырю и Путивлю, где разветвлялся на Чернигов и Новгород-Северский *. Ответвлением древнего Хазарского пути следует считать путь от Северского Донца на Лтаву и Переяслав, которым в 1111 г. русские князья под главенством Мономаха совершили поход в Половецкую землю [95]. Меньшее значение в торговых контактах имел водный путь по Северскому Донцу, которым достигали Дона, плыли мимо Саркела к Волго-Донской переволоке и затем Волгой к Итилю [96]. Хазары предпочитали речным путям сухопутные. Ценность водной артерии по Донцу и Дону определялась удобством сношений северян с Тмутараканским княжеством на Таманском полуострове.

Во второй половине XI в. все юго-восточные торговые магистрали, ведущие на Русь, попали в руки новых хозяев Приазовских степей— половцев. Пути продолжали функционировать, хотя и не так интенсивно, как в предшествующий период. Это четко прослеживается по нумизматическим материалам: значительно уменьшается (по их маршрутам) количество находок кладов и единичных монет, датированных XI—XIII вв.[97]

Наличие торговых контактов с половцами подтверждает древнерусская летопись. В 1184 г. русские князья, выйдя навстречу ордам Кончака, «устрѣтоста гости идущь противу себе из Половець...» [98] О том, что Хазарским путем продолжали пользоваться в тот период, свидетельствуют также находки вблизи хутора Височина на р. Деркуле (левый приток Северского Донца) клада восточных илекских монет XI в. и монет сельджукского султана Малой Азии Иззаддин Килидж Арслана II (1156—1188) [99].

Важную роль в экономике Переяславского княжества играл проходящий по водоразделу Сейма и верхних днепровских притоков Супоя, Сулы и Псла большой торговый путь, тянувшийся в Курское Посеймье. Им, как известно, с обозом купцов пришел из Курска в Киев Феодосий (Печерский) [100]. На значительном расстоянии этот путь совпадал с другой дальней торговой магистралью, соединявшей Киев и Переяслав с волжским Болгаром и измерявшейся 20-дневными переходами торгового каравана [101]. Реконструировал последний Б. А. Рыбаков [102].

Еще два пути «из варяг» и «сквозе вятиче» соединяли Переяславскую землю с северными и северо-восточными землями Руси. Первый из них (водно-сухопутный) вел через Смоленск на Новгород; второй, сухопутный, через Посеймье и вятичские леса соединял Переяслав с его Ростовским уделом. В XVI—XVII вв. он был известен под названием Бакаевого пути [103]. Им неоднократно «идох» к Ростову Владимир Мономах. Этим же путем он «ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его» [104], а Юрий Долгорукий отступал от Чернигова «на Новгород на Северский и оттуда же иде к Рыльску, и ... хоте поити из Рыльска Суждалю» [105]. Неоднократно переяславские князья и купцы добирались до Ростова и Суздаля через смоленские владения: «идохом Смоленску. И потом идох Ростову» [106].

---

* Этим путем бежал из половецкого плена Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве» (*ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 651). Им отступали из Чернигова союзники Юрия Долгорукого — половцы Оперлюевы и Токсобичи (*Там же.*— Стб. 457—458).

В торгово-экономических связях с Западом переяславские купцы использовали, очевидно, посредничество великокняжеского Киева, имевшего тесные контакты с Чехией, Польшей, Германией, Францией, Венгрией [107]. Пути из Киева на Галич, Перемышль, Владимир-Волынский [108] были в свою очередь продолжением международных дорог, которые вели к Переяславу с Востока. Это делало оба города зависимыми друг от друга, сближало и укрепляло их экономические связи. Уже в то время Киев и Переяслав превращались в важные складочные и перевалочные пункты западноевропейских и восточных товаров, сохранив значение таковых на многие века их последующей истории.

Кроме перечисленных трансконтинентальных торговых и военно-стратегических путей общерусского значения, пересекавших в разных направлениях территорию Переяславского княжества, внутри его сложилась своя система дорог, связывавшая города и селища земли со столицей на Трубеже и способствовавшая развитию внутреннего обмена и торговли. Кратчайший путь до Остра вел вдоль Трубежа на север через Бронь княжь и Баруч. Этим путем продвигались в пределы переяславских владений Ольговичи в 1135 г., «взяша Городокъ и Нѣжатин, и села пожгоша, и Баручь пожгоша, а людье оуидоша...» [109]. Был и окружной путь на Остер через Носов. Им спешно отступал Глеб Юрьевич, преследуемый Мстиславом Изяславичем в 1148 г.[110]

Прямой путь соединял Переяслав с верховьями Ромна. Собственно, это часть уже рассмотренного нами Бакаевого пути, который вел в Курское Посеймье [111]. Им шел Владимир Мономах (через верховья Супоя, Прилуку) с дружиной к Белой Веже отражать нападение половецких князей Асиня и Сакзя [112].

Столица княжества тесно была связана с городами Посулья: Лубном, Горошином, Лукомлем, Воинем и другими, составлявшими одну из оборонительных линий Переяславской земли. Это были пути самого тревожного юго-восточного направления. По ним в случае необходимости оказывалась помощь князем Посулью в противодействии проникновению кочевников в глубинные районы его вотчины.

Характерной особенностью внутренней сети дорог (наряду с меридиальным от Переяслава на север, восток и юг), является размещение их параллельно степи, вдоль правых высоких берегов левых притоков Днепра — Ворсклы, Псла, Хорола, Сулы, Супоя, Трубежа. Такое расположение торговых артерий объясняется их вторым, военно-стратегическим, предназначением: связывать в неразрывную цепь города-крепости, объединяя усилия соседних гарнизонов при отражении набегов кочевников.

Рассмотренная система дорог Левобережья Среднего Днепра (транзитных и внутренних) благоприятствовала проникновению в Переяславскую землю товаров международного экспорта, содействовала развитию ремесел, товарно-денежных отношений, а также традиционной меновой торговли.

Денежное обращение. Учитывая расположение торговых артерий княжества, проанализируем нумизматические материалы (клады и отдельные находки монет), добытые за двести лет археологических исследований Днепровского Левобережья и являющихся ценнейшим источником по истории экономических связей и товарно-денежного обращения в Переяславской земле IX—XIII в. Тысячи монет, собранных и изученных нумизматами на исследуемой территории, с достаточной полнотой отражают состав обращавшихся здесь монетных типов, их ценностный и качественный состав, географию чеканки (выпуска) и обращения.

На Левобережье Среднего Днепра, в бассейнах Северского Донца и Оскола бытовало четыре основные группы денежных знаков: восточные (главным образом арабские), византийские, западноевропейские и собственно древнерусские монеты и монетные гривны.

Наиболее многочисленную группу находок составляют куфические дирхе-

мы — серебряные монеты, чеканенные с 695 г. в Арабском халифате. Как известно, арабская торговля с конца VIII в. вовлекла в свою орбиту земли восточных и западных славян, угро-финские охотничьи племена Северо-Востока Европы вплоть до Урала, население Скандинавии и Прибалтики, тесно связав их с мусульманским миром — Средней Азией, Ираном, Ираком, Восточным Средиземноморьем. В обмен на изделия из серебра и бронзы, бусы из сердолика и горного хрусталя, шелковые ткани купцы из мусульманских стран приобретали ценные меха, льняное полотно, оружие. С IX в. основное место в восточноевропейской торговле со странами Азии заняла серебряная монета (монетное серебро), которую было удобно перевозить на значительные расстояния. Клады восточных монет, таким образом, являются одним из главных источников по истории товарно-денежных отношений в Восточной Европе, проливающим свет на многие стороны хозяйственной жизни населявших ее народов, их материальной и духовной культур.

Согласно научной периодизации, разработанной известным нумизматом-ориенталистом Р. Р. Фасмером, все восточноевропейские клады куфических монет делятся на четыре хронологические группы (по дате младшей монеты в составе клада):

1. Клады куфических монет с конца VIII в. до 833 г.
2. Клады куфических монет с 834 по 900 г.
3. Клады куфических монет с 901 по 960 г.
4. Клады куфических монет с 961 по 1014 г.

По его наблюдениям, нашедшим подтверждение в новейших исследованиях, древнейшие клады (до 833 г.) содержали значительный процент аббасидских монет африканской чеканки и довольно значительную примесь монет сасанидского типа; клады последующего периода — аббасидские дирхемы, чеканенные в азиатских центрах Арабского халифата. Клады третьей группы (до 960-х годов) имеют в своем составе по преимуществу саманидские дирхемы, чеканенные в Средней Азии; клады четвертой группы содержат наряду с саманидскими монетами примесь бувейхидских и зиярских дирхемов и монет других мусульманских династий, правивших в Средней Азии и Закавказье. В позднейших кладах увеличивается количество испорченных (обломков, обрезков, стертых) куфических монет, а также количество западноевропейских денариев и византийских милиарисиев [113].

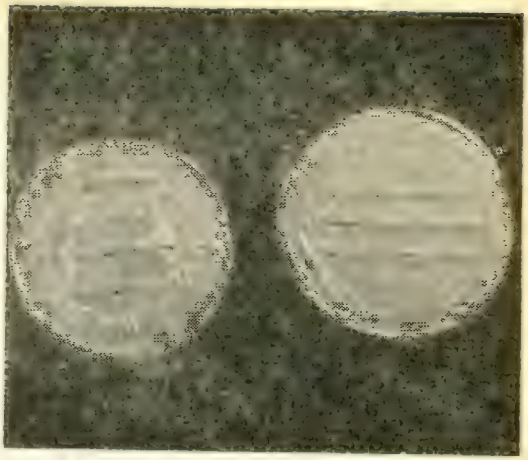
Топография первого (первая треть IX в.) и второго (833 г.— начало X в.) периодов обращения куфических монет указывает на то, что в пределах рассматриваемой территории дирхемы распространялись главным образом в восточной ее части, экономически и политически зависевшей в VIII—X вв. от Хазарского каганата [114]. Ныне доказано, что значительная часть куфических монет поступала на территорию северян из столицы Аббасидского халифата — Медината ас-Салама (Багдада), городов Саманидского государства — Самарканда, аш-Шаши, Бухары, Ферганы, Андерабы, Нисабура, затем волжского Бóлгара (Булгара), а также непосредственно из Хазарии, где функционировал монетный двор Ардал-Хазар [115]. Конец VIII—XI вв. отмечены здесь 15 кладами из 17 известных на территории Переяславской земли за все время обращения этих монет (см. приложение, табл. 3). Ареал их распространения в виде широкой полосы тянется вдоль Северского Донца через верховья Ворсклы, Псла, Сулы на север и северо-запад. Это направление натолкнуло исследователей на мысль о пути проникновения куфических дирхемов на Русь. П. Г. Любомиров первым высказался за преобладающее значение Хазарского пути в восточной торговле Южной Руси. Его поддержали в этом вопросе Ю. В. Готье, Л. Д. Гусаков, Р. Р. Фасмер, П. И. Лященко и др.[116] Н. Ф. Котляр к тому же подметил интересную деталь: Хазарский путь шел не сразу на Киев, а вначале к Чернигову — стольному городу севе-

рян — и только затем раздваивался на юг и север вдоль Днепра [117].

Попытку пересмотреть, казалось, устоявшуюся точку зрения на пути ввоза дирхема в Южную Русь сделал В. Л. Янин. Он считал, что «на протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII до начала XI в. единственными вратами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар». Гипотезу В. Л. Янина поддержал И. Г. Спасский, рассматривавший Бóлгар, как важнейший центр, из которого поток восточного серебра растекался по всем направлениям, в том числе на юго-запад — к Чернигову, Переяславу и Киеву [118]. По наблюдениям исследователей именно в столице волжских болгар возникает самостоятельная чеканка подражательных монет, повторяющих общий тип восточных дирхемов. Вместе с куфическими монетами болгарские дирхемы уходили на юго-запад. Большой клад таких подражательных монет действительно найден в 1930 г. в с. Безлюдовка Харьковской обл. Из 1094 дирхемов — 1054 являются подражаниями саманидским дирхемам, 2— аббасидским, 19 монет принадлежали Волжской Болгарии, начавшей с X в. собственный чекан. Клад датируется 324 г. х.=935/936 г. Следует заметить, что эмиссии болгарских монет были незначительны по объему. Чекан Волжской Болгарии преследовал в основном престижные политические цели и был непродолжителен. Болгарские монеты XI в. не известны.

Не отрицая возможности поступления дирхемов на Днепровское Левобережье из Бóлгара, многие исследователи-нумизматы не разделяют точку зрения В. Л. Янина и И. Г. Спасского на исключительность Восточного пути в обеспечении юго-восточных славянских земель монетным серебром [119].

А. А. Быковым убедительно доказано наличие в Хазарском каганате VIII—IX вв. собственного чекана. На материалах Девицкого клада, других кладов им показано, что монетное дело Хазарии проходило тот же естественный путь становления, что и в Волжской Болгарии — от грубоватого подражания до выработки своего собственного типа монет. Существование денежного обращения в Хазарском каганате предполагает функционирование северо-западного пути доставки дирхемов в северянско-вятичские окраины каганата, намеченного Р. Р. Фасмером и подтвержденного теперь новой топографией куфических монет, а также ранее не использованными письменными сообщениями источников IX—X вв.



Арабский серебряный дирхем X в.

Усиление ввоза серебряной монеты в северские земли в 834—900 гг. почти не отразилось на уличско-полянских землях Левобережья Среднего Днепра, что свидетельствует об их независимости от каганата. Как выше отмечалось, в тот период вокруг Киева складывается южнорусское государство, противостоящее Хазарскому каганату. Именно с экспансией первых русских каганов Аскольда и Олега на северские земли, по-видимому, следует связывать активное выпадание здесь вещевых (2) и денежных (7) кладов. Примечательно, что древнейшие из зарытых в IX в., вещественные клады у Полтавы и с. Ивахники лежат как раз на уличско-северянском пограничье. Остальные денежные клады сосредоточены исключительно на северянских землях. Активное зарытие кладов на территории северян свидетельствует о жестокой борьбе завоевателей с мест-

ным населением, находившемся в данни-ческой зависимости от Хазарского каганата.

Сдержанностью экономических связей, отражавшей политические отношения между Русью и Хазарией, отмечены также третий (900—938) и четвертый (939 г.— конец X в.) периоды распространения дирхема, постепенно исключенного из оборота в XI в. На X в. приходится 5 кладов (все на территории северян); к началу XI в. относится единственный Денисовский клад, весьма сложный по составу (восточные, западноевропейские, древнерусские, византийские монеты и подражания им) и уникальный по географии чекана выявленных в нем монет. Среди находок представлены монетные дворы стран Европы: Англии, Германии (Верден, Девентер, Магдебург, Майнц, Вормс, Констанц, Хур, Аусбург), Дании, Чехии, Средней Азии (Андераба, Балх, Бухара, Джурджан, Нисабур, Самарканд), Арабского Востока (Аль Басра, Аль Куфа, Багдад, Аш Шаш) и Индии.

Для последнего периода обращения куфических монет на Днепровском Левобережье характерно возрастание численности обломков и обрезков монет в кладах, вызванного развивающимся серебряным кризисом на Востоке. Согласно заключению А. В. Фомина, выяснявшего закономерности обращения испорченных монет в Восточной Европе на основе анализа состава 54 кладов с куфическими монетами X — начала XI в., именно кризис привел в начале XI в. к господству весового исчисления денежных единиц на Руси, в частности в Переяславском княжестве. Первыми ощутили на себе серебряный кризис Скандинавские страны, где с конца X в. в кладах наряду с фрагментами монет появляются в большом количестве обломки украшений и кусочки серебряных слитков. Вскоре потребности местного денежного обращения заставили и древнерусские земли-княжения обратиться к использованию слитков серебра, так называемых гривен [120].

Исчезновение дирхема объясняется не только состоянием денежного хозяйства стран, ввозивших монетное серебро, но и военно-политическими и социальными изменениями после сельджукского завоевания в Передней Азии, а также военных акций Руси, потрясших до основания каганат. Как известно, в начале второй половины X в. походы Святослава, а в конце тысячелетия его сына Владимира превратили в дымящиеся развалины процветающие города Хазарии. Почти 200-летний интенсивный приток в Северную и Юго-Восточную Русь арабских серебряных монет прекратился.

Следует признать, что длительное употребление дирхема на Руси в значительной степени повлияло на формирование денежно-весовых систем Древней Руси, как Северной, так и Южной. В частности, в основу северной или новгородской кунной системы был положен половинный вес иракского ратля (409,32 г), материализованный в гривнах новгородского типа (204,66 г). Слиток новгородского типа=3 гривнам кун (по 68,22 г)=20 ногатам (по 3,41 г)=25 кунам (по 2,73 г)=50 резанам (по 1,36 г).

Наименование «куна» по меху ценного пушного зверька, служившего основным предметом древнерусского экспорта на Восток, получил дирхем — основная метрологическая единица IX—X вв. По предположению известного украинского нумизмата В. А. Анохина, единицы кунной системы были усвоены и южной системой, базировавшейся на византийской литре серебра (327,456 г). Половинный вес последней равнялся гривне киевского типа (163,728 г). Эта малая литра=48 ногатам (по 3,41 г)=60 кунам (по 2,73 г)=120 резанам (по 1,36 г). В свою очередь группы восточных монет, проникавшие в Южную Русь, находились с ней в следующем количественном отношении: м/литра (163,728 г)=40 сасанидским драхмам (по 4,09)=60 дирхемам (по 2,73 г)=80 табаристанским монетам (по 2,05 г) [121].

Сокращение притока дирхемов на Русь обусловило проникновение на ее территорию западноевропейских дена-

Вислые печати, монеты и весовые гири из Воинской Гребли:

1 — печатка X—XI в.; 2 — византийская медная монета императора Михаила IV (1034—1041); 3 — византийская медная монета императрицы Феодоры II (1054—1056); 4 — византийская анонимная медная монета императора Романа III (1028—1034); 6 — византийская медная монета Константина X (1059—1067); 7—8 — свинцовые весовые гири

риев, возникновение собственной чеканки.

Византийские монеты по своей численности составляют вторую группу (после куфических) находок на территории Переяславской земли. Они появились здесь теми традиционными путями, которыми проникали сюда позднеримские золотые, серебряные и медные монеты, отражавшие устоявшиеся и по сути непрекращавшиеся с античных времен торгово-экономические контакты греческого мира с иранцами, балтами, а затем славянами Среднего Поднепровья. Лишь непродолжительное время бурные события Великого переселения народов наруши-

ли ритм жизни этих древних путей, в IX и особенно в X вв., в условиях экономического, политического и идеологического сближения Руси с Византией, они снова возродились.

Характерная закономерность топографии византийских монет: преобладание единичных находок. На рассматриваемой территории их известно 18 из 20, две находки — клады золотых монет у с. Спасское и г. Полтава. Они как бы венчают постепенное возрастание к XII в.— времени расцвета Переяславского княжества ввоза византийской монеты: VIII в.— 1 находка, IX в.— 3, X в.— 4, XI в.— 9 единичных находок, XII в.— 2 клада, XIII в.— единичная находка медной монеты. Кроме того, вниз по Днепру на островах Майстров, Хортица, на р. Конка, в устье Днепра найдены золотые византийские монеты XI в. По мнению специалистов, преобладание единичных находок византийских монет объясняется участием в обращении золотого номисма — весьма высокой стоимости на то время монеты. Анализируя количественное соотношение нумизматического материала, В. В. Кропоткин предполагал, что золотая византийская монета применялась только в международной торговле, в связи с чем ее находки сосредоточены главным образом вдоль основного Греческого торгового пути.

В пределах территории Переяславской земли золотые номисмы X—XI вв. зарегистрированы около сс. Великоселецкое (дважды), Гаевка, Коробкино, Спасское, г. Полтава, т. е. в землях, где совсем недавно господствовала исключительно восточная монета. Усиление ввоза византийской монеты в юго-восточные славянские земли в X—XI вв. объясняется усилением позиций Византийской империи в Северном Причерноморье, а также его сателлита — Руси в северско-вятичском регионе. Обращает на себя внимание и тот факт, что золотые византийские монеты не обнаружены пока в северо-восточных волостях Переяславского княжества — Смоленской и Ростово-Суздальской. Они выявлены главным образом южнее линии Чернигов — Курск, что подтверждает вывод В. Л. Янина о существовании в Киевской Руси двух денежно-весовых систем: северной и южной.

Наряду с золотыми в денежном обращении Переяславской земли участвовали и византийские серебряные монеты. На изучаемой территории выявлено 8 находок — 4 единичные и 4 в составе кладов куфических дирхемов. Судя по тому, что даже в составе кладов количество византийских милиарисиев не превышала трех, они не играли существенной роли в международной транзитной торговле X—XI вв. подобно серебру Арабского халифата. Тем не менее среди выявленных находок конца X — начала XI в. имеются «варварские» подражания византийским милиарисиям, что наблюдается и в других южнорусских землях — Киевской, Черниговской. В особенности часто встречаются подражания милиарисию Василия II и Константина VIII (976—1028), изготовлявшиеся из серебра, биллона и меди. Исследованиями К. В. Голенко доказано, что подражания византийской монете чеканились в средневековой Тмутаракани в конце X или начале XI в.[122] Подражания милиарисию Василия II и Константина VIII встречены в Денисовском кладе, а также у с. Малые Копани Голопристанского района Херсонской области, что недалеко от древнерусского торгового города Олешья в Днепровском лимане. Появление многочисленных подражаний византийским монетам в южных областях Руси, по мнению специалистов, свидетельствует о зарождении в этих регионах элементов товарно-денежных отношений.

Характерно отметить, что единичные находки византийских монет в Переяславской земле встречаются как в славянских, так и в кочевнических погребениях (Гаевка, Столбица), что свидетельствует о равном участии «своих поганых» в экономической жизни полиэтничного древнерусского общества.

На торгово-экономические связи городов Переяславской земли с Визан-

тийской Таврикой указывают находки на Днепровском Левобережье херсоно-византийских литых монет, выпускаемых со второй половины IX в. крупнейшим торгово-экономическим центром Северного Причерноморья. Находки медных херсоно-византийских монет (Кременчуг), наряду с выявленными импортами керамических водопроводных труб херсонского производства в Переяславе, херсонской церковной атрибутикой свидетельствуют о достаточно прочных связях исследуемой области Руси с Таврикой [123].

Уместно отметить, что уже с конца X в., с сокращением ареала обращения куфических монет в Восточной Европе и выпадением южно-русских земель из области распространения дирхема, на переяславской территории отмечено появление медных и бронзовых византийских монет X—XII вв.: находки у сс. Воинская Гребля, Андруши, г. Купянска и др. В начале XIII в. приток византийских монет прекратился. Как и куфические, они сыграли важную роль в сложении и длительном функционировании южнорусской денежно-весовой системы, становлении собственного древнерусского чекана.

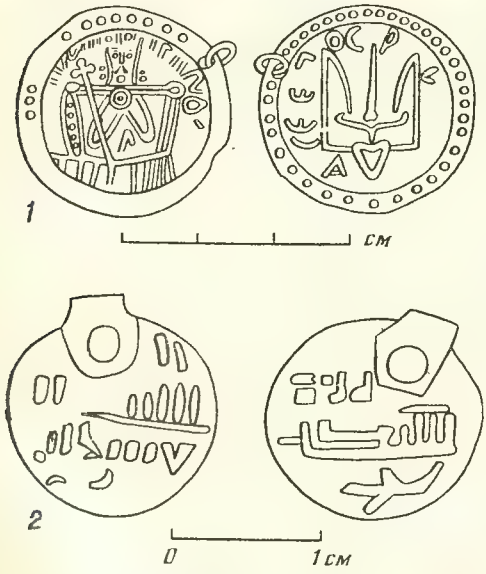
В денежном обращении Переяславской земли X — начала XII в. определенную роль сыграли также западноевропейские денарии, поступавшие сюда из Германии и Англии, Дании и Чехии. Они появились здесь с конца X в., когда наметились сокращение ввоза куфического дирхема [124]. Но в связи со значительной конкуренцией византийской золотой номисмы, западная серебряная монета не нашла особого распространения в Среднем Поднепровье, в частности на его Левобережье. По подсчетам В. М. Потина, большую половину западноевропейского серебра поглощали Новгородская (40 кладов) и Полоцкая (11 кладов) земли. В Ростово-Суздальской земле обнаружено 6 кладов. Киевской и Переяславской — 5. Причины столь слабого поступления западноевропейских монет в Южную Русь кроются, вероятно, и в сложности их доставки (через Польшу, Венгрию) вследствие небезопасности путей, а также наличия массы мытных барьеров. В нашей топографии отражены два клада этих монет: Денисовский и Остерский. Единичные находки известны у Переяслава-Хмельницкого, Суджанском и Обоянском районах Курской области (Приложение. Табл. № 3).

В кладе из с. Денисы находился 41 западноевропейский денарий. Основную массу монет, как известно, составляли куфические дирхемы (5400 экз.), то есть денарии составляли менее 1 % общего количества найденных монет [125]. Таким образом, западноевропейские денарии представляли небольшую примесь к общей массе дирхемов и византийских монет, бытовавших на Левобережье. Большинство их найдено вблизи Переяслава, Остра и Курска — крупных торгово-экономических и политических центров Руси, расположенных на международных торговых магистралях. В начале XII в., приток западноевропейских монет прекратился [126].

Очень важную группу находок монет, находившихся в обращении на территории Днепровского Левобережья в конце X — начале XI в., представляют собственно древнерусские денежные знаки (сребреники, златники). Они представлены единичными находками у Борисполя, сел Денисы, Липлявэ, Липино и крупным Нежинским кладом. Из восьми известных монетных типов древнерусских монет X—XI вв. на территории Переяславского княжества найдено пять разновидностей (монеты четырех типов с именем «Владимир» и монета с именем «Петор») [127].

Как известно, в конце X — начале XI в. Киевская Русь в жесточайшем противоборстве с западноевропейскими государствами, Византией, Хазарским каганатом, Волжской Болгарией и Печенегией стремится сохранить свою политическую, экономическую и идеологическую независимость. Одним из мероприятий, способных защитить внутренний рынок от проникновения иностранной денежной массы, была попытка создать собственную монету

Сребреник Владимира Святославича с легендой «Влади~ир ва столє»



Монеты из с. Липлявэ: 1 — сребреник Владимира Святославича, тип III, начало XI в.; 2 — дирхем X в., обрезанный до диаметра около 14 мм (увеличено в 2 раза)

при Владимире Святославиче. Выпуск великокняжеским двором собственной денежной единицы, наряду с принятием киевским князем титула кагана-царя, введением единой государственной религии, означал не что иное, как провозглашение государственной независимости Руси и равенства ее с другими европейскими державами. Об этом красноречиво и недвусмысленно говорят декларативные легенды на монетах: «Владимир на столє», «Владимир а сє єго злато», «Владимир а сє єго сребро», «Ярославлє сърєбро» и т. д.

Чеканка древнерусских монет продолжалась, как ныне установлено, не более 30 лет на рубеже X—XI вв. и не возобновлялась уже во время киевского княжения Ярослава Владимировича (1019—1054). Предпринятое новое для Киевской Руси монетное производство страдало, по мнению М. П. Сотниковой, отсутствием прочной сырьевой базы и недостатками технической организации самой чеканки при полном неведении ее устроителями законов товарно-денежного обращения [128]. Плохое качество металла преобладающего большинства древнерусских серебряных монет (в большинстве преимущественно биллоновых и медных), чеканка без всякой весовой системы, лишало их конкурентоспособности в сравнении с высокопробными куфическими дирхемами и западноевропейскими динариями (не говоря уже о византийской золотой монете). Поэтому область распространения монет Владимира не вышла за пределы Киевской, Черниговской и Переяславской земель, а время их бытования было столь кратковременным.

В так называемый безмонетный период (XII — первая половина XIII в.) в Переяславском княжестве наряду с незначительной византийской монетной массой обращалась киевская гривна *. Г. Ф. Корзухина, В. Л. Янин, И. Г. Спасский, Н. Ф. Котляр относят появление ее в значительном количестве к рубежу XI—XII вв.[129] Слитки серебра (гривны) в обращении — явление общеевропейское, отнюдь не ло-

* Представляла собой слиток шестиугольной формы, отливаемый по корме южной малой литры весом 163,73 г и отличие от продолговатой палочковидной, так называемой новгородской гривны, соответствующей по весу гривне серебра северной системы (204,66 г). На Левобережье Среднего Днепра киевские гривны обнаружены вблизи сел Сулоивка и Великоселецкая.

Древнерусские монетные гривны XI—XII вв.

кальное, и вызвано, по мнению большинства нумизматов и историков, главным образом социально-экономическими и политическими сдвигами в надстройке раннефеодальных государств [130]. Феодальная раздробленность привела к пестроте и запутанности монетных систем, к тому же недостаточный объем чеканки не удовлетворял уже в то время растущих запросов крупной внутренней и международной торговли, а использование денежного серебра главным образом в сфере ремесла или накопления богатств делало ее (чеканку) бессмысленной. Выход из этих противоречий был найден в использовании в крупных операциях купли-продажи серебряных, а иногда и золотых слитков. Новая форма денег (гривны), считал И. Г. Спасский, яркое свидетельство «высокой степени концентрации богатств в то время в руках господствующей верхушки» [131].

Отмечая закономерности находок киевских гривен на территории Древней Руси, следует подчеркнуть, что ареал распространения их не выходит за пределы Киевской, Переяславской, Черниговской и Волынской земель. Обращает на себя внимание и такая деталь: киевские гривны найдены лишь на поляно-уличской территории Переяславского княжества; верховья Сулы, Псла, Ворсклы и бассейна Северского Донца их не знают, что свидетельствует, очевидно, о традиционном противостоянии северян населению Переяславского Поднепровья.

Завершая очерк о денежном обращении в Переяславской земле, нельзя не вспомнить о продолжительном обращении на ее территории меховых денег, меновая стоимость которых находила свое выражение в потребительных стоимостях различных товаров. По словам Ал-Гарнати (автора середины XII в.) на меха (куны) «покупают любые товары: невольниц и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары» [132], то есть они оценивались как всеобщий эквивалент — деньги. Не наладив свое собственное металлическое обращение, Русь с XII в. вынуждена была во внутренней экономической жизни превратить в деньги меха. Обращение меховых денег продолжалось вплоть до XIV в.

Анализ топографии куфических, западноевропейских, византийских и древнерусских монет и монетных гривен свидетельствует о прочных связях денежных знаков, имевших хождение в

Переяславской земле IX—XIII вв. с так называемой южной денежно-весовой системой, сложившейся на основе экономических и культурных связей Руси с Византией. Денежное обращение в княжестве однако не носило изолированного характера, подвергалось воздействию северной денежно-весовой системы, отражая в целом общеевропейские тенденции в своем развитии.

Денежные знаки различных стран и народов, бытовавшие на Левобережье Среднего Днепра в VIII—XIII вв.,— яркий пример развитости товарно-денежных отношений внутри феодальной области, доказательство ее широких и многообразных внешнеэкономических связей.

Торговля. Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о торговле. К сожалению, о внутренней, главенствующей, нам известно слишком мало. Неисследованность большинства населенных пунктов Переяславской земли и отсутствие соответствующих археологических материалов не дают точного представления о развитии местного ремесленного производства, отдельных его отраслей, их взаимосвязей, о степени заполнения внутреннего рынка продукцией того или иного ремесленного центра, о географии распространения изделий. О предметах экспорта княжества можно судить лишь по косвенным и общерусским данным. Письменных известий, кроме договора Руси с греками 907 г. и упоминаний конкретно о внешней торговле Переяславского княжества, фактически не имеется. Более предметно можно говорить о переяславском импорте, наиболее представленном вещественно.

Судя по данным денежного обращения в Переяславской земле, наиболее интенсивные торговые связи княжества в X—XIII вв. существовали с Византией. Они были органическим и закономерным дополнением к политическим, династическим, дипломатическим и культурным связям, имевшимся у переяславских князей с Царьградом с самого начала X в. Переяслав, как известно, упоминается в первом торговом договоре Руси с греками, заключенном, по летописи, в 907 г. Олегом. В списке городов, которым греки обязывались давать уклады, он помещен на третьем месте после Киева и Чернигова. Втянутый в орбиту торговых путей «в греки», Переяслав на протяжении трех последующих веков поддерживал торговые связи с Византией. Особенно тесные контакты переяславского купечества с Царьградом поддерживались с момента, когда город на Трубеже стал центром крупнейшего удельного княжества, то есть со второй половины XI в. Этому в значительной степени благоприятствовала женитьба переяславского князя Всеволода Ярославича на дочери императора Константина Мономаха.

Из Переяслава, можно полагать, в города Византии шли традиционные предметы древнерусского экспорта: меха, воск, мед, в изобилии поступавшие на юг из Ростовского удела, а также кожи, скот, челядь, захватываемые во время походов переяславских князей в Половецкие степи. Важной статьей экспорта являлся также хлеб (зерно и мука), практика вывоза которого из Северного Причерноморья известна с античных времен. Восхищенные отзывы византийских писателей (Иоанна Тцетцесса), деятелей церкви (пресвитера Теофила), европейских путешественников (Плано Карпини) о произведениях древнерусского художественного ремесла, дают право предполагать вывоз из Переяслава и его владений в города империи изделий из кости, резных деревянных поделок, произведений эмальеров и златокузнецов [133].

Взамен переяславцы, жители городов Посулья и окраинных городов Северщины получали из Византии парчевые, хлопчатобумажные и шелковые ткани, готовую одежду, что имело спрос у князей, бояр, духовенства, наместников, богатых ремесленников, мелких торговцев, дружинников [134]. Фрагменты шелковых тканей обнаружены в древнерусском могильнике у Переяслава [135]. После введения христианства значительную часть византийского экспорта составляли предметы украшений церквей, принадлежности

богослужения, а также различные символы и эмблемы христианского культа: иконы, распятия, одежда церковников, кадила, ладан, миро и др. Особенно много находок в пределах Переяславской земли византийских мраморных, яшмовых, медных, серебряных крестов, крестиков *, энколпионов [136]. Привозили из Константинополя в столицу княжества мрамор, смальту («мусию»), краски для украшения храмов, княжеских и епископских дворцов. Фрагменты мозаик и фресок греческих и русских мастеров, украшавшие переяславские соборы, беломраморные капители и колонны епископского дворца, экспонируемые в Переяславском историческом музее,— лучшее тому подтверждение.

Одной из важных статей переяславского импорта были также произведения византийского художественного ремесла (поливная керамика, стеклянная посуда, украшения из серебра, перегородчатые эмали на золоте, резьба по кости, произведения мелкой пластики) [137]. Из ввозимых украшений первое место по количеству занимают относительно недорогие стеклянные бусы, браслеты и ожерелья, находившие широкий спрос не только среди знати, но и среди части простых людей города и села [138]. «От грек» доставляли «вино и овощи разноличнии», орехи, пряности, растительное масло, о чем свидетельствуют повсеместные находки значительного количества остатков византийских амфор [139].

Кроме торговли, существовали иные способы проникновения византийских изделий на Переяславское Левобережье Днепра: в числе посольских и свадебных даров — вместе с деятелями церкви, зодчими и ремесленниками и др.

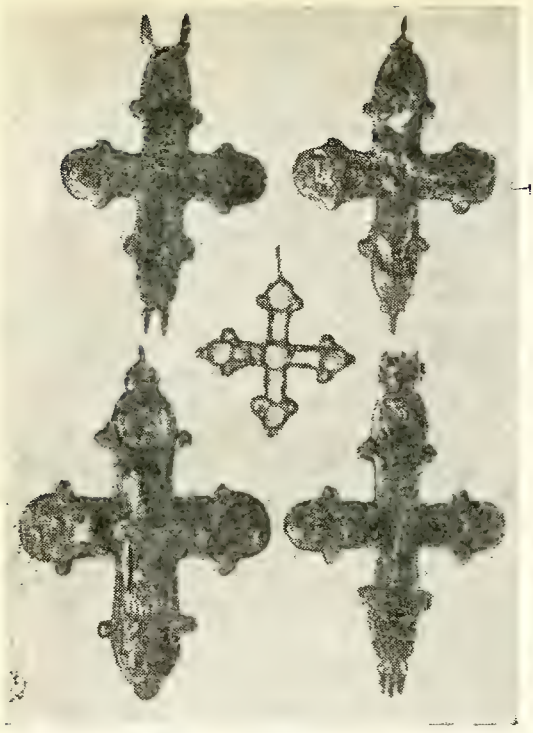
Расположенная на крайнем юго-востоке Киевской Руси, Переяславская земля издревле поддерживала тесные торговые связи с народами Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Ирана. Истоки этих связей Днепровского Левобережья уходят в скифские времена. В период средневековья наиболее тесные контакты этого региона существовали с Хазарским каганатом и Арабским халифатом, а также с государственными образованиями, возникшими на руинах последнего.

Интерес восточных торговцев на русских рынках привлекали главным образом пушнина, рыба, мед, воск, а также выделанные телячьи кожи, прочные льняные и конопляные ткани. Уже в начале XII в. в Закавказье было известно, что льняные одежды «ценою каждая в золотую монету» вывозятся из страны «Русов» [140].

На торговые связи Переяславской земли с Востоком указывают находки в древнерусских могильниках различных восточных украшений: драгоценных камней, хрустальных, сердолико-

---

* Средн подобных символов христианского культа случаются уникальные находки, как, напрнмер, нагрудный серебряный крест, обнаруженный в с. Воинская Гребля Каневского р-на Черкасской обл. в 1957 г. Крест высотой 6,6 см, шириной — 4,7 см, толщиной — 0,3 см, четырехконечный, с круглымн медальонами на концах, в которых помещены нагрудные изображения святых. В центре креста с лицевой стороны — св. Георгий в рост, в хитоне и плаще, с крестом в правой руке. По сторонам изображения — греческая надпись: «святой Георгий». На оборотной стороне креста из древнерусского г. Воиня выгравирована надпись в пять строк Ἀμήν. Κυριε, βοηθει τόν Θεοῦ σουλόυ σου Λεόνταν' — «Господи, помоги божьему рабу твоему Леону». Основываясь на палеографических данных надписей, А. А. Белецкий и В. Г. Пуцко отнесли крест ко второй половине XI — началу XII в. По заключению исследователей находки, художественный уровень произведения торевтики свойственен массовой продукцнн XII в., поступавшей через Херсонес в Среднее Поднепровье в основном из Малой Азин. Крест был позолочен, украшен чернью и принадлежал, по всей видимости. довольно состоятельному владельцу. Древнерусским летописцам известен лишь один византиец Лев (Леон) Диогенович, вращавшийся среди знати Половецкой и Переяславской земель, а возможно, и владевший отдельной городовой волостью в Нижнем Посулье в конце XI — начале XII в. Это сын императора Романа IV Диогена Леон, женатый на дочери Владимира Мономаха Марнце. Выводы, полученные В. Г. Пуцко, исследовавшим находку, позволили ему предположить, что крест принадлежал именно этому Леону (*Пуцко В. Г.* Греческая надпись из Воиня // НЭ.— М., 1974.— Т. 11.— С. 209—214; *ПВЛ.*— Ч. I.— С. 148, 201, 349, 403; — Ч. II.— С. 388, 483; *N. de Baumgarten.* Genealogies...— Tabl. 12).

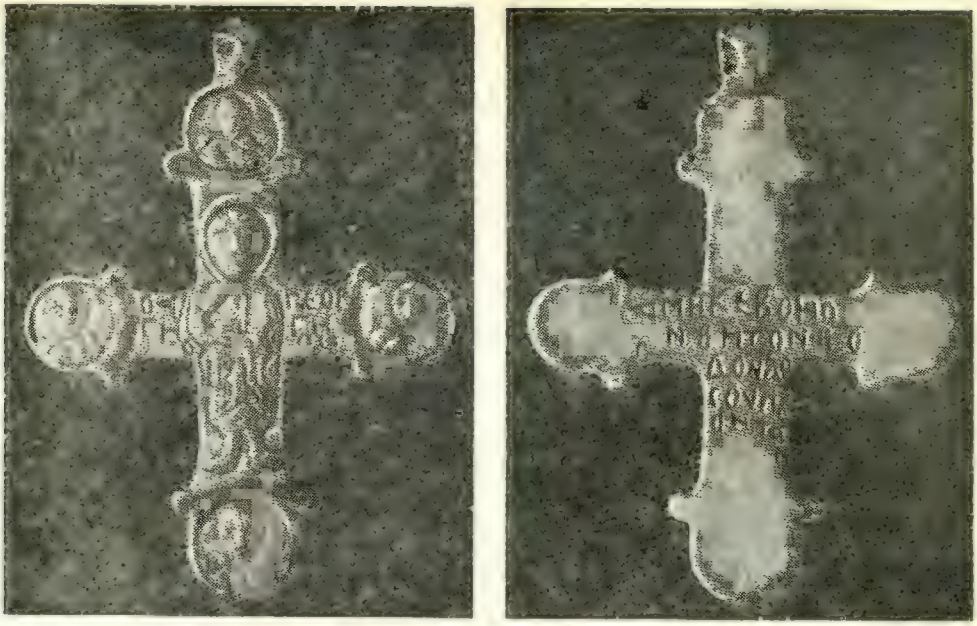


Византийские крестики из Переяслава-Русского

вых и двухслойных стеклянных бус с металлической прокладкой [141]. Последние, по заключению М. В. Фехнера, были широко распространены даже среди деревенского населения [142]. В число переяславского импорта, вероятно, входили произведения восточной торевтики (серебряная посуда, шкатулки, водолеи, перстни и пр.) [143], выявленные археологами в соседних Киевской и Черниговской землях. Из восточных стран привозились в Переяслав также раскошные и дорогие шелковые ткани, золотые нити на льняной и шелковой основе, шелковая пряжа, кружева [144]. Они попадали сюда главным образом через Константинополь, который, по образному определению К. Маркса, являлся «золотым мостом между Востоком и Западом» [145]. Нельзя также забывать о выгодно расположенной на торговых путях Тмутаракани, осуществлявшей посредническую торговлю Киевской Руси с Кавказом и Востоком. Не исключено, что именно отсюда поступало оружие, упоминаемое так часто с восточным названием в «Слове о полку Игореве»: «шеломы оварьские», «мечи и копиа харалужныя» [146].

Следующими торговыми партнерами переяславского купечества необходимо считать половцев, которые контролировали юго-восточные торговые пути, выступая во многих случаях посредниками в торговле со странами Юга и Востока. У них (как и раньше у печенегов) переяславские купцы приобрета-

Византийская амфора, найденная в Воинской Гребле



Крест из Воиня (лицевая и оборотная стороны)

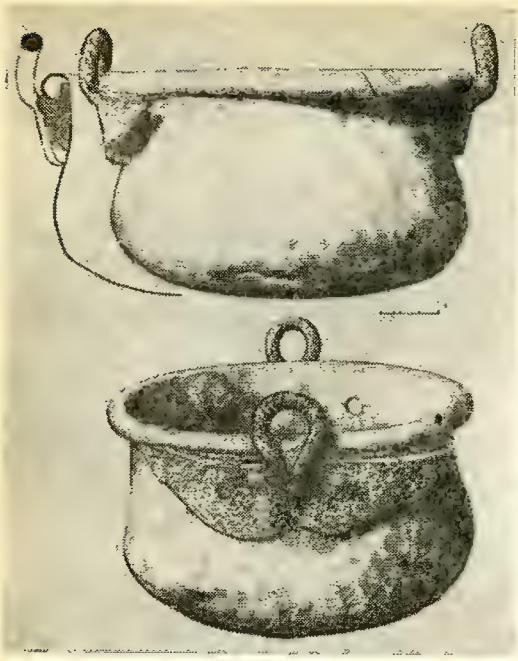
ли крупный рогатый скот, коней, овец. В свою очередь степняки торговали с русскими восточными товарами, избыток которых в вежах описан автором «Слова». Здесь «злато, и паволоки, и драгыя оксамиты, ортьмы, япончицы, кожухи и всякие узорочья половецкие» [147].

Они также экспортировали изделия ремесла, в частности медную посуду, оружие. Так, близ Лохвицы археологами найден котел, выкованный из одного медного листа толщиной 1,5—2 мм (высота сосуда — 12, внешний диаметр венчика — 19,5, диаметр дна — 18,5 см). Подобные котлы широко встречаются в кочевнических погребениях XII — первой половины XIII в., на поселениях «своих поганых». М. Л. Швецов, исследуя географию распространения этих сосудов, пришел к выводу, что центры их производства находились на половецкой территории [148].

Важной статьей экспорта, за счет которой, вероятно, обогащались половецкие ханы (задолго до татарских), была торговля солью. За этим необходимым пищевым продуктом, по сообщению середины XIII в. Виллема де Ребрука, к соляным озерам Крыма прибывали торговцы — «соляники» со всей Руси [149]. При этом с каждой загруженной солью повозки, морского или речного судна платилась пошлина.

Торговцы многочисленных городов Переяславского Левобережья сбывали половцам зерно, муку, пушнину, изделия ремесла: льняные и конопляные ткани, керамику, украшения. Многочисленные археологические памятники кочевников указывают на то, что степняки носили шлемы, кольчуги, вооружались мечами, саблями и булавами, сделанными мастерами Киевской Руси. В них находят и другие предметы славянорусской торговли: бронзовые зеркала, специально производившиеся для кочевников, шиферные прясла, замки и прочее [150].

Тесные экономические связи существовали между Переяславским княжеством и государствами Западной Европы. Об этом свидетельствуют не только находки монетных кладов, но и многих изделий художественного ремесла, резкое возрастание ввоза которых на Русь в XII в. было связано с экономическими и социальными сдвигами в Западной Европе.

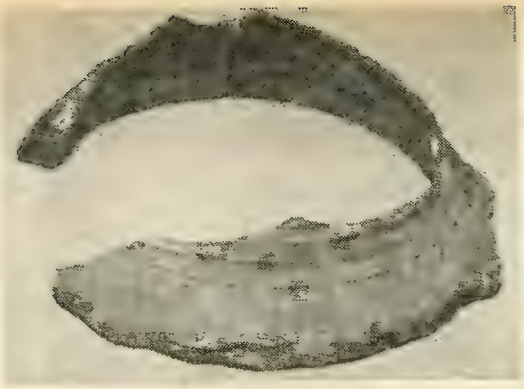


Бронзовый половецкий котел XII в.

Бронзовый подсвечник XII — первой половины XIII в. работы французскнх мастеров

В 1953 г., например, при раскопках храма-усыпальницы XI в. в Переяславе были найдены, в частности, бронзовый литой подсвечник работы французских мастеров (XII — первая половина XIII в.) и фрагменты бронзового колокола, по-видимому, той же работы [151].

Свидетельством широких экономических и культурных связей Переяслава Русского является также находка 1963 г. бронзового водолея в виде фигурки льва. Анализ его стилистических особенностей, по мнению Р. А. Юры, указывает на германское, вероятнее всего нижнесаксонское, происхождение [152]. Еще более оригинальный водолей западноевропейской работы первой четверти XIII в., отлитый по восковой модели из высококачественной бронзы золотистого цвета, обнаружен в 1901 г. на берегу Северского Донца у с. Кочетка Змиевского района Харьковской области [153]. Умывальник сделан в виде фигурки рыцаря, сидящего на лошади, и входит в серию гильдесгеймских водолеев XIII в. в форме всадников. Бронзовая литая фигурка молодого мужчины («носителя свечи») северогерманской работы второй половины XII — первой половины XIII в., найденная в прошлом веке в г. Хороле Полтавской области, еще один памятник торговых связей Переяславской земли с Нижней Саксонией. Кроме изделий бронзолитейного искусства известны также сюжеты косторезной пластики, в частности костяной стержень с изображением головы льва, пожирающего человека, найденный при пахоте в 1959 г. на территории древнерусского селища у с. Кошаны Остерского района Черниговской области [154].



Фрагмент бронзового колокола XII — первой половины XIII в. работы французских мастеров из Переяслава-Южного

Фрагмент бронзового колокола из Воиня

Бронзовый водолей XIII в.

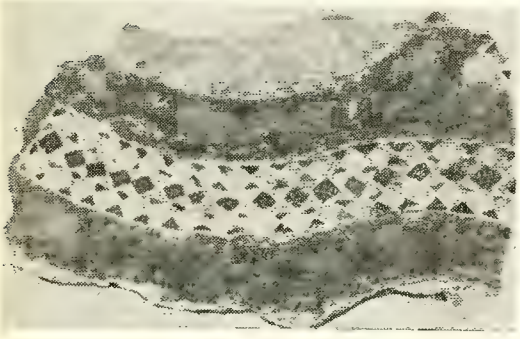
Произведения художественного ремесла не были единственными товарами, поступавшими с Запада в города Переяславской земли. Одной из статей экспорта, вероятно, было оружие, прежде всего мечи с клеймами «Ulfbehrt» и «Ingelred», изготовлявшиеся в известных ремесленных центрах на Нижнем Рейне. Подобных пять мечей найдено во время строительства Днепрогэса.

В связи с развитием текстильного производства во Франции, Англии, Нидерландах и Германии в XII—начале XIII в. на Левобережье Среднего Днепра вполне могли проникать фризские и фламандские ткани, в первую очередь высоко ценившиеся на Руси сукна. Из Германии на Восток Европы вывозили также стекло, фаянс, металлы (серебро, цинк, свинец). Как известно, свинцовыми листами была покрыта крыша епископского дворца в Переяславе [155].

Касаясь основных статей вывоза Переяславского княжества в страны Европы, следует отметить, что кроме традиционных товаров сельского хозяйства и промыслов (жито, пшеница, сало, пушнина, воск, мед), на запад экспортировались, очевидно, произведения переяславских ремесленников. Судя по «резонансу» во французском средневековом эпосе, наибольший спрос имели в европейских странах изделия из серебра и золота [156].

Одной из главных статей вывоза переяславского купечества на зарубежные рынки наверняка была челядь (пленные половцы). Чаги — «красные девки половецкие» и кощеи — «команские мальчики» в большом количестве поступали из Руси на рынки Византии, Александрии, Венгрии, Чехии, Германии и других государств [157]. Естествен-

«...И множество полона взяша и женъ и детей...»



Фрагмент инкрустированных полов Спасского храма

но, что наибольшие выгоды в приобретении этого товара имели торговцы Переяслава, чьи князья наиболее часто разоряли степные «вежи».

На городских и сельских рынках Переяславской земли пользовались спросом прибалтийские привозные украшения из янтаря и сам минерал как материал для местных ювелиров. Находки его известны в Переяславе, Донце — как в обработанном, так и в натуральном виде [158].

Переяславские города поддерживали тесные торговые связи также с Овручем, откуда происходят шиферные пряслица, полуфабрикаты для их изготовления, встречающиеся почти повсеместно. Оттуда же привозились шиферные плиты для изготовления княжеских гробниц, украшения полов храмов, дворцов переяславской знати. Легко поддающиеся резьбе плиты иногда инкрустировались мозаичными узорами. Фрагменты инкрустированных полов Спасского храма экспонируются в Переяславском историческом музее.

Вполне допустимы экономические связи Юго-Восточной Руси с бродниками, контролировавшими нижнее течение Днепра. Обнаружение на всех древнерусских поселениях Нижнего Днепра керамики, аналогичной киевской и переяславской, типичных древнерусских ремесленных изделий (например, ножей, цилиндрических пружинных замков, стрел, рыболовных крючков и пр.) указывает на тесные связи проживавшего здесь населения

со своей митрополией. Исследование на о. Хортице огромного поселения, располагавшего крупным металлургическим центром, использовавшим руду железистого горизонта криворожской серии пород, находившегося на поверхности в районе р. Саксагань, указывает на возможность экспорта отсюда в Переяслав и другие города княжества криц и металлических изделий [159].

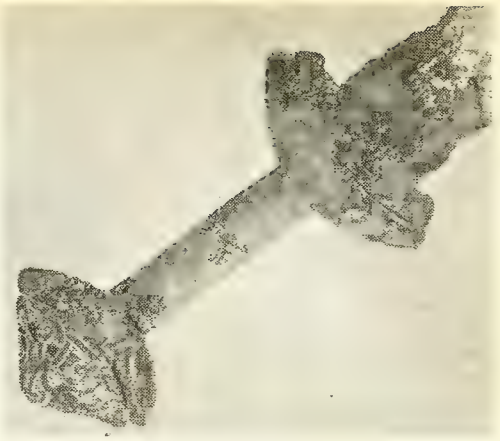
Предшественники казачества в этом районе — бродники вполне могли играть посредническую роль (между Русью и Причерноморьем) в торговле солью, рыбой, товарами, скупаемыми у половцев и греков таврических городов. Аналогичные торговые операции позднее успешно осуществляли низовые казаки [160].

Рассмотренные экономические связи Переяславского княжества указывают, что несмотря на часто неблагоприятные условия (наличие постоянной опасности вторжений степняков и др.), внутренняя и внешняя его торговля в домонгольский период развивалась и углублялась.

Об этом свидетельствуют разветвленная система сухопутных и речных дорог, клады и отдельные находки монет, предметы импорта, находимые повсеместно. Краткий обзор главных статей ввоза дает основания утверждать, что решающей роли в хозяйстве княжества импортные товары не играли, хотя и преуменьшать значение их нельзя. Сырье и качественная продукция художественного ремесла зарубежного происхождения оказывали положительное влияние на развитие местного производства, обогащение опыта переяславских ремесленников.

Укрепление связей между отдельными землями раздробленной Руси, что особенно ярко видны на материале денежного обращения, способствовало сближению ее разрозненных частей, складыванию предпосылок для возникновения на их основе централизованных государств.

В целом значение как внутренней, так и внешней торговли княжества



Рукоять меча с надписью-клеймом: «Коваль Людота». Село Хвощево Шишацкого района Полтавской области. XI в.

нельзя преувеличивать. И первая, и вторая в основном обслуживала и удовлетворяла потребности знати, содействовала ее дальнейшему обогащению.

Городские низы, жители сел Переяславщины участвовали во внешней торговле пассивно, лишаясь в результате поборов части своих изделий, которые в руках князей, бояр, дружинников, купечества превращались в товар, приносящий доходы лишь феодальной верхушке.

Анализ хозяйственного и экономического развития Переяславской земли в X—XIII вв. показывает, что основой экономики княжества являлось главным образом сельскохозяйственное производство при постоянно возрастающей роли ремесленного. Именно достижения в доменном производстве и металлообработке являлись, по нашему мнению, основными двигателями хозяйственного прогресса переяславского феодального общества, к сожалению, вероломно прерванного нашествием орд Батыя.

Успехи в сельском хозяйстве, животноводстве, и особенно в ремесленном производстве, обеспечили значительное углубление общественного разделения труда, подъем товарного производства, рост городов, расширение

экономических связей княжества, достигших в XI—XIII вв. значительных масштабов.

Переяславское купечество поддерживало тесные контакты со многими торговыми городами различных государств средневекового мира. Рост внешнеэкономических связей благоприятно влиял на развитие внутренней торговли, денежного обращения, расширению сети дорог. Торговля усиливала имущественную дифференциацию, ускоряла распад отсталых общественно-экономических укладов Переяславского княжества, а именно первобытнообщинных (патриархальных), рабовладельческих. И хотя на некоторых территориях царской России эти уклады порой сохранились до XX в.[16], уже в XI в. господство феодальных и мелкотоварных производственных отношений неоспоримо было преобладающим. Яркий пример тому — социально-экономическое развитие Переяславской земли X — первой половины XIII в.

ГЛАВА VIII

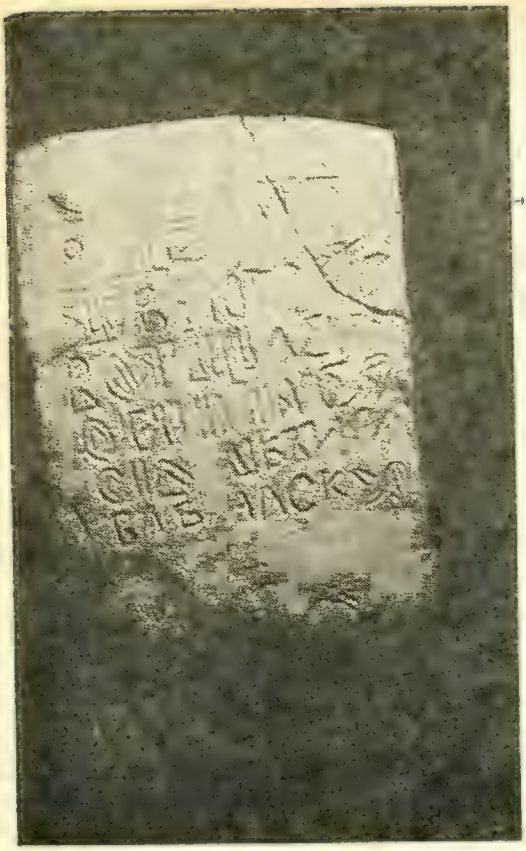
КУЛЬТУРА

Интересная и многогранная духовная культура Переяславской земли XI—XIII вв. развивалась на основе достижений в области материальной культуры, городского ремесла и сельского хозяйства. Она характеризовалась деятельностью первого известного нам светского писателя Киевской Руси Владимира Мономаха, летописца Сильвестра, агиографа Лазаря, церковного и общественного деятеля Ефрема, талантливых строителей и художников, создавших замечательные памятники градостроительства, оборонной, церковной и светской архитектуры в Переяславе, Остре, других городах княжества, а также многих неизвестных сказителей, сохранивших в устных преданиях память о народных героях, совершивших подвиги на благо родной земли. Несмотря на неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства, культурное наследие предшествующей великокняжеской поры в Переяславской земле развилось, углубилось, приобрело под влиянием местных традиций индивидуальные черты.

К сожалению, письменные источники, памятники архитектуры и искусства, народного эпоса, относящиеся к исследуемой территории, сохранились плохо, зачастую фрагментарно. Лишь благодаря археологическим исследованиям, скрупулезным источниковедческим изысканиям удается составить о них истинное представление.

В целом классовая культура переяславского феодального общества была далеко не однородна, в ней четко прослеживались два течения, взаимовлиявшие и взаимообогащавшие друг друга — это культура княжеско-боярская, церковная, ориентировавшаяся на античные, византийско-христианские и западноевропейские традиции, что обусловливалось культурно-политическими и матримониальными связями правящей верхушки с Византией, Болгарией, Швецией, Германией, Польшей, и культура народная, демократическая, питавшаяся глубинными местными славянскими корнями. Вместе с тем как первое, так и второе течение обогащались за счет инфильтрации в их среду иранских и тюркских этнокультурных элементов, придававших своеобразие культуре юго-восточной области Древней Руси. Оно проявлялось в быту, обычаях, фольклоре местного населения.

По характеру и содержанию духовная культура феодальной верхушки как светской, так и церковной, являлась аристократической, эволюционизировавшей в сторону космополитизма. В ней сильны были грекофильские тенденции, наблюдался отрыв от трудящихся масс, особенно заметно прослеживаемый в культурно-бытовом укладе жизни знати. Можно сказать, что аристократическая культура создавалась знатью и для знати, отражала ее жизнь и мировоззрение и как культура господствовавшего класса была практически недоступна народу. Ее достижениями в лучшем случае пользовались средние слои — торговцы, дружинники, ремесленники. Постепенно,



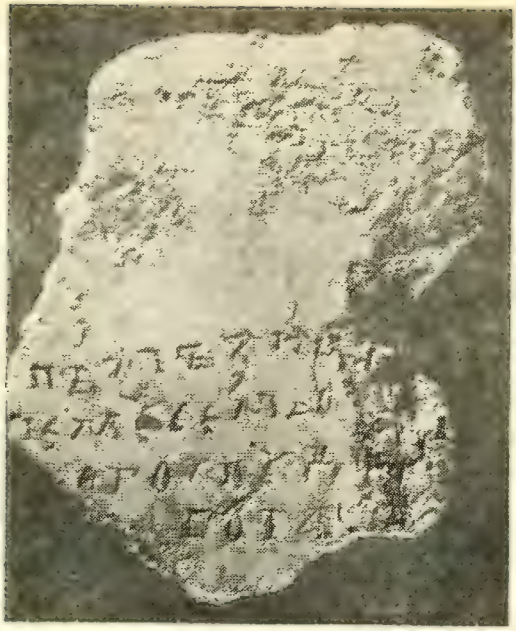
Надмогильная плита с надписью

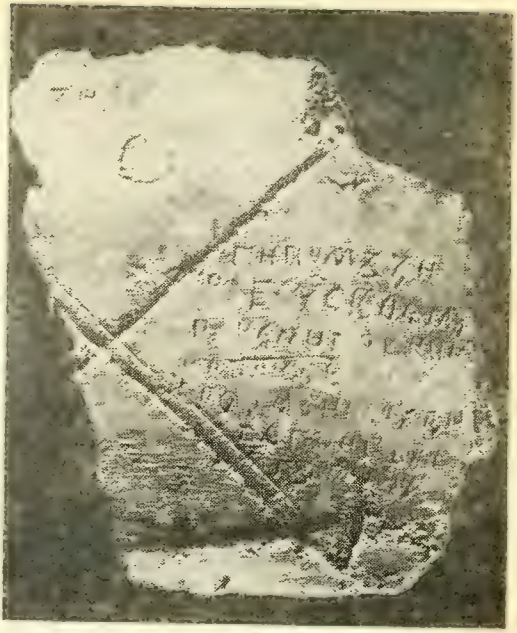
однако, просвещение и образованность проникали в народную среду. В свою очередь, народные черты постепенно инфильтрировали в культуру господствовавшего класса. Особенно заметно влияние на литературную (летописную) традицию народного эпоса (легенд, пословиц, присказок). Следует отметить удивительные по своей художественной ценности памятники декоративно-прикладного искусства, созданные народными умельцами и пользовавшиеся неизменным интересом и спросом как у местной знати, так и у иностранцев.

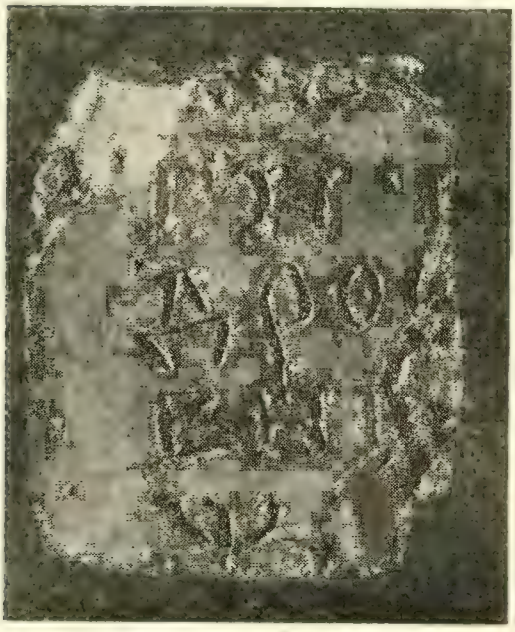
Просвещение. Вопрос о степени грамотности населения Переяславской земли еще далек от разрешения, так как большинство полученных исследователями данных относится к Переяславу, Остру, Воиню — т. е. крупнейшим городским центрам княжества. Без сомнения, грамотными были прежде всего лица духовного звания (митрополиты, епископы, священники), многие из которых были выходцами из Византии, в том числе из Константинополя, а также иноки многочисленных переяславских монастырей. Грамотными, а в ряде случаев высокообразованными были князья, переписывавшиеся друг с другом, знавшие иностранные (греческий, латинский, скандинавские, славянские, тюркские) языки. Их учителями, судя по всему, были служители церкви. Весьма образованными были княжеские опекуны, тысяцкие, посадники, тиуны, другие чиновники, несшие государственную службу, собиравшие различные поборы с населения и фиксировавшие их в специальных документах. Отдельные из них имели свои свинцовые буллы с именными надписями. В этой связи нельзя не отметить печати переяславского тысяцкого Ратибора, имеющие, по словам В. Л. Янина, необычную и неповторимую в русской сфрагистике форму надписи «От Ратибора» [1].

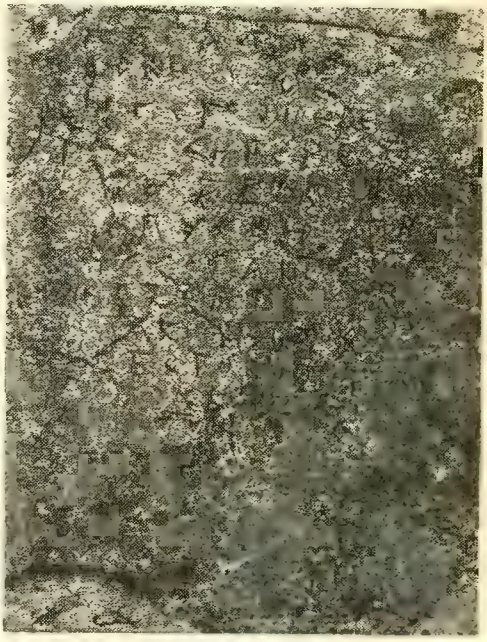
Судя по договорам с греками, новгородским берестяным грамотам, образованными были и купцы, знавшие языки и умевшие вести учет приобретаемых и реализуемых на рынке товаров [2]. Многочисленные надписи на стенах храмов, надмогильных плитах, керамике, пряслицах, костяных изделиях, плинфе доказывают частичную грамотность в среде ремесленников, трудящихся города. Находки в Переяславе, Устье, Воине, Донце и других городах застежек от книг, писáл дают возможность предполагать наличие в этих городах начальных школ [3]. Изготовлявшиеся из бронзы, железа и кости остроконечные стержни (стило, писала) с лопатками в верхней части были инструментами для писания на покрытых воском дощечках (лопатками исправлялось или сглаживалось написанное). Такой способ письма, по мнению специалистов, был удобен прежде всего для начинающих — школьников [4].

О развитии просвещения в Переяславской земле свидетельствуют, например, летописные сведения о первых ее

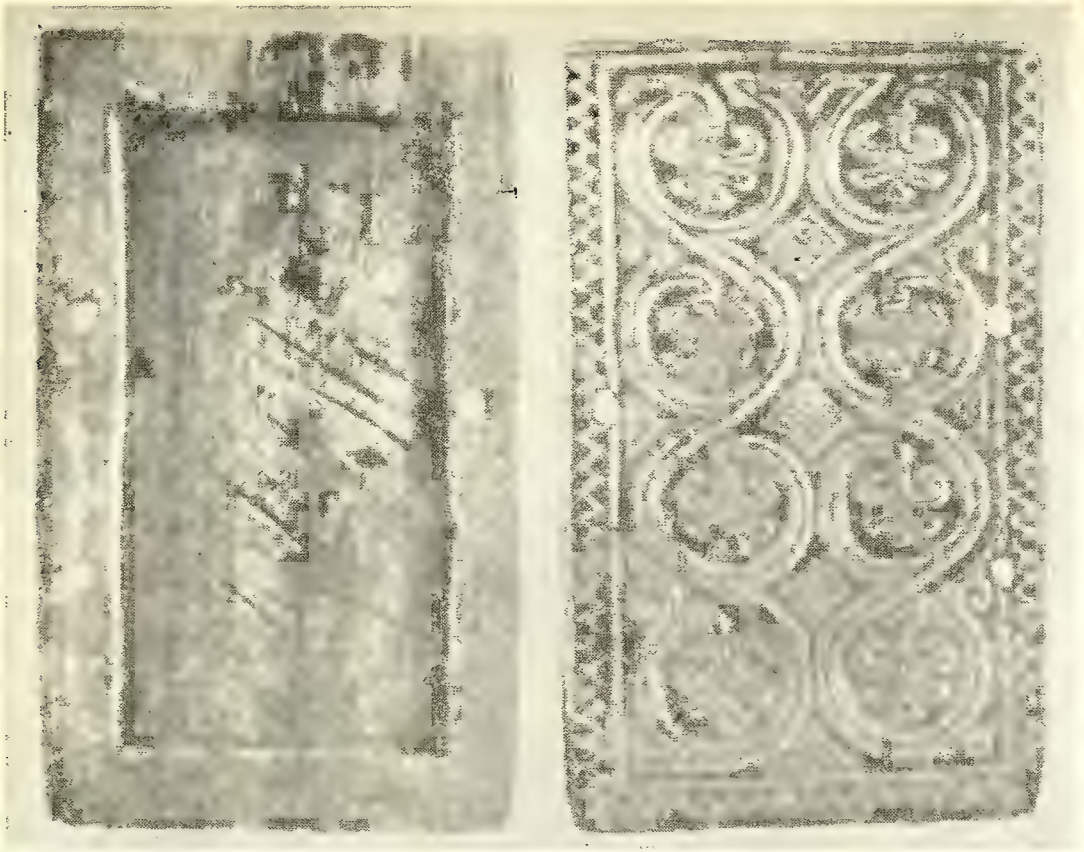








Фрагменты керамики и штукатурки с надписями из храма-усыпальницы XI в.



Дощечка для писания по воску. Новгород. Вторая половина XI в.

князьях Всеволоде и Владимире Мономахе. Сын Ярослава Мудрого, Всеволод, представляется весьма образованным человеком своего времени. Он «дома сидя, изумѣяше 5 языкъ» изучил, за что «честь от инѣхъ земль» заслужил [5]. Мы видим его среди кодификаторов свода законов, известного под названием «Правда Ярославичей» [6]. Естественно предположить, что разнообразие знаний князя явилось результатом не только личного усердия и особой одаренности, но и следствием систематического «наученья книжного» со стороны весьма образованных родителей, придворных учителей «из грек», наводнивших Русь в начале XI в. наряду с купцами, зодчими, писцами, переводчиками [7]. В большинстве случаев учителями были духовные лица. Широко известно, каким страстным книголюбом был его отец, насеявший «книжными словесы сердца вѣрных людий», создавший библиотеку при Софийском храме в Киеве и сам любивший читать «и в нощи, и въ дне» [8].

Большой образованностью отличался сын Всеволода Владимир, мать которого Анастасия являлась дочерью византийского императора Константина Мономаха. Крупнейший политический деятель Древней Руси и полководец, он был вместе с тем видным писателем и мыслителем того времени. Князь знал не только отечественную оригинальную литературу, но и переводную иностранную (греческую, латинскую, скандинавскую). В знаменитом «Поучении» он использовал Псалтырь, Парилистник, поучения Василия Великого, Ксенофонта и Феодоры детям, а также «Шестоднев» Иоанна

Экзарха, другие произведения византийской, болгарской, латинской и англосаксонской литератур [9].

Литература. Относительно времени создания «Поучения», помещенного в летописи под 1096 г., у исследователей нет единого мнения. Однако большинство считает, что Владимир написал его «сѣдя на санех», т. е. незадолго до смерти [10]. «Поучение», по их мнению, было своеобразным завещанием Мономаха детям, аналогичным завещанию Ярослава Мудрого (1054) [11]. Как нам представляется, данная точка зрения не совсем отвечает исторической действительности. Анализ многопланового произведения Мономаха показывает, что оно не является «экспромтом», написанным престарелым князем, на что уже неоднократно указывалось в литературе [12]. На наш взгляд, написание основной части «Поучения» восходит ко времени после 1094 г., т. е. после потери Мономахом престижного черниговского стола. На переяславский период творчества Владимира указывают многие факты, содержащиеся в произведении и относящиеся к 1094—1098 гг. Во-первых, когда он составлял наставление детям, в его памяти еще свежи были воспоминания о поездках из Чернигова в Киев (к отцу, умершему, кстати, в 1093 г.); во-вторых, у него перед глазами все еще стояли лица обидчиков, позорно изгнавших его из Чернигова; в-третьих, «3 лѣта и 3 зимы» сиденья в Переяславе (с 1094 г.) тоже дают 1097—1098 гг.— годы личной драмы переяславского князя, заставившей его взяться за перо.

Вполне очевидно, что «Поучение» писалось, дописывалось, а затем редактировалось автором и последующими редакторами летописных сводов неоднократно. Этого не скрывает и сам Владимир, сообщая о продолжительной подготовительной работе, предшествующей созданию произведения («собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах...») [13]. Толчком, который заставил Владимира Всеволодовича, в то время переяславского князя, взяться за перо, явились, безусловно, междоусобицы 90-х годов, в одной из которых погиб его сын Изяслав. Поэтому помещение «Поучения» в «Повести временных лет» под 1096—1097 гг. отнюдь не случайно.

Древнерусские писала

В «Поучении» как бы соединены три произведения: «поучение» в собственном смысле этого слова («грамотица» Мономаха), «дневник» его деяний и «послание» черниговскому князю Олегу Святославичу. Центральной идеей «Поучения» является призыв, обра-

щенный к детям, ко всем князьям Руси, укреплять экономическое и политическое могущество государства. На своем примере Мономах рисовал в «грамотице» образ мужественного правителя Руси — князя-политика, государственного мужа и хозяина, день и ночь, «на зною и на зимѣ» неустанно заботящегося о процветании Русской земли [14].

Осуждая феодальные усобицы, князь призывал сыновей, всех Рюриковичей быть стражами справедливости, «не вдавать сильным погубити человѣка». Владимир советует детям воспитывать в себе трудолюбие, не доверять в ведении дел ни тиунам, ни отрокам, самим вникать во все мелочи княжеского дома, на войне и на ловах. «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанѣте...» [15]. В «Поучении» Владимир выступает ревностным поборником просвещения, требуя от детей «его же умѣючи того не забывайте доброго, а его же умѣючи, а тому ся учите» [16]. Он четко ответил на многие другие социальные и нравственные вопросы: как относиться к церкви и ее служителям, пришедшим «гостям», как вести себя в быту. «Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти»,— наставлял он и пр.[17]

В дальнейшем Мономах описывал свои «пути» и «ловы», т. е. военные и охотничьи подвиги [18]. Эта часть произведения переяславского князя является своеобразным литературным дневником, который, судя по всему, он вел продолжительный период своей жизни. В дневнике, органически увязанном с «поучением», Владимир не только перечислил события, в которых он принимал непосредственное участие, но излагал собственные впечатления, давал оценки, приводил примеры деятельной целеустремленной жизни. «А из Чернигова до Кыева настишьды (около 100 раз) ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих, а прока (остатка — н. к.) не испомню менших. И миров есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20... А се тружахъся ловы дѣя: ...конь диких своими руками связалъ есмъ въ пущах 10 и 20... Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ..., вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ..., лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже» [19].

К дневнику примыкает письмо Владимира Мономаха, адресованное Олегу Святославичу Черниговскому, 6 сентября 1096 г. (в Муромской земле), убившего его сына Изяслава. В нем отражены чувство скорби отца, потерявшего любимого сына: «Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояше над ним, вникнущи въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створих? ...налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы» [20].

Вероятно, Владимир готовил жестокое отмщение убийце его сына. Но вмешательство Мстислава (старшего сына) предотвратило усобицу. Мономах предложил примирение Олегу. При этом он просил обидчика освободить сноху «да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ» [21]. Поэтический образ тоскующей горлицы в данном случае, считает В. В. Кусков, связан с традицией устной народной поэзии [22], что указывает на еще один источник литературного произведения переяславского князя — эпос. В письме Владимира Мономаха черниговскому князю Олегу проявилось торжество общегосударственного долга над личным чувством убитого горем отца.

Несмотря на определенную компилятивность «Поучения», и некоторую идеализацию его главного героя, оно выделяется на фоне других древнерусских литературных произведений конца XI — начала XII в. художественностью и оригинальностью, особенно ярко выраженной в описании князем своих «деяний». Послание Мономаха детям

является одним из лучших образцов средневековых автобиографий. Его идеи, по мнению Д. С. Лихачева, в дальнейшем «получили широкое распространение в летописи, дожили до времени создания «Слова о полку Игореве», остались действенными и прогрессивными вплоть до начала новой эпохи — создания национальных государств» [23].

«Поучение» Владимира Мономаха, являющееся своеобразным собранием его сочинений, дошло до нас в единственном списке, в составе Лаврентьевского летописного свода 1377 г. Текстологические исследования памятника Н. Н. Ворониным, Р. Матьесеном и другими учеными доказывают, что сочинения переяславского князя включены в летопись около 1177 г.[24]

Вторым важнейшим памятником литературы Юго-Восточной Руси являлся Переяславский летописный свод, многочисленные фрагменты которого сохранились в Суздальской летописи. Как показывают новейшие исследования, основателем Переяславской летописи, по всей видимости, явился знаменитый игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, осуществивший в 1116 г. по поручению Владимира Мономаха тенденциозную редакцию «Повести временных лет» Нестора с целью прославления Всеволодовичей-Мономаховичей, а с 1119 г. занявший почетную для него переяславскую епископскую кафедру. Систематическому фиксированию событий (с 1119 по 1187 г.), происходивших в княжестве, его столице и подвластных волостях, надо полагать, предшествовали более ранние (с 1054 г.) записи, имеющиеся в «Повести временных лет». Их делали, по всей вероятности, «книжники» из канцелярии первых переяславских князей — Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха, а возможно, и сами князья [25]. Положив в основу нового летописного свода вторую редакцию «Повести временных лет», Сильвестр дополнил ее местными историческими преданиями, а также отдельными летописными записками, составлявшимися в волостных городах княжества — Смоленске, Ростове, Суздале, Курске. Так, нам представляется, возник Переяславский летописный свод. После политического и культурного упадка Переяслава во второй половине XII в. и перенесения родовой летописи Мономаховичей на северо-восток, преемником традиций переяславской летописной школы стал Владимир.

Первым высказал мнение о том, что владимирский летописец пользовался сводом Переяслава-Русского, А. А. Шахматов. В дальнейшем ученый развил мысль о существовании двух переяславских летописей: княжеской и епископской. Идеи А. А. Шахматова о переяславском летописании, его влиянии на северо-восточное углубил и развил М. Д. Приселков. К сожалению, оба исследователя не дали достаточных разъяснений о взаимосвязи Переяславского и Киевского сводов, об их летописных источниках, что очень важно для реконструкции Переяславского свода [26].

Пристальное внимание отрывкам переяславского летописца в Лаврентьевском своде уделил А. Н. Насонов. Детально проанализировав имеющиеся переяславские летописи, ученый пришел к оригинальным выводам. Во-первых, он пересмотрел некоторые положения своих предшественников (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова) и доказал, что в Переяславе-Русском существовала лишь одна княжеская летопись, которая велась при церкви св. Михаила. Во-вторых, А. Н. Насонов показал, что Переяславский свод строился в значительной мере на киевском материале; причем в то время как переяславские записи в Ипатьевской, как правило, отражены с сокращениями по сравнению с Лаврентьевской, киевские записи отразились в Ипатьевской значительно более полно, чем в Лаврентьевской. Это склонило исследователя к мысли о том, что киевский источник попал в Лаврентьевскую летопись в составе свода Переяслава-Русского. В-третьих, А. Н. Насонов, как и М. Д. Приселков, считал, что Южнорусский свод привлекался на северо-востоке по крайней мере дваж-

Летописец за работой. Миниатюра Радзивилловской летописи

ды: в 50—70-х годах и в конце 80 — начале 90-х годов XII в.[27]

Л. А. Лимонов, исследуя летописание Владимиро-Суздальской Руси, высказал предположение о самостоятельном использовании во Владимире в 50—70 годах XII в. киевской великокняжеской летописи [28].

Проведенное сопоставление переяславских известий Ипатьевской и Лаврентьевской летописей показывает, что смелая гипотеза Ю. А. Лимонова нуждается в дополнительной аргументации. Остается непонятным, почему целый ряд явно переяславских по происхождению записей [29], имеющихся в Лаврентьевской летописи (1118—1157), или вообще отсутствуют в Ипатьевской, или помещены в значительном сокращении [30]. Продолжительные политические и церковные связи Переяслава с северо-востоком скорее свидетельствуют в пользу того, что комплекс киевских известий попал во Владимирскую летопись в составе летописи Переяслава-Русского.

Переяславский летописный свод интересен рядом народных преданий, легенд, поговорок. Именно переяславским летописцам, по-видимому, принадлежит столь подробная запись устного сказания об обстоятельствах основания на р. Трубеж Переяслава-Русского, внесенного позднее в «Повесть временных лет» Сильвестром. Содержание предания таково: «Въ лѣто 6500 (992 г.) ...печенѣзи придоша [на Русь] по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за

Победа юноши-Кожемяки над печенегом. Миниатюра Радзивилловской летописи

три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ [войску — Н. К.] глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?..» И не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свои мужь приведоша, а у наших не бысть. И почаша тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми и̑ сварящю, и оному мьнущю усние [кожу — н. к.], разгнѣвався на мя, преторже череви руками». Князь же се услышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша и̑ ко князю, и князь повѣда ему вся. Сей же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли сонь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и силна?» И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашъ доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликь зѣло и страшенъ. И выступи мужъ Володимеръ, и узрѣ и печенѣзинъ и посмѣяся,— бѣ бо середний тѣломъ. И размѣривши межи обѣма полкома, пустиша я̑ к собѣ. И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я̑.

Володимеръ же радъ бывъ заложи городъ на бродѣ томъ, и нарече и̑ Переяславль, зане перея славу от-

Испытание юноши-Кожемяки князем Владимиром Святославичем. Миниатюра Радзивилловской летописи

роко тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его»[31].

Как выше отмечалось, большинство исследователей этого рассказа едины в том, что он не заключает в себе исторической информации, а есть обыкновенная народная легенда, записанная книжником — собирателем народных рассказов о далеком прошлом края.

Так, Н. И. Костомаров считал рассказ образчиком того, как древние общечеловеческие мифы, видоизменяясь, прилагались к другим местностям, другим условиям: «Он не что иное, как видоизмененный и локализованный глубоко-древний миф о борьбе с чудовищем и об освобождении от него угнетенных существ, миф, воплотившийся у древних греков в истории Тессея, Персея, Беллерофона, и у нас, преимущественно связывавшийся с легендой о Егории Храбром. В «Записках о Южной Руси» П. А. Кулиша он является в сказке о Кирилле Кожемяке, приуроченной к Киеву»[32]. На Тамбовщине сохранилась сказка о Никите Кожемяке[33]. Степенная книга называет отрока «Ян Усмошвец»[34], что свидетельствует о каком-то польском влиянии.

В летописном рассказе ученые видели и один из многочисленных примеров объяснения с помощью легенды этимологии названия древнего города на Трубеже. Историк Н. А. Маркевич рассматривал появление древнерусской легенды под влиянием библейского рассказа о единоборстве Давида с Голиафом. Ее творцом, считал он, мог быть кто-либо из окружения митрополита Ефрема[35].

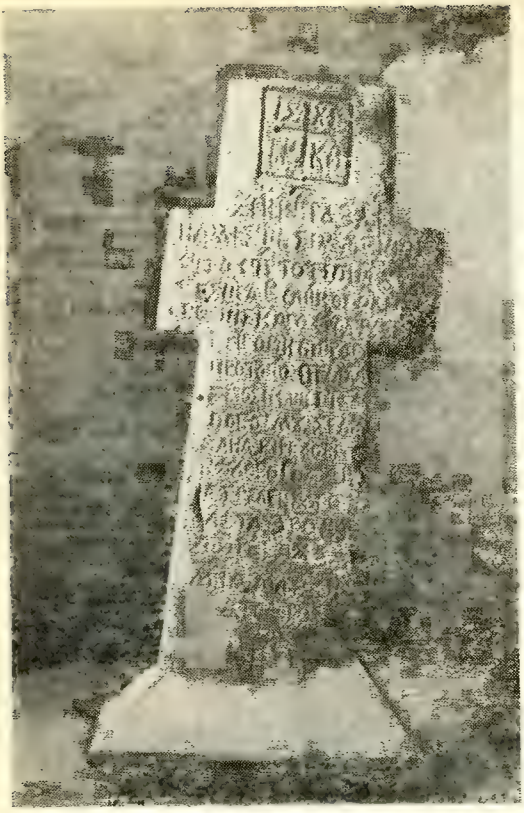
Некоторые исследователи в этой легенде усматривали исторический элемент, в определенной мере подтвержденный археологическими исследованиями, а именно: факт возобновления Владимиром переяславских укреплений[36].

Вышеприведенные наблюдения свидетельствуют о том, что среди исследователей древней легенды нет единого мнения относительно времени ее возникновения и тем более внесения в летописный свод. Д. С. Лихачев в 50-х годах высказал предположение о том, что легенда об основании Переяслава не была первоначально приурочена к княжению Владимира. С именем Владимира Святославича, считает ученый, она была связана лишь в начале XII в., когда слагалась «Повесть временных лет» и все русские исторические предания начали группироваться в цикл «Владимира Красного Солнышка» [37]. По нашему мнению, не исключено более позднее тенденциозное вмешательство в летописный текст владимирских летописцев, стремившихся, как уже выше подчеркивалось, всячески принизить роль Переяслава-Южного в древнерусской истории и удревнить, возвеличить Переяславль-Залесский.

В связи с вышеизложенным чрезвычайно плодотворной нам представляется гипотеза М. Ю. Брайчевского, относящего время возникновения и записи легенды к IX в. Реконструируя «Летопись Аскольда», исследователь поместил рассказ о поединке местного славянского богатыря и печенежина на Трубеже среди событий, датируемых концом IX в.[38] Учитывая то обстоятельство, что печенеги впервые появляются в Причерноморских степях в конце IX в., а Переяславль упоминается в договоре с греками уже в 907 г., считаем предположение М. Ю. Брайчевского правомочным. Для его «узаконения» не хватает совсем «малого» — археологического подтверждения существования города в конце IX — начале X в.

Интересно то, как выведены в легенде образы Кожемяки и Владимира. Первый из них — простой, скромный, но уверенный в себе богатырь, другой — великий князь, бессильный, не полагавшийся на своих дружинников правитель. Тема противопоставления недальновидных, а порой и трусливых князей героям-богатырям развита в последующих переяславских легендах о Демьяне Куденевиче, сохранившихся в Никоновской летописи и хронологически восходящих к XII в. В них рассказывается о подвигах подданного переяславского князя Мстислава Изяславича, совершенных им в борьбе с суздальским князем Глебом Юрьевичем. В первой из легенд повествуется о том, как беспечно возлежащий Мстислав Изяславич внезапно узнал о появлении у стен города войска суздальского князя. Смертельно перепуганный, он прибежал за помощью «къ Демьяну богатырю Куденевичю, и глагола ему сице: «нынѣ, о человѣче Божій, время Божіей помощи, и твоего мужества и крѣпости». Демьян Куденевич со своим слугою Тарасом и пятью другими отроками тот же час садится на коней и внезапно нападает на передовой отряд Глеба Юрьевича: «И убиваетъ многихъ нещадно. Князь же Глѣбъ Юрьевичь ужасяся зѣло, и скоро побѣже назадъ, а къ Демьяну Куденевичю посла, глаголя: «на любовь и на миръ пріидохъ, а не на рать». Демьянъ же Куденевичъ съ слугою своимъ Тарасомъ возвратися в Переаславль, и многу честь пріа отъ господина своего, великого князя Мстислава Изяславича» [39].

Во второй легенде повествуется о событиях того же лета 1148 г., когда Глеб Юрьевич, раздосадованный поражением от Демьяна Куденевича, заручившись поддержкой половцев и Давидовичей, вновь внезапно появляется у Переяслава «на ранней зарѣ, и посадъ зажгоша..., и бысть во градѣ много смущеніе и плачь. Демьянъ же Куденевичь единъ выѣде изъ града, не имѣа ничтоже одѣаніа доспѣшняго на себѣ, паче же помощи Божіа, и много бивъ ратныхъ...» Враг со «страхомъ обдержими, бѣжаша спѣшно, кождо въсвоаси». Однако Демьян, раненный половцами, «изнеможе... скоро тече [спешит] къ нему князь велики Мстиславъ Изяславичъ, и дары многи дая ему и власти обѣщевая; онъ же рече: о суетія человѣческаго! кто, мертвъ сый, желаетъ дарованіа тлѣннаго и власти погибающіа»? И сіа



Памятный крест на месте убийства Бориса в Альтицком урочище близ Переяслава

рекъ усну вѣчнымь сномъ, и бысть по немъ отъ всѣхъ плачь велій во градѣ» [40].

Учитывая реальность таких персонажей легенд, как Мстислав Изяславич и Глеб Юрьевич, а также очевидность событий 40-х годов XII в., отраженных в других источниках, есть все основания предполагать вышеприведенные сказания о Демьяне Куденевиче историческим героико-патриотическим произведением устного народного творчества местного населения.

Необходимо отметить, что героико-патриотическая тема наиболее характерна для переяславских легенд и летописания, реалистично отразивших исторические условия жизнедеятельности населения княжества, непрестанно участвовавшего в борьбе феодальных группировок за Киев или сражавшегося с ордами половецких ханов.

Кроме летописей, поучений, литературных дневников и исторических легенд-сказаний, запечатленных переяславским летописцем, сохранились произведения других жанров литературы XI в., в частности полемические сочинения местных иерархов, составленные ими жития святых, проложные сказания, паремийные чтения * и похвальные слова.

Самым интересным среди этого вида литературы несомненно является «Сказание о Борисе и Глебе», созданное, по мнению Н. Н. Воронина, одним из крупнейших церковных и общественно-культурных деятелей Руси переяславским епископом Лазарем **, современником и сподвижником Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха [41].

«Сказание» Лазаря посвящено рассказу о мученической смерти и чудесных деяниях Бориса и Глеба — первых официально канонизированных святых Киевской Руси. Борис (христианское имя Роман) и Глеб (Давид) являлись сыновьями Владимира Святославича и болгарыни [42]. Они были предательски убиты в 1015 г. наемниками их брата Святополка, стремившегося «переяти» «власть русьскую единъ» [43]. Борис погиб на Переяславщине в урочище Альтицком, Глеб — в Смоленской земле на р. Смядине [44]. Смерть братьев через пол-века была истолкована как мученическая, и они были признаны святыми. Канонизированы в 1072 г.[45]

Культ святых Бориса и Глеба возник, как можно предполагать, в 60-е годы XI в. Молчание Илариона о святых братьях в «Слове о законе и благодати», созданном в 1049—1050 гг., свидетельствует о том, что их культа

---

* Паремнйник — сборник церковно-служебных назидательных чтений.

** Мнение Н. Н. Воронина разделяют не все исследователи Сказания, поскольку литературная история последнего до настоящего времени остается не до конца раскрытой (Детально см.: *Дмитриев Л. А.* Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси.— Л., 1987.— Вып 1 (XI — первая половина XIV в.).— С. 398—408).

на Руси еще не существовало. Инициаторами создания культа национальных святых стали, по всей видимости, старшие Ярославичи в первый период их совместного мирного правления государством. Как известно, первым «умысли» «възградити цьрьковь нову святыма страстотьрпьцема, въ вѣрхъ одинъ» киевский князь Изяслав. Он «призвавъ старѣйшину древодѣлямъ повелѣ ему церковь» новую вместо ветхой «възградити». Этот же князь выделил средства («отъ дани княжи») на украшение храма [46]. Согласно летописной статье 6580 (1072) г., являющейся (равно как и летописная статья 6523 (1015) г. поздней интерполяцией в «Повесть временных лет», именно в эту «новую церковь, юже сдѣла Изяславъ», в 1072 г. переносятся мощи Бориса и Глеба [47]. В дальнейшем (после изгнания Изяслава младшими братьями) Святослав Ярославич «умысли съзьдати (в Вышгороде) цьрьковь камяну святыма, и съзьдавъ еѣ до 50 локътъ възвышеи, преставися» [48]. Дело брата продолжил Всеволод Ярославич, который закончил строительство храма. Однако тот внезапно разрушился: «върютися ей врьхъ и съкрушися вься» [49]. Только в 1111 г. Олегу Святославичу удалось достроить этот пантеон, а Владимиру Мономаху украсить его изнутри, подготовив к торжествам 1115 г.[50] Автор «Сказания о Борисе и Глебе» оставил весьма ценные сведения об интерьере этой церкви, восхищавшем очевидцев, в том числе иностранцев-греков, видевших «многих святых раки». Это внимание к вышгородской святыне представителей разных княжеских линий свидетельство того, какое большое значение придавали князья покровительству «заступников земли Русьстей» Бориса и Глеба.

Параллельно со строительством храма Бориса и Глеба в Вышгороде создавались письменные памятники об их жизни, мученической гибели и «чудесах». Они также являлись плодом коллективного творчества. Центральным среди них, безусловно, стало «Сказание» Лазаря.

Это произведение дошло до нашего времени во множестве списков, древнейшим из которых является текст, сохранившийся в сборнике XII—XIII вв. московского Успенского собора, озаглавленного «Въ тъ же день съказание и страсть и похвала святыю мученику Бориса и Глѣба» [51]. Есть основания предполагать, что он попал в Москву либо из Ростова *, либо из Владимира. Известно, что в 70—80-х годах XII в. канцелярия князей Переяслава-Русского переносится на более беспечный северо-восток. Вполне возможно, что именно в то время во Владимир попадают в составе княжеского архива, изъятого из храма архангела Михаила, не только переяславские летописи, сборник сочинений Владимира Мономаха, но и большинство литературных сочинений местных иерархов.

Сказание состоит из двух частей. В первой из них повествуется о трагической гибели Бориса и Глеба, борьбе за киевский стол Ярослава и Святополка, о перенесении мощей Глеба из-под Смоленска в Вышгород. Завершается рассказ собственно похвалой святым [52]. Вторая часть, озаглавленная «Сказание чюдес святою страстотьрпьцю Христову Романа и Давида» рассказывает о чудесах, совершенных святыми, о сооружении им храма в Вышгороде, о перенесении их мощей в 1072 и в 1115 гг.[53] Между первой и второй частями имеется вставка статьи «О Борисѣ, как бѣ възъръмь», которая как бы расчленяет Сказание на два самостоятельных произведения — Сказание о гибели Бориса и Глеба и Сказание о чудесах, совершенных святыми [54]. Поскольку во многих списках до нас дошла именно первая часть Сказания, исследователи С. А. Богуславский, А. А. Шахматов, Н. Н. Ильин и А. Поппэ предполагали, что существовало два разновре-

---

* А. И. Соболевский, относивший Сборник Успенского собора к XIII в., считал, что он происходит из библиотеки ростовского епископа Кирилла (*Соболевский А. И.* Остатки библиотеки XIII в. // СОРЯС.— Спб., 1910.— Т. 88.— С. 206).

менно созданных произведения, объединенных в единое целое лишь в начале XII в. Н. Н. Воронин считал, что Сказание исконно содержало «Сказание чюдес...» [55].

По-видимому, точка зрения последнего исследователя более отвечает исторической действительности. Следует помнить о целом ряде поздних редакций и переделок этого памятника житийной литературы.

Как нам представляется из анализа памятников Борисо-Глебского цикла, все они восходят к одной литературной традиции и предполагают если не общий (возможно, не дошедший до нас) источник, то по крайней мере существование одной школы либо кружка единомышленников, проповедовавших в своих светских и церковных произведениях одни и те же социально-политические идеалы: гуманизм, справедливость, патриотизм *. Целью этой благородной деятельности книжных людей разных социальных слоев было достижение благоденствия и независимости «Русской земли».

Вышеуказанные идейные мотивы содержатся и в «Сказании о Борисе и Глебе» Лазаря. В сжатой форме их изложил в исследовании об агиографическом памятнике Н. Н. Воронин. Первой темой, звучащей в произведении, является необходимость соблюдения законности — основы социального мира. По словам исследователя, перекликавшаяся с одной из основных идей «Поучения» Владимира Мономаха, эта тема «поднимается до потрясающей силы обличения преступлений господствующего класса, оставляя далеко позади обличительную силу «Слова о кознях божиих» [56]. Второй мотив, проходящий через все «Сказание»,— прославление Мономаха, наиболее справедливого и гуманного, по мнению автора, князя, вознесенного на киевский стол народным мятежом 1113 г. Эта тема в значительной степени созвучна второй редакции «Повести временных лет», составленной почти в одно и то же время со «Сказанием» единомышленником и последователем Лазаря Сильвестром. Третьей, важнейшей социально-политической темой рассматриваемого памятника являлась пропаганда общерусского значения культа Бориса и Глеба, помогавшего князьям побеждать «поганых», низлагать «дѣрзость поганьскую и дияволя шатания» [57].

Ученые, исследовавшие литературную историю «Сказания», не однозначно решали вопрос об авторе произведения. С. А. Богуславский, Н. Н. Ильин, Л. Мюллер, А. Поппэ склонялись к мнению, что его творцами было несколько книжников [58], писавших в разное время. Н. Н. Воронин считал, что данный литературный памятник полностью создан одним автором [59]. Текстологический анализ «Сказания» и других произведений Борисо-Глебского цикла («Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба», летописные статьи 6523, 6580 и 6623 гг. и др.) свидетельствует о том, что исследуемый памятник возник в период с 1088 по 1105 г. Это, судя по всему, была первая литературная обработка множества бытующих в народе устных преданий о гибели Бориса и Глеба, а также запись первых чудес святых, свидетелем кото-

---

* В Переяславе подобный кружок провизантийской ориентации (по примеру константинопольских литературных и философских кружков) могли организовать либо жена Всеволода Ярославича Мария (Анастасия?), либо митрополит Леонтий — люди широкой эрудиции и энциклопедических знаний. На «заседаниях» участники кружка имели возможность не только вести литературные беседы — обсуждать прочитанные исторические трактаты, жития святых, знакомиться с основами византийского церковного и гражданского права, новостями науки, но и обмениваться мнениями относительно содержания, идеологической направленности собственных сочинений, вносимых в Переяславский летописный свод погодных запнсей, полемических и церковно-назидательных произведений, записей народных преданий, легенд и т. д. Не случайно именно в Переяславе-Русском во второй половине XI — первой половине XII в. созидает много писателей, агиографов, полемистов. Именно в такой благоприятной интеллектуальной атмосфере, как нам представляется, мог сформироваться феномен личности выдающегося государственного деятеля, полководца, законодателя и писателя Владимира Всеволодовича Мономаха.

рых являлся сам автор *. Первичный вариант «Сказания» заканчивался, очевидно, рассказами о пятом и шестом чудах («О женѣ сухоруцѣ» и «О слѣпьци»), свидетелями которых были Лазарь и митрополит Григорий [60].

Стремление некоторых исследователей увязать время составления архетипа «Сказания» с летописной статьей 1072 г. так называемого Начального свода (по терминологии А. А. Шахматова) не может считаться удачным [61]. Произяславова, антигреческая редакция статьи, написанной в форме воспоминания, свидетельствует о том, что она внесена в летопись в конце княжения Святополка. Отсюда следует, что ее автором, по всей вероятности, являлся летописец, осуществивший первую редакцию «Повести временных лет»; материалом же для его записи послужил первичный вариант «Сказания о Борисе и Глебе».

После торжеств 1115 г. в Вышгороде, непосредственным участником которых являлся автор «Сказания», он дополнил свое сочинение рассказами о перенесении мощей в новый каменный храм Бориса и Глеба, а также о новых чудесах святых. «Накопление» в течение 1072—1115 гг. чудес святых страстотерпцев повлекло за собой необходимость в отдельном «Сказании чюдес». Оно возникло как бы непроизвольно (подобно «Деяниям» Владимира Мономаха в его «Поучении детям») путем присоединения к архетипу все новых чудес [62]. Второе, дополненное «Сказание о Борисе и Глебе», созданное между 1113—1117 гг., легло в основу летописных статей 1015 и 1115 гг. Как и другие идеологически острые (для своего времени) произведения древнерусской литературы, «Сказание о Борисе и Глебе» в дальнейшем подвергалось тенденциозному редактированию, дополнялось вставками типа «О Борисѣ, как бѣ възъръмъ» и др.

Таким образом, исследование произведений Борисо-Глебского цикла дает основание утверждать, что все они восходят к первоначальному письменному тексту о святых братьях, написанному человеком, имевшем непосредственное отношение к землям, в которых погибли они, находившимся вблизи от их гробниц в Вышгороде и являвшимся непосредственным очевидцем ряда чудес, совершенных святыми. Автор «Сказания» к тому же был очевидцем весьма продолжительного строительства вышгородского храма Бориса и Глеба, а также перенесения мощей усопших в 1072 и 1115 гг.

Из всех известных церковных деятелей Южной Руси XI в. на роль автора «Сказания» несомненно наиболее подходит вышеупомянутый Лазарь. Во-первых, его имя неоднократно упоминается в «Сказании чюдес» [63]; во-вторых, он, как никто другой, располагал подробной информацией о жизни и чудесах братьев. Выходец из Печерского монастыря Лазарь с 1072 по 1088 г. являлся «старейшиной клириков» вышгородского храма мучеников [64]. В течение полутора десятков лет к нему стекалась значительная информация о святых, которую он несомненно фиксировал на пергаменте. Избранный при Всеволоде Ярославиче игуменом Выдубецкого монастыря (1088—1105), он получил возможность уточнить и систематизировать свои знания о святых Борисе и Глебе. Так появилось «Сказание о Борисе и Глебе», ставшее основой «Чтения» Нестора и летописной статьи 1072 г. того же автора.

В 1105—1117 гг. Лазарь, занимая епископскую кафедру в Переяславе, продолжал работать над «Сказанием». Однако из-за смерти не успел завершить труд, в частности «Сказание чюдес». Этим обстоятельством Н. Н. Воронин объясняет отсутствие в произведении Лазаря заключительной похвалы святым, с чем трудно не согласиться [65]. Только смертью переяславского епископа можно объяснить тот

* Причиной чудесного исцеления некоторых больных, судя по известиям, содержащимся в агиографическом памятнике, являлись отнюдь не мощи святых, на которых спекулировали церковники, а «врачьство безмѣздьное» при храме (Сказание...— С. 50).

факт, что в его произведении ни словом не упомянуто о закладке в конце 1117 г. на месте гибели Бориса (на Альте) нового Борисоглебского храма [66].

Как известно, в 1118 г. переяславскую епархию возглавил Сильвестр, талантливый летописец, бывший игумен Выдубецкого монастыря, возможно, ученик Лазаря. С большой долей вероятности можно предположить, что именно он использовал в своей литературной деятельности дополненный вариант «Сказания о Борисе и Глебе», в частности в летописных статьях 1015 и 1115 гг. второй редакции «Повести временных лет», ставшей основой Переяславского летописного свода.

Н. Н. Ильин, Л. А. Дмитриев, исследуя вопрос о соотношении «Сказания» и летописной повести о Борисе и Глебе (под 6523 г.), отмечали много общего в содержании эпизодов, текстуальные совпадения и идейно-политическую направленность обоих литературных произведений [67]. Эти факты, по нашему мнению, свидетельствуют не только о том, что «Сказание» являлось источником летописной повести, оба сочинения, по всей вероятности, были подвергнуты редактированию одним и тем же книжником. Нетрудно определить тот временной отрезок, когда это произошло. Идейная близость «Сказания» и второй редакции «Повести временных лет» отражают политическую ситуацию на Руси в 1113—1117 гг. Это годы триумфа Владимира Мономаха и его сторонников, это время активной подготовки к перенесению и само перенесение в новый храм мощей святых Бориса и Глеба, приуроченное к 100-летию их мученической кончины, это период активной выработки, идеального культа святых, имевшего важное политическое значение для того времени.

Как можно полагать, в 1115—1117 гг., возможно после смерти Лазаря, Сильвестр, по просьбе Мономаха, совершает сокращенную переработку «Сказания» в летописную повесть 1015 г., что придает ее тексту «видимость повествования о реальных исторических событиях». Это обстоятельство во многом объясняет те общие места, имеющиеся в содержании этих произведений.

Заканчивая характеристику «Сказания о Борисе и Глебе», нельзя не отметить широкую эрудицию его авторов, привлекших для написания труда памятники переводной житийной литературы, в частности Житие Вячеслава Чешского, Житие Меркурия Кесарийского, Житие Варвары, Мучение Димитрия Солунского и др. Увлекательное и реалистичное произведение Лазаря имело исключительную популярность, о чем свидетельствует более 165 списков, дошедших до нашего времени [68]. Как и другие произведения переяславской литературной школы, оно оказало огромное влияние на развитие литературы Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. и последующих столетий вплоть до XVII в.[69]

Кроме «Сказания о Борисе и Глебе», на северо-востоке Руси сохранилось множество проложных статей и паремийных чтений, посвященных святым братьям, а также церковные службы им [70]. Все они возникли на основе общего источника предположительно в первой половине XII в. Попытки отдельных исследователей уточнить авторство этих произведений, на наш взгляд, нельзя считать удачными [71].

Уникальным памятником полемической литературы второй половины XI в. является «Послание об опресноках митрополита Переяслава-Русского Леонтия» [72], дошедшее до нашего времени в 11 списках и двух отрывках XIII—XVII вв. Своим содержанием оно направлено против совершения латинянами таинства евхаристии на опресноках, т. е. лепешках из пресного теста. В «Послании» опресноки занимают центральное место: из 19 пунктов послания 12 касаются евхаристии. Однако кроме спора об опресноках, Леонтий касается также других вопросов церковной догматики: субботнего поста, совершения полной литургии в течение всего великого поста,

безбрачия священников, употребления в пищу «удавленины», учения о filioque — т. е. об исхождении св. духа [73].

Сочинение переяславского митрополита было связано с конфронтацией римской католической и византийской православных церквей, последовавшей за отлучением от церкви 16 июля 1054 г. папой патриарха и его сторонников [74]. С возникновением религиозных распрей усиливалась полемика между церквами по различным вопросам догматики, в которой, вслед за Львом Охридским, Петром Антиохийским и Никитой Стифатом принимал участие и митрополит Переяслава-Русского Леонтий, уроженец Константинополя [75]. Опираясь на труды предшественников, заимствуя у них основные доводы, он создал оригинальное произведение полемической литературы. Написанное в форме диалога, «Послание» являлось риторическим произведением и предназначалось, по-видимому, для выступления на диспутах. Как предполагает А. Поппэ, Леонтий мог участвовать в подобном диспуте во время одной из поездок в Царьград *.

Среди переяславских духовных владык литературное наследие оставил также известный религиозный и общественный деятель Киевской Руси Ефрем. С 80-х годов XIX в. ему приписывается создание цикла произведений, относящихся к прославлению св. Николая Мирликийского [76], а также перевод устава Студийского монастыря, введенного Феодосием в 60-х годах XI в. в Киево-Печерском монастыре. О причастности Ефрема к пересылке на Русь устава монастырского общежития свидетельствуют известия, имеющиеся в Житии Феодосия, составленном Нестором, и в летописных источниках: «По сих же [т. е. после 6570—1062 г.] пакы посла [Феодосий.— *Н. К.*] единого от братіа в Константинград к Ефрему скопцу, да весь оустав Студийского монастыря исписавъ пришлет к нему. Онъ преподобного отца нашего Феодосия повеленная тоу абіе створи, и весь оуставъ монастырскій списав, посла к нему» [77]. Из «Повести временных лет» Нестора известно, что Ефрем передал устав через Михаила, чернеца монастыря Студийского, «иже бѣ пришелъ изъ грек с митрополитом Георгием» [78]. Однако не эти литературные (главным образом агиографические) сочинения принесли славу и известность переяславскому иерарху. Наибольшей заслугой Ефрема перед его современниками, по мнению летописца, стало создание им великолепного архитектурного ансамбля епископского двора на Переяславском детинце.

Архитектура. Переяслав — второй после Киева город, где уже в начале XI в. возводились каменные здания: под 1008 г. летопись сообщает о строительстве здесь митрополитом Иоанном церкви каменной «Воздвиженіе Честнаго Креста» [79].

Яркой страницей в деятельности переяславских зодчих и мастеров было грандиозное по тем временам строительство в столице княжества каменных зданий в конце XI в. По мнению Ю. С. Асеева, после постройки в 1037 г. Ярославом Мудрым «Града великого Киева» комплекс сооружений Переяслава был самым значительным явлением в строительстве Древней Руси [80]. Итоги его подведены в пространной записи Начальной летописи под 1089 г.: «В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила Переяславьская Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю великою

* Подобный богословский спор мог состояться и на Руси в конце 60 — начале 70-х годов XI в. Можно указать здесь на взаимоотношения великого киевского князя Изяслава Ярославича с папской курией (*Рапов О. М., Ткаченко Н. Г.* Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. // ВМУ.— 1975.— № 5.— С. 83—88), на послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах (*Еремин И. П.* Из истории древнерусской публицистики XI в. // ТОДРЛ.— М.; Л., 1935.— Т. 2.— С. 21—38. Автор датирует послание 1069 г.), а также на миссию императора Генриха IV к Святославу в 1075 г., возглавляемую настоятелем кафедрального собора в Трире Бурхардом (*ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 131).

пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды. Сий бо Ефрѣмъ... тогда многа зданья въздвиже: доконча̀въ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣх городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси. И град бѣ заложилъ каменъ, от церкве святаго мученика Феодора, и украси город Переяславьский зданиі церковными и прочими зданьи» [81]. Несколько по-другому строительная деятельность Ефрема освещена в Никоновской летописи. Здесь под 1091 г. записано: «Въ лѣто 6599. Священа бысть церкви святаго архангела Михаила Ефрѣмомъ митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси, юже бѣ самъ создалъ велику сушу, бѣ бо преже Переаславль митрополья, и живяху множае тамо митрополити Кіевстіи и всея Руси, и епископы поставляху тамо, и украси ю великою пристроею и церковными сосуды. Сей же бѣ Ефрѣм скопець, многодобродѣтеленъ, высокъ тѣломъ и сухъ; бѣ же тогда зданіа многа воздвиглъ: доконча̀въ церкви святаго архангела Михаила, и заложи церковь камену на воротѣхъ градскихъ во имя святаго мученика Феодора, и посемъ другую церковь святаго апостола Андрѣа у церкви святаго Феодора отъ воротъ, и строеніе банное, и врачеве и болници, всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачеваніе, такоже и вь Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, и по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ, иже суть и со уѣзды и съ волостьми и съ селы: се же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ Переаславль заложилъ каменъ, отъ церкви святаго Феодора, и съ прочими зданіи, и съверши ее чюднѣ» [82]. Во втором отрывке привлекают внимание новые сведения о «безмѣздном» врачевании и больницах в древнем Переяславе, о загадочном Милитине-граде «митропольском». Эти сведения нас не должны смущать. Учитывая данные Патерика о врачевании во второй половине XI в. в Киево-Печерском монастыре Агапита и Дамиана, можно предположить, что подобная практика была распространена и в переяславских монастырях. Появление же владычного града на Переяславщине — не что иное, как свидетельство постепенной феодализации местной церковной верхушки.

Интенсивное строительство в Переяславе и подвластных ему волостях осуществлялось и в последующий период истории княжества. В частности, в начале 90-х годов XI в. в Суздале Мономахом и Ефремом возведены Успенский храм и епископский двор [83]. В 1098 и 1101 г. церкви Успения Пресвятой Богородицы сооружаются в Переяславе, Смоленске [84]. В конце 90-х годов в Остерском Городце построена небольшая Михайловская божница, остатки которой сохранились до нашего времени [85]. Приблизительно в это же («Мономахово») время в окрестностях Переяслава основываются многие монастыри: св. Иоанна, св. Саввы, Пресвятой Богородицы, Альтский монастырь Бориса и Глеба и др.

Строительство такого количества светских и культовых зданий свидетельствовало об огромных средствах, которыми располагали переяславский князь и епископ, о наличии в княжестве подготовленных зодчих, строителей и оформителей — каменщиков и кирпичников, живописцев, мастеров по изготовлению поливных плиток, мозаичистов и пр. К сожалению, большинство древнерусских памятников зодчества Переяславской земли не сохранилось. Лишь благодаря исследовательской деятельности археологов, архитекторов, искусствоведов, историков открыты и изучены остатки Михайловского собора, Епископских ворот, дворцового сооружения, церкви возле Епископских ворот (однонефной), Богородицы и Спасской церквей XI в., часовни XII в., Воскресенского храма, Стеклодельной мастерской XI в. и Остерской Михайловской (или Юрьевской) божницы [86].

О мастерстве их создателей, строительной технике и декоративном убранстве зданий позволяют судить остатки фундаментов и стен, находки

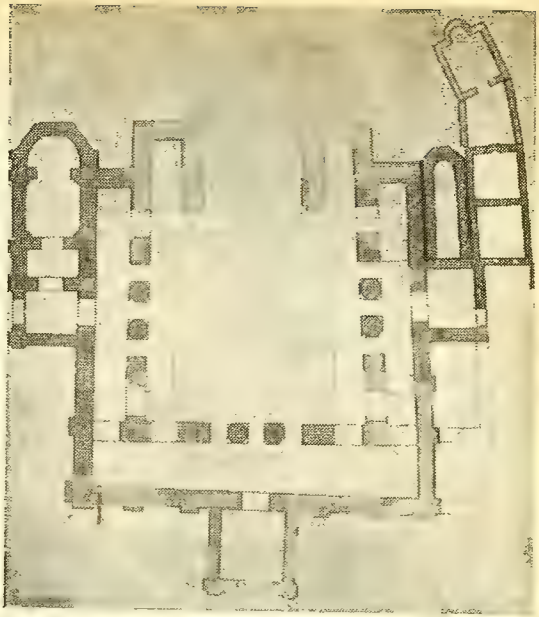
разнообразных строительных материалов — кирпичей, голосников, обломки свинцовой и медной кровли, круглых оконных стекол, шиферных плит, мраморных деталей, поливных плиток, фрагментов штукатурки с фресковой росписью, мозаичных смальт, других предметов убранства (колоколов, паникадил, хоросов, подсвечников), бережно хранящихся в фондах Переяславского государственного исторического музея.

Грандиозным сооружением переяславской архитектуры XI в. является Михайловский собор, не уступавший по своим размерам и богатству убранства крупнейшим киевским, новгородским и черниговским храмам. К сожалению, построенный в 80-х годах XI в., он еще до нашествия орд Батыя дважды разрушался во время землетрясений, что свидетельствует о конструктивных просчетах его строителей.

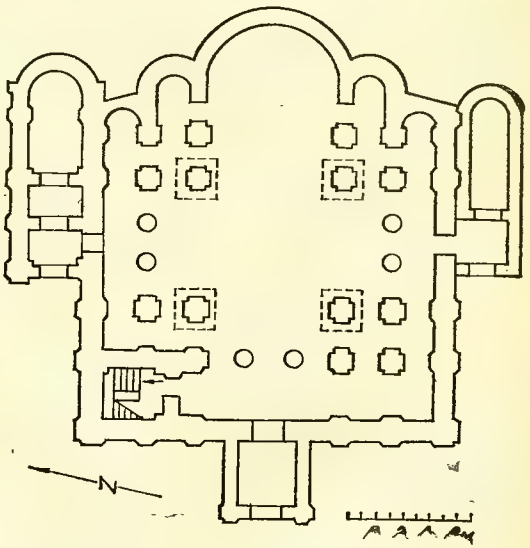
Первый раз церковь пострадала в 1124 г. «Земля потрясеся мало и паде ся церкви великия св. Михаила у Переяславли, мая в десятый день, юже бе создал и украсил епископ Ефрем» [87]. По-видимому, разрушения были незначительными и храм вскоре восстановили. В XII в. в нем неоднократно хоронили переяславских князей. Более серьезные повреждения повлекло землетрясение 1230 г.: «В Переяславли Русском церкві святая Михаіла каменная рассѣдеся на двое и паде перевод с кровлею: 3-х комаръ и потроша иконы и паникадила свѣчми и свѣтилна» [88]. Храм вновь восстанавливается. Но в 1237 г. его опять постигла тяжелая участь. Завоеватели штурмом овладели Переяславом «и церковь архангела Михаила скруши...» [89].

После трагического для Переяслава 1237 г. храм Михаила лежал в развалинах до середины XVII в. Между 1649 и 1666 гг. на развалинах древней церкви переяславский полковник Федор Лобода соорудил новый деревянный храм. Около 1749 г. возведено ныне существующее здание Михайловской церкви [90].

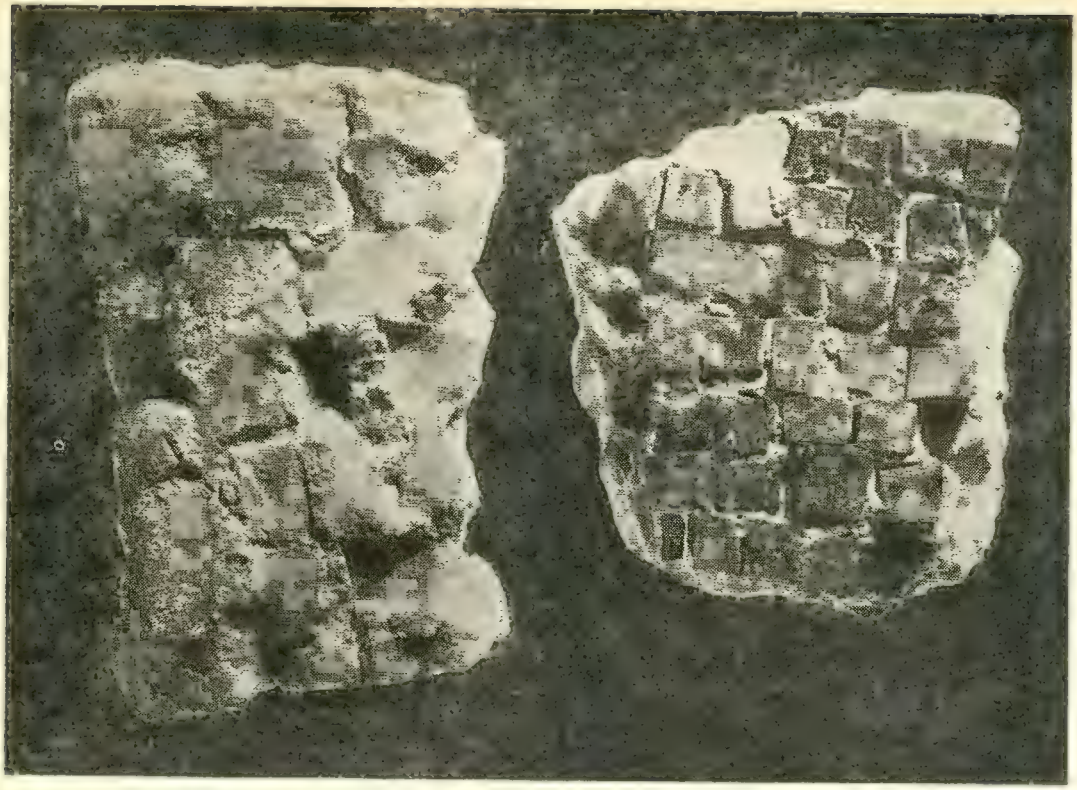
В 1949 и 1952—1954 гг. остатки древнего храма раскопаны археологической экспедицией под руководством Н. К. Каргера. Были исследованы его фундамент, нижние части стен, составлен план постройки. В дальнейшем памятник изучался Ю. С. Асеевым и В. А. Харламовым.



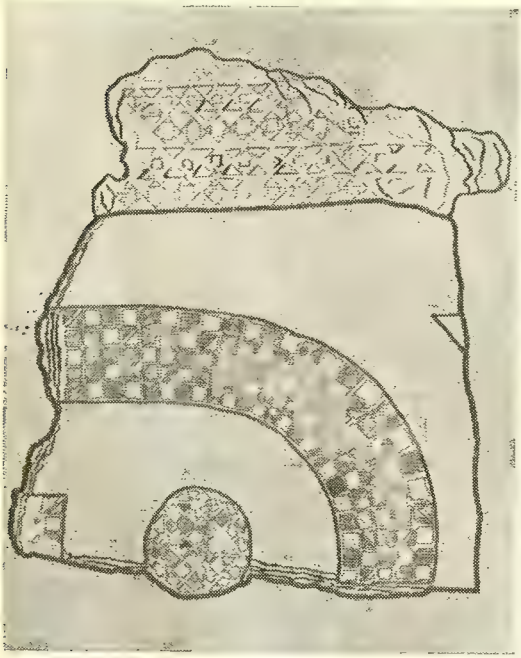
План Михайловского собора по раскопкам М. К. Каргера



Реконструкция Михайловского собора Ю. С. Асеева и В. А. Харламова



Мозаичные смальты из Михайловского храма



Фрагменты декорированных полов Михайловского храма

Михайловский собор представлял собой сравнительно большой пятинефный храм. Его длина — 33 м, ширина — около 25,6 в восточной и в 27 м в западной части. Храм имел одну большую апсиду. Его купол опирался на четыре квадратные в плане столба (размеры сторон 3×3 м). Диаметр подкупольного пространства церкви не превышал 6 м. Наружные стены храма членились плоскими лопатками.

Стены Михайловского храма сложены в смешанной технике: с чередованием рядов кирпичной кладки со скрытым рядом и рядом необработанных камней. Размеры кирпичей 4—4,5×26—29×36—38 см. При кладке использовался розовый раствор с мелкой цемянкой. Толщина стен достигала 1,15—1,2 м. На отдельных участках внутренней поверхности северной сте-

ны храма хорошо сохранилась древняя штукатурка с остатками фресковой росписи. Роспись представляет собой три одноцветных поля (голубовато-серое посередине и желтые по сторонам), разделенных красно-коричневыми вертикальными полосами. Фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, встречались также в завале строительных материалов на других участках раскопок храма.

При исследовании остатков Михайловского храма экспедиция выявила значительное количество мозаичных смальт различных цветов, в том числе золотых, употреблявшихся для фона. Эти находки свидетельствуют, что наряду с фресковой росписью храм был декорирован также мозаикой.

Фундамент храма, как удалось установить, был сложен из крупных валунов на растворе с цемянкой, что, возможно, и явилось причиной непрочности здания. Глубина его залегания не превышала 1,2—1,75 м.

В системе убранства главного переяславского храма большое место занимала роскошная декорировка пола мозаикой. Полы были устланы шиферными плитами, большинство из которых имело мозаичную инкрустацию. Кое-где смальта мозаик уложена непосредственно в известково-цемяночную подмазку пола. Куски смальт из мозаичных наборов пола отличаются от стенной мозаики значительно большими размерами. Смальты, собранные в огромном количестве, в основном четырех цветов — желтого, зеленого, вишневого и черного. При этом они имеют самые различные оттенки — от лимонного до почти оранжевого в желтых смальтах и темно-коричневого, темно-синего и темно-зеленого в черных смальтах. Кроме мозаичных наборов для убранства пола в переяславском храме применялись керамические майоликовые плитки: оранжево-желтые, желтые, зеленые, белые и др.[91]

Анализ многочисленных находок разнообразных строительных материалов позволил М. К. Каргеру заключить, что внутреннее убранство переяславского храма Михаила не уступало наиболее пышно декорированным и обставленным храмам Киева и Чернигова [92].

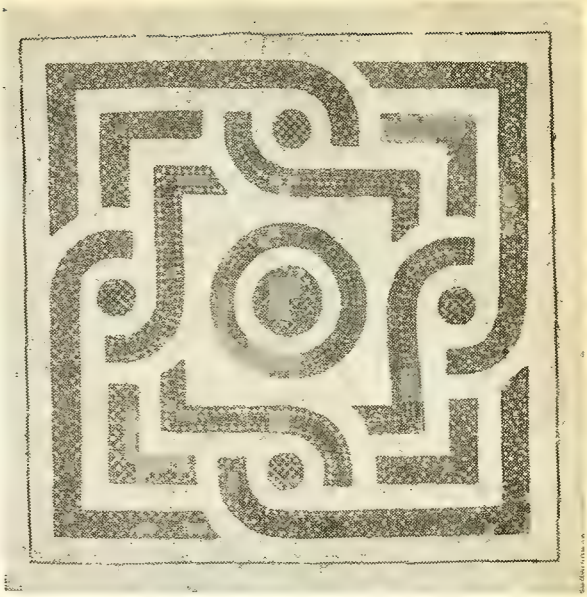
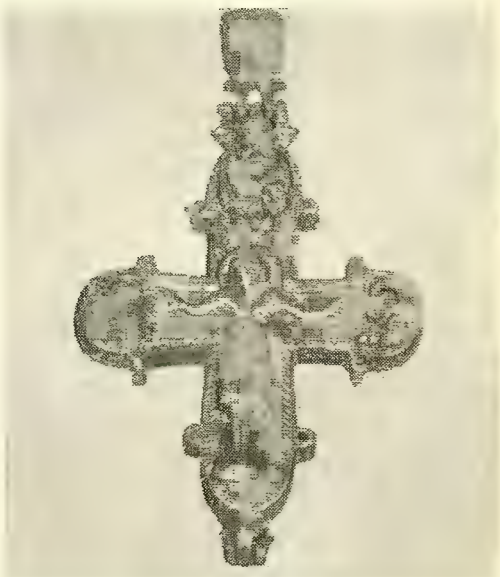


Рисунок-реконструкция части пола с мозаикой в галерее Михайловского собора



Крест-энколпион XI в., найденный при раскопках храма св. Михаила

Кроме Михайловского собора, являвшегося доминантой епископского

Бронзовая матрица с изображением Иоанна Златоуста, найденная при раскопках храма св. Михаила

двора, на детинце открыто еще шесть каменных сооружений. В его юго-восточной части археологическими исследованиями выявлены, в частности, остатки Епископских ворот — парадного въезда в резиденцию переяславского епископа. Они представляют собой две параллельные стены, сложенные из плинфы и камня, между которыми находился проезд шириной около 4 м, вымощенный крупными камнями неправильной формы, слегка подтесанными сверху. Воротные стены, сохранившиеся местами на высоту до 2 м и пролегавшие поперек оборонного земляного вала X в., были расчленены пилонами, служившими опорой для арок сводчатого перекрытия проезда. Над ним, как известно из летописи, возвышалась Федоровская церковь. К ней наверх, по-видимому, вела двухмаршевая лестница, обнаруженная в прямоугольной башне, примыкавшей к воротам с внутренней стороны земляного вала. Сохранились три нижние ступени этой лестницы. Лестничная клетка для подъема в надвратную церковь представляла собой прямоугольное помещение размером 6,2×4,4 м (снаружи) и 4,0×2,8 м (внутри). К западу от нее продолжалась каменная стена шириной 1,2 м («град камен»), прослеживаемая на расстояние около 10 м. Она отделяла епископский двор от княжеской части детинца [93].

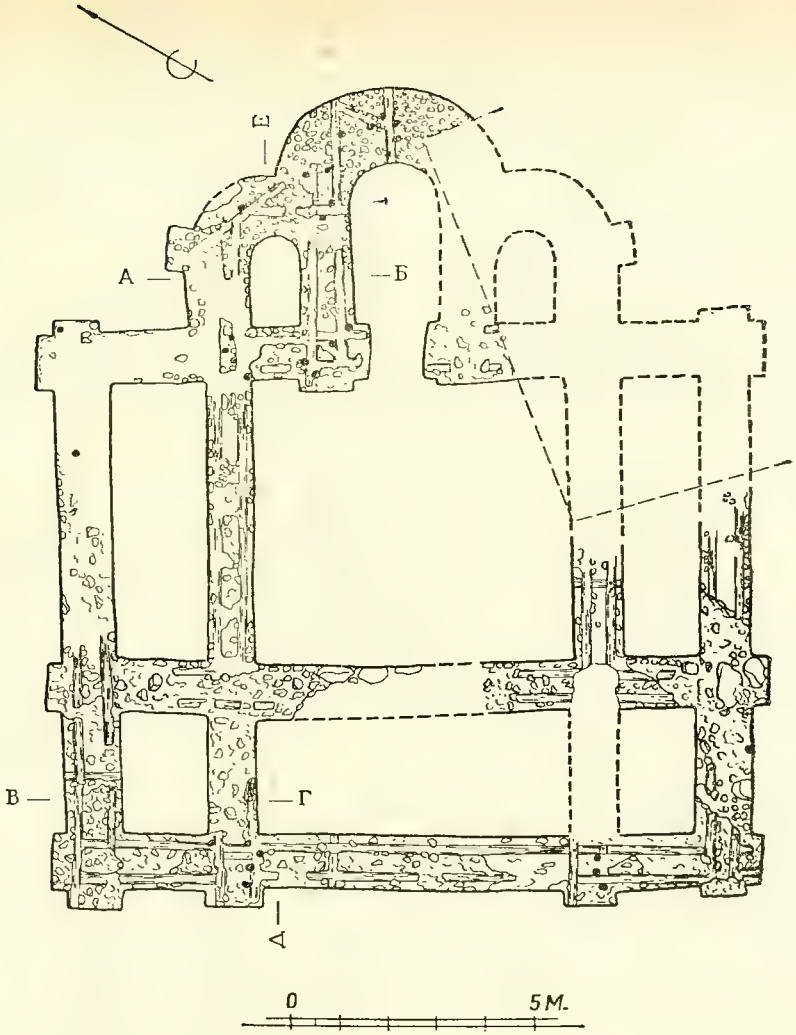
В 40 м севернее Епископских ворот и в 70—80 м к северо-востоку от Михайловского храма в 1956 г. археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера выявлена также церковь «святого Андрея у церкви у ворот», возведенная в числе других построек 1089—1090 гг. митрополитом Ефремом. Она представляла собой небольшой бесстолпный храм с тремя апсидами и галереями. Длина здания составляла 16,7 м, ширина — 14,2 м [94].

Особый интерес вызвало у исследователей открытие в епископской части детинца монументальной каменной постройки конца XI в. гражданского назначения. Прямоугольное в плане здание оказалось двухкамерным. Его размеры с наружной стороны составляли 18,2×11 м. Расположенное в 50 м к северо-западу от Михайловского собора, здание своей западной торцовой стороной почти вплотную примыкало к валу детинца.

Техника строительства здания, по мнению исследователей, типична для переяславского зодчества конца XI в., т. е. аналогична той, которая применялась при строительстве Епископских ворот, Михайловского собора и других сооружений 1089—1090 гг. Фундаменты сложены из блоков ломаного камня с нерегулярными рядами кирпича-плинфы на растворе с цемянкой. Камень — серый песчаник местного происхождения. Выходы его находятся на правом берегу Днепра близ Заруба. Оттуда его доставляли по Трубежу в Переяслав. Поражают размеры глыб ломаного камня в нижних частях фундамента, достигающие в длину 1,3 м при высоте 75—80 см. Строевая плинфа в основном двух размеров — 22×33 и 25×18 см при толщине кирпичей от 3 до 5 см.

Пол загадочного здания был покрыт шиферными плитками, инкрустированными мозаикой. Под полом обнаружена уникальная находка — шесть обломков керамических водопроводных труб двух диаметров — 11,5 и 14 см,

Епископские ворота Переяслава. XI в. Реконструкция Ю. С. Асеева



План предполагаемой церкви св. Андрея XI в. в Переяславе.

при толщине стенок 0,8—1,0 см. Трубы соединялись при помощи раструбов. Характер труб, по мнению Ю. С. Асеева, М. И. Сикорского и Р. А. Юры, абсолютно аналогичен византийским водопроводным трубам Херсонеса.

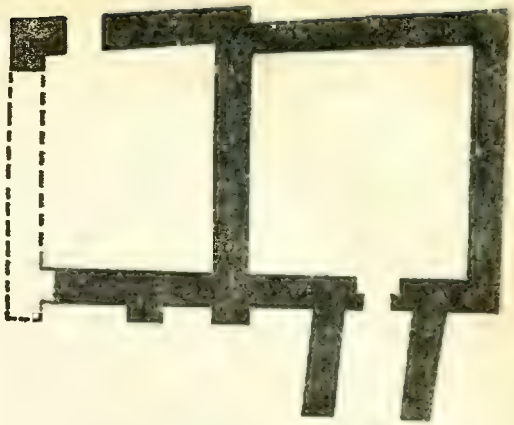
Анализ остатков украшений здания специалистами показал, что едва ли можно назвать какие-либо сооружения Киева, Новгорода, других древнерусских городов, интерьеры которых были бы украшены с большей пышностью. Многочисленные находки мраморных деталей: капителей, колонн, карнизов, шиферных плит, инкрустированных мозаикой, многочисленных разноцветных кубиков от настенных мозаик, в том числе от золотистых фонов, использование в инкрустации редких пород мрамора: белого, желтого, зеленого, красного, розового — все свидетельствует о необыкновенном богатстве украшений интерьеров.

Большой интерес представляют находки многочисленных фрагментов кровельной черепицы, известной до

этого лишь из раскопок М. К. Каргера Десятинной церкви в Киеве. Черепица эта представляла значительные по размерам плиты 65×35×3 см, имеющие двойную вогнутость — по ширине и по длине с продольными желобками *. Одновременно с черепицей в раскопках были найдены два больших фрагмента свинцовых листов (размеры — 86—88×67—70 см, масса — 16,4 кг, толщина — 1,6—1,8 мм). Применение для покрытия в одном здании двух кровельных материалов свидетельствует о необычности завершения его верха. Среди важных строительных материалов, выявленных исследователями среди руин здания, следует отметить фрагменты круглого оконного стекла с характерными загнутыми бортиками.

Назначение постройки неясно. Ее непосредственные исследователи высказали предположение, что здание было Епископским дворцом [95]. Однако, на наш взгляд, более вероятна гипотеза П. А. Раппопорта: это остатки бани, построенной в 1089 г. епископом Ефремом [96]. В ее пользу свидетельствуют не только находки водопроводной системы, но и отсутствие малейших следов фресковой штукатурки, замененной мраморным покрытием.

На то, что постройка — летописное «строенье баньное каменно» при Епископском дворце, косвенно указывает находка вислой свинцовой печати, обнаруженной в западной камере здания. На одной из сторон печати имеется погрудное изображение молящейся Богоматери и круговая надпись на греческом языке: «Матерь божья, помоги рабу твоему...» Место, где написано имя, к сожалению, сильно окислено и прочитать его не удалось. На другой стороне буллы — погрудное изображение архангела Михаила и очень неразборчивая надпись [97]. Тем не менее принадлежность печати конкретно-историческому лицу можно установить точно. Во-первых, не подлежит сомнению, что булла относится к кругу владычной сфрагистики. Во-вторых, среди переяславских владык, чья печать с подобной атрибутикой



План «строенья баньного каменного» XI в. в Переяславе

известна, можно назвать одного Ефрема. Рассматриваемая печать в отличие от митрополичьей 1091—1096 гг.[98] связывается с ранним переяславским периодом его деятельности, т. е. 1075—1091 гг., временем строительства зданий на Переяславском детинце, к которому он был непосредственно причастен **.

Основной материал для исследования атрибутики буллы содержится в особенностях смыслового ее оформления. На ней изображен архангел, имя

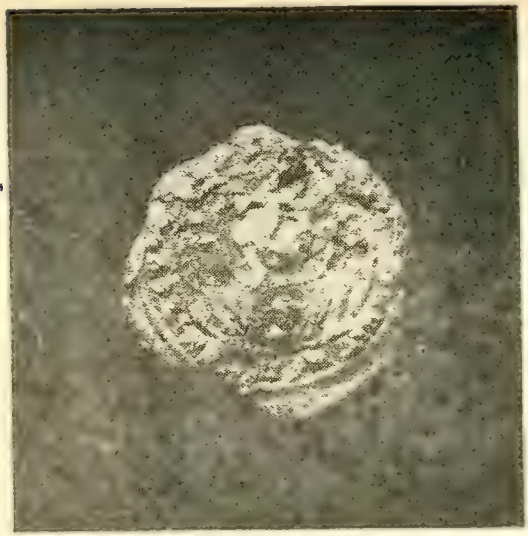
* По предположению П. А. Раппопорта, обнаруженные фрагменты черепицы — скорее всего следы позднейшего ремонта (*Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 35).

** Мнение А. Поппэ о том, что найденная булла принадлежит киевскому митрополиту Ефрему, святительствовавшему в 1054—1068 гг. (к которому в последней публикации склоняется и В. Л. Янин), на наш взгляд, ошибочно (*Poppe A.* Uwagi o najstarszych dziejach kościola na Rusi // Przegląd historyczny.— T. XL, N 3.— S. 386). Во-первых, нельзя не учитывать, что в греческой надписи на булле употреблен по отношению к Ефрему титул «протопроедр», не применявшийся в византийских источниках ранее 70-х годов XI в. (*Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. 5 (L'Eglise. Premiere partie: L L'Eglise de Constantinople. A. La Hiérarchie.— Paris, 1963.— P. 602). Во-вторых, следует помнить, что кроме киевского князя Святополка Изяславича крестильное «архангельское» имя Михаил носил переяславский князь Ростислав Всеволодович (1076—1093). Его «советником» наиболее вероятно и являлся «протопроедр» Ефрем.

Свинцовая печать переяславского епископа Ефрема

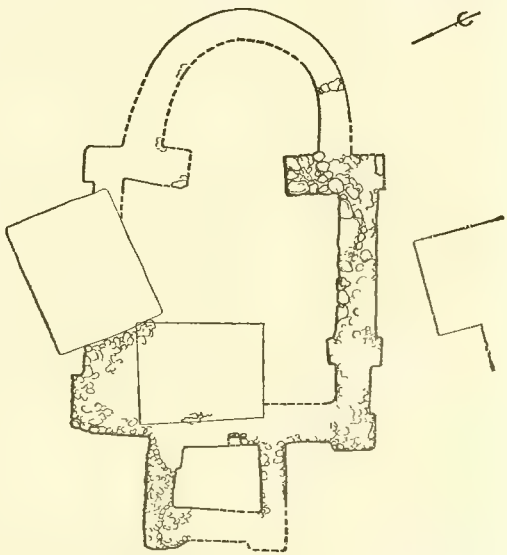
которого указывает на то высшее лицо, духовным наставником которого был владелец печати. Для переяславского епископа таким высшим лицом мог быть лишь переяславский князь Ростислав Всеволодович, христианское имя которого (по всей видимости) было Михаил и который с 1076 по 1093 г. являлся верховным правителем Переяславского княжества (см. Приложение, табл. 5). Высказанное предположение не бездоказательно: в год рождения (1070) младшего сына Всеволод Ярославич заложил в своем вотчем Выдубецком монастыре в Киеве церковь Михаила, в XII в. два Ростислава, представители рода Всеволодовичей, носили крестильное имя упомянутого святого [99]. И, наконец, после трагической гибели в волнах Стугны младшего брата (по отцу) Ростислава, Владимир Мономах, надо полагать, именно в память о нем закладывает в Городце на Остре знаменитую Михайловскую божницу [100]. Вполне закономерно и то, что владелец города на Трубеже (Ростислав) назвал главный переяславский храм именем святого Михаила, своего патрона.

Выбор главного патронального святого Переяславской земли, по мнению



А. Н. Кирпичникова, не был случаен. В пантеоне «высших сил» XI в. именно архангел Михаил являлся поборником «на противныя силы воюющим» [101], что в переяславском прецеденте служило идейной направленности против «поганых» половцев [102].

Севернее «строенья баньного каменного» открыты остатки небольшой безымянной однонефной бесстолпной церкви XI в. с притвором. Длина хра-



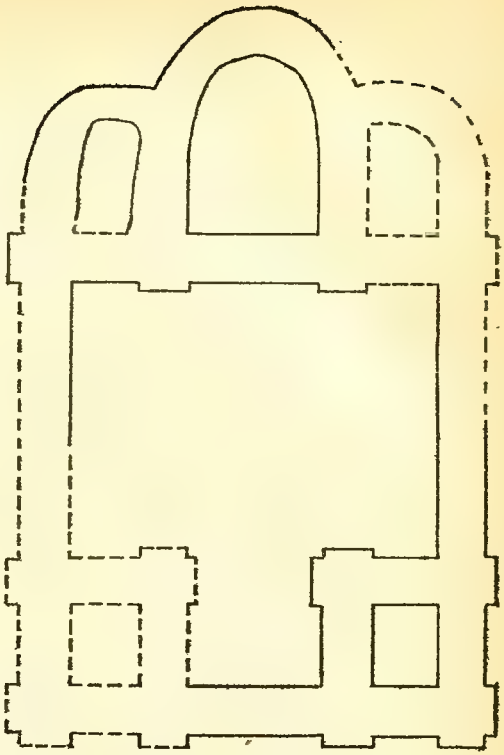
Однонефный бесстолпный храм XI в. с притвором

ма (без притвора) около — 15,8 м, ширина — 10,2—10,5 м. Его фундамент сложен из валунов: в нижней части — более крупных размеров, уложенных насухо, выше — меньших размеров, на растворе с цемянкой. Судя по фрагментам штукатурки и находкам керамических плиток, церковь была украшена фресковой росписью, а пол выложен керамическими глазированными плитками. На углах здания снаружи выявлены плоские лопатки [103].

Следующей и последней из открытых в пределах епископского двора построек являются остатки стеклоделательной мастерской, исследованные М. И. Сикорским в 1975 г. Здание мастерской представляло собой круглое в плане сооружение, сложенное из бутового камня и кирпича-плинфы, как Михайловская и Успенская церкви, Епископские ворота, баня и другие постройки XI в. Стены сохранившейся части достигали в толщину 1 м. Местами они потрескались от высокой температуры и залиты изнутри сплошной массой смальты желтого, зеленого и вишневого цвета [104].

В княжеской части детинца выявлены и исследованы пока лишь два древнерусских архитектурных памятника — небольшая бесстолпная церквушка под Успенской церковью и предполагаемая летописная церковь Успения Богородицы. Первая из них была обнаружена еще в 1888 г. при строительстве каменной Успенской церкви [105]. Она однонефная с полукруглой апсидой. Размеры: длина — 9,8, ширина — 6,8 м. Внутреннее пространство квадратное (сторона — 4,75 м). На наружных стенах храма имелись пилястры с полуколоннами. Кирпичная кладка стен выполнена в равнослойной технике (размер кирпичей 4,5—5×23—25×29—32 см). М. К. Каргер на основании анализа техники кладки и профилировки пилястр отнес сооружение по времени не ранее середины XII в.[106] (план храма см. на с. 7).

Второй храм имел более значительные размеры: длину — 19—20, ширину — 12 м. Церковь была, по мнению

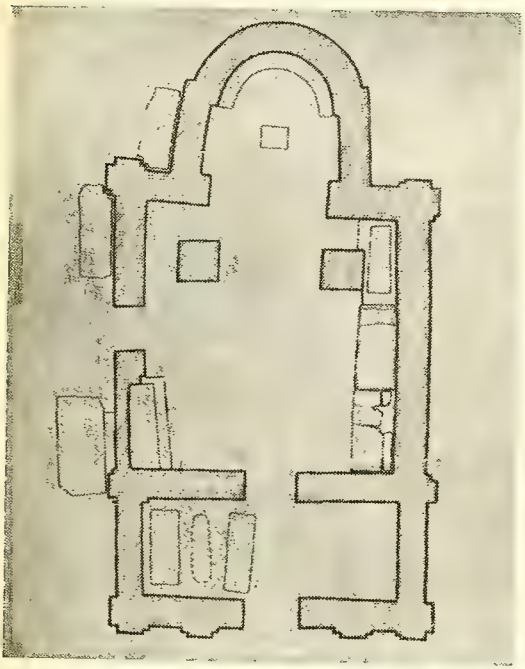


План церкви Успения Богородицы. XI в.

исследователей, трехнефной, четырехстолпной. Ее подкупольное пространство образовывало в плане вытянутый прямоугольник: 6,5×4 м. С наружной стороны здания выявлены плоские лопатки. Фундамент сложен из колотого зарубского песчаника на растворе с цемянкой. Кирпичная кладка аналогична той, что принята в других зданиях Переяславского детинца. Ю. С. Асеев и М. М. Брайчевский, исследовавшие строительную технику и формы здания, пришли к выводу, что это могут быть остатки церкви Богородицы, построенной Владимиром Мономахом в 1098 г. на княжеском дворе [107]. Однако такая идентификация архитектурного и летописного памятников разделяется не всеми специалистами [108]. Уж больно скромен и по размерам и по убранству этот храм.

В 1953 г. на территории «окольного града» древнего Переяслава археологической экспедицией под руковод-

ством М. К. Каргера были вскрыты остатки миниатюрного храма-усыпальницы XI в. Судя по тому, что на этом месте ранее стояла деревянная Спасская церковь, очевидно, и древний храм носил аналогичное название.

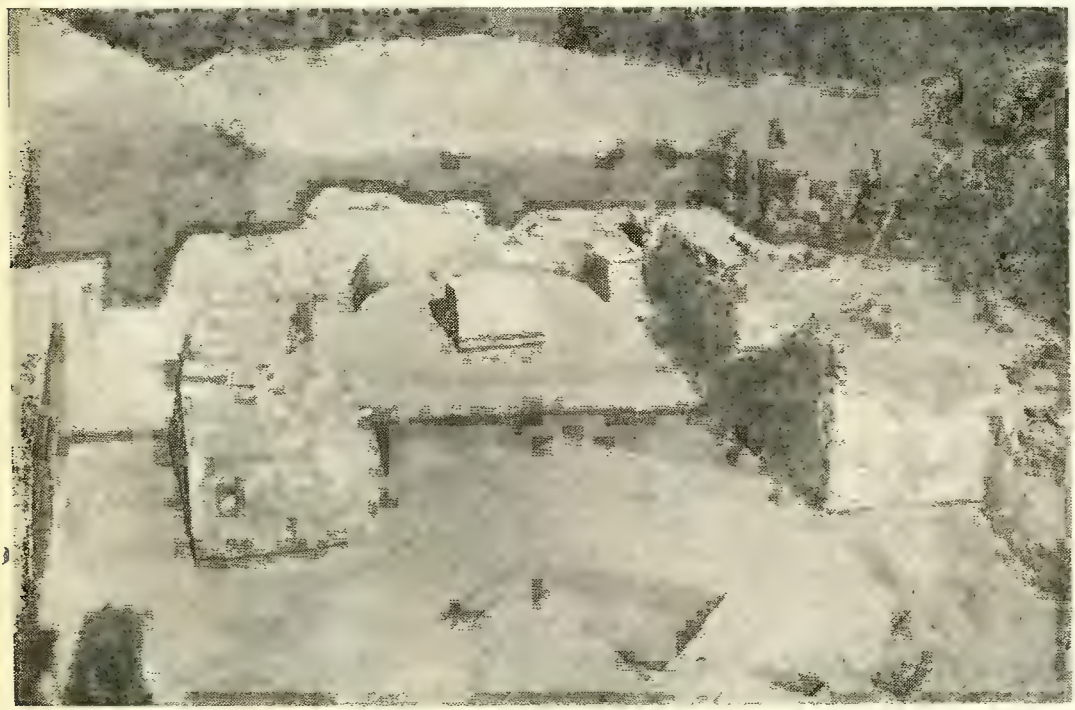


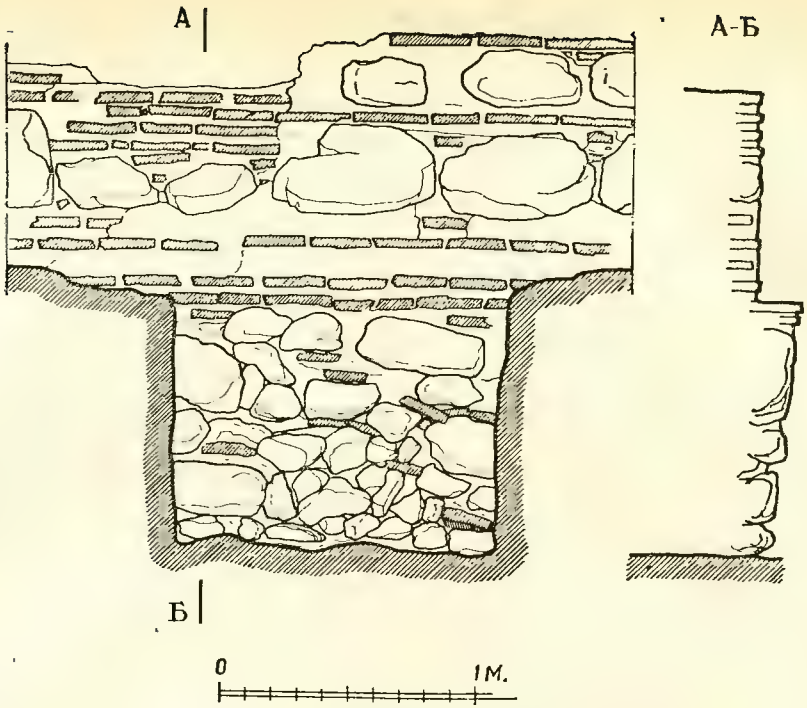
План Спасской церкви-усыпальницы XI в. в «окольном граде» Переяслава

Храм-усыпальница представлял собой небольшое прямоугольное здание, к которому с восточной стороны примыкала апсида, а с западной — притвор, равный по ширине основному объему. Размеры внутреннего пространства приближались к квадрату и составляли примерно 6,4×6,4—6,7 м. Здание было двухстолпным: в северо-восточном и юго-восточном углах расположены два квадратных в плане столба, размеры сторон которых чуть больше 1 м. Порталы (входы) храма расположены посередине северной и западной стен. Углы здания снаружи отмечены лопатками. Общая длина храма — около 15,3, ширина — 8,1 м.

Фундамент храма заложен на глубину 1,15—1,25 м, состоит из рваного камня (каневского песчаника), валунов, а также битых кирпичей. В верх-

Апсида Спасской церкви. Раскопки М. К. Каргера





Разрез части фундамента Спасского храма

ней части они залиты раствором извести с примесью цемянки, в нижней уложены «насухо». Стены и столбы, сохранившиеся на высоту от 0,7 до 1,5 м, сложены в технике «смешанной кладки» на растворе извести с примесью толченого кирпича. На многих участках внутренней поверхности стен храма хорошо сохранились фрагменты штукатурки с фресковой росписью.

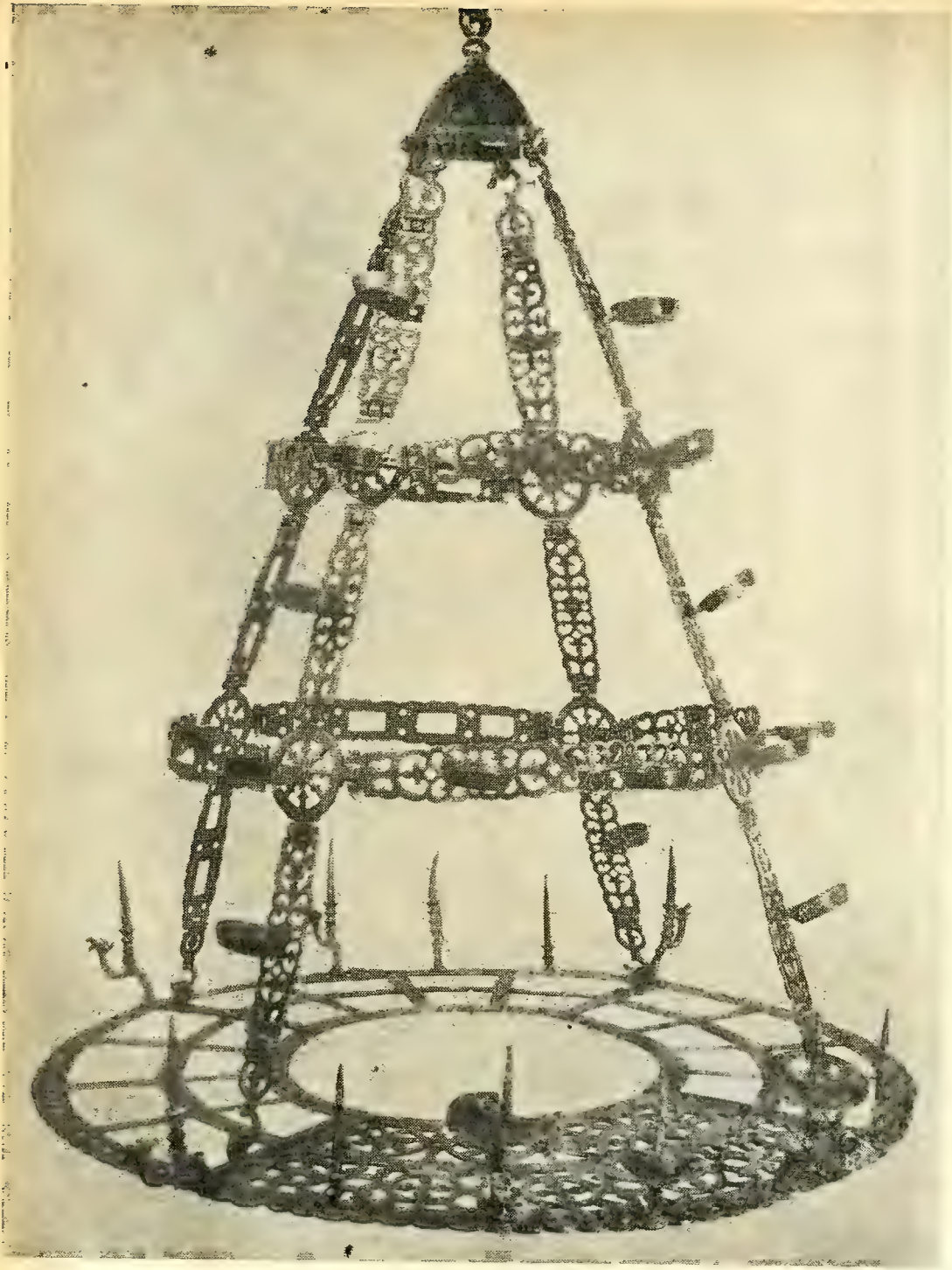
Пол храма выстлан керамическими поливными плитками желтого, зеленого и бронзово-коричневого цвета, форматом 16,5×16,5 см при толщине около 1,8 см. Плитки расположены по диагонали здания (с востока на запад), и образуют продольные одноцветные ряды. Плитки уложены на слое белой известковой подмазки.

В завале, состоявшем из различного строительного материала и убранства храма (в основном от его верхней части), найдены обломки красноглиняных амфор, применявшихся в кладке сводов здания, куски свинцовой кровли, в том числе один целый лист размером 70×40 см, обломки круглого оконного стекла с загнутыми бортиками, а также железные кованые гвозди с широкими шляпками, служившие для укрепления фресковой штукатурки на сводах и арках. На полу церкви под завалом сводов найдены обломки бронзового хороса и большого декоративного бронзового подсвечника романской работы.

В церкви раскрыто 10 погребений: три в южной части основного помещения, одно в северо-западном углу, три в притворе и три снаружи у северной стены. Погребенные помещены в кирпичные склепы, шиферные саркофаги, грунтовые могилы.

Большой слой золы и угля, выявленный под обвалом сводов, дал основание его исследователям заключить, что храм погиб в результате сильного пожара. Судя по строительной технике («смешанной кладке»), размерам и керамическим особенностям кирпича, употребленного в постройке, памятник относится ко второй половине XI в.

Как и церковь, открытая на детинце в усадьбе И. Дынника на Советской



Хорос—люстра из Спасской церкви. XI в. Бронза.

улице, переяславский одноапсидный двухстолпный храм-усыпальница относится специалистами к типу малых одноапсидных храмов, характерных для архитектурных ансамблей княжеских и боярских вотчин второй половины XI в.[109]

Именно к этому типу малых, скромных по своему облику построек княжеской вотчины относится третий храм, сохранившийся на территории Переяславского княжества. Имеется в виду церковь архангела Михаила (Остерская божница) — небольшой, одноапсидный храм, остатки алтарной части которого бережно охраняются на окраине современного города Остра.

Археологические исследования памятника, проведенные в конце XIX в. М. К. Константиновичем, показали, что общая ширина церкви около 10,5 м, длина — 16, толщина стен — 1,1 м. Кладка ее стен, выполненная в технике «opus mixtum», типичная для XI в., что дает основания предполагать постройку Остерской божницы Владимиром Мономахом, основавшим либо укрепившим в 1098 г. «город на Въстри» [110].

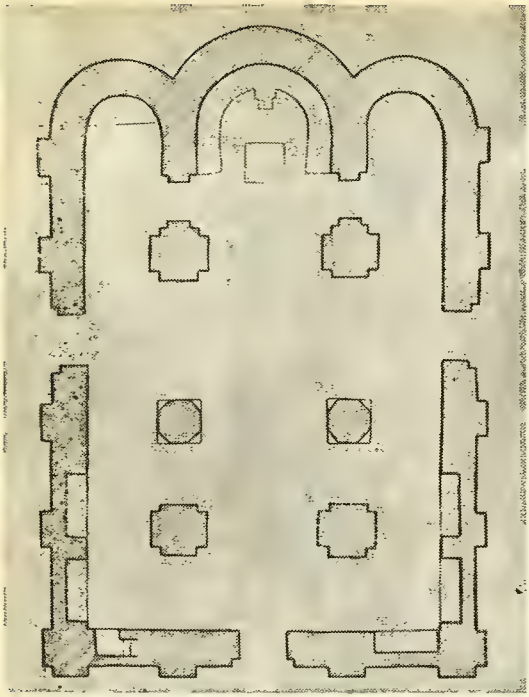
Михайловская церковь имела два Г-образных столба, на которые опирались подпружные арки купола. На углах храма снаружи имелись плоские лопатки. В апсиде сохранились остатки фресковой живописи.

Еще до нашествия орд Батыя Остерская божница неоднократно разрушалась во время междукняжеских усобиц середины XII в. Так, в частности, под 1152 г. летописец сообщал, что коалиция князей во главе с киевским князем Изяславом Мстиславичем, воевавшим с суздальским князем Юрием Владимировичем (Долгоруким), взяла городок и сожгла его: «И божницю же святого Михаила верх бяше нарублен деревом, и то сгоре» [111]. Лишь в XVII в. церковь восстанавливается, в ней происходит служба. В дальнейшем из-за сдвигов горы, на которой стоял храм, его почти полностью разобрали, сохранив алтарную часть [112].

План церкви св. Михаила в Остре, составленный М. К. Константиновичем в 1895 г.

Раскопки Воскресенской церкви экспедицией М. К. Каргера в 1953 г.

Чрезвычайно интересным памятником переяславской архитектурной школы XII в. является так называемая Воскресенская церковь, обнаруженная и исследованная в 1953 г. археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера. Она пред-



План Воскресенской церкви в «окольном граде». XII в. Составлен М. К. Каргером

ставляла трехнефный, шестистолпный храм с тремя полуциркулярными апсидами с восточной стороны. Общая длина стен (по среднему нефу) — 24,2 м, ширина — 14,3, толщина — около 1,2 м.

Шесть столбов делят внутреннее пространство на три нефа, средний из которых вдвое шире боковых. Размер подкупольного пространства вдоль здания — 4,1, поперек — 4,5 м. Столбы храма имеют в плане различную форму: восточные — крестовидные с дополнительными узкими лопатками с восточной стороны, средняя пара имеет необычную для древнерусского зодчества домонгольской поры восьмигранную форму, западные столбы — крестовидные.

Кладка столбов и стен сохранилась в среднем на высоту 1 м. над уровнем пола. Техника кирпичной кладки — равнослойная на растворе извести с примесью цемянки без применения «утопленных» рядов кирпича. Камень в кладке стен не использовался. Основная масса кирпича имеет хороший обжиг и стандартные размеры: 31—32×21—23×5—6 см. На отдельных плинфах имеются клейма и знаки. Внутренняя поверхность стен храма гладкая. Снаружи стены членятся плоскими лопатками (толщина их около 0,35 м). Лопатки (без полуколонн) членят фасады здания соответственно внутренним делениям: западный фасад четырьмя лопатками на три части, северный и южный — пятью лопатками на четыре части. В здании были три портала (в западном, северном и южном фасадах). Ширина проема около 1,6 м.

В западной части храма находились также полати-хоры, на что указывает лестница в толще западной стены, остатки которой обнаружены раскопками. Сохранилась нижняя часть дверного проема и две нижние ступени. Фундамент здания, заложенный на глубину 1,12—1,17 м, состоит из рваного камня, главным образом каневского песчаника, положенного на растворе извести с примесью цемянки. Камни в фундаменте вверху более крупные, внизу более легкие. Ширина фундамента лишь на 10—15 см превышает толщину стен. В западной части храма расположены пять глубоких ниш-аркосолиев, предназначенных для захоронений.

Пол храма выстлан керамическими поливными плитками, покрытыми поливой желтого, зеленого и коричневого цветов. Многочисленные образцы этих плиток найдены в завале постройки. Внутренняя поверхность стен храма была покрыта фресковой росписью, многочисленные фрагменты которой сохранились. В завалах храма найдены также куски свинцовой кровли, обломки оконного стекла, части бронзовых хоросов и другие предметы [113].

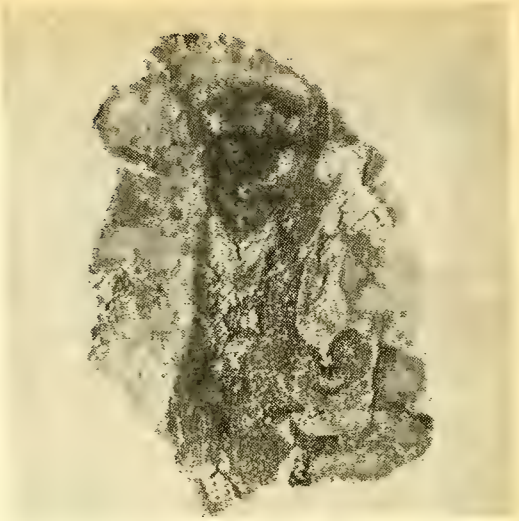
Появление столь необычного храма в столице Переяславской земли было связано с новыми веяниями в древнерусском зодчестве, наметившимися с конца 20-х, начала 30-х годов XII в. В ту пору в архитектуре Киевской, Черниговской, Переяславской, Владимиро-Волынской и Смоленской земель

широко распространяется новый вариант трехнефного шестистолпного храма, отличный от трехнефных построек второй половины XI в. Здания этого типа несколько проще по плану: башни с лестницей для входа на хоры сменяются лестницей в толще западной или северной стен, крещальни, ранее самостоятельные постройки, сменяются крещальнями, расположенными в одном из западных членений здания, ниши-аркосолии, расположенные в толще стен, заменяют отныне самостоятельные постройки-усыпальницы, располагавшиеся обычно у стен храма.

Переяславский Воскресенский собор, выстроенный в середине или во второй половине XII в., по мнению М. К. Каргера, представлял собой, по-видимому, монастырский собор, служивший усыпальницей [114]. Месторасположение храма на территории «окольного града» свидетельствует в какой-то мере о связи его строителей с жизнью торгово-ремесленного посада.

Описанные памятники каменной архитектуры Переяславской земли являются важной страницей в истории древнерусского зодчества, но не единственной. Как отмечалось, значительное место в истории оборонного зодчества, сельского и городского строительства занимало возведение деревянных и деревянно-земляных сооружений: неприступных валов с заборами и вежами, образцом которых могут служить укрепления Переяслава, храмов, жилых и хозяйственных комплексов, мостов, переправ и др.

Живопись. В Переяславском княжестве развивалась также монументальная живопись, с помощью которой правящая верхушка утверждала господствующие идеи своего времени, новые христианские морально-этические принципы. К сожалению, большинство памятников Переяславщины X—XIII вв. не дошло до наших дней. О стиле мозаик и фресок переяславских храмов можно судить лишь по фрагментам фресковой росписи Михайловской божницы в Остре, принадлежащей к переяславской архитектурной школе конца XI в. и расписанной, по всей видимости, в самом начале XII в. по заказу Владимира Мономаха.



Фрагмент фресковой росписи из храма-усыпальницы XI в.

Необходимо подчеркнуть, что росписи Остерской божницы стали предметом научного исследования сравнительно поздно — лишь в начале XX в. Впервые обратил внимание на их плачевное состояние М. Константинович, купивший у княгини Е. П. Кудашовой в 1876 г. Старогородку.[115] Он поднял вопрос о сохранении остатков храма и его уникальных фресок перед местными властями, научной общественностью Киева, Москвы, Петербурга. Летом 1893 г. Старогородку посетила Е. Н. Половцева. Совместно с мужем они делают зарисовки сохранившихся росписей. 11 декабря 1893 г. состоялись ее чтения в Московском политехническом музее, где она обращает внимание художественной интеллигенции на печальную судьбу замечательного памятника древнерусской культуры близ г. Остра на Черниговщине [116]. В 1896 г. в «Киевской старине» помещает обширную публикацию о Юрьевой божнице в Старогородке М. Константинович. Он рассказывает об истории храма, его состоянии, археологи-

Вид руин Остерской божницы до реставрации 1902 г.

Вид развалин алтарной апсиды Остерской божницы после реставрации 1902 г.

Апсида Остерской божницы. XI в. Вид с юга.

ческих исследованиях памятника, помещает снимок и план остатков божницы [117].

Наконец в конце XIX в. Остерское земское собрание возбуждает вопрос о старогородском храме и добивается ассигнований на поддержание и сохранение его драгоценных остатков в сумме 1000 р. Под наблюдением местного техника-строителя в 1902 г. была проведена частичная реставрация сохранившейся апсиды церкви. Коснулась она главным образом покрытия крыши, укрепления фундамента храма со стороны обрыва, заделки щелей [118].

С 1906 г. и до конца 20-х годов XX в. росписи Остерской божницы изучал Н. Е. Макаренко. Он оставил нам наиболее подробные описи фресок, их зарисовки, уникальные снимки памятника [119]. По словам искусствоведа, чрезвычайно трудно судить о технических знаниях и совершенствах художника. «Все настолько испорчено, смыто и обломано, что всякие технические особенности бесследно исчезли. Ка-

жется, ... технические знания художника шли несколько вразрез с его чисто художественными дарованиями и стремлениями»,— предполагал Н. Е. Макаренко [120].

Монументальную живопись Остерского храма исследовал в 20-х годах также В. М. Зуммер, опубликовавший статью в «Записках історико-філологічного відділу АН УРСР» [121]. В 60-х годах в первом томе многотомной «Історії українського мистецтва» небольшой очерк об остерских фресках поместил Е. С. Мамолат [122].

К сожалению, до сих пор сохранившаяся апсида храма как следует не отреставрирована, а ее живопись современными искусствоведами не изучается. Отрадно лишь то, что скудные остатки сохранившихся росписей ныне более-менее защищены от воздействия внешней среды (ветра, дождя, снега). В послевоенные годы апсида закрыта перегородкой, а ее окна застеклены.

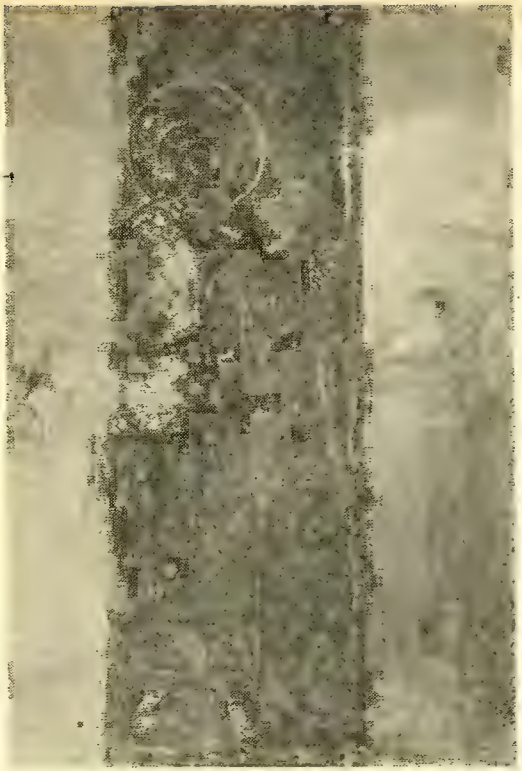
Несмотря на повреждения, нанесенные фрескам временем и людьми, они представляют большой научный интерес и ныне. Придерживаясь классической тематики и композиционной основы росписи, художник вверху алтарного полукружия (конхи) изобразил Оранту — Богоматерь, молящуюся за грехи людские. По сторонам от нее стоят архангелы Гавриил и Михаил. Ниже Оранты — традиционное изображение евхаристии, т. е. сцены причащения Спасителем хлебом и вином апостолов. Еще ниже — устроители церкви земной: пророки, святители. Остальная часть апсиды покрыта декоративной росписью [123]. Подобная композиция, по мнению Е. С. Мамолата, встречается в апсидной мозаике церкви Панагии Ангелоктисты на Кипре (первая половина VII в.), где Богоматерь с младенцем в круглом медальоне изображена в окружении архангелов Михаила и Гавриила [124]. Очевидно, этот образец наиболее отвечал интерьеру небольшой Остерской божницы.

Согласно описанию росписей апсиды Остерского храма Н. Е. Макаренко, составные композиции представляют собой следующие сюжеты. Оранта изображена стоящей в молебной позе на небольшом коврике, лицом к зрителю. Ее фигура стройна и благородна. Правая нога Богоматери слегка выдвинута вперед, левая чуть сзади, задрапирована одеждой, что создает ощущение легкого движения, динамики. Облачение Богоматери традиционно: оно состоит из византийской сто́лы светло-голубого цвета и спускающегося с плеч красноватого плаща. Края одежды окаймлены красной полоской, ярко выделявшейся на блеклом фоне синей ткани. Рукава заканчиваются широкими поручами того же тона, что и сто́ла. Поручи переданы художником в чисто декоративной манере: маленький четырехугольник заключен в пропорциональный внешний, большего размера, украшая эту скромную деталь костюма. Обувь девы Марии в остерском изображении синяя, что является необычным для того времени (общепринятым цветом считался красный). Нижняя часть костюма обрисована крупными, почти вертикальными полосками, изображавшими свободно раскинувшиеся складки, напоминавшие легкие волны тонкой шелковой ткани, свободно облегавшей фигуру.

Художественный образ остерской Пречистой девы по своим общим формам, впечатлению легкости стоит очень близко к мозаичному образу Оранты в соборе св. Марка в Венеции — мозаике, относящейся к XI в. Вместе с тем он напоминает изображение Богоматери в соборе в Чефалу (в Сицилии), построенном Рожером II в 1131—1148 гг. По общему типу, считает Н. Е. Макаренко, последнее мозаичное изображение стоит на грани между киево-софиевской мозаикой и остерской фреской. Роспись апсиды собора в Чефалу датируется надписью 1148 г.[125]

Справа и слева от Богоматери два архангела — величественные стражи небесных сил. Они стоят в спокойной торжественной позе лицом к зрителям, одетые в богатые одежды, с жезлами или мерилами в руках. Их облачение

Оранта. Фрагменты фрески Остерской божницы. XII в. (По акварельным прорисям Е. Н. и А. В. Половцевых)



Архангел Михаил. Фрагменты фрески Остерской божницы. XII в. (По акварельным прорисям Е. Н. и А. В. Половцевых)

состоит из хитонов и широких лоронов, расшитых по переднему краю вертикальными рядами квадратов светло-коричневого цвета и украшенных девятью жемчугами. Светло-красные хитоны орнаментированы ромбами из полос темно-красного тона и четырехчастными звездочками, заключенными в ромбиках того же цвета. Подол одежд украшен четырьмя прямоугольными нашивками. Обуты архангелы в сапоги темно-коричневого цвета.

В правой руке они держат сферу, в левой — жезл, посох или мерила, увенчанные навершием, состоящим из двух ромбиков, расположенных друг над другом, и трехчастного разветвления вроде распустившегося листика. Каждый ромбик красно-коричневого цвета, украшен средним большим голубым пятнышком и четырьмя белыми, в каждом углу по одному. Над головой стоящего у левой руки Богоматери архангела едва заметны остатки надписи церковно-славянским шрифтом: [М]ИХА[ИЛ].

Ниже Оранты, над верхними закруглениями окон апсиды, помещено изображение евхаристии. В центре композиции, над средним окном, изображен киворий над престолом. Справа и слева у кивория стоят по ангелу, одетые в белые длинные одеяния. Они держат в согнутых и прижатых к груди руках рипиды.

Справа и слева от кивория — изображения Спасителя, причащающего, с одной стороны, хлебом, а с другой — вином благоговейно подходящих к нему апостолов. К сожалению, левая от зрителя сторона изображения сохранилась очень плохо. Шесть апостолов правой стороны подходят к Христу не

Киворий над престолом. Фресковая роспись апсиды Остерской божницы. XII в. (По акварельным прорисям Е. Н. и А. В. Половцевых)

Орнамент на стенке триумфальной арки. Зарисовка Н. Е. Макаренко

в традиционном порядке — друг за другом, а в толпе, устремленной вперед. Движение их заметно по наклону фигур, по широко расставленным ногам, движению ступней.

Три апостола первого плана закрывают собой трех остальных, от которых видны только головы. Нижняя одежда первых двух устроителей земной церкви темно-серая, третьего — голубая под красно-коричневым плащом. Изображение евхаристии так же, как и изображение Оранты и архангелов, написано на темно-синем ультрамаринном фоне. Земля под ногами апостолов серо-зеленая. Изображения святителей сохранились чрезвычайно плохо.

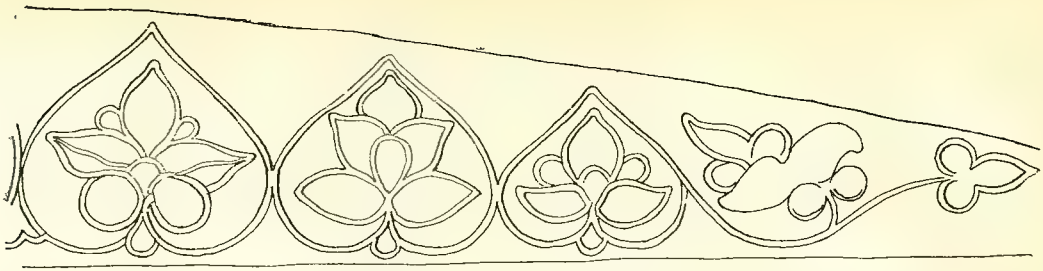
В росписи Остерского храма особое внимание привлекают также колоритные орнаменты, сохранившиеся на стенках углубления, отделяющего алтарную апсиду от триумфальной арки. Так, задняя стенка триумфальной арки (скрытая от взоров стоящего в церкви) с левой стороны покрыта орнаментом, состоящим из вьющегося симметрично то в одну, то в другую сторону стебля, несущего справа и слева отростки-ветки с лилиевидными листьями на концах. Основной фон этого орнамента, писанного серовато-зеленым тоном, красно-коричневый с изменениями его то в более красный, то в более темный — коричневый.

Орнамент на продолжении той же

Орнамент за триумфальной аркой в апсиде Остерской божницы. Снимок П. П. Покрышкина

плоскости триумфальной арки, расположенной справа от входа, представляет собой несколько иную композицию, асимметричную левой. Здесь плоскость разбита проходящей в вертикальном направлении зигзагообразной линией на два ряда треугольников, обращенных вертикально поочередно то в одну сторону, то в другую. В треугольник вписаны орнаментальные изогнутые ветки с теми же характерными лилиевидными цветками.

Вертикальные полосы, расположившиеся на внутренней части внешней стены, соединяющей арку с апсидой, расписаны орнаментом более сложной композиции, но состоящем из тех же характерных элементов — вьющегося стебля и лилиеобразного цветка. Средний ряд ромбов, соприкасающихся



Орнамент на вертикальной стенке углубления в апсиде. Зарисовка Н. Е. Макаренко.

между собой концами углов, и два ряда треугольников по бокам ромбов — основная разбивка плоскости для ее украшения. Каждый ромб орнаментирован двумя стеблями, выходящими из нижних сторон ромба, встречающимися между собой и вновь расходящимися, заполняющими своими изгибами всю плоскость ромба. Тот же стебель находится и в боковых треугольниках. Колорит этой росписи — спокойный, в цветах оранжевых, темно-оранжевых, коричневых, зеленых и белых.

На третьей стенке названного углубления — орнамент, аналогичный описанному первым.

Весьма оригинально расписана и вертикальная стенка этого углубления, обращенная к внутреннему помещению храма. Орнамент состоит из сердцевидных «клейм», обращенных верхушками кверху таким образом, что среднее наивысшее клеймо наибольшее, а каждое следующее за ним, опускающееся ниже, меньше предыдущего. Орнамент заканчивается открытым сложным цветком и стеблем, несущим трехчастный лист на конце. Каждое сердцевидное клеймо, окаймленное синей полосой, украшено (на светло-красном основном фоне) сложным массивным цветком из сочных листьев, в приятных светлых красках с преобладанием серо-зеленой и зеленой. Орнамент опускается и заканчивается на высоте пят конхи апсиды [126].

Вся орнаментальная роспись церкви св. Михаила (и в основных чертах, и в мельчайших деталях, до колорита включительно), по заключению Н. Е. Макаренко, имеет ближайшие аналогии таких же росписей Софийского собора в Киеве. Исследователь считает, что близость Остерского Городца к столице Руси Киеву, отсутствие (?) иных близлежащих культурных центров, откуда могли идти влияния на Городец, а главное — совершенное тождество орнаментальных росписей Софии и церкви св. Михаила в Остре, свидетельствуют о том, что рассмотренные росписи выполнены мастерами, вышедшими из Киева. Однако в данном случае Н. Е. Макаренко, по-видимому, ошибается. Политическая зависимость остерского стола от Переяслава, а затем Ростова, Суздаля и Владимира вряд ли способствовала найму киевских художников. Расписывали Остерскую божницу, по нашему мнению, переяславские живописцы, украшавшие храмы Успения св. Богородицы в Переяславе, Смоленске, Суздале, построенные Владимиром Мономахом одновременно с остерской Михайловской церковью. В пользу переяславского тезиса свидетельствуют и конструктивные особенности Остерского храма, принадлежащие переяславской архитектурной школе.

Наряду с монументальной живописью в городах Переяславской земли распространяется также и иконопись. О наличии икон в Михайловском храме Переяслава упоминает летопись под 1230 г.[127] Как и другие виды изобразительного искусства, иконопись утверждала новые философские категории средневекового религиозного мировоззрения. К сожалению, ни один памятник станкового искусства X—XIII вв. Переяславщины не сохранился. Можно лишь предполагать вероят-

ное существование в храмах княжества таких икон, как «Богоматерь», «Успение», «Архангел Михаил», «Борис и Глеб», «Богоматерь с младенцем», «Архангел Георгий, убивающий змея».

Рассматривая культурное наследие Переяславской земли, мы в данном разделе коснулись главным образом памятников культуры господствовавших классов, способствовавших укреплению феодального строя, закреплению социального неравенства, отношений господства и подчинения. Они резко контрастировали с культурой закабаленных низов города и села. Разительно противоположны условия жизни простого люда и знати: жилищные условия, одежда и пища, возможности приобретения знаний, ненаказуемость одних и бесправие других. При этом, если культура господствовавшего класса княжества характеризовалась определенным единством с культурным достоянием верхушки других феодальных земель, то культура низов Переяславщины сохранила старые «племенные» особенности в языке, фольклоре, песне, этнографическом облике, традициях недавнего языческого прошлого, которое «по украинам» было особенно живучим и неистребимым. Насаждаемые Рюриковичами и греческим духовенством византийское искусство, византийская вера продолжительное время отталкивали от себя славянское большинство населения, предпочитавшего моленьям в душных храмах «игрища» — народные гулянья.

Прикладное искусство. Кроме охарактеризованных памятников культуры, созданных трудом ремесленников и крестьян, сохранились другие образцы их художественного творчества. Это прежде всего памятники декоративно-прикладного искусства, устного народного творчества, песенно-хорового и музыкального искусства, созданные населением на основе вековых общечеловеческих традиций.

Примером высокого мастерства народных умельцев являются вышитые изделия, найденные на территории Киевской и Смоленской земель, Ростово-Суздальской волости Переяславского княжества, хранящиеся ныне в Государственном историческом музее СССР. Обнаруженные в курганных захоронениях сельского населения, они всесторонне раскрывают народное художественное творчество, а именно одно из его направлений — вышивку золотыми нитями по шелку. Проанализировав технику этого вида рукоделия, М. В. Фехнер пришла к выводу, что древнерусские мастерицы использовали разнообразные ее приемы: «в прикреп», при котором золотые нити накладывались на поверхность ткани и прикреплялись к ней шелковой нитью стежками, и «на проем», когда металлическая нить протаскивалась через шелковую ткань [128].

Выявленные археологами произведения орнаментального шитья поражают богатством и разнообразием декоративных мотивов: на изделиях изображены различного рода плетения, стебли, причудливо изогнутые и переплетенные между собой, стилизованные цветы и т. д. По наблюдениям исследовательницы, некоторые из вышивок по рисунку близки к орнаментам дорогих импортных шелковых тканей. К примеру, узор ткани с вышивкой из кургана близ деревни Кубаево Владимирской области, состоявший из сердцевидных фигур, совпадает с узорами византийской ткани XII в. из Кестнер-музея в Ганновере [129]. Вместе с тем, как нам представляется, он близок также орнаментальным росписям апсиды Остерской божницы, сделанным в виде сердцевидных клейм. Последний мотив широко использовали также ювелиры. Этот факт свидетельствует о том, что создатели таких уникальных произведений прикладного и изобразительного искусств не только использовали в своем творчестве народные мотивы, но и широко привлекали мотивы изысканного аристократического искусства, в том числе византийского.

Эпос. До нас дошли народные трудовые, календарные, сезонные и обрядовые песни, исполнявшиеся в то далекое время. В частности, глубокая древность отражена в украинских колядках и щедривках, являющихся, по

мнению ряда исследователей, памятниками не только народного, но и княжеско-дружинного творчества [130].

Яркими образцами народного эпоса являются былины, сказания, частью зафиксированные в источниках, во многих из которых отражены события, деятельность исторических лиц.

Один из популярнейших героев дружинного эпоса Переяславской земли периода ее расцвета — Алеша Попович, сын «попа Левонтья Ростовского», мужественный богатырь, защищавший Киев и Переяслав от кочевников на степном пограничье [131]. Главным подвигом Алеши считалась его победа над чудовищным Тугарином Змеевичем, в образе которого нарисован коварный и сильный половецкий хан Тугоркан [132] (разбит Владимиром Мономахом в 1096 г.).

В отношении времени создания древнейшего цикла былин об этом герое среди ученых нет единого мнения. По мнению Б. А. Рыбакова, возникновение эпических песен об Алеше Поповиче («Алеша Попович», «Алеша Попович и Тугарин», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Идолище» и др.) относится ко времени правления в Переяславе-Южном Владимира Мономаха и его сподвижника Ратибора [133]. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий склонны относить появление былин об Алеше к началу XIII в., в частности после Калкской битвы (1223 г.), в которой согласно источникам действительно погиб некий Александр Храбрый, «глаголемый Поповичь» [134].

Помня о подложности и тенденциозности многих северо-восточных источников (особенно по отношению к Переяславу-Южному), считаем, что известия Софийской первой летописи и Новгородской четвертой о гибели в Калкской битве Александра Поповича с «инѣми 10 храбрами» фиктивны [135]. Как показал в своем разыскании об Александре Поповиче Д. С. Лихачев, оно появилось впервые во «Владимирском Полихроне» Фотия (составлен в 1418—1423 гг.) много лет спустя после битвы [136]. В сообщениях более ранних об этом богатыре не говорится ничего.

Обращает на себя внимание то, что значительная часть эпических песен, посвященных переяславскому богатырю, северо-восточной традицией отнесена к совершенно другой эпохе — периоду правления в Киеве Владимира Святославича «Красно Солнышко». Б. А. Рыбаков видит причину слияния двух циклов былин различных эпох в том, что героическая эпоха Владимира Мономаха периода его переяславского княжения конца XI — начала XII в. привела к возрождению былин X в. После вокняжения Всеволодовича в Киеве (1113 г.) придворные бояны, воспевавшие подвиги великого киевского князя и его сподвижников-храбров, в значительной степени использовали сюжеты былин предыдущей эпохи. Произошло слияние эпических песен в единый киевский эпический цикл. Так герой X в. Добрыня был объединен в одном эпическом сказании с Алешей Поповичем — богатырем конца XI в. и т. д. [136]

Анализ сохранившихся памятников эпоса, посвященных подвигам Алеши Поповича, свидетельствует о том, что его образ складывался в течении многих веков. Первоначально, в домонгольский период обращения былин об Алеше, его несколько идеализированный и мифологизированный образ был распространен главным образом в военно-дружинной среде. Постепенно проникая в народную среду, главным образом в XIII—XV вв., он видоизменяется, становится более привлекательным, более естественным, хотя и более противоречивым [137] Являясь обобщенным символом мужества и силы древнерусского народа, Алеша Попович в эпоху золотоордынского ига вдохновлял народ в его титанической борьбе за освобождение.

Развитие культуры в Переяславском княжестве, таким образом, содействовало углублению и развитию исторических традиций Киевской Руси, сохранявшихся и преумножавшихся в летописании и литературе, архитектуре и монументальном искусстве, декоративно-прикладном и устном народном творчестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование Переяславской земли начиналось с формирования ее территориального и политического ядра за полтора столетия до выделения из состава «Русской земли» в самостоятельное княжество и неразрывно связано с мероприятиями великокняжеской власти IX—X вв. по укреплению подступов к столице Руси — Киеву со стороны Приазовских степей. Дальнейшее развитие государственной территории Переяславского княжества обусловливалось деятельностью военно-административной организации местного князя, распространявшего с помощью аппарата принуждения дани и суд на соседние земли.

Границы основной территории Переяславского княжества сложились к середине XI в., т. е. ко времени раздела «Русской земли» по завещанию Ярослава Мудрого. Проведенные локализации населенных пунктов, рек и урочищ, наблюдения над археологической картой Юго-Восточной Руси X—XIII вв. в сопоставлении с летописными известиями об исторических событиях исследуемого периода, позволили существенно уточнить северные, восточные и южные пределы Переяславской земли в различные периоды ее истории, вычленить в составе Переяславского удела феодальные административно-территориальные единицы — волости (Остерскую, Выръскую, Курскую, Смоленскую, Ростово-Суздальскую и др.), историко-географические области (Посеймье, Посулье, «Украину»), рассмотреть их рубежи, заселенность территории.

Анализ политического развития Переяславского княжества в XI—XII вв. свидетельствует о том, что в течение почти всей древнерусской истории оно являлось надежным «оплечьем Киева» и Киевской земли [1], его князья длительное время сохраняли право (наряду с киевскими и черниговскими) распоряжаться судьбами других волостей, эксплуатировать ряд далеких северо-восточных, западных и юго-восточных земель. Для территориальных владений переяславских князей характерна была чересполосность и нестабильность, что в конечном счете привело к феодальному дроблению огромного удела, политическому обособлению отдельных его частей.

Историческое развитие Переяславской земли свидетельствует о глубоких закономерностях процессов феодального дробления Киевской Руси. В политическом развитии княжества четко выделяются три хронологических отрезка, полностью совпадающих с существующей периодизацией истории Древней Руси: IX — первая половина XI в.; вторая половина XI — первая треть XII в.; вторая треть XII — первая половина XIII в. В течение первого периода происходило формирование территориального и политического ядра земли, ее социально-политического механизма управления. Расцвет экономического и политического могущества княжества, когда переяславские князья непременно наследовали великокняжеский стол, приходился

на второй из отмеченных отрезков времени. Для третьего периода истории Переяславской земли, как и в целом Киевской Руси, характерны центробежные тенденции, нестабильность внутриполитического развития, что вело к ее феодальному дроблению и политическому упадку.

Изучение социально-политической структуры феодального общества Переяславской земли показывает, что верховная власть сосредоточивалась главным образом в руках князя, располагавшего средствами принуждения (войском, «чиновничьим аппаратом» и пр.) и опиравшегося на свои родственные связи и боярство. Однако княжеская власть ограничивалась деятельностью веча и церкви. Особенностью политического статуса княжеской власти в Переяславе следует считать и то, что она длительный период находилась под влиянием и опекой киевских, затем ростово-суздальских и черниговских князей. Переяславские князья (за исключением Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха) не смогли получить политическую самостоятельность в той степени, в какой ее обрели черниговские или галицко-волынские.

Летописные известия о вече в Переяславской земле свидетельствуют о преимущественном представительстве в нем феодальной знати, умело заигрывавшей с трудящимися низами. В составе веча и совете при князе она играла активную роль по выработке внешней и внутренней политики княжеской власти.

Одной из важнейших политических и идеологических сил, оказывавших глубокое влияние на все сферы общественной жизни Переяславского княжества, являлась особая церковная власть епископа и его клира, покоившаяся на земельной собственности местных феодалов. Она содействовала утверждению феодального способа производства, освящала господство и подчинение, осуществляла семейное и брачное право, препятствовала феодальному дроблению государства, способствовала консолидации его населения. Щедро наделяя церковь землями, городами и селами, княжеская власть способствовала постепенному превращению ее в самостоятельную феодальную организацию.

Общественные отношения в Переяславском, как и в других княжествах, носили сложный и противоречивый характер. Они усугублялись к тому же постоянной угрозой половецких вторжений, борьбой княжеских группировок за Киев. Переяславские бояре в большинстве случаев находили общий язык с княжеской властью без каких-либо «демаршей», заговоров и смут, как это имело место в Новгороде, Галиче, Владимире и других городах. Вместе с тем по мере усиления экономического и военного могущества торков-конфедератов, они нередко восстают против порядков установленных в Переяславской земле «русской» администрацией.

Основой экономики Переяславской земли являлось пашенное земледелие и животноводство. Успехи в этих отраслях сельского хозяйства обеспечивали значительный прогресс в ремесленном производстве, содействовали общественному разделению труда, углублению социальной дифференциации общества, расширению экономических связей княжества.

Феодализация общества в Переяславском княжестве вызвала к жизни вассальные отношения среди землевладельцев, господства и подчинения между верхами общества и низами. Этот сложный процесс сопровождался усилением классовой борьбы, принимавшей различные формы.

Развитие городов Переяславской земли отражало процесс дальнейшей феодализации древнерусского общества, совпадающий во времени с аналогичными явлениями, происходившими в Западной Европе. Однако большинство городов Переяславского княжества в силу их окраинного положения не стали средоточием ремесла и торговли, играя роль преимущественно феодального замка или крепости.

Тем не менее, как свидетельствуют археологические источники, в крупных

городских центрах исследуемой феодальной области развивались железоделательное производство и металлообрабатывающие ремесла — кузнечное, литейное, ювелирное и другие. Были широко распространены косторезное, гончарное, деревообрабатывающее, стеклоделательное, ткацкое производства. Материалы, добытые археологами в Переяславе, Воине, Остре, Донце, выявленные клады монет и других ценностей свидетельствуют о том, что местное купечество поддерживало тесные торгово-экономические связи не только с городами большинства древнерусских земель, но и с крупнейшими европейскими центрами ремесла и торговли. Прослеживаются связи с Францией и Германией, Болгарией и Чехией, Польшей и Прибалтикой, Хазарией и Византийской Таврикой, Половецкой землей и бродниками, а также со странами Востока и Закавказья — Арабским халифатом и Византией, Грузией и Арменией, городами Средней Азии.

«Урбанизация» жизни юго-восточной области Южной Руси в XI—XII вв. отразилась на развитии ее городской феодальной культуры (литературы, летописания, героического (дружинного) эпоса, архитектуры, монументальной и станковой живописи). К сожалению, из наследия культуры Переяславской земли сохранились лишь отдельные памятники или их фрагменты. Так, из 20 храмов Переяславщины, составлявших неповторимую страницу в истории древнерусского зодчества, не осталось в целости ни одного. Вместе с тем следует признать, что традиции самобытной архитектурной школы в определенной степени наследовали и творчески развили в других землях, в частности Смоленской и Ростово-Суздальской.

Переяславская литература представлена многими оригинальными произведениями светской и церковно-полемической литературы, среди которых безусловно выделяются сочинения Владимира Мономаха, митрополита Леонтия, епископа Лазаря и Сильвестра. Переяславская литературная школа оказала огромное влияние на формирование и развитие литературы в северо-восточных древнерусских землях.

Археологическая карта Переяславской земли X—XIII вв. позволила установить степень заселенности ее территории. Следует отметить неравномерность распределения населения, тяготевшего к местам безопасным (прикрываемым оборонительными линиями), экономически выгодным (на черноземах, вдоль рек, близ торговых путей). Собственно Переяславщина, Остерская волость, Посулье — районы наибольшей плотности населения; они являлись в то же время регионами, где заметнее всего происходило дальнейшее развитие феодальных отношений, возникали княжеские и боярские вотчины, церковное и монастырское землевладение.

В результате исследования демографической проблемы княжества и его стольного града удалось установить, что Переяславскую землю в пору ее расцвета населяло свыше 260 тыс. человек. Численность жителей Переяслава, при площади городской территории 92 га составляла примерно 11,5 тыс. человек. Полученные данные представляются нам весьма приблизительными.

Подлинную картину заселенности Переяславской земли, на наш взгляд, удастся восстановить лишь после выявления и картографирования древнерусских селищ.

Анализ этнического развития юго-восточной области Киевской Руси показывает, что в формировании древнерусской исторической общности приняло самое непосредственное участие население Переяславской земли, история которой теснейшим образом связана с другими южнорусскими княжествами, и прежде всего с Киевским. На этих землях со второй половины XII в. вследствие объективных социально-экономических процессов возрождались тенденции к формированию самостоятельной народности славян юго-запада Восточной Европы, получившей в позднем средневековье на-

звание украинской. Не случайно именно к древним уличско-полянским окраинам Левобережья Днепра в конце XII в. применялось летописцем название «Украина», возникшее несомненно в народной среде задолго до первой фиксации его древнерусским книжником в летописи.

Историческим своеобразием развития Переяславской земли было то, что она фактически одна стояла «лицом к лицу» со Степью: кочевники постоянно осуществляли набеги в ее пределы, разоряя города и села. Это негативно сказалось на развитии экономики и культуры края, но вместе с тем определило и ту выдающуюся роль княжества, которую оно сыграло в защите других земель Руси от нашествий орд иноплеменников.

В конце тридцатых годов XIII в. Переяславская земля значительно пострадала в результате опустошительного нашествия орд Батыя. Но, как показывают новейшие археологические исследования [2], край не опустел, продолжал жить и трудиться, накапливая силы для борьбы за освобождение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица № 1. **Локализация исторических географических названий Переяславской земли X — первой половины XIII в. и Половецкой степи**

№ п/п	Название населенного пункта, реки, урочища	Упомянуто впервые		Местоположение * (современное название)
		год	источник	
1	Альта (Льта, Ольта, Льтица)	1015	ПВЛ.— Ч. 2.— С. 90	р.— п. пр. Трубежа Киевской обл.
2	Балинъ (Галин)	1116	Там же.— Ч. 1.— С. 201; ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 291; Т. 2.— Стб. 284	с. Маяки (?), Славянского р-на Донецкой обл. (п. б. р. Северского Донца)
3	Баручь (Барочь)	1125	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 295; Т. 2.— Стб. 289	пгт Барышевка Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
4	Белая Вежа (Белавежа)	1085	Там же.— Т. 1.— Стб. 248	г-ще между с. Беловежи Первые и Беловежи Вторые Бахмачского р-на Черниговской обл.
5	Болдыж (Болдежь)	1146	Там же.— Т. 2.— Стб. 335	с. Валдыш Дмитровского р-на Орловской обл.
6	Бохмачь	1147	Там же.— Стб. 358	г-ще близ с. Бахмача Бахмачского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Бахмачки — п. пр. Борзны — л. пр. Дочи — л. пр. Десны)
7	Бронь княжь	1125	Там же.— Т. 1.— Стб. 295	с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
8	Варинь (Варин)	1085	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 160	пгт Варва Черниговской обл. (п. б. р. Удая)
9	Воинь	1054	Там же.— С. 109	бывшее с. Воинская Гребля Градижского р-на Полтавской обл. Кременчугское вдхр. (п. б. р. Сулы)
10	Воин	1079	Там же.— С. 135	с. Винницы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
11	Вороница	1104	Там же.— С. 161	с. Вороньков Бориспольского р-на Киевской обл. (л. б. р. Днепра)
12	Ворскла (Ворьскол, Воръскла)	1111	Там же.— С. 191	р.— л. пр. Днепра
13	Вострь (Въестр, Остерь)	988	Там же.— С. 83	р. Остер — л. пр. Десны
14	Всеволожь	1147	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 358	г-ще близ с. Сиволож Борзнянского р-на Черниговской обл. (л. б. Плиски — л. пр. Борзны)
15	Вырь (Вира)	1113	Там же.— С. 197	р. л. пр. Сейма
16	Вырев (Выревскъ, Выр, Вырьскъ)	1096	Там же.— С. 162	г. Белополье Сумской обл. (л. б. р. Вырь)

№ п/п	Название населенного пункта, реки, урочища	Упомянуто впервые		Местоположение * (современное название)
		год	источник	
17	Вьяхань (Бьяхань)	1147	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 321; Т. 2.— Стб. 356	с. Городище Недригайловского р-на Сумской обл. (л. б. р. Терн — п. пр. Сулы)
18	Глъбль	1147	Там же.— Т. 2.— Стб. 358	г-ще в с. Красный Колядин Талалаевского р-на Черниговской обл. (вблизи от устья р. Гайворон)
19	Глъбовъ	1185	Там же.— Стб. 643	с. Глибовка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (л. б. р. Альты — п. пр. Трубежа)
20	Глуховъ	1152	Там же.— Т. 1. Стб. 338	г. Глухов Сумской обл. (л. б. р. Есмани — п. пр. Клевени — п. пр. Сейма)
21	Голтва (Голта)	1111	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 191	р.— л. пр. Пс
22	Голтав	1095	Там же.— С. 161	с. Говтва Козельщинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Пела)
23	Голубой лес	1187	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 653	между с. Голубовка и излучиной р. Самары Новомосковского р-на Днепропетровской обл.
24	Городець (Острьский Городець, Юрьев Городок)	1098	Там же.— Стб. 248	г. Остер Черниговской обл. (п. б. р. Остра)
25	Горошинь (Горошина)	1084	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 160	с. Горошино Семеновского р-на Полтавской обл.
26	Дегея Поток	1111	Там же.— С. 191	рч.— л. пр. Каменки — п. пр. Северск. Донца
27	Деменеск	1155	ПСРЛ.— Т. 9.— С. 203	с. Демьянцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
28	Десна		ПВЛ.— Ч. 1.— С. 10	р.— л. пр. Днепра
29	Дмитров	1183	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 628	с. Дмитровка Золотоношского р-на Черкасской обл. (л. б. р. Супоя)
30	Днепрь (Непр)	IV в. до н. э.	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 10	р.— в европейской части СССР на территории РСФСР, Беларуси, Украины.
31	Дон	1096	Там же.— С. 161	р. на юго-востоке европейской части СССР. Впадает в Таганрогский залив Азовского моря
32	Донец (Северский)	1186	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 638	р.— п. пр. Дона
33	Донец	1185	Там же.— Стб. 651	в черте г. Харькова (бывшее с. Корачевка) п. б. р. Уды — п. пр. Северского Донца
34	Дубенец	1154	Там же.— Т. 1.— Стб. 346, Т. 2— Стб. 481	рч.— л. пр. Супоя — л. пр. Днепра
35	Ерель (Угла)	1152	Там же.— Т. 2.— Стб. 460	р. Орель — л. пр. Днепра
36	Ерель (Угол)	1183	Там же.— Стб. 631—632	бывшее с. Старый Орлик (п. б. р. Орели). Днепродзержинское вдхр.
37	Желни (Желний)	1116	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 201	с. Жовнино Чернобаевского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Сулы)
38	Зарытый (Зартый)	1159	ПСРЛ.— Т. 7.— Стб. 171	близ устья р. Выри Белопольского р-на
		1160	Там же.— Т. 2.— Стб. 505	Сумской обл. (л. б. р. Сейма)

№ п/п	Название населенного пункта, реки, урочища	Упомянуто впервые: год	Упомянуто впервые: источник	Местоположение * (современное название)
39	Инжирь брод	1183	ПСРЛ.— Т. 7.— Стб. 631	брод на Днепре, ниже устья Ворсклы
40	Калка	1224	Там же.— Стб. 743	р. Кальчик — п. пр. р. Кальмиуса, впадает в Азовское море
41	Карань	1139	Там же.— Т. 1.— Стб. 308	р.— п. пр. Трубежа
		1140	Там же.— Т. 2.— Стб. 305	
42	Кудново (Кудьново)	1149	Там же.— Т. 1.— Стб. 321; Т. 2.— Стб. 378	с. Шкодуновка Золотоношского р-на Черкасской обл.
43	Курск (Курьск, Куреск)	Середина 1030-х годов	Патерик. 1911.— С. 16—20	г. Курск (п. б. р. Тускари — п. пр. Сейма)
44	Кромы (Кром)	1147	ПСРЛ.— Т.2.— Стб. 342	г. Кром Орловской обл.
45	Кснятин (Коснятинь, Скнятин)	1096	ПВЛ.— Ч.1.— С. 161	с. Снитин Лубенского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
46	Локна	1127	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 296	р.— пр. Выри, л. пр. Сейма Конотопского р-на Сумской обл.
		1128	Там же.— Т. 2.— Стб. 291	
47	Лубно (Лубьно)	1096	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 161	г. Лубны Полтавской обл. (п. б. пр. Сулы)
48	Лукомль	1096	Там же.— С.159	с. Лукомье Оржицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
49	Лтава	1174	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 569	г. Полтава (п. б. р. Ворсклы)
50	Льто (Лто)	1074	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 12	г. Борисполь Киевской обл.
51	Мажево	1152	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 335	с. Мазинки Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
52	Малотин	1139	Там же.— Стб. 308	с. Малютинцы Пирятинского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Оржицы)
		1140	Там же.— Т. 2.— Стб. 308	
53	Мерла	1184	Там же.— Стб. 633	р.— л. пр. Ворсклы
54	Милитин(а)	1091	Там же.— Т. 9.— 10.— С. 116	местоположение не установлено
55	Нежатин	1135	Там же.— Т. 1.— Стб. 303	г. Нежин Черниговской обл. (п. б. пр. Остер)
		1147	Там же.— Т. 2.— Стб. 344	
56	Носов	1148	Там же.— Стб. 319; Стб. 360	г. Носовка Черниговской обл. (п. б. рч. Рудка — пр. Носовочки — л. пр. Остра — л. пр. Десны)
57	Обров	1096	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 159	г. Бобровица Черниговской обл.
58	Олешье	1084	Там же.— С. 135	находилось близ устья Днепра
59	Ольгов (Льгов)	1152	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 456	г. Льгов Курской обл. (л. б. р. Сейма)
60	Оскол	1185	Там же.— Стб. 638	р.— л. пр. Северского Донца
61	Переволока	1092	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 141	с. Переволочная Прилукского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Удая)
62	Переяслав-Русский (Переяслав, Переяслав-Южный)	907	Там же.— С. 24	г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
63	Песочен (Посечен)	1092	Там же.— С. 141	с. Пески Лохвицкого р-на Полтавской обл. (л. б. р. Сулы)

№ п/п	Название населенного пункта, реки, урочища	Упомянуто впервые: год	Упомянуто впервые: источник	Местоположение * (современное название)
64	Песочень	1172	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 555	с. Песчаное Золотоношского р-на Черкасской обл.
		1169	Там же. Т. 1.— Стб. 357	(п. б. р. Супоя)
65	Пирятин	1154	Там же.— Стб. 342	г. Пирятин Полтавской обл. (п. б. р. Удая)
66	Половецкая земля	1141	Там же.— Т. 2.— Стб. 308, 455	Территория междуречья (низовьев) Днепра и Волги
67	Половецкий вал	1223	Там же.— Т. 1.— Стб. 446	вдоль пр. б. рек Орели и Берестовой (?)
68	Полкьстень	1125	Там же.— Стб. 295	с. Повстин Пирятинского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Удая)
69	Попашь	1147	Там же.— Т. 2.— Стб. 356	с. Засулье Сенченского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
70	Посеймье	1146	Там же.— Стб. 332	природно-историческая обл. в бассейне р. Сейм
71	Посулье	1126	Там же.— Стб. 290	природно-историческая обл. в бассейне р. Сула
72	Прилук	1092	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 141	г. Прилуки Черниговской обл. (п. б. р. Удая)
73	Протолчьи	1190	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 232	переправа выше о. Хортицы
74	Псел (Песл)	1111	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 191	р.— л. пр. Днепра
75	Путивль (Путимль)	1146	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 329	г. Путивль Сумской обл. (п. б. р. Сейма)
76	Ратьмиря Дубрава	1127	Там же.— Т. 1.— Стб. 296	вдоль п. б. р. Выри (л. пр. Сейма), Сумская обл.
		1128	Там же.— Т. 2.— Стб. 291	
77	Римов	1096	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 161	с-ще Римы Ичнянского р-на Черниговской обл.
78	Ромен	1096	Там же.— С. 162	г. Ромны Сумской обл. (п. б. р. Сулы)
79	Руда	1148	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 319; Т. 2.— Стб. 360	рч. Рудка — п. пр. Носовки, л. пр. Остра — л. пр. Десны
80	Русотина (Росотина)	1147	Там же.— Т. 2.— Стб. 344	переяславско-черниговское пограничье (?)
81	Рыльск	1152	Там же.— Стб. 458	г. Рыльск Курской обл. (п. б. р. Сейма)
82	Сальница	1111	Там же.— Стб. 192	рукав Северского Донца близ г. Изюма Харьковской обл.
83	Самара (Снопород, Снепород)	1152	Там же.— Стб. 460	р.— л. пр. Днепра
84	Севск (Севсько)	1146	Там же.— Стб. 335	г. Севск Брянской обл. (л. б. р. Севы — л. пр. Неруссы — л. пр. Десны)
85	Семь (Сейм)	нет даты	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 11	р.— л. пр. Десны
86	Серебряный	1174	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 569	пгт Сребное Черниговской обл. (п. б. р. Лысогоры — л. пр. Удая — н. пр. Сулы)
87	Сожица (Сыжица)	1078	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 132	р. Оржица — п. пр. Сулы
88	Стреква	1142	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 310	р.— л. пр. Трубежа
		1149	Там же.— Т. 2.— Стб. 378	
89	Стряков (Стрякове)	1149	Там же.— Т. 1.— Стб. 322	с. Строкова Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
		1149	Там же.— Т. 2.— Стб. 379	

№ п/п	Название населенного пункта, реки, урочища	Упомянуто впервые: год	Упомянуто впервые: источник	Местоположение * (современное название)
90	Сугров	1111	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 191	с. Сидорово Славянского р-на Донецкой обл. (п. б. Северского Донца)
91	Сула	нет даты	Там же.— С. 11	р.— л. пр. Днепра
92	Супой	1096	Там же.— С. 161	р.— л. пр. Днепра
93	Сутень (Сутин)	1103	Там же.— С. 184	р. Молочная — впад. в лим. Молочный на северн. поб. Азовского моря
94	Сюурлий	1185	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 639	р.— л. пр. Казенного Торца — п. пр. Северского Донца
95	Трубеж (Трубеш)	988	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 83	р.— л. пр. Днепра
96	Украина	1187	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 653	поляно-уличская территория Среднего Днепра
97	Уненеж		Там же.— Стб. 358	г-ще близ с. Ивангород Ичнянского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Остра)
98	Устье (Устие)	1096	Там же.— Т. 1.— Стб. 231; Т. 2.— Стб. 221	г. на п. б. Трубежа (залито водами Каневского вдхр.)
99	Хорол	1083	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 160	р.— п. пр. Псла
100	Хорол	1185	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 635	г. Хорол Полтавской обл. (п. б. р. Хорола)
101	Хортичев (о. Хортица)	1103	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 184	о. Хортица на Днепре возле Днепрогэса им. В. И. Ленина, г. Запорожье
102	Черная Могила	1147	ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 357	переяславско-черниговское пограничье (?)
103	Черный лес	1170	Там же.— Стб. 540	верховья рек Берестовой и Орели
104	Шарукань (Осенев, Чешуев)	1111	ПВЛ.— Ч. 1.— С. 191	с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл.
		1116	ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 291;	(?) п. б. р. Северского Донца
		1117	Там же.— Т. 2.— Стб. 284	
105	Янчино (Янче)	1149	Там же.— Т. 1.— Стб. 322; Стб. 380	с. Малая Каратуль Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.

* Местонахождение дано согласно административному территориальному делению на 1 января 1991 г. Подробнее о происхождении географических названий см.: дополнение к таблице № 1.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТАБЛИЦЕ 1.

Происхождение географических названий

1. Альта (Ольта, Льта, Льтица). Этимологию названия следует искать, по нашему мнению, на герм. языковой основе от *alte — старая* (р. Alta есть на Скандинавском п-ве.— КСЛГНПР, 1985, 17). Болгарский индоевропеист В. Георгиев относит ее к фрак. образованиям (Георгиев, 1958, 255—256). Трубачев утверждает, что «днепровская левобережная Альта ... происходит, очевидно, непосредственно из восточнобалканской части ареала древнеевропейского **el-* // **al* — в значении «течь» (Трубачев, 1963, 248). Гидроним, считает Стрижак, занесен на Левобережье Днепра выселившимися с Дуная в конце VIII в. северянами (Стрижак, 1971, 81—83).

2. **Балинъ** (Галин) относится к названиям с формантом *-инь, -анъ, -енъ* (Роспонд, 1972,

* Астериском обозначаются реконструированные формы слов.

27—28), характерных для юго-востока Украины. Половецкий город (Барсов, 1865, 48), соседствующий с Сугровом и Шаруканем. Местоположение Балина определено за Кудряшовым (Кудряшов, 1948, 121).

Другие локализации: с. Гайдары Змиевского р-на, Х. о. (Плетнева, 1975, 171, Махновець, 1989, 539).

3. **Баручь (Барочь)**. Этимология названия крайне сложная: Роспонд выводит ее от *бара — болото* (ср. англ. *bar — наносная мель* в устьях рек) (Роспонд, 72; ТСРЯ, 1, 88). Не менее убедительно объяснение происхождения этого топонима от слова *барать — обмен* товара на товар (Даль, 1, 48). Ценность второй этимологии для нас состоит в том, что название пгт Барышевки, с которым отождествляется др.-рус. топоним (Стороженко, 1900, 42), имеет сходное происхождение от тюрк. *барыш — прибыль, выгода, барыш* (Грінченко, 1, 30). Учитывая роль Барышевки как важного торгового центра в более позднее время (ІМС, К. о., 72—73; Воссоединение..., 1, 160, 221; 2, 367), надо признать вторую гипотезу более удачной. Заслуживают внимания исследования этого топонима Богдановича и Арандаренко. В их трудах содержатся сведения о существовании на территории Барышевки владений киевского князя Бориса — Борисовки, в народном произношении Барышовки (Арандаренко, 1852, 430; Богдановнч, 1877, 150).

Другие локализации: с. Бервице у той же р. Трубеж (Арцыбашев, 2, 408); в окрестностях Альты (Карамзин, 2, 244); Борисполь — Бароч Поле (Надеждин-Неволин у Погодина, 3, 101; Барсов, 1865, 4); верховья рек Удая и Ромна (Ляскоронский, 1905, 9—27). Не согласен со Стороженко и Стрижак (1963, 73), но другой локализации Баруча не предлагает.

4. **Бѣлая Вѣжа** (Бѣлавежа) — атрибутивное словосоч., в котором определение — из прасл. **bělъ(jъ)* «белый», а определяемое *вѣжа — «шатро, кибитка, башня, становище»* (Срезневский, 1, 218, 482—483; ЕСЛГНПР, 26; Новосельцев, 13—18) из прасл. **vě̌ža — «передвижной дом»*, заимствованное славянами из среднеиранского языка, где *«ведж» — «территория, занятая иранцами»* (Фасмер, 1, 285; Новосельцев, 15; Нерознак, 33—34). Объясняется также из тюрк. *«кил»* или *«гил» — дом* и *«сар» — белый*, как семантическое соответствие названия хазарского г. Саркела (Кудряшов, 9—10; Хабургаев, 134; ЕСЛГНПР, 26), что наиболее вероятно.

Топоним локализован с привязкой к др. рус. г-щу уже в нач. XIX в. (Марков, 1814, 45—47; Лерберг, 1819, 384—386; см. также: Барсов, 1865, 18; Погодин, 1871, 86; Самоквасов, 1908, 117; Голубовский, 1908, 2; ІМС, Ч. о., 1972, 153; Зайцев, 1976. Пр.).

Белая Вежа впервые упомянута в «Поучении» Владимира Мономаха в связи с событиями середины 80-х годов XI в. Нерозиак отождествляет Белую Вежу «Поучения» с половецким городом, а первым упоминанием соответствующего города Южной Руси считает летописное сообщение 1147 г., с чем нельзя согласиться (Нерознак, 33).

Исследователи топонима (Багалей, 1882, 127; Грушевский, 1905, 603; Насонов, 1951, 221) предполагают существование в Киевской Руси двух поселений с идентичным названием (кроме хазарского, с XI в. половецкого, г. Саркела). Основанием для их гипотез служит не столько существование современных Беловеж Первых и Беловеж Вторых, а также двух близлежащих рядом с ними др. рус. г-щ, сколько упоминание в Киевском летописном своде 1199 г. Старой Беловежи (под 1149 г., ПСРЛ, 2, 377), что подразумевает наличие Новой Белой Вежи. Как известно из ПВЛ, первое выселение (или насильственное выведение) на Русь жителей хазарской Белой Вежи (Саркела) могло произойти в 965 г., когда город был разорен Святославом; второе выселение беловежцев на Русь имело место в 1117 г. и связано было с антихазарской политикой половецких князей — «придоша Бѣловѣжци в Русь) (ПСРЛ, 2, 1962, 285); «прійдоша Бѣловѣжци, си есть Қозаре, въ Русь» (ПСРЛ, 2, 1843. Густ. лет., 291). С этими выселенцами наиболее вероятно и связано появление в «Русской земле» двух Белых Веж — Старой — X в. и Новой — XII в.

5. **Болдыжь (Болдежь)** — локализуется на месте с. Валдыш по единственному упоминанию Ипатьевской летописи 1146 г. (ПСРЛ, 2, 335) — на пути от Севска к Корачеву. Локализация Надеждина-Неволина не вызывает возражений (Погодин, 2, 436; ҚО; Список н. м. Орл. губ., 1871, № 1165; Насонов, 1951, 222; Зайцев, 1976, Пр.). Происхождение названия следует искать на сл. языковой основе от *болдырь, болдыжь — смешение* двух видов или пород; применяется и к человеку при смешении этносов (племен). Болдырями называли помесь чудского племени с русским, русских и калмыков и т. д. (Даль, 1, 110). По заключению Зайцева, топоним антропонимического пронсхождення от *Болдыг(а)*. См.: НПЛ, 86, 88 и др.— братья Ростислав и Роман Болдыжевичи (Зайцев, 1976, Пр.; Ср.: Роспонд, 1972, 74; реч. Болдыж — п. пр. Убеди (Виноградский, 1957, 38). На сев.-зап. от города находился Болдыж Лес (ПСРЛ, 2, 336).

Другие локализации: с. Болдыжь близ Брянска (Карамзин, 2. 297).

6. **Бохмачь** — посессив на **-j(ъ)* от *Бохмать // *Бахмать* (ЕСЛГНПР, 24). Учитывая то, что район Бохмача в древнерусский период истории являлся местом поселения князьями разноязычного населения Половецкой степи, пленных, выведенных из других земель, возможно от др. рус. *Бохмитъ* 'Магомет' (Фасмер, 1, 136—137). Ср.: «Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ» (ПСРЛ, 1, 84); «наши погнаша сѣкуще поганыя Бохмиты» (ПСРЛ, 1, 390).

Упомянут дважды в Ипатьевской летописи под 1147 г. (ПСРЛ, 2, 358) вблизи Беловежи, Уненежа, Всеволожа. Локализуется вблизи с. Бахмача Бахмачского р-на Ч. о., где выявлены др. рус. г-ще, с-ще и курганный могильник (ІМС, Ч. о., 1972, 153).

7. **Бронь** княжь происходит, по-видимому, от др. рус. *бронник — оружейник* (ср. укр.

броня — оружие.— Грінченко, 1, 101; ст. сл. *брьня — броня, оружие.*— Фасмер, 1, 217), ремесленник, изготовлявший латы, панцыри, кольчуги для княжеской дружины (Никонов, 1966, 65—66). Вполне возможно, что близ Переяслава существовало подобное княжеское производство, на что указывает множество географических наименований типа Недра, Руда, Рудин, Рудницкое, Дымерка, Светильное, Браница и др. (Федоренко, 1960, каталог руден Левобережной Украины, 157—257).

Существует и другая гипотеза: название города восходит к др.-рус. ц.-слав. *броный, броний* 'белый (о коне)' (Срезн. 1, 180). *Бронь* — прилаг. в краткой форме, ср.: «Бронь конь наречется» (Срезн. 1, 180; Нерознак. 28). Учитывая то, что в упомянутом городе находилась конница переяславского князя, предположение Срезневского предпочтительнее.

Согласно летописному сообщению 1125 г. (ПСРЛ, 1, 195), «половци присунушася вборзѣ... къ Барочю и ко Бронь князю, хотящю полонити Торкы проклятыя...», город находился недалеко от Переяслава, где главным образом концентрировалась торческая конница. Отождествляется нами с с. Пристромы. Там же открыто др.-рус. г-ще.

Другие локализации: с. Княжичи Броварского р-на. К. о. (Надеждин-Неволин у Погодина, 3, 101). Исследователи допускают (ЕСЛГНПР, 24—25) возможность соединения летописцем в одном наименовании названий двух различных населенных пунктов Бронь и Княжь, локализуемых соответственно на месте с. Браница Ч. о. и с. Княжичей, что неубедительно.

8. **Варинь** (Варин) — характерный для юго-востока Украины топоним (Роспонд, 1972, 27—28). Название города связано с др.-рус. *варь — забор*, родственным лит. *vãras — столб, кол* в изгороди, заборе (Фасмер, 1, 273). Ср. ст. сл. *варовати — стеречь, сберегать*; укр.— *варта*. В пгт Варва сохранилось др. рус. г-ще и могильник (ІМС, Ч. о., 229). Наличие общего корня *-вар-* и местоположение дают возможность отождествлять его с летописным Варинем (КШ; Арцыбашев, 2, 214; Погодин, 3, 94—95). Поселение известно с XIV в. (Стрижак, 1962, 85). В XVII в.— сотенное местечко (Лохв. ист. сб., 1906, 184).

Другие локализации: г. Ворона на Суле (Карамзин, 2, пр. 146).

9—10. **Воинь** (Воинь). От ст. сл.— *воинь* (ср., др.-рус.— *воинь*; укр.— *воїн*), хотя не исключено происхождение от антропонима *Вой, Воя* — сокращения двучленного имени с компонентом Вой, Ср. *Вой — купец* в ПВЛ (Лихачев, 2, 431; Роспонд, 1972, 45).

Предполагаем наличие в Переяславском княжестве двух Воиней. О первом в летописи под 1079 г. сообщается (ПВЛ, 1, 135): «Прнде Романъ с Половци къ Воину. Всеволод же ста у Переяславля и створи миръ с половци». Его отождествляют с бывшим селом Войнинцы (Арцыбашев, 2, пр. 190) — ныне с. Винницы Переяслав-Хмельницкого р-на (Бодянскій, 1865, 7—8; Брахнов, 1957, 40—51). А. Стороженко отмечал возле села урочище под названием Воинова долина. За преданиями село называлось раньше Воинцы, что вполне возможно, поскольку в документах начала XVIII в. встречается форма Вуницы (Мотыженский архив, 139). Возле с. Виненцы исследованы погребения кочевников IX—XIII вв. Между селами Лецки и Виницы известно поселение Киевской Руси (ІМС, К. о., 525). В самом селе исследовано г-ще XI—XIII вв. (Кучера, 1971; 1978).

Ко второму городу применяется летописцем несколько иная, смягченная форма названия: Воинь (ПВЛ, 1, 109, 161, 187 и др.). Например, «в се же лѣто иде Всеволодъ на торкы зимѣ к Воиню». Воинь в отличие от Воина локализуется при впадении Сулы в Днепр, где до создания Кременчугского вдхр. существовало с. Воинская Гребля (ныне залито водами вдхр.). Здесь исследовано крупное др.-рус. г-ще X—XIII вв. (Довженок и др., 1966; Барсов, 1865, 37; Погодин, 3, 98).

11. **Воронца** — от *ворон, вороной — «черной масти»*. Положение топонима не совсем ясно. Упоминается в «Поучении детям» Мономаха: «Паки, идохом другое с Воронице. Тогда же и торцн прндоша ко мне и с половци Читеевичи» (ПВЛ, 1, 161). Барсов локализует его на северо-запад от Переяслава (с. Вороньков Бориспольского р-на К. о.).— Барсов, 1865, 41. Там действительно имеется др.-рус. г-ще (Кучера, 1972), но датируется оно XII—XIII вв. Возможно, что в летописн сообщается о Воронице южной по отношению к Переяславу (с. Воронинцы Чернобаевского р-на Чрк. о.), вблизн которого известно городище XI—XIII вв. (ІМС, Чрк. о., 726).

12. **Ворскла** (Въръсъкълъ, Воръскла). В «Книге Большому Чертежу» проводится форма *Ворскол* (КБЧ, 62). Основой для этимологии этого названия, очевидно, служит последняя форма, в которой второй компонент закономерно происходит от *кŏл* или *кūл* (ср. осет. *кūл — глубокая вода* и тюрк. *kŏl — озеро, рукав реки* (Абаев, 1958, 1, 602). Аналогично первый компонент *върс<urs — белый* (ср. осет. *ors — белый.*— Абаев, 1949, 158). В своих верховьях р. протекает местностямн, богатыми на залежи мела и известняков, окрашивающих ее воду в мутный белый цвет (ЕСЛГНПР, 37). Мы не разделяем мнения Топорова и Трубачева о возможной интерпретации гидронима как волжско-финского (ТТ, 242).

13. **Вострь** (Въстр, Остерь). Возможно, гидроннм герм. происхождения — от *oster — восточный*. На народноэтимологической основе преобразован в современное название. Объяснение содержания слова от *острый — сильный, резкий* (Виноградский, 37; Грінченко, 1, 319 (ЕСЛГНПР, 38) или укр. *востре* — острие (Георгиев, 319) надо признать неудачным, так как «характер» реки не отвечает указанной этимологин.

14. **Всеволожь** — прилагательное на *-jь* от др.-рус. династического имени *Всеволодъ*. Названне означает *'город Всеволода'*. Всеволожь расположен в Задесенье вблизи Уненежа, Бе-

лой Вежи и Бохмача. Остатки укреплений др.-рус. Всеволожа упоминаются в польских актах XVII в. как «городище Зейволоже» (Голубовский, 1908, 9; АП, 1966, 448; IMC, Ч. о., 1972, 226; Зайцев, 1976, Пр.).

Судя по археологическим материалам региона (Шинаков, 1981) и г-ща близ с. Сиволожа, город мог быть основан Всеволодом Ярославичем — переяславскнм, затем черниговским и великим киевским князем. С 40-х гг. XII в. Всеволож вместе с другими заднеснянскими и посеймскими городами прочно входят в политическую и экономическую систему Черниговского княжества.

15. **Вырь** (Вира). На Левобережье Украины вырем, по мнению Стрижака, называли остаткн русла или широкую н глубокую часть реки (Стрижак, 1963, 39), однако СУМ подает в этом случае несколько иную форму (1, 467) — вырва. Более правильно объяснение слова приводнт Грнчснко: *выр — водоворот* (Гр., 1, 180); с ним солидарны Никонов (1966, 84) и Жучкевнч (1974, 52).

16. **Выревь** (Выревскь, Вырь, Вырьскъ) — топоним гидроннмического пронсхождения, хотя этимологию его можно вывести и от укр. слова *вір (вору) — ограждение из жердей* (Грінченко, 1, 239), откуда, очевидно, производное «двір» и др.

Из известий 1147, 1160 гг. (ПСРЛ, 2, 356, 505, 508) можно заключнть, что Вырь находился близ Посеймья, в районе на пути в Половецкую степь. Локалнзация топоннма, осуществленная еще Филаретом на основании сообщения грамоты 1704 г. о строительстве кн. Григорием Ромодановским на «старом Вирском, городище» г. Белополья, не вызывает возражений (ИСОХЕ, 3, 407—408, 413; Голубовский, 1884, 91—92; Насонов, 1951, 228; Зайцев, 1975; и др.).

Иные локализации: с. Старые Вирки (при рч. Выре, пр. Сейма), Белопольского р-на С. о. (Список насел. мест. Курск. губ., 1863, № 1738; Барсов, 1865, 45; Барсов, 1885, 164—165, 308).

17. **Вьяхань** (Бьяхань) иноязычного происхождения (Роспонд, 1972, 75); формант *-ань* обычен при иноязычной основе (Жучкевич, 98). Вероятно, перенесенное или тюркизованное названне (ср. Шарукань). Данные 1147 г. Ипатьевской и 1149 г. Лаврентьевской летопнсей (ПСРЛ, 1, 321; 2, 356) о местоположении города позволяют вслед за Филаретом и Голубовским полагать. что Вьяхань находился на берегу р. Терн на месте известного в XVII в. Лехановского или Дехановского городища (с. Городище Недригайловского р-на С. о.) (Филарет, 1858, 3, 410, 592—598; Голубовский, 1884, 93; Насонов, 1961, 223; Зайцев, 1975; и др.). Сохранившееся др.-рус. г-ще — XI—XIII вв. Во время разведочных раскопок найдена печать Владимира Мономаха времени его переяславского княжения (Моргунов, 1975, 104—105).

Другие локализации: Карамзин (2, 318) отождествлял Вьяхань с Обоянью Курск. губ.; Надеждин и Неволин считали нужным искать город в Путивльском уезде (Погодин, 2, 448).

18. **Глѣбль** — город в верховьях Ромна. Название топонима происходит от др.-рус. имени *Гълебъ, с* суффиксом притяжательности *-jь*: 'город Глеба' (Нерознак, 59; ЕСЛГНПР, 43; Роспонд, 2, 20). Вероятно, основан переяславским князем Глебом Владнмнровичем в начале XII в., когда активно заселялся этот район. Впоследствии отошел к черниговским владениям.

19. **Глѣбовъ** — город, который был взят князем Игорем Святославичем «на щит... у Переяславля» (ПСРЛ, 2, 643). Вероятно, с. Глибовка (или Глыбовка) на р. Альте, расположенное рядом с с. Борисовкой (Список насел. мест. П. губ., 1862, 156—163; Аранда-ренко, 3, 1852, 393; Андрняшев, 1831, 8; Клепатский, 1912, 376; Брахнов, 1957, 40—51). Название с суффиксальным элементом *-ов*. В основе названия лежнт мужское имя или фамилня.

20. **Глуховъ** — посессив на *-овъ* от др. рус. *глухый* 'глухой' (Срезневский, 1, 522; Нерознак, 59). Др. рус. г-ще, бывшее в центре совр. Глухова, не сохранилось. Город лежал на магистральном пути из Северо-Восточной Руси в «Русскую землю»: «Гюргеви же идущю в Русь, пришедъ ста у Глухова» (ПСРЛ, 1, 338).

21. **Голтва** (Голта) тюркоязычного происхождения (Ср. тюрк. *köl — озеро, рукав реки*; тур. *öl — трясина, болото*; бурят.-монг. *гол — река* (Абаев, 1, 602; Стрижак, 1963, 43).

22. **Голтавъ** — топоним гидронимического происхождения (см. р. Голта (Голтва). Локализацня не вызывает сомнения. В начале XVII в.— известный казачий городок Говтва (IMC, П. о., 446; Барсов, 1865, 50; Погодин, 3, 96). Сохранилось др. рус. г-ще XI—XIII вв.

23. **Голубой лѣс.** Название *голубой* применяется обычно к хвойным лесам, к лиственным — черный лес (ЕСЛГНПР, 43).

24. **Городець** (Острьский Городець, Юрьев Городок) на Въстри — Остер — первичное топографнческое название (Роспонд, 17). Определенне *Острьский* появилось, очевндно, в связи с тем, что на противоположной Киеву стороне Днепра существовал еще один Городок — Деснянский (близ устья реки). После уничтожения ордами Батыя в 1240 г. Острьского Городка на его месте возникло поселение Старогородка. Ныне с. Старогородка слилось с г. Остром. В окрестностях его найден клад римских монет II в. н. э., выявлены и исследованы сл. поселения первых веков н. э., г-ще VIII—X вв., курганный могильник и др.-рус. г-ще X—XIII вв. (Кучера, 1971; и др.).

25. **Горошинъ** (Горошина) — посессив на *-ins* происходит, возможно, от антропонима (ср. уменьшительное *Гороша* от *Городислав*, польск. *Grodislaw*.— Роспонд, 45; Лихачев, 2, 44). В КБЧ (1950, 108): «А выше Буромли 2 мили город Горошино; а выше Горошина 2 мили город Лукомля».

26. **Дегея Поток** — гидроним антропонимического, тюрк. пронсхождения. В силу незначительных размеров потока локалнзовать крайне трудно, хотя район его местоположения,

на наш взгляд, определен Кудряшовым правильно (Кудряшов, 1948, 120—121).

27. **Деменеск** (Доминескъ) — с. Демьянцы, известное с первой половины XVII в. (Максимович, 3, 337; Барсов, 1865, 60). Как предполагает Брахнов, название возникло от Деменеск, упоминаемого Никоновской летописью под 1155 г. (Брахнов, 1957, 46—47). Названия с формантом *-ескъ* характерны для др. рус. городов (ср. Полтеск, Мченеск, Случеск и др.— Роспонд, 65—68). Др.-рус. *Доминеск* напоминает современное Доменеск — место средоточения домн; отсюда *Доменцы — Деменцы — Демьянцы.* (Ср. белорус. *демни — домна,* от *доманить*; фр. и англ. *domanite*). (Брахнов, 46—47; Горяев, 94).

В основе названия может лежать также антропоним типа Доман, Демьян.

Иные локализации: правый берег Днепра (Погодин, 3, 109), на что здесь же возражения Надеждина и Неволина, указывающих на с. Демьянцы в 5 верстах от Переяслава по КО и КШ.

28. **Десна** — л. пр. Днепра. Распространенное речное название, очевидно, балт. происхождения. Ср. др. прус. *tusna — тихая* (ТТ, 218). Объяснение от слав. *desnь — правый* остается сомнительным.

29. **Дмитровъ** — посессив на *-овъ*. Суффиксный элемент указывает на то, что в основе лежит русское имя Дмитр, часто упоминаемое летописью. Отождествляется с с. Дмитровкой, на территории которого выявлено др.-рус. с-ще (ІМС, Чрк. о. 292).

Другие локализации: с. Дмитров Белгородского уезда Курской губ. (Карамзин, 3, 67); с. Дмитровка Миргородского уезда Полтавской губ. Н. П. Барсов (1865, 61) придерживался мнения Карамзина.

30. **Днепр** (Дьнепрь, Непрь) — вторичное название древнейшей вост.-сл. реки. Первичное, Борисфен, известное из гр. языка, выводится или от антропонима Βορυσθένης (Белецкий, 1962, 54), или от индоиранского *brh ā-sthana* — высокое место (Трубачев, 1979, 29—45). Ближе, безусловно, к истине вторая гипотеза, по которой из *brha-sthāna* можно вполне вывести древнеславянское — *б(е)реговая стена* (Ср. индоиранское название хребта на Сев. Кавказе — Боргустан (Трубачев, 29—45).

Название реки в форме *Danapris* известно с IV в. до н. э., лучше всего объясняется из северо-восточноиранского *Dānāpr*, где *dān — река; āpr — глубокая* (Белецкий, 61; ТТ, 224; Жучкевич, 100—101).

31. **Дон.** У Геродота и Страбона — Танаис. Почти все исследователи признают ираноязычное происхождение названия *don* — вода, река (Никонов, 1966, 127).

32. **Донец Северский** — Формант *-ец* ст. сл. уменьшительный, как бы «малый Дон». В гидронимии Подонья *-ец* характерен для раннего сл. заселения с Верхнего Поднестровья через Среднее Поднепровье. В основе определения наименование славянского племени северяне (севера), в земле которых начинался Северский Донец (Никонов, 1966, 127).

33. **Донец** — топоним гидронимического происхождения. На основании сообщения КБЧ (1950, 71), «а по левой стороне вверх по Удам, выше Хорошего городища, Донецкое городище», исследователи еднодушно отождествляют город с с. Карачевкой (ныне территория г. Харькова.— Пассек, 1840, 2, 196—197; Арцыбашев, 2, 1490; Погодин, 3, 114—115; Барсов, 1865, 65).

34. **Дубенец** — общеславянский гидроним. Название обозначает — река, текущая дубовой рощей. Под 1154 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях сообщается: «Придоша половци на мир и сташа по Дубнищю и до верх Супоя» (ПСРЛ, 1, 346; 2, 481). Название не следует считать топонимом, как это делают Надеждин и Неволин (Погодин, 3, 109), ибо выражение «сташа по Дубеньцю» обозначает размещение вдоль чего-то (ср. по Днепру, по Дону). О поселениях летопись говорит «сташа у Песочна», «сташа у Корсуня» (Пономаренко, 30—31).

Иные локализации: пр. Удая, выше Пирятина (Арцыбашев, 2, 969).

35. **Ерель** (Угол, Угла).— Современная форма — Орель, вероятно, происходит от тюрк. *airili — кривой, airjlj — угловатый* (Фасмер, 3, 151). В древнерусское время река при впадении в Днепр образовывала «угол». Ныне русло нижнего течения реки деятельностью человека значительно изменено: ее устье находится на 70 км южнее прежнего.

36. **Ерель** (Угол) — др.-рус. неукрепленное поселение недалеко от старого устья р. Орели, в котором после успешной операции против половцев останавливалось на отдых войско русских князей (1183): «Стояша на месте, нарицаемом Ерель, его же Русь зовет Угол» (ПСРЛ, 2, стб. 631—632). Локализуется в Кобелякском р-не Полтавской обл., на месте с. Старый Орлик, известного с XVII в. (Кордт, 1931, табл. 29; Кудряшов, 96—99). Ныне Днепродзержинское вдхр. Вблизи Старого Орлика известны два сл. поселения XI—XIII вв. (ІМС, П. о., 412). Название, очевидно, гидронимического происхождения (см. р. Ерель (Угла).

37. **Желни** (Желний) — город локализуется на месте с. Жовнино в низовьях р. Сулы (КО; КШ; Погодин, 3, 100; Максимович 2, 417): «Ярополкъ же сруби город Желни дрючанам, их же бе полонил» (ПВЛ, 1, 201). *Желна* — птица *дятел.* Укр. *жовна*, блр. *жолна* (Фасмер, 2, 43).

Другие локализации: на р. Желень в Курской губ. (Арцыбашев, 2, 385; Карамзин, 2, 223): с. Желень Фатежского уезда Курской губ. на р. Свапе (Погодин, 3, 100).

38. **Зартый** (Зарытый) — от слова рыть, противоположное значению слова вырыть, т. е. выкопать. Вслед за Филаретом все последующие исследователи помещают город близ впадения р. Выри в Сейм (Филарет, 1857. 3, 410; Голубовский, 1903, 117; Насонов, 1951, 225; Зайцев, 1975; и др.).

Другие локализации: с. Разрытое в Смоленской губ. (Арцыбашев, 2, 1046; Карамзин, 2, 393); местность за р. Ретью, пр. Десны (Погодин, 2, 456).

39. **Инжирь брод.** Арцыбашев (2, 1437) определял его расположение между Переволочанской и Борисоглебской крепостями в Екатеринославской губ.

40. **Калка** — гидроним ираноязычного происхождения (ср. осет. *kal-in — течь*).

41. **Карань** — р., п. пр. Трубежа либо с. Карань близ Переяслава-Хмельницкого на берегу одноименной речушки, впадающей в Трубеж (Арцыбашев, 2, 512; Карамзин, 2, 274; КШ, КО; Погодин, 3, 104). Происходит от тюрк. *kara — черный* (Сумцов, 1886, 467; Брахнов, 1957, 42—43).

42. **Кудиово** (Кудьново). В основе наименования — имя или прозвище Кудин (См. Демян Куденевич — ПСРЛ, 9, 177—178). Локализуется на месте или вблизи с. Шкодуновки Золотоношского р-на Черкасской обл. (Лященоронский, 1903, 132—133).

Другие локализации: с. Строкова (Максимович, 2, 348; Брахнов, 44).

43. **Курскъ** (Курьскъ, Курескъ) — от названия р. Кур (Фасмер, 2, 429; Роспонд, 21; Тихомиров, 1956, 345—348). Трудно согласиться с тем, чтобы последняя приобрела свое название от *курь — петух*, как считает Роспонд (21—22) (см.: на Кавказе р. Кура; лат. *curro, currere — бежать, протекать* (ЛРС, 161).

Локализация не вызывает сомнения (Барсов, 1865, 109; Карамзин, 2, 245; Погодин, 3, 96).

44. **Кромы** (Кром) на р. Кроме — пр. Оки (Барсов, 1865, 108—109). По мнению большинства исследовавших, топоним связан с пограничным укреплением, границей (ср. др.-рус. *кромка;* в. луж.— *край)* или укреплением (Кремль в Пскове — *кромь.*— Никонов, 216; Фасмер, 2, 380).

45. **Ксятин** (Коснятинь).— с. Снитин на Полтавщине (Погодин, 2, 99). Этимология названия выводится от антропонима Ксята — вариант имени Коснята, сокращение от Константин (Роспонд, 45). Из летописи известен «Коснятинь, сын Добрынь» — новгородский посадник (ПВЛ, 2, 97; 2, 363).

Близ Снитина исследованы два др.-рус. г-ща VIII—XIII вв. (Кучера, 1971).

46. **Локна** (Лък (ъ) на) — р. Локня, пр. Выри, л. пр. Сейма (СГУ, 325). Относительно этимологии нет единого мнения. А. С. Стрижак выводит от ст. сл. *локы — дождь*, болг. *локва*, с. х. *локва — калюжа, болото* (Стрижак, 1963, 48). Топоров и Трубачев видят в гидрониме балтизм (лнт. *Lukne — река; Lukna — озеро*; лтш. *Lukna — река*).— ТТ, 1962, 193.

Другие локализации реки: бассейн Псла (Указатель, 1907, 181; Барсов, 1865, 115), л. пр. Богайчихи — п. пр. Сулы, Роменского р-на, Сумской обл.

47. **Лубно** (Лубьно) — топоним производный от: *дуб — кора, лыко* (укр. *луб.*, блр. *луб.*, болг. *луб.*, польск. *lub* — родственны лит. *luba — тесина, доска* — (Фасмер, 2, 526—527); В. А. Никонов приводит еще одно значение: *луб — волокно льна, конопли, крапивы* (Никонов, 242). С. Роспонд также считает основу ***lub-* // **ljub-*** общеславянской с топографическим значением. Локализация не вызывает сомнения (Погодин, 3, 100; Барсов, 1865, 116). В Лубнах имеется др. рус. г-ще VIII—XIII вв. (Ляпушкин, 1961; ДПСП, 1984, 151).

48. **Лукомль** — с. Лукомье на Полтавщине (Барсов, 1865, 116). От лука (ср. укр. *лука — мыс*, образуемый рекой; заливной луг). Очевидно, первичное: *луко — мель* (Фасмер, 2, 531). Сохранилось г-ще XI—XIII вв. (Кучера, 1979). Повторная фиксация города после нашествия орд Батыя относится уже к 1320 г. (Гор. пос. 4, 1864, 217).

49. **Лтава** — ныне Полтава (Арцыбашев, 2, 1214; Карамзин, 3, 11; Погодин, 3, 110; Барсов, 115—116). Топоним, на наш взгляд, тюрк. происхождения (см. выше Голтав). Языковеды выводят этимологию названия из сл. *лут — лыко* (ТТ, 219; Фасмер, 2, 536) или балт. *lutum — болото, грязь, глина* (Стрижак, 1963, 78).

Городище в Полтаве VIII—XIII вв. (Ляпушкин, 1961).

50. **Льто** (Лто) —укрепленный городок на месте нынешнего Борисполя (Стороженко, 1897, 509—518; Каргер, 1953, 13—20), получивший название от одноименного гидронима Льта (Альта). Стрижак, 1963, 32; Брахнов, 40—42.

51. **Мажево** — с. Мазинки Переяслав-Хмельницкого р-на (Карамзин, 2, 344; Погодин, 3, 107). Название от ст. сл. *мазати*; укр. *мазати*; блр. *мазаць* (Фасмер, 2, 557. Ср. Грінч., 2, 396), *мазанка* — глинобитная *хата* (изба). Брахнов допускает возможность антропонимического происхождения топонима (Брахнов, 47).

Другие локализации: с. Мацковцы (Арцыбашев, 2, 875); г. Гельмязов (Лященоронский, 1903, 134—135). Гипотезы этих исследователей не могут быть приняты ввиду весьма отдаленного расположения указанных населенных пунктов от Переяслава.

52. **Малотинь** — посессив на *-inь*. Очевидно, от антропонима Малота. Топоним локализуется большинством исследователей, начиная с Ходаковского (Карамзин, 2, 274) на месте с. Малютинцы Пирятинского р-на П. о. (Надеждин-Неволин у Погодина, 3, 104; Барсов, 1865, 126; Андріяшев, 1931, 11). Село нанесено на карте Боплана середины XVII в.

Мнение Лященоронского о местоположении Малотина на месте г-ща Климятина близ устья Сулы и его этимология «Климятину — Кмалотину» неубедительны (Лященоронский, 1903, 158—159)

53. **Мерла** — река на русско-половецком пограничье. Относится к гидронимам повторной фиксации XIV—XVI вв. (Стрижак, 1963, 13). В КБЧ (108) указывалось: «А Мерчик... течет через Муравскую дорогу и пала в Мерло». Название от слова *мерети (мерло* — народное *мертво; мерлиця — шкура* дохлой овцы — Грінч., 2, 419, Стрижак, 49—50).

54. **Милитин** (Милитѝна) — по всей вероятности, загородная резиденция Ефрема — епископа, затем митрополита переяславского и киевского. Название свое получил, как можно полагать, от города Мелитины в Малой

Азии (Вс. ист., 3, 213), откуда, вероятно, родом был переяславский владыка. Допускаем антропонимическое происхожденне топонима. Локализация не установлена. Н. П. Барсов (1865, 124) отождествляет Милитин с Малотином.

55. **Нежатин** — название от имени Нежата (ср. Нежатина Нива). Городок Остерской волости, расположенный на границе между Черниговским и Переяславским княжествами (Клепатский, 1912, 286). Локализацню топонима облегчает сообщение Татишева (1963, 2, 248) о том, что Нежатин находится именно на Остре: «Половцы в 1135 г. взяли городок на Остре Нежатинь». В документах XVII в. о Нежине говорится, что он был новооселым: «Городище пограничное новооселое Нежинь» (Лазаревский, 2, 1893, 51—52; Виноградский, 1957, 30). Отождествление Нежина с летописным Уненежем (Насонов, 1951, 232—233; Зайцев, 1975; и др.) считаем не вполие аргументированным (см. подр. доводы Ляскоронский, 1903, 137—140; Голубовский, 1908, 41—42). В Ипатьевской летописи под 1147 г. речь идет о городах княжества, находившихся в одном районе. Значительное расстояние Нежина от Бахмача и Белой Вежи не позволяет отождествлять его с Уненежем.

56. **Носов** — основой топонима послужило, по всей видимости, прозвище Нос (Роспонд, 69). Г. Носовка Ч. о., входивший ранее в Остерскую волость.

57. **Обров** — труднолокализуемое урочнще или населенный пункт близ Переяслава. Возможно, местность, окруженная валами и рвамн в междуречье Трубежа и Супоя, где останавливался позднее Юрий Долгорукий, или один из переяславских валов, как считает Лихачев (2, 443). Однако указание «во Оброве», по всей вероятности, свидетельствует о населенном пункте с названием этнонимического происхождения (см. с. х. *Обров*, польск. *Obrowo* (Роспонд, 41; Фасмер, 3, 107). Не исключено народноэтимологическое преобразование *Обров* в *Бобров, Бобровица* (Барсов, 1865, 150—151).

Карамзин (2, 145) считает, что *обров — земляной окоп.*

58. **Олешье** — основной перевалочный торговый пункт Южной Руси на Черном море. Местоположение: в устье Днепра (Лихачев, 2, с. 413). Название происходит от основы праслав. *olcha* (Роспонд, 31).

59. **Ольгов** (Льгов) (совр. Льгов Курской обл.) — от Ольгъ князь (Барсов, 1865, 142; Роспонд, 76; Тупиков, 1903, 283).

60. **Оскол** — По наличию компонента *-кёл* в названии (ср. тюрк. *kŏl — озеро, рукав реки.*— Абаев, 1, 602) относим к тюркоязычиым образованиям.

61. **Переволока** — нанменование, состоящее из приставки *пере- — через* и глагола *волочить — тащить.* Место перетаскивания перевозимых по рекам товаров (по суше) из одной речной системы в другую. Кроме того, это слово означало и гужевой путь, проложенный через лес (Никонов, 325). Локализация не вызывает сомиения. В селе Переволочная Ч. о. имеется др. рус. г-ще. Не следует смешивать и отождествлять Переволоку с Прилуком, что делает Лихачев на основанин описок в некоторых летописных списках (Лихачев, 2, с. 445).

Другие локализации: при впадении Ворсклы в Днепр (Барсов, 1865, 157).

62. **Переяслав** (Переаславль, Переяславль, Переславль) Русский (Киевский, Южный) — ныне г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. Название города впервые встречается в форме «Переаславль» под 907 г. в договоре Руси с Византией (ПСРЛ, 1, 31). Существует четыре народноэтнмологических объяснения топонима: 1. Переяслав, «зане перея славу отрок» (Лавр. лет.— ПСРЛ, 1; Максимович, 1, 326); Пріаславль, «понеже отрокъ пріа славу» (Ермолинск. лет.— ПСРЛ, 23); 3. Переаславль, «зане имя отроку тому Переаславль» (Воскресенск. лет.— ПСРЛ, 7; Карамзин, 1. Прим. № 471); 4. Переяслав — в честь Переи славной (села на месте позднейшего города, построеиого князем Владимиром), прославившейся храбростью своего жителя Иоанна Усмошвеца (Левшин, 1816).

Посессив на **-j(ъ)* от др.-рус. личного имени *Переяславъ* (сравн. 1162, *Нежиръ Переяславичь* (Стрижак, НРП, 78; Фасмер, Ш 241; ЕСЛГНПР, 100; Нерознак, 133—135). Возможна прямая связь с названием Преслав (кроме общей части *-слав.* южнославянскому *пре-* закономерно отвечает восточнославянское *пере-*). Компонент *-я* вставлен из народноэтимологических соображений (Никонов, 1966, 325; Стрижак, 1971, 81—83; Роспонд, 1972, 36). Допустима также версия хазарского происхождения топоннма от ономатоосновы *perea-* / *pereja-* (см. с. 27 нашего исследования) и элемента *-славъ* весьма распространенного в восточнославянской антропонимике в составе двуосновных имен (ср. Мьсти-славъ, Яро-славъ).

Производные от Переяслава-Русского — Переяславль-Залесский, город в Ростово-Суздальской земле и Переяславль-Рязанский, город в Рязанской земле (Нерознак, 134—135).

63—64. **Песочен** (Посечен, Песочень) — название из основы *песок*, необычайно продуктивной в общеславянскнх топографических названиях (Роспонд, 27; Никонов, 328). В Переяславском княжестве известно два населенных пункта с такнм названием. Под 1172 г. (ПСРЛ, 2, 555) сообщалось о сторожевом городке на Супое, где находится др.-рус. г-ще (с. Песчаное Чрк. о.). Под 1092 г. (ПВЛ, 1, 141) упоминался другой Песочен, вариант Посечен, близ Прилук и Переволоки, локализуемый нами на месте с. Пески Лохвицкого р-на П. о., где сохранились следы др.-рус. г-ща. К тому же село обозначено на карте Боплана (Ляскоронский, 1901, с. 28) середины XVII в.

65. **Пирятин** — от Пирята: слав. *pir; piriti — пировать* (Роспонд, 70). Локализапия не вызывает сомнения (Барсов, 1865, 162).

66. **Половецкая земля** — территория «межи Волгою и Днепром» (ПСРЛ, 2, 455), разделившаяся с середины XII в. как бы на две части: земли полуоседлых кочевников и земли кочевых половпев. Судя по концентрации каменных половецких изваяний и наличию укрепленных городов, местом оседания для первых слу-

жило междуречье Северского Донца — Нижнего Дона и Днепра. За Доном господствовали «дикие», т. е. главным образом кочевые половцы (Плетнева, 1975, 260—300; Скржинская, 1986, 255—276).

67. **Половецкий вал** — предположительно Поорельская сторожевая линия. Половецким мог именоваться и Перекопский вал, насыпанный между верховьями рек Мжи и Коломака (Валко́вский р-н, Харьковской обл.).

68. **Полькьстень (Полькостень, Полокъстень)** — адаптация иноязычного названия (Роспонд, 71). Не исключена возможность и славянского происхождения от *кость* (ср. укр. *кість; костирство — игра в кости* (Фасмер, 2, 349; Грінченко, 2, 291). Единодушно отождествляется с с. Повстин Полтавской обл. где известно др. рус. г-ще XI—XIII вв. (Арцыбашев, 2. 410; КШ; КО; Погодин,3, 102; Барсов, 1865, 163; Кучера, 1979). В документах XV в. название этого населенного пункта имело форму Полствинь (Дворц. разр. 2, 900). Стрижак относит ее к названиям антропонимического происхождения с суф. *-инь* (Стрижак, 1962, 83).

69. **Попашь** — г. в Посеймье. Происхождение названия, очевидно, от слова *паша, попас — корм* на пастбище, *выпас* (Грінченко, 3, 320; Роспонд, 74). Относительно конкретной локализации топонима нет единого мнения. Продолжительное время город отождествлен с г-щем близ устья р. Попадьи на Суле (Филарет, 3, 409—411; Голубовский, 1884—93—94; Грушевский, 2, 1906, 603). Ныне это оспаривается Моргуновым и Зайцевым, которые при отождествлеиии летописного Попаша отдают предпочтение комплексу из двух г-щ и трех с-щ на п. б. р. Сулы между селами Засулье и Броды (Моргуиов, 1972, 17—20; 1973, 315—316; Зайцев, 1975; пр.).

70. **Посеймье** — природно-историческая область в Переяславской, затем Черниговской землях в бассейне р. Семь.

71. **Посулье** — природно-историческая область в Переяславской земле в бассейне р. Сула.

72. **Прилук** — первичное топографическое название от *лука. Прилука — берег* на изгибе реки; бугристое место на влажном лугу; укр.— *лесной луг* (Фасмер, 3, 365; Роспонд 18—19; Грінченко, 3, 424). Локализация не вызывает сомнения (см.: Барсов, 1865, 168, Погодин, 3, 94).

73. **Протолчьи** — позд. Кичкасская переправа (см. КО, л. XIV; КШ, 1850, л. 47, 52) в Днепровской Луке ниже порогов, но выше острова Хортнцы (Кудряшов, 1948, 130—131).

74. **Псел** (Песл). Очевидно, как и все остальные названия рек с компонентом *-ол, -ōль, -гōль*, тюрк. происхождения (ср. тур. *-öl — трясина, болото*). Этимология Потебни — Стрижака от с. х. *пишаты* — укр. *пісяти*, равно как и Фасмера от *пѣсь — большой собака* недостаточно убедительны.

75. **Путивль** (Путимль.— ПСРЛ, 9) — город в Посеймье (Погодин, 2, 435; Барсов. 1865, 170; Зайцев, 1975; пр.) на пр. Сейма Путивльке. Название от *путь* в первоначальном значении *течение* (Фасмер, 3, 412). Возможен вариант от топографического *путивець — проселочная дорога* (Грінченко, 3, 502). Произведение из собственного имени *Путимь* ведостаточно убедительно (Роспонд, 64).

76. **Ратьмиря-Дубрава** — дубовая роща близ г. Выря (Зайцев, 1975, пр.).

77. **Римов** — топоним, очевидно, можно связывать с латинским (итал.) Римом. Один из наиболее сложных для локализации др.-рус. городов. Мнения исследователей в отношении его местонахождения расходятся. Начиная с Ляскоронского, многие отождествляют Римов с др.-рус. г-щем в с. Великая Буромка (укр. Бурімка, Чрк. о.— Ляскоронский, 1903, 154—156; Моргунов, 1980). Однако остаются сомнения в правомерности такой локализации, ведь раньше село и река, на берегу которой оно расположено, назывались Буромля (КБЧ, 1950), вероятно, от *бурого — коричневого* цвета воды в реке.

На наш взгляд, ближе к истине исследователи, ищущие Римов в междуречье Удая-Сулы, в частности вблизи с-ща Римы Ичнянского р-на Черниговской обл. или в низовьях Удая (Погодин, 3, 97; Барсов, 1864, 172—173; Рыбаков, 1948, 30), т. е. в юго-восточном (по отношению к Переяславу) направлении, в котором наиболее часто отступали половцы в степь из Переяславщины.

Другие локализации: г. Ромны (Карамзин, 3, 72; Арцыбашев, 2, 245); с. Римаревка на р. Гуне, пр. Псла (Барсов, 1885, 163); с. Гочево Курской обл. (Александров-Липкинг, 1971, 79—90).

78. **Ромен** — город на одноименной реке, пр. Сулы (Маштаков, 1913, 59). Происхождение названия, как и вышеупомянутого Римова, вероятнее всего от одной основы *Rom — Rim* (Никонов, 365), лат. *Roma*, слав. *Rim* (Роспонд, 42).

Не являются убедительными этимологии названия города от укр. *ромен — зілля* (Курилов, 1898, 5; Виноградский, 1857, 38), а также лит. *ramus — тихий* (Стрижак, 1963, 60). Заслуживает внимания санскр. *rôma — вода* (Горяев, 1896, 30). Ср. в КБЧ (10); «А выше Глинска 20 верст пала в Сулу речка Ромон, а на устье город Ромон». Городище в Ромнах VIII—XIII вв. (Ляпушкин, 1961). Локализация не вызывает сомнения (Погодин, 3, 97).

79. **Руда** — р. Рудка, п. пр. Носовки — л. пр. Остра — л. Десны — л. Днепра (СГУ, 478). Название характеризует цвет воды.

80. **Русотиица** (Росотина) — уроч. или населенный пуикт на пограничье Переяславского и Черниговского княжеств. Большинство исследователей помещают его на месте с. Русанова К. о. (Барсов, 1863, 179; Погодин, 3, 105). Посессив на *-ин* от др. рус. антропонима *Русота.*

Другие локализации: между Нежатином и Черниговом (Погодин, 3, 105); на Супое (Арцыбашев, 2, 672); с. Риботин, находящееся у г. Корона Черниг. губ. (Ляскоронский, 1903, 139—140).

По нашему мнению, ближе к истине Пого-

дин и Ляскоронский, а значит, Русотина — урочище или населенный пункт Черниговской земли.

81. **Рыльск** — от гидронима Рыло (пр. Сейма) при помощи форманта *-ъскх* (Роспонд, 1972, 67; Никонов, 361). Топоним, как и название реки, от сл.— *рыть*. В XVII в. город сохранял свое название: на «усть р. Рылы... на правом берегу Семи, город Рылеск» (КБЧ, 106, 107). В современном Рыльске сохранилось др.-рус. г-ще (Ляпушкин, 1961; Погодин, 2, 453; Барсов, 1865, 180).

82. **Сальница** — из тюрк.; в кирг., казах. *āla* — «приток, рукав реки» (Фасмер, 3, 548).

83. **Самара** (Снопород, Снепород) — название л. пр. Днепра. Тюрк. происхождения (Ср. чагат. *samar* — *мешок*, киргиз. *samar* — кувшин, тур. *semer* — *седло* (Фасмер, 3, 552; Отін, 1970, 74). Не следует путать с иранским *asmara* — *каменный*, откуда название узбек. Самарканда.

Название река получила от своей конфигурации — значительного изгиба русла в верхнем и среднем течении (по отношению к Днепру), образующего своеобразную ловушку — «мешок».

Сл. название реки Снопород происходит, по всей видимости, от богатых сеножатей и плодородных почв окрестных земель, где протекает река. Вряд ли есть необходимость искать в Снопороде иранизм (Стрижак, 1962, 62—63).

84. **Севскъ** (Севсько) — г. Севск, Брянской обл. на р. Севе, л. пр. Неруссы (Погодин, 2, 455, Барсов, 1865, 194; Насонов, 1951, 230; Маштаков, 1913). От нее получнл название и город (Фасмер, 3, 588). Для названия Сев, по мнению ТТ, иранская этнмология бесспорна (ср. осет. *sau* — *черный*,— ТТ, 226).

85. **Семь** (Сейм). Современная литературная форма Сейм с XVII в. Название реки выводят от семи ручьев, которыми будто она образована (Никонов, 1966, 375). В этом гидрониме, как и в речном названии Сев, допустимо видеть иранизм (ср. иранское *syama* — *темный*.— Фасмер, 3, 600; ТТ, 1962, 226).

84. **Серебряный** — отождествляется с пгт Сребное Ч. о., где имеется др. рус. г-ще (ІМС, Ч. о. 643; Погоднн, 3, 110). Название город получил, очевидно, от металлического покрытия здания церкви илн феодального замка. Аналогом подобного происхождения названия городов могут служить Белгород, Белая Церковь, Звенигород и др. Возможно, и гидроннмическое происхождение названия от р. Сребнянка (СГУ, 524), протекающей через с-ще. В XVII—XVIII вв. она имела название Серебрянка, Сребрянка (Шафонский, 1786, 526).

87. **Сожица** (Съжица) — р. Черниговской обл. (СГУ, 515). Образование с помощью суф. *-ица* от тюрк. *Cir*<*Sūg* (ср. тюрк. *суг, су* — *река* — Стрижак, 1963, 51—52).

Другие локализации: 1) м-ко близ Чернигова (Арцыбашев, 2, 183), что маловероятно. В летописи: «Всеволод ...изиде противу има на Сжице (ПВЛ, 1, 132) ясно подразумевается река. 2) р. Оржица (Карамзин, 2, пр. 135; Погодин, 2, 431; Стрижак, 1963, 51—52), хотя промежуточных звеньев преобразования Сжица в Оржица не указывают.

88. **Стреква.** В основе названия, возможно, лежит тот же корень, что и в слове застревать (Брахнов, 1957, 48; Карамзин, 2, 269).

89. **Стряков** (Стрякова) — с. Строкова. Топоним гидронимического происхождения. На народноэтимологической основе преобразован в современное название (Погодин, 3, 104)

90. **Сугров** — город в Половецкой степи. Назван по имени хана Сугры, плененного русскими князьями при нападении на Лубны в 1107 г. (Лнхачев, 2, 471). Локализацня: с. Сидорово Славянского р-на Донецкой обл. (Кудряшов, 119).

91. **Сула.** Гидроним тюркского происхождения (ср. тур. *sulu* — *жидкий, водянистый, сочный*). Судя по распространению названия, Фасмер считает его исконно славянским (3, 800). Стрижак выводит этимологию названия также на славянской основе от *суда, судак* — щука, что неубедительно (Стрижак, 1963, 63—64). Ср.: «Река Медведица, имя сие по славянски, а измаилтескнм языком Сулла глаголется» (КБЧ, 192; Пономаренко, 1967, 29).

92. **Супой.** Морфологическая структура, а также семантика указывают на славянское происхождение названия. Гидроним состоит из двух компонентов: префикса *су-*, обозначающего *смежность, соседствование, сопредельность* с чем-либо и корня *-пой* (укр. *-пій*) от слова *поить* (Пономаренко, 1967, 30). Не исключено народноэтимологическое приспособление иноязычного гидроннма (ср. скиф. *Эксампей* — горький источник в бассейне Южного Буга, в переводе с гр.— *священные пути*.— Соболевскнй, 13—20, 257; Нариси, 127; Стрижак, 1963, 92—93). Заслуживает внимания также этимология названия, выведенная Брахновым от *supol* — *граничащая с полем*, что отвечает географическому положению реки (Брахнов, 43).

93. **Сутень** — р. Молочная. Этимология названия выводится из тюрк. suten — *молочная*. Локализация гидронима Кудряшовым не вызывает сомнения (Кудряшов, 91—94; Лихачев, 468). Река находится как раз на расстоянии четырехдневного пути от порогов в степь, на что указывал и летописец: «Сташа в Протолчех, в Хортичем острове... идоша в поле 4 дни и придоша на Сутень» (ПВЛ, 1, 184).

94. **Сюурлий**, как предполагает Стрижак, название реки искажено летописцем: тюрк. форма *su Jerli*, где *su* обозначает *вода, река, jerli* — *земля, место, урочище* (Стрижак, 1963, 55).

95. **Трубеж** (Трубеш). Местное народное наименование Трубайло От ст. сл. *труба* (ср. серб. *труба*; чеш. *trouba*; польск. *trąba*), а возможно, даже др. инд. европ. (в итал. *tromba*; фр. *trompette*; др. с. герм. *trumba*; лит. *triuba* — Горяев, 1896, 377). *Речная труба*, по Далю (4, 435) — *русло меженное, коренное ложе.*

96. **Украина** — название, впервые примененное в официальном княжеском летописании к территорин Переяславского княжества (ПСРЛ, 2, 653) в связи со смертью князя Владимира Глебовича: «И плакашася по нем вси переяс-

лавци... о нем же Украина много постоиа». Следует отметить, что термин употреблеи в его широком значении *«краина»*, а не *«окраина»*, к тому же применен к древним полянским землям Левобережья.

Название, безусловно, производное от слова *«край»*. Др-рус. *украина — пограничная местность* (ср. финск. *raja — граница, рубеж*; эстон. *raja — граница, край.*— Горяев, 165).

Распространение этого топонима характерно для окраин славянского мира, на что обратил внимание еще Надеждин (1837, 29—31). Выявление и локализация «Украин» иллюстрирует, как возрастал и развивался из своего праядра славянский массив (Мышко, 1966, 41—47; Фасмер, 4, 156—157).

97. **Уненѣжь** — прнтяжательное прилагательное от др.-рус. личного имени Унѣнѣгъ (Роспонд, 1972, 65; Нерознак, 181). Топоним локализуется на месте др.-рус. г-ща возле с. Ивангорода Ичнянского р-на Ч. о. (Голубовский, 1881, 123—124; Андріяшев, 1928, 105).

Другие локализации: г. Нежин (Насонов, 1951, 232—233), однако промежуточные звенья в цепи Уненеж — Нежин не прослеживаются (Зайцев, 1976, пр.).

98. **Устье** — др.-рус. укрепленный городок близ устья р. Трубеж — основная гавань г. Переяслава (Соловьев, 2, 139). Ныне местность залита водами Кременчугского вдхр. Г-ще X—XIII вв. обследовал Кучера (1968). Первичное топографическое название от ст. сл. *устьна — губа* (ср. укр. *уста.*— Горяев, 1896, 389).

99. **Хорол** — п. пр. Псла (Барсов, 210). Объяснение названия следует искать на тюркоязычной основе аналогично Ворскол, Оскол, Псел и др. См. следуюшее название.

100. **Хорол** — г. Полтавской области (Погодин, 3, Д4). Топоним гидронимнческого тюрк. происхождения (см. р. Хорол) обозначает *шатер, табор.* С середины XIII в. не упоминается в исторических документах до конца XVI в. В КБЧ Хорол употребляется как название города: «А от Сулы на Хороле от устья 20 верст град Хорол» (КБЧ, 109, 186; Россня, 7, 418). Частично сохранилось др. рус. г-ще (Падалка, 1914).

101. **Хортичев остров** (Хортипа). Этнмология названия сложная. Наиболее удачное объяснение, на наш взгляд, В. Даля: от *хорт, хортица — борзая собака, ловчая для травли* (Даль, 4, 562). Очевидно, бродники, проживавшие на острове, содержали много собак как для охоты, так и для охраны своих жилищ. Остеологические материалы свидетельствуют о значительном количестве собак среди домашних животных в Южной Руси.

Впервые упоминается под названием о. Святого Григория у Константина Багрянородного в труде «Об управлении государством» (X в.). В наши дни остров Хортица входит в черту г. Запорожья (РЕІУ, 4, 437).

102. **Черная Могила** — урочище в районе переяславо-черниговского пограничья. Арцыбашев (2, 695) определяет местоположение его «блнз левого берега Десны». Надеждин-Неволин (Погодин, 2, 441) предполагал, что урочище находится в северных уездах Полт. губ.

103. **Черный лес.** Летописное сообщение (ПСРЛ, 2, 540) «взяша веже их на Угле реце, а другие по Снопороду, а самыхъ постигоша в Чернего леса и ту притиснуше к лесу избиша е» свидетельствует, что он находился где-то на южном русско-половецком пограничье. Судя по концентрации у верховьях Орели топоннмов типа Чернявщина, Новая Чернещнна, Богатая Чернещина, Дубовые гряды, мы предполагаем, что лес находился именно здесь, на территории современного Сахновщинского р-на Х. о., недалеко от ранее упоминавшегося Голубого леса.

104. **Шарукань** (Осенев, Чешюевъ) — город в Половецкой земле. Назван по имени хана Шарука (Лихачев, 2, 475). В некоторых списках носит название Осенева по имени хана Асана (ПСРЛ, 7, 22), а также Чешюева. Местоположение определить крайне трудно. Наиболее удачная и обоснованная, на наш взгляд, локализация Кудряшова — Богородичное Славянского р-на Донецкой обл., где имеется кочевническое г-ще (Кудряшов, 1948, 119). Не исключено, правда, что Шарукань (Осенев, Чешюев), Балин, Сугров находились еще более к юго-востоку, в низовьях Дона, на что указывает летопись: «Ярополкъ ходи к реце зованей Донъ...»

Локализации городов Шаруканя, Сугрова и Балина Плетневой на месте современного Чугуева, Змиева, Гайдар следует признать неудачными. Против такого отождествления — необычайно длительные сроки движения русских в степь (Плетнева, 1975, 270—271).

105. **Янъчино** (Янцине селце, Янче) селце — бывший хутор Каневского (ранее с. Яненкн) в 5 км от Переяслава (Ляскоронский, 1903, 136). Ныне с. Малая Каратуль Переяслав-Хмельницкого р-на К. о. Топоним антропонимического происхождения. Село названо, по всей видимости, в честь дочери князя Всеволода Ярославича Янки (Анны). Возможно, оно принадлежало ей как настоятельнице Киево-Андреевского монастыря (Лихачев. Комментарии // ПВЛ, 2, 218, 413—415, 477).

Таблица № 2. **Локализация названий древнерусских городищ и селищ Переяславской земли X—XIII вв. (к карте на с. 139)**

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
1	Александровка	1901, 1911	В. Г. Ляскоронский	XII—XIII	с. Александровка Лубенского р-на Полтавской обл.
		1905, 1914	Л. В. Падалка		(п. б. р. Слепорода — п. пр. Сулы)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1952	Ф. Б. Копылов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1979	М. П. Кучера		
2	Арбузово	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Арбузово Дмитриевского р-на Курской обл. (п. б. Свапы)
3	Асмолово	1961	И. И. Ляпушкин	X—XIII	с. Асмолово Рыльского р-на Курской обл. (п. б. р. Сейма)
4	Ахтырка	1947	П. Н. Третьяков	IX—XII	г. Ахтырка Сумской обл. (п. б. р. Ворсклы)
		1961	И. И. Ляпушкин		
5	Банищи	1874	Указатель г-щ	X—XIII	с. Банищи Льговского р-на Курской обл. (л. б. р. Сейма)
		1914	А. Л. Александров		
		1952, 1961	И. И. Ляпушкин		
6	Барышевка	1905, 1914	Л. В. Падалка	XII—XIII	пгт Барышевка Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
		1900	А. В. Стороженко		
7	Бахмач	1951	А. Н. Насонов	»	с. Бахмач Бахмачского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Бахмачки)
		1989	Л. Є. Махновець		
8	Безсалы	1986	Ю. Ю. Моргунов	»	с. Безсалы Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Лохвица)
9	Беловежи Первые	1950	КБЧ	XI—XIII	с. Беловежи Первые Бахмачского р-на Черниговской обл. (верховья р. Остра)
		1908	Д. Я. Самоквасов		
		1951	А. Н. Насонов		
		1989	Л. Є. Махновець		
10	Белополье	1857	Филарет	»	г. Белополье Сумской обл. (л. б. р. Вырь — л. пр. Сейма)
		1884	П. Голубовский		
		1956	М. Н. Тихомиров		
11	Бербеницы	1986	Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Бербеницы Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Лохвицы)
12	Бодаква-1 (уроч. Панское)	1982	Ю. Ю. Моргунов	»	с. Бодаква Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
13	Бодаква-2 (уроч. Козача Гора)	1927—		»	
		1928	Ренський М.		
		1949	Копылов Ф. Б.		
14	Броварки	1904	В. В. Хвойка	XI—XIII	с. Броварки Гадячского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Псла)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
15	Бубновская Слободка	1979	М. П. Кучера	»	с. Бубновская Слободка Золотоношского р-на Черкасской обл. (л. б. р. Днепра)
16	Бунякино	1950	Д. Т. Березовец	X—XIII	с. Бунякино Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Сейма)
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
17	Валдыш	1951	А. Н. Насонов	XII—XIII	с. Валдыш Дмитровского р-на Орловской обл.
		1989	Л. Є. Махновець		
18	Варва	1972	ІМС	XI—XIII	пгт Варва Черниговской обл. (л. б. р. Удая — п. пр. Сулы)
		1905, 1914	Л. В. Падалка		

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
19	Ведмежье	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Ведмежье Роменского р-на Сумской обл. (п. б. р. Ромна)
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1972, 1978	Ю. Ю. Моргунов		
20	Великая Буромка-1	1901	В. Г. Ляскоронский	»	с. Великая Буромка Чернобаевского р-на Черкасской обл.
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1905, 1914	Л. В. Падалка		
		1970	Законодавство...		
		1979	М. П. Кучера		
		1978, 1981	Ю. Ю. Моргунов		
21	Великая Буромка-2	1979	М. П. Кучера	»	с. Великая Буромка Чернобаевского р-на Черкасской обл.
		1979	Ю. Ю. Моргунов		
22	Великая Рыбица	1908	Д. Я. Самоквасов	XII—XIII	с. Великая Рыбица Краснопольского р-на Сумской обл. (л. б. р. Псла)
		1952, 1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
23	Великий Самбор	1901	В. Г. Ляскоронский	X—XIII	Великий Самбор Конотопского р-на Сумской обл. (л. б. р. Ромна)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
24	Великоселецкое	1967	ІМС	XI—XIII	с. Великоселецкое Оржицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
25	Веселиновка	1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	»	с. Веселиновка Барышевского р-на Киевской обл.
		1978	М. П. Кучера		
26	Вининцы (Острая Могила)	1971	М. П. Кучера	XII—XIII	с. Вининцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
27	Воинская Гребля	1917	Н. Е. Макаренко	X—XII	с. Воинская Гребля Градижского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы). Залито водами Кременчугского вдхр.
		1901	В. Г. Ляскоронский,		
		1949	Ф. Б. Копылов		
		1966	В. И. Довженок и др.		
28	Волокитино (Высокое Поле)	1873	Д. Я. Самоквасов	XI—XIII	с. Волокитино Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Клевени)
		1978	Д. Я. Самоквасов		
		1952	Д. Т. Березовец		
		1968	И. И. Ляпушкин		
		1974	С. В. Сухобоков		
		1984	ДПСП (АК)		
29	Волынцево	1952	В. И. Довженок	»	с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Сейма)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1968			
30	Воргол	1873	Д. Я. Самоквасов	»	с. Воргол Кролевецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Клевени, п. Сейма)
		1903	П. В. Голубовский		
		1955	Д. Т. Березовец		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1968	О. В. Сухобоков		
31	Ворожба	1857	Филарет	»	с. Ворожба Лебединского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
		1961	И. И. Ляпушкин		
32	Воронинцы	1972	ІМС	»	с. Воронинцы Чернобаевского р-на Черкасской обл.
33	Гайворон	1975	Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Гайворон Бахмачского р-на Черниговской обл.
34	Гайдары	1962	Б. А. Шрамко	»	с. Гайдары Змиевского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Северского Донца)
		1971	М. П. Кучера		

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
35	Гайшин	1917	Н. Е. Макаренко,	XI—XIII	с. Гайшин Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
		1971, 1978	М. П. Кучера		
36	Глинск (Замок)	1851	А. Ф. Шафонский	»	с. Глинск Роменского р-на Сумской обл. (п. б. р. Сулы)
		1901	В. Г. Ляскоронский		
		1907	Н. Е. Макаренко		
		1908	Д. Я. Самоквасов		
		1961, 1968	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
37	Глинское	1901, 1907	В. Г. Ляскоронский	X—XIII	с. Глинское Зеньковского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Ворсклы)
		1946, 1947, 1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
38	Глухов	1956	М. Н. Тихомиров	XI—XIII	г. Глухов Сумской обл.
39	Гнездилово (Северное)	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Гнездилово Курского р-на Курской обл. (п. б. р. Курицы)
40	Гнездилово (Южное)	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Гнездилово Курского р-на Курской обл. (п. б. р. Курицы)
41	Говтва	1967	ІМС	XI—XIII	с. Говтва Козельщинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Псла)
42	Гоголев	1971	ІМС	»	с. Гоголев Броварского р-на Киевской обл.
43	Горналь-1 (уроч. Малое Городище)	1854, 1863	А. Дмитрюков	»	с. Горналь Суджанского р-на Курской обл. (п. б. р. Псла)
		1961	И. И. Ляпушкин		
44	Горналь-2 (уроч. Большое Городище)	1854, 1863	А. Дмитрюков	X—XIII	с. Горналь Суджанского р-на Курской обл. (п. б. р. Псла)
		1873	Д. Я. Самоквасов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
45	Городенск	1950	КБЧ	»	с. Городенск Льговского р-на Курской обл. (п. б. р. Сейма)
		1874	Указатель г-щ		
		1927	Н. П. Сенаторский		
		1961	И. И. Ляпушкин		
46	Городище	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Городище Недригайловского р-на Сумской обл. (л. б. р. Терна — п. пр. Сулы)
		1905	Д. И. Багалей		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера		
		1972, 1979	Ю. Ю. Моргунов		
47	Городище	1931	А. Піонтковський	»	с. Городище Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (л. б. р. Днепра)
		1970, 1978	М. П. Кучера		
48	Городище	1908	Д. Я. Самоквасов	X—XIII	с. Городище Бесединского р-на Курской обл. (п. б. р. Рати — п. пр. Сейма)
		1961	И. И. Ляпушкин		
49	Городище (уроч. Замок)	1949	Ф. П. Копылов	XII—XIII	с. Городище Чернухинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Удая — п. пр. Сулы)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1968	М. П. Кучера		
		1971	О. В. Сухобоков		
50	Городище	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Городище Рыльского р-на Курской обл. (вблизи р. Амонька)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
51	Городное	1905	Д. И. Багалей	XII—XIII	с. Городное Краснокутского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Мерлы)
		1930	М. Фукс		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1977	А. А. Моруженко		
		1977	А. А. Моруженко, В. А. Коснков		
52	Гочево (уроч. Городок)	1908	Д. Я. Самоквасов	X—XIII	с. Гочево Беловского р-на Курской обл. (п. б. р. Псла)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1976	А. В. Кашкин		
53	Градижск	1905, 1914	Л. В. Падалка	XII—XIII	пгт. Градижск Глобинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Кременчугского вдхр.)
		1967	ІМС		
		1979	О. О. Сухобоков		
54	Гребенки	1905, 1914	Л. В. Падалка	XI—XIII	г. Гребенка Полтавской обл. (л. б. р. Сухой Оржицы — п. пр. Сулы)
		1967	ІМС		
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
55	Грицевка	1903	Сведения о г-щах	XII—XIII	с. Грицевка Талалаевского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Ромна — л. пр. Сулы)
		1876	Т. Б. Кибальчич		
		1901	В. Г. Ляскоронский		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1973, 1979	Ю. Ю. Моргунов		
56	Донецкое (Харьков, Карачевка)	1950	КБЧ	»	в черте г. Харькова (п. б. р. Уды)
		1839	В. Пассек		
		1857	ИСОХЕ		
		1902	Ю. И. Морозов		
		1905	В. Е. Данилевич		
		1905	В. А. Городцов		
		1906	Н. Е. Макаренко		
		1930	А. С. Федоровский		
		1953, 1955	Б. А. Шрамко		
		1956, 1958, 1960, 1962			
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1978, 1979	А. Г. Дьяченко		
57	Дроняево	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Дроняево Льговского р-на Курской обл. (п. б. Сейма)
58	Жовнино-1	1905, 1914	Л. В. Падалка	XI—XII	с. Жовнино Чернобаевского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Сулы)
		1957	В. А. Богусевич, В. К. Гончаров, и др.		
		1965	С. Р. Килиевич		
		1968	О. В. Сухобоков		
		1972-1973	Л. М. Рутковская		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
59	Жовнино-2 (уроч. Палянивщина)	1965	С. Р. Килиевич	»	п. б. р. Сулы (залито водами Кременчугского вдхр.)
60	Журавное (Немировское)	1846	И. Д. Беляев	XII—XIII	с. Журавное Ахтырского р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклы)
		1857-1859	Филарет		
		1884	П. В. Голубовский		
		1947	П. Н. Третьяков		

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
61	Заворычи (уроч. Замок)	1916	П. С. Уварова	XI—XIII	с. Заворычи Броварского р-на Киевской обл. (верховья Трубежа)
		1975	М. П. Кучера		
62	Заречное (уроч. Кукуево)	1857 — 1859	Филарет	XII—XIII	с. Заречное (бывшее Петровское) Тростянецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклы)
		1905	Д. И. Багалей		
		1947	П. М. Третьяков		
		1960	Б. А. Шрамко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
63	Засулье	1952	Ф. Б. Копылов	»	с. Засулье Недригайловского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1972	Ю. Ю. Моргунов		
		1979			
64	Зеленый Гай (уроч. Старое)	1930	С. Магура	X—XIII	с. Зеленый Гай Сумского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
		1961	И. И. Ляпушкин		
65	Золотоноша	1961	И. И. Ляпушкин	»	г. Золотоноша Черкасской обл. (л. б. р. Золотоноши)
		1979	М. П. Кучера		
66	Ивангород	1903	П. Г. Голубовский	XII—XIII	с. Ивангород Ичнянского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Остра)
67	Иванков	1917	Н. Е. Макаренко	»	с. Иванков Бориспольского р-на Киевской обл. (бассейн р. Альты)
		1927	В. Е. Козловская		
		1971, 1978	М. П. Кучера		
68	Каленики	1971, 1978	М. П. Кучера	»	с. Каленики Золотоношского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Супоя)
69	Каменное	1857 — 1859	Филарет	»	с. Каменное Лебединского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
		1901, 1907	В. Г. Ляскоронский		
		1948, 1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1976	О. В. Сухобоков		
70	Капыстичи	1927	Н. П. Сенаторский	X—XIII	с. Капыстичи Рыльского р-на Курской обл. (п. б. р. Сейма)
		1961	И. И. Ляпушкин		
71	Кашаны	1952	Ф. Б. Копылов и др.	XII—XIII	с. Кашаны Остерского р-на Черниговской обл. (л. б. р. Остра)
		1961	И. И. Ляпушкин		
72	Китайгород	1911	В. Г. Ляскоронский	»	с. Китайгород Царичанского р-на Днепропетровской обл. (п. б. р. Орели)
73	Клещинцы (Кизивер)	1901	Б. Г. Ляскоронский	»	с. Клещинцы Чернобаевского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1949	Ф. Б. Копылов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1960	М. П. Кучера		
74	Кнышовка	1961	И. И. Ляпушкин	»	с. Кнышовка Гадячского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Псла)
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
75	Коробкино	1969	Ю. А. Липкинг	XI—XIII	с. Коробкино Конышевского р-на Курской обл. (п. б. р. Сейма)
76	Комаровка	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Комаровка Кореневского р-на Курской обл. (л. б. р. Снагости)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано: год	Исследовано, описано: автор	Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
77	Кошары	1972	Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Кошары Конотопского р-на Сумской обл. (л. б. р. Ромна)
78	Крапивное	1964	С. А. Плетиева	XI—XIII	с. Крапивное Шебекинского р-на Белгородской обл. (л. б. р. Северского Донца)
79	Красный Колядин	1851 1874 1876 1901 1902 1903, 1908 1961 1971 1973, 1975, 1979	А. Шафонский ИСОХЕ Т. В. Кибальчич В. Г. Ляскоронский А. М. Лазаревский Г. В. Голубовский И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Красный Колядин Талалаевского р-на Черниговской обл. (л. б. р. Ромна)
80	Крехаев	1986	Ю. Ю. Моргунов	»	с. Крехаев Козелецкого р-на Черниговской обл. (п. б. р. Десны)
81	Кромы	1951	Насонов А. Н.	XI—XIII	г. Кромы Орловской обл. (л. б. р. Кромы)
82	Кросна	1980	Ю. Ю. Моргунов		с. Кросна Конотопского р-на Сумской обл. (п. б. р. Езучи)
83	Куземин	1947 1961, 1968 1958 1971	П. Н. Третьяков И. И. Ляпушкин Б. А. Шрамко М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	»	с. Куземин Ахтырского р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклы)
84	Куриловка	1874 1961	Указатель г-щ И. И. Ляпушкин	X—XIII	с. Куриловка Суджанского р-на Курской обл. (п. б. р. Псла)
85	Курск	1957	Курск	»	г. Курск (п. б. р. Тускари)
86	Кишеньки	1905 1914 1960 1961/4	Л. В. Падалка Д. Я. Телегии, Е. Б. Махно, И. Н. Шарафутдинова	XII—XIII	с. Кишеньки Кобелякского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Ворсклы)
87	Ленинское (Спасское)	1873 1961	Д. Я. Самоквасов И. И. Ляпушкин	»	с. Ленинское Кролевецкого р-на Сумской обл.
88	Липлявэ (Городище)	1906 1907 1961	Н. Е. Макаренко И. И. Ляпушкин	»	с. Липлявэ Каневского р-на Черкасской обл. (л. б. р. Днепра)
89	Липовое	1950 1901 1907 1961 1971 1973 1975	КБЧ В. Г. Ляскоронский Н. Е. Макаренко И. И. Ляпушкин М. П. Кучера Ю. Ю. Моргунов	»	с. Липовое Талалаевского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Ромна)
90	Липино (уроч. Курган)	1911 1949 1961	В. Е. Данилевич И. В. Воеводский И. И. Ляпушкин	X—XIII	с. Липино Курской обл. (п. б. р. Сейма)
91	Литвиновичи-1 (уроч. Городок)	1955 1961	Д. Т. Березовец И. И. Ляпушкин	XI—XIII	с. Литвиновичи Кролевецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Клевени п. пр. Сейма)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
92	Литвиновичи-2 (уроч. Болотное)	1968	О. В. Сухобоков	XI—XIII	с. Литвиновичи Кролевецкого р-на Сумской обл.
93	Лохвица-1 (уроч. Благодаровка)	1925	М. Ренський	»	г. Лохвица Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1950	КБЧ		
94	Лохвица-2	1917	Н. Е. Макаренко	»	г. Лохвица Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1949	Ф. Б. Копылов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
95	Лубны	1901	В. Г. Ляскоронский	»	г. Лубны Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1981	О. Б. Сухобоков		
96	Лукино (Городище)	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Лукино Курского р-на Курской обл. (в пойме р. Курицы)
97	Лукомье	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Лукомье Оржицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1979	М. П. Кучера		
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
98	Лушники (уроч. Остров)	1978	Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Лушники Лубенского р-на Полтавской обл. (л. б. Удая)
99	Любарцы	1916	П. С. Уварова	»	г. Любарцы Бориспольского р-на Киевской обл.
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1971	М. П. Кучера		
100	Люшено	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Люшено Льговского р-на Курской обл. (п. б. Сейма)
101	Лящовка	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Лящовка Чернобаевского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Сулы)
		1949	Ф. Б. Копылов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1979	М. П. Кучера		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
102	Льгов			XII—XIII	г. Льгов Курской обл. (л. б. р. Сейма)
103	Маслово	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Маслово Курского р-на Курской обл. (п. б. Сейма)
104	Мацковцы	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Мацковцы Лубенского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1952	Ф. Б. Копылов		
		1954	П. А. Раппопорт		
		1961	И. И. Ляпушкин		
105	Мешково	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Мешково Золотухинского р-на Курской обл. (вблизи р. Тускари)
106	Миклашевский	1962	М. П. Кучера	X—XIII	(л. б. р. Днепра) Глобинский р-н Полтавской обл. Залито водами Кременчугского вдхр.
107	Могрица	1857 — 1859	Филарет	XII—XIII	с. Могрица Сумского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
		1902	Ю. И. Морозов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
108	Мойсеево	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Мойсеево Дмитриевского р-на Курской обл. (п. б. Свапы)
109	Мухино	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Мухино Хомутовского р-на Курской обл. (п. б. Свапы)
110	Нартово	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Нартово Курского р-на Курской обл. (п. б. Курицы)
111	Нежин	1893	А. М. Лазаревский	XI—XIII	г. Нежин Черниговской обл. (л. б. р. Остер)
112	Нижнедеревино	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Нижнедеревино Льговского р-на Курской обл. (л. б. Сейма)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка, (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
113	Николаевка (уроч. Валки)	1961	И. И. Ляпушкин	XII—XIII	с. Николаевка Буринского р-на Сумской обл. (л. б. р. Терн)
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
114	Ницаха-1 (уроч. Малый Балкан)	1857 —59	Филарет	XI—XIII	с. Ницаха Тростянецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклицы — п. пр. Ворсклы)
		1905	В. А. Городцов		
		1905	Д. И. Багалей		
		1960	Б. А. Шрамко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера		
		1971	О. В. Сухобоков		
		1973	О. В. Сухобоков		
		1974, 1975			
115	Ницаха-2 (уроч. Большой Балкан)	1857 —59	Филарет	»	с. Ницаха Тростянецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклицы)
		1905	В. А. Городцов		
		1905	Д. И. Багалей		
		1960	Б. А. Шрамко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1973	О. В. Сухобоков		
		1974, 1975			
116	Новая Слобода	1961	И. И. Ляпушкин	»	с. Новая Слобода Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Сейма)
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1978	Ю. Ю. Моргунов, Л. Г. Ковалёва, А. П. Загребельный		
117	Носовка		ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 319	XII—XIII	г. Носовка Черниговской обл. (п. б. р. Остра)
			ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 360		
118	Остер (Старогородка)	1874	ИСОЧЕ	XI—XIII	г. Остер Черниговской обл. (п. б. р. Остра)
		1908	П. В. Голубовский		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1962	В. А. Богусевич		
		1971	М. П. Кучера		
119	Переверзево (Курган)	1969	Ю. А. Липкинг	XII—XIII	с. Переверзево Золотухинского р-на Курской обл. (п. б. р. Тускарь)
120	Переволочная	1905, 1914	Л. В. Падалка	XI—XIII	с. Переволочная Прилукского р-на Черниговской обл. (п. б. р. Удая)
		1972	ІМС		
121	Перемога (Ядловка)	1916	П. С. Уварова	»	с. Перемога Барышевского р-на Киевской обл. (л. б. р. Трубежа)
		1908	Д. Я. Самоквасов		
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1971, 1978	М. Л. Кучера		
122	Переяслав-Хмельницкий	1888	П. А. Лашкарев	X—XIII	г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. (л. б. р. Трубежа)
		1908	Д. Я. Самоквасов		
		1908	Н. Е. Бранденбург		
		1949	Б. А. Рыбаков		
		1954	М. К. Каргер		
		1956	П. А. Раппопорт		
		1960	М. Ю. Брайчевский		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1962, 1967,	Ю. С. Асеев и др.		

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
		1979			
		1967	Р. А. Юра		
		1976	М. І. Сікорський		
		1986	Р. А. Юра, М. П. Кучера		
123	Песчаное	1905, 1914	Л. В. Падалка	XI—XIII	с. Песчаное Золотоношского р-на Черкасской обл. (п. б. р. Супоя)
124	Петровка	1873	Д. Я. Самоквасов	XII—XIII	с. Петровка Бобровицкого р-на Черниговской обл. (верховья Супоя)
		1973	М. П. Кучера		
125	Пирятин	1897	В. Г. Ляскоронский	»	г. Пирятин Полтавской обл. (п. б. р. Удая)
		1905, 1914	Л. В. Падалка		
		1957	Нариси...		
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
126	Повстин	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Повстин Пирятинского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Удая)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1979	М. П. Кучера		
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
127	Полтава	1949	И. И. Ляпушкин	XII—XIII	г. Полтава (п. б. р. Ворскла)
		1961			
		1908	Н. Е. Макаренко		
		1914	Л. В. Падалка		
128	Прилуки	1905	Л. В. Падалка	XI—XIII	г. Прилуки Черниговской обл. (п. б. р. Удай)
		1914			
		1972	ІМС		
		1982	Ю. Ю. Моргунов		
129	Пристромы	1971	М. П. Кучера	»	с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
		1978			
130	Путивль (уроч. Никольская Горка, Городок, Коптева Гора)	1947	Д. Т. Березовец	XII—XIII	г. Путивль Сумской обл.
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1968			
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1979—1981	О. В. Сухобоков		
131	Ратманово	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Ратманово Железногорского р-на Курской обл (п. б. Свапы)
132	Решетники	1907	В. Г. Ляскоронский	»	с. Решетники Новосанжарского р-на Полтавской обл.
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
133	Ромны (уроч. Монастырище)	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	г. Ромны Сумской обл. (л. б. р. Ромна)
		1907	Н. Е. Макаренко		
		1925			
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1959	Ф. Б. Копылов		
		1980	Ю. Ю. Моргунов		
134	Ромны (уроч. Замок или Подгородок)	1980	Ю. Ю. Моргунов	»	г. Ромны Сумской обл. (л. б. р. Ромна, п. б. Сулы)
135	Русанов	1978	М. П. Кучера	»	с. Русанов Броварского р-на Киевской обл. (л. б. р. Днепра)
136	Рыльск (Иванова Гора)	1961	И. И. Ляпушкин	X—XIII	г. Рыльск Курской обл. (п. б. р. Сейм)
137	Рясское	1901	Л. В. Падалка	XII—XIII	с. Рясское Машевского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Орели)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение современное название) *
		год	автор		
138	Сапогово	1969	Ю. А. Липкиинг	XII—XIII	с. Сапогово Золотухинского р-на Курской обл. (близ р. Тускари)
139	Сары	1901, 1907	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Сары Гадячского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Псла)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера О. В. Сухобоков		
140	Светильня	1971, 1978	М. П. Кучера	XII—XIII	с. Светильня Броварского р-на Киевской обл. (п. б. р. Трубежа)
141	Свиридовка	1917	Н. Е. Макаренко	XI—XIII	с. Свиридовка Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1949	В. А. Іллінська		
		1948, 1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
142	Севск	1951	Насонов А. Н.	»	г. Севск Брянской обл. (л. б. р. Севы — л. пр. Неруссы — л. пр. Десны)
143	Сенча	1971	М. П. Кучера	»	с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
144	Сенча (уроч. Замок)	1901	В. Г. Ляскоронский	X—XIII	с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1977	Е. А. Горюнов		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
145	Сенча (уроч. Самсонов Остров)	1901	В. Г. Ляскоронский	XI—XIII	с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. (долина р. Сулы)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1978	А. А. Пускова		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
146	Сиволож	1951	А. Н. Насонов	»	с. Сиволож Борзнянского р-на Черниговской обл. (в междуречье Борзны — Остра)
		1989	Л. Э. Махновець		
147	Синайка	1962	Ю. А. Липкиинг	XII—XIII	с. Синайка Рыльского р-на Курской обл. (п. б. Сейма)
		1969			
148	Скоробагатки-1	1917	Н. Е. Макаренко	X—XIII	с. Гаивщина Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1949	Ф. Б. Копылов		
		1971	М. П. Кучера		
149	Скоробагатки-2	1971	М. П. Кучера	XI—XIII	с. Гаивщина Лохвицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
150	Снитин-1	1897, 1901	В. Г. Ляскоронский	»	с. Снитин Лубенского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
		1917	Н. Е. Макаренко		
		1945	Ф. Б. Копылов		
		1961	И. И. Ляпушкин		
		1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков		
		1981	Ю. Ю. Моргунов		
151	Снитин-2	1971	М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	»	с. Снитин Лубенского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
152	Сребное	1917 1972	Н. Е. Макаренко ІМС УРСР	XI—XIII	пгт Сребное Черниговской обл. (п. б. р. Лысогоры — л. пр. Удая — пр. Сулы)
153	Старый Город	1962, 1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Старый Город Дмитриевского р-на Курской обл. (п. б. Свапы)
154	Сугрово	1962, 1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Сугрово Льговского р-на Курской обл. (л. б. Сейма)
155	Сухоносовка	1949	В. А. Іллінська	»	с. Сухоносовка, Чернухинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Удая)
156	Тарасовка (уроч. Круча или Бурты)	1901 1949 1961 1979 1980	В. Г. Ляскоронский Ф. Б. Копылов И. И. Ляпушкин М. П. Кучера Ю. Ю. Моргунов	»	с. Тарасовка Оржицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
157	Ташань	1917 1971, 1978	Н. Е. Макаренко М. П. Кучера	»	с. Ташань Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (п. б. р. Супоя)
158	Терны-1 (уроч. Бурты или Лесикова Могила)	1901 1905 1961 1971 1972	В. Г. Ляскоронский Д. И. Багалей И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Терны Недригайловского р-на Сумской обл. (л. б. р. Терна — п. пр. Сулы)
159	Терны-2 (уроч. Медведка)	1901 1961 1971 1972	В. Г. Ляскоронский И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков Ю. Ю. Моргунов	»	с. Терны Недрыгайловского р-на Сумской обл. (п. б. р. Терна — п. пр. Сулы)
160	Титово	1969	Ю. А. Липкинг	»	с. Титово Курского р-на Курской обл. (п. б. Рати)
161	Тополя	1840 1857 1905 1930 1961 1971	И. Д. Беляев Филарет Д. И. Багалей С. Магура И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	»	с. Тополя Сумского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
162	Устье (Устя)	1877 1968	М. А. Максимович М. П. Кучера	XI—XIII	(п. б. р. Трубежа). Залито водами Кременчугского вдхр.
163	Хижки	1949 1961	Д. Т. Березовец И. И. Ляпушкин	XII—XIII	с. Хижки Конотопского р-на Сумской обл. (п. б. Сейма)
164	Хитцы (уроч. Коломак)	1949 1952, 1961 1971	Ф. Б. Копылов И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	»	с. Хитцы Лубенского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Удая — п. пр. Сулы)
165	Ховзовка (уроч. Шпиль)	1873 1906 1950	Д. Я. Самоквасов П. М. Еременко И. И. Ляпушкин	»	с. Ховзовка Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Клевени, п. Сейма)
166	Холок	1964	С. А. Плетнева	XI—XIII	с. Холок Новооскольского р-на Белгородской обл. (п. б. р. Оскол)
167	Хорол	1852 1905, 1914 1950	Н. А. Арандаренко Л. В. Падалка КБЧ	»	г. Хорол Полтавской обл. (п. б. р. Хорола)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
168	Хорошево (уроч. Гуляй Горка)	1902 1950 1961 1951, 1962, 1968	Ю. И. Морозов КБИ И. И. Ляпушкин Б. А. Шрамко	XII—XIII	с. Хорошево Харьковского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Уды — п. пр. Север. Донца)
169	Хотмыжск	1950 1886 1927 1961 1971 1976	КБЧ Д. И. Багалей Известия... И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков А. В. Кашкин	»	с. Хотмыжск Борисовского р-на Курской обл. (п. б. р. Ворсклы)
170	Царичанка	1911	В. Г. Ляскоронский	»	пгт Царичанка Днепропетровской обл. (п. б. р. Орели)
171	Червоный Ранок	1873 1874 1961 1975	Д. Я. Самоквасов ИСОЧЕ И. И. Ляпушкин О. В. Сухобоков	»	с. Червоный Ранок, Кролевецкого р-на Сумской обл. (п. б. р. Сейм)
172	Чернухи (уроч. Лесное городище)	1905 1967	Л. В. Падалка ІМС	»	пгт. Чернухи Полтавской обл. (междуречье Удая — Сулы)
173	Чугуев	1950 1902 1905 1962 1975	КБЧ Каталог виставки... Д. И. Багалей Б. А. Шрамко С. А. Плетнева	»	г. Чугуев Харьковской обл. (л. б. Северского Донца)
174	Чутовка	1901 1917 1961 1979 1980	В. Г. Ляскоронский Н. Е. Макаренко И. И. Ляпушкин М. П. Кучера Ю. Ю. Моргунов	XI—XIII	с. Чутовка Оржицкого р-на Полтавской обл. (п. б. р. Сулы)
175	Шевченково (бывшее Гиревка)	1901 1961 1971 1979	В. Г. Ляскоронский И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков Ю. Ю. Моргунов	»	с. Шевченково Конотопского р-на Сумской обл. (л. б. р. Торговица, л. пр. Ромна)
176	Шпилевка (уроч. Шпиль)	1902 1905 1961 1971	А. И. Бунин Д. И. Багалей И. И. Ляпушкин М. П. Кучера, О. В. Сухобоков	XII—XIII	с. Шпилевка Сумского р-на Сумской обл. (п. б. р. Псла)
177	Шуклинка	1927 1961	Л. Н. Соловьев И. И. Ляпушкин	XI—XIII	с. Шуклинка Стрелецкого р-на Курской обл. (п. б. р. Тускари)
			Селища		
178	Бабайковка (уроч. Шинкаревка, Песчаное)	1970	Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, А. О. Беляев и др.	XII—XIII	с. Бабайковка Царичанского р-на Днепропетровской обл (л. б. р. Орели)
179	Бабичевка (уроч. Хорол или Пристань)	1984	ДПСП	»	с. Бабичевка, Глобинского р-на Полтавской обл.
180	Берестовенька	»	»	»	с. Берестовенька Красноградского р-на Харьковской обл.
181	Великая Рублевка	1967 1984	ІМС ДПСП	»	с. Великая Рублевка Котелевского р-на Полтавской обл.
182	Воронинцы	1984	ДПСП	»	с. Воронинцы Оржицкого р-на Полтавской обл.
183	Вязовок (уроч. Драбина)	1949 1984	Ф. Б. Копылов ДПСП	»	с. Вязовок Лубенского р-на Полтавской обл.

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
184	Григоро-Бригадировка (уроч. Гармашева Могила и Петрашково)	1960—61 1984	Д. Я. Телегин, Е. В. Махно, И. Н. Шарафутдинова ДПСП	XII—XIII	с. Григоро-Бригадировка Кобелякского р-на Полтавской обл.
185	Гусаровка	1902	Каталог выставки ...	»	с. Гусаровка Балаклейского р-на Харьковской обл.
186	Демьяновка	1960 1984	Е. В. Махно ДПСП	X—XIII	с. Демьяновка Семеновского р-на Полтавской обл.
187	Духово	1984	ДПСП	»	с. Духово Лубенского р-на Полтавской обл.
188	Завгороднее-1	1976 1984	В. Г. Бородулин ДПСП	XII—XIII	с. Завгороднее Балаклейского р-на Харьковской обл. (в устье Берестянки)
189	Завгороднее-2	1976 1984	В. Г. Бородулин ДПСП	»	с. Завгороднее Балаклейского р-на Харьковской обл.
190	Зачепиловка	1970	Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, А. О. Беляев и др.	»	пгт Зачепиловка Харьковской обл. (л. б. р. Берестовой)
191	Ивано-Ярызовка	1970	Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, А. О. Беляев и др.	»	с. Ивано-Ярызовка Царичанского р-на Днепропетровской обл.
192	Камень	1968	О. В. Сухобоков	XI—XIII	с. Камень Кролевецкого р-на Сумской обл.
193	Комаровка	1967	А. И. Кубышев	X—XV	с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
194	Кубраки	1980	Ю. Ю. Моргунов	XII—XIII	с. Кубраки Недригайловского р-на Сумской обл. (п. б. р. Терна)
195	Кунцево	1948 1961	І. Н. Луцкевич И. И. Ляпушкин	»	с. Кунцево Новосанжарского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Ворсклы)
196	Кустоловы Кущи	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Кустоловы Кущи Кобелякского р-на Полтавской обл.
197	Лебиховка	1966	АПУ	»	с. Лебиховка Глобинского р-на Полтавской обл.
198	Лимановка	1970	Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, А. О. Беляев и др.	X—XIII	с. Лимановка Зачепиловского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Орели)
199	Луговики	1984	ДПСП	»	с. Луговики Чернухинского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Многи)
200	Максимовка	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Максимовка Кременчугского р-на Полтавской обл.
201	Макуховка (уроч. Горбы)	1966 1984	АПУ ДПСП	»	с. Макуховка Полтавского р-на Полтавской обл.
202	Миньковка	1958	Д. Я. Телегин Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с Миньковка Глобинского р-на Полтавской обл.
203	Морозовка	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Морозовка (присоединено к с. Мозолиевка) Глобинского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Сулы)
204	Мошны (уроч. Карпенкова Гора)	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Мошны Глобинского р-на Полтавской обл.

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
205	Недогарки-1	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	XI—XIII	с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл. (у оз. Плавистое)
206	Недогарки-2 (уроч. Песчаная Балка)	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл.
207	Нехвороща	1984	ДПСП	X—XIII	с. Нехвороща Новосанжарского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Орель)
208	Новоселовка	1970	Д. Я. Телегин, И. Ф. Ковалева, А. О. Беляев и др.	XII—XIII	с. Новоселовка Зачепиловского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Орели)
209	Орлик-1	1960—1961/4	Д. Я. Телегин, Е. В. Махно, И. Н. Шарафутдинова	»	с. Орлик Кобелякского р-на Полтавской обл. (близ оз. Кривой Рог)
210	Орлик-2	1960—1961/4	Д. Я. Телегин, Е. В. Махно, И. Н. Шарафутдинова	»	с. Орлик Кобелякского р-на Полтавской обл. (близ оз. Гетманское)
211	Остапье	1960	Е. В. Махно	XI—XIII	с. Остапье Великобагачанского р-на Полтавской обл.
212	Павлово	1905	Д. И. Багалей	XII—XIII	с. Павлово Богодуховского р-на Харьковской обл.
213	Перевязки	1960—1961/4	Д. Я. Телегин, Е. В. Махно, И. Н. Шарафутдинова	»	с. Перевязки (присоединено к с. Дмитровка) Кременчугского р-на Полтавской обл.
214	Потоки	1984	ДПСП	»	с. Потоки Кременчугского р-на Полтавской обл.
215	Пронозовка-1 (уроч. Лаврички)	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	X—XIII	с. Пронозовка Глобинского р-на Полтавской обл.
216	Пронозовка-2	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Пронозовка Глобинского р-на Полтавской обл.
217	Радуцковка (уроч. Калиновник)	1958	Д. Я. Телегин, Р. А. Юра, М. П. Кучера и др.	»	с. Радуцковка Глобинского р-на Полтавской обл.
218	Радянское (уроч. Черненко)	1960—1961/4	Д. Я. Телегин, Е. В. Махно, И. Н. Шарафутдинова	XII—XIII	с. Радянское Кобелякского р-на Полтавской обл.
219	Руновщина (уроч. Руновская Дубрава)	1928	А. К. Тахтай	»	с. Руновщина Полтавского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Свинковки)
220	Саранчовка (на месте снесенного с. Войновка)	1968 1984	АПУ ДПСП	X—XI	с. Саранчовка Зеньковского р-на Полтавской обл.
221	Селещина	1977	С. П. Юренко	XII—XIII	с. Селещина Машевского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Тагамлык)

№ п/п	Название городища, селища	Исследовано, описано		Датировка (век)	Местоположение (современное название) *
		год	автор		
222	Сени	1977	С. П. Юренко	XII—XIII	с. Сени Решетиловского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Ворскла)
223	Сидоряче	»	С. П. Юренко	»	с. Сидоряче Котелевского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Котелевки п. п. Ворсклы)
224	Старый Салтов	1949	И. П. Костюченко	»	с. Старый Салтов Волчанского р-на Харьковской обл. (п. б. р. Северского Донца)
225	Сухе	1961	И. И. Ляпушкин	»	с. Сухе Кобелякского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Псла)
226	Тарасовка (уроч. Слиньков Хутор)	1980 1984	Ю. Ю. Моргунов ДПСП	»	с. Тарасовка Оржицкого р-на Полтавской обл.
227	Харевка (уроч. Упуд)	1952 1984	Д. Т. Березовец ДПСП	XI—XIII	с. Харевка Путивльского р-на Сумской обл. (п. б. р. Сейма)
228	Черкасовка	1977	С. П. Юренко	X—XIII	с. Черкасовка Полтавского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Коломак — л. пр. Ворсклы)
229	Черкасский Бишкинь	1954	Б. Л. Шрамко	XII—XIII	с. Черкасский Бишкинь Змиевского р-на Харьковской обл. (на о. Кузьма)
230	Чернетчина	1947	П. М. Третьяков	XI—XII	с. Чернетчина Ахтырского р-на Сумской обл. (п. б. р. Ворсклы)
231	Чутово	1977	С. П. Юренко	XII—XIII	пгт Чутово Полтавской обл. (л. б. р. Коломак — л. п. Ворсклы)
232	Эсмань	1929	Я. М. Морачевский	XI—XIII	с. Эсмань Глуховского р-на Сумской обл. (в истоках р. Эсмань — пр. Клевени)
233	Ястребщина	1929	Я. М. Морачевский	X—XIII	с. Ястребщина Глуховского р-на Сумской обл. (п. б. р. Рети — пр. Десны)

* Местоположение дано согласно административно-территориальному делению Украины на 1 января 1991 г.

Таблица № 3. Топография находок кладов и единичных монет на территории Переяславской и сопредельных земель VIII—XIII вв. (к карте на с. 170)

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
		Византийские монеты			
1	с. Шпилевка Сумского р-на Сумской обл., 1887 г.	ед. н. милиарисия в кладе куф. монет	Константина VII и Романа II (945—959). Клад зарыт около 990-х годов	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1954 1962 1971
2	с. Коробкино Конышевского р-на Курской обл., 1915 г.	ед. н. зол. номисмы в кладе драгоценностей, обрезана	Романа I, Константина VII и Христофора (921—944), чеканенная в Константинополе около 927 г.	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин	1954 1962 1965
3	с. Коробовы Хутора Змиевского р-на Харьковской обл., до 1905 г.	ед. н.	Льва VI (886—912)	В. В. Кропоткин	1962

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
4	с. Андруши Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., 1950 г.	ед. н. бронзовой монеты	Константина X (1059—1067)	В. В. Кропоткин	1962
5	с. Денисы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., 1912 г.	в кладе куф. монет 3 обл. милиарисиев; обломок медного «варварского» подражания милиарисию	Иоанна Цимисхия (969—976); Василия II и Константина VIII (976—1025)	В. В. Кропоткин Н. Н. Котляр	1962 1971
6	с. Великоселецкое Оржицкого р-на Полтавской обл., около 1895 г.	ед. н. зол. монеты	Василия II и Константина VIII (976—1025)	В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1962 1971
7	с. Великоселецкое Оржицкого р-на Полтавской обл., 1903 г.	в составе клада драгоценностей ед. н. солида и медной золоченой монеты	Василия II и Константина VIII (976—1025); Константина X (1059—1067)	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1954 1962 1971
8	с. Воинская Гребля Глобинского р-на Полтавской обл. (Кременчугское вдхр.), 1956—1959 гг.	девять медных монет	семь датируются второй пол. X—XI в. (Михаила IV, Феодоры, Романа III, Константина X); две анонимные	В. Й. Довженок, В. К. Гончаров, Р. О. Юра В. В. Кропоткин	1966 1962
9	с. Воинская Гребля, 1955 г.	ед. н. медной монеты	времен Латинской империи (1204—1361)	В. Й. Довженок и др.	1966
10	г. Купянск Купянского р-на Харьковской обл., до 1888 г.	ед. н. медной монеты	Михаила VII Дуки (1071—1078)	В. В. Кропоткин	1962
11	с. Гаевка Борисовского р-на Белгородской обл., 1904 г.	две номисмы в кочевн. погребении	Василия II и Константина VIII (976—1025)	В. В. Кропоткин	1962 1965
12	с. Моисеевка Дмитриевского р-на Курской обл., 1866 г.	ед. н. серебр. монеты в кладе куф. дирх.	Михаила III (842—867)	В. В. Кропоткин	1962
13	с. Завалишино Старооскольского р-на Белгородской обл., 1927 г.	ед. н. серебр. монеты в кладе куф. дирх. начала IX в.	Льва IV Хазара с сыном Константином (775—780)	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич	1962 1976
14	Старобельский р-н Луганской обл., до 1888 г.	находки монет	VI—IX вв.	В. В. Кропоткин	1962
50	с. Столбица Волоконовского р-на Белгородской обл., 1869 г.	два солида в кочевнич. погребении	Феодосия III (715—716) и Льва III Исавра (716—741)	В. В. Кропоткин	1962 1965
51	г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл., 1830 г.	несколько константинопольских монет		В. В. Кропоткин	1965
52	г. Кременчуг Кременчугского р-на Полтавской обл., 1940 г.	ед. н. херсоно-византийской монеты	Василия I (867—886)	В. В. Кропоткин	1965
53	с. Спасское Кролевецкого р-на Сумской обл., 1879 г.	клад золотых монет	Константина X (1059—1067), Иоанна II Комнина (1118—1143), Мануила I Комнина (1143—1180)	В. В. Кропоткин	1962 1965

п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
54	г. Нежин Нежинский р-н Черниговской обл., 1917 г.	ед. н. византийских монет	Льва V (813—820), Льва VI и Александра (886—912)	В. В. Кропоткин	1965
55	г. Полтава, до 1903 г.	двадцать золотых монет	XII в.?	В. В. Кропоткин	1962
56	о. Майстров Солонянского р-на Днепропетровской обл., до 1851 г.	ед. н. золотой монеты	Константина X Дуки (1059—1067)	В. В. Кропоткин	1962
57	о. Хортица, XIX в.	находки зол. монет	XI в.?	В. В. Кропоткин	1962
58	р. Конка, л. пр. Днепра Запорожской обл., до 1873 г.	клад золотых монет	Василия I (876—886), Романа II (959—963), Иоанна Цимисхия (969—976), Константина VIII (1025—1028) и Константина X (1059—1067)	В. В. Кропоткин	1962
77	г. Станислав Белозерского р-на Херсонской обл., до 1930 г.	клад золотых монет	солиды Константина VII и Романа II (945—959)	В. В. Кропоткин	1962
78	Очаковский р-в Николаевской обл., (на Кинбурнской косе), 1863 г.	»	не установлена	»	1962
79	с. Малые Копани Голопристанского р-на Херсонской обл.	подражание милиарисию	Василия II и Константина VIII (976—1025)	В. В. Кропоткин К. В. Голенко	1967 1961
		Куфические	**монеты**		
1	с. Шпилевка Сумского р-на Сумской обл., 1887 г.	клад	896/97—966/67 **гг.**	А. К. Марков Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр В. П. Даркевич А. В. Фомин	1910 1954 1962 1971 1976 1982
5	с. Денисы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., 1912 г	»	805/6—1008/9 **гг.**	В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр В. П. Даркевич	1962 1971 1976
12	с. Моисеевка Дмитриевского р-на Курской обл., 1866 г.	»	789/90—868/69	А. К. Марков В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1910 1962 1976 1982
13	с. Завалишино Старооскольского р-на Белгородской обл., 1927 г.	»	809/10 **г.**	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1962 1971 1976 1982
15	г. Харьков, 1959 г.	ед. н. дирхема; ед. н. подраж. куф. дирх.	780 **г.** X в.	Б. А. Шрамко В. В. Кропоткин	1962 1971
16	с. Безлюдовка Харьковского р-на Харьковской обл., 1930 г.	клад подраж. саманид. дирхемам — 1054 экз.	925/36 **г.**	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1971 1976 1982
17	г. Полтава, 1898 г.	клад	IX	А. А. Марков Н. Ф. Котляр В. П. Даркевич А. В. Фомин	1910 1971 1976 1982

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка: автор	год
21	с. Нижняя Сыроватка Сумского р-на Сумской обл.,	клад	812/13 г.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич В. Л. Янин А. В. Фомин	1968 1976 1956 1982
22	с. Погребное Курской обл., 1879 г.	»	874 г.	А. К. Марков А. В. Фомин	1910 1982
23	с. Новотроицкое Лебединского р-на, Сумской обл.	»	818/19 г.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1971 1976 1982
24	г. Курск, 1946 г.	»	942/43 г.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич	1971 1976
29	с. Вторая Воробьевка Золотухинского р-на Курской обл., 1964 г.	»	975/76 г.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1971 1976 1982
30	с. Коренная Пустынь Курской обл., 1903 г.	»	X в.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич А. В. Фомин	1971 1976 1982
31	с. Береза Дмитриевского р-на Курской обл., 1910 г.	»	951/52 г.	В. В. Кропоткин В. П. Даркевич	1971 1976
32	с. Липино Курской обл., 1951 г.	ед. н.	865 г.	В. В. Кропоткин	1971
33	с. Липино Курской обл., 1948 г.	ед. н. саманид. дирхема	X в.	Т. В. Равдина	1988
34	с. Шуклинка Курской обл., 1948 г.	»	первая половина X в.	В. В. Кропоткин	1971
35	с. Новотроицкое Лебединского р-на Сумской обл., 1952—1954 гг.	клад куф. дирхемов	833 г.	В. В. Кропоткин	1971
36	с. Петровское Тростянецкого р-на Сумской обл., 1956 г.	ед. н. саманид. дирхема	904/5 г.	В. В. Кропоткин	1971
37	с. Бондари Бахмачского р-на Черниговской обл., 1913—1914 гг.	клад	951/52 г.	В. В. Кропоткин А. В. Фомин	1971 1982
38	с. Глинск Роменского р-на Сумской обл., 1889 г.	ед. н. дирхема — Наср ибн Ахмад	914—943 гг.	А. А. Марков В. М. Потин Т. В. Равдина	1910 1971 1988
39	с. Липлявэ Каневского р-на Черкасской обл., 1949 г.	ед. н. подражания куф. дирхему	X в.	В. М. Щербаковский Т. В. Равдина	1925 1988
40	г. Остер Козелецкого р-на Черниговской обл., 1911 г.	ед. н.	недат.	В. В. Кропоткин	1971
47	с. Каменка Двуречанского р-на Харьковской обл., 1914 г	клад куф. дирхемов	»	В. В. Кропоткин	1971
48	с. Каменка Двуречанского р-на Харьковской обл., 1916 г.	»	»	В. В. Кропоткин	1971
49	с. Райгородок Славянского р-на Донецкой обл., 1901 г.	ед. н.	815/16 г.	В. В. Кропоткин	1971
59	г. Змиев Харьковской обл., 1884 г.	ед. н. куф. дирх.	756/57 г.	Н. Ф. Котляр	1971

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
60	Змиевский р-н Харьковской обл., 60-е гг., XIX в.	ед. н. аббасид. дирх.	756/57	Н. Ф. Котляр	1971
61	г. Купянск Харьковской обл., 1885 г.	ед. н. куф. дирх., чекан. в Багдаде	778/79 г.	Н. Ф. Котляр	1971
62	Купянский р-н Харьковской обл.	ед. н. куф. дирх.	786 г.	Н. Ф. Котляр	1971
63	с. Великая Бабка Чугуевского р-на Харьковской обл.	ед. н. куф. дирх. табарист. Испегбеда Омара	746 г.	Н. Ф. Котляр	1971
64	с. Верхний Салтов Волчанского р-на Харьковской обл.	серебр. монета табарист. Испегбеда Омара	VIII в.	Н. Ф. Котляр	1971
68	хут. Высочинов Беловодского р-на Луганской обл.	клад илекских монет	XI в.	Б. А. Шрамко	1962
		Западноевропейские монеты			
27	Остерский р-н Черниговской обл.	клад	X—XI в.	В. М. Потин Н. Ф. Котляр	1967 1971
5	с. Денисы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.	в кладе серебряных украшений 16 целых и 20 обл. западноевропейских монет	**Англия** — 1, Этельреда II (979—1016); **Германия** — 22 (из них 10 обл.): Верден, Генриха I (919—936) — 1; Девентер, Оттона III (983—996) — 1; монеты Оттона I и Адельгейды — 6; Майнц, Оттона II (973—983) — 1; Вормс, Оттона II (973—983) — 1; Констанц, Оттона III (983—996) — 1 (обл.); Хур, епископ Ульриха (1002—1026) — 1; Аусбург, епископ Ульриха (923—973) — 1; епископ Генриха (973—982) — 1. **Германия** — 7 неопределенных монет. Дания. Хедебю, полубрактеаты 940—960 гг.; **Чехия** — 5 (из них 1 — обл.): Болеслава II — (967—999) — 4; Болеслава Храброго, 1003 г. — 1; **Вендки** — 6 (все обл.).	В. М. Потин Н. Ф. Котляр	1967 1971
41	г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл.	ед. н. денария	Евера, герц. Ордульфа (1059—1091)	В. М. Потин	1967
42	г. Переяслав-Хмельницкий	ед. н. серебряной монеты	Оттона и Адельгейды (990—995)	В. М. Щербаковский В. М. Потин Т. В. Равдина	1925 1971 1988

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
43	Суджанский р-н Курской обл. (Белогорская пустынь)	ед. н. денария	Гронинген, епископа Бернольда (1027—1054)	Д. Я. Самоквасов	1878 1892 1908
				В. М. Потин	1967 1971
				Т. В. Равдина	1988
44	с. Гочево Обоянского р-на Курской обл.	в курганных захоронениях № 37 и 68 выявлены 17 монетовидных привесок	являются брактеатными стилизациями денариев X—XI вв.	Т. В. Равдина	1988
64	с. Гочево	две западноевроп. серебр. монеты	XI в.	В. М. Потин	1967
		Древнерусские монеты			
20	г. Нежин Черниговской обл., 1852 г.	клад заключающий около 200 монет: сребреников Владимира II—IV типов, Святополка и обоих монетных типов с именем Петра	начало XI в.	М. П. Сотникова, И. Г. Спасский	1983
28	г. Борисполь Киевской обл., около 1815 г.	ед. н. сребр. Вл. Св., тип III	начало XI в.	М. П. Сотникова, И. Г. Спасский	1983
5	с. Денисы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., 1912 г.	в кладе вместе с западноевропейскими, куфическими и индийскими монетами обнаружено 6 сребреников Владимира (тип II—IV) и 1 с именем Петра	20-е гг. XI в.	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин В. М. Потин М. П. Сотникова, И. Г. Спасский	1954 1962 1967 1993
45	с. Липлявэ Каневского р-на Черкасской обл., в 1913—1914 гг.	ед. н. сребр. Вл. Св., тип III	начало XI в.	В. М. Потин В. М. Щербаковский М. П. Сотникова, И. Г. Спасский Т. В. Равдина	1971 1925 1983 1988
46	с. Липино Курского р-на Курской обл., 1948 г.	ед. н. сребр. Вл. Св., тип I	конец X в.	В. Л. Янин И. П. Русанова В. М. Потин М. П. Сотникова, И. Г. Спасский Т. В. Равдина	1956 1966 1971 1983 1988
58	р. Конка, л. пр. Днепра Запорожской обл.	в составе клада визант. золотых монет обнаружены 3 златника Вл. Св.	конец X в.	В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1962 1971
		Древнерусские гривны			
7	с. Великоселецкое Оржицкого р-на Полтавской обл.	находка монетной гривны «золотистого серебра» вместе с зол. виз. монетой Василия II и Константина VIII	первая половина XI в.	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1954 1962 1971
18	с. Великоселецкое Оржицкого р-на Полтавской обл., 1903 г.	в составе клада драгоценностей две серебрянных гривны	вторая половина XI в.	Г. Ф. Корзухина В. В. Кропоткин Н. Ф. Котляр	1954 1962 1971

№ п/п	Место находки*, год	Клад, единич. находка	Датировка	Исследована, описана находка	
				автор	год
19	с. Супоивка Яготинского р-на Киевской обл., 1898 г.	29 киевских гривен в составе клада драгоценностей	70-е гг. XII в.— 1240 год	Г. Ф. Корзухина Н. Ф. Котляр	1954 1971
	Безмонетные (исключительно вещественные) клады				
25	г. Полтава, 1905 г.	клад	IX, на рубеже IX—X вв.	Г. Ф. Корзухина	1954
26	с. Ивахники Лохвицкого р-на Полтавской обл.	»	»	»	»
66	близ г. Переяслава-Хмельницкого Киевской обл., 1912 г.	»	XI, на рубеже XI—XII вв.	»	»
67	близ г. Переяслава-Хмельницкого Киевской обл., 1884 г.	»	между 70-ми годами XII в. и 1240 г.	»	»
	Клады драгоценностей, содержащие монеты и монетные гривны				
1	с. Шпилевка	клад	вторая половина X в.— рубеж X и XI вв.	Г. Ф. Корзухина	1954
2	с. Коробкино	»	»	»	»
5	с. Денисы	»	»	»	»
7	с. Великоселецкое	»	XI в.— рубеж XI и XII вв.	»	»
19	с. Супоивка	»	70-е гг. XII в.— 1240 г.	»	»
	Находки восточных монет на Рязанской «Украине»				
69	г. Бобров Воронежской обл., 1887 г.	ед. н. куф. дирхема	ие датирована	В. В. Кропоткин	1971
70	с. Борщево Хохольского р-на Воронежской обл., около 1862 г.	ед. н. саманид. дирхема	914/915 г.	»	»
71	с. Девица Воронежского р-на Воронежской обл., 1938 г.	клад куф. монет	837/838 г.	»	»
72	с. Малое Борщево Хохольского р-на Воронежской обл., 1966 г.	»	927/928 г.	»	»
73	с. Нижнепокровка Острогожского р-на Воронежской обл.	»	IX в.	»	»
74	с. Титчиха Давыдовского р-на Воронежской обл., 1957 г.	»	922/923 г.	»	»
75	с. Титчиха	шесть дирхемов	X в.	»	»
76	с. Урыв Коротоякского р-на Воронежской обл., 1928 г.	ед. н. дирхема	VIII в.	»	»

* Местонахождение дано согласно административно-территориальному делению Украины на 1 января 1991 г.

Таблица № 4. **Местоположения «Змиевых валов» на Днепровском Левобережье**

№ п/п	Название	Исследована, описана находка: автор	год	Датировка	Локализация
1	Баляснеиский	Л. В. Падалка	1905	?	с. Балясное Дикаиського р-иа Полтавской обл. (л. б. р. Голтвы)
2	Бобрицкий	Л. В. Падалка	1905	?	Между селами Бобрик и Веприк Гадячского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Псла)
3	Большой переяславский	М. А. Максимович	1877	X—XI	От с. Вьюнище до с. Строкова Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
		В. Б. Антонович	1884		
		В. Г. Ляскоронский	1911		
		Л. В. Падалка	1914		
		Б. А. Шрамко	1966	VI в. до н. э.	
		М. П. Кучера	1987		
4	Васьковский	Л. В. Падалка	1905	?	Близ с. Васьковцы, Сребнянского р-на, Черниговской обл. (от уроч. Вакуловщина — до уроч. Шелковый яр)
5	Великодевицкий	Л. В. Падалка	1905	?	Близ с. Великая Девица Прилукского р-на Черниговской обл.
6	Лютенский	Л. В. Падалка	1905	?	Близ с. Лютеньки Гадячского р-на Полтавской обл. (л. б. р. Псла)
7	Малый переяславский	М. А. Максимович	1877	X—XI	От с. Хоцки до с. Гайшина, Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.
		В. Г. Ляскоронский	1911		
		І. М. Самойловский	1971		
		Б. А. Шрамко	1966	VI в. до н. э.	
8	Нежинский	Rizzi Zannoni	1772		От Нежина к Десне в направлении Моровска
9	Перекопский	КБЧ	1950	III в.	Между верховьями рек Коломака и Мжи Валковского р-на Харьковской обл. (возле с. Перекоп)
10	Песчанский	Л. В. Падалка	1905	?	с. Песчаное Решетиловского р-на Полтавской обл. (п. б. р. Голтвы — л. пр. Псла)
11	Поворсклинские валы	В. Г. Ляскоронский	1907		Между селами Куземин — Бельск — Глинск — Опошня и далее на юг (Сумская обл., Полтавская обл.)
		В. А. Ильинская		VII—V вв до н. э.	
		А. И. Тереножкин	1983		
		Б. А. Шрамко	1987		
12	Поднепровский	Л. В. Падалка	1914	X—XI	Вдоль левого берега Днепра от с. Киилова, Бориспольского р-на Киевской обл. до г. Градижска Полтавской обл.
		М. П. Кучера	1974, 1975, 1979, 1987		
13	Поорельский	В. Г. Ляскоронский	1901 1911	?	Вдоль п. берега Берестовой и Орели от Красноград до Днепра; от с. Орчика до с. Китайгород и пгт Царичанка
		Л. В. Падалка	1905, 1914		
		В. Г. Ляскоронский			
14	Посульская линия	В. Г. Ляскоронский	1901	XI	От г. Лубны до Днепра вдоль правого берега Сулы
		Л. В. Падалка	1914		
		М. П. Кучера	1979, 1987		
15	Роменский	Ю. Ю. Моргунов	1978	?	Близ Чернечей Слободы Роменского р-на Сумской обл. (уроч. Колядыха)
		Л. В. Падалка	1905		
16	Ташанский	М. А. Максимович	1871	?	От р. Супоя северней с. Ташани на запад к Малому переяславскому валу
		М. П. Кучера	1987		
17	Шишацкий	Л. Б. Падалка	1905, 1914	?	От Ворсклы (севернее Полтавы) до пгт Шишаки и далее в северо-западном направлении

Таблица № 5. **Переяславские князья XI—XIII вв.**

Имя князя	Дата княжения	Имя князя	Дата княжения
Всеволод Ярославич	1054—1073	Мстислав Изяславич	1147—1148
Владимир Мономах	1073—1076	Юрий Владимирович, в третий раз	1149
Ростислав Всеволодович	1076—1093	Ростислав Юрьевич	1149—1151
Владимир Мономах, вторично	1094—1113	Юрий Владимирович, в четвертый раз	1151
Святослав Владимирович	1113	Глеб Юрьевич	1151
Ярополк Владимирович	1113—1118	Мстислав Изяславич, вторично	1151—1154
Глеб Владимирович	1118—1125	Глеб Юрьевич, вторично	1155—1169
Ярополк Владимирович, вторично	1125—1132	Владимир Глебович	1169—1174
Всеволод Мстиславич	1132	Михалко Юрьевич	1174—1175
Юрий Владимирович (Долгорукий)	1132	Владимир Глебович, вторично	1175—1187
Изяслав Мстиславич	1132	Ярослав Мстиславич	1199
Вячеслав Владимирович	1132—1134	Константин Всеволодович	1201
Юрий Владимирович (Долгорукий), вторично	1134—1135	Ярослав Всеволодович	1201—1206
Андрей Владимирович	1135—1142	Михаил Всеволодович	1206
Вячеслав Владимирович, вторично	1142	Владимир Рюрикович	1206—1215
Изяслав Мстиславич, вторично	1143—1146	Владимир Всеволодович	1215
		Всеволод Константинович	1227—1228
		Святослав Всеволодович	1228

Таблица № 6. **Переяславские епископы XI—XIII вв.**

Имя епископа	Дата пребывания на кафедре	Имя епископа	Дата пребывания на кафедре
Леонтий	1054—1061 * 1071	Марко	1130 * 1134
Николай	1071 * 1072	Макарий	1134 * 1140
Петр	1072 1075	Евфимий	1141 1149
Ефрем	1075 * 1096	Василий	1157 *
Симеон	1097 1105 *	Феодор	1168 *
Лазарь	1105 1117	Павел	1198 *
Сильвестр	1118 1123	Симеон	* 1239
Иоани	1123 1130 *	Феогност	1269 1279

* Астериском обозначается неустановленная дата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ПРИЛОЖЕНИЮ

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор.— М.; Л., 1949.— 603 с.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.— М.; Л., 1958—1978.— Т. 1—3.

Александров А. Н. Долина р. Сейма // Тр. МАО.— М., 1914.— Т. 23.— Вып. 2.— С. 312—313.

Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до поч. XVI ст. // Зап. іст.-філ. від. УАН.— 1928.— Кн. 20.

Андріяшев О. Нарис історії колонізації Переяславської землі до поч. XVI ст. // Зап. іст.-філ. від. ВУАН.— 1931.— Кн. 26.— С. 1—29.

Арандаренко Н. Записки о Полтавской губернии.— Полтава, 1852.— Ч. 1—3.

Археологічні пам'ятки Української РСР (Корот. список).— К., 1966.— 464 с.

Арцыбашев Н. С. Повествование о России.— М., 1838—1843.— Т. 1—3.

Асєєв Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О. Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяславі-Хмельницькому // Вісн. Акад. буд-ва і арх.— 1962.— № 4.— С. 57—61.

Асєєв Ю. С. Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава // Вісн. Київ. ун-ту.— 1967.— № 8, вип. 1.— С. 45—58.

Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА.— 1967.— № 1.— С. 199—214.

Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И. Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком // Славяне и Русь.— Киев, 1979.— С. 122—136.

Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII вв.— Харьков, 1886—1890.— Т. 1—2.

Багалей Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. XII АС.— М., 1905.— Т. 1.— С. 1—93.

Балакин С. А., Козловский А. А., Телегин Д. Я. Раскопки у с. Игрень на Днепре // АО, 1978.— М., 1979.— С. 294—295.

Барсов Н. П. Географический словарь Русской земли (IX—XIV ст.) // Материалы для ист.-географ. словаря России.— Вильна, 1865.— 286 с.

Барсов Н. П. Очерки исторической географии.— Варшава, 1885.— 371 с.

Беляев И. Д. О сторожевой, и станичной, и полевой службе на Польской Украине Московского государства.— М., 1846.— С. 18—21.

Березовець Д. Т. Звіт про розвідки на Путивльщині в 1947 р. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1947 / 30.

Березовец Д. Т. Отчет о работе Сеймской славянской экспедиции // Там же.— Ф. 1949 / 9.

Березовец Д. Т. Отчет о работе славянского отряда Сеймско-Деснянской экспедиции 1950 г. // Там же.— Ф. 1950 / 2а.

Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. // АП УРСР, 1955.— № 5.— С. 49—66.

Білецький А. О. Борістенес — Данапріс — Дніпро // Питання топоніміки та ономастики.— К., 1962.— С. 54—61.

Бодянський О. В. Загальний відчит за археологічні дослідження в порожистій частині Дніпра 1949 р. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1949 / 36.

Бодянський О. В. Звіт за археологічні відкриття в Надпоріжжі за 1953 р. // Там же.— Ф. 1953 / 4д.

Бодянский П. Памятная книга Полтавской губернии за 1865 г.— Полтава, 1865.— 240 с.

Богданович А. В. Сборник сведений о Полтавской губернии.— Полтава, 1877.— 283 с.

Богусевич В. А., Гончаров В. К., Довженок В. И., др. Отчет о работе Кременчугской древнерусской археологической экспедиции 1957 г. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1957 / 3.

Богусевич В. А. Остерский городок // КСИА.— Киев, 1962.— Вып. 12.— С. 37—42.

Бородулин В. Г. Работы Харьковского исторического музея // АО, 1975.— М., 1976.— С. 308.

Брайчевская А. Т. Отчет о работе Надпорожского отряда раннеславянской экспедиции 1955 г. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1955 / 106.

Брайчевская А. Т. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье // МИА, 1963.— № 108.— С. 251—282.

Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятки Дніпропетровського Надпоріжжя // АП УРСР, 1962.— № 12.— С. 155—181.

Брайчевський М. Ю., Асеев Ю. С. Археологические исследования в Переяславе-Хмель-

ницком в 1958 г. // КСИА АН УССР.— 1960.— Вып. 81.— С. 112—116.

Брахнов В. М. Про місцеві назви Переяслав-Хмельницького району на Київщині // Мовознавство.— 1957.— Т. 14.— С. 40—51.

Бунин А. И. Где находились города Липецк и Воргол, а также другие места, упоминаемые в летописи под 1283—1284 гг. // Тр. XI АС.— М., 1902.— Т. 2.— С. 66—71.

Виноградський Ю. С. Назви міст, сіл та річок Чернігівщини // Мовознавство.— 1957.— Т. 14.— С. 29—39.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // КСИИМК.— М.; Л., 1949.— Вып. 24.— С. 67—77.

Воссоединение Украины с Россией. Док. и материалы: В 3 т.— М., 1954.

Всемирная история: В 10 т.— М., 1957.— Т. 3.

Гамченко С. С. Археологічні досліди року 1928 на Дніпрельстані // НА ИА АН Украины.— Ф. 41 / 1.

Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию.— М., 1958.— 317 с.

Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Тр. XIII АС.— М., 1908.— Т. 2.— С. 1—50.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Киев, 1884.— 254 с.

Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол, Глебль, Зарытый, Оргощ, Сновск, Уиенеж, Хоробор? // ЖМНП.— 1903, май.— С. 117—130.

Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII АС // Тр. XII АС.— 1905.— Т. 1.— С. 110—130.

Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка.— Тифлис, 1896.— 452 с.

Горяев Н. В. Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке.— Тифлис, 1905.— 53 с.

Грінченко Б. Д. Словник української мови.— К., 1958—1959.— Т. 1—4.

Грінченко В. А. Щоденник розкопів на острові Перуні року 1929. Зошит № 4 // НА ИА АН Украины.— Ф. 19.— № 55.

Гринченко В. А. Дневники 1930 г. // Там же.— Ф. 105.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955.— Т. 1—4.

Данилевич В. Е. Донецкое и Хорошевское городища // Сб. ХИФО, 1902.— № 13.— С. 227—229.

Данилевич В. Е. Донецкое городище и г. Донец // АЛЮР.— 1904.— № 3.— С. 183—228.

Данилевич В. Е. Донецкое городище и город Донец // Там же.— 1905.— № 4—5.— С. 183—197.

Данилевич В. Е. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. // Тр. КГУАК.— Курск, 1911.— Вып. 1.— С. 127—180.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения вост. торевтики на тер. Европ. части СССР и Зауралья.— М., 1976.— 199 с.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м отделением собственного его императорского величества канцелярии.— Спб., 1850—1855.— Т. 1—4.

Дмитрюков А. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестн. Русск. геогр. об-ва.— Спб., 1854.— Ч. 2, кн. 4.— С. 26—36.

Добровольський А. В. Селище з землянок: лівий берег Дніпра в околицях с. Кічкас, 1928 р. // НА ИА АН Украины.— Ф. 18.— № 7.

Довженок В. Й. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської обл. // АП УРСР.— 1952.— № 3.— С. 251—270.

Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь.— К., 1966.— 148 с.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья.— Киев, 1984.— 196 с.

Дяченко О. Г. З історії вивчення слов'янських пам'яток у басейні Сіверського Дінця // Вісн. Харків. ун-ту.— 1978.— № 167, вип. 10.— С. 86—93.

Дьяченко А. Г. Исследования славянских памятников в бассейне Северского Донца // АО, 1977.— М., 1978.— С. 322—323.

Дьяченко А. Г. Новые исследования Донецкого городища // АО, 1978.— М., 1979.— С. 291—292.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.— К., 1985.— 256 с.

Етимологічний словник української мови.— К., 1982—1989.— Т. 1—3.

Еременко П. М. Могильники и городища Глуховского и Сурожского уездов // Тр. Москов. предварит. комитета XIV АС.— М., 1908.— Вып. 1.— С. 97—105.

Жучкевич В. А. К вопросу о балтском субстрате в этногенезе белорусов // СЭ.— 1968.— № 1.— С. 107—113.

Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 118—144.

Зайцев А. К. Черниговское княжество X—XIII вв. (Историко-географическое исследование): Дис. ... канд. ист. наук. Приложения.— М., 1976.— Машинопись.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии.— Чернигов, 1874.— К. 6, 7.

Изв. Курск. губерн. об-ва краеведения.— Курск, 1927.— № 3.— С. 83.

Іллінська В. А. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. // АП УРСР.— 1949.— № 1.— С. 139—148.

Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Київська область. К., 1971.— 791 с.; Полтавська область.— К., 1967.— 1028 с.; Сумська область.— К., 1973.— 694 с.; Харківська область.— К., 1967.— 1002 с.; Черкаська область.— К., 1972.— 788 с.; Чернігівська область.— К., 1972.— 780 с.

Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком // Зодчество Украины.— К., 1954.— С. 271—296.

Карамзин Н. М. История Государства Российского.— Спб., 1892.— 1—5.

Каталог выставки XII АС в Харькове.— Харьков, 1909.— 544 с.

Кашкин А. В. Отчет о работе Центрально-черноземного отряда ИА АН СССР // НА ИА АН СССР.— 1976.— ф. Р — 1.— № 5875.

Кибальчич Т. Б. Древности.— Киев, 1876.— С. 10—44.

Кіліевич С. Р. Археологічні розкопки біля с. Жовнин // Археологія.— 1965.— Т. 19.— С. 189—195.

Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли.— Одесса, 1912.— Т. 1.— 600 с.

Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 г.— 2-е изд.— М.; Л., 1950.

Козловська В. Є. Розкопки на території стародавнього Бориспільського городка // Коротке звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925.— К., 1926.— С. 92—93.

Козловська В. Е. Розкопки в Бориспільському районі // Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік.— К., 1927.— С. 50.

Копилов Ф. Б. Посульська експедиція 1945—1946 рр. // АП УРСР.— К., 1949.— Т. 1.— С. 246—253.

Копилов Ф. Б. Посульська експедиція 1947—1948 рр. // Там же.— С. 250—253.

Копилов Ф. Б. Посульська експедиція // Там же.— К., 1952.— Т. 3.— С. 307—311.

Кордт В. Матеріали до історії картографії України.— К., 1921.— Ч. 1.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII в.— М.; Л., 1954.— 156 с.

Костюченко И. П. Отчет об археологической разведке, проведенной в 1949 г. в северо-восточной части Харьковской области // НА ИА АН Украины.— Ф. 1949 / 11.

Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К., 1971.— 174 с.

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, Е4—4.— М., 1962.— 64 с.

Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ.— М., 1965.— Т. 26.— С. 166—189.

Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 72—79.

Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ.— 1971.— Т. 9.— С. 76—97.

Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки ист. географии.— М., 1948.— 162 с.

Курилов И. А. Роменская старина.— Ромны, 1898.— 345 с.

Курск. Очерки по истории города.— Курск, 1957.— С. 7—25.

Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону Інституту археології АН УРСР за 1971 р — К., 1971.— 71 с. // НА ИА АН Украины, ф. 1971 / 17а.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону ІА АН УРСР по обстеженню Київщини у 1971 р. // НА ИА АН Украины, ф. 1971 / 17.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1972 р.— К., 1972.— 17 с. // Там же.— Ф. 1972 / 24.

Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов в 1979 г. // Там же.— Ф. 1979 / 24.

Кучера М. П. Древньоруське городище в хут. Міклашевському // Археологія.— 1962.— Т. 14.— С. 89—108.

Кучера М. П. Древньоруське городище біля хут. Кизивер // Там же.— 1964.— Т. 16.— С. 103—118.

Кучера М. П. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Там же.— 1969.— Т. 22.— С. 180—195.

Кучера М. П. До питання про давньоруське місто Устя на р. Трубіж // Там же.— 1968.— Т. 21.— С. 244—249.

Кучера М. П. Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Там же.— 1970.— Т. 24.— С. 217—225.

Кучера М. П. Процівське городище на Київщині // Там же.— 1972.— Вип. 5.— С. 109—113.

Кучера М. П. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Там же.— 1978.— Т. 26.— С. 21—31.

Кучера М. П. Вивчення пам'яток давньоруського часу на території УРСР // Там же.— С. 77—83.

Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья.— К., 1987.— 208 с.

Кучера М. П., Юра Р. О. Дослідження змійових валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'яноруської археології.— К., 1976.— С. 198—216.

Кучера М. П., Юра Р. А. Новые данные о «Змиевых валах» Среднего Поднепров'я // Новейшие открытия советских археологов.— Киев, 1975.— Ч. 3.— С. 90—91.

Лазаревский А. Описание старой Малороссии.— Киев, 1838—1902.— Т. 1—3.

Латино-русский словарь.— М., 1952.— 763 с.

Лашкарев П. А. Церковно-археологические очерки. Статьи и рефераты.— Киев, 1898.— С. 221—225.

Левшин А. Письма из Малороссии.— Харьков, 1816.

Лихачев Д. С. Статьи и комментарии к «Повести временных лет» // ПВЛ.— М.; Л., 1950.— Ч. 2.— 552 с.

Літопис руський.— К., 1989.— 592 с.

Лохвицкий исторический сборник.— Киев, 1906.— 409 с.

Липкинг Ю. А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Уч. зап. Кур. пед. ин-та.— 1969.— Т. 60.

Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР 1947 г.— Киев, 1947.— 37с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1947 / 21.

Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1948 г.— Киев, 1948.— 48 с. // Там же.— Ф. 1948 / 23.

Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // КСИИМК.— 1946.— Вып. 12.— С. 117—126.

Ляпушкін І. І. Дослідження Дніпровської лівобережної експедиції 1947—1948 рр. // АП УРСР.— К., 1952.— Т. 3.— С. 285—301.

Ляпушкін І. І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території Полтави // АП УРСР.— К., 1949.— Т. 1.— С. 58—75.

Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА.— 1952.— Вып. 16.— С. 7—41.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА.— М.; Л., 1961.— № 104.— 357 с.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА.— Л., 1968.— № 152.— 192 с.

Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.— Киев, 1897; 2-е изд.— Киев, 1903.— 422 с.

Ляскоронский В. Г. К вопросу о переяславских торках.— Спб., 1905.— 28 с.

Ляскоронский В. Г. Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России.— Киев, 1901.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и змиевые валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС в Киеве. 1899.— М., 1901.— Т. 1.— С. 456—458.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные змиевые валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС в Екатеринославе. 1905.— М., 1907.— Т. 1.— С. 158—198.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы, майданы и длинные змиевые валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV АС в Чернигове, 1909.— М., 1911.— С. 1—82.

Магура С. Археологічні досліди на Сумщині року 1929 // ХрАМ.— К., 1930.— Ч. 1.— С. 33—36.

Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК.— Спб., 1906.— Вып. 19.— С. 119—120.

Макаренко Н. Е. Отчет об археологических обследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // Там же.— Спб., 1907.— Вып. 22.— С. 87—88.

Макаренко Н. Е. Городища и курганы Полтавской губернии.— Полтава, 1917.— 106 с.

Макаренко М. Є. Городище Монастирище // Наук. зб. за рік 1924.— К., 1925.— Вып. 19.— С. 1—23.

Максимович М. А. О переяславских валах // Тр. I АС в Москве. 1869 г.— М., 1871.— Т. 1.— С. 75—76.

Максимович М. А. Собрание сочинений.— Киев, 1876—1877.— Т. 1—3.

Марков А. К. Топография кладов восточных монет, сасанидских и куфических.— Спб., 1910.

Махно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР // МИА.— 1960.— № 82.— С. 9—83.

Махновець Л. Є. Географічно-археологічно-етнографічний покажчик // Літопис руський.— К., 1989.— С. 531—577.

Морачевський Я. М. Щоденник археологічної експедиції по рр. Клевені, Свісі, Лохні, Іваті в 1929 р. // НА ИА АН Украины.— Ф. ВУАК.— № 309.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1973 г. на территории Черниговской области УССР.— Москва, 1973.— 33 с. // НА АН СССР, ф. Р — 1.— № 6900.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе разведгруппы ИА АН СССР на территории Сумской области УССР в 1972 г.— Киев, 1972.— 21 с. // НА ИА АН Украины, ф. 6378.

Моргунов Ю. Ю. Новый вариант печати Владимира Мономаха // КСИА АН СССР.— 1975.— № 144.— С. 104—105.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской ИА АН СССР в 1978 г. на территории Сумской и Полтавской областей УССР.— Киев, 1978.— 21 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1978 / 31.

Моргунов Ю. Ю. Разведка в Посулье // АО.— 1978.— М., 1979.— С. 373.

Моргунов Ю. Ю. Разведки по Суле // АО.— 1979.— М., 1980а.— С. 310.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульского отряда ИА АН СССР в 1980 г.— Киев, 1980.— 31 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1980б.

Моргунов Ю. Ю., Ковалева Л. Г., Загребельный А. Н. Разведки в Сумской области // АО.— 1977.— М., 1978.— С. 359.

Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губернии // Тр. Харьк. комис. по устройству XII АС.— Харьков, 1902.— Т. 1.— С. 82—102.

Моруженко А. А. Исследования в бассейне Ворсклы // АО.— 1976.— М., 1977.— С. 343.

Моруженко А. А., Косиков В. А. Курганы у с. Городное // СА.— 1977.— № 1.— С. 281—289.

Нариси стародавньої історії Української РСР.— К., 1957.— 632 с.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.— 262 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь.— М., 1966.— 509 с.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов.— Л., 1983.

Новицкий И. П. Указатель к изданиям временной комиссии для разбора древних актов.— Киев, 1882.— Т. 2.— 717 с.

Отін Є. С. До походження назви річки Самари // Мовознавство.— 1970.— № 4.— С. 74—78.

Падалка Л. В. Прошлое полтавской территории и ее заселения.— Полтава, 1914.— 239 с.

Падалка Л. О древних городах, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии // Тр. Полт. уч. арх. комис.— 1905.— Вып. 1.— С. 155—214.

Пассек В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС.— М., 1839.— Т. 3, кн. 2.— С. 213—215.

Пассек В. Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России.— М., 1840.— Кн. 2.— С. 195—202.

Піонтковський А. Археологічні розвідки у Переяславському районі р. 1930 // ХрАМ.— К., 1931.— Ч. 3.— С. 80—81.

Повесть времеиных лет.— М.; Л., 1950.— Ч. 1—2.

Погодин М. П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240.— Спб., 1848.— 190 с.

Подробная карта Российской империи, составленная Сухтеленом и Опперманом.

ПСРЛ.— Т. 1. Лаврентьевская летопись.— 2-е изд.— Л., 1926.— Вып. 1.— 488 с.

ПСРЛ.— Т. 2. Ипатьевская летопись.— 2-е изд.— Спб., 1908.— 938 с.

ПСРЛ.— Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку.— Спб., 1856.— 347 с.

ПСРЛ.— 23. Ермолинская летопись.— Спб., 1910.— 242 с.

Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА АН СССР.— К., 1964.— Вып. 99.— С. 24—33.

Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества.— М., 1975.— С. 260—300.

Пономаренко М. Ф. Гідронімікон Золотоніщини // ПУОК.— 1967.— С. 28—39.

Потин В. М. Топография находок западиоевропейских монет на территории древней Руси // Тр. ГЭ.— Л., 1967.— Т. 9.

Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. ГЭ.— Л., 1971.— Т. 12.

Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог.— М., 1988.— 152 с.

Радянська енциклопедія історії України.— К., 1969—1972.— Т. 1—4.

Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. // КСИИМК.— 1954.— Вып. 54.— С. 180—186.

Ренський М. Розшуки та розкопи на Лохвиччині // Праці кабінету антропології та етнографії ім. Федора Вовка.— К., 1924.— Серія 2.— С. 39—40.

Розенфельд Р. Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК.— 1952.— Т. 48.— С. 32—38.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Малороссия.— Спб., 1903.— Т. 7.— 518 с.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика.— М., 1972.— С. 15—60.

Рутковская Л. М. Отчет о раскопках могильника в ур. Пристань в с. Жовнино в 1972—1973 гг.— Киев, 1973.— 49 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1972—1973 / 113.

Рибаков Б. А. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // АП УРСР.— 1946.— Т. 1.— С. 22—25.

Рыбаков Б. А. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках // История культуры Древней Руси.— М.; Л., 1948.— Т. 1.— С. 30.

Самойловський І. М. Переяславські Змійові вали // УІЖ.— 1971.— № 3.— С. 101—102.

Самоквасов Д. Я. Древние города России.— Спб., 1873.— 245 с.

Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Тр. III АС.— Киев, 1878.

Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях г. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведениых в 1909 г. Приложение: Атлас гочевских древиостей.— М., 1915.

Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам.— М., 1908.— 119 с.

Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли.— М., 1908.— 271 с.

Сенаторский Н. П. К истории заселения северо-западного района Курского края // Изв. Кур. губ. об-ва краевед.— 1927.— № 4.— С. 28.

Скржынская Е. Ч. Опыт исторического истолкования этникона // ВВ.— 1986.— Т. 46.— С. 255—276.

Словник української мови.— К., 1970—1979.— Т. 1—10.

Соловьев Л. Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Изв. Кур. губ. об-ва краевед.— 1927.— № 4.— С. 23—25.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1959—1960.— Кн. 1—2.

Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков.— Л., 1983.— 240 с.

Сотникова М. П. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. // Тр. ГЭ.— Л., 1971.— Т. 12.— № 38.

Специальная карта западной части России Г. Л. Шуберта.— Спб., 1850.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел:

Т. 20: Курская губерния.— Спб., 1862.— 206 с.

Т. 29: Орловская губерния.— Спб., 1866.— 191 с.

Т. 33: Полтавская губерния.— Спб., 1859.— 262 с.

Т. 46: Харьковская губерния.— Спб., 1864.— 231 с.

Т. 48: Черниговская губерния.— Спб., 1866.— 230 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.— СПб., 1893—1909.— Т. 1—3.

Стороженко А. В. К истории местечка Борисполя Полтавской губернии // Киевская старина.— 1897.— Т. 6.— С. 509—518.

Стороженко А. В. Очерки Переяславской старины.— Киев, 1900.— 235 с.

Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини.— К., 1963.— 112 с.

Стрижак О. С. Про походження назв населених пунктів Полтавщини XIV—XVI ст. //

Питання топоніміки та ономастики.— К., 1971.— С. 80—95.

Сумцов Н. Ф. Малорусская географическая номенклатура.— Киев, 1886.— 34 с.

Сухобоков О. В. Отчет о разведке Левобережной группы раннеславянской экспедиции за 1968 г.— Киев, 1968.— 21 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1968 / 13а.

Сухобоков О. В. Отчет о работах Днепровского Левобережного отряда в 1973—1974 гг.— Киев, 1974.— 33 с. // Там же.— Ф. 1973—74, 31.

Сухобоков О. В. Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции в 1976 г.— Киев, 1976.— 19 с. // Там же.— Ф. 1976 / 18.

Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— 167 с.

Татищев В. Н. История Российская.— М.; Л., 1962—1964.— Т. 1—3.

Тахтай А. К. Археологічна робота музею 1926—1927 рр. // Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею.— Полтава, 1928.

Телегин Д. Я., Юра Р. А., Максимов Е. В. и др. Отчет о разведке археологических памятников в зоне затопления Кременчугского водохранилища в 1958 г.— Киев, 1958.— 41 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1958 / 1е.

Телегин Д. Я., Махно Е. В., Шарафутдинова И. Н. Отчет о разведках в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1960—1961 гг.— Киев, 1961.— 52 с. // Там же.— Ф. 1960—1961 / 4.

Телегин Д. Я., Ковалева И. Ф., Беляев А. О., Чаплинская О. В. Отчет о разведках и раскопках в зоне канала Днепр — Донбасс.— Киев, 1970.— 37 с. // Там же.— Ф. 1970 / 41.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М., 1956.— 477 с.

Толковый словарь русского языка.— М., 1938—1940.— Т. 1—4.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М., 1962.— 270 с.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.— М., 1968.— 289 с.

Трубачев О. Н. «Старая Скифия» Геродота и славяне // ВЯ.— 1979.— № 4.— С. 29—45.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен.— Спб., 1903.— 857 с.

Уварова П. С. Выборки из дел Черниговского статистического комитета Исторического общества Нестора Летописца и архива граф. П. С. Уваровой. Городища и курганы // Тр. предварит. к-та по устройству XIV АС.— М., 1916.— Вып. 1.— С. 79.

Указатель городищ, курганов и других земляных насыпей в Курской губернии // Тр. Кур. губ. стат. к-та.— 1874.— Вып. 4.— С. 161—174.

Указатель к первым восьми томам ПСРЛ.— Спб., 1907.— Указ. геогр.— 578 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1971.— Т. 1—4.

Фасмер Р. Р. Куфические монеты Переяславского клада // ИАК.— Спб., 1914.— 50 с.

Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. // ИГАИМК.— М., 1931.— VII.— Вып. 2.— 20 с.

Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII—XVIII вв.— М., 1960.— 262 с.

Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии.— Харьков, 1857—1859.— Т. 1—3.

Федоровський О. Археологічні розкопки в околицях Харькова // Хроніка археології та мистецтва.— К., 1930.— Ч. 1.— С. 5—10.

Фомин А. В. Источниковедение кладов куфических монет IX—X вв. (по материалам Восточной Европы): Дис. ... канд. ист. наук.— М., 1982.— 198 с.— Машинопись.

Фукс М. Про городища скіфської доби на Харківщині // Зап. ВУАК, 1930.— Вип. 1.— С. 91—112.

Хвойка В. В. Раскопки могильника при с. Броварки // Тр. Моск. археол. об-ва.— Спб. 1904.— Т. 20, вып. 2.— С. 40—41.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание.— Киев, 1851.— 697 с.

Шинаков Е. А. Население верхнего течения р. Псел в XI—XII вв.: по материалам Гочевского археологического комплекса // ВМУ.— М., 1982.— Сер. 8.— № 1.

Шрамко Б. А. Отчет о работе Северо-Донецкой археологической экспедиции ХГУ им. А. М. Горького в 1951 г. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1951 /20.

Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках скифо-славянской экспедиции ХГУ / Там же.— Ф. 1968 / 43.

Шрамко Б. А. Отчет об археологических разведках и раскопках ХГУ в 1953 г. // Там же.— Ф. 1953 / 19.

Шрамко Б. А. Разведки и раскопки Северо-Донецкой археологической экспедиции ХГУ в 1955 г. // Там же.— Ф. 1955 / 34.

Шрамко Б. А. Отчет об археологических разведках и раскопках Северо-Донецкой экспедиции ХГУ в 1956 г. // Там же.— Ф. 1956 / 19.

Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции ХГУ в 1958 г. // Там же.— Ф. 1958 / 31.

Шрамко Б. А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1960 г. // Там же.— Ф. 1960 / 27.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— 404 с.

Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (городище Гелон).— Киев, 1987.— 184 с.

Шрамко Б. А. Археолог. иссл. ХГУ им. А. М. Горького в Харьковской и Полтавской обл. в 1954 г. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1954 / 14.

Щербаківський В. Ліплявський могильник // Niederluv sb.: Obzor praehistoricky.— Praha, 1925. Roc. 4.

Юра Р. О. Археол. дослідження городища Воїня // УІЖ.— 1960.— № 1.— С. 149—151.

Юра Р. О. Стародавні ворота Переяслава-Хмельницького // Там же.— 1961.— № 2.— С. 155—157.

Юра Р. О. Археологические исследования на посаде Переяслава в 1965—1966 гг. // Археол. исслед. на Украине. 1965—1966.— 1967.— Вып. 1.— С. 175—179.

Юра Р. О. Новая пам'ятка архітектури XI ст. // УІЖ.— 1965.— № 9.— С. 152—154.

Юра Р. О. Бронзовый водолей из Переяслава Русского // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 239—242.

Юренко С. П. Отчет о работе разведывательной группы Левобережного отряда Среднеднепровской комплексной экспедиции ИА АН УССР в 1977 г. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1977 / 14.

Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the English language.— Amsterdam; London; New York, 1966—1967.— Vol. 1—2.

N. de Baumgarten. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siecle // Orientalia Chirstiana.— Vol. IV, 1, num. 35.— Maio, 1927.— Roma, 1928.— 94 c.— (Издание Pont. Institutum Orientalium Studiorum).

Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów slowiańskich. Pod Redakchyą Filipa Sulimierskiego, Bronislawa Chlebowskiego i Wladyslawa Walewskiego.— Warszawa, 1880 — 1902.— T. 1—15.

Słownik starożytności slowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury slowian od szasów najdawniejszych. Pod redakcją Wladyslawa Kowalenki, Gerarda Labudy i Tadeusza Lehra-Splawińskiego.— Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1961—1984.— T. 1—7.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Новосельцев А. П.* Древнейшие государства на территориив СССР: Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР.— 1985.— № 6.— С. 101—103; Круглый стол · ист. наука в условиях перестройки // ВИ.— 1988.— № 3.— С. 3—57.

[2] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.— С. 7; *Древнерусские* княжества X—XII вв.— М., 1975.— С. 3—4.

[3] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— Киев, 1980.— 224 с.; *Рычка В. М.* Формнрование территории Киевской земли.— Киев, 1988.— 80 с.; *Янин В. Л.* Новгородские посадники.— М., 1963.— 301 с.; *Его же.* Новгородская феодальная вотчина.— М., 1981.— 296 с.; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.— М., 1984.— 352 с.; *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (ист.-археол. очерки).— Л., 1982.— 248 с.; *Лимонов Ю. А.* Ростово-Суздальская земля.— Л., 1987.— 187 с.; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля.— М., 1961.— 400 с.; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв.— М., 1966.— 296 с.; *Его же.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки Смоленщины и Вост. Белоруссии.— М., 1980.— 262 с.; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950.— 330 с.; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство.— К., 1984.— 176 с.; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв.— Киев, 1985.— 184 с.; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли (история Туровского княжества).— Минск, 1974.— 199 с.; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв.— М., 1981.— 296 с.; *Древнерусские* княжества X—XIII вв.— 304 с.

[4] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси.— Львів, 1899.— Т. 2.— С. 252—253; *Середонин С. М.* Историческая география.— Пг., 1916.— С. 168; *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XVI ст. // Зап. іст.-філол. відділу ВУАН.— 1931.— Кн. 26.— С. 1, 18.

[5] *Тихомиров И.*— Реп. на кн.: Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.— Киев, 1897.— 422 с. // ЖМНП.— 1898.— Ч. 317, № 6.— С. 465—466.

[6] *Ляскоронский В. Г.* Карта Переяславской земли // История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.— Киев, 1897; *Насонов А. Н.* Киевская земля, Черниговская земля и Переяславская земля. Границы до середины XII в. // «Русская земля» и образование Древнерусского государства.— М., 1951; *Кучера М. П.* Границы Переяславского княжества // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 123; *Голубцов И. А.* Карта № 8. Народы и государства на территории СССР в XII — начале XIII в. и татаро-монгольское завоевание // Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. в двух частях.— М., 1953.— Ч. I (IX—XIII вв.) Древняя Русь. Феодальная раздробленность. Карты; *Русские княжества* в XII — начале XIII в.: Для 7-го кл. / Сост. и подг. к печати ПКО «Картография» ГУГК в 1982 г.; Ред. В. Н. Поляков; Науч. ред. канд. ист. наук А. К. Зайцев.— 1 : 3 000 000, 30 км в см.— М.: ГУГК, 1984.— 2 л.

Глава I

[1] *Татищев В. Н.* История Российская.— М., 1768—1784.— Кн. 1—4; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен.— Спб., 1901—1904.— Т. 1—7; *Болтин И. Н.* Примечания на Леклерка.— Спб., 1768.— Т. 1—2; *Его же.* Критические примечания на первый и второй тома «Истории» князя Щербатова.— Спб., 1793; *Карамзин Н. М.* История государства Российского.— Спб., 1816—1817.— Т. 1—8; *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России.— М., 1833—1843.— Т. 1—3.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского.— Спб., 1892.— 2-е изд.— Т. 1.— С. 10.

[3] *Левшин А.* Письма из Малороссии.— Харьков, 1816.

[4] *Археология* Украинской ССР.— Киев, 1986.— Т. 3.— С. 282.

[5] *Лашкарев П. А.* Церковно-археологические очерки.— Ст. и реф.— Киев, 1888.— 240 с.

[6] *Максимович М. А.* Собр. соч.— Киев, 1876—1880.— Т. 1—3; *Его же.* О Переяславскнх валах // Тр. I. Археол. съезда в Москве.— 1869.— М., 1871.— Т. 1.— С. CXXV—CXXVI.

[7] *Неволин К. А.* Общий список русских городов // Соч.— Спб., 1859.— Т. 6.— С. 35—95; *Погодин М.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240.— Спб., 1848.— Ч. 3.— С. 1—37; *Максимович М. А.* Собр. соч.— Т. 1.— С. 131—148; *Специальная* карта Западной части России.— Спб., 1833; *Подробная* (так называемая Столистая) Карта России.— Спб., 1801.

[8] *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига.— М., 1871.— Т. 1.— С. 243—248, 337—341.

[9] *Ходаковский З. Д.* Пути сообщения в древней России // РИС.— М., 1837.— Т. 1, кн. 1; *Пассек В.* Границы Южной Руси до нашествия татар // Очерки России.— М., 1840.— Кн. 2.— С. 195—202; *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание.— К., 1851; *Ахматов И.* Атлас исторнческий, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина.— Спб., 1873.— Ч. 1—2; *Павлищев Н. И.* Исторический атлас России.— Варшава, 1845; 2-е изд.— Спб., 1873.

[10] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Киев, 1884; *Багалий Д. И.* История Северской земли до половины XIV ст.— Киев, 1882; *Стороженко А. В.* Очерки Переяславской старины.— Киев, 1900.

[11] *Юзефович Д.* Иерархия Переяславско-Полтавской епархии // Полтав. епарх. изв.— 1863. № 14.— С. 41—50; *Яновский И.* Епископы Переяславля Русского и пределы их епархии // *Там же.*— 1899.— № 22.— С. 851—870; *Мальцев А. Ф.* Ефрем Переяславский — строитель первых больниц в России // Тр. Полтав. уч. арх. комис.— 1905.— Вып. 1.— С. 37—46; *Пархоменко В.* Церковно-исторнческое значение Переяслава // Там же.— 1907.— Вып. 4.— С. 21—30; *Филарет.* История Русской церкви. М., 1888.— С. 164; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви.— Спб., 1880.— Т. 1.— С. 274; *Лебединцев П. Г.* Где жили киевские митрополиты — в Переяславе или Киеве? // Киев. старина.— 1885.— Т. 11.— С. 177—182.

[12] *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли.— М., 1908.— С. 220—221; *Самоквасов Д. Я.* Исследования и раскопки курганного могильника в 3-х верстах от с. Березовая Рудка Пирятинского уезда Полтавской губернии // АЛЮР, 1900.— Т. 2.— С. 203; *Его же.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам.— М., 1908.— 213 с.

[13] *Бранденбург Н. Е.* Журнал раскопок. 1888—1902.— Спб., 1908; *Щербаковский В. М.* О раскопках музея Полтавского губернского земства в Полтавской губернии / АЛОИА.— Ф. 1.— № 342 / 1913.

[14] *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и змиевы валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС в Киеве. 1899.— М., 1901.— Т. 1.— С. 456—458; *Его же.* Городища, курганы и длинные змиевые валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС в Екатеринославе.— М., 1907.— Т. 1.— С. 158—198; *Его же.* Городища, курганы, майданы и длинные змиевые валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV АС в Чернигове, 1909.— М., 1911.— С. 1—82.

[15] *Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК.— Спб., 1906.— Вып. 19.— С. 119—120; *Его же.* Городища и курганы Полтавской губернии.— Полтава, 1917.— 106 с.; *Его же.* Развалины в Старогородке // Старые годы.— 1907.— № 2.— С. 58—60; *Его же.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества // Сб. ст. в честь графини П. С. Уваровой.— Спб., 1916.— С. 373—404.

[16] *Филарет.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии.— Харьков, 1857—1859.— Т. 1—3; *Багалей Д. И.* Общий очерк древностей Харьковской губернии.— Харьков, 1890; *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской территории и ее заселение.— Полтава, 1914.

[17] *Тихомиров И.*— Рец. на кн.: Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия.— Киев, 1897 // ЖМНП.— Спб., 1898.— Ч. 317.— С. 459—466; *Грушевский М.*— Рец. на кн.: История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия, монография Василия Ляскоронского.— Киев, 1897.— 486 с. // Зап. НТШ.— Львів, 1898.— Т. 22.— Кн. 2.— С. 13—16; *Антонович В., Голубовский П.*— Рец. на кн.: В. Ляскоронскнй. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.— Киев, 1897 // Универс. изв. 1899.— № 7.— С. 11—14; *Линниченко И. А.*— Рец. на кн.: История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия // Изв. Одес. библиогр. о-ва.— Одесса, 1912.— Т. 1, вып. 5.— С. 151—173.

[18] *Грушевський М.* Історія Україні-Руси.— Т. 2.— С. 252—351.

[19] *Там же.*— Т. 1.— Вступні уваги.

[20] *Ленин В. И.* Карл Маркс // Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 57; *Его же.* Материализм и эмпириокритицизм // Там же.— Т. 18.— С. 363.

[21] *Шовкопляс І. Г.* Розвиток радянської археології на Україні (1917—1966). Бібліографія.— К., 1969.— С. XIV—XIX.

[22] *Грушевський М.* Історія української літератури.— К., Львів, 1923.— Т. 2.— С. 76—84.

[23] *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XV ст.— С. 1—29.

[24] *Макаренко М.* Старогородська «Божниця» та її малювання // Чернігів та Північне Лівобережжя.— К., 1928.— С. 205—223.

[25] *Базилевич К. В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // ВЙ.—

1949.— № 11.— С. 65—90; *Очерки* истории СССР.— М., 1953.— Ч. 1.

[26] *Очерки* истории СССР.— Ч. 1.— С. 274—276; *Історія* Української РСР.— Київ, 1977.— Т. 1; *Пашуто В. Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 9—18; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества.— М., 1982.

[27] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.— С. 35.

[28] *Поппэ А.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ.— 1968.— Т. 28.— С. 85—108; Т. 29.— С. 95—104; *Poppe A.* Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi— Cz. 1—2 // Przegląd Historyczny.— 1964.— T. T. 55, z. 3.— S. 369—391; Z. 4.— S. 557—572; *Poppe A.* Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku.— Warszawa, 1968; *Müller L.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039.— Köln; Braunsfeld, 1959.— S. 22—26.

[29] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв.— М., 1989.— С. 21, 37—39, 43, 47—48, 56—59, 61—62, 118, 139, 192—195, 209.

[30] *Археология* Украинской ССР: В 3 т.— Киев, 1986.— Т. 3.— С. 191—211.

[31] *Історія* міст і сіл Української РСР.— К., 1967.— 1973.— Т. 1—26.

[32] *Юра Р. А., Кучера М. П.* Переяславль. Воинь // Археология Украинской ССР.— Т. 3.— С. 281—286, 328—334.

[33] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА.— 1961.— № 104.— 357 с.; *Его же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Там же.— 1968.— № 152.— 192 с.; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975; *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980.— 152 с.; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских землях // МИА.— 1958.— № 62.— 212 с.; *Ее же.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— С. 260—304; *Горюнов Е. А.* Днепровское лесостепное Левобережье в третьей четверти I тыс. н. э.— М., 1985.— 120 с.; *Моця Л. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв.— Киев, 1987.— 166 с.; *Его же.* Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв.— Киев, 1990.— 156 с.; *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Ю. О.* Давньоруське місто Воїнь.— К., 1966.— 148 с.; *Богусевич В. А.* Остерский городок // КСИА.— 1962.— Вып. 12.— С. 37—41; *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— 404 с.

[34] *Рибаков Б. О.* Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // АП УРСР.— 1949.— Т. 1.— С. 22—25.

[35] *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком // Зодчество Украины.— Киев, 1954.— С. 271—296.

[36] *Асеев Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О.* Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяславі-Хмельницькому // Вісн. Акад. буд. і архітектури УРСР.— 1962.— № 4.— С. 57—61; *Асеєв Ю. С.* Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. історії та права.— 1967.— № 8, вып. 1.— С. 45—58; *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. О.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА.— 1967.— № 1.— С. 199.— 214.

[37] *Сікорський М. І.* Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К., 1976.— С. 146—150; *Сікорський М. І., Швидкий Д. Г.* На землі Переяславській.— К., 1983.— С. 29—54; *Савчук А.* Знахідки з розмиву // Пам'ятки України.— 1985.— № 1 (63).— С. 51—52; *Археология* Украинской ССР.— Т. 3.— С. 282; *Історія* українського мистецтва: В 6 т.— Київ, 1966.— Т. 1: Мистецтво найдавніших часів та епохи Київської Русі.— С. 180.

[38] *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И.* Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком // Славяне и Русь.— 1979.— С. 122—136.

[39] *ПВЛ.*— М.; Л., 1950.— Ч. 1.— 2; *ПСРЛ.*— М., 1962.— Т. 1.— 540 с.

[40] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII вв.: Очерки и исслед.— М., 1969.— С. 97—99.

[41] *НПЛ.*— М.; Л., 1950; Летопись по Воскресенскому списку // *ПСРЛ.*— Спб., 1856.— Т. 7; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Там же.— Спб., 1862—1918.— Т. 9—10, 14; Радзивиловская или Кенигсбергская летопись.— Спб., 1902; Густинская летопись // ПСРЛ.— Спб., 1843.— Т. 2; Летописец Переяслава-Суздальского.— М., 1851.

[42] *Татищев В. Н.* История Российская.— Кн. 1—4.

[43] *ПР.*— М.; Л., 1940.— Т. 1.

[44] *ПВЛ.*— М.; Л., 1950.— Т. 1.— С. 24—29, 33—39; *ПРП.*— М., 1952.— Вып. 1.— С. 6—50, 64—67.

[45] *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.— М., 1976.— С. 140—146.

[46] *Патерик* Киевского Печерского монастыря.— Спб., 1911; Слово о полку Игореве.— М.; Л., 1950; *Памятники* древнерусской литературы.— М., 1916.— Вып. 2.— С. 3—12; *Памятники* древней письменности.— Спб., 1892.— Вып. 90; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 153—167; *Путешествие* игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.— Спб., 1864; *Бенешевич В. Н.* Памятники древнерусского канонического права.— Пг., 1920.— Ч. 2, вып. 1.— С. 73—101; *Православный* собеседник.— 1858.— № 1.— С. 297—318, 432—450.

[47] *Prudencio* Trecensis annales. Annalium Bertianorum, pars secunda // MGH SS.— Leipzig, 1925.— T. 1.— P. 434; *List S.* Brunona do Henryka cesarze (Epistola Brunonis ad Henricum regem) // MPH.— Lwów, 1864.— T. 1.— P. 224—228; *Długosza Jana.* Roczniki czyli

Kroniki sławnego królestwa Polskiego.— Warszawa, 1862.— T. 1; *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.— Warszawa, 1846.— T. 1—2. *Оглоблин Н.* Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху // УИ.— 1873.— № 8.— С. 1—15; *Фортинский Ф. Я.* Крещение св. Владимира и Руси по западным известиям // ЧИОНЛ.— 1888.— Кн. 2.— С. 118; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер. с лат. Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.— М., 1982.— С. 267—300.

[48] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1956; *Его же.* Актовые печати древней Руси X—XV вв.— М., 1970.— Т. 1.

[49] *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский или дополнение к истории Литовской, Российской, Польской и Прусской.— Спб., 1835; *ПСРЛ.*— Т. 7; АЗР.— Спб., 1848.— Т. 2, № 6; *КБЧ.*— М.; Л., 1950; *Лясконорский В. Г.* Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно южной России.— Киев, 1901; *Rizzi Zannoni I. A. B.* Carte de la Pologne.— S. l., 1772.— N 16, 20; *Jablonowski A.* Atlas historyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Dział 2. Ziemie Ruskie.— Warszawa; Wieden, 1899—1904.

Глава II

[1] *Энгельс Ф.* Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 19.— С. 506—507.

[2] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— С. 26.

[3] *Allen W.* The Ukraine: A history.— 4th ed.— New York, 1963.— P. 6.

[4] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса.— М., 1983.— С. 57—58, 62—63 и др.

[5] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 313.

[6] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // СЭ.— 1947.— Т. 6/7. С. 103—105; *Его же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— С. 235; *Стрижак О. С.* Сіверяни // Мовознавство.— 1973.— № 1.— С. 70—71; *Брайчевський М. Ю.* О первых договорах Руси с греками // Сов. ежегод. междунар. права. 1978.— М., 1980.— С. 264—282; *Сікорський М. І., Швидкий Д. Т.* На землі Переяславській.— С. 6, 29—32; *Товкайло М.* Нова гіпотеза вчених // Ком. праця.— 1985.— 21 верес.— С. 3; *Костюковський О.* Коли ж засновано Переяслав? // Там же.— 1988.— 27 трав.— С. 3.

[7] *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам.— М., 1908.— 119 с.; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— Л., 1940.— С. 100—114; *Лясконорский В. Г.* Переяславская земля с древнейших времен до половины XIII в.— С. 110—115; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси.— Т. 1.— С. 167—172.

[8] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне.— С. 81—105; *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв.— М., 1966.— 48 с.; *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— С. 118—120.

[9] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 108—109.

[10] *Андріяшев О. М.* Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XV ст.— С. 1—18; *Карамзин Н. М.* История государства Российского.— М., 1988.— С.; *Павлищев Н. И.* Исторический атлас России.— Варшава, 1873.

[11] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976.— С. 19—22; *Толочко П. П.* Древний Киев.— Киев, 1983.— С. 28—29.

[12] *Рыбаков Б. А.* Уличи (ист.-геогр. аспект) // КСИИМК.— М., 1950.— Вып. 35.— С. 3—17; *Его же,* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— С. 346—347. Неубедительным и противоречивым, как нам представляется, является тезис исследователя об идентичности уличей (полян) и русов. «Уличи,— пишет историк,— принадлежали к славянам-русам, но не желали входить в состав государства Руси». Для 40-х годов X в. «уличи» и «русь», очевидно, представляли собой близкие по статусу (если не идентичные) социально привилегированные институты — военно-дружинные, военно-торговые сословия, однако они защищали интересы разных этнополитических образований восточных славян.

[13] *Брайчевський М. Ю.* Походження Русі.— К., 1968.— С. 144.

[14] *Брайчевський М. Ю.* Коли і як виник Київ.— К., 1963.— С. 73—79.

[15] *Синопсис.*— Киев, 1836.— С. 3; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника).— М., 1966.— С. 16.

[16] *Рыбаков Б. А.* Уличи.— С. 3—7; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 14, 21.

[17] *Рыбаков Б. А.* Уличи.— С. 7; *Седов В. В.* Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.— М., 1987.— С. 18.

[18] *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза.— М., 1979.— С. 202 и др.

[19] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 14, 23.

[20] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне.— С. 103—104; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена.— 2-е изд.— М., 1953.— С. 249.

[21] *Иордан.* О происхождении и деяниях готов. Getica.— М., 1960.— С. 72; *Прокопий из Кесарии.* Война с готами.— М., 1950.— С. 384.

[22] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— С. 15—16; *Херрман И.* Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // Древности славян и Руси.— М., 1988.— С. 163—168.

[23] *Середонин С. М.* Историческая география.— Пг., 1916.— С. 144.

[24] *ПВЛ.*— [illegible], *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 184.

[25] *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его значение.— М., 1965.— С. 368.

[26] *Там же.*— С. 368—372.

[27] *Щеглова О. А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи.— Воронеж, 1987.— С. 82.

[28] *ПВЛ.*— Ч. I.— С. 99.

[29] *Гідронімія* України в її міжмовних зв'язках.— К., 1981.— С. 88—91.

[30] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 65—67.

[31] *Там же.*— Стб. 358; Т. 2.— Стб. 400; *Етимологічний* словник літописних географічних назв Південної Русі.— К., 1985.— С. 98.

[32] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 356.

[33] *ЕСЛГНПР.*— С. 104—105.

[34] *Там же;* ПСРЛ.— Т. 14.— С. 240.

[35] *Rizzi Zannoni I. A. B.* Carte de la Pologne.— S. 1., 1772.— N 16, 20.

[36] *Гідронімія* України в її міжмовних зв'язках.— С. 89.

[37] *Филевич И.* История древней Руси.— Варшава, 1896.— Т. 1.— С. 53.

[38] *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси.— Рязань, 1969.— С. 125—137; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет.— М., 1971.— С. 49—52.

[39] *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП.— 1899.— № 8.— С. 323; *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв.— С. 25.

[40] *Археология* Украинской ССР.— Т. 3.— С. 174—191.

[41] *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение.— М., 1965.— С. 84—85; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 163; и др.

[42] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 108.

[43] *Манкиев А. И.* Ядро российской истории.— М., 1770.— С. 21. Автор Великопольской хроники выводил название поляков от наименования Северного полюса либо крепости Полань, расположенной в границах поморян.— См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.— М., 1987.— С. 51.

[44] *Орлов А. Ф.* Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей.— Вельск, 1907.— С. 172—173.

[45] *Пархоменко В. А.* У историков русской государственности (VIII—XI вв.).— Л., 1924.— С. 51—58. Исследователь считает, что и титул киевских князей «каган» принесен «полянами» — переселенцами из недр Хазарского царства».

[46] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений.— М., 1966.— С. 76—81.

[47] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне.— С. 81—105.

[48] *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century.— Ithaca.— Lnd. Cornell University Press.— 1982.— P. 44—59.

[49] *Толочко А. П.* [Рец. на кн.]: *Н. Голб, О. Прицак.* Хазарские еврейские документы X века // ВИ.— 1987.— № 12.— С. 144—146; *Мельникова Е. А.* Историзация мифа или мифологизация истории // История СССР.— 1984.— № 4.— С. 115—120.

[50] *Алексеева Т. И.* Антропологические материалы к этногенезу восточных славян.— С. 95; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 152, 221—222; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— С. 237—249.

[51] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— С. 25—26.

[52] *Соловьева Г. Ф.* Погребальные обряды // Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, Д 1—12.— М., 1962.— Ч. 2.— С. 15; *Сухобоков О. В.* Украинское Днепровское Левобережье в VII—XIII вв. // Тр. V Международ. конгр. археологов-славистов. Киев, 18—25 сент. 1985 г.: в 4 т.— 1988.— Т. 2.— С. 310; *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв.— Киев, 1987.— С. 48—80.

[53] *Попов А. И.* Названия народов СССР.— Л., 1973.— С. 32—37, 46—62.

[54] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов.— Спб., 1904.— 84 с.; *Его же.* Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić—Festschtift.— Berlin, 1908.— С. 172—184; *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры.— Л., 1930.— Вып. 1.— С. 23, 28—29; *Кузьмин А. Г.* Две концепции начала Руси в Повести временных лет // История СССР.— 1969.— № 6.— С. 81—105.

[55] *Кузьмин А. Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны.— М., 1967.— С. 11—21; *Его же.* Две концепции начала Руси в Повести временных лет.— С. 85—86; *Никольский Н. К.* Повесть временных лет.— С. 45—49.

[56] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов.— С. 1—82.

[57] *Никольский Н. К.* Повесть временных лет.— С. 50—58.

[58] *Там же.*— С. 78—83, 84—106.

[59] *Миллер Г. Ф.* О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие.— Спб., 1755, апрель.— С. 275—298; *Приселков М. Д.* Нестор-летописец: Опыт ист.-лит. характеристики.— Пб., 1923.— 116 с.; *Толочко П. П.* Нестор-літописець Київської Русі // УІЖ.— 1981.— № 12.— С. 27—31; *Творогов О. В.* Нестор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в.— Л., 1987.— С. 274—278.

[60] *Шахматов А. А.* Разыскания.— С. 423—460; *Приселков М. Д.* Митрополит Иларион — в схиме Никон — борец за независимую русскую церковь // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели.— Спб.,

1911.— С. 188—201; *Каргер М. К.* К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ.— 1955.— Т. 11.— С. 59—71; *Мордасов В. И.* К истории текста введения «Повести временных лет» // Проблемы истории феодальной России.— Л., 1971.— С. 38—42.

[61] *Каргер М. К.* Памятники...— С. 59—71; *Творогов О. В.* Никон (Великий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси.— С. 279—281; *Мордасов В. И.* К истории текста...— С. 40—41. Обращает на себя внимание тот факт, что словосочетание «до сего дня» употреблено летописцем главным образом в тех местах хроники, где он повествует о ляхах, полянах, радимичах «от рода ляховъ», ляшских городах.— ПВЛ.— Ч. I.— С. 13, 58, 59, 101.

[62] *Житие* Феодосия // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон.— М., 1971.— С. 71—135.

[63] *Творогов О. В.* Никон (Великий).— С. 280.

[64] *Марр Н. Я.* Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси // Избранные труды.— М.; Л., 1935.— Т. 5.— С. 44—66.

[65] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение.— С. 82—93.

[66] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в.— Киев, 1988.— С. 48—57, 102.

[67] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 11—19, 210.— Ч. 2.— С. 225—226.

[68] *Там же.*— С. 21 (сравн. С. 11).

[69] *Там же.*— С. 21—23.

[70] *НПЛ.*— С. 104.

[71] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 12.

[72] *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ.— 1976.— Т. 30.— С. 3—7.

[73] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 23.

[74] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 28; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические и географические названия как источник для реконструкции, этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы энтогенеза и этнической истории славян и восточных романцев.— М., 1976.— С. 125; *Щавелева Н. И.* Вступительная статья и комментарии // «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.— М., 1987.— С. 26.

[75] *Седов В. В.* «Исчезнувшие народы». Анты // Природа.— 1978.— № 4.— С. 103; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 120.

[76] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами.— С. 384.

[77] *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 120.— Карта 17.

[78] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 26—28.

[79] *Спицын А. А.* Древности антов // СОРЯС.— Т. 101.— № 3.— Л., 1928.— С. 492—496; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет».— С. 120.

[80] *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА.— 1953.— Т. 17.— С. 41—42, 94—95.

[81] *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ.— 1939.— № 1.— С. 111; *Пигулевская Н. В.* Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. и. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия.— М., 1952.— С. 42—48.

[82] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— С. 75—90.

[83] *Советское* источниковедение Киевской Руси.— Л., 1979.— С. 69.

[84] Там же.

[85] *Попов А. И.* Названия народов СССР.— С. 54; *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ.— Л., 1978.— Вып. Е1 — 43.— С. 8—10.

[86] *Погодин А. Л.* Лекции по славянским древностям.— Харьков, 1910; *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе.— М.; Л., 1930.

[87] *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени.— Пг., 1919.— С. 6—14.

[88] *Спицын А. Л.* Русская исторнческая география.— Пг., 1917.— С. 18; *Грушевський М. С.* Анти (Antai, Avtai) // Зап. наук. тов-ва ім. Шевченка.— 1898.— Т. 21, кн. 1.— С. 1—16; *Нидерле Л.* Славянские древности.— М., 1956.— С. 139—141.

[89] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 28.

[90] *Брайчевський М. Ю.* Походження Русі.— С. 155.

[91] *Грушевський М. С.* Анти.— С. 12—15.

[92] *Баран В. Д.* Проблемы изучения раннеславянских древностей Юго-Восточной Европы // X Міжнарод. з'їзд славістів. Софія, верес. 1988 р. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: Доповіді.— К., 1988.— С. 120.

[93] *Грушевський М. С.* Анти.— С. 7.

[94] *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание. VIII Международ. съезд славистов. Докл. сов. делегации.— М., 1978.— С. 399.

[95] *Седов В. В.* Исчезнувшие народы.— С. 104.

[96] *Трубачев О. Н.* Указ соч.— С. 399—400.

[97] *Феофилакт Симокатта.* История.— М., 1957.— С. 180.

[98] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 28.

[99] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— СПб., 1870.— С. 137—138; *Седов В. В* О юго-западной группе восточнославянских племен // Историко-археологический сборник.— М., 1962.— С. 197—203.

[100] *Коледаров П.* Политическая география на средневековната Българска държава.— София, 1979.— Ч. I. От 681 до 1018 г.; *Avenarius A.* Die Awaren in Europa.— Amstterdam; Br., 1974.— S. 44—128.

[101] *ПВЛ.*— Ч. I.— С. 14.

[102] *Толочко П. П.* Древний Киев.— Киев, 1983.— С. 26—27.

[103] *Гаркави А. Я.* Указ. соч.— С. 137.

[104] *Długosz.*— Т. 1.— S. 184.

[105] *Славяне* и скандинавы.— М., 1986.— С. 189—135; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— С. 227—269.

[106] *Археология* УССР.— Т. 3.— С. 189.

[107] *Толочко П. П.* Про торговельні зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією у VIII—X ст. // Археол. дослід. старод. Києва.— К., 1976.— С. 6.

[108] *История* на България в четиринадесет тома.— София, 1981.— Т. 2. Първа Българска държава.— С. 95—110 и др.; *Соловьева Г. Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 352—356; *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich.— Poznań, 1986.— S. 203—204; 416—427.

[109] *Стрижак О. С.* Сіверяни // Мовознавство.— 1973.— № 1.— С. 64—76; Косвенным подтверждением гипотезы исследователя можно считать традиционное употребление в византийских источниках по отношению к Переяславу на Трубеже наименования «Преслав Росіа» или «Росіа Преслава» — «Πρεσκλάβα ἤτοι 'Ρωσία» (в Афинском списке митрополий); «Πρεσκλάβα ἤτοι 'Ρωσίου» (в Ватиканском списке); ἡ 'Ρωσία Πρεσθλάβα (в 11 списках «Нотиция 12» времен Мануила Комнина (1143—1180).— См.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв.— М., 1989.— С. 58—59.

[110] *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— С. 17.

[111] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— С. 217.

[112] *Корінний М. М.* Переяславська земля в X — першій третині XIII ст. // УІЖ.— 1981.— № 7.— С. 72—82.

[113] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 133.

[114] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970.— С. 8—62.

[115] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 133; *Стрижак О. С.* Сіверяни.— С. 69—72.

[116] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 15.

[117] *Там же.*— С. 18.

[118] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 135.

[119] *АЮЗР.*— Киев, 1886.— Ч. 7.— Т. 1.— С. 91—122.

[120] *Трубачев О. Н.* О племенном названии уличи // ВСЯ.— М., 1961.— Вып. 5.— С. 186—187; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией.— М., 1909.— С. 131; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 130—132.

Глава III

[1] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества.— М., 1982.— С. 234—318.

[2] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 17. Фактически событие датируется 842 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи.— М., 1965.— С. 163—164; *Комментарий* Д. С. Лихачева к «Повести временных лет».— М.; Л., 1950.— Ч. 2.— С. 230—231).

[3] *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X в.— М., 1980.— С. 48—59.

[4] *Шаскольский Н. П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980.— М., 1981.— С. 48—54.

[5] *Prudencio* Trecensis annales. Annalium Bertinianorum, pars II // MGH SS.— Leipzig, 1925.— T. 1.— P. 434.

[6] *Ibid.*— P. 434; *Артамонов М. И.* История хазар.— Л., 1962.— С. 304; и др.

[7] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1961.— С. 86, 102.

[8] *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма.— М., 1970.— С. 204.

[9] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 12 («... из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ...») и др.; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— 286 с.; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы.— М., 1986.— С. 202; *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет»...— С. 216; *Попов А. И.* Названия народов СССР.— С. 47.

[10] *Авдусин Д. А.* Современный антинорманизм // ВИ.— 1988.— № 7.— С. 23—34. Параллельно продолжаются поиски разгадки этнонима «рос», зафиксированного на юге Восточной Европы, на иранской языковой основе (*Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978. Доклады советской делегации.— М., 1978.— С. 399—400).

[11] *Брим В. А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад.— Пт., 1923.— Вып. 1.— С. 5—10.

[12] *Кирпичников А. Н.* и др. Русь и варяги.— С. 189—205; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— С. 416—417. Ленинградский историк В. Б. Вилинбахов считает, что сведения восточных источников о трех группах русов относятся к западным славянам (*Wilinbachow W. B.* Przyczynek do zagadnienia trzech ośrodkow dawnej Rusi // Materyały Zachodnio-Pomorskie.— Szczecin, 1961.— T. 7.— S. 517—530). М. Ю. Брайчевский отождествляет «Славию» с государственным образованием северных словен с центром в Ладоге (*Брайчевський М. Ю.* Утвердження християнства на Русі.— К., 1988.— С. 77—78 и др.).

[13] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь...— С. 331.

[14] *Новосельцев А. П.* Восточные источники...— С. 416.

[15] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарий).— М., 1977.— С. 46—53; *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // Тез. докл. сов. делегации на I Междунар. конгр. слав. археологии в Варшаве.— М., 1965.— С. 33—38.

[16] *Ляскоронский В. Г.* Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно южной России. Карта колонизации второй четверти XVII в. на Полтавской территории.

[17] *Новосельцев А. П.* Восточные источники...— 382—387.

[18] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 19.

[19] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет.— Пг., 1916.— Т. 1.— С. 367.

[20] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь...— С. 316—317.

[12] *Запровадження* християнства на Русі.— К., 1988.— С. 24—29.

[22] *Брайчевский М. Ю.* О первых договорах Руси с греками // Советский ежегодник международного права. 1978.— М., 1980.— С. 264—268.

[23] *Там же.*— С. 271—273.

[24] *Лурье Я. С.* Об одном необыкновенном открытии // История СССР.— 1988.— № 5.— С. 171.

[25] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.— М., 1980.— С. 181—189.

[26] *Истрин В. М.* «Хроника Георгия Амартола».— Пг., 1920.— Т. 1.— С. 511.

[27] *Лихачев Д. С.* Комментарии // ПВЛ.— Ч. 2.— С. 246—247.

[28] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь...— С. 317.

[29] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 20.

[30] *Там же.*— С. 20—21.

[31] *Там же.*— С. 23—24.

[32] *Коковцев П. Н.* Еврейско-хазарская переписка в X веке.— Л., 1932.— С. 118—120.

[33] *Ширинский С. С.* Объективные закономерности...— С. 208; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.— С. 65—67.

[34] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 20.

[35] *Шахматов А. А.* Начальные статьи «Начального свода».— С. 373.

[36] «и по семь преидоша межю Бъгъ и Дъньстръ, и съдоша тамо» (*Там же.*— С. 373). По заключению ряда археологов миграция уличей в Побужье отразилась в возникновении здесь многочисленных городищ, нижние слои которых датируются первой половиной X в., а также значительным увеличением в регионе селищ X—XI вв. (*Хавлюк П. І.* Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності.— К., 1969.— 156—174; *Седов В. В.* Восточные славяне...— С. 132 и др.).

[37] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 33; ПСРЛ.— Спб., 1843.— Т. 2.— С. 241.

[38] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 42.

[39] *Брайчевский М. Ю.* Утвердження християнства на Русі.— С. 88—102.

[40] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ.— Л., 1940.— Т. 4.— С. 72 и др.

[41] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава.— М., 1982.— С. 95—101.

[46] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половины XIII вв.— М., 1980.— С. 172.

[43] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество...— С. 68—69.

[44] *Артамонов М. И.* История хазар.— С. 426—429.

[45] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 83.

[46] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы...— 35—36.

[47] *Моргунов Ю. Ю.* О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов.— Киев, 1988.— Т. 2.— С. 285—289.

[48] *Epistola* Brunonis ad Henricum regem // MPH.— Lwow, 1864.— T. 1.— P. 224—225.

[49] *Ляскоронский В. Г.* К вопросу о местоположении в пределах Южной России района, в котором проповедовал епископ Бруно в начале XI в. // ЖМНП.— 1916.— Авг.— С. 277; *Щербаковский В. М.* О раскопках музея Полтавского губернского земства в Полтавской губернии / АЛОИА.— Ф. 1.— № 342/1913.

[50] *Антонович В.* Змиевы валы в пределах Киевской земли // КС.— 1884.— № 8.— С. 355—370; *Молчановский Н.* Очерки известий о Подольской земле до 1434 г.— Киев, 1885.— С. 42; *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe. Ze studiów nad obroną stałą ziem ruskich we wcześniejszem średniowieczu // Kwartalnik historii Kultury meterialnej.— Warszawa, 1969.— N 2.— S. 141—181;

[51] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 49.

[52] *Там же.*— С. 83.

[53] *Абрамович Д. И.* Жития Бориса и Глеба.— С. 8; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 89.

[54] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 85.

[55] *Абрамович Д. И.* Жития Бориса и Глеба.— С. 8.

[56] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 100, 300; *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 135—136.

[57] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 100.

[58] *Там же.*— С. 101.

[59] По наблюдениям Г. Ловмянского географическая номенклатура Южной Польши в значительной степени совпадает с топонимией юго-востока Северской земли, в частности Посеймья — Глухов, Курск, Рыльск, Посулья — Прилук, Лубен и прочие, хотя имеются аналогии и вятичско-мазовецкие — Корачев, Козельск, Кромы, Мценск, Моссальск (*Łowmiański H.* Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich.— Poznań, 1986.— S. 203—204, 416—427).

[60] *Патерик* Киевского Печерского монастыря.— Спб., 1911.— С. 16—20.

[61] *НПЛ.*— С. 160, 180—181; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 160—162; Т. 2.— Стб. 149—150; *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 48.

[62] *НПЛ.*— С. 160, 180—181; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 160—162; Т. 2.— Стб. 149—150; *Насонов А. Н.* История русского летописания...— С. 48.

[63] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 170; «Кождо да держить отчину свою». Сравн.: Т. 28.— С. 24, 179.

[64] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 112.
[65] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 295.
[66] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли...— С. 74; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— С. 155—156; *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— С. 124.
[67] *Клепатский П. Г.* Очерки истории Киевской земли.— Одесса, 1912.— Т. 1.— С. 285.
[68] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 358.
[69] *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 232—233.
[70] *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика.— М., 1972.— С. 55.
[71] *Корінний М. М.* До питання про виникнення м. Ніжина // Тези II республ. конф. з іст. краєзнав.— К., 1982.— С. 159.
[72] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 303; Т. 2. Стб. 296, 344.
[73] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли.— С. 137.
[74] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 160.
[75] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 308.
[76] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 305; Т. 2.— Стб. 301.
[77] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 342.
[78] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 355—358.
[79] *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— С. 6—22; *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— С. 119.
[80] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 141.
[81] *АЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 102.
[82] *Моргунов Ю. Ю.* О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Тр. V Межународ. конгр. археологов-славистов.— Киев, 1988.— Т. 2.— С. 286.
[83] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 652—653: «...плакашася по немь вси Переяславци...»
[84] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 305.
[85] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.— Киев, 1897.— С. 157—159.
[86] *Ключевский В. И.* Курс русской истории.— М., 1956.— Ч. 1, т. 1.— С. 171—172.
[87] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— С. 155—157.
[88] *Середонин С. М.* Историческая география.— Пг., 1916.— С. 175; *Пархоменко В. А.* Нові історичні проблеми Київської Русі // Україна.— К., 1928.— С. 3—5; *Рыбаков Б. А.* Радзімічы // Працы секцii археологii Беларусскай акадэмii наук.— Менск, 1932.— Т. 3.— С. 120, 139; и др.
[89] *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Переяславської землі.— С. 2—5; *Його ж.* Нарис історії колонізації Сіверської землі.— С. 96—97, 98—99.
[90] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956.— С. 309.
[91] *Marks K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century.— London, 1899.— P. 76.
[92] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 108, 158; *НПЛ.*— С. 160; *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 81.
[93] *ПСРЛ.*— Т. 4.— Т. 7.— С. 333; Спб., 1848.— С. 153.
[94] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 81.
[95] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв.— М., 1977.— С. 48.
[96] *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 32.
[97] Ср.: ПВЛ.— Ч. 1.— С. 108 и НПЛ.— С. 160.
[98] *Сказание* о святых Борисе и Глебе.— Спб., 1860.— С. 75.
[99] *Ключевский В. И.* Курс русской истории.— М., 1956.— Ч. 1, т. 1.— С. 172—173.
[100] *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 32.
[101] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 109.
[102] *Там же.*— С. 109—112; *ПСРЛ.*— Т. 15.— Стб. 153; *ПР.*— Т. 1.— С. 402.— Ст. 2.
[103] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 158; Ч. 2.— С. 439.
[104] *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века.— С. 34—35.
[105] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 115—116.
[106] *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве»...— С. 29.
[107] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 158—159.
[108] *Там же.*— Ч. 1.— С. 121—122.
[109] *НПЛ.*— С. 197; ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 162, 247; Т. 2.— 151; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века // СС.— 1971.— № 2.— С. 30.
[110] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 159.
[111] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 90, 92.
[112] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 131—132.
[113] *Там же.*— С. 132.
[114] *Там же.*— С. 132—133.
[115] *Там же.*— С. 135 (1079).
[116] *Там же.*— С. 135 (1080).
[117] *Там же.*— С. 135 (1081).
[118] *Там же.*— С. 148.
[119] *Брюсова В. Г.* К вопросу о происхожденни Владимира Мономаха // ВВ.— Т. 28.— С. 127—136.
[120] *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха...— С. 26.
[121] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 153.
[122] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.— Л., 1928.— Вып. 1.— С. 12—19; *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник.— М., 1962.— С. 205—206.
[123] *Архимандрит Сергий.* Полный месяцеслов Востока.— М., 1876.— Т. 2, ч. 1.— С. 1, 26; Ч. 2.— С. 42, 36; Ч. 3.— С. 119.
[124] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 162—163.
[125] *Там же.*— С. 158.
[126] *Там же.*— С. 159; *Черепнин Л. В.* Русская хронология.— М., 1944.— С. 59.
[127] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 159; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха...— С. 30—34.
[128] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси.— М., 1968.— С. 420; N. de Baumgarten. Genealogies...— Tabl. 12.
[129] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 237—250; Т. 4, ч. 1.— Стб. 138; Т. 7.— Стб. 18; Т. 9.— Стб. 129—143; Т. 20.— Стб. 10; Т. 24.— Стб. 72; Т. 25.— Стб. 24; Т. 28.— Стб. 28, 180;

Насонов А. Н. «Русская земля»...— С. 181—183; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIV вв.— М., 1961.— Т. 1.— С. 27—33; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ.— М., 1966.— С. 70; *Орлов А.* Владимир Мономах.— М.; Л., 1946.— С. 22.

[130] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила» // ТОДРЛ.— 1960.— № 16.— С. 112—131; *Вневитинов М. А.* Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. // ЛЗАК.— Спб., 1884.— Вып. 7.— С. 1—138; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 196.

[131] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 295; Т. 2.— Стб. 283, 294, 295; *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 129.

[132] *НПЛ.*— С. 207.

[133] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 301—302; Т. 2.— Стб. 294, 295.

[134] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 302; Т. 2.— Стб. 295.

[135] *Карамзин Н.* История государства Российского.— Т. 2.— С. 103, 113, 124; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 303; Т. 2.— Стб. 297.

[136] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 307; Т. 2.— Стб. 305.

[137] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 310; Т. 2.— Стб. 312—313.

[138] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 313; Т. 2.— Стб. 321—323, 327.

[139] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 219; Т. 2.— Стб. 359—360.

[140] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 320—323, 334—336, 343—345, 355. Т. 2.— Стб. 374—398, 418, 444, 475, 476, 545; Т. 4.— Стб. 343.

[141] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 570—571; 596—597.

[142] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 3.— С. 117.

[143] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 406; Т. 2.— Стб. 652—653.

[144] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 428.

[145] *Там же.*— Стб. 437—438.

[146] *Там же.*— Стб. 450.

[147] *Там же.*— Стб. 451, 460.

[148] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 781—782.

[149] *Там же.*— Стб. 806.

[150] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.— М., 1985.— С. 38—39.

[151] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви.— М., б. г.— Т. 2.— С. 41, 59—61.

[152] *АЗР.*— Т. 2.— С. 4—5.

[153] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 26, 170—171; *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 153; *Ленин В. И.* Государство и революция // Там же.— Т. 38.— С. 9, 12.

[154] ПВЛ.— Ч. 1.— С. 20—21.

[155] Библиографию проблемы см.: *Назаренко А. В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исслед. 1985.— М., 1986.— С. 149—156; *Толочко А. П.* Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX — середине XIII вв:. Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Киев, 1989.— С. 1—4.

[156] *Назаренко А. В.* Указ. соч.— С. 150.

[157] *Толочко А. П.* Указ. соч.— С. 8.

[158] *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII ст.— Спб., 1909.— С. 3—29; *Назаренко А. В.* Указ. соч.— С. 152.

[159] *Толочко А. П.* Указ. соч.— С. 9.

[160] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 256—257; Т. 2.— Стб. 230—231.

[161] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси IX—XIV вв.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук.— М., 1979.— С. 3.

[162] *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города — государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ (Город и государство).— Л., 1986.— С. 198—311.

[163] *Карамзин Н.* История государства Российского.— Т. 2.— С. 103, 119, 124.

[164] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 308, 312.

[165] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 319—321; Т. 2.— Стб. 355, 359.

[166] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 320—321.

[167] *Там же.*— Стб. 321—322, 326—336.

[168] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 446.

[169] *Там же.*— Стб. 478.

[170] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 3.— С. 89—92.

[171] *Рапов О. М.*— Указ. соч.— С. 154.

[172] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 412.

[173] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 360.

[174] *Клепатский П. Г.* Очерки истории Киевской земли.— Одесса, 1912.— Т. 1.— С. 285, 286.

[175] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье...— С. 330, 377.

[176] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы...— С. 104.

[177] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество...— С. 89—95.

[178] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 342.

[179] *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли»...— С. 77.

[180] *Моргунов Ю. Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА. 1986.— № 2.— С. 110—120.

[181] *Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха // КСИА.— 1975.— Вып. 144.— С. 104—105.

[182] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 296.

[183] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 358.

[184] *Там же.*— Стб. 356.

[185] *Там же.*— Стб. 517.

[186] *Копии* привилегий переяславским мещанам // ЦГАДА.— Ф. 389, оп. 3.— Л. 290; Ф. 13.— Оп. 1.

[187] *Пассек В.* Очерки России.— М., 1840.— Кн. 2.— С. 195—202.

[188] *Городцов В. А.* Определение юго-восточных границ домонгольской Руси начала XIII в. // Тр. XIII АС.— М., 1908.— Т. 2.— С. 141.

[189] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 631—632.

[190] *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 270.

[191] *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА АН УССР.— 1964.— Вып. 99.— С. 24—33; *Ее же.* Половецкие каменные изваяния // САИ, Е4—2.— М., 1974.— 261 с.; *Ее же.* Половецкая земля.— С. 260—300.

[192] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 339; Т. 2.— Стб. 252—253, 459—460, 540, 631—632 (1103, 1152, 1170, 1183 г. и др.).

[193] *Плетнева С. А.* Половецкая земля.— С. 275.

[194] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 568, 633.

[195] *Там же.*— Стб. 540.

[196] *Там же.*— Стб. 638.

[197] *Там же.*— Стб. 651.

[198] *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.— С. 25—29; *Дьяченко А. Г.* Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1983.— С. 13—22.

[199] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА.— 1956.— № 52.— С. 20—65.

[200] *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885.— С. 170—171; *Цыбин М. В.* Юго-восточная окраина Руси в XII—XIV вв. (по данным археологии): Дис ... канд. ист. наук.— Воронеж, 1987.— С. 118.

[201] *Цыбин М. В.* Указ. соч.— С. 114—116. Выводы исследователей подтверждают результаты картографирования единичных находок и кладов восточных монет, обнаруженные в этом регионе в последнее время.— См.: *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ.— 1971.— Т. 9.— С. 79—80.— №№ 18—27.

[202] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 568, 633.

[203] *Клепатский П. Г.* Очерки истории Киевской земли.— С. 287—296.

[204] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— С. 301; *Шеломанова Н. М.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1971.— С. 26.

[205] *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время.— Спб., 1907.— С. 124—125; *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— С. 103—111.

[206] *НПЛ.*— С. 160, 180—181.

[207] *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков.— С. 62—94; *Его же.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси IX—XIV вв.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук.— М. 1979.

[208] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли...— С. 239 Чересполосны были в то время владения черниговского князя, державшего Тмутаракань и муромо-рязанские земли, и киевского, державшего Новгородскую и другие земли.

[209] *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля...— С. 73; ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 226—230.

[210] *Патерик* Киевского Печерского монастыря.— С. 189; *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 176—177; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля...— С. 75—76.

[211] *Кучкин В. А.* Указ. соч.— С. 76.

[212] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв.— М., 1977.— С. 138; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в XI—XIII вв.— М., 1980.— С. 195—199.

[213] *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 32.

[214] *Poppe A.* Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku.— Warszawa, 1968.— P. 165; *Поппэ А.* Учредительная грамота...— С. 70.

[215] *ПСРЛ.*— Т. 15.— Стб. 153;— Т. 28.— Стб. 41, 176; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 158—159; *Орлов А. С.* Владимир Мономах.— М.; Л., 1946.— С. 10; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение.— М., 1901.— Т. 1.— С. 149; *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // ВИ.— 1985.— № 11.— С. 25—26. В. А. Кучкин при этом предполагает, что делению, видимо, подвергалась не территория Смоленской земли, а лишь доходы с княжества.

[216] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 159.

[217] *ПСРЛ.*— Т. 5.— Стб. 150; *НПЛ.*— С. 202.

[218] *Рапов О. М.* Указ. соч.— С. 99—102.

[219] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 250; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв.— Л., 1979.— С. 25; *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы...— С. 146.

[220] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха.— С. 118—122; *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля...— С. 71—72.

[221] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля...— С. 16.

[222] *Татищев В. Н.*— Т. 2.— С. 123, 125.

[223] *Орлов А. С.* Владимир Мономах.— С. 147.

[224] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля...— С. 197.

[225] *Татищев В. Н.* История Российская.— С. 129, 133, 134.

[226] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля...— С. 198.

[227] *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // ЕА.— 1962.— М., 1963.— С. 39—40, 44; *Его же.* Древнерусские княжеские уставы...— С. 141; *Его же.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 173—180; *Его же.* Похвала князю Ростиславу Мстиславовичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв.— Л., 1974.— С. 59; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота...— С. 68.

[228] *Кучкин В. А.* Междукняжеские отношения XI в. и «Слово о полку Игореве».— С. 32—35.

[229] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 247.

[230] *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха...— С. 32.

[231] *Там же.*— С. 30.

[232] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 159.

[233–235] *Там же.*— С. 132, 148, 150.
[236–239] *Там же.*— С. 168—169.
[240] *Там же.*— С. 170.
[241] *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т.— Т. 2.— С. 109—110.
[242] *Там же.*— С. 103—104.
[243] *НПЛ.*— С. 21, 205.
[244] *Татищев В. Н.* История Российская.— Т. 2.— С. 104; *ПВЛ.*— Ч. 2.— С. 253—254.
[245] *История культуры* Древней Руси.— М.; Л., 1948.— Т. 1.— С. 370—396.
[246–248] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 182.
[249] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— С. 90; *НПЛ.*— С.
[250] *Татищев В. Н.* История Российская...— Т. 2.— С. 103—104.
[251] *НПЛ.*— С. 19, 163, 203, 473.
[252] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 204.
[253] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 313; Т. 2.— Стб. 322—323.
[254] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 571—572.
[255] *Романов Б. А.* Комментарии // ПВЛ.— Ч. 2.— С. 442—443.

Глава IV

[1] *Ленин В. И.* О государстве // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 73.
[2] *Ленин В. И.* Великий почин // Там же.— Т. 39.— С. 15.
[3] *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская правда // ИЗ.— 1965.— Кн. 76.— С. 261; *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.— М.; Л., 1963.— С. 5; *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII вв. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма.— М., 1970.— С. 85—119; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси.— Л., 1983.— С. 194—223.
[4] *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в XI—XV вв. // А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма.— М., 1972.— С. 182.
[5] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 170—171, 181. 182.
[6] *Там же.*— С. 109, 162; *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 481.
[7] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 162.
[8] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— Стб. 222.
[9] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIV вв.— М., 1961.— Т. 1.— С. 27—33; *Насонов А. Н.* «Русская земля»...— С. 181—182.
[10] *Щапов Я. Н.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России.— М., 1975.— С. 13—21.
[11] *ПР.*— Т. 1.— С. 402—403.— Ст. 3.
[12] *Там же.*— С. 402—424.— Ст. 2, 53.
[13] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 163.
[14] *НПЛ.*— С. 2.
[15] *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. // ТОДРЛ.— 1954.— Т. 10.— С. 76—92.
[16] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 170.
[17] *Там же.*
[18] *Лихачев Д. С.* К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России.— Л., 1978.— С. 35—36.
[19] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 163.
[20] *Русская* историческая библиотека.— Т. 36.— Вып. 1.— Пг., 1920.— С. 1—72; *ПРП.*— М., 1952.— Вып. 1.— С. 257—276.
[21] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.— Л., 1980.— С. 42—43.
[22] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 161.
[23] *Там же.*— С. 158—163.
[24] *ПР.*— Т. 1.— С. 402.— Ст. 2.
[25] *Там же.*— С. 424.— Ст. 53.
[26] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 227—228, 273—274.
[27] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— Т. 1.— С. 64.
[28] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 291; Т. 1.— Стб. 305.
[29] *Щапов Я. Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств.— Киев, 1972.— С. 186—189; *Его же.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России.— М., 1975.— С. 13—21.
[30] *Энгельс Ф.* Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 16.— С. 392.
[31] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 279; Т. 2.— Стб. 283.
[32] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории.— Л., 1974.— С. 123—126; *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР.— 1979.— № 1—2.
[33] *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— С. 121—122.
[34] *Кондаков Н.* Русские клады.— Спб., 1896.— Т. 1.— С. 133—134; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв.— М.; Л., 1954.— С. 79—80, 85—86, 93—94, 136—137.
[35] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли.— М., 1908.— С. 217—221; *Выезжев Р. И.* Новые материалы из раскопок Леплявского могильника // КСИА.— 1954.— Вып. 3.— С. 33—38; Ср. находки № 3 и 7; *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы...— С. 18—36; и др.
[36] *Бузян Г. М., Слюсар В. І.* Звіт про розвідувальні розкопки курганного могильника в с. Нечипорівка Яготинського р-ну археологічної експедиції по обстеженню курганів Переяслав-Хмельницького р-ну Київської області в 1975 р. // НА ПГИМ.— 1975/118 а.— 5 с.; *Сикорский М. И., Махно Е. В., Бузян Г. Н.* Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции в 1983 г. // НА ПГИМ.— 1983/157.— 65 с.
[37] *Юра Р. О.* Археологические исследования на посаде древнего Переяслава в 1965—1966 гг. // Археол. исслед. на Украине. 1965—1966.— 1967.— Вып. 1.— С. 175—179.
[38] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России /// Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 199.
[39] *ПР.*— Т. 1.— Ст. 21—24; Кр. ред.— С. 398.— Ст. 3, 56; Простр. ред.— С. 402, 426.
[40] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб.— 175—177; Т. 2.— Стб. 165—167.

[41] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 214; Т. 2.— Стб. 205.

[42] *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 7.— С. 361.

[43] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.— М., 1955.

[44] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 150.

[45] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности.— Спб., 1900.— Т. 2; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства.— М., 1949.— С. 345—360; *Толочко П. П.* Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов.— М., 1972.— С. 125—143; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.— Л., 1988.— С. 150—184; и др.

[46] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение.— М., 1965.— С. 24—34.

[47] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.— С. 184.

[48] *Толочко П. П.* Вече и народные движения...— С. 142.

[49] *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 30—33.

[50] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 143.

[51] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 302; Т. 2.— Стб. 295.

[52] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 319.

[53] *Там же.*— Стб. 416.

[54] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 196.

[55] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 322—323.

[56] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 377—378.

[57] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 355—356.

[58] *Там же.*— Т. 9—10.— Стб. 69.

[59] *Бенешевич В. Н.* Памятники древнерусского канонического права.— Пг., 1920.— Ч. 2, вып. 1.— № 2.— Ст. 73—101.

[60] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— Стб. 69; *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в.— М., 1962.— С. 149.

[61] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 102.

[62] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— Стб. 116.

[63] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 208.

[64] *Максимович М. А.* Собр. соч.— Киев, 1977.— Т. 2.— С. 328; *Филарет.* История русской церкви.— М., 1888.— С. 164; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви.— Спб., 1880.— Т. 1.— С. 274; *Пархоменко В.* Церковно-историческое значение Переяслава // Тр. Полтав. уч. арх. комис.— 1907.— Вып. 4; *Мошин В.* Послание русского митрополита об опресноках в Охридской рукописи // Byzantinoslawika.— 1963.— 24, № 1.— S 87—105; и др.

[65] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч.— С. 295.

[66] *Лебединцев П. Г.* Где жили киевские митрополиты в Переяславе или в Киеве? // Киев. старина.— 1885.— Янв., т. 11.— С. 177—182.

[67] *Müller G.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirchevor 1039.— Köln; Braunsfeld, 1959; *Poppe A.* Uwagi o najstarszych dziejach kościola na Rusi.— Cz. 1—2 // Przegląd Historyczny.— 1964.— T. 55, z. 3.— S. 369—391; z. 4.— S. 557—572; *Поппэ А.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ.— 1968.— Т. 28.— С. 85—108; 1969.— Т. 29.— С. 95—104; *Poppe A.* Państwo i kościol na Rusi w 11 wieku.— Warszawa, 1968; и др.

[68] *Рапов О. М., Ткаченко Н. Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестн. Москов. ун-та.— Сер. 8. История, 1980.— № 3.— С. 65; *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia.— 1964.— XXXIII, № 2.— S. 168.

[69] *Müller G.* Zum Problem...— S. 22—26; *Поппэ А.* Русские митрополии... // ВВ.— Т. 28.— С. 97; и др.

[70] *Поппэ А.* Русские митрополии... // ВВ.— Т. 28.— С. 105—106.

[71] *Müller G.* Zum Problem...— S. 23—26.

[72] *Чельцов М.* Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XVII вв.— Спб., 1879.— С. 128—131, 239—240; *Поппэ А.* Русские митрополии... // ВВ.— Т. 29.— С. 98—99.

[73] *Мошин В.* Указ. соч.— С. 98 и др.

[74] *Патерик...*— С. 24—28; *Сборник XII в.* Московского Успенского Собора // ЧОИДР.— 1899.— Кн. 2, вып. 1.— С. 64.

[75] *Поппэ А.* Русские миттополии... // ВВ.— 1969.— Т. 29.— С. 101.

[76] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 109.

[77] *ПСРЛ.*— Т. 5.— Стб. 139; Т. 15.— Стб. 158; Т. 28.— 21, 176 и др.

[78] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 111; *Пресняков А.* Княжное право в Древней Руси.— Спб.— 1909.— С. 44—46; *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— Л., 1958.— С. 489—491.

[79] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 109—112.

[80] *Голубинский Е. Е.* История...— Т. 1.— С. 249.

[81] *Насонов А. Н.* История Русского летописания...— С. 110.

[82] *Воронин Н. Н.* Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ.— М.; Л., 1955.— Т. 11.— С. 101—102.

[83] *Послание* епископа Симона Владимирского к Поликарпу, черноризцу Печерскому // Патерик...— С. 14.

[84] *Православный* собеседник.— 1858.— № 1.— С. 302; *Акафист* Леонтию, епископу ростовскому чудотворцу.— М., 1885.— С. 1—13.

[85] *Православный* собеседник.— 1858.— № 1.— С. 301.

[85] *Акафист...*— С. 8.

[87] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 117—121.

[88] *Ключевский В. И.* Жития святых как исторический источник.— М., 1871.— С. 19—21.

[89] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.— Спб., 1913.— С. 135—139.

[90] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 121.

[91] *Приселков М. Д.* Очерки...— С. 118.

[92] *Максимович М.* Собр. соч.— Т. 1.— С. 112.

[93] *Патерик* Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича.— Спб., 1911.— С. 24—28; *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 81.

[94] *Патерик...*— С. 24—28; *Поппэ А. В.* Русские митрополии... // ВВ.— Т. 28.— С. 106.

[95] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб.— 208—209; Т. 2.— Стб. 200; Т. 9.— С. 116.

[96] *Там же.*— Т. 9.— Стб. 116; *Книга* Степенная.— М., 1775.— Ч. 1.— С. 229.

[97] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Спб., 1843.— С. 278; *Татищев В. П.* Указ. соч. Т. 2.— С. 103.

[98] *Юзефович Д.* Иерархия Переяславско-Полтавской епархии // Полтавские епархиальные ведомости, часть неофициальная.— Полтава, 1863.— 14.— С. 41—50.

[99] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 139.

[100] *ПСРЛ.*— Т. 7.— С. 129.

[101] *Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.).— Спб., 1906.— С. 303—395.

[102] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 3311.

[103] *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы.— С. 146.

[104] *ПВЛ.*— Ч. I.— С. 185, 199, 202.

[105] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 2.— С. 134.

[106] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 202. 293. Т. 2.— Стб. 286, 295; Т. 9.— 10.— С. XV; *Максимович М.* Собр. соч.— Т. 1.— С. 115; *Макарий.* История...— Т. 2.— С. 21.

[107] *Максимович М.* Собр. соч.— Т. 1.— С. 116; *Макарий.* История...— Т. 2.— С. 21; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 313, 322; Т. 2.— Стб. 308, 323, 380.

[108] *Максимович М. А.* Собр. соч.— Т. 1.— С. 111—117; *Юзефович Д.* Иерархия...— С. 41—51.

[109] *ПСРЛ.*— Т. 9.— С. 236.

[110] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 414.

[111] *Там же.*— Стб. 469; — Т. 2.— Стб. 781—782.

[112] *Там же.*— Т. 10.— С. 147—148.

[113] *Там же.*— С. 149—150; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви.— М., б. г.— Т. 2.— 41—61.

[114] *Яновский И.* Епископы Переяслава Русского и пределы их епархий...— С. 851—870; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля...— С. 239—242; *Poppe A.* Państwo i kościol na Rusi w 11 wieku.— Warszawa, 1968.— S. 165.

[115] *Патерик...*— С. 76.

[116] *Голубинский Е.* История...— Т. 2.— С. 295—338.

[117] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси...— С. 5; *Его же.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.— М., 1978.— С. 13.

[118] *Никольский Н. К.* О литературных трудах Климента Смолятича.— Спб., 1892.— С. 104.

[119] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй... С. 306.

[120] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 228; — Т. 9—10.— Стб. 116;

[121] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля...— С. 203—404.

[122] *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. // ТОДРЛ.— М.; Л., 1954.— Т. 10.— С. 87—91.

[123] *Чтение* о Борисе и Глебе. Жития Бориса и Глеба и служба им / Под ред. Д. И. Абрамовича.— Пг., 1916.— С. 8.

[124] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 237—238, 330.

[125] *Памятники* древнерусского канонического права.— Ч. 1 // РИБ. Спб., 1880.— Т. 6.— Стб. 3—4, 7. 15.

[126] *ПРЛ.*— Вып. 1.— С. 237.

[127] *Шинаков Е. А.* Указ. соч.— С. 38—40, 190—192.

[128] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 191; *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 380; *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы...— С. 144, 145.

[129] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 469; Т. 2.— Стб. 781—782.

[130] *Маркс К.* Греческое восстание // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 10.— С. 129—131.

[131] *Ленин В. И.* Политическая агитация и «классовая точка зрения» // Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 265.

Глава V

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания X—XV вв.— С. 69—79; *Коринный Н. Н.* Место и роль Переяславля-Русского в оборонительной системе древнерусской столицы // Древнерусский город (Материалы Всесоюз. археол. конф., посвящ, 1500-летию г. Киева).— Киев, 1984.— С. 56—58.

[2] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— С. 131; *Плетнева С. А.* Половецкая земля.— С. 260—300.

[3] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— С. 115; *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // Вопр. географии.— М., 1970.— № 83.— 69—82.

[4] *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства.— М., 1846.— С. 18—21.

[5] *Бугай А. С.* Змійові вали на Київщині // УІЖ.— 1970.— № 6.— С. 74—83; *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe. Ze studiów nad obroną stalą ziem ruskich we wcześniejszem średniowieczu // Kwartalnik historii Kultury materialnej.— Warszawa, 1969.— N 2.— S. 141—181; *Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья.— Киев, 1987.— С. 5—18.

[6] *Лякоронский В. Г.* Змиевые валы в пределах южной России, их соотношение с курганами-майданами и приблизительная эпоха возникновения // Тр. XIII АС — М., 1907.— Т. 1.— С. 200—210; *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г. // АП УРСР.— Т. 1.— С. 22; *Его же.* Новая концепция предыстории Киевской Руси // История

СССР.— 1981.— № 1.— С. 58—60; *Его же.* Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 537—548; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА.— М.; Л., 1956.— № 52.— С. 170. *Его же.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— Л., 1967.— С. 167; *Толочко П. П.* Древняя Русь.— С. 52—53.

[7] *БСЭ.*— М., 1972.— Т. 9.— С. 547.

[8] *УСЭ.*— Киев, 1979.— Т. 4.— С. 231.

[9] В древнерусских летописях таких упоминаний восемь: *980 г.*— *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 76; *1093 г.*— Т. 1.— Стб. 220; *1095 г.*— Т. 1.— Стб. 227; *1146 г.*— Т. 2.— Стб. 325; *1149 г.*— Т. 2.— Стб. 379; *1151 г.*— Т. 2.— Стб. 433; *1169 г.*— Т. 2.— Стб. 534; *1223* г.— Т. 1.— Стб. 446.

[10] *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 1.— С. 348; *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885.— С. 160; *Багалей Д.* История Северской земли до половины XIV ст.— К., 1882.— С. 124.

[11] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины.— С. 5; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение.— М.; Л., 1950.— С. 18. В современных историко-географических исследованиях эти ошибочные взгляды пересматриваются (*Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.— М., 1985.— С. 232—234).

[11] *Оглоблин Н. Я.* Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // УИ.— Киев, 1873.— № 8.— С. 7.

[12] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 150.

[13] *Словарь* современного русского литературного языка.— М.— Л., 1961.— С. 114—115.

[14] *Гильфердинг А.* Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром // Русская беседа.— М., 1856.— Т. 1.— С. 11—12; *Оглоблин Н. Я.* Указ. соч.— С. 7.

[15] *Тр.* I АС в Москве. 1869.— М., 1871.— С. CXXV.

[16] *Антонович В. Б.* Змиевые валы в пределах Киевской земли // Киев. старина.— К., 1884, март.— Т. 8.— С. 355—370.

[17] *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и змиевые валы, находившиеся в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС в Киеве. 1899.— М., 1901.— Т. 1.— С. 456—458; *Его же.* Городища, курганы и длинные змиевые валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС в Екатеринославе. 1905.— М., 1907.— Т. 1.— С. 158—198; *Его же.* Змиевые валы в пределах южной России, их соотношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха их возникновения // Там же.— С. 200—210; *Его же.* Городища, курганы, майданы и длинные змиевые валы в области Днепровского Левобережья // Тр. XIV АС в Чернигове. 1909.— М., 1911.— С. 73—82.

[18] *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы, майданы и длинные змиевые валы...— С. 74.

[19] *Гіпліус Василь.* Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі // Етнограф. вісник.— Київ, 1929.— Кн. 8.— С. 3—51; *Петров Віктор.* Кузьма-Дем'ян в українському фольклорі // *Там же.* 1930.— Кн. 9.— С. 197—238.

[20] *Фёдоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА, 1960.— № 89.— С. 15—20.

[21] *Падалка Л. В.* Земляные валы и их остатки в пределах Полтавской губернии // Тр. Полтав. уч. арх. комис. 1905.— Вып. 1.— С. 206—209; *Его же.*— Змиевые валы на территории нынешней Полтавской губернии // Прошлое полтавской территории и ее заселение.— Полтава, 1914.— С. 3—27.

[22] *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe...— S. 141—181.

[23] *Самойловський І. М.* Переяславські змійові вали // УІЖ, 1971. № 3.— С. 101—102.

[24] *Брайчевский М.* Змиевые валы, вам слово // Знание — сила.— 1972.— № 7.— С. 26—27; *Его же.* Змійові вали: легенди і гіпотези // Наука и суспільство.— 1971.— № 8.— С. 58—59.

[25] *Кучера М. П., Юра Р. О.* Новые данные о «змиевых валах» Среднего Поднепровья // Новейшие открытия советских археологов: Тез. конф.— Киев, 1975.— Ч. 3.— С. 90—91; *Кучера М. П., Юра Р. О.* Дослідження змійових валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'яноруської археології.— Київ, 1976.— С. 198—216; *Кучера М. П., Юра Р. О.* Звіт про роботу експедиції по дослідженню «Змійових валів» у 1974 р.— Київ, 1974.— 21 с. // НА ИА АН Украины.— Ф. 1974/14а; *Кучера М. П.* Звіт про роботу Лівобережної експедиції «Змійові вали» у 1979 р.— Київ, 1972.— 32 с. // НА ИА АН Украины, ф. 1979/24.

[26] *Кучера М. П.* Змиевые валы Среднего Поднепровья.— С. 198—200.

[27] *Брайчевский М. Ю.* Змійові вали: легенди і гіпотези.— С. 58—59.

[28] *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы, майданы и длинные змиевые валы...— С. 1—82; *Его же.* Городища, курганы и длинные змиевые валы по течению рр. Псла и Ворсклы.— С. 158—198.

[29] *ПСРЛ.*— Т. 1.— С. 446; *Бескровный Л. Г.* Атлас русской военной истории.— М., 1946.— Л. 3.

[30] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 455.

[31] *ЦГАДА.* СССР.— Ф. 13.— Оп. 21.

[32] *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы, майданы...— С. 73—82.

[33] *Історія* міст і сіл Української РСР: В 26 т.— Чернігівська область.— К., 1972.— С. 390.

[34] *Rizzi Zannoni I. A.* B. Carte de la Pologne...— № 16.

[35] *Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья.— С. 57—59.

[36] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 227.

[37] *Там же.*— Стб. 322.

[38] *Труды* I АС в Москве.— М., 1869.— Т. 1.— С. CXXVI.

[39] *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской территории и ее заселение.— Полтава, 1914.— С. 14.

[40] *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г.— С. 22.

[41] *Шрамко Б. А.* Отчет о раскопках и разведках скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного уни-

верситета им. А. М. Горького в 1966 г.— Харьков, 1966.— 60 с.// НА ИА Украины.— Ф. 1966/66.— Табл. XXVII. 1.

[42] *Шрамко Б. А.* Исследование лесостепной полосы УССР // АО 1966 г.— М.— 1967.— С. 199—201.

[43] *Кучера М. П.* Змиевые валы...— С. 60.

[44] *Там же.*— С. 53—54.

[45] *Кучера М. П.* Звіт про роботу Лівобережної експедиції «Змійові вали» у 1979 р.// НА ИА Украины, ф. е. 9447.

[46] *Карта* «Политико-адміністративный поділ України в XVIII ст.» // Історія Української РСР.— К., 1979.— Т. 2.— С. 432.

[47] *Народные* русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т.— М., 1957.— Т. 1.— С. 327—328.

[48] *Петров В.* Кузьма-Дем'ян в українському фольклорі // Етнограф. вісник.— К., 1930.— Кн. 9.— С. 234; *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // ЧОИДР. 1865.— Кн. 2.— С. 8—15. Одну из подобных легенд, бытовавших на Лубенщине, записал в конце XIX в. В. Г. Ляскоронский. В ней рассказывается о том, что вал близ Снятина образовался оттого, «що одын чоловикъ оравъ на Вэлыкдэнь (т. е. на Пасху) да й пишовъ, провалывсь значыть, пид зэмлю з воламы й плугом». Подобное по своему сюжету предание о таинственном пахаре, быки которого уходят под землю, существовало у западных славян уже в глубокой древности. В легенде о чешском Пшемысле, записанной в XI в., встречается тождественное предание.— *Ляскоронский В.* Остатки древнего городища в м. Снетине Лубенского уезда Полтавской губернии // КС.— 1896, декабрь.— Т. 60.— С. 334;

[49] *Дневные* записи Якова Марковича.— М., 1859.— С. 454.

[50] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 85.

[51] *Там же.*— С. 102.

[52] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 101.

[53] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 668.

[54] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 201.

[55] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 176; *Рыбаков Б. В.* Политическое и военное значение южной «Русской земли»...— С. 79.

[56] Особенно насыщен топо- и гидронимией на «змiїв» бассейн Северского Донца (СГУ.— К., 1979.— С. 215: «Змієва балка» — п. Лугани, п. Северского Донца; «Змiїв яр» — л. Красной, л. С. Донца; «Змiївський яр» — л. Можу, п. С. Донца; «Змiїв курган» (КБЧ, 64, 74), «Змієве городище» (КБЧ, 74); и наконец «Змієві вали» — древние длинные валы, идущие от с. Орчика к Китайгороду, Царичанке и далее по Орели (Ляскор., 1901, 2).

[57] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 277—279, 394.

[58] *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe...— S. 155.

[59] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.— М., 1967.— С. 268.

[60] *Бугай А. С.* Змійові вали Київщини.— С. 80—81.

[61] *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской территории...— С. 10.

[62] *Расовский Д. А.* Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии // S. K.— Прага, 1933.— Т. 6.— С. 3, 19—21; и др.

[63] *Györffy György.* Istvân király és mûve.— Bp. 1977.— S. 196.

[64] Реестр числа инструментов, необходимых для строительства линии: мотыг — 2126, кирок — 4714, лопат — 5437, долот — 655, ломов — 100, топоров — 3000, тележек для перевозки земли — 2000, носилок — 2000, роспусков с колесами для перевозки леса — 100, пил — 39, стругов — 96 и др. Всего около 25 тыс. единиц (ЦГАДА.— Ф. 248, 478.— Л. 216).

[65] *ЦГИА Украины.*— Ф. 59, оп. 1, д. 374.— Л. 7—9.

[66] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России.— Спб., 1865.— Ч. 3.— С. 69; *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства.— М., 188...— С. 303—311.

[67] *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe...— S. 152.

[68] *Раппопорт П. Л.* Очерки...— С. 97.

[69] Подсчеты сделаны на основе карто-схемы валов.

[70] *Антонович В. Б.* Змиевые валы...— С. 360; *Бугай А. С.* Змійові вали Київщини.— С. 81.

[71] *Каргалов В. В.* На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI ст.— М., 1974.— С. 173.

[72] *ЦГАДА.*— Ф. 248, з. 477.— Л. 9—32.

[73] *Там же.*— Ф. 13.— д. 66.

[74] *Падалка Л. В.* Прошлое Полтавской территории...— С. 32.

[75] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 281.

[76] *Падалка Л. В.* Указ. соч.— С. 23.

[77] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— Л., 1967.— С. 167.

[78] *Моргунов Ю. Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА, 1986.— № 2.— С. 110—120.

[79] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 204.

[80] *Там же.*— Стб. 227.

[81] *Там же.*— Стю. 249.

[82] *Строженко А. Г.* Где жили переяславские торки // Киев. старина, 1899.— № 2.— С. 12; *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли...— С. 192—193; *Его же.* К вопросу о переяславских торках...— С. 286—288; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии...— С. 39—40; *Моргунов Ю. Ю.* Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА.— 1988.— № 2.— С. 194—206.

[83] *Расовский Д. А.* Указ. соч.— С. 39.

[84] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 308; Т. 2.— Стб. 305.

[85] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 197; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 295; Т. 2.— Стб. 289.

[86] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и развитии буржуазии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 16, ч. 1.— С. 443.

[87] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 162.

[88] *Там же.*— Стб. 163.

[89] *Там же.*— Стб. 167.

[90] *Там же.*— Стб. 277.

[91] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 213.

[92] *Кучера М. П.* Древньоруське городище в х. Міклашевському // Археологія.— К., 1962.— Т. 14.— С. 106; *Раппопорт П. А.* Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. // КСИИМК.— 1954.— Вып. 54.— С. 186; *Юра Р. О.* Археологічні дослідження городища Воїня // УІЖ.— 1960.— № 1.— С. 149.

[93] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 213—216.

[94] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 229.

[95] *Там же.*— Стб. 227—228; Т. 2.— Стб. 217—218.

[96] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 228.

[97] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 221—222.

[98] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 262—277.

[99] *Там же.*— Стб. 277—279, 289—291; Т. 2.— Стб. 253—255, 265—268, 284.

[100] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 277.

[101] *Там же.*— Стб. 279.

[102] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 289; Т. 2.— Стб. 265—268.

[103] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 270.

[104] *Там же.*— Стб. 269.

[105] *Там же.*— Стб. 284.

[106] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.— Киев, 1884.— С. 169.

[107] *Каргалов В. В.* Половецкие набеги на Русь.— С. 71.

[108] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 637—643; *Татищев В. Н.* Указ. соч.— Т. 3.— С. 135—136.

[109] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 647; Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.— С. 21.

[110] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 647—648.

[111] *Голубовский В.* Печенеги, торки и половцы...— С. 83.

[112] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— М.; Л., 1941.— Т. 2.— С. 36—37, 73; *Каргалов В. В.* Половецкие набеги на Русь...— С. 73.

Глава VI

[1] *Физико*-географическое районирование СССР.— М., 1968.— С. 86; Физико-географическое районирование Украинской ССР.— Киев, 1968.— С. 668.— Карта.

[2] *Шовкопляс І. Г.* Основи археології.— К., 1972.— С. 53.

[3] *Бучинский И. Е.* О климате прошлого русской равнины.— Л., 1957.— С. 18—19; *Его же.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем.— Киев, 1963.— С. 93.

[4] *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини.— К., 1963, с. 7.

[5] Площадь пойм рек Переяславской земли составляет приблизительно 14 % всей ее территории (*Отоцкий П. В.* Оро-гидрографический очерк Полтавской губернии.— Спб., 1894.— С. 41—46).

[6] Река Хорол, например, почти вдвое длиннее своей аллювиальной долины // Отоцкий П. В. Указ. соч.— С. 41.

[7] *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси.— М.; Л., 1948.— Т. 1.— С. 317; *Kostrzewski I.* Drogi handlowe // Slownik starozytności slowiańskich.— 1961.— Т. 1.— S. 384; *Kowalenko W., Swoboda W.* Mapa wcześnośredniowiecznych drog handlowych Slowiańszczyzny // Ibidem; *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры.— М., 1967; *Даркевич В. П.* Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село.— М., 1985.— С. 387—411.

[8] *Ганіна О. Д.* Античні посудини з торфовища на р. Супої // Археологія.— 1964.— Т. 16.— С. 195—197; *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ.— Вып. Е4—4.— 1964; *Даркевич В. П.* Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.— М., 1975.

[9] Интенсивная вырубка лесов происходила в XVII—XVIII вв., когда Левобережная Украина становится центром селитроварения, поташного, гутного и гончарного производств, потреблявших огромное количество дров (Історія Української РСР.— Т. 2.— С. 235, 237, 383—384).

[10] *Юденич О. М.* По річках України.— К., 1968.— С. 124.

[11] *Природа* Полтавской губернии.— Полтава, 1908.— С. 31; *Карта* растительности Европейской части СССР.— М.; Л., 1948; *Карта* растительности Европейской части СССР: Пояснительный текст.— М.; Л., 1950.— С. 169—170; *Зеров Д. К.* Болота УРСР // Рослинність і стратиграфія.— К., 1938.— С. 101; *Природа* Полтавской губернии.— С. 30—31; и др.

[12] *Монин С. А.* География почв.— М., 1957.— С. 185—187; *Атлас* природных условий и естественных ресурсов Украинской ССР.— М., 1978.— С. 116.

[13] *Карта* растительности Европейской части СССР.— М.; Л.— 1948.

[14] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 540, 543.

[15] *Ляскоронский В. Г.* Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно южной России.— Киев, 1901; *КБЧ.*— М.; Л., 1950.— С. 62. *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства // История колонизации.— М., 1887.— Т. 1.— С. 14; *Корд В.* Матеріали до історії картографії України.— К., 1931.— Ч. 1; *Цветков М. А.* Изменение лесистости европейской России с конца XVII в. по 1914 год.— М., 1957.— С. 19.

[16] *Атлас* природных условий...— С. 123—129.

[17] На середину прошлого века она составляла всего 1—5 % (лесная площадь в % к общей площади) // Карта Европейской России.— Спб., 1859.

[18] *Атлас* природных условий...— С., 116—117.

[19] *Коринный Н. Н.* Место и роль Переяславля-Русского в оборонительной системе древнерусской столицы.— С. 56—58.

[20] *Докучаев В. М.* Наши степи прежде и теперь.— Спб., 1892.— С. 62.

[21] Пашенное земледелие внедряется в Среднем Подиепровье с конца III тыс. до н. э. (*Краснов Ю. А.* Раниее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы // МИА.— 1971.— № 174.— С. 39—41).

[22] *Коринный Н. Н.* О размещении и численности населения Переяславского княжества в начале XII в.— С. 110—112.

[23] *Каталог* річок України.— К., 1957; *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна.— Спб., 1913; *Словник* гідронімів України.— К., 1979.

[24] *Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу. Порівняльне дослідження народів УРСР і суміжних територій.— К., 1965.— С. 105.

[25] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Подиепровья.— М., 1962.

[26] *Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу.— С. 108.

[27] *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини.— С. 94.

[28] *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины.— М., 1968.— С. 270.

[29] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества.— С. 11—62 и др.

[30] *Янин В. Л.* Крещение Новгорода и христианизация его населения // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси (Сб. тез.).— М., 1987.— С. 61; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.).— М., 1986.— С. 89—93 и др.

[31] *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Исследования по истории славянских и балканских народов.— М., 1972.— С. 7—28; *Королюк В. Д., Наумов Е. П.* Перемещение славян в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование народностей (Итоги и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси.— Киев, 1980.— С. 9—10; *Соловьева Г. Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь.— М., 1968.

[32] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — перв. пол. XIII века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— М., 1981.— С. 8—9.

[33] *Брайчевська А. Т.* Давньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя // АПУ.— 1962.— Т. 12.— С. 155; *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— Київ, 1977.— С. 178. Рис. 61.

[34] *Котляр М. Ф.* Хто такі бродники (до проблеми виникнення українського козацтва) // УІЖ.— 1969.— № 5.— С. 95—101.

[35] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы.— С. 184.

[36] *Вилинбахов В. Б.* Некоторые демографические проблемы в истории Руси // Studia historiae o economicae.— Poznań, 1972.— S. 22—35.

[37] *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе.— М., 1941; *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowińskich.— Warszawa, 1953.— S. 232—244.

[38] Нами взят минимальный коэффициент 15 человек на 1 км² (максимально — 35 человек на км²) (*Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления).— М., 1941.— С. 377).

[39] Взят минимальный показатель — 1 человек на 1 км². Площадь указанных регионов соответственно 6 тыс. км² и 17 тыс. км². (*Урланис Б. Ц.* Указ. соч.— С. 377).

[40] Площадь северских земель (Посеймье, окраинные земли Сулы — Северского Доица) составляла около 98 тыс. км²; ростово-суздальских (включая Белоозеро и Поволжье) — 250 тыс. км². В обоих случаях коэффициент средней плотности брался 3 человека на 1 км².

[41] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956.— С. 64.

[42] *Материалы* 5-й Республиканской археологической конференции молодых ученых.— Киев, 1983; *Шекун А. В., Веремейчик Е. М.* Селища IX—XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.— Киев, 1988.— С. 93—110.

[43] «Половци ... присунушася вборзѣ... кѣ Барочю и ко Бронь, князю, хотящю полонити Торкы...» (*ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 295).

[44] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 326.

[45] *Дяченко В. Д.* Про назви населених пунктів України етноімічного походження // Питання топоніміки та ономастики.— К., 1962.— С. 157—163; *Аристов О. Н.* О земле половецкой (Историко-географический очерк).— Киев, 1977.— С. 1—25.

[46] *Моця А. Н.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. по данным погребальных памятников.— Киев, 1980 // НА ИА УССР, ф. 12, № 584; *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы.— С. 183—184.

[47] *Чертеж* камня с европейской надписью // НА ИА АН Украины, ф. 13, № 24.

[48] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Подиепровья и Подвинья.— М., 1970.— С. 130—131.— Рис. 38; *Сухобоков О. В.* Славяне...— С. 147—148.

[49] *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы...— С. 31—35 и др.

[50] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— Л., 1972.— С. 632—639; *Черепнин Л. Е.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации.— М.; Л., 1958.— С. 58; *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Формирование самосознании древиерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.— М., 1982.— С. 116—117.

[51] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 11—16.

[52] *Жилко Ф. Т.* Про умови формування полтавсько-київського діалекту — основи української національної мови // Полтавсько-київський діалект — осиова української національної мови.— К., 1954.— С. 3—20.

[53] *Моруженко А. А., Косиков В. А.* Курганы у с. Городное // СА, 1977.— № 1.— С. 281—288.

[54] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— С. 132; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА.— 1958.— № 62.— С. 172—178 и др.

[55] *Черепнин Л. В.* Исторические условия... С. 67—69; *Котляр М. Ф.* До питання про давньоруську основу культури російського, українського та білоруського народів // Вісник АН УРСР.— 1982.— № 5.— С. 25—30.

[56] *Волынкин Н. М.* Предшественники казачества — бродники // Вестник Ленинград. ун-та.— 1949.— № 8.— С. 10.

[57] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 81; *НПЛ.*— С. 159.

[58] *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— С. 12—22.

[59] *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город (исследования и материалы).— М., 1983.— Вып. 6.— С. 13—15.

[60] *Кучера М. П.* Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія.— 1970.— Т. 24.— С. 224.

[61] *Археологія* Української РСР.— Т. 3.— С. 212—222, 257—264; *Шрамко Б. А.* Древности Северного Донца.— Харьков, 1962; *Довженок В. Й.* та інші. Древньоруське місто Воїнь.— К., 1966.

[62] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 308. Летописцы именуют город на Трубеже по-разному: чаще всего — Переяславль, Переяслав, Переяславль-Русский, Переяславль-Южный.

[63] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 24.

[64] «Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ, на бродѣ томъ, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть» (*ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 85).

[65] *Лихачев Д. С.* Комментарии // ПВЛ.— Ч. 2.— С. 112.

[66] А. Левшин во время путешествия в начале XIX в. по Украине был ознакомлен в Переяславе со старинной рукописью, повествующей об основании города. Неизвестный сочинитель уверял, что близ брода через Трубеж было с. Перея, в котором родился Иван Усмошвец. В честь Переи, прославившейся храбростью жителя, Владимир, князь киевский, велел построить на месте сражения город и назвал Переяславом (Перея славная) (*Левшин А.* Письма из Малороссии.— Харьков, 1816.— С. 52—54; Радзивиловская или Кенигсбергская летопись.— Спб., 1902.— С. 69).

[67] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 310.

[68] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XVIII вв.— С. 82—85.

[69] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 137; *ПСРЛ.*— Т. 2.— С. 277; Т. 28.— С. 178 — Т. 30.— С. 50.

[70] *Каргер М. К.* Памятники Переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований // СА.— 1951.— Т. 15.— С. 49.

[71] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 310.

[72] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия.— М., 1977.— С. 430.

[73] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 311.

[74] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 381, 442.

[75] *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.— М., 1978.— С. 289—290.

[76] *Боплан.* Описание Украины.— Спб., 1852.— С. 4; *Гійом Левассер де Боплан.* Опис України.— К., 1990.— С. 36.

[77] ПСРЛ.— Т. 9.— С. 169, 201; *Кучера М. П.* До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж.— С. 224—249.

[78] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 295.

[79] *Каргер М. К.* «Летская божница» Владимира Мономаха // КСИИМК.— 1953.— Вып. 49.— С. 19.

[80] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 248.

[81] *Богусевич В. А.* Остерский городок // КСИА.— Киев, 1962.— № 12.— С. 37—42; *Кучера М. П.* Переяславское княжество.— С. 139—140.

[82] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 260; Т. 1.— Стб. 344.

[83] *Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія.— 1978.— № 25.— С. 21—31.

[84] *Максимович М. А.* Сочинения.— Киев, 1876.— Т. 1.— С. 747—748.

[85] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь.— К., 1966.— 148 с.

[86] *Кучера М. П.* Древньоруське городище в х. Міклашевському // Археологія.— К., 1962.— Т. 14.— С. 89—108; *Кучера М. П.* Древньоруське городище біля хутора Кизивер // Археологія.— К., 1964.— Т. 16.— С. 103—108.

[87] *Рабинович М. Г.* Осадная техника на Руси в X—XIV веках // Известия АН СССР, серия истории и философии.— 1951.— Т. 8.— № 1.— С. 75; *Раппопорт П. А.* Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА.— 1959.— № 1.— С. 115.

[88] *Довженок В. Й.* Феодальний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія.— К., 1953.— Т. 8.— С. 20—30; *Довженок В. Й.* Древньоруські городища-замки // Археологія.— Т. 13.— К., 1961.— С. 94—105.

[89] *Самоквасов Д. Я.* Донецкое городище // Тр. XII АС.— М., 1914.— Т. 3.— С. 330—331.

[90] *Федоровский А. С.* Археологічні розкопки в околицях Харкова. // Хроніка археології та мистецтва.— Харків, 1930.— Т. 1.— С. 5—10.

[91] *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— С. 292—315; *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта).— Киев, 1984.— С. 174—175.

Глава VII

[1] *Довженок В. Й.* Землеробство Древньої Русі.— К., 1961.— С. 119—125.

[2] *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма // Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 156; *Его же.* Развитие капитализма в России // Там же.— Т. 3.— С. 40, 56—57; *Его же.* Левонародничество и марксизм // Там же.— Т. 25.— С. 237.

[3] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 79; *Довженок В. Й.* Землеробство Древньої Русі.— С. 251—260; *Федоровський О.* Вказ. праця.— С. 5—6; *Остерський* краевед. музей.— Инв. № 121, 130; *Киевский* гос. ист. музей.— Фонды отд. Киев. Руси. № 2031—2040.

[4] *Федоровський О.* Вказ. праця.— С. 8; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 339.

[5] *Довженок В. Й.,* Вказ. праця.— С. 79.

[6] *Кубышев Л. И.* Раскопки поселения X—XV вв. у с. Комаровка // Археол. исслед. на Украине. 1965—1966.— К., 1967.— Вып. 1.— С. 25.

[7] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 338.

[8] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 80.

[9] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 252.

[10] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 322: «И выправися (Изяславъ) весь из города и ста на болоньи и с товары за огороды».

[11] *Дробизжев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география.— М., 1973.— С. 69—70.

[12] *Археологія* Української РСР.— Т. 3.— С. 273.

[13] *Тимченко Н. Г.* К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье).— К., 1972.— С. 62—139.

[14] *Сергеев Е. С.* Фауна района древнерусского города Воинь // Археол. исслед. на Украине. 1965—1966.— К., 1967.— Вып. 1.— С. 120—123; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340.

[15] *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— О. 122.

[16] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 151.

[17] *Там же.*— Стб. 222.

[18] *Там же.*— Стб. 258.

[19] *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— С. 122; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340.

[20] *РП.*— С. 399.— Ст. 36—37; *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— С. 120—123; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340.

[21] *Описание* Украины Боплана. 1630—1648 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— К., 1896.— Вып. 2.— С. 310.

[22] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 72.

[23] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340—341.

[24] *Кучера М. П.* Древньоруське городище в х. Миклашевському // Археологія.— К., 1962.— Т. 14.— С. 89—108.

[25] *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— С. 123.

[26] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340—341.

[27] *Тимченко Н. Г.* К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье).— К., 1972.— С. 22—62.

[28] *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— С. 121—122; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 340.

[29] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 71.

[30] *Сергеев Е. С.* Указ. соч.— С. 120; *Дробизжев В. З. и др.* Историческая география.— С. 70.

[31] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли...— С. 171—172.

[32] *ПР.*— Т. 1.— С. 399, 135, 136; *Описание* Черкасского и Каневского замков 1552 г. // АЮЗР.— К., 1886.— Ч. 7, т. 1.— С. 76—107; *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 73.

[33] *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и московитян десять отрывков // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— К., 1980.— Вып. 1.— С. 48.

[34] *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание.— К., 1951.— С. 555.

[35] *Ляскоронский В. Г.* Переяславская земля...— С. 178—181.

[36] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— С. 122—132.

[37] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 309; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— С. 108—109.

[38] *Кучера М. П.* Древньоруське городище в х. Миклашевському // Археологія, 1962.— Т. 14.— С. 104—105.

[39] *Кочин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА.— М., 1953.— Вып. 32.— С. 191.

[40] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 349—351.

[41] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 37; *Розенфельд Р. Л.* Русские замки домонгольского времени // КСИМК.— 1952.— Вып. 58.— С. 32—38.— Рис. 2.

[42] *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА АН СССР.— № 155.— С. 94; *Кучера М. Н.* Древньоруське городище в х. Миклашевському.— С. 89—108; *Его же.* Древньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія.— К., 1964.— Т. 16.— С. 103—118; *Его же.* До питання про давньоруське місто Устя на р. Трубіж // Археологія, 1968.— Т. 21.— С. 244—249; *Моргунов Ю. Ю.* Отчет о работе Посульской разведгруппы ИА АН СССР в 1978 на территории Сумской и Полтавской областей УССР // НА ИА АН Украины.— Д. 1978/31; Фонды Нежинского историко-краеведческого музея.— Инв. № 25.

[43] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 381.

[44] *ПГИМ.*— Инв. № 2219; 2302 (1—8); 2304 (1—3); 2919; 3319 (1—2); 2305 (1—2).

[45] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 77—79; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 346—350; *Фонды* Нежинского краеведческого музея.— Инв. № 25; *ПГИМ.*— Инв. № А—228; А9; А—21; 2298 (1—3).

[46] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 346—350.

[47] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв.— М.; Л., 1954.— С. 93—94, 136—137; *Кондаков Н.* Русские клады.— Спб., 1896.— Т. 1.— С. 133—134.

[48] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 76; *ПГИМ.*— Инв. № А—1; А—31, 3613, 3631.

[49] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 350—351.

[50] *Федоровський О.* Археологічні розкопки в околицях Харкова.— С. 6—7; *Дьяченко А. Г.* Гончарное ремесло древнерусского города Донца // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья).— Курск, 1985.— С. 100—119.

[51] *ПГИМ.*— Инв. № А—220; А—224; 2650 и др. *Шрамко Б. А.* Указ. соч. № 348; *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 96; *Федоровський О.*— Указ. соч.— С. 8.

[52] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА.— 1950.— Т. 6.— С. 249; *Дьяченко А. Г.* Гончарное ремесло...— С. 110.

[53] *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья.— Киев, 1913.— С. 72; *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ.— М., 1967.— Вып. Е1—38.— С. 39, 44, 48.

[54] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XVIII вв.— С. 82—85; *Довженок Н. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 86.

[55] *Сікорський М. І.* Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому.— С. 146—150.

[56] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 84—85.

[57] *Федоровський О.* Указ. соч.— С. 10.

[58] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказана праця.— С. 81.

[59] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— С. 168.

[60] *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 103.

[61] *ПГИМ.*— Инв. № А—34.

[62] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 231, 258, 290, 315, 331; Т. 2.— Стб. 323, 440, 472.

[63] *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси.— М.; Л., 1948.— Т. 1.— С. 317; *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // Вопр. географии.— М., 1950.— Сб. 20.— С. 239—250; *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny.— Wroclaw; Kraków, 1956.— T. 1.— Z. 141—148; *Lewicki T.* Źródła arabskie i hebrajskie do dziejów źródloznawcze. 3.— Poznań, 1958.— Z. 68; *Kostrzewski I.* Drogi handlowe.— Z 384; *Kowalenko W., Swoboda W.* Mapa wczesnosredniowiecznych drog handlowych Slowiańszczyzny.

[64] *Джиованни дель Плано Карпини.* История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.— М., 1957.— С. 89.

[65] *Былины.*— Спб.— 1912.— С. 25—26, 102.

[66] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 247.

[67] *Былины.*— С. 25—26, 39, 102.

[68] *ПР.*— Т. 1.— Стб. 77, 39.— С. 436—418.

[69] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 528, 538.

[70] *Геродот.* История.— Кн. 4.— С. 121; *Мищенко Ф. Т.* О днепровском пути древних греков к Балтийскому морю // ЧИОНЛ, 1888.— Кн. 2.— С. 95—97; *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия.— М., 1979.— С. 195—238.

[71] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством // Изв. ГАИМК.— М.; Л., 1934.— Вып. 91.— С. 8—10; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 11.

[72] *Константин Багрянородный.* Указ. соч.— С. 9.

[73] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 196, 465, 505, 522, 735.

[74] *Константин Багрянородный.* Указ. соч.— С. 9.

[75] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.— М., 1975.— С. 298; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Г.* Внешняя торговли Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР, 1967.— № 3.— С. 83.

[76] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— М., 1948.— С. 103—107; Сравн.: *Середонин С. М.* Историческая география.— С. 159; *Букатевич Н. І.* Чумацтво на Україні.— Одеса, 1928.— С. 18.

[77] *Верзилов А.* Очерки торговли Южной Руси (1480—1569).— Чериигов, 1898.— С. 10 и др.

[78] *Джиованни дель Плано Карпини.* История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.— С. 91.

[79] *Спицын А. А.* Торговые пути Киевской Руси.— С. 8.

[80] *Патерик.*— С. 44.

[81] *КБЧ.*— М.; Л., 1950.— С. 59—66.

[82] *Россия.* Полное географическое описание нашего отечества.— Спб., 1910.— Т. 14. Новороссия и Крым.— С. 436; Спб., 1903; Т. 7. Малороссия.— С. 76; *Русов А. А.* Русские тракты в конце XVII и начале XVIII вв. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия.— Киев, 1876.— С. 120.— Приложение.

[83] *Букатевич Н. І.* Указ. соч.— С. 15.

[84] *Россия...*— Т. 7.— С. 76; Т 14.— С. 436; *Русов А. А.* Русские тракты...— Приложение.

[85] *Плетнева С. А.* О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА.— 1964.— Вып. 99.— С. 24—33; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— С. 47—58; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С 355 и др.

[86] *Гетманец М. Ф.* Тайна реки Каялы: («Слово о полку Игореве»).— Харьков, 1982.— С. 15, 46, 119, 124 и т. д.

[87] *Фоменко В. Г.* Южные пути Киевской Руси на Запорожье // АЕ, 1963 М., 1964.— С. 23—28; *Мельгунов П. П.* Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв.— М., 1905.— С. 43—44.

[88] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— С. 108.

[89] *Геродот.* История.— Кн. 4.— С 111.

[90] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.— С. 108.

[91] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений.— М., 1956.— С. 431—432; *Шекера І. М.* Київська Русь у міжнародних відносинах.— К., 1967.— С. 39.

[92] *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельновечевое время.— Спб., 1907.— С. 124; *Очерки* истории СССР IX—XIII вв.— М., 1953.— Т. 1, ч. 1.— С. 203—204.

[93] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 528.

[94] *Гошкевич В. И.* Замок князя Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом.— Киев, 1890.— С. 3.

[95] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 289; Т. 2.— Стб. 266; *Кудряшов К. В.* Указ. соч.— С. 112—121.

[96] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1870.— С. 131—133.

[97] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— 47—58.

[98] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 635.

[99] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 355.

[100] *Патерик.*— С. 20.

[101] *Lewicki T.* Źródla arabskie..., 1956.— S. 149; *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси.— 1154 г. // КСИИМК, 1952.— Вып. 43.— С. 27—29.— Рис. 14.

[102] *Рыбаков Б. А.* Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы: МИА.— М., 1969.— №169.— С. 189—196.

[103] *Ляскоронский В. Г.* Переяславская земли... С. 213; *Русов А. А.* Указ. соч.— Карта-прилож.; *Кулишер М. И.* Очерк истории русской торговли.— Пг., 1923.— С. 38.

[104] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 158, 159.

[105] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 458.

[106] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 161.

[107] *Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП.— Спб., 1888, июль.— С. 121—150; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика... С. 138 и др.

[108] *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.) // САИ, Е1—57, 1966.— С. 143.— Табл. № 34.

[109] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 303.

[110] *Там же.*— Стб. 319.

[111] *Русов А. А.* Указ. соч.— Карта-прилож.

[112] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С 160.

[113] *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отделение общественных наук.— 1933.— № 6—7.— С. 473—484; *Кропоткин В. В.* Новые материалы...— С. 72—79; *Фомин А. В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X — начале XI в. // НЭ.— М., 1984.— Т. 14.— С. 133—138.

[114] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв.— М., 1976.— С. 156—157.

[115] *Янина С. А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской экспедиции.— Т. 4.— МИА.— М., 1956.— № 111.— С. 179—204; *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры.— М., 1987.— С. 158—205; *Кропоткин В. В.* Новые материалы...— С. 79. *Ыков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.— М., 1974.— Т. 3.— С. 26—71.

[116] *Любомиров П. Г.* Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Уч. зап. Сарат. уи-та.— 1923.— Т. 1.— вып. 3.— С. 20; *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе.— М., 1930.— С. 77—78; *Гусаков А. Д.* О некоторых явлениях в денежном обращении древней Руси // Изв. АН СССР.— 1946.— Отд. экономики и права.— № 3.— С. 245; *Фасмер Р. Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. // ИГАИМК.— 1931.— 7.— Вып. 2.— С. 13; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР.— М., 1952.— Т. 1.— С. 96.

[117] *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг...— С. 24, карта № 1.

[118] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...— С. 104—105; *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк.— Л., 1970.— С. 40—47.

[119] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР.— М., 1962.— С. 15; *Его же.* Новые материалы...— С. 73—79; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг...— С. 23—24; *Фомин А. В.* Источниковедение кладов куфических монет IX—X вв. (по материалам Восточной Европы): Дис. .. канд. ист. наук.— М., 1982.— С. 80, 106, 111—112.

[120] *Гусейнов Р. А.* Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв. // НЭ.— М., 1971.— Т. 9.— С. 103—114; *Сайпанов Б. С.* Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе // Вестник МГУ.— М., 1976, история.— № 1.— С. 54—57; *Фомин А. В.* Обращение обломков куфических монет...— С. 133—138.

[121] *Анохин В. А.* Деньги Киевской Руси // Археология Украинской ССР в трех томах.— Киев, 1986.— Т. 3.— С. 485—491.

[122] *Голенко К. В.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византийских монет // ВВ.— М., 1961.— Т. 18.— С. 216—225.

[123] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет...— С. 11.

[124] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...— С. 129—130; *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв.— Л., 1968.— С. 45.

[125] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады...— С. 85.

[126] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...— С. 155; *Потин В. М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в.— М., 1961.— С. 84—115.

[127] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков.— Л., 1983.— С. 47—111.

[128] *Сотникова М. П.* История изучения русских монет X—XI вв. в Государственном Эрмитаже // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики.— Л., 1977.— С. 4—11.

[129] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады...— С. 28; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...— С. 171; *Спасский И. Г.* Русская монет-

ная система.— Л., 1970.— С. 63; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг...— С. 52.

[130] *Потин В. М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет... С. 98; *Котляр Н. Ф.* Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси (XII—XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины.— М., 1973.— Т. 5.— С. 152—169.

[131] *Спасский И. Г.* Указ. соч.— С. 62—63.

[132] *Ал-Гарнати.* Путешествие Абу-Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153).— М., 1971.— С. 35—36.

[133] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы...— С. 162—170; *Мельгунов П. П.* Очерки...— С. 40—41; *Шекера І. М.* Київська Русь...— С. 20—28; *Страбон.* География.— М., 1964.— С. 284—285; *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси.— С. 518—519, 780; *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 48.

[134] *Мельгунов П. П.* Очерки...— С. 42—43; *Шекера І. М.* Київська Русь...— С. 28—34.

[135] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли.— С. 21.

[136] *ПГИМ.*— Инв. № А—63, А—207 и др.; Инвентарная опись находок археологической экспедиции «Киев-Переяслав» ЛО ИИМК АН СССР и ГЭ // НА ЛО ИА АН СССР.— Ф. 35, оп. 1, д. 78, 1949 г.; *Раппопорт П. А.* Дневник Переяславской археологической экспедиции ЛО ИИМК АН СССР за 1953 г.— С. 45 // НА ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 67.— Л. 62 (Литейная формочка для изготовления крестиков, найденная в Воскресенской церкви, свидетельствует о том, что значительную часть данной христианской атрибутики греческое духовенство изготовляло на месте, т. е. в Переяславе); *Шендрик Н. І.* Довідник з археології України: Київська область.— С. 97, 100 та ін.

[137] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв.— М., 1975.— С. 262—299; *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси.— М., 1967 // САИ.— Вып. Е1—38.

[138] *Щапова Ю. Л.* Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. // ВВ — М., 1961.— Т. 19.— С. 60—75; *Шекера І. М.* Київська Русь... С. 31.

[139] *ПВЛ.* ч. 1.— С. 48; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 354; *Шендрик Н. І.* Довідник з археології України: Київ. обл.— К., 1977.— С. 90—100.

[140] *Тебеньков М.* Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-Намэ» Низами как источник для характеристики этих сношений.— Тифлис, 1896.— С. 72; *Новосельцев А. П., Пашуто А. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР.— 1967.— № 3.— С. 106.

[141] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли.— С. 217—221.

[142] *Фехнер М. В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // Международные связи России до XVII в.— М., 1961.— С. 46—54.

[143] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XVI вв.— С. 155—160; *Шекера І. М.* Указ. соч.— С. 31.

[144] *Фехнер М. В.* Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси — С. 207—227.

[145] *Маркс К.* Русский вопрос // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 9.— С. 240.

[146] *Слово* о полку Игореве.— С. 15—16.

[147] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— С. 6; Слово о полку Игореве.— С. 24.

[148] *Моргунов Ю. Ю.* Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы.— С. 194—206; *Швецов М. Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА.— 1980.— № 2.

[149] *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны.— С. 90—91.

[150] *Шекера І. М.* Київська Русь...— С. 23; *Молодчикова И. А.* К вопросу о торговых связях Киевской Руси с кочевниками // Новейшие открытия советских археологов.— К., 1975.— Ч. 3.— С. 94—95; *Привалова О. Я., Привалов А. И.* Исследования курганов на территории Донецкой области // АО.— 1976.— М., 1976.— С. 355—356; *Дедов В. Н., Швецов М. Л.* Находка древнерусского меча в Донбассе // СА.— 1987.— № 1.— С. 262—263.

[151] *Каргер М. К.* Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952—53 рр. // Археологія.— 1954.— Т. 9.— С. 14—16; *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла...— С. 16—17.

[152] *Юра Р. А.* Бронзовый водолей из Переяслава Русского // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 239—242.

[153] *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 354.

[154] *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла...— С. 17, 36; *Его же.* Остерская находка // КСИА.— 1962.— № 87.— С. 88—91.

[155] *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути.— С. 328; *Равдоникас В.* Надписи и знаки на мечах из Днепростроя // Изв. ГАИМК.— 1933.— Вып. 100.— С. 598—616; *Widera B.* Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiewer Rus in der ersten Hälfte des 11 Jahrhunderts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.— Berlin, 1954.— Heft 1.— S. 10.

[156] *Васильевский В. Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— С. 324—325; *Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // ИЗ.— М., 1948.— Т. 26.— С. 109.

[157] *Мельгунов П. П.* Очерки по истории русской торговли...— С. 40; *Флоровский А. В.* Чешско-русские торговые отношения X—XIII вв. // Международные связи России до XVII в.— М., 1961.— С. 64—82.

[158] *ПГИМ.*— Инв. № А—34; *Шрамко Б. А.* Указ. соч.— С. 354.

[159] *Шевченко Т. К.* Отчеты о работах Хортицкой экспедиции // НА ИА АН Украины.— Ф. / э 7867, 8268, 9405.

[160] *Верзилов А.* Указ. соч.— С. 9—10.

[161] *Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 296; *Ленин В. И.* О продовольственном налоге // Там же. Т. 43.— С. 158, 207, 221.

Глава VIII

[1] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— С. 60—64; 180—181; *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. об-ва.— 1903.— Т. 3.— С. 137—141; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Тр. музея палеогр.— 1930.— Т. 2.— С. 19—20.

[2] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 24.

[3] *ПГИМ.*— Инв. № 2222, 2226, 2229; *Археология* Украинской ССР.— Т. 3.— С. 286; *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Вказ. праця.— С. 70; *Кучера М. П.* До питання про давньоруське місто Устя на р. Трубіж.— С. 244—249.

[4] *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. // СА.— 1960.— № 2.— С. 63—88; *Петегирич В. М.* Археологічні джерела про писемність на Південно-Західних землях Київської Русі // Київська Русь: культура, традиції.— К., 1982.— С. 39—45.

[5] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 246.

[6] *ПР* — Т. 2.— С. 402.— Ст. 2.

[7] *Никольский Н. М.* История русской церкви.— М., 1983.— С. 21.

[8] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 102—103.

[9] *Будовниц И. У.* «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // ТОДРЛ.— М.; Л., 1954.— Т. 10.— С. 67—75; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы.— М., 1982.— С. 73; *Алексеев М. П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ.— М.; Л., 1935.— Т. 2.— С. 39—80; *Лихачев Д.* Классические произведении Древней Руси.— М., 1975.— С. 111—131.

[11] *Лихачев Д. С.* Литература // История культуры Древней Руси.— М.; Л., 1951.— С. 192; *Кусков В. В.* Указ. соч.— С. 71.

[12] *Копреева Т. Н.* К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // ТОДРЛ.— Л., 1972.— Т. 27.— С. 94—108.

[13] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 241.

[14] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 155—165; *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 240—256.

[15] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 246.

[16] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 158.

[17] *Там же.*

[18] *Там же.*— С. 158—163.

[19] *Там же.*— С. 162.

[20] *Там же.*— С. 164.

[21] *Там же.*— С. 165.

[22] *Кусков В. В.* История древнерусской литературы.— С. 75.

[23] *Лихачев Д. С.* Литература.— С. 187.

[24] *Воронин Н. Н.* О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // ИАК.— М., 1962.— С. 265—271; *Матьесен Р.* Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ.— 1971.— С. 192—201.

[25] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 109, 137 и др.

[26] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.— М.; Л., 1938.— С. 16—18, 21; *Его же.* Повесть временных лет // ЛЗАК.— 1916.— Вып. 29.— С. 5—13; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв.— Л., 1940.— С. 64—72.

[27] *Насонов А. Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII в.) // ПИ.— 1959.— Вып. 8.— С. 478—481; *Его же.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования.— М., 1969.— С. 82, 97—99; *Приселков М. Д.* История...— С. 72, 81.

[28] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси.— Л., 1967.— С. 69—73.

[29] *ПСРЛ.*— 2-е изд.— Л., 1926.— Т. 1., вып. 1.— Стб. 292, 296, 301—302, 303—305, 310, 6628, 6634, 6640, 6641, 6646, 6650.

[30] *ПСРЛ.*— Т. 2.— 2-е изд.— Спб., 1908.— Стб. 286, 288, 289—290, 294—295, 296, 297—299 (6631, 6632, 6634, 6641, 6642, 6644). Сравн.: *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 293, 295, 301, 302 (6631, 6633, 6640, 6642); *Насонов А. П.* История...— С. 83—92.

[31] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 84—85; Срави.: *Stryjkowski.* T. 1.— S. 127—128.

[32] *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования.— Спб., 1881.— Т. 13.— С. 163—164.

[33] *Худяков И.* Народные исторические сказки // ЖМНП, 1864.— Кн. 3.— С. 57—58.

[34] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— С. 65; *Книга Степенная.*— Ч. 1.— С. 155—156, 168—169.

[35] *Маркевич Н. А.* О летописях. Из лекций по русской историографии.— Одесса, 1883.— Вып. 1.— С. 135—153.

[36] *Стороженко А.* Какой юбилей имеет право праздновать г. Переяславль Полтавской губернии? // Киев. старина.— К., 1884.— Т. 5.— Апр.— С. 68—73.

[37] *Лихачев Д. С.* Комментарии // ПВЛ.— Ч. 2.— С. 347.

[38] *Брайчевський М.* Літопис Аскольда. Реконструкція тексту // Київ, 1988.— № 2.— С. 156.

[39] *ПСРЛ.*— Спб., 1862.— Т. 9—10.— С. 177—178.

[40] *Там же.*— С. 178.

[41] *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ.— М., Л., 1957.— Т. 13.— С. 11—56.

[42] ПВЛ.— Ч. 1.— С. 57. В литературе встречается мнение, что они оба или по крайней мере Глеб являются сыновьями принцессы Аниы. По версии автора «Сказания», святые братья были сыновьями Владимира и болгарыии. (*Сказание* о св. мучениках Борисе и Глебе // Памятники древне-русской литературы.— Петроград, 1916.— Вып. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приг. к печати Д. И. Абрамович.— С. 28.)

В этой связи важно уточнение, сделанное Л. Мюллером. Изучив географию земельных держаний сыновей Владимира, он высказал предположение, что матерью Бориса и Глеба наиболее вероятно была волжская болгарыня. Гипотеза исследователя, по нашему мнению, вполне допустима (*Müller L.* Neuere Forschungen über das Leben und die Kultische Verehrung der heiligen Boris und Gleb // Opera Slavica.— Göttingen, 1963.— T. 4.— S. 295—317).

[43] *ПВЛ.*— Ч. I.— С. 94—95. Святополк (Петр) Окаянный — сын Владимира и дочери польского короля Болеслава Храброго (*Родовід* руських князів за літописом руським // Літопис руський.— К., 1989.— Вклейка.)

[44] *Сказание...*— С. 37, 40 и др.

[45] *Поппэ А. В.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis.— München, 1973.— T. 1.— S. 6—29.

[46] *Сказание...*— С. 55; *Чтение* о св. мучениках Борисе и Глебе // Памятники древне-русской литературы.— Петроград, 1916.— Вып. 2.— С. 21.

[47] *ПВЛ.*— Ч. II.— С. 121. На позднее происхождение статьи 1072 г. указывают такие выражения летописца: «преложиша я [Бориса и Глеба.— *Н. К.*] в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, *яже стоить и нынѣ*»; «и *бѣ тогда* держа Вышегородъ Чюдинъ...».

[48—49] *Чтение...*— С. 21—26; *Сказание...*— С. 60.

[50] *Сказание...*— С. 64.

[51] *Успенский* сборник XII—XIII вв. (Изд. подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон) / Под ред. С. И. Коткова.— М., 1971.— С. 42—71.

[52] *Там же.*— С. 42—58.

[53] *Там же.*— С. 58—71.

[54] Там же.— С. 58.

[55] *Бугославский С.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС ИАН.— Спб., 1914.— Т. 19, кн. 1.— С. 133—135 и др.; *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятники XI—XVIII ст. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка й тексти).— К., 1928.— С. 3—10; *Шахматов А. А.* Разыскания...— С. 29—97; *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и его источник: (Опыт анализа).— М., 1957.— С. 183—209; *Poppe A. B.* Opowieść o męczeństwe i cudach Borysa i Gleba. Okoliczności i czas powstania utworu // Slavia Orientalis.— 1969.— Rocz. 18, N 3.— S. 267—292; N 4.— S. 359—382; *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание...— С. 50—54.

[56] *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание...— С. 50.

[57] *Там же.*— С. 50—52.

[58] *Богуславский С. А.* К вопросу...— С. 133—135; *Ильин Н. Н.* Летописная статья.— С. 209; *Müller L.* Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb // Zeitschrift für slavische Philologie, 1954.— Bd. 23.— S. 60—77; 1956.— Bd. 25.— S. 329—363; 1959.— Bd. 27.— S. 274—322; 1962. Bd. 30.— S. 14—44; *Müller L.* Neuere Forschungen über das Leben und die Kultische Verehrung der heiligen Boris und Gleb // Opera Slavica.— Göttingen, 1963.— T. 4.— S. 295—317.

[59] *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание...— С. 11—56.

[60] *Сказание...*— С. 58—59.

[61] *Шахматов А. А.* Разыскания...— С. 29—97.

[62] *Успенский* сборник XII—XIII вв.— С. 58—71.

[63] *Там же.*— С. 64, 70.

[64] *Творогов О. В.* Лазарь // Словарь книжников и книжности Древней Руси.— Л., 1987.— Вып. 1.— С. 229.

[65] *Воронин Н. Н.* «Анонимное» сказание...— С. 11—50.

[66] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 202.

[67] *Ильин Н. Н.* Летописная статья...— С. 209 и др.; *Дмитриев Л. А.* Сказание о Борисе и Глебе.— С. 404.

[68] *Дмитриев Л. А.* Указ. соч.— С. 404—405.

[69] *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития.— М., 1915.— С. 27—47; 81—107; *Богуславский С.* Литературная традиция в северовосточной русской агиографии // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского.— Л., 1928.— С. 332—336.

[70] *Дмитриев Л. А.* Указ. соч.— С. 405—406; *Жития* святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.— С. 91—176

[71] *Дмитриев Л. А.* Указ. соч.— С. 406.

[72] *Памятники* древнерусского канонического права.— Пг., 1915.— Ч. 2.— вып. 1.— С. 73—101.

[73] *Поппэ А. В.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. // ВВ.— Т. 29.— С. 99.

[74] PL.— T. 143.— P. 1003.

[75] *Чельцов М.* Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XII вв.— С. 63.

[76] *Леонид.* Посмертные чудеса святителя Николая...— Спб., 1888. В частности, Ефрему приписывается составление двух похвальных слов св. Николаю, особого сказания о чудесах и службы тому же святому, перевод «иного жития» и чудес его. (*Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI в.).— Спб., 1906.— С. 302—395).

[77] *Патерик.*— С. 24—28.

[78] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 107.

[79] *Сводная* летопись.— Спб., 1876.— С. 104; *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— С. 69.

[80] *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА, 1967.— № 1.— С. 199.

[81] *ПВЛ.*— Ч. 1.— С. 137.

[82] *ПСРЛ.*— Т. 9—10.— С. 116.

[83] *Там же.*— Т. 7.— С. 129.

[84] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 248; *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы.— С. 146.

[85] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 248.

[86] *Каргер М. К.* Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952—1953 рр.— С. 3—29; *Его же.* Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком.— С. 271—296; *Асєєв Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О.* Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяслав-Хмельницькому дитинці.— С. 57—61; *Асеев Ю. С., Сикорский М. И.*

Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком.— С. 199—214; *Асєєв Ю. С.* Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава.— С. 45—58; *Сікорський М. І.* Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому.— С. 146—150; *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И.* Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком.— С. 122—137; Історія українського мистецтва.— Т. 1.— С. 180—185; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 32—38. К сожалению, интерпретация специалистами остатков отдельных архитектурных памятников, как будет показано выше, не всегда однозначна, что затрудняет идентификацию открытых археологами описанных летописцем сооружений.

[87] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 288.

[88] *Там же.*— Т. 1.— Стб. 454.

[89] *Там же.*— Т. 2.— Стб. 781—782.

[90] *Максимович М.* Собрание сочинений.— Т. 1.— С. 710; *Стороженко А. В.* Очерки переяславской старины.— С. 55—56.

[91] *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком.— С. 278—282; *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И.* Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком.— С. 122—127; *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславе // Зограф.— Белград, 1979.— Т. 10.— С. 30—39; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 32—33.

[92] *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком.— С. 280.

[93] *Асєєв Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О.* Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяслав-Хмельницькому дитинці.— С. 57—60; *Асеев Ю. С.* Золоті ворота Києва та Єпископські ворота Переяслава.— С. 54—58; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 33.

[94] *АЛОИА.*— Фонд М. К. Каргера. Переяславль; *Фотоархив* 02203.— №№ 85—86; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 34.

[95] *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком.— С. 199—214.

[96] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 35.

[97] *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Указ. соч.— С. 211—212.

[98] *Янин В. А.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв.— С. 44—47; *Его же.* Из истории печати Древней Руси X—XV вв.— С. 44—47.

[99] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси.— С. 430—431.

[100] *ПСРЛ.*— Т 2.— Стб.— 248.

[101] *Там же.*— Стб. 269, 290.

[102] *Кирпичников А. Н* Указ. соч.— С. 431.

[103] *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг.— С. 7—8; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 35.— № 48.

[104] *Сікорський М. І.* Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому.— С. 146—150; *Археология* Украинской ССР.— Т. 3.— С. 285.

[105] *Лашкарев П.* Церковно-археологические очерки.— Киев, 1898.— С. 221—229.

[106] *Каргер М. К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Тр. Всерос. Акад. художеств.— Л.; М., 1947.— Т. 1.— С. 31—32; *Каргер М. К.* Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований // СА, 1951.— Т. 15.— С. 49—50; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура XI—XIII вв.— С. 35.— № 49.

[107] *Асеев Ю. С., Брайчевский М. Ю.* Археологические исследования в Переяславе-Хмельницком в 1958 году // КСИА, 1960.— Вып. 81.— С. 112—116.

[108] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 35—36.— № 50.

[109] *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком.— С. 11—19; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура XI—XIII вв.— С. 36—37.— № 51.

[110] *Константинович М.* Развалины Юрьевой божницы в с. Старогородка // Киев. старина.— 1896.— № 10.— С. 129—139; *Макаренко Н. Е.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества // Сб. ст. в честь П. С. Уваровой.— М., 1916.— С. 373—404; *Історія* українського мистецтва: В 6 т.— К., 1966.— Т. 1.— С. 306—310; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 38.— № 38.

[111] *ПСРЛ.*— Т. 2.— Стб. 456.

[112] *Константинович М.* Развалины Юрьевой божницы в с. Старогородка.— С. 138.

[113] *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком.— С. 22—30; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— С. 37—38.— № 52.

[114] *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества...— С. 295—296.

[115] *Константинович М.* Развалины Юрьевой божницы в с. Старогородка.— С. 135—139.

[116] *Биляшевский Н. Ф.* Малоизвестные художественные уголки Малороссии // Киев. старина, 1894.— № 2.— С. 338—340.

[117] *Константинович М.* Указ. соч.— С. 129—139.

[118] *Макаренко Н.* Развалины в Старогородке // Старые годы, 1907 — № 2.— С. 58—60.

[119] *Макаренко Н. Е.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества.— С. 373—404.

[120] *Зуммер В. М.* Юрьева божница // НА ИА АН Украины.— Фонд ВУАК.— № 518.— С. 6.

[121] *Зуммер В. М.* Юр'єва божниця // Зап. істор.-філ. відділу ВУАН.— К., 1927.— Кн. 15.— С. 31—43.

[122] *Мамолат Е. С.* Монументальний живопис // Історія українського мистецтва.— К., 1966.— Т. 1.— С. 308—310.

[123] *Макаренко М.* Старогородська божниця та її малювання.— С. 206—219.

[124] *Мамолат Е. С.* Указ. соч.— С. 308—310.

[125] *Макаренко Н. Е.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества.— С. 386—389.

[126] *Там же.*— С. 403.

[127] *ПСРЛ.*— Т. 1.— Стб. 454.

[126] *Фехнер М. В.* Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь.— М., 1976.— С. 222—225.

[129] *Там же.*— С. 124.

[130] *Исторические* песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова.— Киев, 1874.— Т. 1.— С. X—XI, 1—70; *Миллер В. Ф.* Великорусские былины и малорусские думы // Труды III АС.— Киев, 1878.— Ч. 2.— С. 299—300; *Плисецкий М. М.* Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса.— М., 1963.— С. 9—15.

[131] *Добрыня* Никитыч и Алеша Попович.— М., 1974.— С. 179—228.

[132] *Рыбаков Б. А.* Исторический взгляд на русские былины // ИСССР.— 1961.— № 6.— С. 91.

[133] Там же.— С. 91—96.

[134] *Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г.* Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче // Добрыня Никитыч и Алеша Попович.— М., 1974.— С. 343—360.

[135] ПСРЛ.— Т. 5.— С. 206; Т. 4, Ч. 1.— С. 203.

[136] *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ.— М.; Л., 1949.— Т. 4.— С. 26.

[137] *Рыбаков Б. А.* Исторический взгляд на русские былины // ИСССР.— 1961.— № 6.— С. 80—96.

[138] *Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г.* Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.— С. 343—351.

Заключение

[1] *Ефименко А. Я. История* украинского народа.— Спб., 1906.— Вып. 1.— С. 90.

[2] *Насонов А. И.* Монголы и Русь.— М.; Л., 1940; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение.— М.; Л., 1950; *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв.— Киев, 1982.— С. 106—109; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.— Киев, 1987.— 184 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
АЕ — Археографический ежегодник
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АН СССР — Академия наук СССР
АН України — Академія наук України
АН УССР — Академия наук Украинской ССР
АО — Археологические открытия
АПУ — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
АЮЗР — Архив Юго-Западной России

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВКУ — Вісник Київського університету
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ВУАН — Всеукраїнська Академія наук
ВХУ — Вісник Харківського університету
ВЯ — Вопросы языкознания

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека
ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДПСП — Древнерусские поселения Среднего Поднепровья

ЕСЛГНПР — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі
ЕСУМ — Етимологічний словник української мови

ЖМВД — Журнал Министерства Внутренних Дел
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения

Зап. ВУАК — Записки Всеукраїнського археологічного комітету
Зап. іст.-філол. відділу ВУАН — Записки історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук
Зап. НТШ — Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка

ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИА АН Украины — Институт археологии АН Украины
ИГАИМК — Известия ГАИМК
Изв. ОЛЕАиЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
ИОРЯС ИАИ — Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
ИСОХЕ — Историко-статистическое описание Харьковской епархии
ІМС УРСР — Історія міст і сіл Української РСР
ИСОЧЕ — Историко-статистическое описание Черниговской епархии
ИСССР — История СССР
К. — Київ
КБЧ — Книга Большому Чертежу
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КШ — Карта Шуберта
КО — Карта Оппермана
КС — Киевская старина
Л. — Ленинград
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

Лохв. ист. сб. — Лохвицкий исторический сборник
М. — Москва
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН Украины — Научный архив Института археологии АН Украины
НА ЛО АН СССР — Научный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
НА ПГИМ — Научный архив Переяславского государственного исторического музея
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПРП — Памятники русского права
ПИ — Проблемы источниковедения
ПВЛ — Повесть временных лет
Полтав. епарх. изв. — Полтавские епархиальные известия
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией
ПР — Правда Русская
ПРП — Правда Русская Пространная
ПУОК — Питання Української ономастичної комісії
РИБ — Русская историческая библиотека
РИС — Русский исторический сборник
РЕІУ — Радянська енциклопедія історії України
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сб. — Сборник
СГУ — Словник гідронімів України
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СОРЯС — Сообщения Отдела русского языка и словесности
СС — Советское славяноведение
СУМ — Словник української мови
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
Тр. АС — Труды Археологических съездов
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. КГСК — Труды Курского губернского статистического комитета
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
ТСРЯ — Толковый словарь русского языка
УІЖ — Український історичний журнал
УИ — Университетские известия
ФА ЛО ИА АН СССР — Фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
ХДУ — Харківський державний університет
ХрАМ — Хроніка археології та мистецтва
ЦГАДА СССР — Центральный Государственный Архив древних актов СССР
ЦГИА УССР — Центральный Государственный Исторический Архив Украины в г. Киеве
ЦНБ — Центральна наукова бібліотека ім. В. І. Вернадського АН України
ч — Часть
ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
MGH SS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores
MPH — Monumenta Poloniae Historica
S. K. — Seminarium Kondakovianum
Sl. SS — Słownik starożytności słowiańskich

англ. — английский
араб. — арабский
блр. — белорусский
болг. — болгарский
Бурят-моиг. — бурят-монгольский
в. луж. — верхнелужицкий
визант. — византийский
герм. — германский
др.гр. — древнегреческий
др.инд.европ. — древнеиндоевропейский
др.прус. — древнепрусский
др.рус. — древнерусский
итал. — итальянский
калм. — калмыцкий
киргиз. — киргизский
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
монг. — моигольский
осет. — осетинский
половецк. — половецкий
польск. — польский
санскр. — санскритский
с.-х. — сербо-хорватский
серб. — сербский
ст.сл. — старославянский
тур. — турецкий
тюрк. — тюркский
узбек. — узбекский
укр. — украинский
фин. — финский
фр. — французский
чагат. — чагатайский
эст. — эстонский

ап.	— апостол	пам.	— память
б.	— берег	П. губ.	— Полтавская губерния
бас.	— бассейн	П. о.	— Полтавская область
в.	— век	пгт	— поселок городского типа
в. кн.	— великий князь	пр.	— приток
вдхр.	— водохранилище	р.	— река
г.	— год	род.	— родился
г.	— город	руч.	— ручей
г-ще	— городище	р-н	— район
губ.	— губерния	с.	— село
д.	— деревня	св.	— святой
дирх.	— дирхем	серебр.	— серебряная
ед. н.	— единичная находка	С. о.	— Сумская область
зол.	— золотой	с-ще	— селище
имп.	— император	ум.	— умер
К. о.	— Киевская область	уст.	— устье
куф.	— куфический	Х. о.	— Харьковская область
л.	— левый	х.	— хиджра
обл.	— область	хут.	— хутор
обл.	— обломок	Ч. о.	— Черниговская область
п.	— правый	Чрк. о.	— Черкасская область

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ГЛАВА I
Историография и источники 6

ГЛАВА II
Об этнотерриториальной подоснове Переяславской земли 20

ГЛАВА III
Переяславское княжество: становление, политическое развитие и административно-территориальное устройство

Формирование территории и границ 41
Политическая история 60
Временные держания переяславских князей 68
Остерская волость 71
Курское Посеймье 74
Выревская волость 74
Переяславская Украина 75
Ростово-Суздальская волость 78
Смоленская волость 80
Волынская волость 81
Туровская волость 81
Муромская волость 82
Новгородская волость 83
Поросье 84

ГЛАВА IV
Социально-политическое устройство

Организация власти и общественные отношения 87
Совет. Вече 95
Церковь в социально-политической системе княжества 98

ГЛАВА V
Борьба против половецкой агрессии 107

Формирование оборонительной системы княжества 109
Войны с половцами 123

ГЛАВА VI
Природа. Население. Города 132

Природно-географические условия края 132
Численность, состав и размещение населения 136
Главнейшие города Переяславской земли 142
Древний Переяслав 144
Периферийные центры Переяславской земли 148

ГЛАВА VII
Хозяйственное и экономическое развитие 151

Сельское хозяйство. Промыслы . . . 151
Развитие ремесел 156
Экономические связи: пути сообщения, денежное обращение, торговля . . . 169

ГЛАВА VIII
Культура 193

Просвещение 194
Литература 197
Архитектура 209
Живопись 225
Прикладное искусство 232
Эпос 233

Заключение 234

Приложение 238

Список литературы к приложению . . 275

Примечания 282

Список сокращений 309